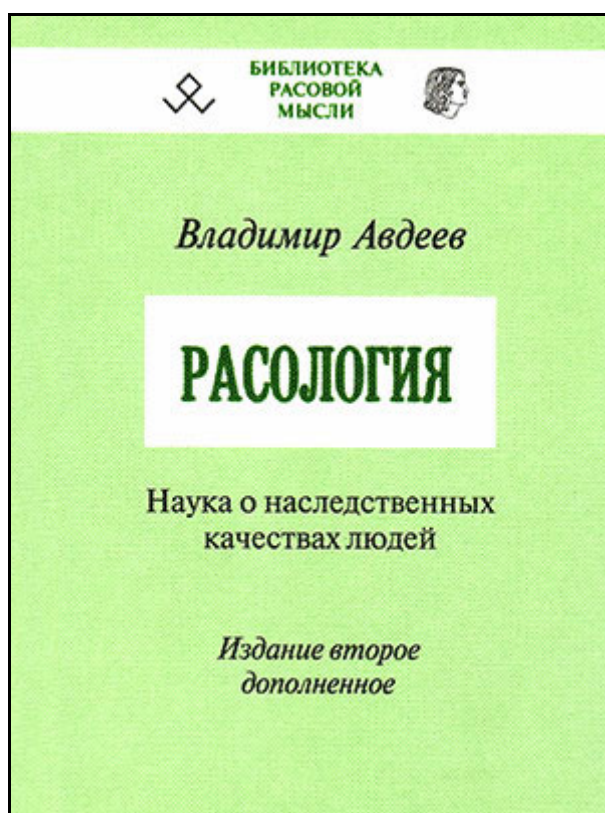

Владимир Авдеев

РАСОЛОГИЯ

ББК 87.7

A18

В серии вышли книги: «Расовый смысл русской идеи. Вып. 1»; Людвиг Вольтман. «Политическая антропология»; В. Авдеев. «Метафизическая антропология»; Ганс Ф.К. Гюнтер. «Избранные работы по расологии»; «Расовый смысл русской идеи. Вып. 2», Карл Штрац «Расовая женская красота», Эрнст Крик «Преодоление идеализма»; «Философия вождизма»; А.Н. Савельев «Образ врага»; А.М. Иванов «Рассветы и сумерки арийских богов».

Редколлегия серии «БИБЛИОТЕКА РАСОВОЙ МЫСЛИ»

В.Б. Авдеев, *председатель*

А.М. Иванов, А.Н. Савельев, С.Н. Удалова, *члены редколлегии*

Владимир Авдеев

Расология. Наука о наследственных качествах людей. Изд. 2-е дополненное. Серия «Библиотека расовой мысли». — М.: Белые альвы, 2007. — 672 с., илл.

ISBN 978-5-91464-001-6

ISBN 978-5-91464-002-3

Второе на русском языке фундаментальное изложение основ классической расовой теории с ее новым авторским объяснением.

Сам термин «расология» впервые предложен к употреблению В.Б. Авдеевым, ибо в русском языке его не существовало. Расологию ни в коем случае нельзя отождествлять с обыкновенной антропологией. Если антропология изучает количественные различия

параметров тела представителей человеческих рас, то расология стремится оценить их качественно, интерпретируя наследственные различия в контексте исторического процесса.

Изучение влияния расы на человеческую культуру и историю формально находилось под запретом во времена коммунистической диктатуры, основанной на классовом, социальном подходе и как огня боявшейся любых форм биологического детерминизма в философии. Однако распад Советского Союза с последующим ростом этнорасового сепаратизма и бандитизма на всем постсоветском пространстве показал всю нищету и убожество методов социологии, культурологии и политологии, не способных объяснить происхождение данных процессов и дать соответствующие рекомендации по их профилактике и предупреждению. Распад США в результате кровопролитной гражданской войны уже не за горами.

И только такая наука, как расология, способна дать ответ на два вечных проклятых русских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?».

Книга изобилует огромным количеством антропо-логических фактов, не известных в академической науке современной эпохи, умалчиваемых из соображений мнимой политической корректности. Приводятся также десятки высказываний классиков науки о природе человеческих рас, считающихся «не удобными» в наше время. Сочинение В.Б. Авдеева написано живым русским языком в доступной форме и в яркой, экстравагантной, афористической манере, что делает ее доступной для множества читателей, не имеющих специального антропологического и психологического образования.

ISBN 978-5-91464-001-6 © Авдеев В.Б., текст, иллюстрации, 2007.

ISBN 978-5-91464-002-3 © «Белые альвы», 2007.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

РАСОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧИЯХ

БЕЛОКУРАЯ РАСА:

ИСТОРИОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

1. Возникновение науки о белом человеке
2. Русская классическая школа антропологии
3. Создание расовой теории
4. Антропосоциология
5. Немецкая расология
6. Оформление нордической идеи
7. Советская и постсоветская наука на службе у расовой теории
8. «Горнило творения»

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА НОРДИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

РАССУЖДЕНИЯ О РАСОВЫХ ПРЕДРАССУДКАХ

1. Естественная природа расовых предрассудков
2. Антропоэстетика

3. Основы расовой морали
4. Краниологические признаки эволюционной ценности рас
5. Физические критерии умственного превосходства
6. Социальная проекция срастания швов черепа
7. Расовые различия в строении таза
8. Расовые различия в строении мозга
9. Основы биологической иерархии культур
10. Расовая одонтология
11. Пигментация кожи и «монгольское» пятно
12. Волосы как расовый признак
13. Расовая соматология
14. Атавистические (обезьяньи) признаки в морфологии рас
15. Глаза как расовый признак
16. Расовые запахи и пристрастия людоедов
17. Главные различия в строении внутренних и половых органов
18. Главные различия в физиологии рас
19. Мода на уродование у различных рас
20. Расовые предрассудки как основная движущая сила эволюции

НОВАЯ ПАРАДИГМА В РАСОЛОГИИ

АНТИРАСОВЫЙ МИФ О «ПЛАВИЛЬНОМ КОТЛЕ»

1. «Чернокожая лысенковщина»
2. Эволюционная устойчивость расовых признаков
3. Наследственный полиморфизм
4. Проблема расы в современной русской науке
5. Раса как высшая ценность
6. Расы против вида
7. Полигенизм
8. Проблема «границы» между человеком и животным
9. Единое человечество как фикция

РАСОВО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ НЕВРОЛОГИЯ .....

1. Мозг как седалище души
2. Причины неравенства идей
3. Новая концепция интеллекта
4. Культура как биологическое оружие
5. Фикционализм
6. Диагноз: наследственная агрессивность
7. Биохимия идеологии
8. Психопатология монотеизма
9. «Правые» и «левые» расы
10. Профилактика дегенерации и противостояние распаду

РАСОВАЯ ТЕОРИЯ ВРЕМЕНИ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Где приобрести оборудование для расовых измерений

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Современность гордится как своими «социальными технологиями», так и впечатляющими достижениями естественнонаучного характера. Древность не знала деления на мир человека и мир природы, знание было единым. Специализация современной науки привела к возведению барьеров между социальными, гуманитарными науками и науками о природе. Еще Фихте писал, что политика открещается от философии и стремится быть только историей современности. Единый принцип и выявление общих закономерностей отодвигаются в сторону ради прецедентов недавнего прошлого и пресловутого «здорового смысла», столь часто ведущего государства и народы к краху. Точно так же многие естественные науки обходят стороной прямо или косвенно связи с науками об обществе. Те же, в свою очередь, отказываются признавать такую связь, пугаясь природной заданности многих политических и социальных процессов.

Книга Владимира Борисовича Авдеева – выдающаяся работа, в которой восстанавливается единство наук в одной из областей знания, именуемой расология. Наследственность, столь очевидно присутствующая в родовых сообществах людей, ясно обозначает себя и в том, что касается отношений между народами и государствами. Знание этих различий и представления о способах их сосуществования в различных политических ситуациях – насущное требование времени, когда глобализация грозит стремительной утратой идентичности, соотносительности человека со своим племенем и традиционной исторической и культурной средой.

Как пишет автор, расовые различия интересны не сами по себе, а лишь в контексте их культурной, социальной и политической интерпретации. Действительно, раса является объектом изучения биологических наук. Но бесспорно и присутствие расовых проблем в обществе – человек, как бы ни отрекался он от своих природных задатков и пороков, никогда не сможет избавиться от них. Проявление гордыни в этом вопросе ведет к ошибкам. Не ведая различий между народами, мы не сможем оградить себя от конфликтов, не сможем понять, что возможно в деле нашего сотрудничества, а что опасно или запрещено законами природы.

Раса во многом предопределяет стиль жизни, характер, психику человека, ставя определенные границы его воле и рассудку. Поэтому между социальным и биологическим в человеке нет никакой границы. Одно детерминировано другим. Генетические исследования показывают, что любое территориальное разделение групп людей, прекращение генотипических обменов между ними приводит к нарастанию биологических различий между этими группами. То же можно сказать и о социальной структуре общества, в которой естественные границы между группами ведут к генотипическим различиям и наследованию различных биологических характеристик. Мы еще очень мало знаем об этих процессах и порой стремимся не замечать идущего на наших глазах расообразования, разыскивая причины политических и социальных катаклизмов в умозрительных построениях праздного сознания современной либеральной политологии, превратившейся в безделушку на складе ненужных вещей цивилизации.

Политологи, охраняя источники своего частного существования, стремятся отрицать реальность расы, этноса, нации, подменяя научную методологию досужими доводами о всемирности и императивах мирного сосуществования народов. Реальность же говорит о том, что смешение рас и этносов – крайне редкое явление и территориальные различия генотипов и антропотипов сохраняются с древнейших времен и фиксируются

соответствующими исследованиями. Конфликтность между ними может быть минимизирована только за счет знания законов наследования определенных качеств (включая агрессивность), а отказ от знания и жизненной правды ведет только к гибели. В то же время авторы такого рода исследований, которые могли бы вернуть политологию на «грешную землю» из заоблачных мечтаний, чураются очевидных следствий, затрагивающих социальные процессы. Этот психологический комплекс связан также с защитой профессионального цеха от вмешательства политики, способной к преследованиям, подобным гонениям советского периода на генетику и кибернетику или более изощренному подавлению творческой мысли. Понятность причин такого поведения не отменяет научной задачи соединения философского, политологического и биологического мышления. И это становится возможным на стыке наук, где сопрягаются естественнонаучное и гуманитарное знание. Расология как раз и является такого рода наукой, где совершается синтез знания.

Опасностью для расовой науки, имеющей столь большое значение для безопасности нации, для выживания в эпоху, грозящую гибелью мировых цивилизаций, является вульгаризация, столь распространенная в невежественных суждениях ксенофобских группировок, раздражающих общественное мнение. Столь же опасна и обратная позиция – ксенофилия, болезненная любовь к чужому и ненависть к своему, к собственной нации и ее культуре. Последнее не столь очевидно для общества, поскольку мы живем в условиях монополизации средств массовой информации лицами с ксенофильскими установками – в них также можно видеть определенную биологическую заданность, востребованную либертарными догматиками, пришедшими к власти в результате исторической случайности.

Наша культура и наш исторический опыт органически не приемлют расизма и нацизма, которые знала Европа и которые в еще более ужасной форме проявлялись в безвестных для общественного мнения Западе войнах XX века в Африке и Азии. Попытки навязать русским мнение, что и у них могут случиться пароксизмы расовой ненависти, является величайшей ложью нашего времени. Больше всего эта ложь вредит именно научным исследованиям, а столь нетипичный для нас дух расизма только травмирует, подогревая грядущие межэтнические конфликты и подспудное формирование этнических кланов, направленные против русского лидерства в русской стране.

В этом отношении книга В.Б. Авдеева является впечатляющим трудом по истории расовых исследований и расовых идей. Это апология науки как таковой, необходимая русским людям в условиях тотального разрушения научных школ и системы образования. Автор призывает уважать знание, кто бы ни был его носителем, какой бы политический режим ни благоволил ученым. Нам не нужна «денацификация» знания, которой подверглась в послевоенные годы не только Германия, но и весь Запад, добровольно отказавшийся от взвешенно-разумной позиции по отношению к расовым исследованиям.

Попытки русофобствующих «денацификаторов» сорвать возрождение русской расовой теории вынуждают автора к ряду резких суждений, в особенности по поводу советских ученых, подчинившихся задачам пропаганды и на многие годы затормозивших возвращение расовой науке естественного для нее признания в академической среде. Такого признания требуют задачи выживания коренных народов России, для которых метисация может стать губительной – в том числе и с точки зрения демографического потенциала и здоровья. Призыв автора преодолеть стереотипное мышление и пропагандистские оценки актуален как никогда: наследие прежних заблуждений, либеральные и коммунистические мифы тянут Россию в могилу.

Расология разрешает для нас многие нелепицы, из которых происходит угнетенное состояние национального духа, подрывающего жизнеспособность России. В частности, догма о смешанности русского народа говорит гражданам, что у них, мол, нет и не мо-

жет быть ничего своего – все только заимствованное. А потому, будто бы, нам стоит ждать только инородной милости, ожидать пророков из чуждых стран. Антропологические исследования (как отечественные, так и зарубежные) говорят о противоположном – о том, что русские являются типичными европейцами и весьма однородной группой по антропологическим и генетическим характеристикам. Увы, иные исследователи принимают мельчайшие остатки монголоидного населения за слабую примесь монголоидности в русском народе, растущую к востоку, а слабую примесь южных расовых типов – за примесь понтийской расы. Это следствие определенной мировоззренческой ориентации. Иная позиция, высказанная В.Б. Авдеевым, приводит на основе выявленных им данных к иной формуле: русские – расово чистая в своей основе, гомогенная, преимущественно нордическая ветвь европеоидной расы. Более того, мы можем констатировать, что Россия все еще сохраняет мощный ассимиляционный потенциал, уже практически утраченный Европой. И это достояние должно быть защищено от разрушения потоками мигрантов, заполняющих сегодня крупнейшие российские города. Помимо чисто биологических последствий (например, вымывания из генотипа мутации, ведущей к невосприимчивости к СПИДу), массовая миграция иных расовых типов на территорию центральной России подрывает устойчивость культурного стиля и бытовых правил, обеспечивающих социальную стабильность. Расово-демографические и культурологические исследования в этой области крайне необходимы сегодня, чтобы обеспечить адекватные шаги в деле защиты национальной безопасности России.

Автор вводит в научный оборот огромный массив данных и суждений, многие годы остававшихся под спудом равнодушия и трусливой осторожности этнологов и антропологов. Это своего рода вызов научным кругам и научному чиновничеству, ценящим более всего свое спокойствие и предпочитающим обходить вопиющие проблемы современности и замалчивать наиболее яркие идеи мыслителей прошлого.

Поистине энциклопедический подход, который требуется при профессиональном рассмотрении расовых проблем, в полной мере продемонстрирован в книге В.Б. Авдеева. Как настоящий ученый, истинный подвижник науки, автор зовет нас к тому, что многим кажется невозможным. Но, как известно философам, невозможное, когда это касается человека, всегда связано с проблемой нашей готовности отважиться на поступок. Лишь отважившись требовать невозможного, мы получим необходимое.

Цитируя французского философа, автор напоминает: будущее есть то, к чему мы идем, а не то, что идет к нам.

А.Н. Савельев

*доктор политических наук,
депутат Государственной Думы РФ,
действительный член Академии
проблем безопасности, обороны и правопорядка*

Ибо так гласит справедливость: «Люди не равны».

И они не должны быть равны.

Фридрих Ницше

Когда я впервые увидел книгу Владимира Борисовича Авдеева «Расология», то моя первая реакция на само название была иронической: ну вот, очередной паранаучный опус о мистике «крови» и «почвы». Инстинктивный, неотрефлексированный характер этой реакции указывает на значительную ценностную и культурную нагруженность термина «раса», вызывающего априори негативные коннотации. Проще говоря, *любые* рассуждения о расовой проблематике воспринимаются с позиции презумпции недо-

рия, ненаучности и даже реакционности. Причем эта негативная реакция выражена значительно сильнее среди профессиональных интеллектуалов-гуманитариев, к которым относится автор этих строк, чем среди широкой публики.

Однако мой первоначальный скепсис не только быстро улетучился по мере того, как я вчитался в книгу, но и сменился острым интересом. Этот интерес был тем сильнее, что материалы, обнаруженные в труде Авдеева, позволили мне окончательно сформулировать и частично верифицировать собственную гипотезу о социобиологической природе этнического. В свою очередь, эта гипотеза составила методологическое основание моей книги «Русская история: новое прочтение» (М., 2005), заслужившей репутацию экстравагантной.

Но работа Авдеева не только снабдила меня ценными сведениями, она также вызвала несогласие в ряде пунктов и заставила задуматься над некоторыми важными вопросами, ответа на которые я не получил. Желание поспорить и обсудить – признак хорошей книги. Книга, которая не вызывает несогласия, не порождает мыслей, не стоит ровным счетом ничего.

Так или иначе, желание это было настолько велико, что я изыскал возможность познакомиться с автором «Расологии», дабы в личной встрече обсудить интересующие сюжеты. Первое знакомство положило начало серии насыщенных бесед, которые выявили нашу близость по одним научным вопросам и серьезные, принципиальные расхождения по другим. Хотя каждый из собеседников остался при своем первоначальном мнении, кажется, в этом длинном диспуте исходные позиции все же несколько видоизменились и стали более изощренными и нюансированными. О несогласии с концепцией Авдеева скажу дальше, но сейчас отмечу два очень важных обстоятельства, которые в моих глазах важнее любых интеллектуальных расхождений.

Первое. В лице Владимира Борисовича Авдеева я обнаружил человека с умом последовательно рационалистическим и чуждым всякому мистицизму – как мистицизму «крови», так мистицизму религиозному или оккультному. В своих суждениях и гипотезах он стоит на почве твердо установленных фактов и руководствуется исключительно логикой. И даже возможная ошибочность авторских выводов не отменяет последовательно научного характера его работы.

Второе. Авдеев – подлинный энтузиаст, направивший весь свой незаурядный темперамент, интеллект и волю на исследовательское поприще. Я специально подчеркиваю это обстоятельство потому, что подобные целостность, самоотдача и самоотвержение во имя истины нынче в большом дефиците именно среди научной корпорации. Можно по-разному относиться к научным взглядам Авдеева, но нельзя не восхищаться энергией и настойчивостью человека, единолично, без научных помощников, финансовых вспомоществований и грантов наладившего выпуск серии «Библиотека расовой мысли». За каждым вышедшим в ней томом (а таковых наберется уже не меньше дюжины) стоит колоссальная работа по разысканию работ забытых классиков антропологической мысли, редактированию переводов, поиску иллюстративного материала, написанию предисловий. Еще раз подчеркну: все это сделано одним-единственным человеком, не получившим за свою работу ни копейки, ни цента. Как *психологический и культурный тип* Авдеев очень близок восхитительной плеяде естествоиспытателей XIX и начала XX веков, безраздельно посвятивших себя служению науке. (Вероятно, в каком-то смысле они послужили для него жизненным и научным образцом.)

Скептический читатель в этом месте не преминет отметить: энтузиазм – вещь хорошая, но как быть с научной подготовкой, с профессиональными знаниями? Ведь сейчас сплошь и рядом можно наблюдать, как энтузиазм и исследовательский пыл дилетантов оборачиваются интеллектуальным идиотизмом, паранаукой, мракобесием, а нередко интеллектуальным шулерством и откровенным очковитательством.

В научном профессионализме и знаниях Авдеева сомневаться не приходится – по рукой тому добрая дюжина положительных отзывов на его труд от биологов, медиков и генетиков. Сертификатом профессионального качества может служить и то обстоятельство, что в ряде медицинских вузов страны «Расология» включена в список факультативной литературы.

И если некоторые представители академической антропологии, кривя нос, называют Авдеева «дилетантом», то этим они скорее демонстрируют ревность и зависть к проделанной им работе, чем дают ей беспристрастную профессиональную оценку. Будучи отнюдь не понаслышке знаком с нравами, царящими среди профессиональных гуманитариев, могу без обиняков утверждать: зависть к чужим профессиональным достижениям – родовая черта этой корпорации. «Человеческое, слишком человеческое» чаще всего определяет поведение тех, кто, будучи призван служить истине, по возможности должен элиминировать это «человеческое».

Тем более что вряд ли можно назвать «дилетантом» человека, посвятившего изучению физической антропологии более 25 лет. А полученное Авдеевым образование инженера-системотехника в случае антропологии оказывается, как будет показано дальше, важным исходным преимуществом. Вообще формальная непричастность Авдеева к профессиональному антропологическому цеху составляет скорее достоинство, чем недостаток. *Homo novus* свободен от внутрикорпоративных ограничений, культурных предрассудков и гнетущего давления авторитетов, которыми пропитана любая отрасль научного знания. Человек со стороны способен посмотреть на привычный интеллектуальный ландшафт свежим, незашоренным взглядом, новая наблюдательная позиция открывает новую картину. Не говорю уже, что исследователь, избавленный от необходимости беспокоиться о получении диссертационной степени и карьере в науке, несравненно более свободен в своем интеллектуальном поиске.

Наконец, наука, особенно социогуманитарная, совсем не обязательно должна развиваться во внутридисциплинарных рамках. Самые интересные и прорывные идеи рождаются чаще всего там и тогда, где и когда эти границы – дисциплинарные и корпоративные – нарушаются.

«Расология» имеет два в равной степени важных аспекта – собственно научный и культурный. Начну с научного. Думаю, Авдеев *уже* вписал свое имя в историю отечественной антропологии созданием подлинного компендиума расовой мысли и расовых различий. Этот «дилетант» сделал то, что давно должна была сделать, но так и не сделала официальная отечественная наука.

Здесь надо пояснить, что современная физическая антропология в России похожа на большую коммунальную квартиру, жильцы которой общаются лишь вынужденно, предпочитая забыть о существовании друг друга. Специалисты в различных областях расовой антропологии занимаются почти исключительно своей тематикой, избегая вылазок на смежные научные территории и даже не покушаясь на сведение воедино полученных результатов. Вот, скажем, известный одонтолог А.А.Зубов, который всю свою жизнь занимается зубами и знает о расовых различиях в этой области, наверное, все. Или Г.Л.Хить – блестящий знаток дерматоглифики человека. Перечень подобных примеров можно без труда умножить. Но никто из этих прекрасных специалистов не занимается *человеком в целом*. А ведь человек это не просто зубы, череп, тело и т.д., или даже их совокупность. В контексте биологии человек, как и любое живое существо, представляет биологическую *систему*. Поэтому изучение отдельных частей или органов, сколь бы глубоким оно ни было, скорее уводит от понимания человека, чем ведет к нему. Получается точь-в-точь по Козьме Пруткову: «Специалист подобен флюсу – полнота его односторонняя».

Вот эту однобокость отечественной антропологии и попытался преодолеть Авдеев. Конечно, в зубах он разбирается хуже Зубова, а в дерматоглифике – хуже Хить. Но в

деле систематизации, классификации и обобщения колоссальной информации о расовых различиях между людьми – информации, взятой из работ узких специалистов – антропологов, генетиков, медиков и т.д., его вклад огромен и непревзойден. Авдеев впервые в России представил человека как биологическую систему (вот где пригодилось его образование инженера-системотехника!), рассмотренную сквозь специфическую призму расовых различий. Системный взгляд на человека - первое (но не единственное!) принципиальное достоинство труда Авдеева.

Вторым его достоинством, возможно, не всегда заметным неискушенному читателю, но хорошо понятным специалистам, может считаться обширный историографический очерк расовой теории. Впервые с такой полнотой и (не побоюсь этого слова) любовью реконструировано становление и развитие расоведения. В этом отношении Авдеев проделал работу сродни археологической: собрал, очистил от предвзятых и откровенно лживых суждений и сложил в целостную картину отдельные фрагменты истории науки. Это замечание относится не только к историографическому разделу «Расология», не менее важны изданные Авдеевым двухтомник «Русская расовая теория до 1917 года» и работы немецких расовых мыслителей.

Почему именно немцам уделено первостепенное внимание? Ответ прост. Немецкая наука находилась в авангарде исследования расовой проблематики и заложила фундаментальные основы знаний в этой области. Российская наука на протяжении XIX – начала XX вв. испытывала первостепенное влияние немецких «фабрик мысли».

Очень важно указать, что, хотя немецкое расоведение 20-30-х годов прошлого века не было свободно от влияния политико-идеологического и культурного контекстов (а где вообще можно обнаружить не зависящую от внешних влияний науку?), оно вовсе не служило целям паранучной легитимации нацизма. Многие немецкие ученые в этой области знания относились к нацизму отрицательно и находились под подозрением у режима. Так что кажущаяся естественной, исходя из историко-культурного контекста, ассоциация и даже отождествление немецкого научного расоведения с нацистским режимом скорее всего ошибочна или, как минимум, нуждается в дифференцированном подходе.

«Расология» Авдеева целиком и полностью находится в русле, проложенном классиками расовой мысли. В содержании своей работы он отнюдь не революционер и ниспровергатель основ, а консерватор, который очищает первоначальные смыслы, восстанавливает преемственность и указывает на не устаревший характер научной классики, остающейся живым источником мысли.

В этом месте не удержусь от того, чтобы поделиться личными впечатлениями. Во время оно мне довелось заниматься науковедением, причем на периферии круга моих интересов находились некоторые из персонажей, о которых пишет Авдеев и работы которых он опубликовал. Так вот, сравнив их подлинные тексты и биографии с тем знанием о них, которое было почерпнуто мною из официального советского компендиума, могу без обиняков заявить: знание советского извода в этой части было откровенно лживым и фальсифицированным.

Однако вовсе не историографические достижения и впечатляющая систематизация спровоцировали острую интеллектуальную и культурно-идеологическую реакцию на работу Авдеева. Ее третье важное достоинство состоит в том, что автор сделал далеко идущие выводы из научных сведений, оказавшихся в его распоряжении. Те выводы, к которым официальная наука вплотную подошла, но так и не решилась пересечь культурный Рубикон. Я имею в виду последовательное проведение Авдеевым полигенизма и критику моногенической теории. Говоря другими словами, Авдеев доказывает, что человечество не представляет собой единый биологический вид, что разные расы суть разные биологические виды. Или, в утрированном виде, разные расы произошли от разных обезьян.

Не будучи специалистом в этой области, я не решусь ни однозначно солидаризоваться с Авдеевым, ни столь же однозначно опровергать его. Но не премину отметить, что косвенно его точка зрения подтверждается теми концептуальными схемами, которые сейчас в ходу в официальной антропологии. «Сетевая» теория происхождения человека, отнесение точки дивергенции человеческих рас все дальше в глубь веков (1 млн. лет тому назад и еще раньше) создают впечатление, что антропологическая наука изо всех сил сопротивляется необходимости сделать давно назревший решительный вывод из Монблана накопленных ею сведений: человечество действительно не единый вид, его единство не более чем интеллектуальная фикция, взрощенный и тщательно оберегаемый культурный миф. Это как раз тот классический случай, когда культурная аксиоматика сдерживает науку в прокрустовом ложе, вынуждая ее идти на интеллектуальные ухищрения и сомнительные уловки.

Еще бы! Ведь признание полигенизма и, главное, его внедрение в систему знаний и культуру автоматически повлечет за собой кардинальный пересмотр взгляда на историю, настоящее и будущее. Это стало бы даже не столько научной, сколько культурной революцией, сравнимой по своим масштабам и последствиями со вступлением человечества в эпоху Модерна.

Будучи независимым от связанной множеством ограничений профессиональной корпорации, Авдеев свободен в своих шокирующих выводах. Но оборотной стороной этой свободы оказалась его открытость критике, причем критике, специально обращаю на это внимание, мотивированной не научной стороной дела, а вытекающей из области культуры и идеологии. Если различные расы представляют собой различные биологические виды, то естественно предположение об их *качественном* различии. Этот сам собой напрашивающийся вывод послужил отправной точкой претензий Авдеева на создании новой дисциплины – расологии. Но это же не могло не вызвать в его адрес обвинений в расизме.

Хотя, рассуждая логически, из качественных различий рас вовсе не следуют ни признание их формально-юридического неравенства, ни идея постоянного, навсегда закрепленного превосходства одной расы над другой. Более того, учащающиеся сетования правых западных интеллектуалов и политиков на кризис белой расы, на драматические угрозы, исходящие ей со стороны других расовых типов, - а это мнение, насколько я понимаю, разделяет и Авдеев, - указывают, что белая раса в современном мировом контексте более не обладает тем качественным превосходством, которое она имела в эпоху великих географических открытий, индустриальной революции и покорения незападного мира. Другими словами, те качества, которые в одних условиях были силой белого мира, в других обернулось его слабостью. То же самое можно сказать о небелом мире. Ну и где же здесь расизм?

С моей точки зрения, мировоззрение Авдеева правильно квалифицировать не как расистское, а как *«расовый образ мысли»*, то есть рассмотрение мира, его реалий сквозь призму онтологических расовых различий. Подобное мировоззрение было широко распространено среди европейской и российской образованной публики XIX – начала XX вв., Авдеев его реставрирует и тщательно культивирует.

Лично для меня чтение труда Авдеева в который раз подтвердило правоту максимы о недостатках как продолжении достоинств. Биологический детерминизм естественен, понятен и оправдан в контексте биологии, но выглядит чрезмерным, упрощающим и искажающим понимание при выходе за ее рамки. Автора этих строк немало критиковали за биологический детерминизм книги «Русская история: новое прочтение», но на фоне Авдеева я выгляжу поклонником рафинированных социологических теорий.

Для нас обоих (на свой счет я ручаюсь, насчет Авдеева – предполагаю) исходной методологической позицией послужил тезис о социобиологической (или биосоциальной) природе человека. Несмотря на тривиальный характер этого утверждения, оно, на

мой взгляд, неверно трактуется большинством ученых, которые, на словах признавая сущностно единую природу человека, в своем понимании полностью игнорируют биологическую сторону или же противопоставляют социальное биологическому, приходя тем самым к дуализму сущностей. Однако дуализма сущностей не бывает! Правильное понимание социобиологической природы человека должно исходить из признания его *единой, но двухполюсной* сущности. Проще говоря, не только биологические импульсы проецируются в сферу социальности и культуры и формируют их, но точно так же как же культура и социальность, отдаляясь в ходе развития человечества от своего изначального биологического основания, превращаются в самостоятельные исторические факторы и влияют на биологию. Человечество выстроило над биологией грандиозное здание культуры и социальности, любые биологические импульсы проходят через множество культурных опосредований и не столь уж часто проявляются напрямую, непосредственно.

Для Авдеева связь биологии и культуры однонаправлена (от биологии к культуре) и представляет жесткую детерминистскую зависимость. Проекция этого взгляда в историю создает довольно странную картину. Даже если предположить, что истоки различных религиозных и идеологических систем восходят, как постулирует Авдеев, к различным расовым типам, невозможно объяснить распространение и исторически длительное бытование этих систем среди других расовых типов, исходя лишь из биологии. Допущение о том, что их долговременное влияние в чуждых расовых средах есть результат масштабных подрывных операций и действий расовых «агентов влияния», слишком далеко уводит нас за рамки любой науки и вообще трезвого интеллектуализма.

Биологический детерминизм Авдеев сочетает с методологическим монизмом. В предложенной им интеллектуальной перспективе расовые различия оказываются не просто очень важным, но фактически *единственным* объяснительным принципом. А ведь в «Расологии» автор заявляет себя решительным противником религиозного и идеологического монизма и непонятно, почему он не экстраполирует свой плюрализм в область истории. Да и определение Авдеевым расологии как науки, изучающей «биологические факторы мировой истории... биологические предпосылки любой деятельности вообще» подразумевает, что в истории и человеческой деятельности присутствуют иные, не биологические, факторы и предпосылки.

Неудовлетворительность биологического монизма ярко проявляется при попытке его применения как объяснительного метапринципа хотя бы к истории двух последних веков. Самые масштабные конфликты, например I и II мировые войны, протекали в лоне одного расового типа – европеоидного. Что, и здесь подгадили расовые «агенты влияния»? Думаю, для понимания истории несравненно более плодотворна идея онтологичности и первостепенности этнических различий, последовательно проводимая мною в упоминавшейся книге «Русская история». Не расы, а *народы* составляют главные субъекты мировой истории, где расовые различия проявляются в снятом виде.

И хотя значимость расовых различий может резко возрасти в XXI в., который, по нашему общему с Авдеевым мнению, открывает эпоху масштабных расовых столкновений, этничность не только сохранит, но и усилит свое первостепенное значение. Многовековая история взаимоотношений России с Западом доказывает, что расовое единство европейских и русского народов (о чем так убедительно пишет Авдеев, показывая, что в узко антропологическом смысле мы большие европейцы, чем многие европейские народы), не значило ровным счетом ничего перед лицом культурно-исторических, политических и геополитических факторов. И нет серьезных оснований полагать, что ситуация способна радикально измениться. Даже перед лицом наступления иных рас европейцы не видят в русских собратьев по расе (несколько раз за последний год слышал, как близкие к Кремлю люди называли Россию «последним резер-

вуаром, последней надеждой белой расы)), мы остаемся для них «дикими азиатами» из субстанционально чужой и враждебной Западу страны.

Вероятно, доведенный до предела биологический детерминизм и методологический монизм книги Авдеева не интеллектуальный сбой, следствие естественной увлеченности определенной темой, а целенаправленная (не знаю, до какой степени осознанная) авторская стратегия. Его книга не только научный труд, но и важный культурный манифест. Ее шокирующее воздействие намеренно нагнеталось, дабы пробить бреши в культурных бастионах.

Смысл той *культурной* вести, которую несет Авдеев, следующий: человечество вступает в новую эпоху; созданный Просвещением и Модерном мир с ласкающими слух понятиями «демократии», «равенства», «прогресса», «прав человека» уходит в безвозвратное прошлое. А с ним уходят принадлежащие ему научные концепции и интеллектуальный багаж. На смену же идет мир, основывающийся на крови и почве, силе и иерархии, который требует нового объяснения, новых концепций.

Только в контексте этого драматического, поистине всемирно-исторического сдвига понятен читательский успех и широкий резонанс «Расологии» Авдеева и его публикаторской деятельности. Весной 2006 г. профессиональное издание книто­рговцев «Книжный бизнес» признало первое издание «Расологии» «абсолютным бестселлером в номинации “философия, политология, эзотерика”». А ведь в ней не размахивают картонным мечом «СССР, который мы потеряли», не раскрывают очередные «окультурные тайны III рейха», не предлагают футурологическую утопию о гибели Соединенных Штатов под тяжестью собственных преступлений. Речь идет о материях естественнонаучных, непростых для понимания и потому, казалось бы, заведомо скучных широкой публике. Легкость стиля не лишено­го литературного дарования автора и обширный иллюстративный материал лишь отчасти компенсируют сложную научную терминологию, казуистическую аргументацию и изощренную логику изложения.

И если «Расологию» уже прочитали десятки тысяч людей, а еще больше прочитает, то, значит, наше общество не только ментально и культурно подготовлено к восприятию изложенных в ней идей, оно нуждается именно в *таком* типе объяснения сегодняшней реальности. Той реальности, которая буквально вопиет о фундаментальном значении расовых и этнических различий. В этом смысле книга Авдеева не только манифест, но и одновременно культурный симптом, знак происходящей в России социокультурной и интеллектуальной революции. Ее глубинный смысл состоит в возвращении (кстати, слово «революция» и означает «возвращение») к известной с незапамятных времен истине: «Душа всякого тела есть кровь его» (Левит. Книга 17:14).

Валерий Дмитриевич Соловей,
доктор исторических наук, эксперт Горбачев-фонда

РАСОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧИЯХ

Каждое живое существо само собою знает, к какой породе оно принадлежит, ибо об этом ежемгновенно вещает его врожденный инстинкт. Именно этот простейший и неоспоримый естественнонаучный факт лежит в основе такой науки, как **расология**. Желание изучать породы живых существ чувствами и умственными способами той породы, к которой принадлежит сам исследователь, и является главной мотивацией к созданию данной науки. Можно сказать, что ее предпосылки коренятся в инстинктивной сути каждого организма. Оценивая по аналогии со своей плотью, духом, желаниями и страстями всех, окружающих, каждое живое существо творит свою иерархию ценно-

стей, принимая себя за эталон. Внутреннее биологическое начало, передаваемое поколениями предков, которые непрестанной борьбой за существование увековечили свой тип, и является вектором, созидающим вечный образ **расы**. Раса, или порода – это тот плацдарм с которого начинается свое вторжение в этот мир каждое живое существо, оглашающее его при появлении на свет криком новорожденного, будто кличем к атаке. «Я есть, и Вы, все прочие, теперь обязаны считаться с этим фактом», – возвещает оно миру, едва обретя свободу воли и судьбы.

Представление о своем месте в природе для каждого организма является приоритетной жизненной задачей. И именно на определение этого места в естественной иерархии бытия нацелены познавательные методы расологии. При рассмотрении рас она стремится прежде всего определить качество человеческого материала, ибо оно и определяет биологическую ценность и жизнеспособность каждого человека. Если в сферу компетенции физической антропологии входит изучение тех или иных количественных характеристик человеческого тела в его расовых вариациях, то в расологии на первый план выходит их качественная оценка. Различия в цефалическом указателе у представителей различных рас или концентрация тех или иных гормонов и белков не интересуют расологию сами по себе, но только в контексте социальной, культурной и политической интерпретации этих данных. Таким образом, установление закономерной связи между качеством человеческого материала и его историческими проявлениями является главной задачей расологии.

Именно этот узловый натурфилософский акцент и выдвигает ее в число самых почетных и привилегированных естественнонаучных дисциплин, ибо расология учит каждого индивида эффективной борьбе за обладание жизненно необходимыми ресурсами, исходя из знания его собственных унаследованных задатков и наследственных задатков биологических конкурентов. Стратегию борьбы за существование она обосновывает через максимальное использование расовых признаков своей группы в противостоянии с расовыми признаками биологических конкурентов за «место под солнцем». Есть «они» и есть «мы», так было и так будет всегда.

Расология в структуре естественных наук выполняет функцию иммунной системы по аналогии с функциями организма. Максимально успешное противостояние инородным напастям и инфекциям – вот прямая и единственная задача. Цель применения ее научных методов сводится к распознаванию и нейтрализации всех чужеродных влияний, проникающих в ареал своей расы, на каком бы уровне они ни проявлялись.

Человек, не обладающий расовым инстинктом, подобен собаке, не умеющей кусаться и лаять, коту, что не ловит мышей, или помидору не имеющему ни вкуса, ни запаха помидора. Человек, не обладающий выраженным расовым инстинктом находится как минимум на первой ступени дегенерации, так как расовый инстинкт составляет стержень эволюции. Человеческое общество в полной мере подчинено законам термодинамики, и любые формы расового всесмешения неизбежно ведут к энтропии. Природное неравенство – это причина любого культурного, социального и политического движения вообще. Иерархически выстроенные биологические формы бытия, вбирая в себя любой жизненный импульс неминуемо, сортируются по их качественной значимости. Смерть неизбежно уравнивает, в то время как жизнь всегда делит на высших и низших. По другому не бывает.

Слово «Rasa» происходит из санскрита – древнейшего языка ариев времен начала формирования общности, когда еще не было народов в их современном социальном понимании и когда еще не было множества национальных языков, ныне эту общность представляющих. Именно биологическое единство крови и ареала обитания являлось тогда связующей основой между людьми. Социальные, политические, культурные, религиозные различия возникли много позже и нарушили эту общность ариев.

Таким образом, возникновение слова «Rasa» относится к эпохе протоистории. В наиболее авторитетном на сегодняшний день оксфордском санскрито-английском словаре под редакцией сэра Моньера-Вильямса слово «Rasa» трактуется как «лучшая часть чего-либо, эссенция, сок из фруктов, сироп, микстура, эликсир» – словом, концентрированное вкусовое выражение. От корня образуется еще несколько десятков производных слов, несущих в себе тот же главный принципиальный смысл: «Rasa» – это основополагающая ценностная категория, причем не только в физической среде, но также и в области трансцендентальных идей и понятий. Rasa – это атом, неизменная единица вкусового и, шире оценочного мировосприятия вообще. Образно говоря, Rasa – это эталон, соизмеряющий бытие во всем множестве его проявлений: от цвета, запаха, вкуса и прикосновения вплоть до тончайших флюидов религиозного состояния и свободного от эмоций чистого разума.

«Rasa» – универсальный критерий, на основе которого затем складываются более сложные и конкретные оценочные категории. Таким образом, термин «Rasa» обозначает одно из основополагающих понятий древнейшего на земле языка, ибо восходит к самым началам языка как такового. Когда индоевропеец принялся сравнивать различные вещи, ему понадобилась некая базовая оценочная категория, желаемый эталон совершенства. По-видимому, так в глубинах его архетипа и запечатлелось впервые слово «Rasa».

Совершенно очевидно, что, рассуждая о качестве окружающего мира, человек начал использовать это слово применительно в первую очередь к своим собственным собратьям и оценивать с его помощью людей из соседних и дальних племен. Именно так этот термин и наполнился антропологическим смыслом.

Корифей советской антропологии В. П. Алексеев (1928-1992) в книге «География человеческих рас» (М., 1974) обосновывал данный ход мысли: «Любая наука начинается с неосознанного эмпирического наблюдения. Изображая себе подобных, верхнепалеолитический человек уже включил расовые черты в комплекс знаний о человеческом лице. Коренной перелом во взглядах на расовые различия между людьми, особенно именно расовых, а не случайных особенностей, падает, по-видимому, на эпоху возникновения древнейших государств. Само появление последних, интеграция огромных масс людей внутри государств и противопоставление их варварской периферии неизмеримо расширили представление людей об их соседях, а так как древнейшие государства все без исключения (Египет, Шумер, Аккад, Ассирия и Вавилония, древнейшие государства долины Инда) возникли в областях со смешанным расовым составом, то они вовлекли в сферу взаимных контактов представителей разных расовых типов. Наглядным примером тому служат египетские фрески, на которых изображены народы, приносящие дань фараону. Несмотря на всю их условность, своеобразие физического типа каждого народа – форма и цвет волос, цвет кожи, строение лица – зафиксировано совершенно отчетливо».

Совершенно в этом же ключе рассуждал и крупнейший советский палеопсихолог, профессор Борис Федорович Поршневу (1905-1972). В своей фундаментальной монографии «О начале человеческой истории» (М., 2006) он писал: «Многое в древнейшей истории человечества получит дополнительное освещение, если помнить, что люди развивались в противопоставлении себя живущим где-то на близкой или дальней периферии анти-людям – «нелюдям», «нежити». Это противоположение все более осознавалось. Оно было оборотной стороной самосознания расовых групп». Таким образом, именно **биологический детерминизм** лежат в основе формирования мировоззрения первых человеческих сообществ, когда люди оценивали других людей в рамках дихотомии «Они и мы», на основе реально существующих расовых признаков.

Мировоззрение – это квинтэссенция жизненного опыта, а также стратегия завоевания окружающего мира, определенной группой людей, имеющих общность происхож-

дения и общие жизненные интересы. Мировоззрение старается оценить, а раса может и должна быть оценена. Именно в самой структуре мифа, возникшего вместе с той или иной расой, заключено ядро мировоззрения с закодированной в нем системой ценностей и отражающего совокупность потребностей биологического развития данной расы. Тип мировоззрения и раса всегда взаимосвязаны.

Прочно укоренившееся в классической индийской культуре слово «раса» в Европе впервые появляется лишь с началом эпохи великих географических открытий, в XIV веке – в Италии и Испании, затем в конце XVI века – во Франции. В XVII веке оно появляется в Англии, а в XVIII в Германии. Но значение его с самого начала было еще не устойчивым и весьма расплывчатым.

В современном, сугубо биологическом смысле слово «Razza» впервые встречается на итальянском языке, у Федерико Гризоне в 1552 году, как термин коневодства, а на французском у Оливье де Серра в 1600 году появляется термин «La race» для этих же целей. Немец Георг Симон Винтер в 1672 году использует в немецком языке для нужд скотоводства французскую кальку. Первоначально модный заморский термин применялся только в целях классификации пород благородных животных, однако крупный французский этнограф и путешественник Франсуа Бернье в 1684 году впервые применил его для определения различий среди человеческих племен. Гениальный шведский естествоиспытатель Карл Линней (1707-1778) в 1746 году создал первую классификацию человеческих рас. В свою очередь крупнейший немецкий ученый Иоганн Блюменбах (1752-1840) в 1776 году впервые в целях классификации рас использовал краниометрические исследования черепов различных этнических групп, а французский естествоиспытатель Жорж Кювье (1789-1832) в 1817 году в качестве основы определения различий предложил использовать цвет кожи. Кроме того, Иммануил Кант (1724-1804) в 1775 и Иоганн Готтфрид Гердер (1744-1803) в 1784 обосновали термин «раса», уже как философскую категорию. Позднее многие антропологи создавали свои варианты расовых классификаций: Августин Тьерри (1817), Этьен Жоффруа де Сент-Илер (1818), Бори де Сент-Винсан (1827), Амедей Тьерри (1828), Джеймс Причард (1836), Андерс Ретциус (1842), Роберт Нокс (1850), Чарльз Дарвин (1859), Поль Брока (1860), Исидор Жоффруа де Сент-Илер (1870), Томас Генри Гексли (1870), Поль Топинар (1878).

Последний в своем знаменитом сочинении «Антропология» (1878) писал: «В антропологии термин «раса» имеет совершенно реальное значение и служит для обозначения естественных подразделений человеческого рода, независимо от времени, когда они образовались».

Однако на протяжении всего этого длительного периода времени не существовало четкого и однозначного определения термина, ибо ученые смешивали сугубо биологические параметры с лингвистическими и этнографическими факторами, из-за чего постоянно возникала путаница, а народы, имеющие одинаковый внешний облик и психические характеристики, записывались в различные расы на основе данных этимологии или выводов сравнительной лингвистики. Нередко народы, не имеющие между собой ничего общего в плане физического строения, бывали отнесены к одной расе только на основе языковой общности. Эти противоречия и неточности в систематизации дорого обошлись адептам расовой теории, ибо скомпрометировали всю науку в целом. В результате отождествления «народа» и «расы» возникли совершенно абсурдные словосочетания, такие как «тевтонская раса», «германская раса», «славянская раса», а само число рас в различных классификациях колебалось от нескольких единиц до нескольких сотен.

Положение исправил русский ученый французского происхождения Иосиф Егорович Деникер (1852-1918), когда в 1900 году издал на французском и русском языках книгу «Человеческие расы». Именно в этой монографии, которая до сих пор считается эталоном систематизации естественнонаучной информации, впервые были сформули-

рованы принципы оценки различий между человеческими расами. В антропологии возникла **расовая типология**, благодаря чему классификация человеческих рас приобрела современный четкий вид. Исчезли разночтения, а использование сугубо антропологической терминологии приобрело строгий научный характер. В своей книге И. Е. Деникер впервые в мировой практике изложил новый синтетический принцип классификации: «Что касается классификации рас, то для нее принимаются в расчет одни только физические признаки. Путем антропологического анализа каждой из этнических групп, мы попытаемся определить расы, входящие в ее состав. Затем, сравнивая расы друг с другом, будем соединять расы, обладающие наибольшим числом сходных признаков, и отделять их от рас, обнаруживающих наибольшие с ними различия».

Термин «раса» Деникер четко обозначил, как «соматологическую единицу», и с идеализмом в антропологии таким образом было покончено. Вся книга по сути и посвящена разделению этнографии и антропологии, которые автором определяются как явления различного порядка: первое – социологического, а второе – биологического. Он пишет, что «...предложил классификацию рас, основанную единственно лишь на физических признаках (цвете кожи, качестве волос, росте, форме головы, носа и т. д.)».

И. Е. Деникер по сути первым встал на позиции жесткого и последовательного **биологического детерминизма** в расовой философии. По его мнению, окружающая среда бессильна перед расовыми признаками. Он подчеркивал: «Расовые признаки сохраняются с замечательным упорством, невзирая на смешение рас и на изменения, обусловленные цивилизацией, утратой прежнего языка и т. д. Меняется лишь соотношение, в котором та или иная раса входит в состав данной этнической группы».

Определив расу как «соматологическую единицу», Деникер заложил основы расовой типологии, которая без существенных изменений просуществовала до наших дней. Ему повезло, потому что его вклад в науку был признан сразу же и почти всеми. Именно с момента признания авторитета И. Е. Деникера в антропологической литературе прочно укореняется понятие **антропологический тип**, – постоянный и неизменный, раз и навсегда данный и не подверженный влиянию среды. Исторически сложившаяся комбинация антропологических типов являет собой продукт социального развития – этнос, и тот тип, который доминирует, впоследствии формирует физический и духовный облик каждой национальной общности. Это правило усвоено и стало базовым в расологии. Таким образом, такие понятия как племя, этнос, народ, нация относятся к сфере компетенции социологических наук, в то время как понятие раса относится к области наук биологических.

Известный польский антрополог Людвик Крживицкий (1859-1941) в своей монографии «Антропология» (1901) весьма четко сформулировал различие в психотипах исследователей, принадлежащих к этим различным областям знания: «В этнографии нашли убежище умы, настроенные консервативно и религиозно; в антропологии – умы свободомыслящие. Первая защищала в свое время единство человеческого рода; вторая предполагала, что человеческий род возник в нескольких центрах. Одни основывали свое мнение на исторических фактах, другие считали эти последние второстепенным делом в сравнении с антропологическими указаниями».

В. П. Алексеев в монографии: «Человек: эволюция и таксономия» (М., 1985) считал необходимым подчеркнуть: «Последовательная обоснованная борьба с социалдарвинизмом и расизмом, осознание качественной специфики человека как существа социального вызвали у части советских философов и ученых отрицание за биологическими закономерностями хотя бы какой-то, даже ограниченной роли. Несмотря на то, что в антропологии такой крайний, нигилистический взгляд не нашел поддержки, в философских и социально-исторических работах он высказывался не раз, из них проник в популярную литературу и в сознание широкой публики».

Смехотворно обеднять историю, полностью закрывать глаза на биологию человека и ее роль в общественном развитии, считать человека лишь какой-то бесплотной общественной субстанцией. Народы различаются не только по своим социально-культурным особенностям, но и по своим биологическим признакам.

Однако мечтам о спокойном существовании, если они и были у антропологов, не суждено было сбыться. Оказалось, что самая спокойная эпоха в истории антропологии, не обещавшая никаких взрывов, была чревата революцией в наших взглядах на **расы**, и эта революция оказалась связанной с самыми глубокими мировоззренческими проблемами не только антропологии, но и общей биологии, антропогенетики, происхождения человека, понимания его места в мироздании».

Мы видим, что сама **проблема расы** неизбежно выталкивается на поверхность общественного сознания, революционизируя и перестраивая всю структуру мировоззрения, ибо всегда находится в его фокусе. **Проблема расы – узловой нерв мировой истории.**

Еще один признанный авторитет отечественной науки А. А. Зубов в своей последней монографии «Палеоантропологическая родословная человека» (М., 2004) также подчеркивает: «Расы человека, являющиеся по сути своей биологическими категориями, не могут быть познаны в динамике их генезиса и развития без привлечения данных исторических наук. И, с другой стороны, материалы антропологических исследований являются для исторических наук ценным источником информации, что всегда стимулировало развитие физической антропологии».

Таким образом, для ученого, не стесненного «гуманистическими догмами» эпохи Просвещения, абстрактное слово «культура» не имеет такого магического завораживающего значения, ибо он понимает, что любая культура есть результат биологической жизнедеятельности исторически сложившегося сообщества, качество которого всецело определяется качеством человеческого материала, эту культуру созидающего. Ученый, стоящий на позициях философии биологического детерминизма, чужд идеалистических представлений о человеческой природе вообще. Поэтому крупнейший немецкий расовый философ Эрнст Крик (1882-1947) в своей книге «Наука, мировоззрение, реформа высшей школы» (1934) справедливо писал: «Нужно оспорить, прежде всего, притязания так называемой культуры на роль высшей ценности».

В первой половине XX века термин «раса» приобрел устойчивый научный смысл. Великий немецкий расовый теоретик Ганс Ф. К. Гюнтер (1891-1968) дал такое определение: «Раса – это единая группа людей, отличающаяся от других групп особым, присущим ей сочетанием физических признаков и психических свойств, и всегда воспроизводящая только себе подобных». Другой корифей расологии, крупный немецкий ученый Отто Рехе (1879-1966), основываясь на данных биохимических исследований и сравнительной морфологии, дал такую формулировку: «Раса является понятием естественнонаучной систематики. Раса – это группа живых существ, которая развилась в изоляции и благодаря естественному отбору из одного корня и без примеси чужеродных элементов, эта группа благодаря большинству физических и духовных наследственных признаков, образующих в своем соединении некоторое единство, а также благодаря форме своего проявления вовне существенно отличается от других групп этого рода и всегда воспроизводит лишь себе подобных. Раса тем самым обозначает «гармонию», «жизненный стиль» и «характер». Раса – это подгруппа вида».

Директор Института антропологии имени Кайзера Вильгельма в Берлине, председатель Немецкого антропологического общества Ойген Фишер (1874-1967) давал такое определение термину: «Под расой в антропологии понимается значительная часть людей, связанных между собой общими, передающимися по наследству телесными и психическими особенностями, отличающимися от таковых же у других групп».

Артур Гютт, помимо психических свойств расы, включил в свое определение и вопросы, связанные с поведением и ценностями человека: «Под расой я понимаю группу людей, принадлежность к которой определяется их физическими и психическими особенностями, их характером; в каждой жизненной ситуации они ведут себя сходным образом и одинаково ее воспринимают».

Существуют и более образные, поэтические определения расы, хотя при этом не менее научные. Леонардо Конти (1900-1945) считал, что: «Раса – это расширенное семейное родство». Ахим Герке указывал: «Раса – это поток крови, несущий генофонд».

Суммируя все вышеизложенное с эволюционной точки зрения, представляется возможным утверждать, что **раса – это биологический субъект исторического процесса.**

Как видно, все они весьма сходны и мы сегодня имеем полное право использовать любую формулировку. Что же касается пресловутого термина «расизм», получившего сегодня широкое хождение в повседневном обиходе благодаря усилиям либеральных обществоведов и демократических культурологов, то он к науке не имеет решительно никакого отношения. Это слово впервые появилось в 1932 году во французском словаре Ларусса и представляет собой всего лишь журналистский новодел, созданный политически ангажированными людьми и не имеющий четкого и вразумительного научного обоснования. Поэтому использование его в среде образованных людей не рекомендуется.

В свою очередь наука антропология, которая и взяла впоследствии термин «раса» на вооружение, имеет также весьма богатую и древнюю историю. Слово «антропология» в современном смысле встречается впервые в литературе как заглавие книги врача и священника Магнуса Хундта (1449-1519), вышедшей в 1501 году. Но изучение человека может быть прослежено со времен античной древности. Анаксимандр, Гекатей, Геродот, Гиппократ, Аристотель и множество иных ученых мужей уделяли внимание природе человека в своих трактатах. Греки, римляне, византийцы, арабы, индусы и китайцы оставили нам гигантский пласт интереснейших наблюдений на сей счет. Греческие философы больше других приблизились к точному современному употреблению этого термина, так как еще Аристотель называл антропологами мудрецов, которые изучали человека. В Новое время в Европе этот термин часто встречается в следующем смысле. Так, например, в Энциклопедии Шамбера в 1740 году трактуют термин «антропология», как «Изучение тела и души и законов, управляющих их соединением». В 1772 году Дени Дидро (1713-1784) и Жан Д'Аламбер (1717-1783) употребляют его для обозначения «трактата о человеке». В 1788 Иммануил Кант издал книгу под названием «Антропологические опыты».

Однако только начиная с Иоганна Блюменбаха, термин «антропология» получает тот смысл, который ему придают сейчас. Некоторые медики воспользовались им для обозначения в целых энциклопедиях, содержащих одновременно анатомию, психологию и гигиену. Впрочем, и в наше время смысл этого термина совершенно извращается, как например, в названии науки – **культурная антропология**. Претендующая на всеохватывающий подход в изучении человека, она на самом деле занимается мифологизированием некоего абстрактного гомункулуса, не имеющего ясных расовых признаков.

Бурный расцвет именно предметной физической антропологии в XIX веке и оформил границы применения термина. Признанные классики этой науки давали такое определение:

«Антропология есть монографическая естественная история человека, в смысле любой зоологической монографии», – Арман де Катрфаж.

«Антропология есть чистая и конкретная наука, имеющая целью полное познание человеческой породы, рассматриваемой во-первых, с точки зрения деления ее на четыре типические группы (разновидность, раса, вид, тип, если таковые существуют), срав-

нения их между собою и связи с их соответственной средой; во-вторых, в ее целостности и в отношениях ее к остальным животным», – Альфонс Бертильон.

«Антропология есть наука, имеющая предметом изучение человеческой породы в целом, в частностях и в отношениях ее к остальной природе», – Поль Брока.

«Физическая антропология – это определение и объяснение наличия разных типов людей в разных странах», – Франц Боас.

«Наука, которая специально занимается соматологическими особенностями рода человеческого как в целом, сравнительно с другими животными, так и в его разновидностях, называется антропологией», – И. Е. Деникер.

«Антропология есть отрасль естественной истории, изучающая человека и человеческие расы. Антрополог изучает человеческую породу в ее целостности и в ее отношениях к другим зоологическим группам и затем переходит к подразделениям, называемым обыкновенно расами. Его средства наблюдения те же, что и у зоолога, но горизонт обширнее. Некоторые признаки, неважные у животного, получают у человека первостепенное значение; таковы, например, мозговые отправления. Таким образом антрополог, в виду этих задач, изучает последовательно: 1) физические признаки; 2) физиологические явления, к которым относится также и психическая жизнь; 3) особенности общественного устройства и, наконец, 4) явления исторические. Не может быть никакого сомнения в том, что метод исследования должен быть одинаковым как для человека, так и для других животных; суждения а priori и проявления чувства должны быть из нее окончательно изгнаны. Как бы ни была блестяща роль человека на нашей планете и каково бы ни было положение его на вершине органической жизни, будет ли он составлять отдельную область, человеческое царство, или же будет он только первым родом в отряде приматов, во всяком случае он должен быть изучаем при помощи тех же методов», – Поль Топинар.

Выдающийся русский антрополог, основоположник отечественной академической школы Анатолий Петрович Богданов (1834-1896) в одном из своих главных сочинений «Антропологическая физиогномика» (М., 1878) еще на заре формирования всей науки в целом, тем не менее, очень точно выделил все особенности менталитета, которыми должен отличаться антрополог от представителей иных естественнонаучных дисциплин: «Для современного антрополога-натуралиста изучение человека вообще не есть ближайшая задача, это дело анатома, физиолога, психолога и философа. Для него важны те вариации, которые в форме и в своем строении представляют племена, и важны постольку, поскольку они дают возможность различать и группировать эти племена, находить в них различия и сходства для возможности естественной классификации их, для воссоздания того родословного древа, по которому они развивались друг от друга под влиянием различных причин».

Таким образом, русский ученый при определении приоритетных задач антропологии увязывал методологию с иерархией целей исследования, чем неминуемо вводил в основания всей науки качественную оценку расовой проблемы. Необходимость в ней в полной мере поначалу осознали лишь талантливые дилетанты с гуманитарным образованием – основоположники целого идеологического направления, получившего впоследствии название **расовой теории**. Это были француз Жозеф Артюр де Гобино (1816-1882), немец Густав Фридрих Клемм (1802-1867) и русский ученый Степан Васильевич Ешевский (1829-1865).

Впервые термин «Rassenlehre» – расовое учение или расовая теория – был введен в употребление в 1786 году немецким философом Кристофом Мейнерсом (1747-1810). Но лишь во второй половине XIX века начинается его широкое использование в литературе. На волне моды возникают новые определения: «Rassenforschung» – расовые исследования, «Rassenkunde» – расоведение, «Rassengedanke» – расовое мышление. Как видно, именно в Германии рубежа XIX и XX веков новая общественно-политическая

тенденция достигла своего наивысшего развития, ибо все эти понятия отражают морально-этический и качественный акцент в решении расовой проблемы. Усложнение и совершенствование физических и психологических методов исследований развивалось параллельно с этическим истолкованием их результатов и проецированием на эволюционноисторический процесс. Оформилась принципиально новая ветвь философии, изучающая **биологическое мышление** и базирующаяся на иных ценностях, нежели гуманистическая риторика эпохи Просвещения. Новая идеология постепенно сформировалась усилиями антропологов, анатомов, медиков, психологов, психиатров, неврологов, лингвистов, археологов, палеонтологов, этнографов, историков, религиоведов, культурологов, философов и, наконец, политических публицистов. Истолкование бытия сквозь призму физических реалий расы стремительно обретало контуры нового мировоззрения. Один из столпов расовой теории Хаустон Стюарт Чемберлен (1855-1927) подчеркивал: «Нормальный ход развития направлен не от расы к отсутствию расы, но от политически возникшего отсутствия расы ко все более резкому проявлению расы, высшим продуктом которой является гений, герой. Под расой я понимаю то взвинчивание всего существа, которое достигается при вполне определенных условиях выбора, смещения, размножения внутри расы, – только при этих вполне определенных условиях, но уже без исключения, то есть стало быть с верностью закона природы. Я не занимаюсь исследованием гробниц, чтобы там открыть, что такое «раса», я следую за великим английским естествоиспытателем, в конюшню, на птичий двор и к садовнику и говорю: «Бесспорно и каждому ясно, что здесь имеется что-то, что дает содержание слову «раса»».

Людвик Крживицкий формулировал новизну подхода следующим образом: «Расовая историософия доискивается причинной связи между расой с одной, и проявлениями общественной жизни, с другой стороны, по мнению расовой историософии, если бы не было данной расы, то не существовало бы соответственных цивилизаций. Раса в этом случае является не только покровительницей общественных процессов, но их источником, силой, созидающей учреждения. В то время как обыкновенная история описывает лишь то, что совершила данная раса, не разбирая причинной зависимости». Игнац Цольшан (1877-1948) писал: «Под расовой проблемой мы понимаем вопрос о значении расового фактора в историческом и культурном развитии». Еще один крупный расовый теоретик Вальтер Гросс (1904-1945) подчеркивал в этой же связи: «Расовая теория изменила картину истории столь же радикально, как теория Коперника – картину солнечной системы».

Таким образом, место абстрактных общечеловеческих ценностей в новой системе философских координат прочно заняла раса, как ценность реальная, а главное физически и психически измеряемая. Основоположник **расовой гигиены** – науки о биологической защите чистоты расы – Альфред Плетц (1860-1940) указывал: «Всюду, где этик ищет расположенную вне личности, не трансцендентную опорную точку человеческих действий, где политик берется за основные жизненные интересы, конечным объектом, сознательно или бессознательно, всегда является органическое целое жизни, представленное расой». Крупный специалист в области биологии наследственности Фриц Ленц (1887-1976) определял главную идею данного типа натурфилософии следующим образом: «Раса – носитель всего. И личности, и государства, и народа, из нее исходит все существенное, и она сама – суть. Она не организация, а организм... Вне нашей воли к ценностям понятие ценности теряет свое значение. Звезды нашей судьбы – внутри нас. Обоснования нашего высшего идеала – в нашей собственной сущности... Как для счастья отдельных людей, так и для всеобщего счастья постоянной основой служит здоровье расы. Выродившийся народ неизбежно несчастен, даже обладая всеми сокровищами мира. Не раса нужна нам ради счастья, а счастье ради расы».

Соответственно этому, для расологии как науки имеет принципиальную важность расовое качество самого исследователя, ибо по законам данной мировоззренческой системы подобное познается только подобным. Известный немецкий расовый психолог Эрих Рудольф Енш (1883-1940) справедливо отмечал: «Кровь и раса определяют чистоту идей. Раса и кровь – это лежит в основе всего. От строения капиллярной сети до мировоззрения протягивается единая прямолинейная нить». Лотар Готлиб Тирала развивал эту мысль в еще более радикальной и вместе с тем остроумной форме: «Расово чистые люди имеют то мировоззрение, которое им принадлежит, полукровок тянет то туда, то сюда».

Теперь, сообразуясь со всем вышеизложенным, мы приходим к простому и однозначному выводу, что расология является принципиально отличной от классической антропологии. Это наука, изучающая качественные различия между большими человеческими группами. Она начинается как раз там, где физическая антропология заканчивается, ограничиваясь просто констатацией самого факта различий. Расология же, напротив, акцентирует свое внимание на социокультурном и политическом аспектах различий. Крупный немецкий ученый Вальтер Шайдт (1895-1976) в книге «Основы расовой теории» (1927) отметил, что это наука, «описывающая расы и их жизненные проявления». Еще один корифей расологии барон Эгон фон Эйкштедт (1892-1965) в фундаментальной многотомной монографии «Расология и расовая история человечества» (1937-1943) подчеркивал: «Без телесной формы нет расовой и конституционной психологии, без осязаемой картины проявления нет наследственных задатков, без связи с формой тела и души нет исторических влияний, нет пространственных и культурных связей, нет исторических сил и изменений. Только живая форма – логический и постоянный центр расологии. Расологическая задача изучения самого человека заключается в исследовании его биологических групп, а целью является познание разных форм выражения его природной целостности и показ причин, сути и влияния многообразия его проявлений. В то время как антропология только изучает существующие формы этих биологических групп. Потому расология должна занимать особое место, и при логически чистой научной работе следует стремиться избегать ее смешения с антропологией».

На этот же принцип изучения качественных различий между расами через их жизненные проявления указывал и Ганс Ф. К. Гюнтер в книге «Расология немецкого народа» (1922): «Расология для общественного сознания нечто совершенно иное, чем просто еще одна наука: она имеет дело с тем, что близко касается каждого человека и к чему каждый человек чувствителен – с неизменными наследуемыми и передаваемыми по наследству физическими и психическими особенностями человека».

Антропологи обычно заявляют, что предметом их изучения являются человеческие расы, однако при этом они все время позволяют себе рассуждать о «человеке вообще» и о «человеке как таковом», чем сами и вносят путаницу в научные исследования и делают невозможной однозначную оценку явлений органической природы. В противовес этой расплывчатой позиции расология ставит вопрос принципиально иначе. Крупный расовый философ Эрнст Крик в своем основном трехтомном сочинении «Национально-политическая антропология» (1936-1938) подчеркивал: «Расовое представление о человеке не знает равенства всех, кто имеет человеческий облик, а знает их различия в зависимости от расового характера и основанной на нем жизненной ориентации и особенно способности к политическому творчеству. Место равенства людей заменяет их различие по расовым способностям и историческим достижениям: так расы распределяются по рангу».

Ойген Фишер в книге «Антропология» (1923) давал такое определение: «Когда речь заходит о влиянии расовых признаков на судьбу государства, говорят об **исторической антропологии**. Очень часто попытки объяснить антропологическим составом народа его судьбу коротко **называют расовой теорией или расологией**». В более позднем

своем сочинении «Раса и происхождение рас» (1927) он развил и углубил идею: «Судьба народов, племен и государств в решающей степени зависит от расовой природы их носителей. Мировая история – часть расовой истории. Раса или комбинация рас носителей народа и государства обуславливает их судьбу. Так, вопрос о происхождении рас и расовая биология приводят к самым трудным вопросам в жизни человечества вообще. Естественная история и культурная история человека это не две линии, а одна».

Совершенно в этом же духе высказывался и советский антрополог В. П. Алексеев в своей книге «Человек: эволюция и таксономия» (М., 1985): «Одной из фундаментальных проблем в области расоведения является проблема соотношения результатов изучения физического типа человека с итогами разработки всего комплекса социально-исторических дисциплин, коротко говоря, проблема соотношения антропологии и социологии, антропологии и истории».

Известный немецкий антрополог-эволюционист и палеонтолог Герхард Хеберер (1901-1973) в период расцвета своей творческой деятельности возглавлял Институт общей биологии и антропологии в Йене. В его сугубо естественнонаучных работах значительное место отведено философскому осмыслению ключевых вопросов биологии развития. В работе «Теория происхождения видов и современная биология» (1942) он подчеркивал: «В общей теории происхождения видов или филогенетике все направления синтетически соединяются в причинно объясненной истории живых существ вплоть до человека и возникновения его расового разнообразия. Так общая история организмов переходит в историю человеческих рас. Теория происхождения видов является одновременно той почвой, в которую уходит своими корнями **расовая теория**».

Еще один корифей немецкой науки, директор Института антропологии в Гамбурге профессор Вальтер Шейдт (1895-1976) в своей обстоятельной монографии «Всеобщая расология» (1925) давал такое определение: «Расология – это наука о формировании человеческих расовых свойств или наука о скоплении под влиянием отбора определенных человеческих свойств, о причинах и следствиях такого скопления».

В советских философских словарях различных редакций профессора марксизма-ленинизма неоднократно предпринимали попытки представить расовую теорию как совокупность лженаучных, именно социальных и политических, взглядов, что совершенно не соответствует действительности, так как даже согласно указаниям советских и зарубежных антропологов и биологов она являет собой высший синтез в объяснении сложнейших закономерностей биологической эволюции. Вся коммунистическая идеология в этом вопросе традиционно сводилась к неустанным инсинуациям социальных метафизиков в адрес физических антропологов, и это притом, что весь режим постоянно идентифицировал себя как материалистический, проникнутый духом дарвинизма. Данная подмена ценностей и методологических основ науки в угоду мнимой гуманистической лицеприятности искажает и обезображивает всю огромную систему знаний о мире. Условно говоря, социологи и биологи в своих суждениях по-разному видят и оценивают ангела и беса в единой природе человека. То, что антрополог, изучающий расы, считает эволюционной основой его развития и, следовательно, интерпретирует как приспособительный, а значит позитивный фактор, то социальный философ предпочитает истолковывать как подсознательную базу для развития «болезненных» суждений о превосходстве своей расы над другими. И, наоборот, то, что ученый, способный мыслить биологическими категориями, смело объявляет некое явление в природе человека следствием наследственной дегенерации, культуролог, проникнувшись идеалами гуманизма, почему-то все время пытается преподать как высшую свободу духа. Там, где первый способен увидеть гниение естественных инстинктов, второй пытается узреть чудеса сверхъестественного откровения. Для одного культура – это безусловный стержень биологической консолидации, вида, а для другого – оправдание противоре-

ственного разгула эгоистических инстинктов. Это неудобство, основанное на несоответствии претензий, того и другого мировоззрений, деформирует картину мира.

Классическая антропология все время истязает себя политизированными химерами единства человеческого рода, подчас стараясь обосновать его даже вопреки биологическим фактам и элементарной логике. Для расологии же вообще не существует подобной задачи, ибо, если фокус исследований направлен на изучение различий и их проявлений, то рассуждения о равенстве и единстве теряют всякий смысл и цену. Расология учит внимательности, чувствительности к нюансам и мелочам, а не оперированию абстрактными категориями. В ее системе координат факт дороже формулы.

Эти глубокие различия, заключенные в мировоззренческой основе и методологической специфике обеих наук, естественно, не могут не сказаться и на качественных различиях исследователей, принадлежащих к областям антропологии и расологии.

Антрополог подобен библейскому бесплотному архангелу, каприза ради вторгшемуся в жизнь людей – эту мало изученную инородную субстанцию. Расолог же – это чернорабочий расы, осознающий свое с ней нерасторжимое генетическое родство в судьбе и полную меру ответственности за свои деяния и гипотезы. Антрополог – это безучастный странник академического естествознания, а расолог – цепной пес расы, предупреждающий о чужаках даже тогда, когда хозяин не бросает ему костей. Антрополог перебирает расовые признаки отстраненно, словно коллекционер древности, расолог – заинтересованно, как следователь или судья. Для первого в процессе исследования совершенно отсутствует гражданская позиция, второй именно с нее и начинает свой анализ. Антрополог констатирует сам факт расовых различий и на этом останавливается, полагая свою задачу выполненной, расолог же, напротив, оценивает их, создает из них иерархию по степени важности, чтобы научить соплеменников пользоваться ими с выгодой в борьбе за существование лишь для представителей своей расы. Расология как наука не боится давать прямой ответ на два самых коварных традиционных вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?».

Исходя из вышеизложенного можно дать такое определение данной науки.

Под расологией нужно понимать единую философскую систему, находящуюся на стыке естественных, точных и гуманитарных наук, посредством которой все социальные, культурные, экономические и политические явления человеческой истории объясняются действием наследственных расовых различий народов, данную историю творящих. Все обилие фактов, накопленных антропологией, биологией, генетикой, психологией и смежными дисциплинами о врожденных расовых различиях народов, проецируется на сферу их духовной жизни. В основе каждого исторического явления расология стремится выделить биологическую первопричину, его вызвавшую, то есть наследственная специфика представителей человеческих рас. В свою очередь различия биологического строения ведут к различиям в поведении, а также – к различиям в оценке явлений. Таким образом, расология – это наука, изучающая биологические факторы мировой истории. Шире – она исследует и оценивает биологические предпосылки любой деятельности вообще.

Не лишним будет указать на то, что сам термин **расология** на русском языке впервые предложен к употреблению автором этих строк и в отечественной научной литературе никогда до этого не применялся. По смыслу он означает общую редакцию перевода известных нам немецких терминов «Rassenlehre», «Rassenforschung», «Rassengedanke», «Rassenkunde».

Не только в западной, но и в отечественной научной литературе мы без труда обнаруживаем аналогичный комплекс идей. Так, крупнейшие наши ученые В. В. Гинзбург и Т. А. Трофимова в сочинении «Палеоантропология Средней Азии» (М., 1972) писали: «Расы человека, как и подвиды животных, являются категориями, то есть сущностями биологическими. На арену истории выступают не абстрактные люди, а конкретные со-

циальные этнические объединения разного масштаба – племена, народы, нации, занимающие определенную территорию и характеризующиеся теми или иными расовыми типами. Изучая расовый состав населения разных областей в разные эпохи, можно видеть его динамику: длительное существование типов на территории, смешение с другими расами или смену их. Это устанавливается антропологическими методами иногда очень точно и позволяет выявить древние корни народов, пришлые наслоения и т. п. Стабильность, или, наоборот, изменения расового состава населения отражают историю отдельных этнических групп и образованных ими социальных объединений (племен и народов). Изучение динамики расогенеза может дать ключ к пониманию этногенеза. В таком анализе и заключается роль антропологии в изучении этногенеза. Этим самым антропология, археология, этнография и лингвистика взаимно дополняют друг друга своими материалами, представляющими источники для истории».

Один из всемирно признанных классиков советской науки В. В. Бунак еще в 1938 году подчеркивал, что «...отрицание категории расы у человека внутренне противоречиво и антинаучно». Другой мэтр отечественной антропологии академик В. П. Алексеев в монографии «Историческая антропология и этногенез» (М., 1989) писал: «Никакой тщательный и глубокий анализ этнических взаимоотношений невозможен без учета расовой ситуации, никакое исследование по этногенезу и этнической истории не может быть по-настоящему комплексным и всеобъемлющим без привлечения антропологических данных, то есть в конечном счете данных о биологии человека. Изучаемые антропологами морфологические и физиологические особенности генетически обусловлены, поэтому биологические свойства популяций тесно переплетаются со многими аспектами их жизни, что существенно обогащает картину человеческой истории».

Данные положения нашей антропологической науки, всегда считавшейся прогрессивной, могут быть признаны за аксиому и в части расологического анализа, как необходимые исходные условия.

Одним из самых ключевых понятий в расологии является понятие **расовых признаков**. Ойген Фишер в книге «Раса и происхождение рас» (1927) давал такое определение: «То, что характеризует расы и определяет принадлежность человека к конкретной расе, это передаваемые по наследству физические, анатомические, физиологические и психологические признаки. Расовые свойства неотъемлемы. Признаки, на основе которых мы проводим границы между расами, называются расовыми признаками. По определению это должны быть наследственные признаки. Кроме того, они должны быть присущи большой группе людей. Индивидуальные особенности колеблются не хаотично, а с определенной регулярностью, в соответствии с кривой вероятности Гаусса. Они группируются вокруг определенной средней величины. Все расовые признаки человека совпадают с теми, по которым различаются породы домашних животных».

В. П. Алексеев в книге «Человек: эволюция и таксономия» (М., 1985) давал более современное определение: «Комплекс расовых черт представляет собой некую совокупность популяционных и индивидуальных вариаций. Раса – это совокупность популяций. Представление, согласно которому каждый индивидуум является носителем признаков определенной расы, получило название **типологической концепции расы**. Задача расового анализа при этом сводится к определению расового типа индивидуума. Дальше подсчитывается процентное соотношение представителей разных расовых типов, и это процентное соотношение является основной расовой характеристикой любой группы, любого народа, и с помощью этой характеристики разные народы сравниваются между собой. Типологическая концепция расы восходит генетически к понятию архетипов в морфологии, а те в свою очередь, если добираться до их генетических корней, восходят к идеям Платона. Переход от фенотипической изменчивости к генотипу и

составляет по сути дела основную задачу и основной путь расогенетического исследования».

Глава польской антропологической школы Ян Чекановский (1882-1965) считается одним из создателей типологической концепции. Согласно ей индивидуум – носитель расовых свойств, а раса – это арифметическая сумма индивидуумов, следовательно, чтобы разложить ее на составляющие элементы, нужно спуститься с группового уровня на индивидуальный. Ян Чекановский и его многочисленные последователи утверждали, что расовые признаки наследуются целым комплексом. Не существует независимо наследования одних расовых признаков в отрыве от других.

Другой классик советской антропологии В. В. Бунак в своей базовой работе «Род Ното, его возникновение и последующая эволюция» (М., 1980) подчеркивал: «Важное место в антропологической литературе заняли работы польской школы. Ее основатель Ян Чекановский полагал, что признаки, составляющие расовый комплекс, находятся в неразрывной связи между собой, что связи эти генетически обусловлены и, раз возникнув, остаются стойкими, изменяясь только вследствие смешения с другими типами. Определение расового состава популяции производится путем подсчета частот комбинаций признаков, соответствующих заранее установленным типам. Поэтому сам метод получил название «**типологического**». В каждой популяции всегда выделяется несколько сочетаний признаков, которые и характеризуют ее расовый состав».

Результатом антропологического определения расового типа является – **расовый диагноз**.

Эгон фон Эйкштедт в своем фундаментальном исследовании дал прекрасное определение: «Раса – не только возможность, не только задаток чего-то, что еще должно появиться, а сама непосредственная реальность. Загнать расу в гипотетические задатки, значит, вычеркнуть ее из жизни и действительности. Расовый тип и расовое ядро не могут существовать без индивидуальной изменчивости, изменчивости признаков, появления переходных форм и смешения. Тип как таковой, окончательное, высшее целое всегда нечто большее, нежели просто сумма отдельных признаков, оно образует живую реальность расы».

Таким образом, если мы определяем тип и ставим диагноз расовой принадлежности отдельного человека, мы должны начинать с отдельных признаков, чтобы сначала определить данного человека как целое, а потом от индивидуальных целых перейти к высшему целому – расе. Для этого необходимы определенные способности, «**систематический взгляд**». Есть нормальный тип, описанный математически, графически и биологически, от него и следует исходить. Расовая диагностика и антропология – это вообще такие науки, которые предполагают наличие определенных способностей и многолетнюю учебу».

В соответствии с этим нам представляется возможным дать собственное определение данного понятия. **Расовый диагноз – это многомерная совокупность метрических (т. е. количественных) и описательных (т. е. качественных) признаков, служащая для выявления и классификации наследственно обусловленных дискретных расовых типов.**

Данная совокупность образуется как результат системного обобщения результатов частных аспектов расового анализа, к числу которых относятся:

- 1) антропометрические измерения,
- 2) описательные признаки,
- 3) морфология тела,
- 4) рентгенография (преимущественно кистей рук),
- 5) оксигеметрия (методика выявления степени интенсивности обменных процессов у различных расовых типов),
- 6) генетические маркеры,

- 7) антропологическое фотографирование,
- 8) одонтологические слепки,
- 9) дерматоглифические отпечатки кистей рук и стоп ног.

Однако, здесь прежде всего необходимо понимать, что вышеперечисленные аспекты анализа имеют неравноценное значение и не могут складываться в единую картину расового диагноза на общих основаниях, так как речь идет о генетических признаках, имеющих различный «вес» в геноме человека. По меткому замечанию Эгона фон Эйкштедта, нужно обладать и научным умением и известной долей природной интуиции, чтобы отобразить все нюансы таинства творений природы в непреходящих устойчивых формах, которые могут быть беспристрастно зафиксированы биологическим приговором, под названием расовый диагноз.

Однако с прискорбием приходится констатировать, что сегодня в мировой антропологии царит дух средневекового мракобесия и нетерпимости, так как под лживой вывеской «политической корректности» дискредитируются все расологические исследования. Мало того, отрицается сам факт существования рас, а также ставится под сомнение правомерность применения данного термина. К чести же отечественной современной научной школы нужно признать, что ее консолидированная позиция по этому ключевому вопросу является весьма объективной и последовательной. Именно эта неуступчивость в условиях нынешнего минимально допустимого финансирования науки в нашей стране и вызывает открытое негодование со стороны «соросов» и иных грантодателей. Но даже распад Советского Союза и последовавшее за этим забвение нужд фундаментальной науки в совокупности с внешнеполитическим давлением не поколебали убежденность отечественных ученых, что автоматически выводит их на ведущие позиции в мире по части расовых исследований.

Наглядным доказательством, подтверждающим правоту данного тезиса, можно считать проведение в Москве с 7 по 9 октября 1998 года 1-й Международной конференции «Раса: миф или реальность?» Этот крупнейший представительный форум, проведенный под эгидой Российского отделения Европейской антропологической ассоциации и Российской Академии Наук, несомненно войдет во все анналы науки о расах. По материалам работы конференции был выпущен программный документ «Проблема расы в российской физической антропологии» (М., 2002).

Во введении коллектив авторов, возглавляемый академиком Т. И. Алексеевой, счел необходимым сразу же подчеркнуть, что «расы человека действительно существуют, расоведение является одним из важнейших направлений антропологической и других гуманитарных наук, а данные антропологии незаменимы в исторической реконструкции». В развитие этого тезиса Н. А. Дубова в своем выступлении заявила: «Отрицать объективность рас на основании большого числа переходных вариантов можно с тем же успехом, с каким кто-то будет утверждать, что не существует ни красного, ни синего, ни желтого цвета, поскольку все они являются составными частями общего спектра, внутри которого не существует четких границ между отдельными составляющими этот спектр». Л. Т. Яблонский в своем докладе пошел еще дальше, подчеркнув: «Попытка уйти от проблемы расы и межрасовых отношений через простое игнорирование самого существования расовых различий внутри вида *Homo sapiens* является «страусиной» тактикой, которая, к тому же, как это представляется большинству российских антропологов, вовсе не оправдана и с точки зрения объективных научных фактов».

Такая принципиальность в главном вопросе естественно не может не вызывать уважения. Именно поддержанию позиций и авторитета отечественной науки в трудный момент ее существования и посвящена наша монография «Расология».

Для классического физического антрополога вся компоновка сочинения и многие названия глав могут показаться не обычными, но это, еще раз напомним, вызвано спецификой расологии как науки. В обычных антропологических исследованиях обзорно-

го типа существует закономерная схема изложения эволюционно-исторической информации, а также очередность глав, посвященных описанию морфологических различий. В силу того, что в расологии все это обилие естественнонаучных сведений имеет не самоценный характер, но подчинено логике объяснения социокультурных процессов сквозь призму наследственных биологических различий, то и изложение материала в сочинениях такого жанра осуществляется по мере раскрытия темы в соответствии с идеологической важностью обсуждаемых вопросов. В расологии антропологические факты выполняют роль иллюстративного материала при объяснении тех или иных процессов в обществе. В силу этого и вся архитектура текста построена по другим, нежели в классической антропологии, законам. Не фиксировать, но оценивать и объяснять – вот задача расологии. В отечественной научной литературе нет аналога такого рода сочинения, ибо она до сих пор не может изжить старые хвори марксистского классового мировоззрения и честно и открыто встать на защиту интересов того первоисточника, из которого вышла, то есть европеоидной расы.

Не только внешнеполитическая и общекультурная ситуация подталкивают сегодня современную русскую науку к выполнению великой провиденциальной задачи: укреплению самосознания белой расы, но и сама магия языка. Английский язык сегодня волею обстоятельств сделался международным и самым популярным, но в нем термин «Race» означает одновременно «расу» и «скачку», то есть устойчивую физическую величину и форму движения. Не эта ли языковая двусмыслица и явилась причиной оживленных дискуссий между приверженцами и противниками существования рас и расовых различий. Из всех современных языков индоевропейского ареала распространения только в русском этот термин, являющийся ключевым для нашего самосознания, сохранил первозданное звучание и архетипически исходный арийский смысл. Осознание данного факта и накладывает на нас, хранителей этого магического слова, священный груз миссионерской задачи по охране чистоты вневременной субстанции, каковой и является **раса**.

БЕЛОКУРАЯ РАСА: ИСТОРИОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

*«Почти каждый известный черный предок
делает человека черным».*

Ричард Левонтин

«У человекообразных обезьян голубых глаз не бывает».

Людвик Крживицкий

Культура и ее материальный носитель: каково их взаимоотношение? – с древнейших времен мудрецы пытались разрешить этот вопрос. Поставить в соответствие физическим кондициям человека-творца духовные особенности его творения было извечным желанием создателей как первобытных мифов, так и мировых религий. Сказания и легенды всех частей света изобилуют следами народной наблюдательности, подмечающей у каждого создателя культурных ценностей телесные основы его духовной одаренности. Народная молва из века в век стремится изобразить каждую национально значимую творческую личность концентрированным воплощением как психических, так и физических особенностей его этноса, подчеркивая тем самым, что сила и уникальность его гения уходит во глубину веков и коренится в наследственной массе предков.

Однако бурный расцвет естествознания в XIX веке существенно скорректировал данный архаический усредненный взгляд на мировую историю, ибо за счет развития позитивных статистических методов выяснилось, что далеко не все человеческие биотипы обладают в равной степени способностью к созиданию культуры. Обнаружилось, что объективно существуют биотипы более и менее «ценные», с точки зрения вклада в мировую сокровищницу культуры.

На уровне философии истории выдающийся английский ученый Эдуард Гиббон (1737-1794), пожалуй, первым в Европе в новейшее время, в своем фундаментальном многотомном труде «История упадка и разрушения Римской империи» сформулировал мысль, что гибель великих цивилизаций вообще, и древнеримской в частности, происходит единственно по вине вымывания из социального организма государства более ценной крови и замещения ее менее ценной. История упадка античности, по Гиббону, сводится к численному сокращению представителей культуротворящей белой расы по сравнению с цветными расами, не способными к созиданию высшей культуры. Расовые черты императоров и высшей знати империи, запечатленные во множестве дошедших до нас изваяний, является тому наглядным свидетельством, ясно показывающим физиогномические признаки расовой подмены, наступившей во II-III веках нашей эры. Европейская, преимущественно северная, раса создала невиданный гигантский организм мировой империи, а менее ценные в культуробиологическом отношении представители рас Передней Азии, Африки и Средиземноморья, постепенно заняв командные посты, даже не сумели сохранить это бесценное творение, приведя его к деградации его в диких извращенных оргиях Востока.

Термин «раса», введенный в европейский научный обиход в 1684 году известным французским этнографом и путешественником Франсуа Бернье, сначала не имел широкого употребления в гуманитарных науках. Иммануил Кант и Иоганн Готфрид Гердер в начале XIX века первыми придают ему философское обоснование, а Кристоф Мейнерс (1747-1810) предпринимает попытку его применения в контексте исторического процесса. Именно так и закладываются основаначала **расовой теории**.

Под расовой теорией, или расологией, сегодня принято понимать единую философскую систему, находящуюся на стыке гуманитарных и естественных наук, посредством которой все социальные, культурные, экономические и политические явления человеческой истории объясняются действием наследственных расовых различий народов, данную историю творящих. Обилие фактов, накопленных антропологией, биологией, генетикой, психологией и смежными дисциплинами о врожденных расовых различиях народов, проецируется на сферу их духовной и социальной жизни. В основе каждого исторического явления расовая теория стремится выделить биологическую первопричину, его вызвавшую, то есть наследственные различия представителей различных рас. В свою очередь, различия биологического строения ведут к различиям в поведении, а также к различиям в оценке явлений. Таким образом, расовая теория – это наука, изучающая биологические факторы мировой истории.

Однако до начала XIX века в научной практике Европы еще не существовало системы взглядов, позволяющих выводить иерархию культурных ценностей из физической специфики человеческого материала. Культура как таковая, согласно мнениям идеологов эпохи Просвещения, возникала буквально из «ниоткуда», под воздействием капризов Божества, или позывов некоего Абсолюта. Реальный человек выполнял в этом процессе роль пассивного проводника, а его расовые, этнические, наследственно-обусловленные характеристики вообще не принимались во внимание. С помощью абстрактных «велений сердца» считалось возможным объяснить любые тонкости творческого процесса, причем академическая наука того времени охотно поддерживала многие умственные спекуляции теологической схоластики.

1. Возникновение науки о белом человеке

Впрочем, прозрение было неминуемо. Диктатура небес рано или поздно должна была закончиться восстанием плоти. Англичанин сэр Вильям Джонс (1771-1845) в 1796 году заложил основы **сравнительного языкознания**, а немецкий санскритолог Франц Бопп (1791-1867) в 1835 году издал свой монументальный труд «Сравнительная грамматика». Именно эти ученые первыми указали на генеалогическое единство индоевропейских языков.

Корифей филологии и религиоведения Макс Мюллер (1823-1900) в 1861 году издал знаменитые «Лекции по науке о языке», где впервые упомянул не только о древнем арийском языке, но и об «арийской расе» и «арийской семье народов». Он писал о времени, «когда первые предки индусов, персов, греков, римлян, славян, кельтов и германцев жили не только в одном селении, но и под одной кровлей».

Впрочем, лингвисты той поры основывались на своих научных интуициях, никак не связывая их с данными антропологии и археологии, в результате чего родину индоевропейцев они помещали в Азии. И только первые представители направления антропологии, едва только еще оформившегося в самостоятельную академическую дисциплину в середине XIX века, прояснили положение дел. Основоположник французской школы Поль Брока (1824-1880) в 1861 году писал: «Этнологическая ценность сравнительного языковедения весьма мала. И на самом деле, она скорее всего может привести к заблуждению, чем к чему-либо другому. Но филологические факты и дедукции более бросаются в глаза, чем кропотливые измерения черепов, и вот почему заключения филологов привлекли преувеличенное внимание». Его поддержал знаменитый соотечественник Поль Топинар (1830-1911): «Краниология учит нас, что те же расы, которые живут в настоящее время в Европе, жили в ней постоянно с начала неолитического периода, когда северный олень и дикая лошадь бродили по Европе».

Роберт Латам (1812-1888) первым из филологов в 1851 году опроверг бытовавшее мнение о том, что индоевропейцы произошли из Азии, за что был осмеян коллегами. Немецкий филолог Ген в 1874 году в этой связи язвительно писал: «Случилось, что в Англии, стране эксцентричности, одному оригинальному уму пришла мысль поместить в Европе колыбель белой расы». И только в 1868 году голос Латама был услышан, ибо именно тогда Август Фикк (1833-1916) издал монографию «Сравнительный словарь индоевропейских языков», заложив этим сочинением основы **лингвистической палеонтологии**. Концепция азиатского происхождения арийцев была подвергнута основательной ревизии.

Основоположник сравнительно-исторического метода в языкознании немецкий ученый Август Фридрих Потт (1802-1887) установил целый ряд строгих звуковых соответствий между индоевропейскими языками. С 1859 по 1876 годы он издал фундаментальное шеститомное сочинение «Этимологические исследования в области индогерманских языков», чем заложил прочную основу для последовательного сопоставления словарного запаса родственных языков, решительно отказавшись от старого, восходящего еще к античной традиции этимологизирования по внешнему сходству. Его выводы базировались на сравнительном анализе санскрита, зендского, авестийского, греческого, латинского, немецкого, кельтского и славянских языков.

Крупный немецкий филолог Теодор Бенфей (1809-1881) в обширной работе «История языкознания и восточной филологии в Германии», вышедшей в 1869 году, писал: «С тех пор, как геологические исследования установили, что с незапамятных времен Европа была местопребыванием человека, все доказательства, приводимые в пользу азиатского происхождения арийцев, опровергнуты». С аналогичным утверждением выступил и исследователь древнеиранских языков Вильгельм Гейгер (1829-1870), который в своей книге «История происхождения человечества» также писал: «Из двух про-

тивоположных теорий (происхождение европейское и происхождение азиатское) одно лишь опирается на доказательства; ни одного аргумента не было приведено в доказательство переселения с востока на запад. Последнее невероятно и само по себе, и, можно сказать, невозможно, если бы должно было предполагать, что оно было совершено постепенными волнами». Аргументы Бенфея и Гейгера основывались на общности названий растений и животных в индоевропейских языках.

Крупный ученый Рудольф Пех (1870-1921) утверждал, что антропология и археология должны дополнить и исправить заключения филологии, и данная точка зрения в науке, начиная с этого периода, наконец-то становится доминирующей. Синтез гуманитарных и естественных наук дарует право обладания истиной.

Весьма многим обязаны адепты концепции европейской прародины ариев изысканиям такого ученого, как Карл Пенка (1847-1912). В своей книге «Учебник германских древностей» (1880) он писал, что общий первобытный словарь арийцев не нес на себе никакого восточного влияния. Он основывал свои выводы о северном происхождении белокурой расы, в частности, на том, что в языках народов, принадлежащих к ней, встречаются названия лишь северных животных и растений, таких как медведь и волк, сосна, бук и дуб, и в них нет обозначения львов, тигров или верблюдов, пшеницы или пальм. Роднит эти языки и общее обозначение снега, льда и зимы. А в 1883 году Пенка издал книгу «Происхождение ариев», ставшую впоследствии классикой жанра, в которой, основываясь на обширном историческом археологическом и антропологическом материале, доказывал, что прародина белой расы находилась в Скандинавии: «Чистокровные арии представлены только северными германцами и скандинавами – самой плодородной расой, наделенной крупным телосложением, большой мускульной силой, энергией и храбростью. Блестящие природные дарования этой расы позволили покорить немощные расы Востока, Юга и Запада, и навязать свой язык этим народам». В англоязычном научном мире на это новое веяние в сторону «нордизации» арийской прародины сразу же откликнулись Джон Рис (1833-1901), который в 1836 предположил, что арийцы могли происходить откуда-то из пределов арктического круга, в частности, с севера Финляндии, а также Джеральд Х. Рендалл в 1889 году, давший арийцам следующее определение: «Долихоцефалическая раса блондинов, происходит с Балтийского побережья. Ариец представляет собой тип разумного человека – основной продукт рас, в котором особые качества тьмы и света, Севера и Юга, эмоциональности и практицизма смешались и соединились в высшие и переходные состояния разума и тела».

Таким образом, языкознание дало толчок развитию новых изысканий в области археологии, а та в свою очередь стимулировала бурное развитие антропологии. Определившись с прародиной арийцев, ученые поставили вопрос и об их исходном расовом типе. Известный немецкий языковед и историк Отто Шрадер (1855-1919) в 1884 году выдвинул такое положение: «Арийская раса первоначально соответствовала белокурым северным расам, среди которых развились арийский язык и культура, привившиеся при переселении и скрещивании другим, неарийским расам». Английский классик естествознания Томас Генри Гексли (1825-1895) в 1870 году в целях большей ясности и наглядности выделил в европеоидной расе более светлую ксантохроидную расу (*xanthochroide race*) и более темную меланохроидную расу (*melanochroide race*). Наконец, вспомнили совершенно забытого французского этнографа Абея Ремюза, который еще в 1820 году одним из первых обратил внимание научной общественности на то, что в китайских летописях о древних могущественных динлинах, хакасах и усунях, обитавших к северо-западу от китайцев, говорилось как о белокурых и голубоглазых народах. Крупный немецкий антрополог Александр Эккер (1818-1887) в 60-х годах XIX века обнаружил черепа «северного типа» в могилах Южной Германии и установил их тождество с черепами современных немцев. Черепа чистого «северного типа» повсюду

в Скандинавии и Северной Германии обнаружил и крупнейший шведский антрополог Андерс Ретциус (1796-1860). Именно на основе этих многочисленных краниологических серий и было высказано предположение, что современный «северный тип» по своей структуре восходит к кроманьонскому типу палеолитической Европы. Классик французской антропологической школы Арман де Катрфаж (1810-1892) даже назвал древнего кроманьонца блондином в современном смысле этого слова. Вытянутость черепа (долихоцефалия), вытянутость конечностей, общее изящество и пропорциональность телосложения позволили другому классику антропологии – немцу Герману Клаачу (1863-1916) для определения «северного типа» ввести его синоним **«грацильный тип»**, несущий сугубо морфологическую информацию и подчеркивающий расовые особенности телосложения. Крупнейший французский антрополог Поль Топинар (1830-1911) в своей монографии «Антропология» (СПб., 1879) указывал, что «вернейшим указателем присутствия белокурого типа в крови служат голубые глаза».

Один из самых признанных авторитетов итальянской антропологической школы Джузеппе Серджи (1841-1936) в монографии «Виды и разновидности человеческого рода» (1900) писал по этому же поводу: «Наиболее важен для классификации череп. По одному черепу можно различить этнические элементы, входящие в состав смешанных групп. Возможна первичная классификация даже по одной стабильной особенности. Наиболее стабильны мозговой и лицевой отделы черепа. С самых древних эпох и до нашего времени не появились никакие новые формы черепов. Важная для классификации черта – внутренняя емкость черепной коробки; она напрямую связана с формой черепа. Емкость человеческого мозга не увеличивается по мере эволюции общества. Как форма типов черепов осталась прежней, так и их средняя емкость. Увеличение емкости человеческого черепа – легенда».

Замечательный польский ученый Людвик Крживицкий (1859-1941) в монографии «Антропология» (1900) подчеркивал: «Полагаю, что лица, имеющие черные волосы и глаза, никогда не производили на свет светловолосого потомства, и я уверен в том, что то же можно сказать относительно черепа. Также справедливо и то, что именно длинноголовый блондин положил начало арийской речи». Будучи до большевистской революции подданным Российской империи, он имел возможность участвовать в многочисленных археологических и палеоантропологических экспедициях, проводившихся с большой интенсивностью на гигантских пространствах русского государства. Так, в частности, раскапывая могильники неолитической эпохи на берегах Ладожского озера, он обнаружил, что их черепной указатель составляет 72,1, что означает: племена, вошедшие много позднее в состав западных и восточных славян, были гипердолихоцефалами – носителями чистого «северного типа». Вывод Л. Крживицкого прост и вместе с тем убедителен: «В эпоху курганов, от Олонца до Киева и Курска, от Москвы до Польши жил сильно длинноголовый и чистый в расовом отношении народ, по всей вероятности, светлорусый».

Основоположник Немецкого антропологического общества Рудольф Вирхов (1821-1902), систематизировав данные раскопок, проводившихся им по всей Европе, пришел к совершенно однозначному выводу: «И германцы, и славяне были первоначально блондины, но от смешения с кельтами они воспринимали большее или меньшее число элементов смуглого типа». Другой корифей немецкой антропологической школы Иоганн Ранке (1836-1916) в большом двухтомном сочинении «Человек» (1901) развивал его идеи, подчеркивая: «Древняя типическая форма как германского, так и славянского черепа была длинноголовая, долихоцефалическая. Поэтому, желая объяснить короткоголовость в определенной местности Германии, мы не должны думать исключительно о славянах, которые, по всей вероятности, как и германцы, имели первоначально длинную форму черепа и изменили ее вследствие смешения с другими короткоголовыми народами. Подобно тому, как мы встретили на севере Средней Европы главную об-

ласть распространения блондинов, мы видим на севере славянского и германского мира довольно компактное ядро длинноголовых черепов. Это группа населения с преобладанием длинноголовости окружена резко короткоголовыми племенами со всех сторон. Таким образом, распределение обоих главных физических свойств взаимно совмещается: блондины и длинноголовые, брюнеты и короткоголовые. Отсюда мы должны заключить, что в Средней Европе господствовали общие причины образования местных различий в окраске и в форме черепа. Светлая окраска кожи и волос вместе с голубыми глазами отнюдь не составляет отличительной особенности германской народности, но распространяется на обширную область, которая обнимает совершенно различные и притом антропологически различные слои населения. Вся современная Финляндия заселена, главным образом, блондинами и даже сильными блондинами. Только в Лапландии начинается темная окраска. Славяне на севере и востоке остались до сих пор блондинами и, быть может, все были таковыми. Затем следуют германцы, которые были блондинами, и так называемые белокурые кельты, и, наконец, каледонцы в Шотландии».

Крупнейший немецкий антрополог профессор Мюнхенского Университета Фердинанд Биркнер (1868-1944) в своей огромной энциклопедической работе «Расы и народности человечества» (СПб., 1914) свидетельствует, что среди неолитических черепов, обнаруженных на территории Германии и Венгрии, процент брахицефальных форм не превышает 6%. Черепы, обнаруженные в Швеции, имели в основном ярко выраженные долихоцефальные черепные указатели в пределах (68,0-70,0). Во времена господства Римской империи над территориями Германии процент брахицефалов здесь не превышал 13%. При исследовании черепов из древнеславянских захоронений первых веков новой эры немецкий ученый обнаружил процент короткоголовых брахицефальных форм, не превышающий 8,5%.

Александр Эккер (1818-1887) и Юлиус Колльман (1834-1918) консолидированно пришли к заключению на основе данных раскопок, что в Германии времен Римского владычества длинные черепа составляли преимущественное количество, а Андерс Ретциус на этой основе пришел к обобщению, ставшему впоследствии классическим в науке: «Чем чище раса, тем меньше смешанных форм».

Здесь будет уместным подчеркнуть, что известные одно время и довольно широко распространенные в литературе обвинения немецких авторов в «расовой неполноценности славян», по причине их смешения с монголами, тюрками и угрофиннами, на самом деле не имеют ничего общего с классической немецкой наукой. Ни один из пропагандистов подобного рода измышлений никак не был связан с антропологией. «Культурологи», «философы», «историки», а также люди без фундаментального образования, охотно распространяли мифы, смешивая и отождествляя германство с арийством, что всегда категорически отрицалось подлинными и признанными творцами антропологической науки. Не расовая теория сама по себе представляет опасность для гуманистической системы ценностей, а ее искажение и вульгаризация, вот что необходимо помнить всем, кто привык мазать грязью любое высказывание, хоть как-то связанное с этим «ужасным» словом раса.

2. Русская классическая школа антропологии

Ну и, наконец, к чести русской науки нужно отметить, что она также развивалась в русле нордической идеи.

Основоположник русской академической антропологии Анатолий Петрович Богданов (1834-1896), так же как и его европейские коллеги в середине 60-х годов XIX века, приступил к составлению систематизированных краниологических серий на основе археологических раскопок, используя при этом материалы из курганов европейской части

России. А если учесть, что большая часть истории белой расы разворачивалась как раз на этой территории, то и выводы русского ученого приобретают весомую значимость, подтверждая идеологическую завершенность всей концепции в целом. Богданов писал: «Не случайно и не произвольно разбросан по России длинноголовый тип; чем больше добывается черепов из курганов разных местностей и эпох, тем яснее выступает для нас факт особенного значения этого типа в наиболее древнюю эпоху заселения России. Все раскопки указывают, что чем древнее кладбище, тем больше процент длинноголовых, и чем новее, тем больше примеси короткоголовых. По некоторым раскопкам даже можно сказать, что есть местности, где население было так однородно – длинноголовым, как этого только может желать антрополог». Другой крупный русский ученый Александр Васильевич Елисеев (1858-1895) в работе «Антропологические заметки о финнах» (М., 1880) также подчеркивал: «Первичный народ Европы и Скандинавии, это доказано, на севере Европы обитал длинноголовый человек, которого сменил брахицефал. Длинноголовое первичное население послужило средою, в которой распустились и на счет которой развились народности вторичных генераций».

Сегодня это выглядит как курьез, но факт остается фактом: археологи, раскапывавшие курганы, городища и могильники до середины XIX века, охотились преимущественно за следами материальной культуры, начисто игнорируя, а подчас и просто уничтожая физические следы ее создателей. Обломок копья, фрагмент амфоры и костяной скребок рассматривались учеными мужами того времени самостоятельно, вне какой бы-то ни было связи с расовыми особенностями ископаемого человека, создавшего эти рукотворные шедевры. Никакой причинно-следственной связи между спецификой культурного объекта и субъектом, его сотворившим, в понимании ученых того времени попросту не существовало. Культура была общей для всех и бралась в прямом смысле этого слова из ниоткуда. Для победы здравого смысла потребовались многие годы.

Определив расовый тип первоначального населения Европы, русские специалисты восстановили расовую динамику исторических процессов всего континента Евразии. Александр Иванович Вилькинс в работе «Антропологические темы в Средней Азии» (М., 1884) указывал: «Нам известно, что главная масса населения Средней Азии сложилась из смешения ветвей двух великих племен – Ариев и Монголов; это население есть этнический результат вековой борьбы благородного Ирана с варварским Тураном». Именно в противостоянии длинноголовых европеоидов и короткоголовых монголоидов с метисами добросовестные русские ученые той поры видели основной биологический контекст мировой истории.

О расовой чистоте исконного русского населения было написано множество научных работ. Первой среди них нужно упомянуть монографию А. П. Богданова «Антропологическая физиогномика» (М., 1878), в которой автор ставил задачу теоретического обоснования понятия «характерные русские черты лица». Объединив и синтезировав данные антропологии и психологии и наложив их на описание идеального русского национального типа из фольклора в совокупности с исконной русской моралью, А. П. Богданов пришел к однозначному выводу о северном происхождении русского народа. «Мы сплошь и рядом употребляем выражения: это чисто **русская красота**, это **вылитый русак**, типично русское лицо. Может быть, при приложении к частным случаям этих выражений и встретятся разногласия между наблюдателями, но, подмечая ряд подобных определений русской физиогномии, можно убедиться, что не нечто фантастическое, а реальное лежит в этом общем выражении **русская физиогномия, русская красота**. Это всего яснее выражается при отрицательных определениях, при встрече физиогномий тех из племен, кои исторически сложились иначе, например, инородцы, и при сравнении их с русскими. В таких случаях, **нет, это не русская физиогномия** звучит решительнее, говорится с большим убеждением и большей убежденностью. В каждом из нас, в сфере нашего «бессознательного» существует довольно определенное по-

нятие о русском типе, о русской физиогномии». Свои выводы, еще весьма откровенные и шокирующие для науки того времени, А. П. Богданов счел уместным проиллюстрировать решительными словами русского этнографа и историка Н. И. Надежина, сказавшего еще в 1837 году: «Физиогномия Российского народа, в основании Славянская, запечатлена естественным оттенком северной природы. Волосы русые, отчего в старину производили самое имя Руси».

В другой своей работе «Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии» (М., 1892) А. П. Богданов писал: «Коренным местным курганным народонаселением окажется длинноголовое, резко охарактеризованное и типическое; оно сплошь было раскинуто по средней полосе. Так как долихоцефалы встречаются и в других европейских странах, на западе и на севере: в Австрии, Германии, Швеции и, вероятно, Дании, я полагаю наименование их первобытными долихоцефальными европейцами будет наиболее соответствовать их истории. Каковы бы ни были различия народов центральной и восточной Европы, они имеют больше сходства между собой в черепе, в чертах лица и в других антропологических признаках, чем с народами юга, которые происходят от совершенно иной доисторической расы. Это сходство становится понятным при мысли о единстве первоначального длинноголового населения, которое распространялось от Швейцарии до Швеции, от Балтики до Восточной России и Урала. Если пересмотреть с этой точки зрения вопрос о «древних финнах» и «древних германцах», «древних славянах», «древних датчанах», «древних швейцарцах» и т. д., то мы найдем, что в наиболее отдаленные времена эти «древние народы» сливались в единых «древних европеоидах» – курганных длиннолицых долихоцефалах».

В статье «Изучение черепов и костей человека каменного века побережья Ладожского озера» (СПб., 1882) ученый указывал со всей ясностью: «Для белых европейских рас мы должны признать единое первоначальное происхождение и для этой первоначальной гипотетической расы даже и существует научное название – арийцы».

Археолог Д. К. Третьяков в 1915 году обнаружил черепа в курганах под Одессой, относящиеся к захоронениям III-II тыс. до нашей эры. Подавляющее большинство из них были долихоцефальными и несли на себе ярко выраженный отпечаток нордической расы. Д. К. Третьяков при этом подчеркивал, что они резко контрастируют с черепами средиземноморской расы, а все найденные брахицефальные черепа были отнесены им к альпийской расе. Наличие даже минимального процента монголоидной примеси в этих краниологических сериях русский ученый отрицал.

Позднее, в 1931 году крупнейший советский антрополог Г. Ф. Дебец (1904-1969) исследовал эти же черепа и полностью подтвердил выводы Д. К. Третьякова о полном отсутствии монголоидной примеси в черепах этих курганных захоронений.

Таким образом, название Руси и русского народа имеют древнейшее сугубо расово-антропологическое происхождение, восходящее к главному признаку северной расы – русым волосам.

Данным выводом мы никак не хотим обидеть ни один другой из европейских народов. Это лишь констатация очевидного факта.

Еще один корифей русской антропологии Николай Михайлович Малиев в брошюре «Антропологические изыскания» (Казань, 1881) подчеркивал, что «древнейшие черепа несомненно славянского происхождения, как, например, курганные Смоленской губернии, черепа древних киевлян, также скифские черепа наших южных губерний представляют длинноголовое строение. И на востоке России, на Каме и Волге, жило в древности длинноголовое племя, по своему анатомическому строению сходное и, быть может, генетически связанное, с племенами, населявшими центральную полосу России». А. Г. Рождественский в книге «К вопросу о древнем населении Рязанской губернии» (Рязань, 1893) указывал, что большинство русских черепов из могильников, датируе-

мых началом монгольского нашествия, было долихоцефалическим, а кое-где на черепаха при раскопках сохранились фрагменты белокурых волос.

Поэтому становится совершенно очевидным, что изначальным создателем и носителем культуры на всей территории Европы и европейской части России всегда был один и тот же расовый тип – длинноголовый голубоглазый блондин.

Обоснованию этого исходного тезиса, ставшего впоследствии базовым в классической расовой теории, посвящены следующие монографии русских ученых: Н. Ю. Зограф «Антропометрические исследования мужского Великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губерний» (М., 1892), А. А. Ивановский «Об антропологическом составе населения России» (М., 1904), Я. Д. Галай «Антропологические данные о Великорусах Старицкого уезда, Тверской губернии» (М., 1905), Е. М. Чепурковский «Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Великороссии в связи с колонизацией ее славянами» (М., 1913). Все перечисленные работы представляют собой систематизированный свод данных по расовой антропометрии русского народа и не устарели по сей день.

В пространство исторического мировидения русского народа в разные времена вторгались «кочевники от культурфилософии», пытаясь доказать его расовую неоднородность. Указания на мнимую биологическую вторичность русских и их смешение с финнами и тюрками с незапамятных времен исходит от недругов белой расы. Ответам всем этим «западным» и «восточным» уклонистам посвящены многочисленные историософские труды таких мэтров русской науки, как Дмитрий Иванович Иловайский (1832-1920), Владимир Иванович Ламанский (1833-1914) и многих других. До сих пор актуальна и показательна в этом плане небольшая по объему, но чрезвычайно яркая и убедительная статья «О великорусском племени» (1869) самобытного историка Ивана Дмитриевича Беляева, вскрывшего один и тот же порочный алгоритм подтасовок русской истории на расово-биологическом уровне.

Известный русский географ и картограф Александр Федорович Риттих написал несколько серьезных исследований по вопросу ареала распространения славян. В книге «Славянский мир» (СПб., 1885) он приводит обширный список населенных пунктов и урочищ на территории Западной и Центральной Европы, которые прежде имели славянские названия, показывая таким образом, что большая часть континента обязана своей историей славянскому, в частности, русскому влиянию, запечатленному во множестве географических названий. Но если исходный расовый тип русских установлен антропологически, то следовательно не может быть никаких сомнений в расовом происхождении народов всего Европейского континента.

Славянское влияние в расовом отношении никого не испортило, на что добросовестно указывали в том числе и такие классики, как Рудольф Вирхов и Иоганн Ранке, как мы убедились в этом ранее. Таким образом, различные национальные школы антропологии, не поддаваясь на провокации ангажированных политиков, нарисовали одну и ту же картину возникновения населения Европы, чем и доказали правомерность и аргументированность антропологического подхода к истории.

Нужно отметить особо, что русские антропологи активно участвовали в формировании научной концепции не только истории русского народа, но и всего многочисленного разнообразия племен, как входящих в состав Российской империи, так и граничащих с нею. В результате титанической работы десятков специалистов в этнографических и археологических экспедициях было создано обширное и весьма достоверное полотно расовой и этнической истории евразийского континента, вплоть до подробного описания эволюционных особенностей реликтовых племен, населяющих эти бескрайние пространства.

Работы по этнической антропологии, не потерявшие до сих пор своего значения ввиду основательности обработки фактического материала, в том числе в вопросах проис-

хождения белокурой расы, оставили Анатолий Петрович Богданов, Дмитрий Николаевич Анучин, Николай Юрьевич Зограф, Алексей Николаевич Харузин, Михаил Андреевич Тихомиров, Василий Николаевич Бензенгр, Николай Дмитриевич Никитин, Александр Иванович Таренецкий, Лазарь Константинович Попов, Николай Михайлович Малиев, Александр Иванович Вилькинс.

Уникален в этой части вклад в русскую и мировую науку этнографа и путешественника Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло (1860-1936). Исследовав Памир, Забайкалье, Монголию, Приморье и северную часть Китая, русский исследователь пришел к однозначному выводу: исходным биологическим типом, создавшим культуру на этих гигантских пространствах, был также длинноголовый блондин.

Многочисленные мумии из северных провинций Китая наглядно свидетельствуют об этом же. Наконец, и сам Конфуций – один из столпов китайской культуры – не может быть отнесен к чистым монголоидам, ибо, как известно, для них характерна незначительная волосая растительность на лице, в то время как на всех канонических изображениях его до сих пор рисуют с весьма пышной бородой. Это может свидетельствовать, как минимум, о высоком проценте европеоидной крови у Конфуция. Будучи подлинным энциклопедистом, как и абсолютное большинство русских ученых той поры, Г. Е. Грумм-Гржимайло проанализировал старинные китайские летописи и пришел к выводу, что исходным расовым типом, создавшим культуру северного Китая, бесспорно, был европеоидный. Этот тезис прекрасно обоснован в его монографии с характерным названием «Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми? (К вопросу о народах белокурой расы в Средней Азии)» (СПб., 1899). В ней он писал: «Одним из докитайских народов, населявших бассейн Желтой реки, были рыжеволосые ди». Китайцы в своих летописях добросовестно признают, что не являются автохтонами в тех местностях, которые по обыкновению связываются с традиционной китайской культурой. На многочисленных живописных изображениях эпохи ранних династий можно обнаружить подробные портреты демонов ада – «гуи», которые представлены с рыжими волосами, голубыми глазами и прочими характерными антропологическими признаками европеоидной расы. Характерно, что много позднее, уже в эпоху великих географических открытий, когда китайцы впервые увидели европейских путешественников, то они тотчас назвали их «янь-гуй-цзы» – заморскими чертями. Так сильно оказалось влияние расового стереотипа в их сознании.

В XXV веке до Р.Х. китайцы занимали ничтожную часть территории современного Китая и называли себя «народом ста семейств» или «черноволосыми», а все окрестные народы различали не по месту обитания, а по расовым признакам, чему оставили немало письменных свидетельств. Именно у своих инорасовых соседей китайцы обучились обработке и орошению полей, строительству дамб и иным инженерным ухищрениям очень сложного ирригационного искусства, а также строительству башен, дворцов и прочих архитектурных сооружений. Среди всех племен китайцы особенно выделяли многочисленное рыжеволосое племя «ди». Наконец, рыжеволосыми были представители одной из ранних китайских династий Чжоу (1122-225 до н. э.), что, по мнению Г. Е. Грумм-Гржимайло, указывает на их метисацию с представителями этого загадочного племени, так как иероглиф «ди» составлен из двух иероглифов, дословно обозначающих выражение «огненная собака». Он указывает: «Что «ди» принадлежали к белой (и, вероятно, белокурой) расе, подтверждается это и тем обстоятельством, что среди них были великаны. Подобное предположение не включает в себе ничего невозможного. В доисторические времена белая раса имела совершенно иное распространение, чем теперь. Ее остатки в различных грациях метисации и теперь сохранились на островах Полинезии и Зондских, в Индокитае, в Южном Китае, в Маньчжурии, в Японии, на крайнем северо-востоке Сибири и в Северной Америке; наконец, в Северном Китае и по настоящее время сохранился еще длинноголовый тип. Следы крови белой расы вид-

ны и среди некоторых частей населения Бутана, Непала и Кашмира, чем, между прочим, и объясняется их длинноголовость, прямо поставленные глаза и тонкий, прямой нос».

На арийское происхождение племени «ди» указывает также и тот факт, что своих вождей и царей они называли «ас».

В VII веке до Р. Х. племя «ди» распалось на две ветви – «белую» и «красную». Белая получила название «динлины», а от смешения с красной возникло множество современных народов, населяющих гигантские просторы Средней Азии и Дальнего Востока, в результате чего у многих из них до сих пор встречаются совершенно европеоидные черты лица.

Восстанавливая расово-психологический облик древних динлинов, Г. Е. Грумм-Гржимайло приходит к следующим, весьма характерным в плане нашего изложения, выводам. Мужчины динлинов отличались высоким ростом, атлетическим телосложением, выносливостью, крутым и воинственным нравом, женщины же их были, напротив, чрезвычайно утонченными, грациозными и блюли целомудрие. Их воины были свирепы и никогда не расставались с оружием, не задумываясь, они применяли его по любому поводу, но воевали не числом, а умением. Кованые латы, шлемы, кинжалы и мечи, которыми они пользовались, были весьма высокого качества. Мастера их строили деревянные срубы, умели мастерить дорогую одежду и создавать тонкие ювелирные украшения из золота, серебра и самоцветных камней. Шумные застолья с большим количеством вина и танцами были излюбленным времяпрепровождением. Мужчины всегда ходили гладковыбритыми, а женщины вплетали в свои роскошные белые локоны колосья, бусины и морские раковины. Все формы власти у динлинов были выборными. Собака считалась священным животным, и за ее убийство полагалось наказание, равное наказанию за убийство человека. Дух свободы и независимости пронизывал весь их жизненный уклад, а необузданность нрава вошла во многие китайские поговорки. Народная молва «Поднебесной империи» величает их не иначе, как «косматыми буйволами». Никто не мог у них принудить девушку выйти замуж против ее воли. Кроме того, только у динлинов из всех народов этой гигантской территории Азии моногамия составляла первичную и основную форму брака, отсутствовали похотливость и идолопоклонство, напротив, культ предков и рыцарство были весьма распространены.

Задаваясь справедливым вопросом: что же это была за раса? – крупнейший русский ученый – исследователь данного региона – сам же приходил к однозначному выводу, что по всем внешним описательным признакам, совокупному психологическому портрету, а также по деталям бытового жизнеустройства и специфическим чертам поведения это могла быть только европеоидная раса с очевидным доминированием в ее биомассе субстрата северного происхождения. Ответив на вопрос о расовом происхождении автохтонного населения Центральной и Восточной Азии, Г. Е. Грумм-Гржимайло реконструирует динамику исторических процессов в этом регионе, выдвигая свою версию сокращения численного состава белокурой расы.

Длинноголовые блондины проиграли схватку в борьбе за жизненные ресурсы Азии короткоголовым брюнетам не из-за недостатков своей физической и психической организации, но, напротив, из-за чрезмерной концентрации в регионе, не приспособленном к их выявлению и раскрытию. Движимый чувством индивидуальной свободы и не способный к подчинению, наделенный от природы инициативой и богатым творческим воображением, он неминуемо вынужден был проиграть толпе безынициативных существ, способных только к азиатскому раболепию и слепому повиновению. Лишенный похотливости и наделенный рыцарским, возвышенным отношением к женщине, белокурый блондин утвердил единственно возможную для себя форму брака – моногамию, чем и преопределил все возрастающий численный перевес за монголоидами и метисами, придерживающимися из-за специфики своей сексуально-психической конститу-

ции полигамии, гостевого брака и тому подобных форм половой активности, совершенно не доступных пониманию белого человека.

Эти смелые революционные взгляды на историю Г. Е. Грумм-Гржимайло уверенно развил в следующей своей тематической работе «Белокурая раса в Средней Азии» (СПб, 1909). Прежде всего, русский автор ссылается здесь на слова французского авторитета в области антропологии, профессора Поля Топинара, указывавшего: «Можно считать доказанным существование в былые времена в Центральной и Северной Азии расы с зелеными глазами и рыжими волосами».

«Раскопки могил в пределах Алтайско-Саянского нагорья указывают нам на эту горную область как на продолжительную стоянку длинноголовых. Сюда, надо думать, и должны были, главным образом, передвинуться если не автохтоны Забайкалья, то последующее длинноголовое население этой области, принадлежавшее, подобно длинноголовым алтайцам, к высшей расе, скорее всего, даже европейской, что доказывается как формой их черепов, так и гипсовыми масками, из коих многие отличаются замечательной красотой и чертами лица совершенно европейскими».

Раскопки курганов и могил в долине реки Селенги вскрыли существование в доисторическое время в этом районе двух расовых антиподов: это короткоголовый тип с цефалическим указателем 93,6 и длинноголовый тип с цефалическим указателем 68,4.

Кроме того, классические древние китайские трактаты повествуют о племенах, населявших Среднюю Азию вне Китайской стены, а именно: об усунях, хагясах, динлинах и бома, при этом подчеркивая, что у них голубые глаза и белокурые (рыжие) волосы. Примечательно, что у китайцев под именем «рыжих» известны все нечерноволосяе племена, начиная от белокурых и кончая темно-русскими. Трактат «Бэй-шы» прямо подтверждает, что южная окраина Гоби была родиной динлинов. Для обозначения многих племен, обитавших на этих гигантских просторах, китайцы использовали иероглифы, в точном переводе означающие «белый» и «пегий».

Только к концу IV века после Рождества Христова Алтайско-Саянское нагорье было наводнено тюрками, смешавшись с которыми динлины и образовали уйгурский народ, которых в китайских летописях долго называли «желтоголовыми». Что касается киргизов, обитавших поблизости, то сохранились сведения, относительно канонов расовой красоты, существовавших у них еще в начале IX века: рост высокий, цвет кожи белый, румяное лицо, цвет волос рыжий, глаза голубые. И этот базовый тип преобладал настолько, что черные волосы считались нехорошим признаком, а люди с карими глазами просто считались потомками китайцев. Уже в XVII веке, когда русские принялись осваивать Сибирь, то столкнулись с совершенно иным в расовом отношении народом, представленным в основном черноволосяыми и смуглыми типами. Китайские летописи отмечают также, что еще в XVIII веке и среди маньчжуров встречалось множество субъектов «со светло-голубыми глазами и орлиными носами».

Обобщая всю эту богатейшую информацию, Г. Е. Грумм-Гржимайло приходит к выводу, что «динлины составляли обособившуюся ветвь белокурой расы».

Упомянутый нами выше Александр Иванович Вилькинс по результатам своих экспедиционных исследований выпустил монографию «Антропологические темы в Средней Азии» (М., 1884) в которой свидетельствовал: «Я осматривал множество горных киргизов, населяющих внутренние части Тянь-Шаня, во время путешествия по Кашгарской границе и не мог не заметить несколько экземпляров, обращающих на себя внимание другими ненормальными для среднеазиатских киргизов признаками. Это были индивидуумы русые, даже почти белокурые. Кроме того, они имели серо-голубые глаза. Мне показалось даже, что и лица этих особей были более правильны, особенно склад глазниц, чем у их сородичей с типичными черными волосами и карей радужиной. Что такая особенность могла быть унаследована от древних обитателей Иссык-кульского побережья, не должно подлежать сомнению; вспомним, что в этом месте еще

до начала нашей эры жило голубоглазое и белокурое племя Уссуней. Уссунь были долихоцефалы. Невольно вспоминались мне рассказы о белокурых голубоглазых людях, встречаемых среди Памирских племен и, сопоставив наблюдения, приведенные выше, мне казалось, что в сущности нет поводов отрицать возможность воссоздания при помощи тщательного анализа в общих чертах угасшей теперь ветви горных арийцев, отличавшихся русыми волосами, голубыми глазами и удлинненным черепом».

Русский ученый С. Д. Масловский во время обширных полевых работ в Средней Азии с 1895 по 1899 годы также выделил северный светловолосый тип. Другой наш соотечественник Н. А. Аристов о горцах Припамирья в 1900 году писал: «В восточной части Средней Азии существовала особая, как признают антропологи, длинноголовая раса со светлой окраской кожи и волос, с зелеными или голубыми глазами (динлины, айны)».

Признанный мэтр русской антропологии Д. Н. Анучин в статье «Предварительный отчет о поездке к енисейским осякам в 1905 году» писал: «Я видел несколько осяков, которых по внешнему виду всякий отнесет к арийцам. Дети их часто белокуры, но с годами волосы их темнеют; встречаются и курчавые. Разрез их глаз, нередко серых и голубых, – открытый и горизонтальный. Нос у них прямой и тонкий, но попадаются субъекты и с орлиными носами и даже курносые».

Наконец, еще один признанный авторитет русской антропологической школы Алексей Иванович Харузин, изучив в экспедициях территорию Персии, окончательно подтвердил базовое утверждение расовой теории, впоследствии ставшее классическим, что **всегда и везде в мировой истории исходным расовым типом – создателем культуры – был человек белокурой расы. Именно он является поэтому наиболее биологически ценным.**

Известный польский антрополог и российский подданный Людвик Крживицкий в своей монографии «Антропология» (1900) подчеркивал: «Блондины постоянно выступают в истории в качестве беспокойного элемента. Колонизация северной Америки, крестовые походы, великое переселение народов, нашествия на Испанию, северную Африку вплоть до Египта в XV столетии, а быть может даже и в XXV столетии до нашей эры – все это дело блондина. Даже во вторжениях ирано-индусских и эллинских они играют роль, по мнению ученых, в качестве главной силы, особенно в аристократических слоях. Окраска волос большинства греческих героев, родовые названия римских патрициев, портреты представителей старого немецкого и французского дворянства – все это указывает на блондина, как на тип, в котором воплощались мужская энергия и геройство. Отсюда делают вывод, что блондины, как подвижный элемент, навязали свой язык сравнительно более пассивным короткоголовым брюнетам».

Совершенно неоченимую роль в контексте обсуждаемой нами темы имеет статья «Материалы для антропологии русского народа» (Русский антропологический журнал, 1902, N 3) русского ученого А. Н. Краснова.

Уникальность данного исследования состоит в том, что статистические антропометрические замеры проводились автором на призывных пунктах, расположенных по территориальному принципу в центральной России. Автор писал по этому поводу: «Подводя итоги измерений из 10 различных губерний и 21 уезда, мы не можем не поразиться тою однородностью состава, которая их характеризует. Везде бросается в глаза преобладание белокурого, светлоглазого типа. Блондины составляют от 20 до 50% всех измерившихся, поэтому, допуская всевозможные случайности при составе отдельных партий, нельзя все-таки не признать, что в 10 означенных губерниях основным элементом великорусского населения должна была быть какая-то белокурая, светлоглазая раса, которая, несмотря на смешение с черноволосою, давшая малочисленных гибридов с переходного цвета глазами и волосами, сохранилась в своем чистом виде в лице столь многочисленных абсолютных блондинов».

Ее влияние сильно и в помесях, так как число серых глаз еще больше, и серые глаза преобладают и у тех гибридов, у которых волосы приняли более темную окраску под влиянием примеси крови более пигментированной расы. Белокурые представители вместе с тем более однородны. В них мы находим наиболее обычные, так сказать, типичные для великороссов физиономии, которые на всем обширном протяжении, занятом 10 означенными губерниями, постоянно повторяются, так что, смешав снимки, вы будете поставлены в затруднение сказать, из какой губернии он взят. Нет ничего невозможного, что эти русские долихоцефалы есть лишь вариант скандинавской расы.

Так или иначе, из всего сказанного ясно вытекает следствие, что темноволосая раса не может быть названа русской. Это – привходящий элемент, заимствованный главным образом от финских и тюркских и, быть может, от южных и западных народностей, с которыми приходили в соприкосновение основные белокурые элементы русского народа».

Из более чем трех сотен томов издания «Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», вышедших до 1917 года, можно почерпнуть сведения обо всех революционных нововведениях создателей русской антропологической науки, ныне упорно замалчиваемых. Всемирно известный авиаконструктор Игорь Иванович Сикорский, уже находясь в эмиграции, в 1931 году издал сводный том работ своего отца философа и психолога Ивана Алексеевича Сикорского (1842-1919), который много и всесторонне занимался проблематикой рас. В этом сводном томе есть примечательная работа под названием «Антропология», в которой русский ученый изложил квинтэссенцию своего видения мировой истории: «Арийцы принадлежат к самым талантливым ветвям человечества, отличаются силой и глубиной дарований, широтой и разносторонним развитием способностей, при врожденном идеализме и идеальном направлении жизни. В этом смысле с Арийцами несравнима ни одна из ветвей человеческого рода. Одаренность Арийцев укрепила за ними первую роль и в обладании миром. При тонкости своего ума Арийцы глубоко проникли в существо вещей, способны к наукам и искусствам, верно предусматривают отдаленное будущее и готовят за долгие времена соответственные тому меры и действия. Свойственный же им идеализм дает разумение и силу для идейной организации будущего прогресса человечества. Арийцы создали образцовые литературы, музеи, книгохранилища, картинные галереи, школы, всякого рода правительственные учреждения, академии, общества для усовершенствования жизни во всех отношениях. Сообразно этим идейным программам они осуществили на деле правый суд и хорошее законодательство. Арийцы созидают и постоянно совершенствуют всю внешнюю обстановку человеческого общежития сообразно требованию науки, искусства и жизненного опыта. Вся их жизнь во всех своих шагах обращена в искусство жизни, всесторонне управляемое наукой, художествами, гигиеной и техникой, при постоянных заботах об отдаленном будущем. Почти все арийские народы ведут жизнь по национальному типу; такая жизнь имеет шансы удержаться и в будущем в течение многих столетий. Так как Арийские народы имеют своим местом жительства Европу, то Европа и все Европейское стало синонимом Арийского или высшего».

Другой крупнейший русский философ-эволюционист В. А. Мошков в своей фундаментальной монографии «Новая теория происхождения человека и его вырождения» (1907) исследовал проблему появления белой расы на основе синтетического обобщения данных зоологии, геологии, археологии, антропологии, этнографии, истории и статистики, в результате чего целой главе в своем сочинении дал весьма характерное название «Следы белой расы есть во всем мире». Обилие фактов, изложенных им в подтверждение своей теории, он остроумно завершил тем, что не только на острове Пасхи, но и на множестве других островов Тихого океана, а также в областях экваториальной Африки идола имеют одни и те же устойчивые европеоидные черты лица. Это

может говорить лишь об одном: культуротворческие способности белой расы были признаны во всех частях света.

3. Создание расовой теории

Итак, опираясь на историографию вопроса, мы постепенно убеждаемся в том, что лингвисты, археологи и антропологи во второй половине XIX века пришли приблизительно к сходным воззрениям на расовые истоки и расовую динамику истории человечества. Но была еще одна группа ученых, которых читающая публика признавала кабинетными чудаками и экзотические теории которых почитала разновидностью развлекательной салонной литературы. Именно они и выполнили роль основного двигателя в создании новой общественно-политической тенденции, именно они оформили в единое целое изыскания специалистов из различных областей знания, имя которого – **расовая теория**.

Ее отцом-основателем сегодня по общему признанию является француз, граф Жозеф Артюр де Гобино (1818-1882) – талантливейший философ, поэт и дипломат. Оставив после себя множество сочинений в самых различных жанрах, он вошел в историю с помощью своей фундаментальной монографии «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853-1855), в которой впервые в европейской науке предпринял дерзкую попытку интерпретации мировой истории на основе борьбы рас. В предисловии к книге он писал, что его «особый подход» состоял в том, чтобы представить логику исторических процессов как своего рода «историческую химию». Весь гигантский живой организм истории человечества он свел, по сути, к простой колбе, в которой в процессе химической реакции соединены биологические расы. Бурля, смешиваясь и разъединяясь, они ведут непримиримую борьбу в теле народов и государств, творя их историю.

Вливаясь в кровь какого-либо народа, одна раса, будто химический реактив, добавляет ему творческих сил, жизненной активности, а другая приводит к преждевременной деградации и социальной лености. Одна расовая примесь добавляет идеализма и благородства гражданам какого-либо государства, а другая гнетет пороками и тяготением к вульгарным плотским излишествам. Одна повелевает людям в виде чувства гражданского долга и соединяет их в сообщества, преобразующиеся в гигантские империи и целые цивилизации, рождает мыслителей и вождей. Другая, напротив, разъедает изнутри, как ржавчина, все духовные скрепы, толкая народы в объятья смут, кровавых братоубийственных войн и плодит на свет поколения паразитов и инфантильных мечтателей. Одна кровь созидает мировые религии, другая – безвременье смутных эпох. Так и творится, по мысли Гобино, история рода людского.

Подобный взгляд, причем столь масштабный и хорошо аргументированный, был внове и потому не был принят современниками. Однако череда открытий рубежа XIX-XX веков в области естественных наук все же заставила просвещенную публику переменить свое отношение к основному труду Гобино. Заслуженное признание пришло.

Суть его социально-расовой концепции лучше всего иллюстрируется следующей сентенцией: «Чем чище раса, тем меньше уязвима ее социальная база, поскольку расовая логика не меняется. Организующий характер любой цивилизации определяется самым очевидным признаком доминирующей расы; цивилизация изменяется, трансформируется по мере того, как эта раса сама подвергается изменениям; именно в рамках цивилизации в течение более или менее продолжительного периода продолжает действовать импульс, который когда-то дала ей исчезнувшая раса, и, следовательно, система, сформировавшаяся в обществе, представляет собой факт, который ярче всего свидетельствует о конкретных способностях и уровне народа, – это лучшее зеркало, в котором народ отражает свою индивидуальность».

Касаясь иерархической ценности рас, французский аристократ был столь же категоричен, ибо подчеркивал: «История показывает, что всякая цивилизация берет начало от

белой расы и ничто не может долго продержаться без ее участия, что общество может быть великим и процветать лишь в той мере, в какой оно сохраняет сотворившую ее благородную группу, и что сама эта группа принадлежит к самой развитой ветви нашего рода. Чтобы окончательно прояснить эти истины, достаточно перечислить цивилизации, которые существовали на земле, и, уверяю вас, список не будет очень длинным. Белая раса, искусная в главных механических искусствах, пытающаяся превратить воинское дело в настоящее искусство, в отличие от потасовки дикарей, приручившая множество видов животных, стоит на такой высокой ступени в сравнении с остальными человеческими семействами, что следует понять раз и навсегда: всякое сравнение бессмысленно по одной лишь причине, что даже в детском возрасте в этой расе не было следов варварства».

Исходя из этих принципов и соотнося их с богатейшим историческим материалом, черпаемым из многочисленных легенд и документальных свидетельств, Гобино вполне явно высказывался и о физических признаках того расового субстрата, что создавал культуру на гигантских просторах Евразии: «У арийцев была бело-розовая кожа: такими были самые древние греки и персы, такими запечатлены древние индийцы. Волосы, как правило, были светлые – вспомним, что эллины отдавали предпочтение именно этому цвету волос и наделяли им самых почитаемых Богов. У индусов идея красоты до сих пор ассоциируется со светлой кожей и светлыми волосами, о чем свидетельствуют описания избранных детей, столь частые в буддийских легендах. В них описывается, например, божественное создание в младенческом возрасте с золотистого цвета кожей. У него длинные руки, широкий лоб, близко расположенные брови и выступающий нос».

Так же и в отношении гигантских территорий Дальнего Востока французский расовый теоретик определенно указывал, что «еще совсем недавно многочисленные белые народы с белокурыми или рыжеватыми волосами и голубыми глазами обитали по западным границам Китая». Характерно, что за долихоцефальную форму черепа, характерную именно для белокурого северного расового типа, китайцы называли эти арийские племена людьми «с длинными лошадиными лицами». Наконец, и в создании великой цивилизации Египта, по его мнению, активно участвовали представители белой расы, о чем свидетельствуют барельефы, запечатлившие фараонов и жрецов с более светлой кожей, чем основная масса населения, и голубыми глазами.

Свои изыскания Жозеф Артюр де Гобино основывал на изучении древних письменных источников и данных сравнительной лингвистики, ибо академическая антропология тогда находилась еще в стадии формирования, однако это не помешало ему сделать правильные выводы и не впасть в заблуждения «чистых» лингвистов. Он писал в этой связи: «Сущность языка тесно связана с формой мышления народа и с самого начала содержала в себе, пусть и в зародыше, все необходимые средства передачи самых различных характерных черт образа мысли. Именно вследствие того, что существует достаточно тесная связь между языком и его носителем – расой, она сохраняется намного дольше, чем соответствующие народы сохраняют свою государственность. Все это позволяет сделать неопровержимый вывод о том, что ни один народ не может иметь язык, стоящий на более высокой ступени, чем он сам. Иерархия языков находится в строгом соответствии с иерархией рас».

Несмотря на то, что некоторая часть современных либерально настроенных культурологов по-прежнему продолжает записывать Гобино в основоположники расизма и в основатели «гегемонистских притязаний германского фашизма», мы все же рекомендуем бы читать внимательнее его основной труд. Так, в связи с древним славяно-германским спором, он вполне ясно писал: «Что касается Европы, прагматический элемент, который приносили самые активные германские племена, постоянно укреплялся на севере за счет притока кельтов и славян». Комментарии, как говорится, излишни.

Главное же зерно своей политической идеологии Гобино выразил следующими словами: «Превосходство арийцев не связано с исключительным развитием моральных качеств – оно заложено в принципах, из которых вытекают эти качества».

Если имя французского философа, историка, поэта и дипломата Жозефа Артюра де Гобино известно широкому кругу людей, интересующихся историей различных социально-политических доктрин, то имя другого официального основателя классической расовой теории известно лишь более узкому кругу специалистов. Густав Фридрих Клемм (1802-1867) – скромный немецкий библиотекарь, историк и собиратель древностей – вошел в историю как автор многотомного труда «Общая культурная история человечества» (1842-1852).

В этой работе он поставил перед собой цель выяснить закономерности взаимодействия между человеком и природой. Аналогично, как люди делятся на два пола, все человечество, по его мнению, также делится на две части: активную и пассивную. Под активной частью он подразумевал вполне конкретный расовый субстрат – людей северного типа, длинноголовых голубоглазых блондинов. Первые тома данной фундаментальной работы представляли собой подробный этнографический справочник на расовой основе, что было абсолютным нововведением в науке того времени. В этой книге автор писал: «Белокурая раса, отличающаяся светлой кожей и более развитой передней частью черепа, распалась на два или три элемента, и оказалось, что именно северные народы – представители наиболее активных работников в сфере политики и культуры. Первоначальная родина этой расы была в Европе и распространилась она уже в древнейшие времена на юг и восток, короче – белокурая раса представляет собой первую и старейшую культурную расу».

По мнению Клемма, в духовном плане эта половина человечества отличается развитой волей, стремлением к власти и могуществу, самостоятельностью и свободой; для нее характерна непрерывная деятельность, непрестанное стремление к развитию и прогрессу, а также склонность к исследованиям и тяготение ко всему новому. Отличает ее гордость и уверенность в себе. Эти психические свойства проявляются вполне отчетливо в истории тех наций, которые образованы данной активной частью человечества, а именно: в истории эллинов, римлян, германцев, славян, персов. «Эти народы постоянно переселяются, они разрушают старые, хорошо организованные государства и строят новые, они отличаются как искусные мореплаватели, у них особенно развита свобода управления, основным элементом которого является постоянный прогресс; знание, изучение и мышление заменяют собой у них слепую веру; в среде этих народов расцветают науки и искусства, и в этой области эти нации сделали больше всех других. Родина их расположена в средних широтах, отсюда они распространились по другим областям и покорили их». Такова основная канва расовой концепции Густава Клемма.

Имя же третьего основателя расовой теории вообще предано забвению. Но ради торжества исторической справедливости настало время исправить это досадное упущение и восстановить в правах русского гения – Степана Васильевича Ешевского (1829-1867). Его уникальный вклад в создание расовой теории состоит в том, что в 1862 году, будучи профессором кафедры истории Московского государственного университета, он начал читать первый в мире курс всеобщей истории на расовой основе. Часть лекций была оформлена им в виде отдельной работы «О значении рас в истории». Лишь скоропостижная смерть помешала автору воплотить в жизнь все свои смелые новаторские идеи. Но даже по одному этому произведению можно смело утверждать, что это первое отечественное каноническое сочинение по расовой теории. Более того, в отличие от него, работы французского и немецкого исследователей во многом напоминали художественные произведения, не отягощенные достоверной научной информацией. Это были скорее гениальные интуиции, прозрения. Русский же ученый первым создал полноценный научный труд, отвечающий строгим академическим канонам. Все идеологические

пассажи Ешевского основаны на данных археологии и антропологии. Его расовая доктрина истории может быть сведена к следующим основным тезисам:

1. Основной движущей силой истории является борьба народов, имеющих наследственные расовые различия.
2. В результате этой борьбы возникает естественное неравенство народов, которое и запечатлено в их культурной и социально-политической истории.
3. Расовые типы устойчивы и не подвержены влиянию внешней среды.
4. Основные человеческие расы возникли в разное время и в разных местах независимо друг от друга.
5. Представители северной белокурой расы имеют высшую расово-биологическую ценность с точки зрения их вклада в мировую цивилизацию.
6. Расово-смешанные метисы, напротив, по совокупности биологических, а, следовательно, и социокультурных характеристик обладают меньшей ценностью.
7. Во имя интересов гуманизма, справедливости и социальной стабильности представители «высших» рас должны руководить представителями «низших» рас.

Подобной жесткой категоричности в совокупности с научной аргументацией в трудах Гобино и Клемма не было. Высокая планка, заданная Степаном Васильевичем Ешевским, была вновь достигнута лучшими умами Европы лишь к началу XX века. Именно на рубеже веков расовая теория и оформилась как самостоятельное натурфилософское и социокультурное направление.

В Германии в 1895 году талантливый философ и историк Людвиг Шеман (1852-1938) создал Общество Гобино с целью массовой пропаганды идей забытого у себя на родине французского ученого. В 1900 году были вторично переоткрыты законы наследственности Грегора Менделя, в связи с чем понятие «расовой чистоты» было доказано на генетическом уровне. В том же году впервые было выдвинуто биологическое обоснование существования различных групп крови. Приблизительно к этому времени была окончена титаническая работа Немецкого антропологического общества под руководством Рудольфа Вирхова (1821-1902) по исследованию черепов современных европейцев в сравнении с ископаемым материалом, собранным палеоантропологами.

И в том же, в 1900 году на французском и русском языках появилась большая сводная работа русского антрополога французского происхождения Иосифа Егоровича Деникера (1852-1918) «Человеческие расы», в которой впервые в научной практике был применен новый синтетический принцип расовой классификации.

В основе расовой теории лежит понятие расы, которое было привнесено в европейскую науку в 1684 году французским этнографом и путешественником Франсуа Бернье (1625-1688). На протяжении двух столетий не существовало четкого и однозначного определения этого термина, ибо ученые смешивали сугубо биологические параметры с лингвистическими и этнографическими, из-за чего постоянно возникала путаница, а народы, имеющие одинаковый внешний облик и психические характеристики, включались в различные расы на основе данных этимологии или выводов сравнительной лингвистики. Нередко народы, не имеющие между собой ничего общего в плане физического строения, были отнесены к одной расе только на основе языковой общности. Эти противоречия и неточности в систематизации дорого обошлись адептам расовой теории, ибо скомпрометировали всю науку в целом. В результате отождествления «народа» и «расы» возникли совершенно абсурдные словосочетания, такие как «тевтонская раса», «германская раса», «славянская раса».

Именно русский ученый Деникер исправил положение, когда опубликовав свою монографию «Человеческие расы», которая до сих пор считается эталоном систематизации естественнонаучной информации, и в которой впервые были сформулированы основные антропологические принципы оценки различий между человеческими расами. В антропологии возникла **расовая типология**, благодаря чему классификация че-

ловеческих рас приобрела современный четкий вид. Исчезли различия, а использование сугубо антропологической терминологии приобрело более строгий научный характер.

Под расой Деникер понимал «соматологическую единицу», что положило конец идеализму в антропологии, таким образом, было покончено. Вся книга по сути посвящена отделению друг от друга этнографии и антропологии, которые автором определяются как явления различного порядка: первое – социологического, а второе – биологического. Он пишет: «Несколько лет тому назад я предложил классификацию рас, основанную единственно лишь на физических признаках (цвете кожи, качестве волос, росте, форме головы, носа и т. д.)».

И. Е. Деникер первым встал на позиции жесткого и последовательного **биологического детерминизма** в расовой философии. По его мнению, окружающая среда бессильна перед расовыми признаками. Он подчеркивал: «Расовые признаки сохраняются с замечательным упорством, невзирая на смешение рас и на изменения, обусловленные цивилизацией, утратой прежнего языка и т. д. Меняется лишь соотношение, в котором та или иная раса входит в состав данной этнической группы».

Работы русского ученого были признаны всем мировым научным сообществом, благодаря чему в антропологической литературе прочно укоренилось понятие **расовый тип**, постоянный и неизменный, раз и навсегда данный, и не подверженный влиянию среды. Исторически сложившаяся комбинация расовых типов является собой продукт социального развития – этнос, и тот тип, который в нем доминирует, впоследствии формирует физический и духовный облик каждой национальной общности. Это правило было прочно усвоено и стало базовым для расовой теории.

Возвращаясь к основной теме нашего повествования, особо выделим вклад И. Е. Деникера в укрепление позиции антропологов в их борьбе с этнографами и культурологами в части спора о прародине белой расы. Он поставил точку в споре об арийцах, который к тому времени достиг своей кульминации, для чего ввел новый термин, принципиально не имеющий ничего общего с романтическими концепциями лингвистов: «Длинноголовую, очень рослую, светловолосую расу можно назвать **нордической**, так как ее представители сгруппированы преимущественно на севере Европы. Главные ее признаки: рост очень высокий: 1,73 метра в среднем; волосы белокурые, волнистые; глаза светлые, обыкновенно голубые; голова продолговатая (головной указатель 76-79); кожа розовато-белая; лицо – удлиненное; нос – выдающийся прямой». Терминологическая некорректность в расовой теории закончилась, термин арийцы плавно отошел в сферу культурологии, социологии и религиоведения: «Не может быть и речи об арийской расе, а позволительно говорить только о семье арийских языков и, пожалуй, о первобытной арийской цивилизации».

Одновременно с этим все большее влияние на общественную жизнь начинало оказывать эволюционное учение Чарльза Дарвина. Так, один из его последователей, выдающийся немецкий философ и естествоиспытатель Эрнст Геккель (1834-1919) первым перенес основные биологические законы борьбы за существование в область социологии, чем и обусловил возникновение нового философско-политического учения, получившего название **социальный дарвинизм**. В основных своих работах, снискавших ему массовую популярность: «Естественная история мироздания» (1868), «Антропогенез, или история развития человека» (1874), «Натуралист под тропиками» (1876), он по сути обосновал те же идеи, выдвинутые расовыми теоретиками, доказывая культурную неравноценность человеческих рас в процессе их эволюционного развития. Белая раса получала приоритет в его натурфилософских построениях.

Концепцию Эрнста Геккеля поддержал крупнейший русский биолог Илья Ильич Мечников. Его фундаментальная работа «Борьба за существование в обширном смысле» (1878) является подлинным шедевром русского социал-дарвинизма. В ней он под-

черкивал: «Естественное неравенство между отдельными особями, племенами и расами есть общий принцип в организованном мире». О культурных взаимоотношениях между «низшими» и «высшими» расами русский ученый отзывался следующим образом: «Искусственное охранение нынешних дикарей может совершиться не иначе, как за счет живущих и будущих европейцев».

4. Антропосоциология

Таким образом, синтез данных естественных наук с философскими построениями расовых теоретиков постепенно привел к созданию в конце XIX века еще одного научного направления, получившего название **антропосоциология**.

Целая плеяда талантливейших ученых: Жорж Ваше де Лапуж (1854-1936), Отто Аммон (1842-1916), Людвиг Вольтман (1871-1907), Людвиг Вильзер (1850-1923) – оформила его своими сочинениями и придала ему лоск модной по тем временам философской концепции.

Основная идея французского основоположника антропосоциологии Жоржа Ваше де Лапужа лучше всего отражена в двух его основных сочинениях: «Социальная селекция» (1896) и «Ариец и его социальная роль» (1899).

В них он писал, что в основе расовой дифференциации Европейского континента лежит следующее подразделение. Номо еигораеус – длинноголовая (долихоцефальная), белокурая и высокорослая раса, в психологическом отношении отличающаяся тщеславием, энергией, умом, идеализмом. Темную, короткоголовую (брахицефальную) и малорослую расу, встречающуюся по всей Европе, Лапуж называет homo alpinus и приписывает ей консервативные, осторожные и малогениальные черты. Третья главная раса Европы – это средиземноморская, долихоцефальная, но темная и морально стоящая еще ниже темной брахицефальной.

«Длинноголовые блондины исполняют функции мозга и нервов в общественном организме, а короткоголовые и их метисы играют роль мышц и костей. Тысяча брахицефалов не стоит тысячи долихоцефалов», – вот сердцевина его антропосоциологической концепции. Абсолютно новым в ней было также и то, что Лапуж низвел человека с пьестамента любимого творения Бога и подчинил его биологическим законам, единым для всего живого. Поэтому его сочинение об «Арийце» начинается словами: «Эта книга является монографией о homo еигораеус, то есть о том виде, которому давали различные названия светловолосой долихоцефальной расы, германской или арийской. Я повсюду буду обозначать ее научным термином, данным Линнеем. Это наиболее надежное средство, чтобы напоминать постоянно читателю о том, что существо, о котором идет речь, не является неким совершенно особым животным, но входит в общую систему природы и подчиняется общим биологическим законам. Произвольное в человеческих делах существует лишь в воображении мистиков, тогда как дарвинистская политическая наука или антропосоциология стремится как раз к тому, чтобы заменить конкретными понятиями метафизические и мистические концепции философской социологии».

Именно на базе этих универсальных биологических законов Лапуж и переосмыслил мировую историю. Длинноголовые блондины, по его мнению, не способны к низкой, систематической работе, поэтому всегда и везде они стремятся сформировать правящий слой, оставляя примитивную работу короткоголовым брюнетам. Будучи предприимчивыми, они решались на все и вступали в борьбу из любви к ней, а не из расчета на прибыль. Их кругозор был очень широк, их пожелания и помыслы – смелы, поступки же соответствовали последним. Прогресс у них – врожденная страсть. Они требовали уважения к индивидуальной свободе и скорее старались сами возвыситься, чем унижить других. Вообще говоря, в смешанном обществе они неизменно были активным началом.

Лапуж приписывал белокурой долихоцефальной расе образование высших классов в Египте, Халдее, Ассирии, Персии и Индии, так же как и большое влияние на всю греко-римскую цивилизацию.

«Действительно, на памятниках Египта, Халдеи и Ассирии, все высокопоставленные лица изображены белокурами, голубоглазыми и высокорослыми. Греки на египетских изображениях представлены также высокими, белокурами и длинноголовыми. Тип героев Греции, несомненно, был таков же. Боги и герои Гомера всегда блондины высокого роста и со светлыми глазами. В первой песне «Илиады» Минерва схватывает Ахилла – первенствующего героя – за его белокурые волосы, и это выражение повторяется еще раз в XII песне, когда Ахилл приносит в жертву останкам Патрокла свои волосы. Царь Менелай также блондин. В «Одиссее» Мелеагр, Аминтор и Радамант – блондины. Виргилий даже Дидону представляет блондинкой, хотя она финикийка, а потому должна была бы быть черноволосой; Минерва, Аполлон, Меркурий, Комерт, Камилл и Лавиния тоже у него описаны белокурами. Все главные герои Овидия белокуры. В римской аристократии преобладал белокурый тип, о нем свидетельствуют прозвища: *flavius, fulvius*. Данте и Петрарка воспевают белокурых героинь: Беатриче, Матильду, Лауру. Вообще, достаточно пересмотреть галерею картин эпохи Возрождения, чтобы убедиться, насколько светлые волосы тогда преобладали, особенно у женщин. Протестантизм – эволюция католичества – распространился преимущественно среди белокурых народов Европы, а не среди черноволосых».

Далее Лапуж доходит до утверждения, что цивилизованность народов почти в точности пропорциональна количеству белокурых долихоцефалов, входящих в состав правящих классов. В общем, «в эволюции человечества черноволосые брахицефалы и продукты их скрещивания играли роль простых солдат при главном штабе, состоящем из белокурых долихоцефалов».

До завоевания Галлии римлянами, указывает Лапуж, в ней насчитывалось около 5-6 миллионов населения, короткоголовых и блондинов. Около миллиона погибло в войнах с Цезарем и столько же было продано в рабство. Мертвыми в этой борьбе пали преимущественно энергичные блондины, поэтому после поражения Галлия становится самой трудолюбивой, но зато и самой раблепной провинцией. Искра восстания вспыхнула лишь на севере, где светловолосые элементы были более многочисленны. И такое положение вещей сохранялось несколько столетий; возрастало богатство, но не слава. Постепенно, однако, сначала в качестве союзников, затем в качестве победителей, длинноголовые проникают в страну в V веке и в последующих столетиях, и вместе с тем страна оживает. Нескольких сотен тысяч новых пришельцев было вполне достаточно для того, чтобы раблепствующее население в несколько миллионов человек настроилось на воинственный лад. Так и возникла, по Лапужу, Франция нового времени.

Затем в течение нескольких веков светловолосые великаны рассеивались по соседним странам (крестовые походы, экспедиции и войны феодалов). В более поздний период эти же расовые элементы участвовали в движении Реформации и создали гигантскую сеть французских колоний по всему земному шару. Но все эти походы, борьба за идею, движения крестоносцев и инквизиция уничтожили самых энергичных представителей длинноголового типа, и когда они гибли, короткоголовые брюнеты берегли свои силы и побеждали при помощи пассивного выжидания.

Великая французская революция, во главе которой по преимуществу стояли блондины, лишь узаконила антропологический факт: плоды инициативы длинноголовых блондинов достаются безынициативным короткоголовым брюнетам. Антропологический результат войн Наполеона – снижение среднего роста мужского населения Франции на 10 см., и его резкое потемнение. Политическое ничтожество Франции конца XIX века, по Лапужу, также есть следствие засилья короткоголовых брюнетов.

Таким образом была создана шкала биологической ценности рас. Культурные достижения каждой из них отныне являются универсальным мерилем, позволяющим без труда по процентному соотношению исходных биологических компонентов прогнозировать социальную активность того или иного общественного организма.

Приняв во внимание новую трактовку истории, Жорж Ваше де Лапуж сформулировал свои знаменитые **одиннадцать антропосоциологических законов:**

1. Закон распределения богатств: в странах со смешанным населением *homo europaeus* – *homo alpinus* богатство возрастает в отношении, обратно пропорциональном головному указателю.

2. Закон высот: в местностях, где существуют совместно *homo europaeus* и *homo alpinus*, первый локализуется на более низких местах.

3. Закон распределения городов: важные города почти исключительно локализованы в долихоцефальных областях или в наименее брахицефальных частях брахицефальных областей.

4. Закон городского головного указателя: головной указатель городского населения ниже, чем сельского населения.

5. Закон эмиграции: среди населения, начавшего диссоциироваться (разъединяться, разделяться) перед перемещением, эмигрирует наименее брахицефальный элемент.

6. Закон браков на новых местах: менее брахицефальные элементы особенно склонны к бракам вне своей страны.

7. Закон концентрации долихоцефалов: мигрирующие элементы привлекаются центрами долихоцефалии, которые все больше обогащаются долихоцефалами. Закон этот может формулироваться и так: в областях, где существует брахицефальный тип, он стремится локализоваться в деревнях, а долихоцефальный тип – в городах.

8. Закон городской элиминации (исключения): городская жизнь производит отбор в пользу долихоцефальных элементов и разрушает, или элиминирует (исключает) наиболее брахицефальные элементы.

9. Закон стратификации: головной указатель в одной и той же местности распространяется, уменьшаясь от низших классов к высшим. Средняя высота роста и количество высокорослых возрастают от низших классов к высшим.

10. Закон интеллигентов: череп интеллигентов более развит во всех направлениях, и особенно в ширину.

11. Закон увеличения указателя: начиная с доисторических времен, головной указатель везде и непрерывно увеличивается.

Список законов Лапуж заканчивает рядом замечаний, суммированных следующим образом: «Как ни удивительны эти законы, мы еще только в начале открытий. Остается еще много других, о которых еще и не подозревают. Ясна необходимость полного антропологического кадастра в каждом государстве, и если он будет произведен надлежащим образом, то даст политические результаты, важность которых едва может быть предвидена».

Практически к тем же выводам пришел в своих работах его немецкий коллега Отто Аммон (1842-1916), который подкрепил теоретические выкладки многочисленными данными обмера новобранцев по всей Германии. Уже в первой значительной работе «Дарвинизм против социал-демократии» (1891) он по аналогии с древней кастовой системой Индии подразделил европейское общество на четыре антропологических класса.

«В первый класс входят новаторы, изобретатели, пионеры, открывающие человечеству новые пути. Они имеют уровень интеллекта выше среднего, это люди с характером, неустанные и смелые творцы, на проторенных путях они чувствуют себя не очень хорошо... Человечество обязано им всем прогрессом.

Второй класс – умные и искусные люди, которые не обладают творческим духом, но умеют схватывать, разрабатывать и улучшать чужие идеи... Первые два класса взаимно дополняют друг друга.

В третий класс входят люди со средним уровнем интеллекта или ниже среднего. Для них характерно состояние, именуемое «духом стада». Они поддаются обучению и, не имея своих идей, могут усваивать чужие. Они не могут сами развивать усвоенные идеи и потому противятся любым новшествам. Они думают, будто обладают всеобщей истиной, сохраняя приверженность к ней с инертностью массы.

Четвертый класс – неполноценные люди, не способные производить, открывать или комбинировать, или усваивать чужую культуру».

Отто Аммон в соответствии с данной классификацией совершенно справедливо делал вывод, что значение народов, их ценность для мировой культуры, превосходство одного народа над другим тем больше, чем больше в народе людей первого и второго класса.

«Человек первого класса стоит тысяч простых работников физического труда и улучшает благосостояние тысяч. Люди третьего и четвертого класса только следуют по проложенным людьми первого класса путям. Люди первого класса – это локомотивы, люди третьего и четвертого класса – вагоны».

В 1893 году вышла его следующая книга «Естественный отбор среди людей», в которой к антропологическим измерениям была добавлена теория зародышевой плазмы Августа Вейсмана и Томаса Моргана. «Детерминанты зародышевой плазмы, определяющие череп и остальной скелет, представляют собой стабильные формы, равно как и те, которые определяют цвет глаз, волос и кожи». Кроме того, в этом сочинении Аммон впервые вывел соответствие между ростом и головным указателем. Он подчеркивал также, что среди правящих классов процент людей высокого роста со светлыми волосами и голубыми глазами существенно выше, чем среди представителей низших классов.

А в книге «Общественный строй и его естественные основания», вышедшей в 1895 году, Аммон развил эту генеральную мысль уже со всей определенностью. По его мнению, именно из-за размывания расовой основы элиты и погиб античный мир. «Согласно антропологической концепции, это были принадлежавшие к высшей расе арийцы, люди Севера, которые в доисторические времена пришли в Грецию и Италию и господствовали над темноволосыми туземцами, обладавшими более слабым характером, постепенно смешиваясь с ними».

Затем в 1903 году взошла звезда молодого Людвиг Вольтмана (1871-1907), опубликовавшего свое фундаментальное сочинение «Политическая антропология» и сделавшегося в одночасье популярным среди просвещенной публики. Расовая проблема в нем была выведена на качественно новый уровень обсуждения. Книги теоретиков данного направления стали издаваться все увеличивающимися тиражами, общественный резонанс возрастал. В книге Вольтмана был подзаголовок «Исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов», отвечающий замыслам автора подчеркнуть глобальность его научного кругозора. Кроме того, данное сочинение явилось откликом на первый социальный заказ в области расовой теории, ибо всемирно известная немецкая сталелитейная фирма Круппа объявила конкурс на проведение глобальных исследований. Таким образом, расовая теория начала оформляться в самостоятельное научное направление, и обрела статус академической дисциплины. Период непрофессиональных рассуждений, догадок и интуиций стал плавно отходить в прошлое, началось методичное формирование канонов расовой теории, с которой уже вынуждены были считаться сильные мира сего. Крупнейшие политики эпохи явственно осознали, что на полигоне общественных идей возникло и прошло испытания оружие

невиданной доселе разрушительной силы, и победу обретет тот, кто сумеет освоить его массовое применение.

В своей книге Вольтман совершенно отбросил всякую половинчатую риторику прежних «любителей» от расовой теории: «Из государств только те долее других остаются на вершине достигнутого ими процветания, которые не придерживаются одностороннего естественного отбора и не поддаются чересчур стремительному культурному порыву, но часть своего более одаренного населения щадят и сохраняют в возможно здоровых жизненных условиях как свой природный источник талантов. Арии – последние пришельцы и завоеватели, которые вследствие своей высшей физической силы и интеллекта покорили низший народ. Они всюду образуют господствующую касту и придают большое значение избеганию неравных браков, почему и презирают ублюдков. Самая светлая раса в то же время и самая даровитая, и благородная».

Начертав подробную концепцию мироздания на основе новых расово-биологических критериев оценки социально значимых исторических явлений, Вольтман осознал силу и новизну своего нового метода, что подтолкнуло ученого к учреждению крупного периодического издания «Политико-антропологическое обозрение», главным редактором которого он и стал.

Кроме того, в двух своих последующих монографиях «Германцы и Ренессанс в Италии» (1905) и «Германцы во Франции» (1907) на основе данных истории искусства, лингвистики, патронимики и антропологии он проанализировал истоки небывалого культурного подъема той эпохи, чем заложил истоки новой науки – **культуробиологии**.

Вольтман убедительно и наглядно показал, что все ключевые фигуры Возрождения принадлежали к северному расовому типу. Стилистика психических переживаний именно этой расы больше всего угадывается в шедеврах Ренессанса, который по сути и явился зримым воплощением реализации потенций североевропейского духа. В обеих книгах явственно доминирует все та же главная политико-антропологическая тема: «Белокурый элемент народа определяет его культурную ценность, а упадок великих культур объясняется угасанием этого элемента».

Культура не возникает из ниоткуда сама по себе, ее не создают капризы Божества, и она не может возникнуть в результате благоприятного распределения среднегодовой нормы осадков или успешных спекуляций на бирже. Культура – это всегда результат напряжения высших физических и психических сил человека конкретного расового типа. Культура сама по себе не причина, но всегда только результат действий наследственных задатков человека, соприкасающихся с реалиями окружающего мира. В основе любого творческого акта лежит врожденная система ценностей творца, которая и выполняет по сути функцию чертежа, оживающего затем уже в самом творении. Но система ценностей творца наследственно обусловлена и всецело детерминирована его расой.

«В настоящее время не может быть уже сомнения в том, что **рослая, белокурая и светлоглазая северная раса** создала всюду фундамент для того уровня развития, который мы называем полной культурностью. Несомненно, что средиземноморская и монгольская раса обладают немалой культурной способностью, и отрицание этого факта было бы односторонним преувеличением. Наибольшее значение имеет то обстоятельство, что северная раса во всех ее отраслях всегда достигала **высшей степени цивилизации**, чего отнюдь нельзя сказать о средиземноморских народах и монголах. Выдающиеся гении человечества принадлежат к этой расе или произошли от смешанных рас с преимущественным количеством северной крови. Лучшие люди новой духовной истории были большей частью таковыми, как Дюрер, Леонардо-да-Винчи, Галилей, Рембрандт, Рубенс, ван-Дейк, Вольтер, Кант, Вагнер. Другие обнаруживают примесь

темной расы, выражающуюся в более темной окраске или, реже, в более широком черепе, как Данте, Рафаэль, Микель-Анжело, Шекспир, Лютер, Гете, Бетховен».

Идеалы мнимых, иллюзорных и ни на чем не основанных «свободы, равенства и братства» были, таким образом, публично посрамлены впервые со времен Великой французской революции.

Скорая и нелепая смерть еще совсем молодого Людвиг Вольтмана в 1907 году не сумела перечеркнуть его заслуги.

Сходной системы взглядов и аргументации придерживался также и такой классик социалантропологии, как Людвиг Вильзер (1850-1923). В своей книге «Германцы» (1904) он детализировал рассмотрение причинно-следственной связи между культурой и ее носителями, для чего перевел проблему на качественно новый уровень эволюционной морфологии различных человеческих рас. «Уже только на основании морфологических и физиологических соображений можно прийти к тому справедливому заключению, что великорослый человек с крупным черепом, длинноголовый и светлоокрашенный, то есть североευропейской расы, представляет собой совершеннейшего представителя человеческого рода и высший продукт органического развития, так как благородству внешней осанки, то есть высшему развитию тела по психофизиологическому основному закону, несомненно, соответствует и тончайшая организация мозга. Северная раса в среднем наиболее крупная и сильная. При сильном строении тела она сохраняет и полнейшую пропорциональность членов, целесообразность которой проявляется в **прекрасном покрое** и равномерном распределении органического материала. Из исследований о расовой красоте женщины видно, что красивейшая пропорция наблюдается у блондинок. Средиземноморская раса, хотя и отличается таким же строением членов, но ей не хватает крупного роста и силы северного человека; ей не хватает также светлой кожи и белокурых волос, а сильная общая пигментация ведет к чрезвычайной потере энергии, в то время как у светлой расы она сохраняется в пользу нервной и мышечной силы. Помимо этого целесообразного применения энергии, на рост интеллекта благотворно действует еще и более позднее наступление половой зрелости».

Вильзер с большим энтузиазмом развивал идеи Карла Пенки, упоминавшегося нами выше. В своей книге «Прародина ариев» последний пришел к оригинальным умозаключениям на базе нового синтетического метода, при котором выводы одной группы наук обязательно перепроверяются методами другой. При таком подходе многие факты возникают перед нами в совершенно ином свете. «Египет много раз был населен белой расой в доисторическое время, затем при нашествии ливийцев и морских народов. Тот факт, что эти люди принадлежали к северной расе, то есть были арийцами, доказывает, что относящиеся ко времени каменного периода мегалиты были найдены также и в Египте. Легко доказать общность происхождения дольменов, рассеянных по Европе, Азии и Африке из северной родины, откуда вышла арийская раса. Из примера Египта явствует, что антропология должна составить основу политической и культурной истории. Возникают чрезвычайно интересные вопросы, ответ на которые с этой точки зрения науки не так уже труден: не в мозгу ли белокурых и голубоглазых жрецов возникла идея о постройке пирамид? Очевидно, что пирамиды отождествляют собой лишь дальнейшее развитие мегалитов».

Вильзер вполне владел методами антропометрии, поэтому, чтобы перепроверить культурологические утверждения Пенки, он прибег к простому и радикальному способу: исследовал сохранившийся череп мумии египетского фараона Рамзеса Великого. Каково же было его изумление, когда на долихоцефальном черепе древнего владыки он обнаружил остатки светлой шевелюры, что и позволило Вильзеру причислить фараона к «последним отпрыскам северной расы» в этом регионе.

Главный же теоретический вывод Людвиг Вильзера в его фундаментальной работе сводился к тому, что не на юге и не на востоке, но именно на севере Европы нужно искать прародину белокурой расы, представители которой везде и всегда выступали в качестве «врожденных носителей мировой цивилизации».

5. Немецкая расология

Глубокий след не только в истории развития расовой теории, но и в формировании общественно-политических идей рубежа XIX и XX веков сыграла деятельность английского аристократа Хаустона Стюарта Чемберлена (1855-1827), натурализовавшегося в Германии и известного ныне именно как немецкий расовый философ. Его двухтомное сочинение «Основы XIX столетия», вышедшее в 1899 году, стало вехой в развитии теории и вызвало оживленные дискуссии.

В своей работе автор подверг достаточно скрупулезному анализу историю мировой цивилизации с точки зрения вклада в нее определенных расовых типов. «Все выдающиеся люди, выступившие начиная с шестого столетия в качестве истинных творцов судьбы человеческой, а именно: как основатели государств, созидатели новой мысли и оригинального искусства, – были германского происхождения. Создания арабов отличаются своей кратковременностью; монголы только разрушают, но не создают ничего; гениальные итальянцы средних веков были все выходцами или Севера, пропитанного ломбардской, готской и французской кровью, или германо-эллинского юга; в Испании созидающий элемент представляли собой вестготы. Пробуждение германцев для их всемирно-исторического значения как основателей совсем новой цивилизации и совсем новой культуры образует фундамент европейской истории».

Массовое движение Реформации он также охарактеризовал как «возмущение германской души против ее негерманского истязания».

В контексте нашего повествования необходимо отметить следующий факт. Многие ангажированные политологи вот уже сто лет клеймят имя Хаустона Стюарта Чемберлена, записывая его в предтечи «германского фашизма», а также представляя его как одного из основных идеологов милитаризма.

Всем его гневным критикам мы, прежде всего, рекомендовали бы обратиться к первоисточнику за прояснением вопроса. По собственному признанию Чемберлена, термин «германцы» для обозначения данного биотипа он позаимствовал у древнеримского историка Тацита, писавшего, что они прежде всего блюли чистоту крови и никогда не смешивались с другими народами. Однако при этом немецкий расолог откровенно признавался: «Никогда не существовало народов, которые сами называли бы себя германцами».

Чемберлен ссылается на слова Тацита, который описывал германцев как людей, имеющих «голубые глаза, светлые волосы и высокие фигуры», но при этом добросовестно подчеркивает, что под это описание подпадают еще две большие расово-этнические группы: «кельты» и «славяне». Древние славяне времен начала миграции были ярко выраженными долихоцефалами высокого роста. Кроме того, Чемберлен ссылался на крупнейшего авторитета физической антропологии Рудольфа Вирхова и на его обширные исследования цвета волос и цвета глаз, на основании чего пришел к выводу, что славяне происходят из самого центра региона, из которого распространились все представители данного расового типа.

Его не удовлетворил термин Линнея «*homo europaeus*», который Чемберлен считал крайне абстрактным и уже отходящим в область истории. Не воспользовался он в своей классификации рас и определениями «индоевропейцы» и «арийцы» в силу их неопределенности. Таким образом, он остановился на названии «германцы», за неимением лучшего, но честно признавая всю относительность и неточность данного расового определения.

В конце своей книги, давая прогноз на будущее, Хаустон Стюарт Чемберлен провидчески писал, что мир в Европе во благо всей белой расы может быть достигнут только на базе кельто-германо-славянского союза. Поэтому все обвинения, выдвигаемые в адрес немецкого философа, мы считаем просто нелепыми и основанными на полном незнании источников.

В целом рубеж XIX и XX веков был изумительным временем титанов политической философии. Книги по расовой теории выходили тиражами от одной до трех тысяч экземпляров, но и этого оказывалось достаточно, чтобы предельно возбудить читающую публику новыми взрывоопасными идеями и круто изменить общественное мнение. На основе работ Отто Аммона были созданы дифференциальные методики отбора новобранцев в немецкую армию. Многочисленные публикации Людвиг Вильзера и Людвиг Вольтмана предопределили впоследствии деградацию всей западноевропейской социал-демократии и сделали невозможным появление коммунистических режимов в развитых европейских странах. Что касается основного труда Хаустона Стюарта Чемберлена, то сам Кайзер Вильгельм II рукоплескал ему и неоднократно впоследствии советовался с ученым в вопросах выработки внешней политики Германии.

Едва началась русско-японская война, как Вильгельм II направил Николаю II письмо, в котором называл своего брата – русского царя – «повелителем Востока», а себя «повелителем Запада», подчеркивая, что всеми силами будет содействовать России в усмирении поднимающейся «желтой опасности». Немецкий монарх ясно видел расовые основы этого конфликта и дал понять русскому монарху, что открыто встает на сторону расово близкого народа. Этот факт, как никакой другой, дает понять всю лживость и беспочвенность нечистоплотных либеральных политологов, утверждающих, что Чемберлен и ему подобные расовые теоретики санкционировали немецкую агрессию на Восток. Напротив, и сам Чемберлен и многие его коллеги написали множество теоретических работ, в которых обвиняли Англию в развязывании Первой мировой войны, ставшей по сути первой гражданской братоубийственной бойней народов белой расы. Ведь именно Англия во время русско-японской войны встала на сторону азиатской империи, открыто помогая ей финансово и технически. При этом нужно помнить, что сам Чемберлен был потомственным английским аристократом, и его открытую и последовательную германофилию нужно рассматривать не как измену родине, а как бескомпромиссность и чистоту позиции подлинного расового философа, в сознании которого ценности всей расы в целом выше ценностей отдельно взятого народа, ибо народы смертны, а раса вечна.

Не все вышеперечисленные авторы были профессиональными антропологами, однако движимые своей расовой интуицией, на рубеже XIX и XX веков сумели изменить всю общественно-политическую ситуацию в цивилизованном мире, вследствие чего даже те ученые, что считали себя «чистыми академическими антропологами», вынуждены были на страницах своих трудов позволить откровенные философские рассуждения о подлинном порядке вещей в органическом мире вообще и в человечестве, в частности.

Подданный Австро-венгерской монархии известный антрополог Карл Евгений Уйфальви (1842-1904), натурализовавшийся впоследствии во Франции, прославился написанием целого ряда работ по так называемой «иконографии расы». С личного разрешения русского царя он объездил значительную часть Российской империи в целях изучения расовых аспектов иранского влияния на расовую культуру Средней Азии. С этой же целью он объездил позднее Иран и Переднюю Азию, где изучал изображения Богов и героев с расовой точки зрения, в результате чего пришел к следующему выводу: «Индусы, персы и скифы первоначально отличались северным расовым типом. В том, что римляне, греки, этруски и галлы относятся к тому же типу, в настоящее время не может быть никаких сомнений. Есть сведения, указывающие на связь северной расы и с егип-

тянами». В свою очередь еще бельгийский антрополог Франц Прюнер-Бей (1808-1882), изучая в середине 60-х годов многочисленные черепа египетских мумий, явственно выделил среди них два устойчивых и весьма контрастных расовых типа, и именно «благородному» европеоидному он приписал честь создания всей великой культуры Древнего Египта.

Еще один известный немецкий антрополог Георг Бушан (1863-1942) в своей монографии «Наука о человеке» (М., 1911) в этой же связи указывал: «Уже на древнеегипетских могильных памятниках эпохи XVIII династии мы встречаем изображения воинов со светлым цветом кожи, белокурыми волосами и голубыми глазами, так называемых «тамаху», то есть мужей севера, как они прямо и называются».

Фердинанд Биркнер (1868-1944) в своей фундаментальной книге «Расы и народности человечества» (СПб., 1914), сопоставляя данные сравнительной краниометрии, античные исторические источники, а также сохранившиеся изображения, подтверждал концепцию нордического происхождения белой расы: «В описаниях древних авторов значительную роль играют кельтские и германские племена. Согласно их свидетельствам это были рослые, сильные люди с белым цветом кожи, с золотистыми или рыжими волосами, цвет которых как кельты, так и германцы стремились усилить еще искусственно. Глаза их, по описанию Тацита, были голубого цвета. Страбон живописует их сходным образом. Точно так же и венды описываются Прокопием как чрезвычайно рослое и сильное племя, цвет волос хотя их не слишком белокурый, не обнаруживается у них никакой склонности и к темной окраске волос».

Немецкие расологи Эрвин Бельц (1849-1913) и Карл Штрац (1858-1924), исследуя современных им японцев, также обнаружили расовый тип, более похожий на европеоидов общим изяществом и пропорциями тела и принадлежащий к аристократическому слою Японии. Данному типу свойственны более светлая кожа и более длинное лицо, и называется он «хо шиу». Бельц и Штрац, независимо от русского ученого Г. Е. Грумм-Гржимайло также пришли к выводу, что этот расовый тип происходит от древних динлинов. Аналогичную картину они наблюдали в Северном Китае и на Тибете, где утонченный, более европеоидный тип встречается гораздо чаще среди крупного чиновничества, нежели среди простолюдинов. Кроме того, они отметили один весьма примечательный и характерный нюанс, ибо оказалось, что китайские и японские художники обязательно приписывают «орлиный нос» каждому великому человеку, совершенно не считаясь с исторической правдой. Исходя из расовых стереотипов, они стремились европеизировать в общественном сознании представление о величии, что может быть вызвано только былым влиянием белой культуросозидающей расы на аборигенов данных территорий. Это наблюдение Карл Штрац развил в целом цикле работ, посвященных вопросам расовых канонов красоты. Так, в своем популярном сочинении «Расовая женская красота» (СПб., 1904) он писал: «Китайская красота старается по возможности навести на себя румяна и белила, чтобы скрыть свой желтый оттенок. Не вдаваясь в дальнейшие подробности монгольского туалета, мы можем уже из этого примера заключить, что китайка стремится к идеалу красоты, увеличивая свои собственные прелести путем подражания таковым высших рас». Сходная постановка вопроса обнаруживается и у другого крупнейшего немецкого антрополога Густава Фрича (1838-1891), занимавшегося разработкой расовых канонов человеческого тела. Опираясь на эти расовые каноны, которым он дал обобщенное название **Фричевский ключ**, Карл Штрац подчеркивал: «С тех пор, как Монтелиус доказал, что шведы по меньшей мере 4000 лет тому назад уже были туземцами на севере и уже тогда обладали сравнительно высокой культурой; я считаю себя вправе вместо германской принимать северную расу; даже все древнейшие сказания о Богах и героях не германского, а северного происхождения. Эта светловолосая и голубоглазая расовая ветвь большой белой расы, вероятно, уже с древнейших времен укоренилась в Скандинавии, ибо если мы сравним статистические

данные и графические изображения голубых глаз и светлых волос, то получится теряющееся к югу, северу и востоку излучение, в центре коего находится Скандинавия. К этому северному племени, помимо Скандинавов, относятся северные немцы, фризы и голландцы, часть англичан и северных россиян».

Дело дошло до такого азарта, что даже известные расовые теоретики еврейского происхождения Генрих Герц (1832-1894) и Игнац Цольшан (1877-1948) принялись объяснять существование белокурых евреев примесью у них благородной крови аморитян, произошедшей в стародавние времена, когда полчища «гогов и магогов» вторглись в Иудею. В своей монографии «Расовая проблема» (М., 1914) И. Цольшан в духе идей своего времени писал: «Тип северной расы встречается также и у инков, у индейцев Северной Америки, обитателей Явы, островов Тихого океана, Малайского Архипелага». Еще один еврейский расовый теоретик Соломон Рейнах (1858-1932) в 1892 году опубликовал книгу «Арийцы» – своего рода наукообразную оду в честь белой расы.

Исследователь Африки Георг Швейнфурт (1836-1925) в центре этого континента обнаружил народ акка со светлыми волосами. Польский антрополог Людвик Крживицкий в цитировавшейся нами книге «Антропология» подчеркивал: «Название «белые типы» распространяется на множество довольно различных народов, имеющих, однако, несколько общих черт, а именно: мягкие, длинные волосы, иногда вьющиеся, более или менее богатую растительность на лице, выдающийся и сравнительно узкий нос и, наконец, цвет лица, переходящий в смуглый, но всегда с румянцем. Поэтому только эта раса употребляет белила и румяна. Белые типы в виде остатков, встречаются в северо-восточном углу Азии и северо-западном Америки, что они разбросаны там и сям в Японии и Индокитае, и что, наконец, они в качестве индонезийцев еще чаще встречаются на островах Борнео и Суматре и в Полинезии. Эти остатки, важные для нас, как свидетельство того, что некогда распределение антропологических типов на земном шаре было совершенно другое. Кастовый строй Индии, как указывает на это санскритское название: варна (т. е. краска), на самом деле не что иное, как иерархическая организация антропологических элементов. Чем ниже каста, которую мы наблюдаем в известной местности, тем ярче обнаруживаются курчавые волосы, толстые губы, темная окраска, особенно у дравидов. С другой стороны, чем каста выше, тем цвет тела становится более светлым, волосы – гладкими».

В качестве доказательства распространенности светлопигментированных расовых типов в древности можно привести название некоторых народов, так, например, в Сенегале живет кочевое племя фулахов, туземное самоназвание фульбы – множественное число от пуло, то есть «светлый».

Следует также особо подчеркнуть, что антропологи той поры, именовавшие себя «чистыми» учеными, не гнушались того, что в своих изысканиях позволяли себе весьма глубокие философские обобщения, выстраивая определенные закономерности между биологическими характеристиками расовых групп и их известной культурной ценностью. Так, Людвик Крживицкий откровенно утверждал: «Летописи рассказывают нам, что чувства блондина к короткоголовому брюнету не отличались особенной нежностью. Уже после эпохи Меровингов брак вождя германской белокурой расы с женщиной кельтской расы или какой-нибудь другой темноволосой считался неравным. Легенда о Бертульфе, приводимая многими историками и этнографами, свидетельствует о существовании расового различия: мать Бертульфа была возмущена, когда ее сын обесчестил свою благородную германскую расу и загрязнил навсегда чистую кровь своего потомства, вступив в брак с девушкой, хотя и красивой, но черноволосой и чернобровый. Ведь таких ворон, по ее мнению, он нашел бы для своей забавы сколько душе угодно в собственных поместьях».

Крупнейший немецкий антрополог Феликс фон Лушан (1854-1924), с именем которого связаны методики расовых измерений цветов кожи, на основе обширного матери-

ала, накопленного им в экспедициях, значительно обогатил историческую картину распространения биологических типов, чем существенно скорректировал многие положения классической этнографии. В своей известной монографии «Народы, расы и языки» (Ленинград, 1925) он указывал: «На западе Северной Африки самое меньшее 10%, а то и гораздо больше белокурых людей, установлено твердо. То, что народность фульбе, по большей части, совершенно закрывает свое лицо, вследствие чего они называются своими арабскими соседями «le mulathemin» (закрытые), подтверждает их появление с далекого севера. Также из северной Аравии я знаю много блондинов со светлой кожей, волнистыми или слегка вьющимися волосами, небольшого роста, с узкими головами и маленькими носами, то есть представляющих собой людей, которые совершенно напоминают хороший тип средиземноморской расы где-нибудь на Корсике или Сардинии».

Выделив в социальной иерархии государств Севера Африки и Аравийского полуострова европеоидный культуросозидающий расовый субстрат, Ф. фон Лушан и на территории Малой Азии обнаружил ту же закономерность. «Первоначально курды были все блондины, голубоглазые и длинноголовые, и только под влиянием новых географических условий и, смешиваясь с турками, армянами и персами, мало-помалу все больше и больше становились брюнетами и короткоголовыми. Итак, курды – это потомки переселенцев из Северной Европы, и они в течение 3300 лет сохранили в чистоте свой язык и в некоторой части области своего распространения – также свои самотические особенности. Где же находится действительная родина белокурых, голубоглазых и длинноголовых курдов? Ясно, только там, где вообще только и есть на всем земном шаре родина белокурых, голубоглазых и длинноголовых людей, то есть в Северной Европе. Несомненно, что здесь вовсе не входит в мою задачу разбирать арийскую проблему, и я чувствую себя совершенно свободным от тевтонских или пангерманских стремлений какого-нибудь Гобино или Чемберлена; но я все-таки считаю бесспорным самостоятельное существование определенного длинноголового, голубоглазого и белокурого типа людей и не думаю, чтобы эти особенности могли бы где-нибудь случайно найтись в другом месте, без отношения к североевропейскому типу».

Подчеркнув свою идеологическую беспристрастность, немецкий расолог, тем не менее, самым недвусмысленным образом вновь подтвердил все базовые постулаты классической расовой теории относительно прародины европеоидной расы, а также о ее приоритетном влиянии на культуру организованных обществ. Даже в таком пестром и расово неоднородном регионе, как Кавказ, он ясно разглядел следы все той же расовой динамики. «Из всех народностей Кавказа больше всего чуждых элементов среди осетин, между которыми встречается много длинноголовых и приблизительно около 20% блондинов. Поэтому трудно сомневаться в сильной североевропейской примеси».

Соотнесение данных антропологии и этнологии, а также сведений, почерпнутых из классических письменных источников, максимально уточнило всю картину в целом. Так, Ф. фон Лушан подчеркивал, что в договорах, относящихся к 1370 году до н. э., царь Миттаниев и его люди называются *har-ri*, так же как девять столетий спустя Ксеркс и Дарий называли себя *har-ri-ya* – «арийцами арийского семени».

Другой корифей немецкой расологии Вильгельм Мюльман (1904-?) приблизительно в это же время опубликовал ряд работ, из которых явствовало, что древнейшее расселение индоариев на востоке достигло Полинезии. Следы ведической культуры без труда обнаруживаются и в Океании, и на самых отдаленных островах Тихого океана. Европеоидная раса, по его мнению, распространилась из Индии по всему этому обширному региону, образовав здесь высший аристократический слой и до сих пор сохранив в окружении чернокожего населения многие характерные черты исходного психотипа и физического строения.

Чешский профессор Б. Грозный в 10-20-х годах создал новую науку **хеттологию**. Основываясь на результатах расшифровки древних хеттских клинописных табличек, он

произвел переворот в науке того времени и существенно скорректировал представления о роли индоевропейских народов в истории становления культуры Ближнего и Среднего Востока. В своей работе «Протоиндийские письмена и их расшифровка» (1915) он писал: «Когда мы говорим о переселении народов, мы имеем в виду обычно то великое переселение народов германских и гуннов в IV-VI веках нашей эры, которое повело к падению Римской империи. Но уже перед этим мы встречаемся в истории человечества с подобными переворотами и передвижениями целых народов. Большим переселением народов является, например, вторжение так называемых северных народов в Переднюю Азию, которое произошло около 1200 г. до н. э. и уничтожило хеттское государство; вторжение индоевропейских фригийцев, армян, фракийцев и мидийцев в Малую Азию и связанное с ним вторжение филистимского народа в Палестину; вторжение шерданов в Сардинию и этрусков в Италию. Приблизительно на тысячелетие раньше происходило вторжение индоевропейских народов, хеттских и арийских, в Переднюю Азию, вторжение луитов и индоевропейских хеттов в Малую Азию и вторжение индийских митанни в Северную Месопотамию. Около конца IV тысячелетия до н. э. появляются в Закавказье, в Северной Сирии и в восточной части Малой Азии первые индоевропейские завоеватели, хетты, которые пришли туда из области Каспийского моря и носили, вероятно, имя Куш. Наше разъяснение протоиндийского письма указывает нам, что уже в глубокой древности, в первой половине III тысячелетия до н. э., Северной Индией владел древнейший, можно сказать, самый древний индоевропейский народ, который нам оставил в индийской почве блестящие памятники своей деятельности».

Позднее в своей работе «Хеттские народы и языки» Б. Грозный пришел к еще более революционным выводам: «Расшифровка хеттских надписей – клинописных, а потом и иероглифических – произвела полный переворот в наших взглядах на древнейшую историю человечества. Я считаю, что мы можем говорить о перевороте в древнейшей истории, сегодня ясно видим, что не только шумеры, вавилоняне, ассирийцы и египтяне, – но и индоевропейские народы уже 4000 лет тому назад играли очень важную роль в истории Древнего Востока. Благодаря расшифровке хеттских надписей нам удалось определить на Древнем Востоке шесть народов, до тех пор неизвестных, из которых четыре – индоевропейского происхождения, то есть родственны народам, живущим в настоящее время в Европе и в Индии. Таким образом, возникла совершенно новая наука, называемая хеттологией, наука, считающаяся сегодня равноправной с ассириологией и египтологией, но возбуждающая благодаря индоевропейскому происхождению большинства новооткрытых народов в Европе более значительный интерес, чем обе вышеупомянутые науки, посвященные чуждым нам по происхождению народам. Общая кровь и общий язык связывают нас с этими новооткрытыми народами, которые еще 4000 лет тому назад оказывали сильнейшее влияние на историю Древней Азии и которые употребляли такие слова, как куис, что означает «кто» и напоминает латинское quis – «кто»; затем небис, что значит «небо» и похоже на русское «небеса»; далугасти, что значит «длина» и напоминает русское долгий, долгота».

Между тем в европейской расологии начала XX века произошли качественные изменения. Не только в вопросе о прародине белой расы, но и в вопросах применения адекватной научной терминологии была наконец-то поставлена точка. Утихли былые громкие споры между лингвистами, антропологами и этнографами. Все смежные науки, некогда сумбурно перемешанные в рамках единой расовой теории, теперь явно обрели узаконенные рамки применимости в ее лоне. Несмотря на бурный рост шовинизма, вызванный Первой мировой войной, использование некорректных терминов, таких как «германская раса», «тевтонская раса», «славянская раса», означавших неправомерное уравнивание категорий этнологии и биологии, прекратилось. Удачное решение проблемы, предложенное русским расологом Иосифом Егоровичем Денике-

ром, получило всеобщее признание. Термин «арийцы» в силу неудобства его применимости в расовых классификациях, основанных исключительно на описании физических признаков, плавно отошел в область лингвистики, культурологии и сравнительного религиоведения. Для названия антропологического типа представителей североевропейской расы, стал использоваться термин «нордический».

Феликс фон Лушан так описывал суть проблемы: «Всякое понятие об «арийской» расе должно быть отвергнуто. Можно, правда, да и то не совсем безопасно, говорить об арийском языке, хотя и это понятие имеет несколько значений, и некоторыми понимается как обнимающее современный персидский и армянский с ближайшими родственными языками, а другими распространяется значительно шире; но совсем недопустимо говорить об арийской расе или еще об арийском черепе и об арийском типе лица, что, как заметил еще Макс Мюллер, так же глупо, как если бы захотели выделить язык длинноголовых или грамматику брүнетов. Особенно нелепо вошедшее в моду употребление слова «арийский» как противоположный слову «иудейский», так как скоро мы увидим, что современные евреи соматически скорее принадлежат к переднеазиатам, чем к семитам, и в этом смысле они являются ближайшими родственниками армян, то есть того народа, который говорит на арийском языке в самом узком смысле этого слова».

Один из самых популярных расовых теоретиков времен Веймарской республики, а также Третьего рейха Ганс Ф. К. Гюнтер (1891-1968) в своей книге «Расология Европы» давал пояснения совершенно в том же духе: «В филологии раньше словом «арийский» обозначали индоевропейские языки; сегодня этот термин обычно используется лишь применительно к индо-иранской ветви этой языковой семьи. В начале расовых исследований иногда называли белую или кавказскую расу арийской; позже арийцами стали называть народы, говорящие на индоевропейских языках, и, наконец, нордическую расу. Сегодня термин «арийский» вышел из научного употребления, и использовать его не рекомендуется, особенно с тех пор, как он стал ходовым среди профанов в порядке противопоставления «семитам». Но от термина «семиты» антропология тоже отказалась, так как на семитских языках говорят народы самого различного происхождения».

6. Оформление нордической идеи

Вначале мировое научное сообщество, а затем широкие общественно-политические круги, журналисты и писатели приняли к употреблению термин «нордический», означающий тип высокорослого, длинноголового и голубоглазого блондина. В своей книге «Нордическая идея» Ганс Ф. К. Гюнтер честно признавал, что «термин нордическая раса впервые ввел русский расолог Деникер». Еще один немецкий авторитетный ученый Вальтер Шайдт (1895-1976), акцентируя внимание на вкладе русского исследователя, даже счел возможным назвать одно из своих сочинений «История антропологии от Линнея до Деникера» (1928). Австрийский расовый специалист Эрих Фегелин в книге «Раса и государство» также подчеркивал, что «термин нордическая раса» впервые введен Деникером».

Примеры, означающие «взросление» всей науки в целом и выход ее на качественно новый методологический уровень, можно приводить во множестве. Помимо прежних использовавшихся принципов краниологии и соматологии, то есть определения расовых различий на основе измерений черепа и пропорций тела, в обиход вошли дерматоглифика (изучение вариаций на основе отпечатков кожных узоров рук и стоп), одонтология (определение различий по строению зубной системы), а также множество новейших биохимических и генетических методов исследований. Кроме того, и анализ психических расовых различий все чаще и чаще начал проводиться на основе интерпретации не социальных, но именно биологических факторов. Расовая теория из узкоспеци-

ального направления в антропологии все настойчивее и активнее стала превращаться в мощное нордическое движение, призванное обновить мироощущение и жизнеспособность северной расы. Это было время наибольшего расцвета концепции. Ганс Ф. К. Гюнтер в этот период создал целый цикл работ, направленных на всестороннее раскрытие темы. В книгах «Расология немецкого народа» (1922) и «Расология Европы» (1924) он изобразил детальный расовый портрет жителей континента, увязав конституциональные признаки каждой расы с ее психическими особенностями. А уже в работах «Нордическая идея» (1925), «Раса и стиль» (1926), «Расовая история эллинского и римского народов» (1927), «Нордическая раса среди индогерманцев Азии» (1933) он увязал специфику психических переживаний представителей различных рас с их культуросоциальными способностями, на основе чего и пришел к выводу о наибольшей биологической ценности нордической расы. Много позднее в книге «Расовые элементы европейской истории», вышедшей на многих языках уже после войны, развил и углубил свои идеи, подчеркивая: «Вопрос не в том, в какой мере нордическими являемся мы, ныне живущие люди, а в том, хватит ли у нас храбрости, чтобы подготовить мир для будущих поколений, очистив себя в расовом и евгеническом отношении. Денордизация индоевропейских народов всегда длится столетиями; воля людей с нордическим мышлением должна перекинуть мост через столетия. Когда речь идет об отборе, нужно учитывать множество поколений, и современные люди с нордическим мышлением могут ожидать на протяжении своей жизни лишь одну награду за свои труды: сознание собственной смелости. Расовая теория и исследования в области наследственности придают силу новой аристократии и молодежи, которая, стремясь к высоким целям, как Фауст, следует призывам из сфер, выходящих за пределы индивидуальной жизни. Поскольку это движение не стремится к выгодам, оно всегда будет движением меньшинства. Но дух любой эпохи всегда формируется только меньшинством, в том числе и дух той эпохи масс, в которую мы живем».

Один из признанных мэтров антропологии Ойген Фишер (1874-1967), хотя и старался всегда придерживаться канонов «чистой» академической науки, тем не менее, открыто высказывался в том смысле, что «сегодня каждое явное подчеркивание нордической точки зрения приносит выгоду». А в качестве зримого обоснования своего тезиса в соавторстве с Гансом Ф. К. Гюнтером в 1927 году опубликовал важное исследование «Немецкие головы нордической расы».

В работе «Раса и возникновение рас у человека» (1927) Ойген Фишер ясно выделял суть проблемы следующим образом: «Одна из наиболее обоснованных гипотез такова: от кроманьонской расы произошла нордическая раса, строители мегалитов, дольменных погребений Скандинавии, Дании и т. д. Согласно названной гипотезе, нордическая раса возникла в результате модификации позднепалеолитической расы на Севере по мере освобождения ото льда обитаемых ныне мест. Здесь возникла нордическая раса, тогда же она приобрела и свои типичные качества. Это наилучшее объяснение происхождения нордической расы». А в своей работе «Антропология» (1923) он развивал эти идеи следующим образом: «Индоевропейские народы, которые включали в себя сильный контингент нордической расы, наложились на доэллиническое население – и некоторое время спустя заблистала Греция. Гибель родов полноправных граждан, прием в граждане потомков рабов и туземного населения – и некоторое время спустя – упадок. Рим погиб от расового смешения и продуктов вырождения, пришли нордические германцы и некоторое время спустя – Ренессанс. Византия, сохранявшая греческие образцы и традиции, не пережила Ренессанса, да и в Италии было не Возрождение, а новое рождение благодаря новой расе. Индуктивно доказано, что расовые различия отдельных групп оказывают огромное влияние на достижения и судьбы народов и государств. Вольтман показал на основе изучения биографий и портретных изображений, что львиная часть великих людей эпохи Ренессанса (художники, ваятели, государственные дея-

тели, ученые), судя по их внешности, согласно биографиям и портретам, принадлежали в основном к нордическому расовому типу (из 125 таких людей 102 имели, по Вольтману, голубые или серые глаза, 68 из 108 – светлые и 26 – каштановые волосы). Северная прародина единого индоевропейского народа – сегодня самая авторитетная теория, подкрепленная данными антропологии, лингвистики и археологии».

Крупнейший специалист в области расовой гигиены и биологии наследственности Фриц Ленц (1887-1976) в своей программной работе «Раса как ценностный принцип» (1934) создал теоретический фундамент этики на расово-биологической основе: «Раса – носитель всего: и личности, и государства, и народа. Из нее исходит все существенное, и она – сама суть. Таким образом, для нас все проистекает из идеала расы – культура, развитие, личность, счастье, спасение – и все возвращается к нему. В нем мы находим единство нашей сути, единство жизни, единство в высшем смысле слова. В высшей ценности нет места компромиссам. Этический идеал требует от нас, чтобы мы поставили на службу ему всю свою жизнь. Мы только маленькие волны великого потока, но множество волн образует поток. Мы скажем вслед за Гобино, провозвестником расовой теории: Вопреки всему, кроме вероятности гибели, есть еще самая лучезарная и самая гордая надежда. Несомненно, можно привести нашу расу к такому подъему и расцвету, каких она еще никогда не достигала. Но если мы опустим руки, наша нордическая раса окончательно погибнет. Вместе с нею погибнет дело не только столетий, но и тысячелетий. Перед нами стоит величайшая задача мировой истории. Мы стоим накануне поворотного момента всех мировых циклов».

Замечательный расовый психолог Людвиг Фердинанд Клаусс (1892-1974) в монографии «Нордическая душа» (1936) очень точно и подробно описал архетип души человека нордической расы, описав стилистические нюансы его переживаний. По количеству изданных книг в Германии той эпохи Людвиг Фердинанд Клаусс прочно занимал второе место после Ганса Ф. К. Гюнтера. Он добился этого прежде всего потому, что, как и Гюнтер, в своем повествовании умел соединять красоту стиля, точность наблюдений и глубину выводов, доступных пониманию самого широкого читателя. Не перегружая свои книги избытком трудной терминологии, Клаусс, казалось, напрямую обращался к исходным архетипам читающей публики, вызывая ее симпатии прежде всего проникновением в нюансы стиля психических переживаний. Деликатно и виртуозно он играл на тех струнах души, которые до этого считались неприкосновенными. В книге «Нордическая душа», ставшей бестселлером, он писал: «Нордическая душа устремляется вдаль и, в частности, на юг, но юг для нее – как свеча для мотылька. Разлагающее влияние юга проявляется в том, что исчезает желание куда-либо стремиться. Когда мы говорим о «душе», противопоставляя ее миру, мы уже рассуждаем о нордическом стиле. Не каждой душе свойственно такое противопоставление. Способность «объективировать» мир – нордическая способность. Людям ненордической расы нордический человек часто кажется холодным и бесстрастным. Но на самом деле за этой внешней холодностью часто скрываются сильные страсти. «Холодность» нордического человека объясняется его стремлением сохранить дистанцию между собой и окружающим миром.

Нордическому человеку не нужно подчеркивать дистанцию даже в отношениях с подчиненными. Все формы восточного деспотизма, византизма ему чужды.

Нордическая душа в полном своем развитии самодостаточна и ни в чем другом не нуждается. Нордический человек смело смотрит в глаза своей судьбе и приветствует ее, какой бы она ни была».

В свою очередь видный расолог Пауль Шульце-Наумбург (1864-1949) в работе с характерным названием «Нордическая красота» (1937) проанализировал антропоэстетические каноны тела представителей этой расы, и на их основе сформулировал общие эстетические установки, побуждающие ее представителей к творчеству. «В любом ис-

кусстве раса выражается сильнее всего, ибо искусство – это выражение наших расово обусловленных внутренних устремлений. Возьмите греческую античность, возьмите наше средневековое искусство, и вы почувствуете эту взаимосвязь. Образцом и идеальным образом для нас на протяжении тысячелетий была нордическая раса<...>

Во всяких мелочах, даже в простых объявлениях и любой рекламе, чтобы они произвели нужный эффект, должен быть как-то задействован идеальный тип нордического человека<...> Люди с узкими лицами, длинными черепами, стройным телом, светлыми волосами и голубыми глазами принадлежат к нордической расе.

В Греции нордические племена наложились на низший слой, который тогда состоял там частично из людей средиземноморской расы, а частично, может быть, – переднеазиатской расы. Из господствующего слоя земледельцев выделилась военная знать. Наличие нордических расовых элементов в Греции пытаются отвергнуть с помощью того аргумента, что в художественных ремеслах явно заметно влияние иных рас. Но это ложное толкование. Художественные ремесла, гончарные и др., были делом низшего слоя и естественно выражали черты принадлежавших к нему рас. Нордическая военная знать не имела к этим ремеслам никакого отношения. Лишь гораздо позже, когда наступили мирные времена, душевные устремления нордического типа нашли свое отражение в скульптуре и архитектуре. Даже знаменитая Венера Милосская – это идеальный образ стройной, светловолосой нордической девушки<...>

Применительно к господствующему слою мы постоянно встречаем слово «ксантос», обозначающее «светловолосый», «светлый», «золотистый», «сияющий». Этот внезапный прорыв произошел в V в. до н. э. И только с Сократа, которого мы знаем через нордического Платона, в Греции начинает господствовать иной тип. В мудрости Сократа нет ничего нордического, как и его внешнем облике. Постепенно начинает преобладать иное, не нордическое мировоззрение. Кожевник Клеон был первым демократом. Приходит конец господству аристократии и принципу вождизма<...>

Представление, будто роды могут стареть – биологическая бессмыслица. В биологическом смысле «старости» нет. Каждый человек биологически – лишь звено цепи, и если нет наследственных заболеваний, нет и вырождения, вымирания или износа выдающихся родов. Сейчас самое время раз и навсегда покончить с этим лжеучением.

Когда отдельных лиц из нашей знати называют «выродками», дело не в «старении» их рода, а в износе плохой наследственной массы. Особое положение знати препятствовало естественному отбору. Только это и сделало возможным проникновение плохих наследственных задатков, что и привело к «вырождению», о нем можно говорить лишь в отдельных случаях<...>

В изобразительном искусстве мы еще раз пережили чудесное проявление нордической расы в эпоху Ренессанса<...>

Как я уже говорил, древние роды вымерли. Рим погиб. Но позже с севера снова пришли нордические лангобарды, вандалы и готы. В средневековой Италии господствующий слой был нордическим.

У Леонардо да Винчи были светлые волосы и голубые глаза, образы и проблемы, которые его волновали – свидетельство наличия нордической крови. Пластика раннего Средневековья также передает нордический идеал красоты<...>

Расово одаренный народ определяет свое искусство. Расово чуждое, вырожденческое искусство это преступление по отношению к духовной жизни народа».

А видный общественно-политический деятель Германии той поры Рихард Вольтер Даррэ (1895-1953) написал остроумное сочинение «Свинья как критерий у нордических народов и семитов» (1933), в котором подверг всестороннему анализу гастрономические пристрастия данной расы, с особым учетом таких важных компонентов, как животные белки и злаки. Из чего сделал правомерный вывод: «Прародина нордической расы – лесная зона Северной Европы с умеренным климатом». Помимо строго научно-

го анализа биохимических процессов жизнедеятельности, свои выводы он подтвердил также многочисленными экскурсами в область истории и фольклора.

Выдающийся антрополог, этнолог и биолог Отто Рехе (1879-1966) в книге «Раса и прародина индогерманцев» (1936) подтвердил этот вывод на основе синтетического обобщения данных нескольких смежных дисциплин с особым упором на новые исследования в области физиологии и на собственное учение о расовом распределении групп крови. Натурфилософские взгляды Отто Рехе сводились к обобщению следующего характера: «То, что мы называем «мировой историей», – это в сущности, не что иное, как история индогерманцев и их достижений, мощная, возвышающая и одновременно трагическая песнь о нордической расе и ее идеализме: песнь, которая рассказывает нам о том, как сила расы делает то, что кажется невозможным и простирает свою руку до звезд, и как сила быстро иссякает, когда забывается «закон расы», когда нордический человек перестает сохранять чистоту своей крови и сильно смешивается с менее одаренными в культурном отношении расами. В древней Европе жили только длинноголовые расы, настоящие брахицефалы могли попасть в Европу только в конце ледникового периода из Азии. Что касается конкретно нордической расы, то она еще в последний межледниковый период отделилась от древнеевропейского длинноголового вида в Северной Европе и приобрела там светлую пигментацию. Я пришел к убеждению, что индоевропейские языки были созданы нордической расой в Северной Европе. Подтверждаются гипотезы Гобино, Вильзера, Вольтмана и других, рушится старая теория о мнимом происхождении индоевропейцев и вообще нашей культуры из Азии, столь выгодный для иудео-либерализма лозунг: «Свет с Востока» разоблачен как «Мираж с Востока». Мы не азиаты, мы принадлежим к совершенно иному человеческому виду, наша родина – в нашей старой Европе, и мы обязаны нашей тысячелетней культурой только нашим собственным силам, особенно гигантской творческой одаренности нордической расы».

Франц Шаттенфро, занимаясь изучением вопроса с точки зрения рефлексологии и истории законодательства, в своем фундаментальном сочинении «Воля и раса» (1943) пришел к такому выводу: «В данном доктором Гюнтером образцовом описании различных европейских рас, из которых важнейшими являются нордическая, динарская, западная и восточная, почти все народы Европы оказываются смешанными, но самой ценной в них является кровь нордической расы. Величайшие гении всех времен, не только в Европе, но и за ее пределами, были либо нордической крови, либо с сильной нордической примесью. Нордической крови были обессмертившие себя своими творениями в области религии, философии и математики древние индусы, которые еще до нашей эры все больше смешивались с темнокожими расами; древние греки, упадок которых был также связан с истощением их нордических слоев, а также древние персы и мидийцы, господствующие слои аморитов и филистимлян, скифы и, конечно, римляне... Истощение нордической крови в этих народах (в результате смешения, войн и внутренних конфликтов) влекло за собой их полный упадок. Чисто нордической расы были также праславяне. Вместе с кельтами и германцами по Европе прокатились последние волны нордической крови. Им Европа обязана своей высокой культурой. Чем меньше примесь нордической крови в разных народах, тем менее значительное место они занимают в мире».

Обратите внимание, уважаемый читатель, что издание этой книги было инициировано высшим идеологическим руководством Третьего рейха, когда позади уже были Сталинград и битва на Курской дуге, и положение на фронтах никак не располагало к сантиментам в адрес славян. Однако ни о какой показной славянофобии, якобы имевшей место в немецкой политической пропаганде, не было и речи. Все это более поздние измышления творцов коммунистического и либерального мифов. Третий рейх боролся не со славянством, а с угрозой большевизма основам европейской цивилизации. Кста-

ти, до сих пор не опубликовано ни одного официального немецкого документа той поры, в котором славян называли бы «расой недочеловеков», о чем так любят вещать истые борцы с антифашизмом. «Недочеловеками» в сугубо антропологическом смысле этого слова в ведомстве Гимmlера называли большевистских комиссаров, вроде Льва Мехлиса и открытых расистов типа Ильи Эренбурга, подстрекательски кричавшего из-за спин русских солдат: «Убей немца!»

Весьма важен вклад в развитие философских основ расовой теории и всемирно известного физика, профессора Филиппа Ленарда (1862-1947), лауреата Нобелевской премии. В своей книге «Великие естествоиспытатели» (1929) он проанализировал расовое происхождение десятков величайших ученых с античных времен до первой половины XX века, открытия которых изменили ход мировой истории и заложили сам тип европейской цивилизации в его современном значении. Вывод, основанный на изучении портретных характеристик, а также психологии поведения, не открыл уже ничего нового: натурфилософские основания современной технической цивилизации созданы людьми с безусловным преобладанием нордической крови.

Основную суть книги Ф. Ленард выразил следующей фразой: «В настоящей науке, так же как и в остальном, для человека все обусловлено его расой и кровью». Кроме того, он часто цитировал Хаустина Стюарта Чемберлена, который в свою очередь указывал: «Совершенство ума, способность к анализу, равно как и страсть, сопутствующая его тяге к самообразованию, – все это в высшей степени показательные характеристики нашей нордической расы».

Нордический ученый характеризовался Ленардом как ученый, способный получать радость как от самого процесса исследования, так и от его экспериментального повторения, служащего выявлению истины. Он отмечал также, что только нордический ученый способен «наслаждаться борьбой с объектом исследования, как и от его экспериментального повторения, служащего выявлению истины. Он отмечал также, что только нордический ученый способен «наслаждаться борьбой с объектом исследования, как и мистерией охоты». Поэтому для нордического ученого наука – это и диалог с природой, и соревнование с действительностью одновременно. В то время, как ненордический ученый в процессе изучения довольствуется лишь постановкой задачи и результатом, а морально-этическое, волевое вторжение в суть бытия у него выпадает.

Интернациональная наука эксплуатирует объект исследований, расовая же стремится придать ему смысл и полезность в контексте существования расы. Бездушный прагматизм, равно как и догматизм, противоречат целям и задачам расовой науки, ибо ее принципы зиждятся на всем необъятном генетическом потенциале познавательной способности предков. Это то, что называется простым русским определением «природная смекалка» и означает, что человек, одаренный ею в процессе познания, способен многократно усиливать личную интуицию генетическим опытом предков, а этот синтез дает эффект трамплина в броске за овладение непознанным.

Именно Филипп Ленард и многие другие ученые Германии первой величины возглавили в 1936 году движение **«арийских физиков»**, направленное на борьбу с тенденциями культурного пессимизма и с «теорией относительности» Эйнштейна – ярким выражением антирасовой науки.

Недаром шведский расолог Гастон Бакман утверждал в той же связи: «Если мерить цивилизацию не абсолютным количеством творческих личностей, а относительным, то чистокровные народы Севера опередят народы всех других стран Европы».

Светило в области физики и также лауреат Нобелевской премии профессор Иоганнес Штарк (1874-1951) опубликовал множество работ по теоретическим основам науки, в том числе и фундаментальную монографию «Национал-социализм и наука» (1938), в которой выдвинул тезис, что только для представителей нордической расы отношение к научному факту имеет самостоятельную психологическую ценность, а не является

средством для своекорыстных материалистических спекуляций, как для представителей южных рас, испытывающих неподдельный восторг от бесконечного сидения на шумном и грязном базаре. Психологический тип академического ученого, постигающего красоты и таинства бытия в тиши кабинета, уставленного бюстами предшественников и многочисленными фолиантами, имманентен архетипу представителя именно нордической расы. «Пафос дистанции», как говорил великий Ницше, отождествляется в его понимании не только в общении с людьми, но и с самой природой. И именно из этого пафоса дистанции рождается подлинное уважение к миру, совершенно чуждое азиатских ухищрений и приспособления к окружающей обстановке. Нордический человек творит не ради, а вопреки. Именно расовый инстинкт подсказывает ему, что наивысшее удовольствие состоит в умственной и волевой борьбе с головоломками природы. Не за никчемный металл, но за истину нужно отдать всего себя без остатка. Не за мишуру рукоплесканий и не за дорогой наряд триумфатора творит нордический человек, но за осознание своей внутренней правоты, силы и первенства. Не люди, но Боги – его подлинники соперники. В своем сочинении Иоганнес Штарк указывал: «Способность к наблюдениям и уважение к фактам при полном забвении собственного «я» – самая характерная черта научной деятельности людей нордического типа. Они испытывают радость и удовлетворение от обретения научных знаний, потому что именно это их интересует. Только под давлением они решаются предать свои открытия гласности, а их пропаганда и коммерческое использование кажутся им деградацией научной работы».

Один из выдающихся теоретиков и практиков той эпохи, работы которого не устарели до сих пор, хауптштурмфюрер СС, профессор, доктор Бруно Курт Шульц (1901-?) занимался выработкой критериев отбора персонала для элитных воинских частей. Любопытно отметить, что он был лучшим и любимым учеником корифея антропологии Рудольфа Мартина. Кроме того, предложенные им морфологические принципы оценки пропорций тела до сих пор используются для отбора солдат и офицеров в Кремлевский полк, несущий парадный караул в центре Москвы. Это может показаться историческим курьезом, но факт остается фактом: идеальные «славянского типа» часовые, несшие на протяжении почти всей советской эпохи почетный караул возле «мавзолея вождя мирового пролетариата» В. И. Ленина, отбирались по критериям, выдвинутому **главным расовым антропометристом СС Бруно К. Шульцем**. И в этом не заключено ничего противоестественного, ибо ученые Германии прекрасно понимали, что между немцами и русскими расовые различия весьма незначительны. Более интересен другой факт: владельцы Кремля, не являясь представителями нордической расы, тем не менее, в качестве канона сакральной репрезентации своего режима отобрали именно этот расовый тип. Что касается самого Бруно К. Шульца, то он, наравне с большинством его коллег из СС, не был замечен в пропаганде «оголтелой русофобии», как нас в том пытаются убедить ангажированные политологи. В своей книге «Учение о наследственности, расология, расовая гигиена» (1933) он подчеркивал: «Европа и граничащие с ней области, страны вокруг Средиземного моря и Передняя Азия являются родиной и главным ареалом распространения высших рас, которые отличаются прогрессивными, наиболее удаленными от животных форм физическими и психическими качествами. Среди высших рас самая высокоразвитая – нордическая раса. Нордическая раса – это ярко выраженная раса господ, она оказала на мировую историю столь большое влияние, как ни одна другая раса. Наряду с ее выдающимися достоинствами следует отметить сильную склонность людей этой расы действовать в одиночку, частое отсутствие понимания общих интересов и нежелание подчиняться, что часто было причиной отсутствия единства между нордическими народами».

Как видим, Бруно К. Шульц не впадал в примитивный шовинизм, указывая, что качества нордической расы, проявляющиеся в одной ситуации как позитивные, в других условиях ведут к ее ослаблению. Так или иначе, все действительно относительно. Се-

годняшнее развитие Китая наглядно свидетельствует, что отсутствие эгоистических устремлений, свойственных представителям нордической расы, является положительным эволюционным фактором в условиях групповой стратегии выживания. Взгляды немецкого ученого на биологическую природу славян также совершенно научны и не сильно отличаются от выводов советской науки: «Среди аристократии славян был значителен процент нордической расы, остальное население принадлежало, большей частью к восточной расе или восточно-балтийскому типу. Поэтому мы часто отождествляем восточное и славянское, хотя скелеты средневековых славянских князей очень сходны со скелетами германцев эпохи Великого переселения народов».

Всякие рассуждения о некоем чуть ли не врожденном немецком шовинизме вновь не находят никакого подтверждения, в том числе и на таком, казалось бы, политически ангажированном уровне. А вот подтверждения объективности и беспристрастности немецкой науки обнаруживаются с легкостью.

Расолог Рихард Эйхенауэр (1893-?) в книге «Раса и музыка» (1932) сформулировал базовые постулаты расового музыковедения и определил, что психофизиологии нордического человека соответствует гармоническая музыка, а не рваные синкопы негритянского джаза с битьем тамтамов и не занудные завывания тюркской зурны, передающие многовековую печаль кочевников при виде голой пустыни. Симфония как отражение языческой полноты красок бытия максимально содействует надлежащему расовому воспитанию чувств подлинно белого человека. В свою очередь Зигфрид Каднер (1887-?) в книге «Раса и юмор» обосновал расовую принадлежность уже и такой тонкой субстанции. И действительно, не нужно быть особенным расовым психологом, чтобы отличить одесские местечковые анекдоты от английского салонного юмора джентльменов по характерным признакам их рассказчиков.

Именно обобщение наблюдений такого характера позволило Отто Бангердту (1900-?) написать исследование с соответствующим названием «Золото или кровь», в котором он вывел, что для людей нордической расы золото всегда было и будет презренным металлом, ибо для них с настоящей добродетелью связано то, что нельзя купить ни за какие деньги, но можно обрести лишь посредством унаследования благородной крови. Добродетели не учат и ее не выменивают, с ней рождаются и с ее именем умирают. На базе метафизического истолкования ценностных принципов другой крупный расолог Вильгельм Эрбт (1876-?) создал фундаментальное сочинение «Всемирная история на расовой основе» (1934), в котором выдвинул и обосновал целую сакрально-биологическую категорию «Nordland» (Северная земля). Эта территория является, по его мысли, обителью носителей высшей культуры на Земле. Выработке целостного мировоззрения и оценке принципов исторического развития на расовой основе посвящены такие книги крупных ученых, как Отто Хаузер (1876-1944) «Белокурый человек» (1930) и Виллибальд Хентшель (1858-?) «Даруна. Рассмотрение мира и истории с позиций арийца» (1918).

Весомый вклад в обоснование нордической идеи в расовой философии внесли и другие выдающиеся немецкие ученые: историк Густав Коссина (1858-1931), опубликовавший сочинение «Древние германцы» (1921), лингвист Герман Альфред Гирт (1865-1936) книгой «Индогерманцы» (1907), а также археолог Карл Шухардт (1859-1943) изданием монографии «Древняя Европа: культуры, расы, народы» (1935).

Наконец, один из создателей целого направления в расовой теории, получившего название **культуробиологии**, Фридрих Кайтер (1906-1967) написал трехтомное сочинение «Раса и культура» (1938), в котором на обширнейшем историческом и естественнонаучном материале обосновал критерии биологической оценки культуротворческих способностей отдельных рас. В результате чего венцом естественного хода развития явилась концепция Европы как «расово-биологической культурной провинции».

Особого рассмотрения заслуживает небольшая по объему, но совершенно шокирующая подбором фактического материала книга Вильгельма Зиглина (1855-1935) «Светлые волосы нордических народов в древности» (1935).

Прежде всего, во введении к основной части книги автор подчеркивал, что развивает идеи своего учителя – всемирно известного ученого Фридриха Ратцеля – одного из создателей **народоведения**. Согласно концепции Ратцеля-Зиглина, нордическая раса произошла с так называемого «русского острова» – части территории России, ограниченной десять тысячелетий тому назад с юга Черным морем, а с севера – ледником. Следует отметить, что в Германии в то время, согласно уверениям советской пропаганды, царил разнузданная антиславянская истерия, однако один из официальных расовых теоретиков пишет фундаментальную теоретическую работу, в которой выводит появление белокурого расового субстрата, в том числе и того, что входит в состав немецкого народа, из русской земли. Если это и впрямь свидетельство антиславянской пропаганды, то уж какой-то весьма изощренной.

Характеризуя задачу написания своего труда, В. Зиглин отмечал: «Я начал работу с целью уяснить для себя самого вопрос: были ли все индогерманские народы при своем первом появлении светловолосыми, были ли светлые волосы исключительно признаком, отличавшим их от соседей. Я собрал для этой цели свидетельства античных авторов о цвете волос их народов и их соседей, но не ограничился данными об отдельных народах, а собрал также сведения о личностях, о которых нам известно из литературных источников или по произведениям искусства. Я учел также Богов, героев и литературных персонажей. Это красноречивое свидетельство того, каковы были представления говорившей о них эпохи, об их внешнем виде». Эллины, италики, галлы, германцы, скифы, армяне, персы, алеманы, батавы, франки, готы, лангобарды, руги, саксы, свевы, тевтоны, вандалы, кельты, аланы, албанцы, анты, аримаспы, геты, сарматы, ливийцы и еще множество других народов, едва ступивших на арену мировой истории, были описаны древними авторами и запечатлены в изобразительных произведениях искусства как народы, состоящие почти полностью из светловолосых индивидов. Правящий слой индийцев времен начала завоевания их ариями также состоял из блондинов.

Анализируя внешний облик древнегреческих Богов, Вильгельм Зиглин приходит к выводу, что Афродита, Аполлон, Арес, Аретуза, Асклепий, Афина, Дионис, Эрос, Европа, Гармония, Гелиос, Гера, Гермес, Гименей, Ника, Пан, Персефона, Плутон, Сатир, Селена, Серапис, Тифон и Зевс – общим числом более шестидесяти – все были чистыми блондинами. Из мифических персонажей таковыми же были: Ахиллес, Адонис, Агамемнон, Амфион, Андромеда, Ариадна, Электра, Геракл, Елена, Ясон, Кадм, Медея, Медуза, Мелеагр, Менелай, Навсикая, Одиссей, Эдип, Орест, Пандора, Патрокл, Пенелопа, Персей, Федра, Тезей и многие другие, общим количеством до ста сорока. Из числа крупнейших исторических личностей античной Греции светлые волосы имели Александр Македонский, Анакреон, Аполлоний Тианский, Аристотель, Дионисий Сиракузский, Сафо, Пифагор и еще десятки философов, полководцев, деятелей науки и культуры, общим числом до двух сотен из числа исторически зафиксированных.

В то же время Богов с темными волосами существовало всего двадцать девять. Среди мифических персонажей обнаружилось всего девятнадцать брюнетов, а среди исторических личностей Эллады лишь двадцать имели вполне черные волосы.

Таким образом, не составляет никакого труда придти к простейшему умозаключению, что творцами непревзойденной античной греческой культуры были люди нордической расы, имевшие по преимуществу белокурые волосы.

В древнеримском пантеоне насчитывалось двадцать семь Богов-блондинов, и десять мифических персонажей также имели светлые волосы. Помимо десятков крупных исторических личностей среди римских императоров определенно белокурые волосы имели Август, Нерон, Траян, Тит, Адриан, Домициан, Вителлий, Коммод, Каракалла,

Галлиен, Гордиан, Гонорий, Валентиниан, Юлиан, Феодосий I и Феодосий II. Многие другие вершители судеб античного мира также отличались светлыми волосами. Сама архетипическая символика древних цивилизаций с точки зрения канонов красоты связана определенно с биологическим типом нордической расы. Образ всего божественного, героического и сверхъестественного всегда облакался в легко усвояемые черты светлокостей плоти, олицетворявшей собой концентрацию высшей солнечной субстанции и благодати. Вильгельм Зиглин считал нужным, кроме всего прочего, заострить внимание читателей своей книги на том, что древнейшее ведическое божество – Индра был блондином. И уж совсем как исторический курьез предстает перед нами тот факт, что Африка – эта белокожая богиня древних ливийцев – теперь с течением продолжительного времени ассоциируется с чернокожими типами.

И если истоки высшей античной культуры и цивилизации коренятся в биологически наследственной сути белокурой расы, то разгул анархии, демократии и сексуального беспредела неуклонно сопровождался резким потемнением пигмента волос в загнивающих обществах. По свидетельству многих историков и очевидцев окончательный крах древних государств обычно наступал с полным исчезновением светлых расовых типов из руководящего слоя. Печальный опыт античности мы, к сожалению, наблюдаем и в условиях разложения современной так называемой Западной цивилизации.

Правоту суровых выводов немецкого расолога можно проанализировать сегодня при посещении любого исторического музея с хорошей коллекцией. Греческий и римский залы Эрмитажа Санкт-Петербурга, к примеру, являют нам чистые образчики нордической расы, запечатленные в правильных пропорциях тел атлетов, глубокомысленных выражениях лиц философов, грациозных, величественных осанках императоров. Далее по ходу экспозиции в статуях исторических персон, принадлежащих к началу III века нашей эры, уже явственно читаются следы дегенерации, вызванной хаосом расового смешения, и наконец они доходят до карикатурного безобразия в гримасах у христианских святых в эпоху средневековья. Вся византийская, а равно и западноевропейская иконография – это чопорное припудривание физиологического разложения простейших рефлексов. Косящие глаза нимбоносных уродов до сих пор преподносятся нам как шедевр пространственной перспективы, а астенические, рахитические сухогрудые фигуры – как некое олицетворение «высокодуховного» стиля». Декадентское искусство, захлестнувшее Европую культуру с конца XIX века, продолжает эту удручающую тенденцию: маскировать под вдохновение художника элементарную деградацию его ущербной природы. Неврология новейшего времени доказала факт вырождения со всей очевидностью. Именно поэтому крупнейшие расовые теоретики Германии той поры выступили в качестве отряда идеологического обеспечения при проведении известной выставки «Дегенеративное искусство» в 1936 году в Мюнхене.

Особую роль в становлении расовой теории сыграла книга «Нордический человек» (1929) крупного норвежского ученого Хальфдана Брюна (1864-1933), в которой, с точки зрения эволюции он вообще выделил представителей светлых расовых типов в особый биологический вид – **homo caesius**, дословно «человек сероголубоглазый». Х. Брюн указывал, что в Норвегии сохранились области, где 100% взрослого мужского населения имеют белую кожу, 98,5% – голубые глаза и 99% светлые или рыжие волосы, что позволило сделать закономерный вывод: «В последнее время много говорят о прародине нордической расы. Тот факт, что она в наши дни представлена в почти чистом виде на Скандинавском полуострове, наводит на мысль, что он и был ее прародиной». Концепция о принципиальных биологических отличиях **homo caesius** от других видов людей подтверждает более раннее наблюдение польского антрополога Людвика Крживицкого, справедливо отмечавшего: «У человекообразных обезьян голубых глаз не бывает».

Однако наивысшего развития в указанный период данное направление достигло в монументальном сочинении под названием «Расология и расовая история человечества» всемирно известного ученого барона Эгона фон Эйкштедта (1892-1965). Два девятисотстраничных тома вышли в свет с 1938 по 1943 годы и объели как общие проблемы истории происхождения человеческих рас, так и множество частных проблем, связанных с расовой морфологией, патологией, теорией наследственности, иммунологией и т. д.

В этом обстоятельном сочинении содержится обилие сведений только что зародившейся генетики, посвященных эволюционной специфике нордической расы. Большинство из них не устарело до сих пор. Кроме того, следует подчеркнуть, что в разделе, посвященном истории развития расологии как науки в разных странах, целый информационный блок посвящен России. В подчеркнуто уважительной форме сформулирована мысль о вкладе русских ученых, а также выделена уникальность школы русской расовой антропологии. Следует отметить, что все это происходило во время кульминации противостояния на русско-немецком фронте, однако в научных кругах немецкой академической науки никакие признаки огульной русофобии не просматривались.

7. Советская и постсоветская наука на службе у расовой теории

По эту же сторону идеологического противостояния, в Советской России усилиями таких личностей, как Аркадий Исаакович Ярхо и многих других было сформировано агрессивно-негативное отношение к классической расологии, и выведен советский классовый марксистский вариант науки, получившей название **расоведение**. В научной академической литературе, не допускающей снижения стиля и, уж тем более, открытых оскорбительных выпадов, советские свежееиспеченные расоведы тотчас принялись клеймить своих немецких коллег, называя их «антропофашистами», «расовиками» и «нордоманами», естественно, даже не утруждая себя добросовестным анализом их концепций.

Впрочем, «изыски» марксистской стилистики по всем законам классической расовой теории с лихвой выдают биологическое происхождение критиков. Приведем лишь несколько красноречивых названий этих опусов как пример пролетарского дурновкусия:

А. А. Шийк «Расовая проблема и марксизм» (1930), Г. И. Петров «Расовая теория на службе у фашизма» (1934), Г. А. Шмидт «Правда о расах и расизме» (1941), В. А. Василенко «Расовые бредни фашистских бандитов» (1941), Б. М. Завадовский «Расовый бред германского фашизма» (1942), Х. С. Коштыянец «Наука против фашистского бреда о расах» (1942), М. А. Москалев «Расовая лженаука фашистских разбойников» (1942). Отметим, что отдел идеологической пропаганды Геббельса не позволял себе скатываться на уровень площадной брани, которым отличались многие советские расоведы, обвешанные академическими регалиями.

Однако справедливости ради подчеркнем, что не все отечественные ученые включились в эту примитивную коминтерновскую агитацию. Несмотря на то, что научная карьера в условиях большевистского режима для многих из них была сопряжена подчас даже с угрозой физического уничтожения, лучшие сохранили академическую беспристрастность. Расоведение изначально мыслилось коммунистическими партийными функционерами как классовый ответ буржуазной расологии, поэтому в круг научных задач советских расоведов входило неуклонное развенчание постулатов расовой теории, в том числе и о значении нордической расы в истории формирования мировой культуры.

Тем не менее, крупнейший отечественный антрополог Георгий Францевич Дебец в статье «Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии» (Советская Азия, 5-6, 1931)

считал необходимым подчеркнуть: «В конце первого тысячелетия до нашей эры и в начале первого тысячелетия нашей эры китайские источники говорят о высокорослых, голубоглазых, рыжеволосых племенах, населявших территорию, охватывавшую Алтае-Саянское нагорье. В ту же эпоху и несколько раньше на территории Минусинского края жил народ, антропологически, безусловно, европеоидный. Преобладающая часть черепов краниологически весьма близка к северной расе». Данным заявлением совершенно подтверждаются как общие постулаты расовой теории, так и частные изыскания русского ученого Г. Е. Грумм-Гржимайло и немецкого расолога Ганса Ф. К. Гюнтера.

Другой корифей отечественной науки Виктор Валерианович Бунак в статье «К вопросу о происхождении северной расы» (Антропологический журнал, № 1, 1934) описывает характерные краниологические признаки нордической расы, анализирует современные ему научные воззрения по данному предмету и приходит к следующему заключению: «Мы должны признать весьма вероятным существование в палеолите Европы двух типов, именно: кроманьонского и ориньякского, и в них видеть главнейшие элементы, сложившие тип северной расы. Итак, и культурно, и схематически устанавливается преимущественная связь рас палеолита с неолитическими, в которых мы находим уже краниологический прототип северной расы».

Данное умозаключение также подтверждает базовые постулаты расовой теории.

Теперь следует особенно подчеркнуть, что сам термин «расизм» впервые появился в 1932 году во французском словаре Ларусса как негативная оценка исследований о различиях человеческих рас. С 1945 года в связи с падением Третьего рейха во всем мире этот термин стал использоваться еще активнее, чтобы обличить и заподозрить в злом умысле каждого, кто способен различать породы людей, по аналогии с тем, как все мы различаем породы собак и кошек.

Но вот мы берем в руки книгу «История Древнего Востока» крупного советского ученого В. И. Авдиева, изданную тиражом 100 000 экземпляров в 1948 году Государственным издательством политической литературы и допущенную Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. В разделе, посвященном Древней Индии, вновь обнаруживаем назидательный рубленый стиль советской пропаганды, но теперь ее агрессивные выпады поменяли вектор на прямо противоположный. Советский историк вещал: «Защищая интересы зажиточных слоев населения, законодатели стремились оградить личную свободу ариев. Варварам не возбранялось продавать или закладывать свое потомство, но для ариев не должно было быть рабства. Слово «каста» португальского происхождения и означает «чистота племенного происхождения». В индийском языке касты обозначаются словом «джати» (рождение) или словом «варна», что означает «цвет». Люди, принадлежавшие к первым трем кастам, назывались «дважды рожденными» или «дважды рожденными ариями».

Далее В. И. Авдиев весьма оригинально прилагал марксистскую классовую науку к учению о кастах, отмечая, что первые брахманы произошли из рта первого человека Пуруши. Так как только им, по древней традиции, принадлежали святость и истина, именно поэтому их основным занятием стало изучение священных книг, обучение людей и совершение религиозных обрядов. Представители же низшей касты, шудры, были созданы из ног Пуруши и поэтому были обязаны пресмыкаться в грязи. По законам Ману, сын брахманки и шудры попадал в очень низкую социальную группу чандала и назывался «самым низким из людей». «Жилища чандалов должны находиться вне селений, они должны иметь особую утварь, и их имущество должно быть собаки и ослы. Платье их должно быть платье мертвых, они должны есть свою пищу из разбитой посуды, черное железо – их украшение, и они должны всегда перекочевывать с места на место. Человек, который исполняет религиозные обязанности, не должен искать сношений с ними; их дела должны быть между ними и их браки – с подобными им. Их

пища должна быть подаваема им другими в разбитой посуде; ночью они не должны расхаживать по деревням и городам». В священном тексте «Махабхарате» говорилось также, что смешение каст является результатом беззакония. В законах Апастамбы утверждалось, что каждая предшествующая каста стоит выше по рождению, чем следующая, и почет должен оказываться тем, кто принадлежит к высшей касте. Главный же вывод в этой главе, даваемый В. И. Авдиевым, сводился к следующему: «Целью кастовой системы было упрочить преобладающее положение ариев-завоевателей над покоренным туземным населением дасью». Откровенно смакуя расовое и кастовое неравенство на основе древних ведических текстов, советский ученый нигде не позволил себе даже намека на критику данной системы, что всегда считалось общеобязательным в манере изложения времен коммунистической эпохи. Данный факт говорит об идеологической поддержке после 1945 года «арийской темы» высшим сталинским окружением.

Вообще, справедливости ради, нужно отметить мощный подъем в развитии отечественной антропологии, этнологии, этнической истории, палеонтологии, палеолингвистики в короткий период эпохи позднего, послевоенного, сталинизма, когда многие утверждения советской науки, как это не покажется странным почти полностью совпали с базовыми постулатами классической расовой теории, которой они как бы должны были противостоять. Весьма показательна в этом плане фундаментальная монография Георгия Францевича Дебеца (1904-1969) «Палеоантропология СССР» (М., 1948), в которой он вслед за А. П. Богдановым и многими немецкими расологами доказывал, что черепа нордической расы как раз и являются **протоевропеоидными**, где он писал: «В III - II тысячелетиях до н. э. ареал европейского расового ствола простирался на восток до Енисея. Череп протоевропейского типа может быть определен как северно-европейский. На территории центральных областей России, а также на Украине черепной указатель долгое время остается практически неизменным (от II тысячелетия до н. э. и до XII-XIV вв. н. э.). Сходные типы черепов обнаружены в Египте, датируемые IV тысячелетием до н. э., и в Греции, датируемые II тысячелетием до н. э. Имеющийся палеоантропологический материал показывает, что тюркские кочевники Украины относятся, в значительной своей части, к пришлому из Азии туранскому типу».

Кроме того, Г. Ф. Дебец указывает, что с III по XII века нашей эры горные районы Крыма были населены готами – европеоидным народом с ярко выраженными чертами нордической расы: «В готских сериях черепов бесспорно монголоидного типа не обнаружено». Многие авторы, и Дебец в их числе, считают готов автохтонным населением полуострова Крым, причем вновь отмечается, что черепа из германских рядовых могил очень близки к древнеславянским.

В коллективном сборнике трудов «Происхождение человека и древнее расселение человечества» (М., 1951) Г. Ф. Дебец в статье «Заселение южной и передней Азии по данным антропологии» пишет: «У индоарийских народов северо-западной Индии до сих пор почти не ощущается примеси типов негроидно-австралоидной расы. Волосы слегка волнистые или даже прямые, сильно развит третичный волосяной покров. Кожа смуглая, примерно как у южных европейцев, глаза и волосы темные, почти совершенно без примеси смешанных оттенков. Лицо узкое, ортогнатное, нос тоже узкий, порой с горбинкой. Голова долихоцефальная (72-74), лоб наклонный, надбровье развито сильнее, чем в других областях Индии. Длина тела большая (169-175). Проникновение европеоидных элементов в Индию началось, по-видимому, в глубокой древности. Палеоантропологические материалы позволяют говорить о европеоидах с IV тысячелетия до н. э., но весьма вероятно, что их первое появление относится к значительно более раннему времени».

В другой статье данного сборника «Антропологические данные о заселении Африки» он же указывает на примесь древних европеоидных элементов в Азии, Северной и

даже Центральной Африке, делая характерный вывод: «Примесь европеоидных элементов прослеживается и к югу от Эфиопии, среди негров банту. На севере Африки, в Малой Азии и в Египте распространены европеоидные типы, более или менее сохраняющие кроманьонские черты. Смешение европеоидных типов с негроидными существовало, по-видимому, на всем протяжении истории Африки и продолжается до наших дней.

Подлинным же украшением и истинным шедевром этого издания является большая и обстоятельная коллективная статья Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой и Н. Н. Чебоксарова «Проблемы заселения Европы по Антропологическим данным». В ней подчеркивается: «Так или иначе заселение Европы относится к самому раннему периоду человеческой истории. Краниологический тип «северной расы» уже существовал в Скандинавии, когда на востоке еще полностью сохранялись кроманьонские особенности прото-европейского типа. Исследование палеоантропологических материалов из раскопок в Месопотамии, в Закавказье, в Малой Азии, в Иране и на Памире привели к твердому выводу о повсеместном распространении в прошлом долихоцефальных черепов и в этих областях. Родство всех европеоидных типов не подлежит сомнению. Это родство предполагает наличие общей исходной формы».

Таким образом, советские антропологи вновь и вновь подтвердили базовый постулат расовой теории, согласно которому именно нордический расовый тип был исходным при формировании всех белых рас на гигантских просторах Евразии. Не ускользнула от их внимания и такая специфическая, но весьма показательная проблема мегалитов, которая была осмыслена с расовой точки зрения еще немецким антропосоциологом Людвигом Вильзером. Примечательно, что советская наука незатейливо, но стойко именовала его не иначе, как расистом, однако сама почему-то пришла к тем же самым выводам.

«Очень рано мегалиты появляются в северной Африке и на Пиренейском полуострове, несколько позднее во Франции, где они особенно многочисленны в Бретани, еще позднее на Британских островах, в северо-западной Германии, в Дании и Скандинавии. Важно отметить, что в дольменных захоронениях преобладают резко длинноголовые, сравнительно грацильные, узколищные и узконосые черепа, в то время как в групповых могилах за их пределами чаще встречаются более массивные, умеренно долихоцефальные костяки кроманьонского типа». На основе выводов как западноевропейской, так и отечественной науки, что на этих обширных территориях мегалиты выполняли функцию культовых учреждений, призванных аккумулировать биологическую мощь нордической долихоцефальной расы и, следовательно, препятствовать ее смешению с другими более широкоголовыми и темнопигментированными расами. В подтверждение этого, хотя и смелого, но очевидного тезиса, советские ученые сокрушают и миф о мнимой азиатскости «скифов с раскосыми и жадными глазами», согласно поэтическому штампу Александра Блока, который взяли на вооружение историки и обществоведы, любящие порассуждать о расовой неоднородности русского народа. «Череп как оседлых, так и кочевых скифов относятся к длинноголовому европеоидному типу», – подчеркивают авторы статьи. Стабильность картины расовых типов не только русского народа, но и всей Европы обосновывают они далее: «Население неолитических и бронзовых культур Европы генетически связано с населением предшествующих эпох. Антропологический состав населения Европы в целом не претерпел существенных изменений. Нет никакой необходимости непременно искать внеевропейские корни племен неолита и бронзового века». Помимо научной, замечательна и гражданская патриотическая позиция авторов статьи, базирующих свои взгляды на трудах отечественной классики: «Еще в 70-х годах XIX столетия крупным русским ученым, основателем русской антропологии А. П. Богдановым было установлено, что в славянских погребениях курганного периода в средней России преобладал крайне длинноголовый антропологический тип. Этот длинно-

ловый и узколиций тип А. П. Богданов считал единым первичным не только для славян, но и всего древнейшего населения Европы, независимо от различных этнических групп. Этот тип был распространен, по мнению Богданова, среди древних славян, древних германцев, древних финнов и других народов. Каких-либо определенных различий и особенностей строения его А. П. Богданов не видел в отдельных местностях или у отдельных разных этнических групп».

Общеизвестно, что курганы в центральной части России имели искусственное происхождение и также использовались в культовых целях. Но при рассмотрении данной проблемы с расовой точки зрения все вновь закономерно встает на свои места. Аналогично западноевропейским дольменам, мегалитам, кромлехам древнерусские рукотворные курганы с погребениями выполняли функцию пространственных генераторов мощности нордической расы, предназначенных поддерживать ее господствующее положение. Они представляли собой своего рода резервуары силы и мудрости предков, из которых потомки должны были черпать энергию будущего жизненного порыва. Согласно свидетельствам многих историков и археологов, обычай сохранять черепа предков как амулеты и сакральные символы власти восходит именно к эпохе палеолита, когда, согласно утверждениям В. П. Алексеева, в человеке прочно сформировалось и утвердилось расовое сознание.

Ну и наконец, последний пассаж в этой блестящей работе вновь идет в разрез с классовыми догмами марксизма-ленинизма, ибо великую истерию переселения народов, объясняет не прихотями экономической конъюнктуры и не всевластием абстрактных исторических законов, а биологическими следствиями извечной борьбы рас. «Великое переселение народов вызвало также передвижение северных европейцев. Кое-где преобладание светлых европеоидных типов совпадает с распространением германской топонимики или германских языков, но местами эта связь совершенно исчезла. Отдельные славянские народы и в прошлом, и теперь по физическому типу обычно ближе к соседним неславянским народам, чем к славянским же, но территориально удаленным. Между различными славянскими народами наблюдаются постепенные переходы в антропологическом типе отдельных групп. Антропологические материалы не дают подтверждение о том, что распространение славянских языков сопровождалось массовыми переселениями».

В более поздней по времени, но весьма значительной в истории науки, книге классика советской антропологии Виктора Валериановича Бунака (1891-1878) «Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас» (М., 1959) многие данные положения были подтверждены и обоснованы уже на качественно более высоком уровне: «Европеоидный комплекс особенностей установлен на древнейших черепах далеко за пределами Европы, на обширных пространствах между Волгой и Енисеем. Очень показательны повышение черепного индекса в серии черепов XVI века из центральной зоны Русской равнины. В предшествующую эпоху на территории между Окой и Волгой не существовало сколько-нибудь значительных очагов брахицефалии, распространением которой можно было объяснить повышение индекса по сравнению с курганными краниологическими типами».

Отсюда вновь вытекает нетрадиционное положение, ибо выясняется, что в антропологическом смысле никакого пресловутого монголо-татарского ига не существовало вовсе. Одним из основных антропологических признаков монголоидной расы, не подверженных воздействию внешней среды, является брахицефалия, или короткоголовость, но очаги ее распространения почему-то появляются в центральной России как раз в XVI веке, когда это самое иго, по общепринятым утверждениям историков, сошло на нет. В данном умозаключении автора не содержится ровным счетом ничего экстравагантного или противоречащего науке.

Так крупнейшие современные отечественные антропологи В. Е. Дерябин и А. Л. Пурунджан в книге «Географические особенности строения тела населения СССР» (М., 1990) ясно указывают: «Страшное по своим историческим и социальным последствиям татарское нашествие антропологического следа практически не оставило».

Также и В. П. Алексеев в своей книге «География человеческих рас» (М., 1974) резюмирует: «Краниологический материал по близкому к современности восточнославянскому, и особенно русскому, населению рисует картину большой краниологической близости между отдельными территориальными группами русского народа».

В контексте нашего изложения не лишним будет также остановить внимание на великолепном фундаментальном сочинении «Палеоантропология Средней Азии» (М., 1972) известных отечественных ученых В. В. Гинзбурга и Т. А. Трофимовой. Опираясь на огромный археологический и краниологический материал, они расставляют акценты, прежде всего начиная исследование со справедливого утверждения: «Расы человека, как и подвиды животных, являются категориями, т. е. сущностями биологическими». Переходя к описанию процессов расовой динамики в самом сердце Евразии, авторы правомерно увязывают их с явлениями социальной и культурной жизни, действуя по методике классической расовой теории. В начале II тысячелетия до н. э. на юге Средней Азии складывались первые государства: Гиркания, Парфия, Маргиана, Бактриана. «В Средней Азии культуры степной бронзы возникли во II тысячелетии до н. э. Видимо, это движение и составляло первую значительную волну ираноязычных индоевропейцев, проникавших в Среднюю Азию с северо-запада. Черепы, обнаруженные в могильниках III-II тыс. до н. э., имеют два европеоидных типа: средиземноморский и протонордический. Черепы эпохи бронзы Казахстана, учитывая и индивидуальные различия, также могут быть отнесены к двум разным вариантам большой европеоидной расы».

Таким образом, советские исследователи подтвердили базовый постулат расовой теории, гласящий, что на гигантских просторах Евразии именно европеоидный расовый тип выполнял функцию культуротворящего, и в котором нордический элемент был его биологической основой.

Рассматривая расовую основу конкретных этнических общностей, авторы указывали, что саки и савроматы Приуралья принадлежали к андроновской культуре, и на основании краниологических материалов монголоидная примесь не обнаружена. Смещая глубже в Азию зону расового анализа, которую историки и этнографы почему-то до сих пор связывают с зоной распространения монголоидной расы, Гинзбург и Трофимова опровергают это: «Население Памира в эпоху бронзы также было очень однородным и без монголоидной примеси. Основу антропологического типа усуней Семиречья, как и Тянь-Шаня, составляет европеоидная раса с небольшой монголоидной примесью. Монголоидная примесь в целом небольшая».

С легкой руки отечественного этнографа Л. Н. Гумилева в общественном сознании о гуннах сложилось представление как о тюркском племени с ярко выраженными азиатскими чертами. Но данный взгляд на самом деле не соответствует фактам физической антропологии. Гунны были расово неоднородны, среди них выделялась большая общность – **эфталиты**, или белые гунны, у которых темные волосы вообще считались ненормальным явлением. В IV-V веках нашей эры влиянию эфталитов подверглись и **тохары**. Кстати, «тохар», дословно означает «белые волосы» или «белая голова». Северный расовый тип легко угадывается и на монетах с изображениями кушанских и эфталитских царей. Отечественные ученые вновь обращают наше внимание на древние китайские летописи, которые сообщают, что представители андроновской культуры были светлопигментированными динлинами. Мало того, у населения горного Памира монголоидная примесь до сих пор вообще не обнаружена. «Европеоидный тип Среднеазиатского междуречья хорошо прослеживается на краниологических материалах вплоть до

современности, а сейчас он лучше всего представлен у горных таджиков и населения Западного Памира».

В целом серьезный прилив монголоидной крови в Средней Азии начинается только с XIII века, то есть со времен монголо-татарского нашествия. «В середине I тысячелетия н. э. в связи с продвижением с Востока новой волны тюрков-кочевников нарастает монголоидная примесь в составе различных групп Средней Азии как кочевников, так и оседлого населения. В XIII-XIV веках монголоидные черты у населения Казахстана, как и на всей территории равнин Средней Азии, еще более усиливаются, что является непосредственным следствием монгольского нашествия. Отуречение населения Среднеазиатского междуречья началось только в I тысячелетии н. э., а так как «гуннские», а затем тюркские племена происходили главным образом из областей распространения монголоидного расового типа и сами в большинстве принадлежали к нему, то параллельно с отуречением по языку шла и монголизация местного населения по типу. Примесь монголоидных черт у населения Среднеазиатского междуречья в I и начале II тысячелетия н. э. была очень незначительной. Сильное увеличение монголоидного компонента в расовом типе узбеков произошло, по-видимому, только в XIII веке в связи с монгольским завоеванием».

Примечательно, что распространение ислама в Средней Азии всецело связано с появлением более высокого процента монголоидной примеси, и границы ее распространения точно соответствуют границам распространения ислама. **Таким образом, становится очевидным, что именно изменение концентрации тех или иных расовых признаков способствует ускорению или ослаблению продвижения любой идеологии, в том числе и религиозной.** Когда население Средней Азии было более европеоидным, оно придерживалось зороастризма и иных, близких ему огнепоклоннических культов, проповедующих расовую сегрегацию в совокупности с кастовым законодательством, воспрещающим расовое смешение. Нашествие монголоидных племен увеличило процент расовосмешанных людей, что и открыло дорогу в этих областях к продвижению ислама, в котором расовая сегрегация отсутствует. Религиоведение, как мы видим, нуждается в фундаменте не социологии, а расовой биологии.

Утверждение в части социально-политических последствий метисации подтверждает и другая совокупность фактов из данной обстоятельной книги, ибо В. В. Гинзбург и Т. А. Трофимова указывают на обычай деформировать черепа у многих народов вышеозначенных территорий. В могильниках той эпохи преобладают черепа, подвергшиеся прижизненной искусственной деформации, иногда кольцевого типа, иногда с затылочной комбинацией. На черепах женщин деформация встречается чаще, чем на мужских. Характерно, что и монголоидная примесь на женских черепах проявляется сильнее, чем на мужских. Дело в том, что данный вид искусственной деформации влиял не только на форму черепа, но и на некоторые лицевые отделы черепа, придавая им более европеоидный вид. В целом можно сказать, что данного рода деформация предусматривала нивелирование и сглаживание монголоидной примеси у населения этих областей. Данный обычай, следовательно, вызван желанием метисов больше походить на европеоидов.

Социально-политический аспект данного сочинения без труда выявляется авторами другого научного издания. В сборнике «Проблемы антропологии древнего и современного населения советской Азии» (Новосибирск, 1986) Т. И. Яблонский в статье «Монголы в городах Золотой Орды (по материалам мусульманских некрополей)» писал: «К началу XV века большую часть горожан Золотой Орды составляли люди смешанного типа. При этом преобладал европеоидный компонент. Судя по всему, как в провинции, так и в столице золотоордынского государства процесс антропологического смешения шел в направлении ассимиляции завоевателей-монголов. В богатых кирпичных склепах, расположенных на территории мечети или мавзолея, хоронили людей вполне европеоидного облика. По всей видимости, сын монгола и, например, половчанки мог за-

нимать высокое социальное положение, осознавать себя монголом и иметь при этом европеоидную внешность».

Мы вновь убеждаемся в том, что разговоры о самобытности и уникальности культуры, созданной монголоидной расой, несколько преувеличены, ибо на всех этапах своего развития она непрестанно нуждалась в осеменении творческой кровью европеоидной расы, в которой, в свою очередь, нордический расовый тип выполнял функцию наиболее ценного культуротворящего элемента.

Удивительно метко замечание в этом смысле известного русского историка Александра Фомича Вельтмана (1800-1870), который еще в 1860 году в книге «Маги и мидийские каганы» писал: «Известно ли было имя монголов побежденной ими Руси? – Нет.

В продолжение столетий преобладания так называемых монголов ни Русь, ни Великие князья, ездившие в Орду, не произнесли этого имени, и только в 1567 году явилось это название в Русских летописях, когда царь Иван Васильевич повелел атаманам и казакам Сибирским разведать о монгольских землях и Китайском царстве, находящихся за Сибирью». По его же мнению, древние географические сочинения следует подвергнуть более тщательной перепроверке ввиду природной хитрости «монголов», «монголоманов» и иных евразийцев. Так, монах Рюйсбрек из Брабанта, направленный королем Людовиком в Татарию в 1253 году, сообщал: «Татары, чтобы дать понять иностранцам о могуществе и обширности владений их Ханов, имеют обычай кружить с ними, вместо того, чтобы везти от места до места по прямой», – и еще добавлял, – «Говоришь ему одно, а он передает, что ему взбредет в голову». Именно с помощью таких горетолмачей и составляли себе мнение европейцы о культурных и политических достижениях Востока.

Исследуемой нами проблеме посвящен и сборник фундаментальных работ «Бронзовый и железный век Сибири» (Новосибирск, 1974). Классик советской антропологии В. П. Алексеев в статье «Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии» совершенно ясно подчеркивал: «Изученный нами материал расширяет круг фактических данных, по которым можно судить о широком распространении европеоидной расы в Центральной Азии вплоть до Западной Монголии в эпоху раннего железа; аналогии же этому материалу и его сравнительное исследование показывают, что эпоха проникновения европеоидов в Центральную Азию может быть предположительно отодвинута до энеолита, а их ареал раздвинут до Внутренней Монголии». В. П. Алексеев, так же как до него и Г. Е. Грумм-Гржимайло, К. Штрац, Г. Фрич, Ф. Вейденрейх, Ганс Ф. К. Гюнтер, счел необходимым подкрепить свои смелые культурологические выводы ссылкой на древние китайские письменные источники, в которых их авторы честно признавались в том, что основные культурные, цивилизационные и технические новации они позаимствовали у представителей европеоидной расы. **О самобытном значении культуры монголоидной расы речь вообще не может идти, ввиду того, что она приобрела самостоятельное историческое значение сравнительно недавно. О каком воздействии культуры монголов на европейскую ментальность вообще может идти речь, если никто никогда в древности не слышал самого термина «монгол»?**

Другой советский признанный научный авторитет А. Л. Монгайт в монографии «Археология Западной Европы. Каменный век» (М., 1973), основываясь на современном материале, фактически подтвердил базовые постулаты школы антропосоциологов и конкретно Жоржа Ваше де Лапужа, ибо подчеркивал: «В неолите Европу населяют племена, среди которых известны уже все антропологические типы, которые сохраняются среди современных европейцев. Ко времени развитого неолита количество долихо- и брахикефалов становится одинаковым. В конце неолита количество брахикефалов снова несколько уменьшается. К неолитическому брахикефальному типу относится *homo sapiens alpinus* (в Средней и частично Западной Европе), рождающий две группы

долихокефалов: северную и средиземноморскую. Неолитические долихокефалы Западной Европы разделялись на: 1) кроманьонский тип; 2) средиземноморцев; 3) нордический тип. Последний населял скандинавские страны, и частично территории Швейцарии и Германии. Эти люди были высокими и стройными. Современные скандинавы являются прямыми потомками местного неолитического населения».

Как мы помним, одно из главных утверждений расовой теории, выдвинутое еще графом Жозефом Артюром де Гобино, состоит в том, что подъем любой исторически значимой цивилизации происходит вследствие прилива свежей культуротворящей крови нордической расы в социальный организм общества. Советские ученые К. Ф. Смирнов и Е. Е. Кузьмина в книге «Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий» (М., 1977) вновь и вновь аргументированно подтверждают его: «Вторая четверть II тысячелетия до н. э. была бурным периодом в истории Старого света: в Египте – это время завоевания гиксосов, с которыми связано развитие в долине Нила коневодства, и время утверждения XVIII династии, при которой египетское искусство достигло высшего расцвета; в Передней Азии – это эпоха первого появления индоариев, распространения в царстве Митании коневодства и боевых колесниц, ставших важной инновацией в военном деле Вавилона при Касситской династии; в Малой Азии – это эпоха возвышения Хеттского царства с его яркой своеобразной культурой, в которой впервые на Древнем Востоке утвердился культ огня; в Греции – это время создания ахейцами Микенской цивилизации, важным фактором которой было использование боевых конных колесниц».

В СССР в 1977 году прошел Международный симпозиум по этническим проблемам истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.), труды которого вышли отдельным изданием в 1981 году. В работе симпозиума приняли участие крупнейшие ученые из одиннадцати стран с тем, чтобы обсудить различные аспекты «арийской проблемы». Советский делегат Б. Г. Гафуров в своем выступлении «Некоторые проблемы этнической истории народов Центральной Азии в древнейший период» указывал: «Данные индийских и иранских языков, свидетельствующие об их происхождении из одного общего источника, систематические и глубинные черты сходства в религии и культуре, социальной и политической организации, хозяйстве и образе жизни иранских и индоарийских племен на заре их письменной истории, их общее самоназвание свидетельствуют об общности предков индийских и иранских племен в общеарийский период. Индоиранское единство является, следовательно, не только языковым артефактом, оно представляло собой реальное историческое целое, существовавшее в определенный период на единой территории. В результате хозяйственного и социального развития в этот период началось распространение арийских племен на другие территории. Арийская проблема является комплексной, но уже по своему содержанию это прежде всего историческая проблема».

Крупнейший отечественный антрополог В. П. Алексеев в своей статье «Антропологический состав населения древней Индии» из сборника «Индия в древности» (М., 1964) на основе богатейшего палеоантропологического материала сделал следующий вывод: «Представители европеоидной расы появились здесь, по-видимому, в конце верхнего палеолита или в мезолите с севера и разорвали ареал распространения негроидной расы».

Наконец, расово-антропологический анализ великолепно проясняет картину и в вопросе, который в истории и этнографии получил расплывчатое, аморфное название «великое переселение народов».

Т. А. Тот, Б. В. Фирштейн в работе «Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и Сарматы» (Ленинград, 1970) утверждали: «Сарматы в целом относятся к большой европеоидной расе. Очень небольшая часть черепов сарматов из захоронений характеризуется чертами большой монголоидной расы (21%) или

смешанными монголоидно-европеоидными (10%). Основная масса черепов сарматов с недеформированной черепной коробкой (60%) относится к европеоидным типам. Меньшее количество черепов (около 23%) относится к северному типу европеоидной расы».

Но сарматы находились на востоке ареала, обнимавшего зону «великого переселения народов», поэтому в их составе отмечен незначительный процент монголоидной примеси. Среди же народов, обобщенно именованных в летописных сводах «варварами» и «вандалами» и занимавших территории к западу в этом ареале, абсолютное большинство отличалось светлыми волосами, так что даже о незначительной примеси монголоидной крови среди них нет речи.

То историческое понятие, которое мы знаем как «великое переселение народов» – всего лишь уловка факиров от либеральной этнографии. На самом деле это была очередная волна экспансии большой белой расы, направленная на силовой передел жизненного пространства, в которой нордический расовый тип традиционно был инициативным, руководящим началом.

В постсоветский период лучшие добросовестные ученые продолжили традицию изучения биологических основ цивилизации. Крупный этнолог и историк Валентин Васильевич Седов в монографии «Древнерусская народность» (М., 1999) указывает: «Утверждения лингвистов об иранском или индоарийском происхождении этнонима **русь** приобретает надежную историческую подоснову. Он восходит или к иранской основе *gauka, ruk* – «свет», «белый», или произведен от местной индоарийской основы *rukxa, russia* – «светлый», «белый»»

Но ведь совершенно очевидно, что белыми могли называть именно людей, населявших данные огромные территории, что это указывает на их расовую принадлежность. Средняя полоса России совершенно не похожа на заснеженную тундру, и ее саму по себе не могли называть «белой». Русь – это расовое название, свидетельствующее о нордическом происхождении ее исконных обитателей.

Рассуждениям в том же духе посвящен и фундаментальный сборник статей «Восточные славяне. Антропология и этническая история» (М., 1999). Данный сборник в силу его объективности, широты охвата проблемы, глубины ее проработки вне всякого сомнения может быть признан лучшей отечественной работой по физической антропологии славян как типичных представителей европеоидной расы. В предисловии выделена мысль, весьма важная в контексте нашего повествования: «Антропологические особенности населения, благодаря своей консервативности, позволяют проследить различные этапы становления физических черт народа, даже в тех случаях, когда какая-либо из фаз его истории антропологическими данными не представлена». Это говорит о том, что современные комплексные методы расовой диагностики позволяют очень точно восстанавливать облик этнической общности на любых этапах ее развития.

В первой главе, названного сборника «История изучения антропологического состава восточных славян», принадлежащей перу академика Т. И. Алексеевой, указывается, что крупнейший польский антрополог Ян Чекановский и видный немецкий ученый Ильзе Швидецки, полагали, что исходный тип славянина – нордический. Не лишним будет вновь подчеркнуть, что И. Швидецки аргументировала это утверждение и изложила его в книге «Расовое учение древних славян» (1938), которая была опубликована массовым тиражом в Третьем рейхе, когда, как нас пытаются уверить в том «профессиональные антифашисты», буквально царил разгул антиславянской истерии. Позднее крупнейший советский антрополог В. В. Бунак, опираясь на данные геногеографического изучения Восточной Европы, пришел к выводу, что исходный «протославянский тип» весьма устойчив и своими корнями уходит в эпоху неолита, а возможно даже и мезолита. Академик В. П. Алексеев выделял крайнюю степень морфологического сходства всех краниологических серий современного русского народа. Все локальные мест-

ные варианты отклоняются весьма незначительно от единого расового типа, распространенного на огромной территории от Архангельска до Курска и от Смоленска до Пензы. Автор статьи Т. И. Алексеева на базе этого материала свидетельствует: «По окраске волос и глаз суммарный русский тип отклоняется от центрального западноевропейского варианта. В русских группах доля светлых и средних оттенков значительно повышена, доля темных, напротив, снижена». Следовательно, концепция о нордической расовой основе русского народа подтверждается вновь и вновь. Приводится также мнение русского дореволюционного антрополога Е. М. Чепурковского, указывавшего на большой процент генофонда древнего населения в современных восточнославянских группах. И данная точка зрения подтверждается автором статьи на базе новейших серологических измерений, что также свидетельствует о гомогенности и автохтонности исходного русского расового типа.

Другой мэтр отечественной науки В. Е. Дерябин в статье «Современные восточнославянские народы» пишет: «При сравнении же средних значений антропологических признаков для народов Европы и для русских выяснилось, что они по многим расовым свойствам занимают среди европейцев центральное положение. Это наблюдается по длине тела, размерам головы и ее форме, высотным и широтным размерам лица и их соотношениям. Иными словами, по многим признакам русские являются самыми типичными европейцами. По пигментации глаз и волос русские в целом оказались светлее среднего европейского типа». Так, согласно вычислениям В. Е. Дерябина, светлые глаза (серые, серо-голубые, голубые и синие) у русских встречаются в 45%, тогда как средний уровень для зарубежной Европы – только 35%. Темные же глаза (темно- и светло-карие) встречаются у 5% русских, тогда как у населения Европы – в среднем 45%. Темные волосы у русских встречаются в среднем в 14% случаев, тогда как у населения зарубежной Европы – в 45%. Не подтвердилось и расхожее мнение о «курносости» русских. Так, у них в 75% случаев встречается прямой профиль носа.

Известно, что одним из характерных признаков монголоидности на территории Евразии является присутствие эпикантуса. В группах типичных монголоидов у взрослых эпикантус встречается очень часто – в 70-95%. Среди более чем 8,5 тысяч обследованных русских мужчин эпикантус был обнаружен всего в 12 случаях, причем, наблюдался в зачаточной форме. В. Е. Дерябин приходит к заключению: «Таким образом, русские по своему расовому составу – типичные европеиды, по большинству антропологических признаков занимающие центральное положение среди народов зарубежной Европы и отличающиеся несколько более светлой пигментацией глаз и волос. Следует также признать значительное единство расового типа русских по всей европейской России».

Н. А. Долинова в статье «Дерматоглифика восточных славян» на основе анализа кожного узора ладоней и ступней также приходит к красноречивым выводам. Для наглядности расовой диагностики она использует такую величину, как северо-европеоидный комплекс (СЕК), отражающую степень выраженности северо-европеоидных черт в группе. У русских Европейской части России этот показатель никогда не бывает ниже 0,41, что позволяет автору статьи уверенно говорить о «морфологическом единстве русских».

В начале нашего исследования мы приводили знаменитое высказывание этнографа и историка Н. И. Надежина, заявившего еще в 1837 году: «Физиогномия Российского народа, в основании славянская, запечатлена естественным оттенком северной природы. Волосы русые, отчего в старину производили самое имя Руси».

По прошествии уже свыше полутора столетий, **фундаментальный тезис расовой теории, гласящий, что расовой основой русского, а в равной степени и иных европейских народов является, бесспорно, нордическая раса, подтверждается вновь и**

вновь. Именно культуротворческим способностям нордической расы и обязана вся европейская цивилизация своим происхождением.

Ю. Г. Рычков, Е. В. Балановская, С. Д. Нурбаев, Ю. В. Шнейдер в статье «Историческая геногеография Восточной Европы» на базе сопоставления археологических и геногеографических карт данного региона также совершенно определенно заявляют, что «ядро русского генофонда находится на северо-западе русского этнического ареала».

Р. У. Гравере в статье «Одонтологический аспект этногенеза и этнической истории восточнославянских народов», на основе изучения морфологии зубной системы данного региона свидетельствует: «Северная ветвь славянства формировалась, по-видимому, в Центральной Европе, возможно, в областях средней и частично Верхней Вислы, проходя в своей предыстории период балто-славянской и балто-германской общности».

Так же и в сводном исследовании О. В. Жуковой, Е. В. Огрызко, Т. П. Панковой, Ю. В. Шнейдера, Ю. Г. Рычкова «Экологическая геногеография Восточной Европы: генофонд, здоровье и болезни сельского населения Европейской России» в простой и доходчивой форме объясняются причины биологической активности и пассионарности представителей нордической расы, проявившиеся в полной мере во время их победоносного марша по бескрайним просторам Евразии, начиная с эпохи позднего палеолита. «Главная качественная особенность современной географии болезней сельского населения – уменьшение заболеваемости к северу, можно думать, задана именно в позднем палеолите отбором на высокую жизнестойкость с приближением к границе ледникового щита».

Наконец Т. И. Алексеева, С. И. Круц в статье «Древнейшее население Восточной Европы» в том же духе утверждают: «В эпоху мезолита наиболее многочисленным, судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, было население, связанное в своем генезисе с северо-западными территориями Европы. Для него характерна долихокrania, широкое лицо с уплощенностью в верхнем отделе и резкой профилированностью в среднем, сильное выступание носа. Преимущественная концентрация этих черт на севере и северо-западе Европы дает основание отнести их носителей к кругу северных европеоидов».

В одном из самых современных теоретических трудов, сборнике «Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии» (М., 2000) известный отечественный антрополог Л. Т. Яблонский пишет, что население Южного Приаралья в эпоху бронзы было сформировано на «протоевропеоидной антропологической основе», и в эпоху раннего железа (VIII-VII вв. до н. э.) приаральские черепа также «отличаются крайней выраженностью европеоидных особенностей».

Таким образом, в самом сердце Евразии в эпоху формирования первых государств, создания письменности, религии, культуры, техники, основ цивилизации и законодательства не было упоминаний о монголоидах, негроидах и их метисах. Все эпохальные творения принадлежат всецело белому человеку чистой расы, его воле, гению и прозорливости. Позднейшие вливания пришлой чужеродной крови на протяжении всей истории только оттягивали или направляли вспять сам биологический процесс созидания высшей культуры. Расовый хаос всегда и везде проявлялся одинаково: через анархию, смуты, социальный паразитизм, уничтожение памятников культуры и глумление над святынями.

Недаром в основе биологической политики выживания монголо-татарского ига, Арабского Халифата, Оттоманской империи и иных азиатских государств всегда лежала одна и та же политика: убийство белых мужчин и воровство в гаремы белых женщин. При такой устойчивой многовековой практике генетического паразитизма цветных рас на генах белого человека всякие разговоры культурологов о «самобытности» и

«оригинальности» различных культур делаются просто циничной ложью и вызывают закономерное отвращение у каждого здравомыслящего человека.

Всесторонний расово-биологический анализ фактов истории нордического человека наглядно показывает нам, что любой человек независимо от его политических убеждений, религиозной принадлежности и даже цвета кожи, действующий во вред представителям белой расы, в конечном счете действует против себя самого и своих потомков. Каждый, кто сегодня по глупости, в силу старых обид или по иным каким-либо причинам действует во вред белой расе, подобен сумасшедшему, проматывающему высшее богатство – культуротворящие гены человека северного типа, ибо без них невозможно никакое рациональное и поступательное движение вперед по тернистому пути эволюции. Расовый хаос никогда не был фундаментом подлинного величия. Из пегой орды никогда не получится достойная свита или рыцарский орден. Всякое возвышение начинается изнутри, когда чистая, благородная кровь возгоняет в реторте бытия чистые, величественные мысли.

8. «Горнило творения»

Именно такой поэтический образ применил известный советский ученый Н. И. Вавилов, чтобы обозначить важнейшую антропологическую категорию – **очаг расообразования**. Каждая из существующих ныне рас, прошла сквозь свое горнило творения, обретая присущие ей физические, психические и моральные признаки. В отечественной науке данную проблему лучше всего разработал В. П. Алексеев, в частности, в книге «География человеческих рас» (М., 1974) он писал: «Под очагом расообразования я понимаю участок земной поверхности, в пределах которого расообразовательный процесс характеризуется определенной интенсивностью и специфическим направлением».

Можно сказать, что очаг расообразования – это регион, где возникают, воспроизводятся и оттачиваются расовые признаки. Советский ученый подчеркивал, что в процессе расообразования значение географических барьеров, особенно на поздних стадиях расогенеза, традиционно преувеличивалось, а роль естественного отбора, напротив, недооценивалась. «Можно говорить об очаге расообразования как об элементарной единице природной среды. Очаг расообразования имеет структуру, пространственно организован. Его структура выражается в том, что он охватывает несколько популяций, чаще всего иерархически подчиняющихся одна другой. Каждому очагу расообразования соответствует определенный расообразовательный модус. При локальной изменчивости очаг сохраняет свою стабильность на продолжительное время. То же можно повторить и про направленную изменчивость, так как характер формирующегося в соответствующем очаге при таком модусе комплекса признаков закономерно изменяется во времени, но сам очаг в своих границах и структуре остается постоянным. При господстве типологической изменчивости очаг расообразования быстро деформируется и затем переходит в новые дочерние очаги».

Таким образом, получается, что в условиях географической изоляции очага расообразования вначале конкурентную борьбу ведут несколько сходных биотипов, потом они выстраиваются в иерархическую кастовую структуру соподчинения в соответствии с биологической и культурной ценностью этих биотипов. А затем данная иерархическая структура осуществляет социальную возгонку одного единственного биотипа, с соответствующим закреплением всех расовых признаков. Именно он впоследствии и становится эталонным и узнаваемым в процессе столкновения с другими расами в борьбе за существование. Именно этот исходный биотип, символизирующий ту или иную расу, описывается впоследствии в письменных исторических источниках, запечатлевается в многочисленных художественных изображениях, наделяется всеми положительными качествами в национальном эпосе, сакрализуется и возвеличивается в религиозных культах. Грациозная голова античного героя, раскосое луноподобное лицо

китайского мандарина или выступающая вперед челюсть в профиле чернокожего негра – все это результат сложной работы эволюционных реторт природы, осуществлявших многотысячелетнюю работу по выведению рас.

Крупнейший советский генетик Юрий Григорьевич Рычков также посвятил рассматриваемому вопросу специальную монографию «Антропология и генетика изолированных популяций» (М., 1969), в которой основываясь на обширном материале полевых исследований пришел к следующему выводу: «В образовавшемся изоляте проявляется тенденция к уменьшению морфологической изменчивости». Это означает, что в процессе расообразования происходит постепенная консолидация доминирующего расового типа, его морфофизиологического обособления, с кристаллизацией характерных для него признаков. Советский ученый подчеркивал: «Процесс грацилизации в антропологии действительно известен, но мы не знаем и едва ли можем теоретически допустить возможность трансформации северных блондинов в южных брюнетов, с развитым волосным покровом и прочим комплексом расовых конституционных и физиологических свойств».

Грацилизация – это процесс поступательного структурного облагораживания расового типа, с последующим генетическим закреплением его особенностей.

Г. Ф. Дебец подчеркивал, что именно для северных европеоидов до сих пор более, чем для южных, характерны именно древние протоевропеоидные формы как в строении черепа, скелета, так и в основном химизме метаболического обмена. В. П. Алексеев также указывал, что нордический биотип является исходным для всей белой расы. «Что касается расообразовательного очага для северной расы, то он примыкал к Балтийскому морю как с юга, так и с севера. В связи со спецификой географической среды на Скандинавском полуострове именно там окончательно могли сформироваться основные особенности северной расы».

Вновь мы убеждаемся в том, что и в этом ключевом вопросе советская наука полностью подтвердила базовые постулаты классической расовой теории. Выдвигая эту гипотезу Г. Ф. Дебец, Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров в статье «Проблемы заселения Европы по антропологическим данным» из сборника «Происхождение человека и древнее расселение человечества» (М., 1951), утверждали: «Краниологический тип «северной расы» уже существовал в Скандинавии, когда на востоке еще полностью сохранились кроманьонские особенности протоевропейского типа».

Нордический расовый тип был исходным и дал толчок к эволюционному развитию всей белой расы. В формировании других основных рас прослеживается та же принципиальная логика, ибо отдельные биотипы давали затем рост целым расовым стволам.

Напомним еще раз, что классики отечественной антропологической школы А. П. Богданов и Г. Ф. Дебец называли черепа нордической расы **протоевропеоидными**. В своей фундаментальной монографии «Палеоантропология СССР» (М., 1948) Г. Ф. Дебец свидетельствовал: «Череп протоевропейского типа может быть охарактеризован как северно-европейский».

В. П. Алексеев в упоминавшемся нами сочинении также писал, что датчане и шведы до сих пор являются носителями чистого **грацильного типа** нордической расы: «Налицо полная преемственность физических особенностей древнего и современного населения на территории Скандинавии на протяжении минимум 4000-5000 лет». И именно знание основ морфологической эволюции биотипов позволяет нам избежать ошибок: «Морфологическое сходство между начальными и конечными членами ряда – между неолитическим и современным населением – позволяет говорить о том, что выявленные в современную эпоху различия между популяциями повторялись и в неолитическое время».

По логике Г. Ф. Дебеца именно процесс ветвления расового ствола и создавал новые вариации: «В зависимости от того, насколько далеко отдельные черепа и группы укло-

нились от первоначального прототипа, они могут быть диагностированы как «северные» или «средиземноморские». Напомним, что еще великий французский антрополог Арман де Катрфаж называл кроманьонца «предтечей белокожего голубоглазого европейца».

На общем уровне кроманьонского типа нордический протоиндоевропеец начал выделяться совокупностью морфологических черт, закрепленных нормой психических реакций. А. П. Богданов так описывал суть данного процесса: «У дикарей мы видим убегающий лоб, грубый выступающий затылок, грубое развитие мест прикрепления мышц, развитые надбровные дуги. Эти признаки стираются с развитием культуры, с более размеренной и обеспеченной жизнью: лоб увеличивается в высоту и в ширину, затылочная область головы приобретает более совершенное строение, поперечный диаметр увеличивается, длина головы уменьшается или, вернее, пропорция этого диаметра уменьшается по отношению к ширине черепа». Все те зримые черты, которыми так восхищаются живописцы и ваятели уже на протяжении тысячелетий и стереотипно связываемые с обликом белой расы, являются на самом деле морфофизиологическим результатом сложного эволюционного процесса в развитии ее исходного биотипа.

Многokrатно доказано, что феномен грацилизации, или **очеловечивания** облика, всецело связан с поступательным развитием творческих и производительных способностей человека, которые существенно разнятся у всех рас. Никакого единого усредненного индекса способностей к культуротворчеству не существует в принципе, поэтому и различия в физиономии отдельных рас столь велики.

Н. Н. Чебоксаров и А. Чебоксарова в книге «Народы, расы, культуры» (М., 1985) указывали, что феномен грацилизации (лат. *gracilis* – тонкий, нежный), в результате которого происходило уменьшение общей массивности скелета, наклона лба, выраженности надбровья, продольного диаметра черепа, ширины и отчасти высоты лица, был связан с развитием умственных и духовных способностей. Исследования Г. Ф. Дебеца показали, что в Европе грацильные изменения начались еще в неолите, во время перехода людей от охоты и собирательства к земледелию. В. В. Бунак в книге «Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас» (М., 1959) писал: «Грацильным комплексом в краниологической литературе называют полное или частичное сочетание нескольких особенностей: малой величины диаметров мозгового и лицевого отделов, малой толщины костей черепной крышки, слабого развития надбровья, височных и затылочных линий, слабо выраженных половых различий».

Глава польской типологической школы Ян Чекановский придерживался той точки зрения, что антропологические типы современной Европы уже существовали в палеолитические времена, и никаких существенных изменений не претерпели за это время.

Но с точки зрения объективной расологии совершенно очевидно, что утончение и облагораживание форм древнего нордического человека проходило не только на уровне внешних физических форм, но также на физиологическом и психологическом уровнях организации, ибо все они взаимосвязаны.

Немецкий расолог Отто Рехе, помимо изучения краниологии и соматологии, оставил множество интересных работ по анализу расовых различий крови, а также по вопросам эволюционной дифференциации физиологических признаков, что позволило ему обоснованно судить о зоне возникновения нордической расы с точки зрения системного подхода.

В своей работе «Расово-физиологические указания на родину человеческих рас» (1937) он писал: «Успехи в изучении наследственности позволили преодолеть теорию среды и сделать более ясным понятие расы. Мы знаем теперь: наследственные расовые качества, физические и духовные, а значит и сами расы – не случайные явления, а результаты развития. Каждое важное расовое качество имеет свой особый смысл и свою цель и развилось потому, что оно было полезным для данной расы в ее жизненном про-

странстве и имело ценность для отбора. Каждая раса обладает, таким образом, комплексом выгодных для нее наследственных качеств и представляет собой попытку наиболее удобного приспособления к условиям жизни в области ее возникновения, на родине расы».

Свой анализ физиологических признаков О. Рехе начинает с цвета кожи и залегающего в ней пигмента – меланина, который поглощает определенную часть спектра солнечных лучей, особенно ультрафиолетовых. «Меланин защищает кожу от ультрафиолетовых лучей, особенно от лучей с длиной волн 280-313 микрон. Родиной нордической расы должна быть климатическая зона, где из-за малого количества солнечного света или его сильной фильтрации, особенно ультрафиолетовых лучей, темная кожа была бы лишней или даже неблагоприятной».

Цвет глаз есть результат образования под действием сходных факторов: «Глаза людей нордической расы не темные, как у полярных зверей, а наоборот очень светлые, то есть их радужная оболочка содержит очень мало пигмента. Они плохо защищают от отблесков от поверхности снега и льда. Раса с такими глазами не могла возникнуть и в южной Европе или в солнечных тропических местностях, где человеку нордической расы приходится носить темные очки. Негр же постоянно носит такие «темные очки» в виде темной радужной оболочки глаза».

Светлые волосы нордической расы тоже приспособлены к жизни при малом количестве света. Кроме того, немецкий ученый справедливо обращает внимание на то, что слизистая оболочка людей нордической расы чрезвычайно чувствительна к пыли. Следовательно, и на основании этого признака можно сделать вывод, что родина нордической расы находилась во влажной, не пыльной зоне, так как слизистая оболочка ее представителей хорошо переносит влажный, особенно морской воздух и содержащий соль морской туман.

Наконец, эта раса устойчива ко всем простудным заболеваниям, но очень подвержена болезням жаркой зоны. В отличие от тропических рас, нордическая раса **эвритермична**, то есть имеет широкий температурный диапазон, хорошо переносит большие перепады температур и даже их частую и быструю смену. Ей даже нужна такая смена и заключенная в ней и в низкой температуре определенная «климатическая энергия». Без нее, в Южной Европе или в тропиках, в непривычном климате эта раса быстро теряет свою физическую и духовную силу. Нордический человек энергичней зимой, чем летом, хотя зимой не только холодно, но и сильно меняется погода.

В подтверждение логики немецкого расолога следует отметить, что именно в Скандинавии и в России люди с особой радостью любят прыгать из бани в ледяную прорубь или кататься в снегу. Ни негры, ни арабы такой нордической экзотики, связанной с резкой сменой температурных режимов, категорически не переносят. Даже без контрастных холодных ванн они совершенно не выдерживают жар русской парной.

«Нордическая раса должна была появиться в климате, в котором «переменная погода» является так сказать, нормальным состоянием, то есть в холодном морском климате, находящемся под сильным влиянием воздушных потоков с моря. Этому соответствуют и развитие и функции кожных желез людей нордической расы; они не могут долго работать одинаково, как кожные железы негров; потение для нас крайне неприятное состояние и наши сальные железы могут выделять лишь немного жира, поэтому мы пользуемся кремами для защиты от солнца.

Подведем итог. Родина нордической расы могла находиться в зоне прохладного и влажного климата, изобилующего облаками и туманами, при котором содержащиеся в воздухе водяные пары почти без остатка поглощают ультрафиолетовое излучение. При этом климате должны быть сильными и частыми колебания температур, то есть, речь идет о климате, противоположном степному, так что родиной нордической расы не могла быть никакая степь, ни тундра, ни степи умеренных широт, ни жаркие и сухие

тропические области. Речь идет о типично морском климате, определяемом близостью океана, с частой сменой погоды, примерно таком климате, какой мы сегодня имеем в северо-западной Европе, особенно в Ирландии, Англии, на побережье Северного и Балтийского морей и частично в Скандинавии.

Если бы это была молодая раса, возникшая в послеледниковый период, она могла бы появиться в нынешней северо-западной Европе. Но, поскольку она могла возникнуть, самое позднее, в Вюрмский период, мы должны посмотреть, где в то время господствовал соответствующий климат.

Прохладный и влажный климат был в Европе в Вюрмский период только на крайнем Западе, в Ирландии, Англии, на западном побережье Ютландии и в западных частях Франции. Только там тогда был климат, характерный для родины нордической расы. Там и в областях далее к северу, которые во времена температурных колебаний в Вюрмском периоде бывали свободны ото льда, только и могла быть родина нордической расы. Итак, нордическая раса – дитя западной и северо-западной Европы ледникового периода, то есть является коренным населением древней Европы. Иного толкования перечисленные расовые признаки не допускают».

Обстоятельному рассмотрению проблемы посвящена и монография Отто Рехе «Раса и родина индогерманцев» (1936). Возникновение нордической расы ученый относит приблизительно к 100.000 году до н. э. «В описаниях, составленных тысячи лет назад, мы уже встречаем нордическую расу с полным набором качеств, как нечто, давно ставшее, а не находящееся в процессе становления, причем эти качества уже настолько устойчиво передавались по наследству, что не могли больше существенно измениться. Светлая пигментация сохранялась и в степях Восточной Европы и Азии, и в солнечном климате Канарских островов, и в жарких степях Северной Африки, где нордическая раса воздвигла мегалитические постройки и уже в древнейшие времена проникла в Египет. Следовательно, эти качества были обретены очень давно. Все индоевропейские народы первоначально возникли из племен, принадлежавших к нордической расе. Эти племена заключали браки только между собой, и у них были законы против смешения с чужеродными расами, законы, которые действовали тысячелетиями, но позже были забыты. Только эти племена были индоевропейцами в подлинном смысле слова, создателями индоевропейских языков, государств, народов и культур. Все индоевропейские народы имеют и сегодня единственный общий для них всех расовый элемент – генофонд нордической расы».

Согласно мнению О. Рехе, нордическая раса была создательницей не только неолитической культуры, но также и культур, так называемых, «ленточной» и «шнуровой» керамики. Все индоевропейские народы до исхода их из Европы уже к неолиту были оседлыми земледельцами. На ступени кочевого скотоводства не был изначально ни один индоевропейский народ. Поводом к массовым миграциям стал как раз именно поиск новых пахотных земель. Молодежь также часто влекла в далекие земли жажда приключений. Достаточно взглянуть на портреты великих первопроходцев и мореплавателей, зоологов и ботаников, чтобы удостовериться в том, что все они имели высокий процент нордической крови. Характерно, что представители этой расы чаще всего устремляются в неведомые дали ради чистой идеи, движимые жаждой познания, а не своекорыстным интересом. Другие расы чаще всего собираются в путь толкаемые более прагматическими мотивами. Им чаще свойственны инстинкты наживы, похоти и разбоя. Деньги и иной материальный интерес являются для них стимулом к передвижению, а никак не желание нанести на карту, и дать имя морю или острову, открыть новый вид бабочек или цветов. Только нордическую расу увлекла физика космоса, остальным вполне хватало метафизических рассуждений о нем.

Психические качества нордической расы лучше всего указывают на то, что она возникла в условиях ожесточенной и постоянной борьбы за жизнь, когда регулярно при-

ходилось проявлять волю и инициативу, а не жить стадными привычками в плену стереотипов. Только суровый север Европы с его буйством стихий мог окончательно ограничить и возвысить духовные свойства нордической расы.

Умело и рационально разрушает Рехе ложные измышления лингвистов и богословов о том, что «вся культура, якобы пришла с Востока». Эту тлетворную теорию он называет не иначе, как «миражем Востока». Прежде всего ни одна другая раса не создала целую систему мореходных терминов, в языке других рас в лучшем случае на архаическом уровне присутствует описание различных состояний воды, а у некоторых народов Центральной Азии, где согласно измышлениям «культурологов» будто бы зародилась вся цивилизация, вообще нет глагола «плавать». Культура, равно как и язык, возникают из образа жизни, а не из беспочвенных позывов к оригинальности. «Я считаю совершенно ошибочным мнением, будто Северная Европа была «индоевропеизирована» в языковом плане. Я давно подчеркивал, что любая человеческая основная раса (лучше «вид», как в зоологии и ботанике) в процессе своего становления, в изоляции от других видов, создает свою собственную языковую базу, которая во всех отношениях соответствует физическим (например, строению расово различных органов речи) и психическим особенностям и потребностям этой расы. Как могли бы люди создать для самих себя неудобный и чуждый им по духу язык? Раса и язык были первоначально теснейшим образом взаимосвязаны, язык был зеркалом наследственных расовых задатков. Поэтому немыслимо, чтобы две совершенно разные расы могли создать хотя бы сходные языки, и невозможно, чтобы два племени одной расы создали два совершенно разных языка. Как говорят, из своей шкуры не выпрыгнешь».

Итак, согласно доказательной базе Отто Рехе, уже разновидности древнеевропейской долихоцефальной группы должны были иметь языки, восходящие к одному корню, одним наследственным задаткам, особенностям и потребностям, которые должны были строиться по одинаковым признакам и быть очень похожими. Вся эта группа должна была иметь одну языковую базу, от которой позже, по мере расовой дифференциации, отделились индоевропейские, семитские и хамитские языки, предположительно после разделения северных и южных европеоидов в последний ледниковый период. Из северных европеоидов и возникла нордическая раса, создавшая основу для всех индоевропейских языков. Многие ставшие известными в истории индоевропейские народы образовались постепенно, в результате слияния самых разных последовательных волн, поэтому и в языках содержится много разнородных элементов, восходящих к тем или иным диалектам, а иногда и к разным этапам развития языка. Именно по этой причине так невероятно трудно, пользуясь только данными языкознания и не привлекая факты из других наук, делать надежные выводы о становлении отдельных индоевропейских народов. Именно расология, осуществляя плодотворный синтез, расставляет все на свои места, показывает причинно-следственные связи в процессе исторического развития. «Пранарода, такого, каким его представляют себе языковеды, который в определенное время раскололся на равноценные братские народы, никогда не существовало; была только способная к размножению и расширению основная раса, которая на каждой ступени развития отправляла в путь избыток населения. Достаточно часто в самом внутреннем ядре европейской родины собирались молодые люди и, исполнив обряд «священной весны», под руководством избранного вождя отправлялись в неведомую даль».

Эта примечательная книга была популярна в Германии как до войны, так и после, в силу наглядности и информативности доказательной базы. Во многом она не устарела и до сих пор. В контексте нашего повествования будет не лишним отметить, что климатологический анализ состояния древней Европы немецкий расолог основывал на методиках русского ученого В. А. Обручева, а расовые исследования групп крови – на советских работах: Б. Н. Вишневский «К вопросу о биохимическом расовом указателе»

(1925) и А. А. Мелких «Новый биохимический расовый указатель» (1927), и это притом, что Отто Рехе был членом НСДАП. Научная беспристрастность и академический подход позволили ему избежать послевоенных гонений «денацификации» и спокойно жить и работать, из чего следует, что никакого запрета на использование достижений науки идеологического противника в III Рейхе не существовало, причем даже в самом «щекотливом» расовом вопросе.

Как мы уже убедились, исследования В. В. Бунака, Г. Ф. Дебеца, Н. Н. Чебоксарова и других советских антропологов в своей научной части нисколько не противоречили постулатам классической расовой теории. Еще раз подчеркнем, что речь в данном случае идет только о выводах академической школы, а не о паранаучных социалистических и национал-социалистических толкованиях, на которые чаще всего и ссылаются историки и политологи, когда пытаются нарисовать нам картину той эпохи.

Еще один корифей немецкой науки – директор Института общей биологии и антропологии в Йене Герхард Хеберер (1901-1973) пришел к тем же выводам. В работе под названием «Расово-исторические исследования на прародине индоевропейцев» (1943) он подчеркивал: «Расологи доказали, что только Европа могла быть центром распространения нордической расы и здесь же следует искать ее прародину. Раса и язык имеют общие корни. Индоевропейские языки – творение нордической расы и никакой другой. Понятия «индоевропейцы» и «нордическая раса» в неолите целиком совпадали». В данной работе ученый обосновал следующие важнейшие тезисы:

- 1) О расовой непрерывности в Центральной и Северной Европе со времен палеолита.
- 2) О расовом единстве неолитического культурного круга.
- 3) О расовых основах борьбы между Севером и Югом в Центральной Европе в эпоху неолита.

В работе «Теория происхождения видов и современная биология» (1942) он также указывал: «Сегодня из тьмы времен перед нами уже достаточно четко вырисовывается история нордической расы. В последний ледниковый период группа людей, населявших Западную, Северо-Западную и Центральную Европу, по краям великого ледника, в тяжелой борьбе за существование выработала те качества, которые мы считаем присущими нордической расе. Ее историю можно проследить от неолита, когда сформировались основные индоевропейские народы, через мезолит вплоть до позднего палеолита. Древнейшие останки человека с нордическими признаками имеют возраст не менее 80.000 лет. Нордическая раса – продукт последнего европейского ледникового периода; мы можем проследить ее становление».

И вновь следует выделить характерный факт, что является не исключением, но правилом в развитии расовой теории III Рейха, над которой, кажется, не глумился уже только совершенно ленивый, и о которую, кто только не вытирал свои грязные сапоги.

Доказательную базу для развития своей концепции Герхард Хеберер черпал в трудах палеонтологов и специалистов по **эволюционной морфологии**, в числе которых на первое место ставил известного советского ученого А. Н. Северцова с его фундаментальной теоретической монографией «Морфологические закономерности эволюции» (М., 1939). И это при том, что сам он в Германии национал-социалистического периода являлся одним из основных консультантов ведомства СС и общества «Аненэрбе», как раз по вопросам географии очага возникновения нордической расы. Как добросовестный ученый он составил карту этой зоны времен неолита, куда вошел весь северо-западный регион России. Это говорит о том, что никакой теоретически обоснованной русофобии в III Рейхе не существовало в принципе. Наука, предназначенная для высших чинов режима, оставалась политически стерильной, даже в самый разгар противостояния на советско-германском фронте. Это не может не вызвать уважения у всех здравомыслящих людей.

Герхард Хеберер также не подвергался мучительной процедуре денацификации и после войны написал множество академических работ по вопросам эволюционной биологии и несколько учебников по антропологии.

Однако следующий исторический пример, даже в контексте нашего повествования, способен повергнуть в шок самых истовых любителей политических сенсаций.

Помимо краниологических, остеологических и биохимических исследований для определения зоны возникновения той или иной расы, большой эффект дают и многие косвенные методы анализа, как например, установление происхождения различных сортов культурных растений и пород домашних животных. Ведь совершенно очевидно, что представители каждой расы культивируют в зоне своего обитания именно те из них, которые больше всего соответствуют ее наследственным обменным процессам.

Пищевые ограничения, накладываемые некоторыми религиями на своих адептов, имеют не какое-то абстрактное богословское происхождение, а продиктованы насущными требованиями гастрономической гигиены, так как специфика обменных процессов у каждой расы ведет к тому, что одни животные, морские и растительные продукты усваиваются лучше, другие хуже, а некоторые вообще вредны. Культивируя определенные средства пропитания, раса приспосабливает среду к своей наследственной биологии, а никак не наоборот.

Именно с целью выяснения влияния сортов культурных растений на филогению расы, а также на ее эволюционное облагораживание и был откомандирован на оккупированные территории СССР в 1943 году крупный немецкий биолог и ботаник унтерштурмфюрер СС, доктор Хайнц Брюхер (1915-1991). Он руководил целой командой войск СС, занимавшейся изъятием генетического материала на советских геоботанических и растениеводческих станциях в Крыму и на Украине. В планы нашей работы никак не входит защита политического реноме этого человека, однако приходится констатировать, что, несмотря на то, что он руководил целой программой в рамках общества «Аненэрбе» и подчинялся лично Генриху Гиммлеру, тем не менее, своим учителем он всегда считал гениального советского ученого Н. И. Вавилова, о чем честно писал в своих научных работах. И такая открытая преемственность взглядов никого не смущала. После войны он поселился в Аргентине, где получил должность профессора генетики и ботаники, позднее работал консультантом ЮНЕСКО по вопросам биологии. Оставаясь подлинным ученым и принципиальным человеком, он боролся против распространения наркотических растений в Латинской Америке, мало того, используя свой богатый творческий опыт работы еще в качестве директора Института генетики растений и опытного хозяйства СС (1943-1945), он разработал безвредный вирус против кустарников коки, из которых делают кокаин, за что был убит аргентинскими мафиози, в возрасте 76 лет. Поэтому, на наш взгляд, следует аккуратнее и с большой осмотрительностью клеить ярлык «фашист» на того или иного немецкого ученого первой половины XX века,

Наконец, нужно подчеркнуть, что официальными гостями на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в 1964 году, который проходил в Москве, были Эгон фон Эйкштедт, Герхард Хеберер, Ильзе Швидетски и Карл Заллер, работы которых по расовой антропологии были весьма популярными в III Рейхе, а Хеберер, как мы помним вообще консультировал центральные расовые ведомства СС и «Аненэрбе». Однако никому и в голову не приходило называть их «фашистскими учеными», что автоматически освобождает и нас от обвинений в пропаганде расизма, в связи с цитированием академических работ данных и близких к ним авторов.

Возвращаясь к магистральной теме нашего повествования следует хотя бы вкратце описать дополнительные факторы, также влияющие на эволюционные процессы формирования очага расообразования.

Так, В. П. Алексеев в монографии «Географические очаги формирования человеческих рас» (М., 1985) подчеркивал: «Локализация самих источников космических излучений оправдывает выделение космических факторов расообразования в особую группу. Немаловажное и, очевидно самостоятельное место занимают геохимические факторы в виде концентрации и разрежения тех или иных микроэлементов, которые непосредственно влияют на ростовые процессы, минерализацию скелета и т. д.». Помимо астробиологического фактора, важное значение в формировании рас занимает и гравитационный эффект, влияющий на становление пропорций тела различных рас в процессе эволюции. Геометрия строения конечностей, биомеханика суставов, удельный вес организма и его частей, динамика движений, сама эстетика и эргономическая целесообразность поэтому весьма разнообразны у представителей различных рас. Наблюдается связь между целым комплексом физиологических реакций организма человека, в частности физико-химическими характеристиками кровяного русла и электромагнитным состоянием окружающей среды и изменениями интенсивности солнечного излучения.

Известна также преобладающая роль кальция и фосфора в формировании твердой опоры человеческого тела – скелета (они занимают по относительному содержанию соответственно пятое и шестое места после кислорода, углерода, водорода и азота). Их содержание у различных рас варьирует в широких пределах.

Однако даже привнесение в общую картину дополнительных информативных показателей не может поколебать сам принцип возникновения нордической расы с последующим отпочковыванием от нее вторичных расовых генераций. **Борьба Севера с Югом на уровне биотипов составляла извечный вектор в процессе расообразования.** Не цитируя сотни, если не тысячи доказательств этого из классических источников по расовой теории, ограничимся теперь констатацией вывода из базовой советской работы.

Так, Г. Ф. Дебец в книге «Палеоантропология СССР» (М., 1948) со всей очевидностью указывает: «В зависимости от того, насколько отдельные черепа и группы уклонились от первоначального прототипа, они могут быть диагностированы как северные или средиземноморские».

Таким образом, проекция этого противостояния во времени и пространстве и дала на сегодняшний день ту палитру светло-пигментированных расовых типов Европы и сопредельных с нею территорий, которую мы имеем как естественнонаучный, а вместе с тем и исторический факт. По системе классификации основных рас Европы, выполненной Хансом Ф. К. Гюнтером, современная наука выделяет следующие: нордическую, средиземноморскую, динарскую, альпийскую, восточно-балтийскую и фальскую расы.

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА НОРДИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

*«Нордическая идея — это выражение мировоззрения,
для которого возвышение человека
является божественной заповедью».*

Ганс Ф. К. Гюнтер

*«Сегодня каждое явное подчеркивание нордической
точки зрения приносит выгоду».*

Ойген Фишер

Даже люди, не знакомые с расовой теорией, имеют представление о том, что обозначает понятие **нордическая раса**. Высокие статные голубоглазые и светловолосые красавцы с древнегреческого Олимпа и из скандинавских саг возникают в нашем воображении сами собой, стоит лишь произнести это магическое словосочетание, будто само собою источающее солнечную энергию, неземное великолепие и сверхчеловеческую силу.

Пресыщенные осознанием собственного величия древнеримские патриции, своевольные германские рыцари, русские былинные чудо-богатыри и грациозные, «будто лебедь белая», русские сказочные красавицы, а также точно с вырезанными из слоновой кости лицами офицеры СС и, наконец, сдержанные английские джентльмены – все это обилие исторических персонажей различных эпох и народов, тем не менее, в первую очередь характеризуется именно термином **нордический**, обозначающим совокупность физических и духовных характеристик людей, происходящих с единой северной прародины.

Но это ассоциации, если же перейти к фактам, то картина вырисовывается совершенно парадоксальная. Кажется, что в слове «нордический» кроется нечто хитроумное, иностранное, от диковинной и не понятной русскому человеку расовой теории. Такова сегодня доминирующая точка зрения на данный вопрос, причем не только в России, но и за рубежом.

Ведущие расовые теоретики современности также считают определение **нордическая раса** неотъемлемой частью науки, ее привычной и устоявшейся научной категорией, но очень мало кто знает, что человек, который впервые предложил это понятие для обозначения определенной антропологической общности, родился в Астрахани.

Русский расовый теоретик Иосиф Егорович Деникер (1852-1918) происходил от французских родителей (поэтому правильное ударение на последний слог), но, будучи крещеным в православие, на что указывает русское отчество, по законам Российской империи автоматически признавался русским подданным. Именно как русский ученый он числится в словаре Брокгауза и Ефрона, а также в Большой Советской энциклопедии 1955 года издания, признавшей, что «классификация рас Деникера не устарела до сих пор». Ссылки на его основную работу 1900 года «Человеческие расы» можно без труда встретить во многих советских академических работах по антропологии. Один из ведущих расовых теоретиков Веймарской Германии, а затем и Третьего Рейха Ганс Ф. К. Гюнтер в своей фундаментальной работе «Нордическое мировоззрение» открыто признавал, что название базовой части немецкой расовой доктрины «впервые ввел русский расовый теоретик Деникер». Другой крупный немецкий авторитет в означенной области Вальтер Шейдт свою книгу по систематизации терминологии назвал «История антропологии от Линнея до Деникера». Никаких сведений о том, что он имел проблемы с

политическими ведомствами Рейха из-за упоминания русского антрополога в названии книги, не имеется.

Австрийский расовый специалист Эрих Фегелин в своей книге «Раса и государство» ясно писал, что термин «нордическая раса впервые введен Деникером». Примеры из германоязычной литературы можно приводить и далее. В «демократической» части тогдашнего мира вклад русского ученого также безоговорочно признавался. Американец Отто Клинеберг в монографии «Расовые различия» свидетельствовал: «Никто еще не смог до Деникера создать такую расовую классификацию, в которой бы использовалась комбинация признаков, таких, как структура волос, цвет кожи, цвет глаз, форма носа и другие, что позволило сократить количество известных рас до семнадцати, и двадцати одной подрасы, в то время как предыдущие исследователи, основываясь на классификации по отдельным признакам, называли различное их число от трех до трехсот».

Поразительно, но факт остается фактом, русский исследователь французского происхождения сумел добиться всеобщего неоспоримого признания своего научного вклада в самую политизированную науку XX века. Его признали даже в Советской России, хотя он принадлежал к иностранцам по происхождению и к так называемым старым царским специалистам, в Германии Гитлера, несмотря на то, что он олицетворял собой ненавистный образ «азиатских орд большевиков», да еще в самой главной части государственного культа. В «свободном англо-саксонском мире» он также снискал уважение и популярность, невзирая на то, что там не любят слишком часто произносить французские имена и с опаской относятся к русским.

Для того, чтобы лучше понять суть новаторства Деникера, рассмотрим вкратце историю развития понятийной базы расовой теории, ибо без корректной методологии и терминологии ни одна наука существовать не может. Однако все пояснения будем давать с учетом расовых и географических региональных ограничений, заявленных в названии нашего эссе. Кроме того, мы считаем также необходимым оговориться, что историю развития расовой систематизации здесь и далее будем приводить по методике Вальтера Шейдта с некоторыми авторскими дополнениями, в связи с тем, что советские классификации и соответствующие им рубрикаторы, разработанные Я. Я. Рогинским и М. Г. Левиным, не выдерживают никакой критики – этот апофеоз безграмотности и политической ангажированности, к сожалению, преподавался у нас в стране как эталон «передовой науки» нескольким поколениям антропологов.

Французский этнограф Франсуа Бернье в 1672 году впервые в Европе ввел в обиход термин **раса**, который поначалу имел еще совершенно этнографический смысл. Однако, представители англосаксонской научной школы предпочитают до сих пор закреплять первенство в этой области за собой, определяя дату авторства самым концом XVII века.

Немецкий философ Готтфрид Вильгельм Лейбниц в 1700 году вводит понятие **европеоидной расы**, а англичанин Джеймс Бредли в 1721 году для обозначения биологической общности коренного населения Старого Света применяет его более упрощенный и компактный вариант – европеоиды.

Гениальный шведский естествоиспытатель Карл Линней в 1735 году первым применяет термины **homo europaeus** (человек европейский) и **homo albus** (человек белый), а в 1746 году создает первую расовую классификацию, основанную на психосоматических и физиологических признаках. Выглядит она так.

I. Americanus rufus – американец. Рыжеволос, холерик, держится прямо, упорен, самодоволен, подчиняется традиции.

II. Europaeus albus – европеец. Блондин, сангвиник, мускулист, подвижен, остроумен, изобретателен, подчиняется закону.

III. Asiaticus luridus – азиат. Желтолиц, меланхолик, гибок, жесток, скуп, любит роскошь, одевается в широкие одежды, подчиняется мнению общества.

IV. Afer niger – африканец. Черного цвета, флегматичен, вялого телосложения, хитер, равнодушен, малоподвижен, умащен жирами, подчиняется произволу.

Жорж Бюффон в 1749 году настаивает на принятии определения **европейской расы**, а Джон Хантер и Иммануил Кант в 1775 году, одновременно в Англии и в Германии, вводят понятие **белой расы**.

Крупный немецкий ученый Иоганн Фридрих Блюменбах в 1776 впервые в интересах классификации использует краниометрические исследования черепов различных этнических групп, в связи с чем приходит к выводу о правомерности использования более широкого определения того же антропологического типа – **кавказская раса**.

Француз Жорж Кювье в 1800 году в качестве основы расовой классификации использует цвет кожи, поэтому называет европейскую расу – **лейкодермной**, однако его соотечественник Жан Батист Ламарк в 1809 вновь отдает предпочтение названию кавказская раса.

Знаменитые немецкие романтики Август Вильгельм и Фридрих Шлегели в начале XIX века на основе лингвистических изысканий вводят понятие **индогерманцы**, которое многими их последователями совершенно ошибочно переносится и в область антропологии. Английский филолог Макс Мюллер в 60-х годах XIX в. первым вводит понятие **арии**, основываясь на данных сравнительного языкознания и сравнительного религиоведения. Увы, поначалу он вновь повторяет ту же ошибку, смешивая языковое и культурное родство с расовыми признаками. Французский историк Эрнест Ренан в это же время для выявления большей содержательности и контрастности определения **ариев** выводит их вечных исторических антагонистов – **семитов**.

Но начало создания **классической расовой теории** в 1853-1855 годах принято связывать именно с именем графа Жозефа Артюра де Гобино. Он одним из первых начал выделять внутри единой белой расы прототип высокорослой долихоцефальной (длинноголовой) голубоглазой расы. Его современник Густав Фридрих Клемм в 1842-1852 годах подразделил человечество на активные и пассивные расы, и среди первых выделил более светлую и более темную расы.

Известные немецкие расовые теоретики Людвиг Вольтман и Хаустон Стюарт Чемберлен на рубеже XIX и XX веков для определения северного расового типа использовали термин **германцы**, вновь перенеся этническую и языковую характеристики на расовые признаки. Увы, их авторитет все слишком запутал, создав в дальнейшем неоправданные идеологические перекосы в расовой теории.

Правда, еще в 1884 году немецкий языковед и историк Отто Шрадер внес некоторые антропологические коррективы в определение термина: «Арийская раса первоначально соответствовала белокурым северным расам, среди которых развились арийский язык и культура, привившиеся при переселении и скрещивании другим, не-арийским расам». Крупнейшие расовые теоретики этого же периода Отто Аммон и Жорж Ваше де Лапуж вновь предпочли вернуться к апробированному термину Линнея **homo europaeus**, но используя его как антропологический синоним термина **арийцы**. Оба во всех своих работах вслед за Гобино выделяли длинноголовых и высокорослых, голубоглазых блондинов в качестве основы белой расы, или иначе – ее **расового ядра**.

В 1870 году английский антрополог Томас Генри Гексли в целях большей ясности выделил в европеоидной расе более светлую **ксантохроидную расу** (xanthochroide race) и более темную **меланохроидную расу** (melanochroide race).

В разное время другие антропологи и естествоиспытатели создавали свои расовые классификации, уделяя должное внимание физической неоднородности населения Европы: Августин Тьерри (1817), Этьен Жоффруа Сент-Илер (1818), Бори де Сен-Винсан (1827), Амедей Тьерри (1828), Джеймс Причард (1836), Андерс Ретциус (1842), Роберт Нокс (1850), Чарльз Дарвин (1859), Поль Брока (1860), Исидор Жоффруа Сент-Илер (1870), Томас Генри Гексли (1870), Поль Топинар (1878).

С географической привязкой прародины ариев также поначалу не было никакой ясности, и отчасти по вине историков и лингвистов.

Этнограф Омалиус д'Аллау и антрополог Поль Брока первыми восстали против лингвистической концепции происхождения ариев, созданной Максом Мюллером и другими ориенталистами, которые полагали, что их прародиной является Азия. Отто Шрадер в 1890 году «поселил» предков арийцев на юге России, Исаак Тейлор в 1906 году оппонировал ему, заявляя, что нашими предками была «кельтская раса из центральной Европы». Талантливый немецкий антрополог Карл Пенка в 1883 году в своей книге «Происхождение ариев» доказывал, что их прародина находилась в Скандинавии: «Чистокровные арии представлены только северными германцами и скандинавами – самой плодотворной расой, наделенной крупным телосложением, большой мускульной силой, энергией и храбростью. Блестящие природные дарования этой расы позволили покорить немощные расы Востока, Юга и Запада и навязать свой язык этим народам». Таким образом Карл Пенка первым указал на несоответствие антропологических факторов доводам лингвистов, позже его поддержал другой известный антрополог – Людвиг Вильзер. В англоязычном научном мире на это веяние в сторону «нордизации» арийской прародины сразу же откликнулись Джон Рис (1886), который предположил, что арийцы могли происходить откуда-то из пределов арктического круга, в частности с севера Финляндии, а также Джеральд Х. Рендалл (1889), который дал арийцам следующее определение: «Долихокефалическая раса блондинов, происходящая с Балтийского побережья. Ариец представляет собой тип разумного человека – основной продукт рас, в котором особые качества тьмы и света, Севера и Юга, эмоциональности и практицизма смешались и соединились в высшие и переходные состояния разума и тела».

Однако подлинную сенсацию в Европе произвела книга индийского брахмана Бала Гандахара Тилака «Арктическая родина в Ведах» (1903), где он, основываясь на энциклопедическом знании Священных Вед, доказал, что арийская раса могла вести свое происхождение только с Севера. Несколько позже сходные данные были получены и на основе другой священной книги ариев «Авесты». Таким образом, обе живые древнейшие арийские традиции, индуизм и зороастризм, свидетельствовали в пользу одной и той же теории, чем многократно и увеличивали ее достоверность.

Одновременно с этим получала дальнейшее развитие эволюционная теория Чарльза Дарвина, а в 1900 году были вторично открыты законы наследственности Грэгора Менделя, в связи с чем понятие «расовой чистоты» было доказано на генетическом уровне. В том же году впервые было выдвинуто биологическое обоснование существования различных групп крови, а несколькими годами ранее была завершена титаническая работа Немецкого антропологического общества, которое под руководством Рудольфа Вирхова исследовало черепа современных европейцев в сравнении с ископаемым материалом, собранным палеантропологами. Концепция нордической прародины ариев была подтверждена. Томас Морган и Август Вейсман в это же время создали «теорию зародышевой плазмы». И в этом же 1900 году фирма Круппа, прекрасно чувствуя конъюнктуру, объявила конкурс научных работ о влиянии теории Дарвина на внутреннюю политику и законодательство государств.

Именно в это время **расовая теория** и сформировалась как отдельное направление науки с именами, достижениями и титулами. И опять же в 1900 году на французском языке появилась большая сводная работа И. Е. Деникера «Человеческие расы», в которой впервые в научной практике был применен новый синтетический принцип расовой классификации. «Что касается классификации рас, то для нее принимаются в расчет одни только физические признаки. Путем антропологического анализа каждой из этнических групп, мы попытаемся определить расы, входящие в ее состав. Затем, сравнивая расы друг с другом, будем соединять расы, обладающие наибольшим числом сходных признаков, и отделять их от рас, обнаруживающих наибольшие с ними различия».

Под расой Деникер четко понимал «соматологическую единицу», и со всяким идеализмом в антропологии таким образом было покончено. Вся книга по сути и посвящена отделению друг от друга **этнографии** и **антропологии**, которые автором определяются как явления различного порядка: первое – социологического, и второе – биологического. Он пишет: «Несколько лет тому назад я предложил классификацию человеческих рас, основанную единственно лишь на физических признаках (цвете кожи, качестве волос, росте, форме головы, носа и т. д.)».

Деникер по сути первым встал на позиции жесткого и последовательного **биологического детерминизма** в расовой философии. По его мнению, окружающая среда бессильна перед расовыми признаками. Он пишет: «Расовые признаки сохраняются с замечательным упорством, невзирая на смешение рас и на изменения, обусловленные цивилизацией, утратой прежнего языка и т. д. Меняется лишь отношение, в котором та или иная раса входит в состав данной этнической группы».

Обобщая весь накопленный опыт предыдущих исследователей, Деникер ставит точку в споре об арийцах, вводя новый термин, принципиально не имеющий ничего общего с романтическими концепциями лингвистов: «Длинноголовую, очень рослую, светловолосую расу можно назвать **нордической**, так как ее представители сгруппированы преимущественно на севере Европы. Главные ее признаки: рост очень высокий: 1,73 метра в среднем; волосы белокурые, волнистые; глаза светлые, обыкновенно голубые; голова продолговатая (головной указатель 76-79); кожа розовато-белая; лицо – удлиненное, нос – выдающийся прямой». Терминологическая путаница в расовой теории закончилась, термин **арийцы** плавно отошел в сферу культурологии, социологии и религиоведения: «Не может быть и речи об арийской расе, а позволительно говорить только о семье арийских языков и, пожалуй, о первобытной арийской цивилизации».

Работа «Человеческие расы» появилась в 1900 году, но была обобщающей, сам термин **нордическая раса** был введен в употребление годом ранее. Несколько позже ведущий расовый теоретик Германии Ганс Ф. К. Гюнтер, всегда стоявший на позициях нордической философии, в своей книге «Расовые элементы в истории Европы» давал пояснение в том же духе: «В филологии раньше словом «арийский» обозначали индоевропейские языки; сегодня этот термин обычно используется лишь применительно к индоиранской ветви этой языковой семьи. В начале расовых исследований иногда называли (не существующую) белую или кавказскую расу арийской; позже арийцами стали называть народы, говорящие на индоевропейских языках, и, наконец, нордическую расу. Сегодня термин «арийский» вышел из научного употребления и использовать его не рекомендуется, особенно с тех пор, как он стал ходовым среди профанов в порядке противопоставления «семитам». Но от термина «семиты» антропология тоже отказалась, так как на семитских языках говорят народы самого различного расового происхождения».

Однако пусть русский читатель не удивляется, что эта информация, хорошо освоенная в кругах европейских интеллектуалов, столь слабо представлена у нас. Русский писатель и социолог Яков Александрович Новиков (1850-1912), автор десятков популярных изданий по расовым и этническим проблемам, также предпочел писать по-французски, ибо русская интеллигенция, погруженная в мечты об идеалах в духе чеховской «Чайки», к расовой теории оказалась совершенно невосприимчивой, за что и поплатилась 1917-м годом. Увы, но факт остается фактом, сегодня Иосиф Егорович Деникер и Яков Александрович Новиков составляют золотой фонд расовой теории на французском языке и совершенно не известны у себя на родине.

Английский исследователь сэра Артур Кейт в 1912 году заявил, что «политическая концепция расы должна быть принципиально понята с биологической точки зрения». Нордическая теория начинает набирать обороты, и все увереннее вырабатывается точка

зрения, что внешние отличительные признаки нордической расы являются результатом ее биологических отличий от других рас.

Увлечение пресловутыми «обмерами черепов» начинает отходить на второй план и возникает **биохимическая концепция расы**. Теоретически она создается на основе многочисленных обобщений практических работ таких ученых, как Луис Берман (1925), Лоуренс Хесбрук Снайдер (1926), Гилберт Джозеф Рич (1928), Вильгельм Круз (1929), Геррит Смит Миллер (1930), Генри Эттер Стар (1931), Рей Грэхем Хоскинс (1933), Лиланд Вайман (1935) и Вильям Бойд (1935).

В Германии наибольшего успеха в данной области добился биолог Отто Рехе, из его многочисленных работ, посвященных расовой идентификации на основе групп крови, явственно следовало, что именно первая и вторая группы крови внутри белой расы являются преимущественно нордическими. Причем процент первой группы крови всегда закономерно увеличивается в сторону так называемого **расового ядра**, в котором расовые признаки выражены с наибольшей неповторимостью и отчетливостью.

Американские биологи Л. Вайман и В. Бойд поэтому справедливо отметили, что «группы крови существуют дольше, чем современные расы». Их соотечественник Отто Клинеберг в этой связи отмечал: «Проблема расовой дифференциации основывается прежде всего на внутреннем обмене веществ, который в свою очередь является базисом, от которого зависят психические и ментальные характеристики личности. Клинические наблюдения со всей ясностью показали степень влияния факторов эндокринной системы на человеческую индивидуальность, что дает возможность использовать психические характеристики в целях расовой классификации, а в целом позволяет говорить уже об открытии **научной расовой психологии**». Г. Э. Стар и Д. Рич также указывали: «Компоненты человеческой крови, такие как гемоглобин, креатинин, фосфаты, сахар, кальций и многие другие, проливают свет на биохимическую основу человеческой индивидуальности. Основные расовые группы четко дифференцируются по составу этих элементов».

Немецкие классики **расовой гигиены** Эрвин Баур, Ойген Фишер и Фриц Ленц в своей совместной базовой работе «Учение о человеческой наследственности» (1936) также подчеркивали: «Расовые различия в основном зависят от различий внутренней секреции. Конституция тела, интеллектуальные и психические характеристики и прочие расовые особенности детерминированы ими».

Таким образом, расовая психология получила мощный импульс к развитию. Одновременно с этим, некоторые исследователи на основе простейших наблюдений начали приходить к выводу, что внешние расовые признаки напрямую связаны с психическими и интеллектуальными способностями. Хэвлок Эллис еще в 1904 году установил связь цвета кожи и коэффициента интеллекта, чем дал новые подтверждения в пользу биологического превосходства нордической расы. Исследовав Национальную портретную галерею в Лондоне, он обнаружил, что большинство великих людей были блондинами.

Катерина Блэкфорд в 1914 в своих эссе по расовой психологии характеризовала блондинов такими позитивными качествами, как динамичность, активность, инициативность, а брюнетов негативными – статичность, вялость, безынициативность, консервативность.

Далее ученые Дональд Патерсон (1922), Раймонд Пирл (1924), Эвелин Хантингтон (1924), Джордж Эстабрукс (1928), Катерина Ева Ладгейт (1930) провели многочисленные исследования расовых групп на основе коэффициентов интеллекта (IQ) и пришли к однозначному выводу, что блондины статистически обладают более высоким IQ по сравнению с брюнетами, а голубоглазые точно так же стабильно превосходят кареглазых.

Жорж Ваше де Лапуж в своей книге «Ариец и его социальная роль» (1895), не зная еще ничего о будущих исследованиях, провидчески писал: «Длинноголовые блондины исполняют функции мозга и нервов в общественном организме, а короткоголовые брюнеты и их метисы играют роль мышц и костей».

Министр сельского хозяйства Третьего Рейха Рихард Вальтер Дарре в книге «Свинья как критерий у нордических народов и семитов» (1933) развил оригинальную концепцию о биологической взаимосвязи тотемных животных с расовыми характеристиками поклоняющихся им народов. Используя древнегерманскую и античную мифологию, он приходит к выводу о том, что свинья всегда сопутствовала нордическим оседлым народам, именно поэтому южные кочевые семиты и тюрки ее недолюбливают. Ритуальное запрещение вкушать свинину у этих народов является генетической памятью об ущербе кочевых южан по сравнению с оседлыми северянами. Он пишет: «Речь идет о взаимосвязи определенных народов или человеческих рас, с одной стороны, и определенных пород домашних животных, с другой». Свинья – это символ нордической оседлости, ее главный биологический указатель, именно за это иудаизм и ислам так ненавидят ее, ибо это ненависть, возведенная в ранг религиозного абсолюта. Причем ненависть, лучше всего проливающая свет на собственное биологическое происхождение.

Далее Рихард Вальтер Дарре в своей книге приступает к рассмотрению весьма важного вопроса, которому до этого не уделялось должного внимания. «Расовая теория до сих пор не занималась такой проблемой, как питание и раса, зато в животноводстве известна взаимосвязь между питанием и породой; так как одинаковые реакции обмена веществ у разных пород домашних животных протекают по-разному. Белок в пище имеет разную «ценность»... В процессе пищеварения белок разлагается на аминокислоты и затем снова синтезируется в специфический для данного организма белок. Управляют обменом веществ протеины. Протеины всегда специфичны, поэтому протеины пищи и переваривающего ее организма должны быть совместимыми, подходить, как ключ к замку... Поэтому получается, что семиты и свиньи – это физиологические антиподы».

Правильная жизнедеятельность организма зависит от гармоничного обмена веществ, по мнению Дарре, ввиду этого представителям разных рас необходимы различные по биохимическому составу продукты питания. Свинья, таким образом, это древнейший биогенетический индикатор расового различия оседлых народов от представителей кочевых.

Свои утверждения Дарре подкрепляет и анализом сортов хлеба, которые предпочитают различные расовые группы, для чего удачно цитирует путевые заметки Гете, пересекавшего границы романского и германского миров. Гениальный классик немецкой литературы подметил, что на Юге Европы видел «черных девушек и белый хлеб», а на Севере – «белых девушек и черный хлеб». Из чего следует закономерное умозаключение, что не только домашние животные, но и злаки, употребляемые человеком в пищу, проливают свет на расовые различия. Исследуя тончайшие нюансы физиологии питания, географию сельского хозяйства, автор говорит уже о расовой экологии и делает вывод: «Прародина нордической расы – лесная зона Северной Европы с умеренным климатом».

После биохимической основы расовых различий, в свете нашей темы будет правомерно перейти к рассмотрению исходных утверждений **расовой психологии**, для чего и обратимся к классической работе Людвиг Фердинанда Клаусса «Нордическая душа» (1939).

В ней он писал: «С точки зрения психологии под расой мы понимаем не хаотический набор «свойств» или «признаков», а общий стиль переживания, определяющий цельность характера... Расовая психология призвана определить те границы, которые

ни один народ не может нарушать или открывать без разрушительных последствий для себя. Если нордическое переживание «центробежно», то восточное можно было бы назвать «центростремительным». Внешняя «холодность» нордического человека объясняется его стремлением сохранить дистанцию между собой и окружающим миром. Способность «объективировать» мир – нордическая способность».

Клаусс показывает нам, что расовые различия накладывают неизгладимые отпечатки на всю специфику переживаний, ландшафт же местности только усиливает генетическую данность. «Местность – это материал, который душа преобразует в своем стиле и превращает в ландшафт... Но не всякая местность дает одинаковые возможности для такого преобразования... Северное море – это бесконечные дали, а на Средиземном берегу всегда близко. Даже если он не виден, знаешь, что он близко или даже чувствуешь его близость по видимым признакам. Здесь все ограничено настоящим временем и красиво с постоянным соблюдением пропорций. Северное небо высоко и по нему все время бегут облака, до южного – рукой подать, а облака по нему либо лениво плывут, либо затевают игру друг с другом. Север учит человека стремиться во все новые и новые дали, а юг, Средиземноморье зовет остаться на нем вечно: там все соблазн, счастливое настоящее.

Нордическая душа устремляется вдаль, и в частности, на юг, но юг для нее – как свеча для мотылька. Разлагающее влияние юга проявляется в том, что исчезает желание куда-либо стремиться».

В другой своей книге «Душа и раса» (1940) Клаусс указывал на то, что представители различных рас по-разному воспринимают цвет, пространство, пластические формы, время, движение. И в то время, как представители южных рас живут внешними эффектами, жеманством, игрой, человек нордической расы живет сутью внутренней энергии, ее постоянным переживанием. «Раса – это форма, а форма живых существ является расовой в той степени, в какой она наследуется... Меняются поколения, но не форма. Только если исходить из души, можно увидеть закономерную связь, соединяющую формы души и тела, две части одного целого. Мы говорим здесь о форме нордического человека действия, потому что действие – это определяющая ценность в его иерархии ценностей; он воспринимает мир как нечто, ему противостоящее, во что он должен вмешаться, чтобы что-нибудь из это сделать. Это его основная родовая позиция, определяющая способ движения. Он не может иначе, потому что его закон душевной формы ему так предписывает. Этот закон – последняя объяснимая инстанция. На вопрос «почему?» ответа нет».

Такова была доминирующая позиция расовых теоретиков первой половины XX столетия. Но современные исследования в области генетики полностью подтверждают их, еще в общем-то эмоциональные и поэтизированные, воззрения. Самое комичное же заключается в том, что советская антропологическая школа, в задачи которой входило официально разоблачать «бредовые химеры расизма», самым недвусмысленным образом повторила все основные постулаты классической расовой теории, причем проделала это с таким методическим упорством, о котором в Третьем Рейхе и мечтать не могли.

Просто никто не брал на себя труд изучать советские работы по антропологии и генетике с позиций классической расовой теории. Пресловутая концепция «биологического превосходства нордической расы» под таким ракурсом приобретает академический ореол непогрешимости «передовой советской науки», служащей идеалам «всего прогрессивного человечества».

Как мы показали выше, название базовой категории немецкой расовой философии дал русский ученый, в чем немецкая сторона неоднократно признавалась. Кроме того, в самый разгар идеологического противостояния известная немецкая расовая исследовательница Ильзе Швидецки в своей книге «Расовое учение древних славян» (1938) дока-

зала, что «западная и восточная ветвь славянства безусловно принадлежат к нордической расе». Польша так же, как и Германия, в описываемый период не входила в число друзей Советского Союза, однако ее ведущие антропологи Ян Чекановский и Кароль Стояновский в своих исследованиях придерживались той же точки зрения на расовую принадлежность славян. Американские специалисты Лотроп Стоддарт и Медисон Грант характеризовали население северной и центральной части России как «континентальных нордиков».

Один из ведущих специалистов Германии в области биохимического анализа расовых признаков Отто Рехе в своих работах добросовестно ссылался на труды советских ученых Б. Н. Вишневого, А. А. Мелких, В. Я. Рубашкина. Будучи членом НСДАП, он, тем не менее, как добросовестный ученый, не считал нужным скрывать, что в основе методики вычисления чистокровных арийцев в Третьем Рейхе лежали «Труды постоянной комиссии по исследованию групп крови» из Харькова, журнал «Врачебное дело», «Новый биохимический расовый указатель» и иные достижения советских ученых.

Немецкие специалисты в области **дерматоглифики**, то есть методики определения рас и национальностей по отпечаткам пальцев, также базировались на работах советских исследователей П. С. Семеновского и М. В. Волоцкого. Разработчики концепции **расовой гигиены** в Германии активно печатали Н. К. Кольцова, Ю. А. Филипченко, Б. И. Словцова. У немецких расовых психологов в большой чести был В. М. Бехтерев, у генетиков – Н. В. Тимофеев-Ресовский и А. С. Серебровский. Известный современный англоязычный писатель Роберт Н. Проктор в своей книге «Расовая гигиена» (1988), ссылаясь на архивные документы, приводит такие любопытные факты. Н. В. Тимофеев-Ресовский был послан в Германию в рамках правительственного соглашения с СССР и стал директором Института генетики при Институте Кайзера Вильгельма в Берлине, позже читал лекции на курсах повышения квалификации офицеров СС, а в 1938 году на открытом собрании партийной элиты, посвященном текущим вопросам расовой политики, выступал с докладом сразу же после начальника Расового департамента НСДАП Вальтера Гросса, но перед главным идеологом Третьего Рейха Альфредом Розенбергом. Комментарии, как говорится, излишни.

Сразу же после победы над Германией в советской научной литературе развернулась целая кампания по корректировке исторической концепции происхождения русского народа на основе новейших данных антропологии и археологии. Еще в 1930 году советский историк Ю. В. Готье в своей книге «Железный век в Восточной Европе» писал: «Размещение славянских племен на левом берегу Днепра уже само по себе наводит на мысль, что проводниками раннего славянского продвижения к востоку и юго-востоку должны были быть северяне». П. Н. Третьяков в книге «Восточно-славянские племена» (1953) наглядно подтвердил эту же мысль. В публикациях того времени явно ощущался политический заказ: под неусыпным оком «отца народов» доказать, что «старший брат в семье братских советских народов» – русский – потому и является старшим, что имеет **сугубо нордическое происхождение**. Кинематограф, живопись, ваяние той эпохи дают наглядное тому подтверждение. Запечатленные в произведениях искусства расовые идеалы побежденных плавно перешли к победителям. Образы и силуэты Езефа Торака и Арно Брекера – ведущих немецких скульпторов – усилиями советских ваятелей нашли свое отражение на Мамаевом кургане в Сталинграде и украсили станции Московского метро, а парадный вход в Библиотеку им. Ленина до сих пор, как две капли воды, похож на фасад Рейхсканцелярии.

О нордическом происхождении славянского мира можно написать еще очень много, привести множество свидетельств, но один единственный факт является самым красноречивым и неоспоримым доказательством этой концепции. Какой еще народ, кроме

русского, своим этническим самоназванием дал определение одному из важнейших расовых, и именно нордических, признаков, каковым являются русые волосы?

Авторы Т. И. Алексеева, В. А. Бацевич, О. В. Ясина в статье «Фотоколориметрическое определение цвета волос в различных этнотерриториальных группах СССР» (Вопросы антропологии, вып. 84, 1990) отмечают, что цвет волос является одним из «важнейших расово-диагностических признаков», субъективные оценки в определении которого недопустимы. «В волосах светлых, особенно пепельных оттенков, содержание **феомеланинов** резко понижено. Судя по данным Русской антропологической экспедиции, для русского населения преобладающим оказываются темно-русые волосы, хотя довольно значительна частота среднерусых оттенков. Последние наиболее типичны для представителей северо-западных территорий европейской части СССР, среди которых встречаются и белокурые волосы разных оттенков».

Нордическая теория, таким образом, получает новое биохимическое истолкование, ибо в результате многочисленного количества опытов было доказано, что содержание феомеланинов возрастает по мере увеличения потемнения волос в популяциях, но что еще важнее, выяснилось, что «в темнопигментированных европеоидных группах количество феомеланинов больше, чем в монголоидных». Это говорит о том, что содержание феомеланинов является своего рода универсальным расово-диагностическим маркером, безошибочно указывающим на степень расовой чистоты внутри каждой расы. У представителей **расового ядра** каждой расы, у которых неповторимые признаки выражены со всей отчетливостью и неповторимостью, содержание феомеланинов меньше, чем на окраине расовой периферии, где степень засорения чужеродными элементами неизбежно повышается.

Изначальный постулат расовой теории о том, что нордическая раса является расовым ядром белой расы, подтверждается здесь же самым замечательным образом: «Представители южно-европеоидной расы имеют в своем составе больший процент носителей феомеланинов, нежели представители северных европеоидов. Повышенным содержанием феомеланинов характеризуются и представители негроидной расы. В составе южных монголоидов по сравнению с северными частота носителей феомеланинов также будет повышена». Таким образом, процент данного вещества в волосах напрямую связан с процентом чужой, пришлой крови. Авторы статьи также добавляют: «Варианты красноватых оттенков волос в русском населении очень редки».

А теперь вспомните, что на Руси всегда с недоверием и опаской относились к людям с рыжими волосами, считая их нечистыми на руку, а при Петре I официальным указом им даже было запрещено свидетельствовать в суде. Рыжие также были пришлым, иноземным элементом, что отмечалось коренным расово-чистым населением. Следовательно, русские народные приметы подтверждаются данными современной генетики и биохимии.

И. С. Афанасьева в статье «Сравнительное изучение типов L-полипептидов белков волос у русских и якутов» (Вопросы антропологии, вып. 69, 1982) также подтверждает: «В классификации антропологических типов одними из важнейших признаков являются различные характеристики волос. Форме и цвету волос человека всегда придавалось настолько большое таксономическое значение, что многие ученые даже положили их в основу классификации человеческих рас. Еще в прошлом веке было показано, что расы различаются также по толщине волос, по форме поперечного сечения, величине, густоте и расположению пигментных зерен». В данной работе на основе фактического материала показывается, что европеоиды и монголоиды на примере русских и якутов четко и ясно различаются по содержанию L-полипептидов белков волос, что лишнее подчеркивает все евразийские концепции о расовом всесмешении.

Не только на основе феомеланинов, но и на основе другого биохимического компонента – тирозиназы – концепция расового ядра вновь подтверждается в пользу нордической теории.

И. С. Афанасьева в своей работе «Современные представления о пигментации человека» (Вопросы антропологии. Вып. 82, 1989) пишет: «Обнаружена наиболее низкая средняя активность тирозиназы в светлых волосах, оттенки которых варьировали от белокурых до золотистых, при этом связи между оттенками и активностью не отмечено. Более высокие значения, то есть активность этого параметра обнаружена в каштановых волосах. Еще выше значения тирозиназы в черных волосах, причем представители основных расовых групп в этом отношении не отличаются».

Содержание тирозиназы, как и феомеланинов, возрастает в каждой расе по направлению от ее чистого биологического ядра к метиской периферии.

Избранность – это не метафора, а генетико-биохимическая данность, исчисляемая по множеству независимых параметров.

На протяжении всей мировой истории мы наблюдаем одну и ту же картину, что внутри каждой большой расы ее биологическое ядро тянет на себе бремя несовершенных помесей.

Мировая история – это не только борьба больших рас, но в еще большей степени – борьба расовых ядер со своей собственной генетической периферией.

Зависть метиса к породе – сюжет в мировой литературе, не имеющий себе подобных по популярности. Моцарт и Сальери – это борьба биотипов, где низший традиционно прибегает к подлости.

Именно поэтому шведский анатом и расолог Гастон Бакман утверждал: «Если мерить цивилизацию не абсолютным количеством творческих личностей, а относительным, то чистокровные народы Севера опередят народы всех других стран Европы».

Немецкий расовый теоретик Рудольф Полланд на основе этой статистики сделал следующий вывод: «Целесообразная поддержка северных расовых элементов нашего населения, несомненно, будет способствовать евгенике психики, ибо это совпадает с поддержкой лиц, одаренных выше среднего и надежных в этическом отношении».

Группы расовых признаков всегда теснейшим образом взаимосвязаны друг с другом. Соотнесение данных расовой диагностики по одному признаку с результатами, полученными по другому, всегда повышает достоверность общего результата, на что указывал еще И. Е. Деникер.

В своей статье «Схема соотношения пигментации волос и глаз» (Вопросы антропологии. Вып. 80, 1988) А. И. Дубов показывает, что процент содержания такого компонента, как меланин возрастает в ряду цветов глаз: голубые – синие – серые – карие – черные. Цвет глаз в свою очередь статистически взаимосвязан с цветом волос. Так обладатели белокурых волос в 75% из 100 имеют нордический светлый цвет радужины глаз, и в 25% – смешанный. Те, у кого различные оттенки русых волос, имеют светлую радужину в диапазоне от 30 до 65%. Обладатели черных волос крайне редко имеют глаза светлого оттенка, и в лучшем случае в 20% имеют смешанные оттенки радужины глаз, а в 80% – темные. Кроме того, выявлено, что голубые глаза нордической расы имеют другую структуру.

То же самое справедливо и в отношении цвета кожи. Американский биолог Курт Штерн еще в начале 60-х годов доказал неадаптивность цвета кожи у человеческих рас к условиям внешней среды. Мало того, он утверждал, что цвета кожи человека как биологический феномен объяснимы лишь на основе теории полигенизма, то есть теории множественности очагов расообразования. Этой же точки зрения придерживается и известный негритянский расовый теоретик Ричард А. Голдсби, так что ни о какой пропаганде расизма в данном случае и речи быть не может.

В. К. Василевский, В. И. Семкин, Л. Д. Жеребцов, И. Н. Михайлов в своей коллективной статье «Первичная и вторичная меланиновая пигментация кожного покрова человека» (Вопросы антропологии. Вып. 62, 1980) также считают необходимым подчеркнуть: «Меланиновая пигментация является одним из основных факторов, влияющих на цвет кожного покрова. От нее зависят разнообразные вариации цвета кожи: расовые, возрастные, половые, индивидуальные. Подчеркивается генетическая обусловленность меланиновой пигментации».

Внешние расовые различия самым естественным образом взаимосвязаны с расовыми различиями на биохимическом уровне, и советская антропология вновь подтвердила этот постулат классической расовой теории. Авторы М. Г. Абдушелишвили, В. П. Волков-Дубровин в статье «О соотношении расовых и морфофизиологических признаков» (Вопросы антропологии. Вып. 52, 1976), опираясь на фактический материал, выводят следующую важную мысль в подтверждение нордической концепции: «Наблюдается известная связь цвета кожи с некоторыми физиологическими признаками. У наиболее светлых наблюдается замедленный кровоток и наибольшая минеральная насыщенность костной ткани, а у наиболее темнокожих значительно ниже минерализация скелета и быстрее кровотоков».

Известное определение северных людей как хладнокровных, выдержанных и постоянных означает у них с биологической точки зрения большую минерализацию костных тканей, а взрывоопасный темперамент и непостоянство у южан, напротив, – пониженную. Хорошо известная метафора о северных людях, лучше всего выражающих в своем характере общенациональные черты, – **соль земли** – также является подтверждением генетической и биохимической основы этой народной мудрости. Люди, более всего закрепившиеся в памяти народной как достижениями во славу отечества, так и психическими чертами, в наибольшей степени отождествляемыми с национальными достоинствами и спецификой, и являются «солью земли» не в переносном, а в прямом смысле этого слова. Соль земли – это воплощенный образ ядра белой расы, и сугубо нордический характер этого образа вновь очевиден.

Е. В. Тихомирова и Е. И. Хрисанфова в своей статье «К гипотезе о «несколько большей приспособленности» лиц с фенотином О» (Вопросы антропологии. Вып. 69, 1982) анализируют статистику заболевания людей с различными группами крови вирусными заболеваниями. На основе многочисленных сводок делается вывод о «несколько большей приспособленности лиц с первой группой крови», который подкрепляется уникальным расово-диагностическим наблюдением. «Авторы объясняют и преобладание фенотипа О среди доноров не только его «универсальностью», но и более здоровым контингентом».

Как мы помним, повышение процента носителей первой группы крови стойко наблюдается в условиях концентрации признаков белой расы, то есть когда северный нордический элемент в населении возрастает. Более высокое биологическое здоровье доноров первой группы крови также свидетельствует об их принадлежности к нордической расе – ядру белой расы.

Т. Д. Гладкова и Л. О. Битадзе в работе «Заметка о связи некоторых признаков дерматоглифики с группами крови системы АВО» (Вопросы антропологии. Вып. 69, 1982) анализируют различные не взаимосвязанные группы расовых признаков, такие как цвет кожи, группа крови и отпечатки пальцевых узоров, и делают строгое научное умозаключение: «Встречаемость завитков уменьшается от более темных к светлопигментированным популяциям, в то время, как частота петель увеличивается в том же направлении».

Все это означает, что, в каком бы направлении рассмотрения расоразграничительных признаков мы не двигались, всюду нас будет ожидать один и тот же вывод, сделанный первыми расовыми теоретиками еще на заре ее возникновения.

Нордическая раса является ядром большой белой расы, в которой все признаки выражены самым ярким и неповторимым образом. Генетико-биохимические отличия представителей нордической расы закономерно проявляются в их психическом и духовном складе, что, в свою очередь, находит отражение в особенностях их религии, культуры, эстетики, общественно-политических институтов, словом, во всей специфике исторического процесса.

Один из ведущих отечественных специалистов по дерматоглифике Г. Л. Хить в своей статье «Окончание линии С у различных расовых групп» (Вопросы антропологии. Вып. 59, 1977) пишет: «Признаки дерматоглифики не имели адаптивного характера на протяжении всей истории формирования монголоидного и европеоидного расовых стволов».

В свою очередь А. А. Зубов и И. М. Золотарева в работе «Монголы в мировой систематике одонтологических типов» (Вопросы антропологии. Вып. 64, 1981) на основе анализа структуры и устройства зубной системы доказывают, что русские, так же как другие средне- и североевропейцы, отличаются от монголов **в три с лишним раза**. «Центральноазиатский монголоидный расовый тип в одонтологическом отношении обнаруживает довольно существенную вариабельность, причем со значительными отклонениями в сторону «западного» комплекса».

Приведением этих двух последних авторитетных заявлений мы лишним раз хотим снять всякие обвинения в расовой нечистоте как в адрес русских, так и в адрес нордической расы вообще. Как видно, еще непонятно, на ком в большей степени с генетической точки зрения сказалось монголо-татарское иго: на завоеванных или на завоевателях? К сожалению, укоренилась привычка только белую расу обвинять в смешении.

В 1978 году Научно-исследовательский институт антропологии в СССР проводил комплексную программу по изучению сенсорных систем человека в различных этно-территориальных группах. Было установлено, что представители монголоидной расы, равно как и смешанные с монголоидами европейцы, обладают различной пороговой обонятельной и вкусовой чувствительностью. Весьма показательной оказалась чувствительность к горькому вкусу.

Ну, как тут не вспомнить древнерусскую поговорку «Горек хлеб врага». Как выяснилось теперь, эта метафора – пример очень точной генетической памяти народа. Во времена монгольских и тюркских завоеваний расово чистым европеоидам – русским доводилось вкушать непривычно горький хлеб чужой расы, имеющей другую пороговую чувствительность. Видимо, так и родилась на свет эта поговорка и закрепилась в народном сознании, потому что соблюдение расовой чистоты имманентно самому архетипу. «Горек хлеб врага» – это вкус ненавистного смешения.

Вкусовые различия людей так же не сводимы лишь к ухищрениям национальной кухни, они генетически обусловлены. Все органы чувств без исключений имеют расовую принадлежность. Возьмем работу Е. Р. Сигала, М. И. Потапова «Собственные группы слюны человека» (Вопросы антропологии. Вып. 56, 1977). В ней авторы делают вывод такого рода: «К настоящему времени все известные генетические системы слюны показали свою зависимость от расовой принадлежности, но наиболее примечательна в этом отношении система Pв. Ее можно было бы определить как систему, присутствующую преимущественно негроидам. Существенно отметить также противоположный характер распределения геносистем Pa и Dв среди европеоидов и негроидов».

Классические предписания апартеида, запрещающие людям разных рас вместе вкушать пищу, имеют под собой, как теперь выяснилось, не предубеждения, а биологическую основу. Люди разных рас имеют различную частоту встречаемости различных генов, и поэтому болеют различными болезнями. Различие в деятельности иммунных систем ведет к тому, что в порыве ложного демократического экстаза человек одной расы через слюну может получить болезнь другой расы, к которой у него нет иммуни-

тета. Эпоха великих географических открытий полна примерами исчезновения целых племен туземцев, соприкоснувшихся впервые с белыми колонизаторами. «Старые морские волки» пили в огромных количествах джин именно в целях дезинфекции, ибо тропические болезни, не опасные для дикарей, также нещадно косили их ряды. Да разве об одной лишь еде речь? Авторы статьи пишут далее: «Расовая дифференциация свойственна сывороточным фракциям крови, лейкоцитам, аномальным гемоглобинам, ферментам, тканям, выделениям».

Именно этими фактами и обусловлено возникновение на рубеже XIX и XX веков науки под названием **расовая гигиена**.

Итак, все вышеперечисленные данные советской академической науки вновь легко согласуются с постулатами классической расовой теории, что видно хотя бы из рассуждения Рихарда Вальтера Даррэ о свинине и хлебе и их значении в биологическом процессе жизнедеятельности нордической расы. Традиционно русский квас на основе черного хлеба: ну чем это не очередное доказательство природно-нордического происхождения русских?

Советское расоведение, специально созданное коммунистами для профанации, дискредитации и осмеяния идей расовой теории, напротив, самым нетривиальным образом указало интеллектуальной элите, что расовая теория – это наука наук, и концепция нордической расы в ней – это обязательная часть, без которой невозможно постижение смысла мировой истории. Как заметил премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли еще в середине XIX века: «Раса – это все, более нигде нет правды».

Показательна и работа В. Е. Дерябина «Методика статистического межгруппового анализа антропологических данных: рассмотрение смешанного набора признаков» (Вопросы антропологии. Вып. 88, 1995). Данная работа излагает методику расового анализа, в основе которого лежит одновременное рассмотрение целостного набора признаков, измеренных в шкалах различных систем. Речь таким образом идет о сложном математическом многомерном анализе смешанных признаков. Обобщая многочисленные расовые признаки русских, автор статьи приходит к следующему умозаключению: «Первый и наиболее важный вывод, который здесь можно сделать, заключается в констатации значительного единства русских на всей рассматриваемой территории и невозможности выделить соответствующие региональные типы, четко ограниченные друг от друга».

В вопросе биологического единства нордической расы, в свете русской колонизации Севера, автор столь же однозначен: «Таким образом, существование северного подтипа русских может считаться отражением определенной антропологической общности населения севера и северо-востока Европы, предшествовавшего времени русской колонизации этой территории и послужившего одним из компонентов для формирования современных русских на этой территории».

Данные глобальные выводы вновь и вновь подтверждаются результатами частных биохимических исследований, как, например, в статье О. В. Ирисовой «Полиморфизм эритроцитарной кислой фосфатазы в различных группах населения Советского Союза» (Вопросы антропологии. Вып. 53, 1976): «Среди населения Европы отмечается относительно широкая дисперсия по трем аллелям: ph^a , ph^b , ph^c . В целом редко встречающийся ген ph^c служит характерным признаком, маркирующим европеоидные популяции (0,030-0,070). Аллель ph^a варьирует у европейского населения в пределах 0,268-0,402. У негроидных популяций частота ph^a изменяется в более узких рамках от 0,16 до 0,25. Монголоиды, как и следовало ожидать, имеют самый широкий спектр изменчивости аллелей ph^a и ph^b и, тем не менее, у них практически отсутствует ген ph^c ».

Как видим, миф о генетических последствиях монголо-татарского ига в России вновь терпит полный крах, потому, что у русских есть ген ph^c , а у монголов его прак-

тически нет. Евразийство – это очередная уловка для генетически неграмотных людей. Евразийство – это следствие не хаоса крови, а хаоса идей, искусно нагнетаемого с целью заглушения генетически обусловленного архетипа белой расы.

Рассуждая далее, автор данной работы вновь и вновь подтверждает базовый постулат нордической идеи: «Высокая термостабильность фенотипов В и АВ свидетельствует об адаптивной значимости этих вариантов кислой фосфатазы в экстремальных условиях жаркого тропического климата». Это означает, что 3 и 4 группы крови своими параметрами термостабильности наглядно свидетельствуют о своем ненордическом происхождении. Нордическая раса характеризуется, как мы помним, высоким процентом именно 1 и 2 групп крови. Вдали от ядра белой расы, в жарких районах средиземноморья, и произошло подмешивание 3 и 4 групп крови. У этих метисов жизнеспособность ниже, чем у чистых представителей нордической расы, что, как мы отмечали выше, засвидетельствовано статистическими данными станций переливания крови.

Крупный американский антрополог М. Ф. Эшли Монтегю в своей книге «Введение в физическую антропологию» (1951) подтвердил правомерность наших утверждений: «Сегодня после многочисленных исследований в данной области представляется вполне очевидным, что сама группа крови В появилась в Европе вместе с появлением брахицефалов Азии. Это произошло в период с V по XV века нашей эры вместе с вторжением азиатских армий с Востока. Считается вполне доказанным, что все основные популяции на Земле возникли в условиях безусловной доминации группы крови О, а все остальные являются результатом сложного процесса гибридизации и последующих мутаций на основе возникших позднее половых изолятов».

Готтентоты и бушмены в Африке имеют очень низкий процент группы крови В и очень высокий О, что говорит об их высокой расовой чистоте. Колония венгерских цыган в Венгрии имеет преимущественно ту же картину распределения групп крови, что и в Северной Индии, откуда они вышли. У аборигенов Австралии также очень низкий процент группы крови В. «Кровь Азиатских монголоидов является единственным источником группы крови В у европеоидов», – резюмирует Эшли Монтегю. **Из чего следует, что формы азиатского мышления проникли в Европу вместе с группой крови В. Типы идей и группы крови взаимосвязаны.**

Американский антрополог подчеркивает, что гены воздействуют на группы крови, и именно поэтому эти комбинации признаков могут быть использованы как индикаторы.

Учитывая то, что в антропологии корреляции между физическими и психическими признаками установлены достаточно давно, представляется возможным эмпирическими методами выводить определенную расовую чистоту того или иного типа мировоззрения.

Классик советской антропологии В. В. Бунак в своей базовой монографии «Род Ното, его возникновение и последующая эволюция» (М., 1980) считал возможным открыто указать: «Суммарные показатели жизнедеятельности (например, обменные процессы) заметно различаются при сравнении с европейцами народов внеевропейских стран, особенно негрских народов Африки. По большей части негры и многие другие внеевропейские народы уступают по силовым показателям европейцам».

Совершенно очевидно, что именно эти суммарные показатели жизнедеятельности и оказывают решающее влияние на выработку принципиальных различий между типами мировоззрений, генетически присущих различным расам, так как способ постижения бытия всегда напрямую сопряжен с биологическими показателями этого процесса.

Для иллюстрации качественных различий в типах мировоззрения существуют совершенно объективные количественные характеристики. Так, например, содержание холестерина в крови сильно колеблется: у многих монголоидных народов севера – 120 мг %, у туркмен – 151 мг %, у бурят – 185 мг %, у русских – 180 мг %. Для большого

числа групп найдено соотношение альбуминов и глобулинов в плазме крови. В распределении данного показателя ни географическая, ни иная зависимости не наблюдаются: у русских средний индекс равен 2,0; у норвежцев 1,05; у бурят 2,07; у якутов 1,37; у чукчей 1,61; у эскимосов 0,89.

Содержание холестерина в плазме крови у негров значительно ниже – 135 мг %, чем у европейцев – 180 мг %. Характерная особенность негров и некоторых других внеевропейских групп – низкое содержание кальция в плазме крови и вместе с тем пониженное выделение кальция с мочой. По всей совокупности биохимических и физиологических процессов обмена, как указывает Бунак, все расы значительно отличаются друг от друга.

Образно говоря, тело человека, снабженное органами чувств подобно антенне, улавливающей импульсы информации из окружающего мира, и ее конструктивные параметры весьма вариабельны у различных рас. Отношение массы тела к его поверхности составляет индекс, который составляет у европейцев – 38-39; у негров – 33-35; у индусов и китайцев – 34.

«Структура сыворотки крови различна даже в рамках различных европейских семей», - указывал Ойген Фишер. Мало того, у различных расовых групп она светится разными цветами. Не этот ли биохимический факт лежит в основе поразительного разнообразия в отношении рас к магическим ритуалам, связанным с употреблением крови, так как существуют племена и целые расовые группы практикующие употребление крови чужаков, а есть такие, кто употребляет для этой цели только кровь соплеменников. Даже магия рассматривает кровь с точки зрения расовых качеств.

Устойчивость этой тенденции можно проследить как угодно вглубь веков. В этом отношении весьма показательным мнением Ойгена Фишера, который в своей книге «Рехоботские бастарды и проблема гибридизации людей» (1912) указывал: «Единожды установившаяся у какой-либо расы структура молекул сыворотки крови сохраняется и в дальнейшем только усложняется».

Подсознательное, подчас мистическое отношение человека к крови, ее всевластии над судьбой, как раз и объясняется эволюционной устойчивостью ее генетической расовой структуры.

«Миф крови», «зов предков» и тому подобные общеупотребимые образы представляют собой ни что иное, как всего лишь поэтизированный опыт поколений, возведенный в ранг сверхчувственного догмата.

Поэтому каждый человек по сути это биологический контейнер, предназначенный для транспортировки мировоззрения во времени и пространстве. А биологические характеристики упаковки сопряжены с типом мировоззрения, ее наполняющим.

В соответствии с вышесказанным, мы не рекомендуем к употреблению гастрономические и косметические продукты других рас. Целебными грязями с берегов Мертвого моря, которые рекламирует наше телевидение, следует мазаться семитам, а не русским красавицам.

То же самое касается и ароматических средств. В Вест-Индии во времена ее колонизации существовала поговорка: «Господь Бог любит своего негра и узнает его по запаху». Путешественники древности отмечали, что от китайцев пахнет мускусом, а римский историк IV века Аммиан Марцеллин утверждал, что от евреев пахнет чесноком.

Как видно, нет такого места на теле человека, которое бы не свидетельствовало о врожденных расовых различиях. Из статьи Т. А. Абражевича, В. А. Спицына «Генетический диморфизм ушной серы у якутов и населения прибалтийских республик» (Вопросы антропологии. Вып. 70, 1983) следует, что частота гена d в ушной сере у северных европеоидов равна 0,1815, у немцев – 0,176, у якутов – 0,8939, у китайцев – 0,979, а у негров – 0,069.

Аналогичная картина наблюдается и с геном w , ибо у китайцев его частота равна 0,021, у немцев – 0,824, а у негров – 0,931. Так что, подставлять свои уши под сплетни других рас тоже вредно и не гигиенично. Слушать нужно только своих.

Кроме того, генетически обусловленные биохимические различия рас влияют также на восприятие окружающего мира, на выработку эстетического вкуса, на философские идеи и религиозные предпочтения.

А. С. Вагина в своей прекрасной статье «Об особенностях отношения к цвету некоторых этнических групп» (Вопросы антропологии. Вып. 84, 1990) пишет: «Любая популяция, любая этнокультурная общность говорят на своем цветовом языке с определенным набором «звучков» и их сочетаний. Мы воспринимаем этот язык не только в отточенных цветовых символах, но улавливаем его по общему цветовому «полю» народной материальной культуры. Большая часть цвета в традиционной культуре очевидна. Цвет костюма также тесно связан с внешним обликом человека, так как он обычно согласует цвет своего платья с цветом кожи, волос и глаз. У людей северной расы предпочтение черного, синего, а также голубого (холодных цветов коротковолновой части спектра) не случайно, ибо они значительно уменьшают и облегчают плотность объема».

Здесь все вновь точно так же объясняется с биологической точки зрения, ибо И. С. Афанасьева в статье «Современные представления о пигментации человека» (Вопросы антропологии. Вып. 82, 1989) дает обобщение международной научной информации, из которой явствует, что глаза европеоидов и негроидов различаются по структуре, а голубые глаза отличаются особым эффектом Тиндала. Нордический человек в прямом смысле этого слова видит мир по-другому.

Еще Иммануил Кант в своей «Аналитике прекрасного» отметил, что «прекрасное познается без посредства понятия». Фриц Ленц указывал: «Уже будучи детьми, мы отличаем красивых людей от безобразных, – задолго до того, как приобретаем опыт таких вещей или с помощью сравнения образуем эстетическое чувство. Такие различия мы делаем инстинктивно, поскольку носим образ нашей расы в самих себе».

Современные исследования в области **биологии эстетики** доказали, что каждая раса имеет свои, генетически обусловленные представления о Хаосе и Порядке. Конрад Лоренц назвал это «врожденными моделями», а Иренеус Эйбл-Эйбесфельдт в книге «Биологические основы эстетики» пишет: «Стиль – это способ кодировать сообщаемую информацию в художественной форме». Именно поэтому произведения искусства различных рас отличаются по стилю, ибо стиль на биологическом уровне выполняет функцию определения «свой-чужой». Произведения современного массового искусства специально моделируются на основе отсутствия этого биопароля. Стиль в сжатой кодифицированной форме выражает генетический опыт расы. И. Эйбл-Эйбесфельдт делает на этой основе правомерный вывод: «Внушаемость, готовность к усвоению взглядов и к принятию групповых ценностей присущи человеку в очень высокой степени. Это они вымостили путь к расовому отбору».

Кроме того, он приводит любопытные данные лабораторных опытов. Оказалось, что в комнатах, окрашенных в красно-оранжевые тона, испытуемые оценивали температуру на 3-4⁰С выше, чем в комнатах сине-зеленых тонов. «Теплые» тона возбуждают симпатическую нервную систему, отчего учащается пульс и повышается кровяное давление. «Спокойные» тона, которые неспроста называют еще и холодными, принадлежат к коротковолновой части спектра.

Таким образом, люди нордической расы предпочитают холодные тона, которые соответствуют их системе кровоснабжения, то есть их хладнокровию, вновь не в переносном, а именно в прямом смысле. Голубые глаза – это индикатор оптимальных биоэнергетических процессов в организме северного человека. То же самое справедливо и в отношении музыки и танца, ибо их ритмика полностью опирается на дробную струк-

туру расового архетипа. Белая раса создала симфоническую гармоническую музыку, а черная раса изобрела джаз и рэп с их нагромождением синкоп. Характерно в этом отношении русское ладовое песнопение, где лад выступает как генетическая единица гармонии, что вновь подтверждает нордические истоки русского народного искусства.

Ганс Ф. К. Гюнтер в своей великолепной книге «Раса и стиль» (1927) писал: «Нет драматургии на семитских языках, а музыку арабы заимствовали у персов».

Позднее Генрих Цоллингер в работе «Биологические аспекты цветовой лексики» утверждал: «В лингвистике цветовых понятий существует расовая гипотеза, согласно которой люди с разным цветом кожи могут видеть, а потому и называть цвета по-разному, потому что различиями в пигментации затронут сам глаз». Ганс Ф. К. Гюнтер, перефразируя слова Гете, отмечал, что нордическая раса создана для того, чтобы всматриваться, а восточная, чтобы созерцать. К цвету, а следовательно, и к структуре глаз это имеет самое непосредственное отношение.

Различия касаются также восприятия времени и пластических форм, что лучше всего видно в системах хронологического летоисчисления различных рас и в преобладании тех или иных геометрических форм в их жилище, на что указывал еще Освальд Шпенглер. Современные исследователи Фредерик Тернер и Эрнст Пеппель обнаружили наличие расовых признаков в организации стихотворных форм и ритмов, которые призваны работать на частоте, синхронной с тактовой частотой работы мозга. Тактовые частоты интеллектуальных биопроцессоров у различных рас также сильно отличаются, соответственно этому организация процессов обучения и работа с виртуальной информацией должны быть пересмотрены в духе расовой теории.

Совершенно неверно поэтому потный грязный цыганский табор с его азиатскими песнями и плясками считать символом русской культуры. Точно так же «Квадрат» Казимира Малевича – дорожный знак, а не картина, по меткому определению Ильи Сергеевича Глазунова, – явно восходит к истокам не русского эстетического мировосприятия. Известный немецкий расовый теоретик Пауль Шульце-Наумбург в своей прекрасной книге «Искусство и раса» (1935) основную мысль выразил простыми и доходчивыми словами: «Какова сама раса, таково и ее искусство».

Современная наука – **антропозстетика** – занимается именно изучением расовых и этнических канонов человеческой красоты. Насаждение инорасовых антропозстетических канонов средствами телевидения и массовой поп-культуры ничего, кроме вреда, дать не может.

Лювиг Фердинанд Клаусс в книге «Нордическая душа» (1939) писал: «Если человек отказывается от своего врожденного стиля, он не обретает другой, а искажает собственный. Душа, которая живет не в согласии со своими законами, ведет двойную жизнь: она оказывается между своим собственным и чужим законами и в тайне чувствует себя неполноценной и перед тем, и перед другим. Если все время воспринимать чужое, это приведет к разрушению собственной сущности».

Иосиф Егорович Деникер еще сто лет назад писал: «У некоторых народностей мышцы лица выполняют такие движения, подражать которым было бы весьма трудно для чужеземцев, как например выдвигание вперед одной только верхней губы, выполняемое малайцами с изяществом и легкостью, которые сделали бы честь любому шимпанзе».

Современные конкурсы красоты для разноплеменных девиц производят впечатлительное легализованного бандитского невольничьего базара, организованного по принципу «генетического общака», где в качестве жюри всегда выступают похотливые ублюдочные метисы. Это осквернение расы, ибо раса – это высшая ценность, которой мы обладаем.

Ганс Ф. К. Гюнтер так описывал сакральные глубины северного человека, обусловленные его расово-биологической уникальностью: «Если поведение восточных людей

характеризуется склонностью к позе, то поведение людей нордической расы отличается сдержанностью, которая людьми не-нордической расы воспринимается как надменность. Нордический человек не станет проповедником. Его вера слишком уединенна, сдержанна, молчалива и проникнута благоговением. Проповеднику свойственно влезать в чужую душу, собирать вокруг себя учеников, переднеазиатский «пафос общины» – противоположность нордическому «пафосу дистанции», воспетому Ницше. Проповедь среди «неверующих», идея «мировой религии», «идите и научите все народы» – все это проявления переднеазиатской души, чуждые нордическому духу».

Подобные же мысли читаем у Лювига Фердинанда Клаусса: «Если нордический человек религиозен, то он религиозен в своем стиле: он не любит раздеваться перед толпой и не ходит молиться на базар».

Итак, весь духовный мир, все особенности психологии людей нордической расы обуславливаются исключительно и единственно их биохимической уникальностью, передающейся генетическим путем из поколения в поколение.

После официальной расологии Третьего Рейха советскую периодику, вроде журналов «Вопросы антропологии», «Советская этнография», «Генетика» и множество других, можно читать как дополнительную литературу, нужно лишь сменить критерий оценки с интернационального на нордический, и тогда все само собою встанет на свои места.

Созданная опровергать классическую расовую теорию, советская антропология, сама того не ведая, подхватила знамя у поверженной немецкой школы и двинулась в том же победном направлении, имя которому – **биологический детерминизм**.

Немецкие расологи были в основной своей массе добропорядочными католиками или протестантами и потому понимали расу как единство переживания, общность стиля, единение в судьбе. А один из ведущих советских антропологов В. П. Алексеев определил, что **«родство – это биохимическое понятие»**. Столь резкая постановка проблемы шокировала бы даже главного идеолога Третьего Рейха Альфреда Розенберга.

Теперь можно смело утверждать, что дело немецкой расовой теории не пропало даром. **Великая идея нордической расы все сильнее дает себя знать в современной России.**

Наконец, справедливости ради нужно также отметить, что немецкие расовые теоретики никогда не стеснялись сослаться на своих советских коллег, поэтому автор данного эссе просто продолжает добрую традицию академической вежливости, с русской стороны отвечая любезностью на любезность, ведь в «странах современной демократии» сделано то, что не удалось в свое время сделать Гитлеру, а именно: добросовестно цитировать русских расовых теоретиков. Если мы возьмем центральную работу Фрица Ленца «Учение о человеческой наследственности» (1932), то обнаружим 34 ссылки на советские научные труды при общем числе цитируемых авторов – 22. Книга считалась канонической в вопросах расовой гигиены, но проблем у автора со стороны «компетентных органов» из-за увлечения наукой идеологических противников не возникало.

Никаких проблем не возникло и после 1945 года, на сей раз со стороны оккупационных властей. Ни один крупный расовый теоретик Третьего Рейха не проходил ни по одному политическому процессу о преступлениях нацизма. Мало того, все они сохранили свои кафедры в университетах, где и преподавали до конца жизни. Достоверность этих данных можно почерпнуть из книг известных писателей-антифашистов, специализировавшихся на теме расовой теории Третьего Рейха – Роберта Н. Проктора и Стефана Кюля.

Нордическая идея чиста, и это признано Нюрнбергским процессом. Не обвиняет же никто советскую космонавтику в связи со сталинскими репрессиями или гонкой вооружений. А. Д. Сахаров до того, как стать демократом, придумал атомную бомбу, и

ничего, в его честь в Израиле назван парк. Кстати, в том же Израиле в Музее памяти жертв холокоста открыта памятная стела немецкому расовому теоретику Людвигу Фердинанду Клауссу «за спасение евреев с риском для собственной жизни».

В переведенной на многие языки мира книге «Расовые элементы европейской истории», которую Ганс Ф. К. Гюнтер написал уже после войны, есть глава «Нордический идеал». Это расово-политическое завещание одного из признанных лидеров нордического движения:

«Вопрос не в том, в какой мере нордическими являемся мы, ныне живущие люди, а в том, хватит ли у нас храбрости, чтобы подготовить мир для будущих поколений, очистив себя в расовом и евгеническом отношении. Денордизация индоевропейских народов всегда длится столетиями; воля людей с нордическим мышлением должна перекинуть мост через столетия. Когда речь идет об отборе, нужно учитывать множество поколений, и современные люди с нордическим мышлением могут ожидать на протяжении своей жизни лишь одну награду за свои труды: сознание собственной смелости. Расовая теория и исследования в области наследственности придают силу новой аристократии и молодежи, которая, стремясь к высоким целям, как Фауст, следует призывам из сфер, выходящих за пределы индивидуальной жизни.

Поскольку это движение не стремится к выгодам, оно всегда будет движением меньшинства. Но дух любой эпохи всегда формируется только меньшинством, в том числе и дух той эпохи масс, в которую мы живем».

РАССУЖДЕНИЯ О РАСОВЫХ ПРЕДРАССУДКАХ

«Естественное неравенство между отдельными особями, племенами и расами есть общий принцип в организованном мире».

И. И. Мечников

«Ясная мысль, сильная воля и глубокое настроение идут параллельно чистоте крови и соков организма и стоят в строгом соответствии с ними».

И. А. Сикорский

Средства массовой информации утопили в недрах общественного сознания множество стереотипов, подобных неподъемным валунам. «Реакционность», «фашизм», «тоталитаризм», «мракобесие», «национализм», «шовинизм», «расизм» и т. д. Дрессированное сознание обывателя послушно воспринимает эти штампы, будто тяжеловесных монстров из фильмов ужасов, имеющих inferнальное неземное происхождение и подчиняющихся своим запредельным физическим законам. Каждого из вышеперечисленных понятий вполне достаточно, чтобы разбудить в человеке тревогу и превратить его в рептилию, виляющую хвостом в конституционном вольере политической корректности.

В ряду этих чудищ либерального сознания одно начисто выбивается своей противестественностью и зоологической несообразностью. Имя этого странного мутанта – «расовые предрассудки».

Едва попытаешься представить себе, что это такое, как сразу же сталкиваешься с проблемой нелогичности и невоплотимости этого идеологического клише.

Предрассудок – это то, что в буквальном смысле этого слова стоит перед рассудком, предшествует ему, то есть нечто, явно относящееся к докультурным, досоциальным, архаическим, инстинктивным пластам сознания. Предрассудок – это психогенетическая программа предшествующего опыта ваших предков и требующая слепого повиновения.

В случае же с предрассудками расовыми, о которых повествуют современные медиа-гуманисты из телевизионных программ новостей, речь идет о враждебном и недоброжелательном отношении к человеку, имеющему иные, отличные от ваших, расовые признаки, которые легче всего распознать по его внешности и поведению.

Причем в это понятие сегодня принято вкладывать отрицательный, резко негативный смысл. Изобличая человека в расовых предрассудках, ему дают понять, что он мыслит устаревшими и, следовательно, дурными категориями. Это плохо, потому что это пережиток – вот основной этический смысл данного словосочетания, культивируемого в массовом сознании обывателя. Предрассудок – это нечто отжившее и потому требующее устранения. Таков сегодняшний морально-логический контекст употребления этого выражения. То есть за счет банальной этической спекуляции оценку понятия изменили с положительной на отрицательную.

1. Естественная природа расовых предрассудков

Расовые предрассудки – это расогенетическая программа Вашего рода, и если бы она была неправильной, отжившей и требующей устранения, то Вас просто не было бы на свете. Расовые предрассудки – это концентрированный эволюционный опыт предков, доказавших самим фактом Вашего существования правильность своей жизненной стратегии.

Если бы все необъятное природное царство в одночасье истолковало понятие расовых предрассудков в духе интернационального свального братания, восплаемого трубадурами общечеловеческих ценностей, то последствия этого трансгенного блуда превзошли бы апокалиптические видения своей кошмарной красочностью. Трудолюбивый шмель в духе ООНовских деклараций принужден был бы нести животворную пыльцу не благородному цветку, но сорняку-паразиту, а гиббон – сластолюбиво воззрится на какую-нибудь макаку. Все иерархически систематизированное природное царство в одночасье превратилось бы в бродвейское шоу трансвеститов.

В других индоевропейских языках, помимо русского, мы наблюдаем сходную этимологию слова «предрассудок». Соответствующие ему французское «prejuge» и английское «prejudice» восходят к латинскому термину «praеjudicium», означающему «предварительное решение суда», а в другой версии служащее предостережением. Греческое слово «предрассудок» – «прокрима» происходит от глагола «прокрион», имеющего смысл «выбирать», «отдавать чему-либо или кому-либо предпочтение». Корень «крима» также означает «решение», «приговор», «суд».

Сложное по составу немецкое слово «Vorurteil» тоже обозначает «предрассудок». Оно восходит к слову «urteil», которое означает «мнение», «суждение», но также – «приговор», «решение суда». Но и это слово разделяется на «teil» – «судьба», «участь», «доля», «жребий» и универсальную приставку «ur», прибавляемую в тех случаях, когда речь идет о чем-либо изначальном, исконном.

Как видите, даже простейший лингвистический анализ наглядно показывает, что наши индоевропейские предки, объединенные не только общностью языка, но и общностью морали, и не помышляли глумиться над этим словом, возводимым ими к архетипическим, изначальным основам бытия, которым надлежит поклоняться не только как приговору мирского суда, но и как высшей родовой участи. Закономерно, что и словосочетание «расовые предрассудки» при правильном объяснении его значения никак не может нести в себе отрицательную негативную оценку, которую ему силится придать новомодные жонглеры этическими ценностями.

Если бы не было расовых предрассудков, то не сохранились бы и сами расы.

Расовые предрассудки любого биологически полноценного человека основываются на фундаменте двух взаимосвязанных врожденных явлений человеческой психики. Во-первых, на антропоэстетических канонах красоты, присущих его расе, и во-вторых, на осознании ценностного критерия, порождаемого этими канонами. Каждая раса сама в себе несет представление о прекрасном и безобразном, и в связи с этим вырабатывает свою шкалу оценок и свои критерии морали. Иностранное, в прямом смысле этого слова принадлежащее к другому роду, отторгается организмом человека в соответствии с биомедицинскими законами о **норме реакции**. Эта реакция отторжения, свойственная любому здоровому организму, борющемуся за жизнь, закономерна как при трансплантации донорских органов, так и при неприятии систем морали и эстетики. Иммунная система организма неустанно будет отторгать чуждые как материальные ткани, так и материи умозрительные.

Бурный рост естествознания последних двух веков не противоречит этимологии слова «предрассудок». В середине XIX века зоолог и путешественник Г. Радде писал: «Тот, кто испытал себя с известною удачею в области наблюдений за органическим миром, вскоре начинает пугаться слова инстинкт и признавать за животным умственные соображения, более или менее изменяемые в видовом отношении». Естествоиспытатель Г. Романес в это же время полагал: «Инстинкт есть рефлекторная деятельность, в которую вносится элемент сознательности». Известный немецкий психолог Карл Густав Карус опубликовал в 1863 году монографию «Сравнительная психология», чем в сущности заложил основу изучения эволюционной психологии человека и животных. Возникновение после этого целой науки под названием **зоопсихология** утвердило про-

стейший факт, что все животное царство существует и развивается только за счет расовых предрассудков, соблюдая по неграмотности свою иерархическую генетическую чистоту.

Отечественная наука поддерживает данный взгляд. Спустя сто лет крупный советский психолог Л. А. Орбели основываясь на новейших экспериментальных данных из области эволюционной теории, утверждал, что те формы поведения, которыми отличались наши предки, жившие миллионы лет тому назад, «все в нас гнездятся и при определенных условиях выплывают на сцену». Современный биолог В. Л. Деглин считает: «Для каждой реакции организма, для каждого рефлекса существует своя определенная кодовая «модель», предвосхищающая форму их эффекторного проявления. Модель безусловного рефлекса имеет врожденный характер». М. В. Волькенштейн в книге «Физика и биология» (М., 1980) свидетельствует: «Основной физико-химический принцип эволюции заключается в том, что однажды приобретенная биологическая (генетическая) информация не утрачивается. На каждом этапе развития не происходит случайного перебора всех возможных мутаций, так как подавляющая доля мутаций не участвует в отборе и отбор идет лишь между мутантами, совместимыми с условиями существования уже сложившихся организмов. Следовательно, эволюция «канализируется» и «ускоряется».

Известный философ-неокантианец Герман Коген (1842-1918) писал: «Мы – евреи – должны признать, что расовый инстинкт никоим образом не является варварством, а лишь естественным и законным запросом с национальной точки зрения». Лауреат Нобелевской премии за изучение биологии поведения Конрад Лоренц (1903-1989) также понимал под инстинктом «все те психологические механизмы поведения, которые произошли в результате эволюции, направленной на сохранение вида, а не являются индивидуальными модификациями, обусловленными обучением».

«Современный словарь социологии», изданный в США в 1969 году, также определяет: «Предрассудок есть универсальное явление и вечная проблема общественной жизни». «Словарь по общественным наукам», подготовленный ЮНЕСКО в 1964, трактует «предубеждение» как «установку, вытекающую больше из внутренних процессов самого носителя, чем из фактической проверки свойств группы, о которой идет речь».

Выдающийся немецкий антрополог и этнограф Адольф Бастиан (1826-1905) справедливо утверждал, что задачей антропологии является необходимость «добыть первичную мысль». В соответствии с эволюционной биологией, психогенетикой и лингвистической семантикой становится очевидным, что этой **первичной мыслью являются расовые предрассудки**.

Врожденные эстетические представления, функционально обеспечивающие репродуктивное воспроизводство расы, также находятся в русле этого «канала эволюции». Иммануил Кант в книге «Аналитика прекрасного» отмечал, что прекрасное познается без посредства понятия». Величайший расовый теоретик XX века Фриц Ленц (1887-1976) в одной из своих базовых работ «Раса как основополагающий ценностный принцип» писал: «Уже будучи детьми, мы отличаем красивых людей от безобразных – задолго до того, как приобретаем опыт таких вещей или с помощью сравнения образуем эстетическое чувство. Такие различия мы делаем инстинктивно, поскольку носим образ нашей расы в самих себе». Философ-структуралист Клод Леви-Стросс (род. в 1908) недаром назвал это «зоологическим мышлением», а Конрад Лоренц – «врожденными моделями». Крупнейший современный специалист в области биологии поведения Иренеус Эйбл-Эйбесфельдт (род. в 1928) идентификацию по принципу «свой-чужой» определяет как «врожденный биологический фильтр». Знаменитый русский эстетик и теоретик культуры М. М. Бахтин также свидетельствовал: «Физические кондиции человека, взятые как биологический феномен, докультурны».

Кант писал о существующих априорно, до всякого опыта, врожденных формах зрения и категориях мышления. Даже причинность он считал категорией мышления. Один из основоположников **философской антропологии** Арнольд Гелен (1904-1976) полагал, что человек от природы «культурное существо», и уже филогенетически возникшая программа его поведения настроена на наличие определенной врожденной культуры. Как доказал современный философ и ученый Наом Хомски, человек имеет наследственную программу логического мышления и языка. Ребенок в младенчестве заучивает только звуки и комбинирует их уже по врожденной программе, отражающей его расовую, а следовательно и культурную принадлежность. Крупнейший немецкий философ Людвиг Клагес (1872-1956), основавший науку под названием **характерология**, именно поэтому же метко определял: «Душа старше духа». Ибо дух человека всегда выражает исторические реалии эпохи, в которой тот живет, в то время как душа его является отражением вневременной расовой сути. Стиль любой культуры всегда зависит от ее расового наполнения.

Современный автор И. М. Быховская в книге «Номо somatikos: аксиология человеческого тела» (М., 2000) развивает концепцию увеличения самостоятельной значимости человеческого тела, его физического облика в современной культуре. «Соматическое сознание», минуя старые умозрительные шаблоны, само творит ценности. Новейшая эпоха постмодерна, по мнению автора, создает новую, доселе неслыханную доктрину «тело как ценность». «Человеческое тело не просто присутствует в мире наряду с другими объектами, а присоединяет себя к миру и в известном смысле творит его». «Телесность» в контексте отражения и истолкования действительности все чаще и чаще становится «универсальным мериллом».

По меткому выражению Мориса Мерло-Понти (1908-1961), другого представителя школы философской антропологии, «тело проектирует вокруг себя культурный мир».

Но, напищенное расовыми признаками на всех физических уровнях, человеческое тело неминуемо должно обострить и проблему расовых ценностей качественно новому. Абстрактные истины и бесплотная мораль, обретая телесность в контексте новой культуры, вобрали в себя «соматическое сознание», отправной точкой которого, или «первичной мыслью», и являются «расовые предрассудки» во всей своей первозданной красоте.

Искусно замыливая оптику первородного инстинкта пенными суррогатами либеральных ценностей, современная массовая культура, сама того не желая, вновь попала в тенета **расовой теории**, о которых уже стали забывать. Разношерстная пегая толпа опять подняла свои взоры к роскошному убранству расового архетипа, такому зримо телесному и одновременно трансцендентально вечному. В беспечной красоте с рекламного щита возле автострады угадывается вечный образ белокурой принцессы.

2. Антропозстетика

Таким образом, массовая культура, специально призванная глумиться и сокрушать расовые предрассудки, по странному стечению обстоятельств сбилась с такта в хороводе причинно-следственных связей и придала новый стимул к совершенствованию того, что, казалось бы, нужно было выбросить на свалку истории как досадный пережиток. Отчасти в силу этого курьеза возникла и такая современная наука, как **антропозстетика**.

Ведущий отечественный специалист в этой области Н. И. Халдеева в статье «Сравнительные антропозстетические исследования в России» (Вестник антропологии, вып. 4, М., 1998) совершенно определенно пишет: «Нужно сказать, что человек не только воспринимает физиономический облик другого индивидуума, он соотносит его с собственными и групповыми антропологическими оценками. На этой основе индивидуум и его группа могут определить ареал распространения популяционных морфологиче-

ских особенностей и вырабатывать собственную шкалу фенотипических суждений. Кстати, способность порождать ценностные воззрения, в том числе и в отношении внешности, является уникальным свойством человеческого сознания. Для антропозстетического анализа наибольший интерес представляет форма оценки внешнего облика как этнического признака. Особенности внешности могут выступать носителями определенной информации и играть роль сигналов о расовой и этнической принадлежности человека. Приравнивание физиономических комбинаций к этнической характеристике в процессе восприятия внешности отражает антропологическую составляющую общего механизма идентификации. При формировании категорий идентичности эта составляющая является одной из самых древних и стабильных. Ее древность очевидна, так как человеческое лицо всегда было самым доступным и информативным, а на определенном этапе антропогенеза жизненно важным».

Это мнение признанного специалиста вновь совпадает с результатами этимологического анализа слова «предрассудок» в индоевропейских языках. Во времена бурного развития антропологии еще Дарвин указывал на различные врожденные предпочтения при оценке типов внешности и, как следствие, на существование врожденных наследственных критериев, свойственных каждой расе. Каждый индивид носит в себе характерный набор «сигнальных» опознавательных признаков, по которым он оценивает окружающих в соответствии с базовым биологическим принципом «свой-чужой». Лицо с расовой точки зрения представляет собой концентрацию рецепторов сигнальной информации, служащей целям репродуктивного отбора. Перспективный половой партнер, таким образом, оценивается в соответствии с врожденной типической структурой идеального партнера, характерного для данной этно-расовой группы. Н. И. Халдеева подчеркивает далее: «Большое значение имеет расовая принадлежность в процессе оценивания внешности. Механизм взаимного человеческого восприятия детерминирован биологически и социально, что обеспечивает его неизменное воспроизводство».

Все эти аспекты антропозстетической организации человеческой психики, вся ее архитектоника закодированы в нейронной организации мозга. Изначальные эстетические каноны, свойственные данной расе, без искажения воспроизводятся в ряде поколений, связывая напрямую каждое живущее поколение с архетипом. Нейроны мозга как бы выполняют функцию матрицы, числовые значения которой служат коррективке и поддержанию вектора эволюционного развития расы. Причем этот вектор физиономической «идеализации» строго направлен непосредственно в сторону усреднения, то есть типизации, или к единому расовому стандарту, с тем чтобы обеспечить максимальный репродуктивный успех индивидуума в рамках его популяции. Именно поэтому форма и цвет глаз, носа, волос, губ, овал лица являются наиболее значимыми при этно-расовой характеристике воспринимаемой внешности, ибо вокруг этого сочетания расовых признаков наиболее четко и концентрированно проступает генетическая информация об их носителе, что, в свою очередь, при его оценке дает возможность максимально использовать позитивный эффект расовых предрассудков. Информация, зрительно считываемая с лица оцениваемого объекта, сравнивается с информацией, заключенной в мозгу оценивающего субъекта, что приводит в действие механизм антропозстетической оценки. Минимальные различия в их генетических матрицах и обеспечивают воспроизводство расы, отсекая вредные мутации, влекущие к «хаосу крови».

Обобщение теоретического плана в работе Халдеевой имеет следующий характер: «Изученный материал позволяет констатировать, что идеальный предпочитаемый морфотип человека по приоритетным градациям шести основных физиономических признаков формируется на базе реального типа и, будучи связанным с ним, является групповой характеристикой, подлежащей изучению по программе антропозстетики методами физической антропологии».

Особую ценность работе Н. И. Халдеевой безусловно придают обобщения практических исследований, в процессе которых был выведен **суммарный показатель аутоидентификации (АИ)**. Чем консолидированнее в расовом отношении группа, тем этот показатель выше. Кроме того, выяснилось, что в пределах выборок русских из рассматриваемых областей вектор мужского идеального типа имеет четко выраженный центростремительный характер. Это как нельзя наглядней подтверждает наличие у русского народа, как и у любой другой исторически значимой общности, **расового ядра**, в котором все расовые признаки выражены самым отчетливым и неповторимым образом. Именно на расовое ядро народа приходится основная историческая нагрузка в процессе государственного строительства и созидания культурных ценностей. У представителей метисной периферии, не прошедших антропозстетический отбор на соответствие усредненному расовому идеалу, государственнический инстинкт ослаблен, и, как следствие, из числа бастардов формируются легионы всякого рода отступников и прозелитов.

Именно расовое ядро народа представляет собой средоточие приложения исторических сил, а не внерасовый, разноплеменный шлак, в который, будто в песок, уходят все благие помыслы вождей и религиозных лидеров.

«Во всех русских группах вне связи с географической дифференциацией отмечаются относительно близкие варианты эстетически предпочитаемой красоты, выраженные в суммарных показателях антропологической аутоидентификации. В целом, все русские группы образуют общий графический кластер, относительно однородный по параметрам антропозстетики», – резюмирует Н. И. Халдеева.

Теперь следует подчеркнуть, что эти самые расовые антропозстетические стандарты – не набор бессвязных данных, произвольно трактуемых из поколения в поколение, но именно архетипическая матрица точных и постоянных величин, записанных в нейронной организации мозга каждого человека. И чем чище тип этого индивида, тем безошибочнее его эстетическое чутье и, как следствие, морально-этическая оценка.

Подобное познается только подобным, поэтому о признаках породы вообще имеет право судить только породистая человеческая особь. У смешанных людей «пегие» же мысли, каноны и мораль.

Для объективной оценки стандартов расовой красоты в арсенале современной науки имеется такой точный и беспристрастный метод как **антропологическая фотография**. Работа Надежды Николаевны Цветковой «Антропологическая фотография как источник для исследования по этнической фотографии» (М., 1976) служит тому наглядной и убедительной иллюстрацией. В ней она пишет: «В результате анализа фотометрических признаков выявлено, что почти все угловые размеры лица обладают хорошими группоразграничительными свойствами. Они имеют межгрупповой размах более двух стандартов». Это означает, что величина объективных расовых различий в строении лица у представителей разных рас устойчиво превосходит ошибку при измерениях.

В целом расовая геометрия лица такова. **Европеоиды** по данным фотометрии имеют наиболее прямой профиль по верхнелицевому углу, причем последний ($83-87^0$) у них всегда больше среднелицевого (81^0), относительно небольшой угол выступания носа к горизонтали ($57-63^0$), весьма сильное выступание носа к линии профиля ($21-27^0$) и прямую верхнюю губу ($85-91^0$).

Монголоиды отличаются склонностью к мезогнатности по верхнелицевому углу и углу выступания верхней губы ($72-82^0$). У них верхнелицевой угол ($82-87^0$) всегда меньше среднелицевого ($83-88^0$). Угол выступания носа к горизонтали – наибольший ($65-72^0$) среди всех изученных групп.

Негроиды прогнатны (то есть имеют резко выступающую нижнюю челюсть) по верхне ($73-77^0$) и среднелицевому ($76-80^0$) углам и углу выступания верхней губы.

Один из крупнейших отечественных антропологов В. В. Бунак в своей статье «Фотопортреты как материал для определения вариаций строения головы и лица» (Советская антропология N2, 1959) делает такой вывод: «Известно, что опытный наблюдатель, изучая фотопортрет, может во многих случаях с достаточной точностью определить, к какой этнической группе относится изображенный индивидуум и каков его антропологический тип. Приведенные выше данные устанавливают, что по фотоснимкам можно получить не только суммарную и довольно общую характеристику антропологического типа, но и определить варианты отдельных кефалоскопических признаков, пользуясь для этого однообразной, специально разработанной методикой. Применяя такую методику, каждый исследователь имеет возможность определить вариант того или иного признака, независимо от знакомства с данным типом, не по общему впечатлению от фотопортрета, а на основании разграничительных критериев морфологического порядка».

Это вновь означает, что расовый и этнический тип – объективная реальность и поддаются точному измерению не только в общем, но и по отдельным частям портрета. Множество народных поговорок во всех частях света, обыгрывающих в ироничной форме те или иные черты лица, с обязательным их соотнесением с тем или иным расово-этническим типом, свидетельствуют о народной наблюдательности, то есть о естественности расовых предрассудков.

В современном сборнике работ «Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас» (М., 1986) обсуждаемая тема выводится уже на качественно новый уровень. Так в статье «Перспективы применения ближней стереофотограмметрии в антропологии», созданной коллективом авторов: Л. П. Винников, И. Г. Индиченко, И. М. Золотарева, А. А. Зубов, Г. В. Лебединская – говорится о том, что качественная цветная фотография позволяет выявлять все нюансы пигментации глаз, кожи, волос, а также определять межзрачковые расстояния и выступание глазного яблока. В связи с чем авторы данной разработки считают, что предлагаемый ими метод: «...открывает широкие перспективы чрезвычайно детального исследования поверхности лица человека и с большим успехом может быть использован и в этнической антропологии».

В подтверждение нашего тезиса о реальности врожденных признаков антропэстетики сошлемся на монографию Юрия Кирилловича Чистова «Дифференциация рас человека по строению медианно-сагиттального контура черепа» (М., 1983). В ней он пишет: «Результаты полученных исследований позволяют с достаточной уверенностью говорить о наличии определенных различий в форме сагиттального контура черепной коробки человека у «северных» и «южных» популяций современного человека. Внутривидовые величины этого показателя достоверно отличаются от межрасовых, т. е. представители контрастных расовых типов различаются между собой как по сумме градусных, так и линейных характеристик медианно-сагиттального контура. Одним из наиболее интересных выводов является констатация того факта, что современные крабиологические серии столь же сильно различаются по величинам градусных и линейных характеристик лобной части контура, как и по рисунку затылочного отдела».

Итак, совершенно очевидно, что расовые пропорции «черт лица» и всей головы в целом, воспринимаемые в процессе антропэстетической оценки, есть реальный факт. И факт этот является не случайным достоянием отдельных личностей, но всего народа в целом, сквозь череду поколений сохраняющим в памяти свои идеалы красоты. **Извечное деление по принципу «свой-чужой» – базовая эстетическая категория, имеющая жесткую биологическую основу.**

Основоположник **физиогномики** Иоганн Каспар Лафатер указывал на характерные особенности строения лица у представителей различных расовых и этнических групп. Выдающийся немецкий живописец Фридрих Вильгельм Шадов (1788-1862) создал целую галерею портретов национальных типов. Но фундаментальное расово-

анатомическое изучение человеческого лица началось вместе с общим развитием антропологии. Немецкий антрополог Карл Фогт (1817-1895) в книге «Человек и его место в природе» (С.-Петербург, 1866) подчеркивал: «Менее зависит от внешних условий образование лица. У хорошо сложенного европейца вы встретите гармоничное развитие трех главнейших отделов: лба, носа и нижней части лица; лоб, обыкновенно, перевешивает остальное. У других же рас вы увидите иные отношения: нос или нижняя часть лица то выступают вперед, то уходят на второй план, сообщая физиономии тот или другой особенный характер». Именно поэтому, рассматривая портреты представителей тех или иных рас, мы убеждаемся в том, что несмотря на прошествие целых эпох, характеристические племенные особенности в строении лица угадываются без труда. «Отклонения всегда встречаются у смешанных народов, тогда как первоначальная племенная чистота сохраняет у всех индивидуумов свойственную целому племени форму мягких частей, и, как нам известно, индивидуумы чистого племени более похожи друг на друга, чем в племенах смешанных».

Не только конструкция лицевой части черепной коробки придает лицу особую расовую печать, но также в значительной степени и строение мускулатуры и мягких тканей. Особый раздел антропологии, под названием **миология** исследует их расовые вариации.

Фердинанд Биркнер (1868-1944) в упоминавшейся нами книге «Расы и народности человечества» (С.-Петербург, 1914) подчеркивал: «Мускулатура лица на ряду с другими факторами обуславливает общее выражение лица, имеет значение и с точки зрения расовых анатомических особенностей. Как раз на тех местах, которые особенно важны в смысле расовой характеристики живых людей, и были найдены весьма заметные различия между европейцами и китайцами. Непосредственные измерения мягких частей лица на черепе и очертания на голове, снабженной мягкими частями, обнаруживают различия, то есть в области скуловых костей, мягкие части китайцев оказываются более толстыми, чем у европейцев, вследствие чего лишь слабо намеченное на черепе уплощение лица монголов значительно усиливается. Соответственно с этим плоское лицо монголов, по существу, обуславливается сильным развитием мягких частей лица.

У исследованных китайцев, по сравнению с европейцами, мягкие части толще у корня носа, посредине носовых костей, на скуловых дугах перед ухом и в месте наибольшего расхождения скуловых дуг, а также на самой высокой точке скуловой кости. Папуасы обнаруживают более толстые мягкие части лишь в месте наибольшего расхождения скуловых дуг и перед ухом; в остальных приведенных здесь местах мягкие части не столь толсты, как у европейцев, и тем более отличаются от их толщины у китайцев».

Было также обнаружено, что у негров по сравнению с европеоидами лучше развиты затылочные мышцы и меньше щечные, наблюдается также не полное разъединение мускулатуры между глазом и ртом и сильно развитые жевательные мышцы. Кроме того, у негров прослеживается сильное развитие и массивность поверхностных мышц головы. Различные мышечные пучки на голове негров связываются очень легко между собою, в результате чего на первый взгляд создается впечатление наличия на лице негров **сплошной мышечной пластинки**.

Вообще вся мускулатура лица у чернокожих гораздо более массивна, является более сплошной и однородной, границы мышц выступают менее ясно. У папуасов на лице также обнаруживается полное слияние мышц, чем это обыкновенно бывает у европейцев, а мускулатура между глазом и ртом почти совершенно не обладает тонкой дифференциацией.

Отсюда следует фундаментальный вывод, согласно которому все основные расы в процессе эволюции совершенно по-разному испытывали эмоции. Различия в конструкции лицевых мышц указывают именно на это.

Крупнейший итальянский антрополог и психолог Паоло Мантегацца (1831-1910), профессор Университета во Флоренции, специализировался как раз в области физиогномики и проявления эмоций. В своей книге «Физиология наслаждений» (М., 1890) он подчеркивал: «Удовольствия, развившись посреди рас, разнятся не только по степени вкушаемого ими наслаждения, но и по способу выражения наслаждений». В этом сочинении, а также в книгах «Физиономия и выражение чувств» (Киев, 1886) и «Экстазы человека» (СПб., 1890) он развил оригинальную концепцию под названием **«этнография наслаждений»**, в которой уделил большое внимание физиологическим и нравственным особенностям эмоциональной сферы у представителей различных рас.

С физиогномической точки зрения к числу важнейших расово-диагностических признаков относятся: 1) развитие надбровья, 2) высота переносья, 3) наклон лба, 4) выступание кончика носа и средней части спинки носа, губ, подбородка, 5) уплощенность лица на разных уровнях.

Основоположник целой научной школы известный советский антрополог М. М. Герасимов в своей фундаментальной монографии «Восстановление лица по черепу» (М., 1955) уже во введении подчеркивал: «Известно, что у китайцев широкие, скуластые лица по сравнению с лицами европейцев, и многие авторы отмечают различную толщину мягких тканей в точке максимальной ширины скуловых дуг, а именно: у китайцев толщина в этой точке больше, у европейцев – меньше. Для европейцев, по Гису и Кольману, эта величина равна 6,63 мм, а для китайцев, по Биркнеру, – 10,09 мм, что вполне согласуется с нашими наблюдениями».

Один из классиков немецкой антропологической школы барон Эгон фон Эйкштедт (1892-1965) в своей базовой монографии «Расология и расовая история человечества» (1937-1943) увязал особенности морфологии лица различных рас с эволюцией их развития. «В отношении сравнительной морфологии мягких частей следует упомянуть два основных явления, которые имеют эволюционное значение. Это, во-первых, наличие органа Якобсона, короткого рудиментарного прохода со слепым концом в передней нижней части носовой перегородки, выполняющего у низших видов особую функциональную задачу. Далее, интерес представляют боковые части заднего хряща, которые у прогрессивных европеоидов к концу разветвляются, а у примитивных рас, вроде меланезийцев, образуют сплошную широкую пластину. Это промежуточная форма, ведущая к человекообразным обезьянам.

Квадратный мускул у примитивных, особенно темнокожих рас тоже гораздо компактней, чем у европеоидов, у которых отдельные части волокон настолько развились, что французские анатомы вообще считают их отдельными мышцами. Небольшие поперечные ткани носовой мышцы при этом обычно сильно коррелируют с общим характером кожного покрытия мягких частей. Поэтому их толщине обычно соответствует также более сильное опускание и большая мясистость крыльев носа, иногда даже, что часто встречается у евреев и псевдоеврейского типа на Новой Гвинее, большая толщина складок век и нижней губы. У негров и палеомонголоидов немногие ткани могут совсем потеряться в губчатой соединительной ткани. Эта массивность порождает глубокие борозды у крыльев носа, которые на плоских лицах идут почти сплошной линией от угла глаза через крыло носа к нижней челюсти.

Если же мы нарисуем общую эволюционную картину того, что показывают мышцы носовой области, то здесь еще более явно выражено то же, что и в области орбит: чем выше формы, тем больше дифференциация мышц. Губы – характерный признак как индивидуального, так и расового лица, они многое говорят о психическом типе человека. Область рта – самая выразительная и показательная с точки зрения расовой физиогномики.

Если мы учтем также области орбит, носа и щек, то станет ясным общее направление эволюционного развития мускулатуры человеческого лица. Во всех случаях, чем

выше эволюционная стадия, тем выше возможности дифференциации мускульной массы. Есть лишь разные формы выражения одной основной тенденции. Таким образом, мы можем увидеть и разгадать на конкретном примере тайны и взаимосвязи происхождения видов и его конструктивные пути.

О промежуточных стадиях эволюции человека мы можем судить по атавистическим современным формам примитивных рас. У них вся мускульная масса средней части лица толще и менее дифференцирована. Недифференцированность вообще следует считать признаком примитивности. Массивные и многократно переплетенные мускульные связи до сих пор характерны для монголоидов.

Хотя утолщение губ особенно характерно для негроидов, оно более или менее часто встречается и у других рас, например, у восточных веддоидов. Очень толстые губы у южных китайцев, сравнительно узкие – у примитивных австралоидов, очень узкие – у североамериканских индейцев. Непропорционально толстая нижняя губа может быть наследственным признаком целого народа, как, например, у евреев.

Детский рот с нечеткими контурами, как у европейских детей, встречается у инфантильных примитивных рас. Контур верхней губы и ротового отверстия в форме полумесяца типичен для западных веддоидов, особенно женщин.

На нордическом профиле губы не выступают, а у южных рас выступают. С последним явлением часто связано оседание контура профиля, типичное для негров «вогнутое рыло».

Непревзойденной кладезью информации по вопросам расовой физиогномики является до сих пор книга «Язык человеческого лица» (1938) крупного немецкого анатома и врача Фрица Ланге.

Все эти и множество иных данных заложены в основу науки, **габитоскопии** – части криминалистики. Сам термин, ее обозначающий, происходит от слов «габитус» (лат.: «наружность») и «скопео» (греч.: «рассматриваю»). В точном соответствии с логикой нашего предыдущего изложения нужно отметить, что в габитоскопии используются как **объективные**, так и **субъективные** изображения внешности человека. В книге «Использование признаков внешности в работе органов внутренних дел» (М., 1993) В. А. Снеткова указывается: «Этноантропологический тип находит отражение в анатомических внешних признаках, могущих быть определенными со всей точностью. В криминалистической практике тип лица чаще всего определяется в сравнении с представителями известных групп населения».

Поэтому и получается, что вся многовековая практика судебно-криминалистического освидетельствования личности строится в точном соответствии с «расовыми предрассудками», или «врожденными антропозстетическими моделями». Закономерно будет поинтересоваться на сей счет точкой зрения либеральных антропологов, отрицающих сам факт существования «расы». Может быть, они желают отметить во всех частях света миллионы судебных решений, вынесенных на основе описаний личности обвиняемых, как юридически несостоятельные, якобы из-за отсутствия «этноантропологических типов», находящихся «отражение в анатомических внешних признаках, могущих быть определенными со всей точностью»? Тогда в угоду «ученым либералам» нужно будет принести в жертву опознания и прочие виды экспертиз, основанные на групповых, то есть именно этнорасовых признаках. В. И. Козлов в статье «Этнорасовые предубеждения и этнологическая наука» (Расы и народы, вып. 23, 1993) справедливо отмечает поэтому: «При контактах с людьми, существенно отличающимися в антропологическом отношении, этническое самосознание обычно дополняется расовым и превращается в более четкое и устойчивое этнорасовое самосознание».

Одни из ведущих отечественных антропологов А. А. Зубов и Н. И. Халдеева в своей совместной статье из сборника с характерным названием «Расы и расизм. История и современность» (М., 1991) дают такое заключение: «Значит «тип», т. е. характерная

сумма генетических и морфофизиологических признаков, маркирующая определенные группы внутри вида, – феномен вполне реальный, и стало быть, заслуживающий исследования». А современный генетик Дж. Нил заявляет, что в настоящее время любого индивидуума можно отнести к той или иной хорошо исследованной большой этнической общности с точностью до 87%. Название книги А. Ф. Назаровой и С. М. Алтухова «Генетический портрет народов мира» (М., 1999) также говорит само за себя, ибо в ней дается подробная характеристика частот генов во всех основных и даже многих реликтовых популяциях человечества. Наконец, знаменитая Таблица генетико-лингвистических расстояний между народами американского генетика Луиджи Кавалли-Сфорца окончательно иллюстрирует объективность различий между биотипами. Поэтому в свете заявленной темы будет небесполезно обратиться к забытому пласту антропологии, который также указывал на объективность возникновения расовых предрассудков.

3. Основы расовой морали

Антропология рубежа XIX и XX веков, не владея методами генетического и биохимического контроля, тем не менее, именно в части описательной статистики внешних морфологических различий, на которых собственно и базируется наше антропоэстетическое и морально-этическое отношение к иноплеменникам, стояла на очень высоком уровне. Сама постановка задачи в плане выявления и описания расово-биологических различий между представителями разных народов была много конкретней, чем в современной этнической антропологии. Научный поиск той эпохи был направлен не как сейчас – на стирание различий, но, напротив, на их усиление и обособление, что придавало максимальную конкретность и наглядность всем аспектам расовой диагностики. Еще раз подчеркнем, что описательные и статистические методы той эпохи несколько не устарели, как не устарели до сих пор уравнения знаменитого немецкого математика Карла Фридриха Гаусса (1777-1855), с помощью которых современные генетики проводят свои вычисления.

Наша русская антропология докоммунистической эпохи также не является исключением в этом плане. Ее основателем, по общему мнению, принято считать Анатолия Петровича Богданова (1834-1896), которого официальная марксистская наука причисляла к стойким «борцам с расизмом». Правда, на чем она основывала свою классовую убежденность, не совсем понятно, так как Богданов совершенно в духе своего времени утверждал, что «череп, даже в своих племенных признаках, представляет нечто постоянное». Пусть это и не расизм, но и до пресловутого интернационализма здесь далеко.

Цель одного из главных сочинений А. П. Богданова «Антропологическая физиогномика» (М., 1878) как раз и состояла в том, чтобы поставить определение «характерных русских черт лица» на научную основу: «Для современного антрополога-натуралиста изучение человека вообще не есть ближайшая задача, это дело анатома, физиолога, психолога и философа. Для него важны те вариации, которые в своей форме и в своем строении представляют племена, и важны постольку, поскольку они дают возможность различать и группировать эти племена, находить в них различия и сходства для возможности естественной классификации их, для воссоздания того родословного древа, по которому они развивались друг от друга под влиянием различных причин. Для своих целей антропологическая физиогномика ставит иногда на значительное место при своих заключениях такие признаки, кои не важны для физиогномиста вообще, как например, цвет волос и глаз». Таким образом, по мнению основателя русской антропологической школы, антрополог известного уровня квалификации прежде всего являлся расологом, все остальное – дело подмастерьев из числа «физиологов и философов». Расово-биологический приоритет здесь совершенно очевиден.

Определившись с ценностями, Богданов столь же категоричен и в вопросах выбора методологии: «Изучая мопса или пуделя, для зоолога интересны не случайные разновидности его, происшедшие от тех или других внешних условий, а то более постоянное сочетание, которое одно дает ему возможность составить себе представление о мопсе или пуделе, как представителях естественных групп или рас. Он знает, что в генетических теориях признаки не считаются, а взвешиваются по их значению; они классифицируются не по своей численности, но по своей ясности проявлений, по проявленности его. В данном случае зоологу в каждой особи важно то, что дает указание на влияние расы. То же мы имеем и в смешанных племенах человека; те же затруднения, те же цели встречаем мы при изучении их антропологических свойств».

Вторая часть монографии посвящена уже непосредственно антропологической физиогномике русского народа. А. П. Богданов утверждает: «Мы сплошь и рядом употребляем выражения: это чисто **русская красота, это вылитый русак**, типично русское лицо. Может быть, при приложении к частным случаям этих выражений и встретятся разногласия между наблюдателями, но, подмечая ряд подобных определений русской физиогномии, можно убедиться, что не нечто фантастическое, а реальное лежит в этом общем выражении **русская физиогномия, русская красота**. Это всего яснее выражается при отрицательных определениях, при встрече физиогномий тех из родственных племен, кои исторически сложились иначе, например, инородцы, и при сравнении их с русскими. В таких случаях, **нет, это не русская физиогномия** звучит решительнее, говорится с большим убеждением и большей убежденностью. В каждом из нас, в сфере нашего «бессознательного» существует довольно определенное понятие о русском типе, о русской физиогномии».

Как видите, классик русской антропологии за сто лет до возникновения антропэстетики обосновал все ее основные положения. Уместно будет также процитировать в этой связи слова русского этнографа и историка Н. И. Надежина, сказанные им еще в 1837 году: «Физиогномия Российского народа, в основании Славянская, запечатлена естественным оттенком северной природы. Волосы русые, отчего в старину производили самое имя Руси».

Далее методами исторической этнографии Богданов доказывает, что колонизация Сибири в принципе не могла оказать на русский народ пагубного влияния. Расовое смешение прежде всего не могло иметь места по причине разницы пропорций этносов, приходивших в соприкосновение, а также из-за кардинального различия в их биологической стратегии выживания. С началом колонизации огромные массы расовооднородного русского населения хлынули на территории, заселенные разноплеменными аборигенами, не имевшими ни расовой, ни политической консолидации. Численный перевес, скоординированность действий, агрессивность отличали действия русских. Вырезая местное мужское население и овладевая туземными женщинами, русские колонизаторы, прокатываясь волна за волной по бескрайним просторам Евразии, неизбежно увеличивали процент нордической крови в местном населении от поколения к поколению, в точном соответствии с законами Менделя. Административная и судебная системы во вновь колонизируемых областях, сам характер хозяйственной деятельности, а также русская православная церковь многократно усиливали процесс русификации коренного населения, причем не столько в культурном отношении, сколько именно в антропологическом. Миф о «мирном освоении Сибири» – позднее изобретение коммунистической пропаганды. Перечень племен, исчезнувших с лица земли всего за двести-триста лет русской экспансии, весьма внушителен. Ни одно либерально-демократическое мышление не в силах изменить принципы борьбы за существование. Русские летописи, путевые заметки купцов, офицеров и просто «лихих людей» хранят свидетельства того, что отдельные племена добровольно отдавали молодых женщин плодородного возраста, едва завидев белых завоевателей.

Влияя на чужую кровь, русские колонизаторы при этом берегли свою, так как их женщины и дети оставались в метрополии. Несколько веков такого «интернационального миролюбия» смыли почти все остатки расово-этнической самобытности автохтонов с гигантских территорий. «Государев человек», купец и православный священник великолепно дополняли друг друга, координируя действия военных отрядов, экономических факторий и церкви, что позволяло держать под контролем местное разрозненное население. Кстати, завоз водки и табака к монголоидным племенам Сибири, для коих они губительны, был санкционирован именно православным духовенством. Использование коренного населения, более слабого телосложения, на рудниках, копях и во время навигации на северных реках также подрывало его расовые силы в противостоянии с русскими. Кроме того, **исконная русская мораль** была цементирующим фактором, делавшим стремительную ассимиляцию населения Сибири необратимой. А. П. Богданов продолжает: «Может быть, многие и женились на туземках и делались оседлыми, но большинство первобытных колонизаторов было не таково. Это был народ торговый, воинственный, промышленный, заботившийся зашибить копейку и затем устроить себя по своему, сообразно созданному себе собственному идеалу благополучия. А этот идеал у русского человека вовсе не таков, чтобы легко скрутить свою жизнь с какою-либо «поганью», как и теперь еще сплошь и рядом честит русский человек иноверца. Он будет с ним вести дела, будет с ним ласков и дружелюбен, войдет с ним в приязнь во всем, кроме того, чтобы породниться, чтобы ввести в свою семью инородческий элемент. На это простые русские люди и теперь еще крепки, и когда дело коснется до семьи, до укоренения своего дома, тут у него является своего рода аристократизм. Часто поселяне различных племен живут по соседству, но браки между ними редки, хотя романы часты, но романы односторонние: русских ловеласов с инородческими камеями, но не наоборот».

Наконец, Богданов делает и следующие весьма важные выводы относительно полового участия в расовом смешении: «Женщина, сравнительно более высокого развития, более высокой расы, редко снизойдет до представителя расы, считаемой ею за ниже стоящую. Помеси европейцев с неграми крайне редки и принадлежат к случайным, можно сказать эксцентричным явлениям, но негритянки и мулатки падки до европейцев».

Чем «ниже» раса, тем распушеннее ее женщины, что объясняется и современными данными эволюционной теории пола и биологии поведения. Они просто воруют таким образом у «высших» рас недостающие гены.

Чувство собственного достоинства в сфере секса – это индикатор биологической самооценности.

Русский этнограф граф А. С. Уваров в этой связи, основываясь на личных впечатлениях, например, крайне негативно высказывался о слабости нравов мордовских женщин.

Выдающаяся заслуга А. П. Богданова состоит также и в том, что он первым еще в 1867 году составил «Антропологический альбом русского народа», демонстрировавшийся на международных выставках. Таким образом, за много лет до современного бурного развития антропозстетики он обосновал не только ее теоретическую часть, но и приступил к систематизации практического материала, именно с целью выявления «типично русских лиц», в связи с чем антропологическому анализу им впервые были подвергнуты и русские народные песни. Русский расовый идеал красоты, как и следовало ожидать, не заставил себя долго искать. «Молодая, разумная, без белил лицо белое, без румян щеки алые», – поется о русской девушке, или: «Тонка, высока, тоненька, белешенька». О русском молодце: «Приглядывали красны девицы за румяным молодцем. Русы кудри по плечам лежат, брови черные, что у соболя».

Подобным художественным описаниям из русского фольклора нет числа, что лишний раз говорит в пользу объективности выводимого современной антропозстетикой суммарного индекса аутоидентификации (AI) для русского народа, как и для любого другого.

Основоположник **евгеники** англичанин Фрэнсис Гальтон (1822-1911) также предложил создавать обобщенные карты красоты по географическим местностям. Его инициатива относится к 1883 году, а немецкая антропозстетическая программа вообще возникла только в 1926 году.

Еще раз подчеркнем, что ясность постановки задачи и доступность изложения в русской дореволюционной антропологии сочеталась с высокой гражданской позицией, чего мы почти не наблюдаем в современной науке, стыдливо прикрывающейся жупелом усредненного гуманизма, конвертируемого произвольно. Дореволюционная русская антропология, так же как и иные национальные школы, была глубоко патриотичной и расово-ориентированной, при этом нисколько не теряя научной объективности.

С. И. Луценко в своей статье «Общественная среда, как фактор развития и красоты человеческого лица» (Русский антропологический журнал, N1, 1900) писал: «Красота живого лица зависит в значительной степени от той или иной формы костного черепа. Череп, как и живое лицо, может представлять высшие и низшие формы, красивые и некрасивые. Именно такова связь морфологии человеческого лица со степенью сплоченности и цивилизации человеческих сообществ. И его красота не создана нашей фантазией, она имеет реальное объективное значение, потому что связана своим происхождением с наиболее высокими функциями человечества – нравственным и общественным».

Таким образом, следуя логике отечественной антропологии, признав эстетическую и ценностную самодостаточность этнического стандарта красоты, мы слой за слоем разбираем морфологию строения лицевых мягких тканей, а затем приступаем к изучению собственно «племенных особенностей черепа». Поэтому «нравственные и общественные» оценки красоты человеческого лица постепенно приобретают строгое антропологическое измерение. **Расово-этническая мораль также имеет свою физическую базу.**

4. Краниологические признаки эволюционной ценности рас

Продолжая цепь наших рассуждений, считаем закономерным обратиться к подлинному шедевру русской **краниологии** – работе Дмитрия Николаевича Анучина (1843-1923) «О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам» (М., 1880). Основываясь на богатейшем международном опыте, а также на результатах собственных практических наблюдений, он создал интереснейшее научное исследование с глубочайшими, далеко идущими обобщениями, правоту которых мы без особого труда можем наблюдать и по сей день.

Изложение своей концепции Анучин начинает с описания **птериона** – небольшого участка поверхности черепа, на каждой из боковых сторон которого, в височной ямке, сходятся четыре кости: лобная, теменная, височная и основная.

Следует оговориться, что мы не будем утомлять читателя деталями краниологического анализа, всецело доверяя авторитету маститого ученого, и поэтому считаем вполне уместным ограничиться выводами, которые имеют место в этом обстоятельном сочинении. Прежде всего начать нужно с того, что участок птериона является хорошим расово-диагностическим маркером, ибо различные виды его аномалий в частотном отношении у больших человеческих рас имеют разницу в 4-8 раз. Столь существенные различия наглядно показывают, что представители основных человеческих рас крайне несходны по темпам динамического роста соответствующих участков черепа, а также и самого головного мозга, ибо еще классической школой антропологии Иоганна Фридри-

ха Блюменбаха (1752-1840) было выявлено, что именно развитие мозга задает формирование черепа человека, но никак не наоборот. Ее представитель Сэмюэль Томас Зоммеринг (1755-1830) писал: «Надо полагать, что природа формирует черепные кости так, чтобы они могли приспособиться к мозгу, но не наоборот».

В частности, лобная и височная кости покрывают именно те участки мозга, что ответственны за высшие психические функции и абстрактное мышление. Но именно у представителей так называемых «низших» рас их развитие завершается быстрее, чем у представителей «высших» рас, что находит соответствующее отражение в преждевременном срастании этих костей. Частота тех или иных аномалий птериона по Анучину стоит в прямом соответствии с интеллигентностью расы как таковой. Ускоренная программа развития этих фрагментов мозга у «низших» рас позволяет соответствующим костям черепа быстрее зарости, что и находит отражение в их культурной отсталости.

Из всех остальных аномалий черепа, каковых насчитывается значительное количество, наиболее показательным в плане социальной антропологии является **метописм**.

Под метописмом понимают шов, образовавшийся на месте соединения двух половин лобной кости. Этот лобный шов зарастает у большинства новорожденных младенцев, но у некоторых индивидов сохраняется на всю жизнь. Вот именно эта-то аномалия черепа и является отменным расово-диагностическим и, как следствие, социокультурным маркером. Именно лобные доли мозга, отвечающие за высшие проявления человеческой психики и интеллекта, у некоторых индивидуумов в процессе начальной фазы роста оказывают повышенное давление на соответствующие отделы лобной кости, раздвигая их, что, в свою очередь, и вызывает появление лобного шва под названием метописм. Многие современные либерально настроенные антропологи тщетно пытаются затемнить дело в этом достаточно ясном вопросе, ибо развитие фрагментов черепа протекает в соответствии с постулатами такой точной инженерной дисциплины, как **сопротивление материалов**. И никакие гуманистические спекуляции не смогут стереть физическую границу, разделяющую «низшие» и «высшие» расы. По наблюдениям Анучина, метописмические, то есть с лобным швом, черепа имеют вместимость на 3-5% большую по сравнению с обыкновенными. Далее, анализируя частоту возникновения метописма у разных рас и народов, он делает такой вывод: «Таблица результатов наблюдений показывает, что у европейцев лобный шов встречается много чаще, чем у других рас. В то время, как для различных серий европейских черепов процент метописма найден варьирующим от 16 до 5, серии черепов низших рас в большинстве случаев только 3,5-0,6 процентов. Известное соотношение существует, по-видимому, между наклоном к метописму и интеллигентностью расы. Мы видим, например, что во многих расах более интеллигентные племена представляют больший процент метописмических швов. У высших представителей монгольской и белой рас он выражается цифрой, по крайней мере в 8-9 раз большею, чем у австралийцев и негров».

Эти заявления одного из мэтров русской антропологии никак не могут быть отнесены к категории расистских, ибо Институт Антропологии Академии Наук Российской Федерации сегодня гордо носит имя Дмитрия Николаевича Анучина, а вышецитированная работа является его докторской диссертацией.

Таким образом в антропологии и возникла целая самостоятельная **теория эксцентрического давления мозга**, призванная объяснить сам факт неравномерности распределения метописмического шва у различных рас, на основе их неодинаковой природной интеллектуальной одаренности. Сторонники этой концепции считают, что причиной метописма является усиленное давление мозговых полушарий на стенки черепа, в особенности на лобную кость, что и создает в результате препятствие для своевременного зарастания лобного шва. На основе статистических данных было сделано обобщение, согласно которому индивиды с сохранившимся лобным швом обладают большей массой мозга, причем это увеличение является не только абсолютным, но и относитель-

ным, то есть не связанным с увеличением размеров тела. Сохранение лобного шва в свою очередь сказывалось в более высоком уровне психических и интеллектуальных способностей данных индивидов. Наиболее яркими представителями теории эксцентрического давления мозга были такие крупные антропологи, как Жорж Папийо (1863-?), Георг Бушан (1863-1942), Марциано Лимсон (1893-?).

Статья В. В. Масловского, помещенная в «Русском антропологическом журнале» за 1926 год, том 15, вып. 1-2, носит название «О метопизме». В ней автор также ясно пишет: «Таким образом на явление сохранения лобного шва у человека можно смотреть как на явление, связанное с совершенствованием его организации. Такая расчлененность черепа на парные лобные кости является благоприятным фактором как для содержимого черепа, так и для него самого. Рост последнего в различных направлениях происходит благодаря наличию швов».

Давление растущего мозга, генетическая программа которого рассчитана на длительный рост, приводит к образованию лобного шва, называемого метопизмом. Мозг, развивающийся по укороченной программе, дает гораздо меньшую вероятность его возникновения. Именно по этому признаку расы и можно подразделить на «высшие» и «низшие».

Среди зарубежных ученых, занимавшихся аномалиями черепа в контексте данной расовой систематики, нужно выделить, помимо упоминавшихся, еще такие имена: Венцель Леопольд Грубер (1814-1890), Иоганн Ранке (1836-1916), Герман Велькер (1822-1897), Йозеф Гиртль (1811-1894), Паоло Мантегацца (1831-1910).

Известный шведский антрополог и анатом, профессор Стокгольмского университета Вильгельм Лехе (1850-1927) в своей книге «Человек, его происхождение и эволюционное развитие» (М., 1913), суммируя многочисленные исследования в разных странах в области аномалий швов черепа, давал такое ясное и обстоятельное резюме: «Очень сильную опору того мнения, что культурный уровень стоит в связи с развитием головного мозга, а последний – с развитием мозговой капсулы, является следующий факт. Обычно парно закладывающиеся лобные кости срастаются у человека в одну кость на 1-2 году жизни. Реже это срастание останавливается на такой стадии, что лобные кости остаются в течение всей жизни разделенными лобным швом. Точными исследованиями доказано, что это срастание задерживается давлением изнутри, благодаря росту лобных долей головного мозга. Именно благодаря сильному росту этой части головного мозга обе лобные кости раздвигаются между собой, и продолжающееся окостенение не может восполнить промежутка между ними. Далее можно считать доказанным, что передняя часть мозговой коробки обыкновенно бывает больше у черепов с сохраняющимся лобным швом, нежели у таких, у которых лобные кости срастаются. Что сохранение лобного шва действительно обыкновенно является **критерием умственного превосходства** должно следовать из того, что черепа с этой особенностью чаще встречаются у цивилизованных народов, нежели у диких. В связи с этим я хочу упомянуть, что до сих пор не было описано ни одного черепа человекообразной обезьяны с сохраняющимся лобным швом».

Крупный немецкий антрополог того же времени Георг Бушан (1863-1942) в своей известной книге «Наука о человеке» (М., 1911) подчеркивал: «Метопизм составляет принадлежность высших рас. Метопические черепа обладают большим весом, более сложным строением швов, более продолжительным незарастанием последних. Низшие расы дают меньший процент таких черепов, чем вышестоящие, так называемые культурные народы. Кроме того, метопические черепа абсолютно не выказывают каких-либо низших признаков, а скорее такие, которые можно считать за морфологически высшие, то мы вынуждаемся к заключению, что метопизм следует признать явлением высшего морфологического порядка, видеть в нем скорее прогресс, чем регресс. Причина его заключается не в патологической слабости лобной кости, но единственно в

большем давлении на нее изнутри, со стороны более развитых мозговых полушарий, именно их лобных долей. Так как большей вместимости черепа должно соответствовать и увеличение объема его мозга, и так как большой вес мозга, в особенности в лобной части, обыкновенно служит признаком высшего интеллектуального развития, то само собой напрашивается и дальнейшее заключение, что обладатель метопического черепа должен отличаться сравнительно большим развитием духовных способностей».

Другой мэтр классической немецкой антропологии, специализировавшийся как раз в области сравнительной морфологии Ойген Фишер (1874-1967) в своем фундаментальном учебнике «Антропология» (1923) указывал: «Расовые различия в частоте метопизма связаны с разной емкостью мозга. Мы встречаем его, например, у немцев – 12,5% случаев, на черепах, найденных в Помпеях – в 10,5%, у древних египтян – в 7%, у негров – в 1% случаев. У человекообразных обезьян сохранение лобного шва – очень редкое явление».

Испанский ученый Хуан Комас в своей диссертации «К изучению метопизма» (1942) совершенно в том же духе свидетельствовал: «Анучин одним из первых выдвинул гипотезу о прямой связи между метопизмом и интеллектом, то есть черта чаще встречается у высших рас и, следовательно, ее можно считать чертой прогрессивной эволюции, свидетельствующей о тенденции организма к модификации своего обычного типа черепа».

Определив ценность данного краниологического признака в его прошлом и настоящем, ученые предприняли также смелую попытку обоснования его эволюционной значимости и в будущем. Русский антрополог П. П. Сушкин еще в 1915 году первым высказал мысль, что если нередкие случаи сохранения лобного шва у взрослых людей связаны с постепенным увеличением размеров лобных долей головного мозга, то следовательно у человека будущего, который будет обладать очень большим мозгом, лобный шов также будет являться нормальным явлением. Кроме того, принимая во внимание изыскания своих предшественников в области распределения метопизма по расам и учитывая его повышенную встречаемость именно среди «высших» рас, П. П. Сушкин в своей работе «Обратим ли процесс эволюции?» (Новые идеи в биологии, N8, 1915) подчеркивал, что «частота метопизма в культурном человечестве будет возрастать и далее. Таким образом, из вида *homo sapiens* на наших глазах выделяется раса, отличающаяся известным морфологическим признаком».

Именно так в научной литературе впервые был описан один из важнейших антропологических признаков **грядущего сверхчеловека**. Данная новаторская концепция в отечественной науке нашла свое продолжение в следующих трудах: В. М. Шимкевич «Будущее человека с точки зрения натуралиста» (Берлин, 1923), А. П. Быстров «Прошлое, настоящее, будущее человека» (Ленинград, 1957).

5. Физические критерии умственного превосходства

Рудольф Вирхов (1821-1902) в конце XIX века проделал огромную работу по территориальному распределению обилия краниологической информации, собранной Немецким антропологическим обществом, в результате чего была составлена знаменитая «Карта распространения метопизма в Европе». Одной из самых густонасыщенных этим признаком зон оказалась Бавария.

Нет надобности впадать здесь в узконемецкий шовинизм, тем более в его русском исполнении. Легко догадаться, что традиционно высокий уровень культуры, благосостояния и национального самосознания в этой немецкой области сопряжен именно с высокой частотой встречаемости метопического шва, который для всех баварцев составляет в среднем 12%. Знаменитый советский антрополог Г. Ф. Дебеч, исследуя захоронения X-XII веков под Псковом и Новгородом, установил частоту встречаемости в

них метопизма на уровне 14%. Вот вам и разгадка возникновения первого в Европе парламента – Новгородского Вече. Вот вам и традиционно высокий уровень грамотности и патриотизма псковичей (из которых, к стати, до сих пор набирают элитные части парашютно-десантных войск). Для всех жителей городов, входивших в северный европейский торговый и политический союз – Ганзу, согласно результатам раскопок, характерны высокие показатели этого расово-диагностического признака. Сегодня в Средней и Северной Европе существуют зоны, в которых его частота иногда доходит до 16,5%, и для представителей нордической расы эта величина всегда заметно выше, чем у других европеоидов.

Известный советский антрополог М. И. Урысон в своей статье «Метопизм у человека» (Советская антропология, N1, 1959), избегая резких выводов, тем не менее, приводит поистине уникальные факты, хорошо подтверждающие базовые постулаты классической расологии. В результате раскопок было установлено, что частота встречаемости метопического шва в краниологических сериях составляет: 24% для индейцев Америки и 26% для этрусков. Вот вам и элементарное объяснение причин возникновения высоких культур ацтеков, майя в Новом Свете и ядра римской культуры в Европе, заложенной небольшим по численности, но уникальным по своей одаренности племенем этрусков.

Как видите, в ходе наших обобщений мы вовсе не склонны предаваться узкоевропейскому чванству, подтасовывая факты. Напротив, на основе имеющихся данных можем констатировать, что, по крайней мере во времена своего культурного расцвета, коренное население Америки также являло собой яркий и неоспоримый образчик принадлежности к «высшей» расе.

Таким образом, со всей очевидностью можно заключить, что любые данные социологии есть всего лишь следствие биологии, но никак не наоборот. Ни среда, ни воспитание никогда не сделают из «неметопического» народа «метопический». Существуют расы, которые с исторической и эволюционной точек зрения являются «лауреатами метопического шва», а есть приближающиеся к человекообразным обезьянам по частоте возникновения этого признака.

Наконец, даже такое светило антропологии, как В. В. Бунак в статье «О гребнях на черепе приматов» (Русский антропологический журнал, том 12: книга 3-4, 1922) писал: «Аномальный лобный шов у человека наблюдается чаще у культурных рас, что связывается с увеличением головного мозга и возрастающим его давлением на лобную кость».

Вообще справедливости ради нужно отметить, что в первые годы своего существования советская наука не стеснялась увлекаться классическими антропосоциальными теориями. Соответствующую постановку вопроса можно обнаружить, например, в работе С. Г. Шмерлинга «К вопросу о национальных и социальных различиях в размерах головы» (Русский антропологический журнал, том 18, книга 3-4, 1929).

Известный немецкий антрополог Карл Фогт (1817-1895) в своей книге «Человек и его место в природе» (С.-Петербург, 1866), обобщая данные современной ему науки, утверждал: «Негрский череп относительно срастания своих швов следует другому закону, чем череп белого; что его передние швы, лобный и венечный, как у обезьяны, срастаются очень рано, гораздо раньше задних, тогда как у белого человека порядок срастания швов совершенно обратный. Если же так, то нет особенной смелости в предположении, что в мозге негра, может быть, существует тот же обезьяний ход развития, который доказан в его черепе».

Другой известный немецкий антрополог Роберт Видерсгейм (1848-1923) позднее подтвердил эту точку зрения, подчеркнув в своей книге «Строение человека со сравнительно-анатомической точки зрения» (М., 1900): «Грациоле показал, что швы у высших рас исчезают в другой последовательности, нежели у низших. У последних, как у обе-

зьян, процесс всегда начинается спереди, с лобной области черепа, то есть на границе лобных и теменных костей, и отсюда идет назад. Само собою разумеется, это отражается на рано наступающем формировании передних долей головного мозга, которая у высших (белых) рас, где лобно-теменной шов облитерируется после затылочно-теменного, могут развиваться еще далее. Это должно быть поставлено в связь с умственным различием племен».

Много позднее известный советский генетик Николай Петрович Дубинин в книге «Что такое человек?» (М., 1983) в политически корректной форме изложил сходный комплекс идей: «Мозг человека обладает генетически детерминированными свойствами. Для нормального развития мозга нужна нормальная генетическая программа. Доказано, что 5/6 мозга формируется у человека после рождения. Эта непрерывная биологическая преемственность на протяжении истории человечества обеспечивается наличием в генетической программе каждого индивида типологических черт. Человек обладает определенными биологическими свойствами, специфика которых проявляется на молекулярном, клеточном, организменном и популяционном уровнях».

Поэтому и получается, что с точки зрения логики развития науки о человеке ученые конца XIX века, еще не имея методов и результатов исследований современной молекулярной биологии и нейробиологии, в аномалиях черепа видели закономерные расово-диагностические маркеры, характеризующие взаимосвязь культуры расы и специфики строения мозга ее представителей.

Первыми антропологами, попытавшимися поставить культурные способности в соответствие с объемом черепа, были Рудольф Вирхов, Поль Брока (1824-1880), Адольф Бастиан. На основе этих идей и возникла на рубеже XIX и XX веков школа классической **антропосоциологии** известных ученых Жоржа Ваше де Лапужа (1855-1936), Отто Аммона (1842-1916) и Людвига Вольмана (1871-1907), действовавших с большим размахом и смелостью.

В блестящей книге «Политическая антропология» (М., 2000) Вольмана было указано: «Судьба человеческого рода тесно связана с кубическими дюймами мозговой массы, и история человечества внесена в эту массу, как в большую книгу, полную иероглифических знаков».

Карл Фогт также считал: «Найдено, что для развития умственных способностей человеку необходим известный минимальный определенный вес мозга, за которым начинается идиотизм, ограниченность, слабоумие».

Основоположник русской антропологии Анатолий Петрович Богданов еще в 1865 году отмечал: «Известно, например, что у негров окостенение и спайка швов черепа происходит гораздо раньше, чем у белых; что у последних спайка всего чаще начинается швами задней доли черепа, тогда как у негров обыкновенно она проявляется прежде всего на передних швах и потом уже переходит на задние. Важность этих признаков, имеющих следствием более раннюю или позднюю остановку роста той или другой части мозга, очевидна для каждого, в особенности если принять в соображение, что человек составляет единственный пример в ряду существ, у которых мозг продолжает расти и после юности. Если время и порядок последовательности окостенения швов черепа изменяются по расам, то становится весьма вероятным, что изучение окостенения реберных или грудных хрящей, хрящей гортани, позвоночника и даже таза, даст **этнические различия**».

Профессор Иван Алексеевич Сикорский (1842-1919) в своей монографии «Всеобщая психология с физиогномикой» (Киев, 1904) аналогично утверждал: «Черная раса принадлежит к наименее одаренным на земном шаре. В строении тела ее представителей заметно более точек соприкосновения с классом обезьян, чем в других расах. Вместимость черепа и вес мозга черных меньше, чем в других расах, и соответственно тому духовные способности развиты меньше. Негры никогда не составляли большого госу-

дарства и не играли руководящей или выдающейся роли в истории, хотя были в отдаленные времена гораздо больше распространены численно и территориально, чем впоследствии. Наиболее слабую сторону черного индивидуума и черной расы составляет ум: на портретах всегда можно заметить слабое сокращение верхней орбитальной мышцы, и даже эта мышца у негров анатомически развита значительно слабее, чем у белых, между тем она является истинным отличием человека от животных, составляя специальную человеческую мышцу».

Упомянутый нами выше Георг Бушан подтвердил все выводы Д. Н. Анучина в отношении расово-разграничительной функции участка птериона. Он указывал: «Птерион представляет собой зону соединения височной, лобной, теменной и клиновидной (основной) кости. Обычно верхний край большого крыла основной кости доходит до передне-нижнего края теменной кости, отделяя височную кость от лобной; имеющиеся здесь швы образуют тогда фигуру в роде буквы «Н». Но изредка бывает, что от переднего края височной кости отходит вперед отросток, соединяющийся швом с лобной костью. У высших рас этот отросток очень редко встречается. У европейцев в 1,6%, у монголов и малайцев в 3,7%, у низших рас, наоборот он сравнительно част, так у черной расы до 13%, у австралийцев до 15,6%, у папуасов до 8,6%. Такое отношение говорит за то, что соединение височной кости с лобной посредством отростка должно рассматриваться как низшее (питекоидное) образование, и это тем более, что мы встречаем его постоянно у гориллы, шимпанзе и у большинства других обезьян. «Ойген Фишер также писал: «Иногда между этими четырьмя костями, которые образуют область птериона, имеется соединительная кость. У низших рас лобная кость и височная кости вступают в контакт гораздо чаще, чем у высших. Мы наблюдаем это, например, у европейцев – 1,5% случаев, у монголов – в 3,8%, у австралийцев – в 9%, у негров – в 11,8%, у гиббонов – в 13,7%, у орангутангов – в 33,6%, у шимпанзе – в 77%, у горилл – 100%. Несомненно, что наличие лобно-височного шва в большой мере зависит от относительной величины мозга. Чем сильнее мозг распирает череп, тем больше будут расходиться лобная и височная кости, тем реже они смогут соединиться в шов».

В строении черепа человека заметно множество иных расово-диагностических маркеров, обладающих хорошим дискриминантным эффектом. Крупный немецкий антрополог Роберт Видерсгейм в связи с этим писал: «Носовые кости, обыкновенно остающиеся раздельными, иногда срастаются в одну кость, и это встречается гораздо чаще у низших рас, чем у высших. Так как, такое срастание нормально для обезьян, вероятно, мы имеем в нем у человека одно из атавистических явлений. У шимпанзе оно настает уже на втором году жизни».

Другой русский антрополог профессор А. И. Крюков уже в советское время, в 1926 году издал работу с характерным названием «О дегенерации черепа». В ней он указывал: «Занявшись исследованием черепа, мне пришлось наблюдать часто встречающиеся изменения, как признаки дегенерации, преимущественно в строении черепа и менее – в других органах». Видя закономерную связь между строением черепа и мозгом индивида, автор данной работы уместно цитирует классика русской психиатрии С. С. Корсакова (1854-1900), который в своей книге «Курс психиатрии» (М., 1901) высказывал следующую мысль: «Хотя анатомические изменения черепа нельзя считать непосредственною причиною душевных заболеваний, но они в большинстве случаев указывают на направленность физиологических процессов в черепе, обуславливающую молекулярные изменения в нервных клетках коры».

Логический вывод в работе Крюкова поэтому прост и закономерен: «Все дегенеративные изменения, по-видимому, связаны с преждевременными сращениями черепных швов». Характерно, что автор не стесняется в своей работе переносить выводы, сделанные им для отдельных индивидов, на более обширные и сложные по составу человеческие группы. Статья В. В. Бунака «Антропологическое изучение преступника, его со-

временное положение и задачи» (М., 1926) в принципе опирается на те же факты и приводит нас к аналогичным выводам, соответствующим взглядам Чезаре Ломброзо (1835-1909) – основателя школы **криминальной антропологии**: наследственная дегенерация и предрасположенность к совершению преступлений взаимосвязаны.

6. Социальная проекция срастания швов черепа

Однако теперь, выстраивая в ряд всю совокупность умозаключений цитированных нами антропологов, психиатров и криминологов, мы приходим к закономерному обобщению: **в человеческом сообществе, состоящем из различных расовых групп, наибольший процент преступлений приходится на те из них, у которых в силу их наследственной обусловленности наблюдается больший процент преждевременного сращения всех черепных швов.**

Современное так называемое мультикультурное общество, пропагандирующее межрасовый интернационал (хаос крови) – тому идеальный пример, ибо в странах Западной Европы и США максимальный процент преступности приходится на представителей негроидной расы и иных темнопигментированных расовых групп. В цивилизованном мире цвет преступности уже давным-давно не белый, и ни один филантроп не посмеет оспорить этот факт, официально документируемый ежедневными сводками Федерального бюро расследований США.

В данном вопросе автор этих строк никак не претендует на первенство. Ибо эти положения криминальной антропологии были выведены крупным отечественным ученым профессором Виктором Николаевичем Звягиным еще 1970-е годы; а также сегодня подтверждены криминологом Сергеем Алексеевичем Никитиным коллекцией черепов антисоциальных элементов, у которых в основной своей массе была обнаружена наследственная ромбовидная деформация черепа, и очень низкая для европеоидной расы (всего 1%) частота встречаемости метопического шва. Шведский антрополог Вильгельм Лехе в своей книге «Человек, его происхождение и эволюционное развитие» (М., 1913) писал в этой связи: «Сравнительное исследование человеческого черепа установило, что все его составные части происходят непосредственно от того, что имеется у низших позвоночных».

Существуют и этнографические подтверждения. Два английских путешественника в начале XIX века оставили характерное свидетельство: «Готтентоты и особенно бушмены нравственно и физически только немного отличаются от орангутанга. Африка южнее 10 градуса обитаема только людьми, ум которых темен, как их кожа, и строение их черепа делает утопической мечтой всякую надежду на их будущее улучшение».

Крупнейший русский расолог В. А. Мошков в своей монографии «Новая теория происхождения человека и его вырождения» (Варшава, 1907) писал: «По своим душевным способностям негритенок не уступает белому ребенку, он так же способен к учению и так же понятлив, как белый. Но как только наступает роковой период возмужалости, то вместе со сращением черепных швов и выступанием вперед челюстей у них наблюдается тот же процесс, как у обезьян: индивидуум становится неспособен к развитию. Критический период, когда мозг начинает склоняться к увяданию, наступает гораздо раньше у негра, чем у белого, именно за это говорит более раннее срастание швов черепа у негра». В связи с чрезвычайно важностью специфики зарастания швов черепа у представителей различных рас, а также наглядности и неоспоримости этого расово-диагностического признака в исследовании социокультурных процессов, профессор В. Н. Звягин предложил использовать удачное название – **сутурология** – наука об исследовании рисунков черепных швов.

В общественной жизни мы наблюдаем подтверждение следующего незыблемого правила: **чем «ниже» с эволюционной точки зрения социальная или расовая груп-**

па, тем быстрее происходит сращение швов на черепе у ее представителей и тем быстрее прекращается у них запрограммированное развитие мозга, что является одной из основных причин их антисоциального поведения при попадании в лоно распространения другой, более «высокой» расы.

Это правило подтверждается статистическими исследованиями криминальной антропологии, а также полностью совпадает с выводами неврологии, что и засвидетельствовано в утверждениях генетика Н. П. Дубинина.

Пронаблюдав, как проявляются антропологические данные в социально-криминологических закономерностях, мы без труда вновь обнаружим, как различия в физическом строении рас сказываются и на судьбе государств. Книга А. М. Фортунатова «Материалы к вопросу о последовательности и порядке закрытия черепных швов у инородцев России» (С.-Петербург, 1889) служит тому прекрасным свидетельством. В ней автор пишет: «Вес мозга у высших рас увеличивается до 40 лет, затем остается почти без изменений до 50 лет и потом начинает уменьшаться. Чем сильнее функционирует мозг, тем позже наступает зарастание швов на черепе. У различных рас эти черепные швы зарастают неодновременно. Эту неодновременность следует ставить в связь со способностью к развитию мозга и сложностью швов. В низших расах, наименее способных к совершенствованию, швы менее сложны и очень рано сглаживаются; иногда они исчезают более или менее вполне от 30 до 40 лет. У рас более совершенных они сохраняются далее и сглаживаются гораздо позднее».

По наблюдениям автора, у великорусов зарастание швов черепа начинается в 40 лет и более. Помимо времени зарастания швов важнейшим показателем общего развития расы является и порядок закрытия черепных швов, что и явствует из самого заглавия книги Фортунатова, в которой он писал: «У белого племени швы начинают зарастать с заднего отдела, тогда как у негра они закрываются сначала в передней части, то же самое наблюдается у идиотов, принадлежащих к белой расе. На черепах инородцев России закрытие швов идет и в том, и в другом направлении: и спереди назад (в 2/3 случаев) и сзади наперед (в 1/3 случаев)».

На основе всего вышеизложенного совсем не трудно сделать вывод, почему «многонациональная», как нам об этом ежедневно вещают демократические обществоведы, Россия все же основана именно русскими, а не каким-либо другим племенем.

Российская империя, также как до этого Великая Русь были основаны великорусским племенем, у которого в силу его наследственно обусловленных расовых признаков сам процесс и очередность зарастания черепных швов происходит по модели, свойственной «высшей» расе, в то время как у «инородцев России» преобладает модель, позволяющая отнести их преимущественно к «низшим» расам.

Этот антропологический принцип мы без труда можем обнаружить в истории любой великой империи и любой великой цивилизации. **«Высшие» расы создают – «низшие» уничтожают.**

Судьба народов, принадлежащих к этим базовым расовым типам, обусловлена самим наследственным принципом развития их мозга и не поддается никакому культурно-просветительскому вмешательству извне. Мировая история является по сути химической ретортой, осуществляющей возгонку «высших» элементов и осаждение «низших».

Доказательства в пользу корреляции между спецификой срастания черепных швов у представителей разных рас и их способностью к культуротворчеству обоснована исследованиями таких антропологов, как: Адольф Фик (1829-1901), Иоганн Кристиан Люсье (1814-1885), Йозеф Энгель (1816-1899), Карл Риттер фон Эденберг Лангер (1819-1887), Ганс Гудден (1866-?).

Со времен распада Советского Союза было выдвинуто множество самых разнообразных версий этого эпохального исторического события. Мы вовсе не намерены ни с

кем полемизировать. С точки зрения вышеизложенных фактов все выглядит достаточно тривиально. Государственно-политическое образование СССР – преемник Российской империи – распалось именно тогда, когда численность государствообразующего народа – русских – упала до половины общей численности народонаселения. В ближайшее время подобная участь ожидает США, где белое государствообразующее большинство скоро также окажется в меньшинстве.

Принадлежность к государствообразующей нации – понятие не социокультурное и не мистическое, а расово-биологическое, измеряемое по множеству параметров, но более всего отражаемое в весе, сложности устройства и эволюционной ценности мозга ее представителей.

Во всех этих умозаключениях не содержится абсолютно ничего «расистского». Крупнейший советский антрополог В. П. Алексеев в монографии «Историческая антропология и этногенез» (М., 1989) писал: «Никакой тщательный и глубокий анализ этнических взаимоотношений невозможен без учета расовой ситуации, никакое исследование по этногенезу и этнической истории не может быть по-настоящему комплексным и всеобъемлющим без привлечения антропологических данных, то есть в конечном счете данных о биологии человека. Изучаемые антропологами морфологические и физиологические особенности генетически обусловлены, поэтому биологические свойства популяций тесно переплетаются со многими аспектами их жизни, что существенно обогащает картину человеческой истории».

Основатель **евгеники** Фрэнсис Гальтон (1822-1911) высказывался еще откровеннее, полагая, что «совесть, талант и другие чисто человеческие свойства – это биологически детерминированные черты личности, передающиеся через половые клетки по поколениям».

К числу самых современных и значительных работ по исследуемому вопросу принадлежит книга известного отечественного антрополога Аллы Арменовны Мовсесян «Фенетический анализ в палеоантропологии» (М., 2005). В ней автор проанализировала обширный материал по расовой дифференциации аномалий черепа. В процессе многочисленных исследований было обнаружено, что они обладают высокой степенью наследуемости. Практически каждая аномалия в строении черепа является прекрасным иллюстративным признаком, разграничивающим расовые группы, так как несет на себе ярко выраженную печать генетической памяти эволюции данной расовой группы. «Многие данные говорят о том, что вариации в строении черепа появляются в процессе нормального развития и в большой степени детерминированы генетически. Кроме того, в пользу наследственной природы аномалий черепа свидетельствуют стабильность частот признаков в популяциях во времени, а также соответствие результатов палеопопуляционных исследований археологическим и историческим данным», – подчеркивает А. А. Мовсесян.

В плане подтверждения основных постулатов расовой теории наиболее важны следующие выводы. Во-первых, интерпретируя исторические данные распределения мезолитического шва, исследовательница приходит к однозначному выводу: «Анализ географической изменчивости этого признака показывает, что наиболее часто он встречается в очагах цивилизаций». Во-вторых, при помощи совокупности аномалий черепа лучше всего дифференцируются северные и южные расовые типы, на протяжении всего исторического процесса.

Это вновь свидетельствует о том, что мировая история сводится к извечному противостоянию северных и южных расовых типов, а центры цивилизаций возникают не спонтанно, под воздействием неких абстрактных облагораживающих культурных условий, но создаются концентрации индивидов определенного «высшего» расового типа, обладающих более прогрессивной конструкцией мозга, что закономерно находит свое отражение в дифференцированных аномалиях черепа.

А. А. Мовсесян указывает также, что аномалии черепа относятся к категории так называемых описательных (качественных) признаков, имеющих генетическую обусловленность и, в отличие от метрических (количественных) дискретно-варьирующих признаков, определяются по критерию «присутствия отсутствия». Именно это и делает аномалии черепа неоценимыми факторами в плане расового анализа и восстановления популяционной картины истории. В качестве иллюстрации данного тезиса наш современный ученый правомерно ссылается на классическую работу Д. Н. Анучина «О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам» (М., 1880), в которой отмечено: «Тщательное изучение аномальных особенностей рас на значительном числе особей, совместно с индивидуальными отклонениями в пределах каждой расы, даст возможность не только определить тип расы и пределы его колебаний, но и разъяснить до известной степени генезис этого типа, или, точнее, его связь с другими расовыми типами».

7. Расовые различия в строении таза

При всей молодости научной антропологии рубежа XIX-XX веков, логика ученых, тем не менее, была безупречной, ибо форма черепа ребенка напрямую связана с особенностями строения таза его матери – они должны соответствовать друг другу в целях отсутствия патологии при родах. Смешение рас неизбежно приводит к тому, что строение таза матери одной расы не соответствует форме черепа смешанного младенца, несущего черты отца другой расы, что ведет к осложнениям при родах и сказывается на жизнеспособности потомков обеих исходных рас, сокращая число метисов.

«Из всего скелета – таз наиболее соответствует черепу; можно полагать, что на тазе скорее, чем на чем-нибудь другом, удастся отыскать характеристические особенности рас. Таз негра отличается узкостью и вытянутостью в длину. Все диаметры малого таза, через который проходит детская головка при родах, у негра гораздо короче, в особенности укорочен большой диаметр. Этот факт не заключает в себе ничего удивительного; надо было ожидать его, потому что голова дитяти негра уже при рождении несет на себе печать расы; она длинная и узкая, и малый таз негротяжки сообразно с этим имеет клинообразную или трубчатую форму», – писал Карл Фогт. Природа здесь действует в строгом соответствии с обыкновенной механикой. Форма черепа младенца по расовым показателям должна подходить к расовым показателям таза матери, как болт к гайке. Любое несоответствие ослабляет так называемую «механическую прочность» расы и ее «износоустойчивость» виток за витком, от поколения к поколению. Поэтому чистота расы – первое и главное условие ее воспроизводства, смешение же рас неизбежно ведет к вырождению.

Из русских классических работ на эту тему лучше всего вспомнить сочинение М. И. Лутохина «Исторический обзор литературы о расовых различиях таза» (М., 1899). В начале автор приводит мнение известных антропологов Поля Брока, Поля Топинара (1830-1911) и Сэмюэля Томаса Зоммеринга, сравнивавших таз «низших» рас с тазом обезьян. Франц Прюнер-Бей (1808-1882), в силу наглядности и точности признака, вообще предложил отказаться от классификации рас по строению черепа и перейти на классификацию рас по форме таза. Раздел антропологии, занимающийся изучением расовых различий по тазу, называется **пельвиметрией**.

В заключении Лутохин пишет: «В этом очерке я упоминал о взглядах авторов на причину очень резкой разницы в строении женского таза разных рас, как на результат принаравления до некоторой степени тазового кольца к головке новорожденного. Много есть данных в пользу того, что при метисации роды текут гораздо труднее, иногда становятся невозможными».

Подобные выводы подтверждал и великолепный русский расолог Владимир Александрович Мошков в своей монографии «Новая теория происхождения человека и его

вырождения» (Варшава, 1907): «Акт рождения, вполне естественный для каждого животного чистой породы, должен бы быть таким же и у человека, то есть безболезненным, как и все другие физиологические отправления. Женщины низших рас переносят роды очень легко, иногда даже без всякой боли и только в весьма редких случаях умирают от родов. Но нельзя сказать того же о женщинах низших рас, рождающих от белых отцов. Так например, про индианок сообщают, что они часто умирают при разрешении от бремени ребенком смешанной крови от белого отца, между тем как чистокровные дети у них же легко рождаются. Многие индианки очень хорошо осознали опасность беременности от белолицего и потому, во избежании ее, предпочитают своевременно устранять последствия скрещивания плодоизгоняющими средствами».

Известный русский этнограф и антрополог Октавий Васильевич Мильчевский в своем сочинении «Основания науки антропоэтнологии» (М., 1868) в этой же связи подчеркивал: «Формы таза относительно различных племен были довольно обстоятельно изучены Вебером. Более удлиненной формой, более вертикальными и высокими подвздошными костями, более узкой и высокой крестцовой костью приближается сильно таз готтентотки, или ботокудки к тазу животных. Читатель знает, что человек, рождаясь, проходит между тазовыми отростками матери и, как показывает акушерская практика, проходит очень трудно, так что в особенности голова плотно прикасается к этим костям и даже значительно расширяет их. Если же примем в соображение, что в это время кости новорождающегося так мягки и гибки, что можно давать человеку какую угодно форму простым и легким сжатием ее в руках (что и делают повивальные бабки), а кости матери, конечно очень тверды, то читателя несколько не удивит, если я ему скажу, что череп, проходя через таз, должен непременно принять форму его отверстия. И действительно, измерения и тех и других показали теперь, что существует самое тесное соотношение между этими обеими формами. Профессор Вебер даже разделяет людей на 4 класса, смотря по различным формам их тазов, овальной (европейцы), круглой (американцы), четырехугольной (монголы), клиновидной (у черных рас)».

Данный раздел физической антропологии позднее получил основательное научное развитие. Наивысшего своего расцвета **расовая пельвиметрия** достигла в работах Эгона фон Эйкштедта, так он указывал в частности: «Расовые различия величины таза значительны и не объясняются только размерами тела, а обусловлены расовыми вариациями наследственности. Так тазы у веддоидов, негритосов и палеомонголоидов (в Японии), как абсолютно, так и относительно меньше, чем у европейцев. Негритянские тазы отличаются небольшими размерами, узостью и высотой, тогда как у европейцев боковой и передний края подвздошной кости широко расходятся. Поперечно-овальная форма преобладает у европеоидов, круглая у негроидов. У китайцев формы разные, но у южных брахицефалов преобладает поперечно-овальная форма. К числу расовых различий относится и наклон таза. У японцев он небольшой».

Для количественного измерения расовых различий используется **входной указатель Уильяма Тернера**.

Крупнейший немецкий антрополог-эволюционист Теодор Моллисон (1874-1952), директор Антропологического института в Университете города Мюнхена, в своем учебнике «Антропология» (1923) также уделил внимание этому важному вопросу. «Вход в таз у людей заметно расширился, особенно его поперечный диаметр. У низших рас форма входа в таз более близка к первоначальной, то есть той, что мы наблюдаем у человекообразных обезьян. Если взглянуть на таз сверху, мы увидим, что углубление, боковые стенки которого образуют расположенные за суставными поверхностями части надвздошных костей, а дно – крестец, у европейцев гораздо глубже и уже, чем у представителей низших рас. Верхнее отверстие этого углубления у европейцев более узкое, чем его дно, у папуасов – более широкое. Это изменение формы связано с тем, что подвздошные кости у европейцев больше охватывают крестец, чем у низших рас».

Все эти различия, по мнению Моллисона, имеют сугубо эволюционное происхождение. Коэффициент поперечного диаметра дает указатель входа в таз и наглядно показывает величину расовых различий: европейцы – 80; айны – 85; японцы – 87; ведды – 88; австралийцы – 93; андаманцы – 99.

Этот существенный разброс величин и показывает, что процесс расового смешения не желателен и даже опасен.

Известный немецкий расолог Мартин Штеммлер в работе «Болезнь и раса» (1935) подчеркивал: «В местах, где часты смешанные браки, женщины испытывают затруднения при родах. Например, длинноголовые нордические дети с трудом проходят через узкий таз средиземноморской женщины. У разных рас кости образуются по-разному, и при неблагоприятном сочетании возможны врожденные вывихи тазобедренного сустава».

Пропаганда свободной любви не дает удовлетворения, ибо в конечном счете разрушает расы. Любые поиски чувственно-биологического разнообразия чреватны эволюционной безответственностью.

8. Расовые различия в строении мозга

Основоположник и руководитель Немецкого Антропологического общества Рудольф Вирхов в конце XIX века как истинный ученый оценивал проблему в целом, ибо считал, что все данные, в том числе и косвенные, найденные при исследовании черепа, могут иметь существенное значение лишь постольку, поскольку они находятся в определенной зависимости от тех или других особенностей строения мозга.

Чарльз Дарвин в своем фундаментальном сочинении «Происхождение человека и половой подбор» (1871) доказывал: «Убеждение, что у человека есть связь между объемом мозга и степенью развития умственных способностей, основывается на сравнении черепов диких и цивилизованных рас, древних и новейших народов, равно как на аналогиях из всего рода позвоночных». Выдающийся советский антрополог Г. Ф. Дебец считал кроманьонский тип протоевропейским, но у кроманьонцев вес мозга в среднем составлял 1800 гр. Крупнейший французский антрополог Поль Топинар в своей книге «Антропология» (С.-Петербург, 1879) развивал дарвиновское положение следующим образом: «Низшие расы имеют черепную емкость меньшую, нежели высшие расы. В этом отношении всех хуже поставлены австралийцы, так как они имеют средним числом 1224 см³, по нашим измерениям, емкость черепов американских индейцев также мала; она увеличивается у желтокожих рас и достигает наибольшей величины у белых народов».

Когда Топинар взвешивал мозг одной готтентотской женщины, то нашел, что его вес едва превышает 800 гр. Емкость черепа индонезийских питекантропов составляет 930 гр. Поэтому-то вес мозга бушменов, готтентотов, веддов и аборигенов центральной Австралии, по вычислениям Ойгена Фишера, колеблется в пределах от 900 до 1200 гр.

Фундаментальная работа Н. В. Гильченко «Вес головного мозга и некоторых его частей у различных племен, населяющих Россию» (М., 1899) также подчинена решению этой глобальной проблемы. Ясность и доказательность изложения, обилие статистического материала делают это сочинение во многом актуальным и сегодня. Уже из названия видно, что автор мыслил совершенно в духе расовой теории, ибо на основе экспериментальных данных было доказано, что у представителей различных рас соответствующие части мозга имеют различные темпы роста, и как следствие – не одинаковый вес, а это в свою очередь и подтверждается вариациями в частоте возникновения аномальных швов на черепе. Наука того времени была предельно логичной и последовательной. «Влияние народности (племени) на вес мозга также несомненно существует, помимо всех прочих уже рассмотренных влияний роста, возраста и пр. Расовые и племенные признаки не изменяются от предков к потомкам. Различия в весе головного

мозга, замечаемые в отдельных областях нашего обширного отечества, не могут быть объяснены ни влиянием роста, ни влиянием возраста, а исключительно влиянием народности (племени)».

Сюда же следует отнести и данные о некоторой специфике ментальности народов, живущих в горах. Известный немецкий антрополог Иоганн Ранке в своей книге «Человек» (С.-Петербург, 1903) писал: «Причины, которые во многих горных местностях приводят к развитию кретинизма, часто действуют и на некретингов тех же областей». К числу причин, вызывающих повышенный процент кретинизма среди жителей горных областей, относится прежде всего недостаток йода в горных реках. Именно поэтому народная тосканская поговорка гласит, что у «горцев ноги крепкие, да мозг нежный».

Помимо существенных различий в весе мозга и его частей, у представителей больших человеческих рас и даже отдельных народностей были выявлены и различия в организации извилин.

Одним из первых расовые различия в строении мозга начал изучать известный русский антрополог Дмитрий Николаевич Зернов (1843-1917). Его работа с характерным названием «Извилины мозга, как племенной признак» была опубликована еще в 1873 году, а в 1877 он выпустил уже фундаментальную монографию «Индивидуальные типы мозговых извилин у человека». В 1887 появилась книга «К вопросу об анатомических особенностях мозга интеллигентных людей». Во всех его сочинениях есть четкое морфологическое описание строения мозга «высших» и «низших» типов, причем не только на уровне отдельных индивидов, но и больших расово-этнических общностей. Кроме того, этот талантливый ученый первым сконструировал прибор – **энцефалометр** – для определения различий в строении мозга у различных индивидов. В специально посвященной описанию своей конструкции брошюре «Энцефалометр (Прибор для определения положения частей мозга у живого человека)» (М., 1892) Д. Н. Зернов указывал: «Главная цель устройства предлагаемого инструмента состоит в том, чтобы дать возможность определить у живого человека любую точку выпуклой поверхности мозга (борозды или извилины) независимо от черепных швов, которыми обыкновенно руководятся при подобных определениях».

Известный немецкий анатом и знаток человеческого мозга, профессор Берлинского университета Вильгельм Вальдейер (1836-1921) на XVIII торжественном собрании Немецкого Антропологического общества в 1887 в Нюрнберге, желая охарактеризовать важность сравнительно-расового изучения устройства мозговых извилин и борозд, обратился к своим коллегам со следующей знаменательной речью: «Я вполне уверен, что основательное изучение мозговых извилин с точки зрения их формы, их значения и номенклатуры может быть достигнуто лишь путем обширного и по возможности всестороннего сравнения между собой мозгов всех народов и племен». В Европе расовыми различиями в строении мозга занимались также Густав Ретциус (1842-1919), Якоб Герман Фредерик Кольбрюгге (1865- ?), Карло Джакомини (1840-1898), Александр Эккер (1818-1887), Августин Вейсбах (1836-1914), Густав Швальбе (1844-1916).

Крупнейший отечественный специалист той эпохи Р. Л. Вейнберг в работе «О строении мозга у эстов, латышей и поляков. Сравнительно-анатомический очерк» (М., 1899) на базе статистической информации делал вывод: «Мы видим таким образом, что хотя человеческий мозг устроен относительно своей наружной формы, несомненно, по одному плану, общему для большинства человеческих типов, тем не менее, он представляет целый ряд таких признаков, которые заметно разнятся по своей частоте у различных племен человечества или даже свойственны только одним племенам, отсутствуя совершенно у других».

В следующей своей работе «К учению о форме мозга человека» (Русский антропологический журнал, №4, 1902) Р. Л. Вейнберг в духе программных заявлений ученых той эпохи подчеркивал, что и теоретическая медицина, а равно и антропология, долж-

ны подвергнуть всестороннему изучению расовые различия в строении мозга. Исходя из обычного для тех времен чувства гражданского долга и научной объективности, а также племенной солидарности, автор считал необходимым подчеркнуть: «После целого ряда работ, вышедших за последние три десятилетия по соматологии евреев, едва ли может оставаться какое-либо сомнение в существовании среди них **особого физического типа**, выражающегося не только в своеобразных чертах, так называемой еврейской «физиономии», но в устройстве скелета, в пропорциях черепа и туловища, в особенностях внешних покровов. Резче физических особенностей выступают **психологические** черты еврейской расы. Те и другие, преимущественно же последние, отражаются, как известно, на развитии центральной нервной системы или, точнее говоря, являются внешним выражением особого устройства центрального органа психической и физической жизни у данного племени».

Далее были выявлены эти особенности в организации борозд и извилин у евреев. К числу расово-диагностических особенностей относятся прежде всего направление так называемых **Роландовых и Сильвиевых борозд**, специфика разделения между лобными и теменными долями, а также многочисленные перерывы и мостики между соседними извилинами, составляющие племенную особенность строения мозга евреев, что и выражается в их повышенной социальной приспособляемости и особом ситуативном чутье, обычно отсутствующем у русских. Великий русский путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай указывал на эту же совокупность морфологических различий как на характерные расовые признаки, когда ставил опыты на папуасах. Карл Фогт писал: «Сильвиева щель у негра имеет более вертикальное направление, равным образом и Роландова щель».

Описывая специфику строения мозга евреев, Р. Л. Вейнберг аналогично подчеркивал: «Таким образом, и в этом случае мы встречаемся с рядом таких особенностей рисунка мозговой поверхности, которые, по нашим и других авторов наблюдениям, несомненно принадлежат к разряду редко наблюдаемых вариантов мозговых извилин и поэтому не должны быть обойдены молчанием при сравнительно-расовом исследовании человеческого мозга». Именно у евреев чаще всего наблюдается аномалия срастания Роландовых и Сильвиевых борозд.

Еще более откровенен и последователен был А. С. Аркин в своей статье «О расовых особенностях в строении мозговых полушарий человека» (Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова, книга 3-4, 1909). Помимо вышеуказанных расовых признаков, он выводил новые: «Средняя лобная борозда представляет собою борозду, которая в большей степени, чем другие борозды головного мозга, подвержена изменениям и у представителей различных рас имеет различные очертания». Кроме того, основываясь на огромном зарубежном материале, Аркин на протяжении всей статьи говорит о «мозгах, богатых извилинами, которые как известно, считаются более совершенно устроенными».

Величайший французский антрополог Поль Топинар в своей фундаментальной книге «Антропология» (С.-Петербург, 1879) также писал: «Извилины бывают более толсты, более широки и менее сложны в низших расах. Нервы негров и преимущественно нервы основания мозга толще, вещество их мозга не так бело, как у европейцев». Обладая более толстой костью черепной коробки, о чем писал еще древнегреческий историк Геродот, представители негроидной расы поэтому закономерно имеют более низкий порог болевой чувствительности. На этот нейрофизиологический факт указывали еще во второй половине XIX века ассоциации боксеров, отказывая чернокожим спортсменам участвовать в соревнованиях на том основании, что они менее чувствительны к боли, чем белые.

Безусловно, чернокожие атлеты доказывают на спортивных площадках свое превосходство. Но где же, позвольте спросить, чернокожие Лауреаты Нобелевской премии; где ученые, философы, музыканты? Никогда белый человек не отрицал, что представители других рас и некоторые животные могут лучше него прыгать и бегать, он всегда видел для себя другую цель существования в этом мире.

Принципиальным же открытием Аркина в данной статье может считаться заключение о том, что «наиболее характерные расовые отличия отмечены в области **ассоциативных центров**». Эти центры имеют сравнительно более позднее развитие по сравнению с другими участками мозга. В них также легко читаются внешние морфологические различия строения мозга у представителей «высших» и «низших» рас. Постигание чужой, и в равной мере созидание своей собственной, культуры тесно сопряжено с развитием этих ассоциативных центров. Язык конкретной культуры, ее стиль, известная утонченность или, напротив, варварская грубость, глубина и чистота переживаний, свойственных ей, имеют таким образом ясные физические очертания. Большинство суждений о культуре, высказываемых сегодня идеалистически настроенными абстрактными культурологами, не стоят и одного приговора анатома средней руки, способного после короткой операции наглядно показать, что от данных конкретных мозгов высокой культуры и ожидать было нельзя.

Вывод в работе Аркина прост и убедителен: «Расовые различия в строении головного мозга имеют излюбленные борозды и извилины, где они проявляются более часто и рельефно».

Есть и еще один показатель расовой диагностики и прикладной культурологии, совершенно забытый современными антропологами, а именно: ударная вязкость вещества мозга. «Вещество мозга у негра несравненно плотнее и тверже, чем у белого», — заявлял Карл Фогт.

Два ведущих вышеупомянутых отечественных специалиста по вопросам строения мозговых извилин Вейнберг и Аркин были евреями по национальности, что автоматически снимает с нас все возможные обвинения в пропаганде расизма и антисемитизма, ибо их работы наравне с другими составляют золотой фонд русской академической антропологии, в адрес которой никто никогда не выдвигал никаких обвинений. Вообще справедливости ради нужно отметить, что отечественная антропология той поры, помимо обширных теоретических проблем, с успехом решала и узкоспециальные задачи, о чем, например, может свидетельствовать статья Н. И. Балабана и А. И. Молочка «Строение тела шизофренических татар Крыма» (Русский антропологический журнал, вып. 3-4, 1925).

Теперь, на наш взгляд, будет уже закономерным утверждение, что в эволюционном отношении у представителей всех рас красота лица взаимосвязана с формой черепа и лицевого скелета, а те, в свою очередь, отражают совершенство строения мозга. Одно является диагностическим маркером другого, позволяя стороннему наблюдателю быстро и с большой степенью вероятности судить о внутреннем мире некоего индивида по его внешности. Но если с антропоэстетической точки зрения расовая красота субъективна и относительна, то строение черепа и мозга позволяют уже объективно и непредвзято судить о степени совершенства и достоинствах их обладателя, ибо несут в себе количественные, измеряемые параметры.

Известный советский антрополог М. И. Урысон в работе «Взаимосвязи основных морфологических особенностей черепа человека в процессе антропогенеза» (М., 1964) писал: «Исходя из рассмотрения черепа как тотальной скелетной структуры, можно предполагать, что прогрессивное развитие мозга оказывало свое влияние не только на формирование мозговой коробки, но и через ее изменение на перестройку лицевого отдела. Речь идет, следовательно, о взаимном влиянии мозговой коробки и лицевого от-

дела черепа, а также обуславливающих их изменение факторах в процессе эволюции черепа».

Вряд ли нужно пояснять, что в этой взаимосвязи ключевую роль выполняет то, что принято называть в просторечии «расовыми предрассудками», выполняющими функцию «биологического фильтра» в эволюции. Именно поэтому крупнейший советский антрополог В. П. Алексеев в своей фундаментальной работе «География человеческих рас» (М., 1974) писал: «Учение о пространственных закономерностях вариаций человеческого организма составляет одну из основных глав биологии человека». От себя добавим, что субъективная врожденная оценка этих закономерностей всеми индивидами данной расовой группы столь же важна для объективного существования расовой дифференциации человечества.

9. Основы биологической иерархии культур

Поль Топинар указывал в этой связи: «Импульсы, присущие мозговому веществу, столь прочны, несмотря на воспитание и цивилизацию, что сохраняются еще после скрещиваний и помесей и помогают распознать последние. (...) Тогда вопрос об отличительных признаках человеческих рас, зависящих от их мозговой организации, значительно упростится, и можно будет в самом деле сказать, что способ деятельности мозга дает отличительные признаки, подобно форме черепа или особенностям волос. (...) Достаточно сказать, что идеи нравственности могут составить физиологические отличия между расами. Сравнивая басни и аллегории, лежащие в основании мифологий, наука восходит к познанию взаимных прикосновений, в которых находились народы, и, следовательно, отделяет приобретенные признаки от собственных расовых различий. (...) При еще большем расширении задачи, наука раскроет прошедшие стадии заимствований в умственной жизни, которые делали одни расы у других. (...) Существуют языки, глубоко отличающиеся друг от друга и требующие особого устройства гортани для разговора на них и особого понимания для уразумения их. (...)

Следует обратить внимание также на различные способы ощущения музыкальной гаммы в пяти частях света. То, что гармонично для слухового аппарата мозга одних рас, неприятно для слуха других. Воспитание здесь ни при чем, так как самый факт первичен и имеет анатомическое основание.

То же относится и к отличиям в системах счисления. Народы, называемые арийскими, понимают их все и вообще отличаются способностями к математике. Другие же, низшие, народы не умеют считать свыше 2,3 или 5; за этим, по их мнению, следует бесконечное, непознаваемое и непонятное; иногда, несмотря на все усилия, им невозможно передать понятие о большом числе. (...)

Способности к рисованию также различны. Есть племена, умеющие чертить только кружки и палочки; некоторые же из их представителей не умеют даже отличить на рисунке голову от дерева или корабля. (...)

Расы различаются весьма глубоко еще образом жизни и пониманием общественного состояния. Есть народы, как бы предназначенные к вечной кочевой жизни, как цыгане, евреи и арабы».

Несколько резкое по форме, но справедливое по сути обобщение известного французского антрополога подтверждает современный австрийский этолог Конрад Лоренц в книге «Оборотная сторона зеркала» (М., 1998). В ней он пишет: «Шкала ценностей «ниже-выше» совершенно одинаковым образом применима к видам животных, культурам и созданным человеком произведениям искусства. (...) В социальном поведении человека также заключено инстинктивное содержание, не поддающееся изменению посредством культурных воздействий. (...) Шаблоны поведения – столь же надежные признаки родственных групп, как любые телесные черты. (...) В последнее время биохимики показали, что химическое кодирование индивидуально приобретенной информации

в цепных молекулах невозможно по временным причинам. При рождении организму задается информация о биологически «правильных» ситуациях и о средствах, позволяющих ему справляться с такими ситуациями. (...) Поэтому атрибуты «низший» и «высший» поразительно единообразно применимы и к живым существам, и к культурам, причем эта оправданная оценка непосредственно относится к содержащемуся в этих живых системах бессознательному или сознательному знанию – независимо от того, создано ли это знание отбором, обучением или наследованием, хранится ли оно в геноме индивида или в традиции культуры. (...) Многие виды трав явно «сконструированы» в «расчете» на то, чтобы их постоянно укорачивали и топтали крупные копытные; этому приходится подражать при уходе за газонами, постоянно выкашивая и притаптывая их. (...) Можно считать твердо установленным научным фактом, что вид *homo sapiens* обладает высококодифференцированной системой форм поведения, служащей для искоренения угрожающих обществу паразитов и действующей вполне аналогично системе образования антител в государстве клеток. Также и в основе ценностных суждений лежат встроенные механизмы, предохраняющие человечество от угрожающих ему вполне определенных явлений вырождения. (...) Чтобы представить себе, какими опасностями угрожает человечеству выпадение унаследованного инстинкта, нужно понять, что в условиях современной цивилизованной жизни нет ни одного фактора, осуществляющего отбор в направлении простой доброты и порядочности, за исключением нашего врожденного чувства к этим ценностям».

Эти выводы антропологии и этологии нашли наконец свое обоснованное подтверждение в новейших достижениях неврологии. Фундаментальная работа Сергея Вячеславовича Савельева «Стереоскопический атлас мозга человека» (М., 1996) являет тому блестящий пример. Автор пишет: «Головной мозг человека обладает значительной изменчивостью. Он различается у мужчин и женщин, у различных рас, этнических групп, и даже внутри одной семьи. Эти различия весьма устойчивы. Они сохраняются из поколения в поколение и могут являться важной характеристикой вариабельности мозга человека как биологического вида. Одним из наиболее интересных показателей нервной системы человека является ее этническая изменчивость. Вес, размер, организация борозд и извилин мозга различных народов и рас были тщательно исследованы». Именно в этой наследственно обусловленной специфике строения мозга и нужно искать всю глубину различий морали, социального, экономического и политического развития народов и рас.

С. В. Савельев делает важный вывод антропосоциологического характера: «Важно отметить крайние значения веса мозга, которые не отражаются на умственных способностях исследованных людей. По различным источникам и результатам многочисленных взвешиваний минимальная масса мозга человека, которая не отражается на социальном поведении, близка к 900 г. При меньших значениях полноценная жизнь в человеческом обществе становится невозможной».

А теперь, уважаемый читатель, давайте вспомним характерный факт недавней истории: демонстрацию аборигенов центральной Австралии, саботировавших олимпийские игры в Сиднее в 2000 году. Телевизионные агентства, разносившие эту новость по всему миру, умолчали о том, что средняя масса мозга этих «людей» составляет всего 750 граммов. Для того чтобы понять, что такое олимпийские игры, им просто не хватает критической минимальной массы мозга. Посему, на наш взгляд, ожидание от них другой реакции – высшая форма нетерпимости и шовинизма.

Отщепенство и социальный анархизм – явления далеко не идеологического характера, а сугубо антропологического.

В подтверждение этих слов можно привести соответствующую цитату из С. В. Савельева: «В Древнем Египте религиозные традиции требовали мумификации умерших. Анализ черепов мумий позволил сопоставить объем мозга и время захоронения кон-

кретного человека. В период расцвета древней египетской культуры вместимость черепа египтян была на 44,5 см³ выше, чем в периоды длительного упадка». Вот вам и ответ на вопрос, почему страна, некогда бывшая колыбелью мировой цивилизации, сегодня превратилась в место для дешевого туризма.

В личной беседе с автором этот знаменитый отечественный ученый продемонстрировал лабораторные пластины со срезами мозга различных расовых и этнических групп. Не трудно уяснить теперь, что вся история отображена в затейливом рисунке нейронных связей головного мозга ее персонажей. С. В. Савельев утверждает, что количество связей между нейронами, как раз и служащих реальным отражением степени интеллектуального и культурного развития расовых и этнических групп, может различаться в пределах от 10 до 10000 (!). Кроме того, масса мозга, ответственная за те или иные функции, например, абстрактное мышление или математические способности, у представителей разных рас может различаться в пять раз (!). Это значит, что у представителя той или иной «низшей» расы никогда не будет возможности усвоить культуру «высшей» расы и понять ее, потому что **сам процесс обучения не может увеличить массу тех или иных центров мозга и не может создать новые связи между нейронами. Нельзя развить то, к чему нет предпосылок.** Поэтому все филантропические программы вроде «компенсаторного обучения» негров в США и ЮАР постоянно терпят крах. Нельзя обучить того, кто не имеет для этого физического потенциала. Основоположник **френологии** – науки о взаимосвязи психических и интеллектуальных способностей людей со строением их черепа – Франц Йозеф Галль (1758-1828) говорил: «Физиологические условия помогают управлять духовными».

Немецкий антрополог Георг Бушан в своей книге «Наука о человеке» (М., 1911) считал нужным подчеркнуть: «Расы, стоящие духовно на более низком уровне, обладают меньшим весом мозга, чем культурные народы. Если, с одной стороны, повышение духовных способностей влечет за собою увеличение мозговой массы, то, наоборот, при исчезновении духовных способностей замечается уменьшение ее, что выражается в падении ее веса. Низшие млекопитающие не обладают еще сколько-нибудь развитыми центрами чувств; наоборот у обезьян и первые уже хорошо развиты, и у некоторых их видов занимают почти такую же поверхность, как и сферы чувств. У человека последние обнимают только 1/3 поверхности мозга. Истинный интеллект, мышление, связано с серой корой **центров ассоциации**. При высоко развитом интеллекте эта кора особенно сильно развивается, но по чисто механическим причинам не столько в глубину, сколько по протяжению, то есть серая корковая масса вынуждена расширяться в плоскости, собираться в складки, вследствие напряженной, сильной духовной работы. Поверхность мозга выказывает поэтому извилины, разделенные между собою бороздами. Этим объясняется, почему у низших позвоночных, у которых процесс мышления развит недостаточно, поверхность мозга остается еще относительно гладкой, но чем более мы поднимаемся к высшим формам, тем эта поверхность получает более сложный и богатый складками и извилинами рельеф. Человеческий мозг богат извилинами, однако у низших рас эти складки проще или имеют более прямое направление, борозды между ними более открыты и менее глубоки. У высших рас эти извилины обыкновенно шире, более изогнуты и тесно сближены между собой; борозды от этого становятся глубже и уже».

Другой крупный немецкий антрополог Роберт Видерсгейм (1848-1923) в своей книге «Строение человека со сравнительно-анатомической точки зрения» (М., 1900) писал: «У мужчин белой расы вместимость черепа составляет в среднем 1500 см³, а вес головного мозга в среднем 1400 гр. Что касается вместимости черепа низших человеческих племен, то в этом отношении особенно интересны наблюдения братьев Саразин над цейлонскими веддами. У них не только череп, но и все части скелета весьма заме-

чательны по своей нежности, что, по словам Вирхова, характеризует целый ряд диких племен, населяющих восточные острова.

В черепе это выражается в том, что в среднем он приблизительно на 200 гр. легче европейского. При этом череп очень мал, и его вместимость у чистокровных веддов мужчин не бывает выше 1200 см^3 , а у женщин еще на 150 см^3 меньше.

По объему черепа ведды, без сомнения, принадлежат к низшим человеческим племенам, и это стоит в полном согласии с их низкой культурой. Близки к ним андаманцы, тогда как бушмены и австралийцы стоят уже несколько выше. Если, как выше указано, средний объем черепа северо- и среднеевропейца мужчины принят за 1500 см^3 , то череп веддов отстает от него на 250 и даже более чем на 500 см^3 .

Крупный авторитет в области расовой неврологии Пьер Грациоле (1815-1865) говорил, что нормальный мозг готтентота обозначал бы для европейца идиотизм. А другой специалист в означенной области Фридрих Тидеман (1781-1861) утверждал, что мозг готтентота имеет меньше извилин и они более неправильны, чем у европейца и вообще ближе подходят к обезьяньему мозгу.

Суммируя все вышеизложенное в области расовых различий в строении мозга можно смело утверждать, что для развития высшей культуры необходим как значительный вес мозга, так и его известная морфологическая сложность. Оба эти условия могут быть соблюдены только посредством полового отбора и расовой изоляции. Никакие социологические проекты гуманистов и культурологов как не имели успеха, так и не будут иметь в будущем.

Этот вывод никак не может быть отнесен к разряду расистских, ибо один из корифеев советской антропологии Б. С. Жуков в сочинении «Происхождение человека» (М., 1928) высказывался в том же духе со всей откровенностью: «Велика разница между односложным, похожим на свист и щелканье, языком какого-нибудь чернокожего обитателя лесов Центральной Африки и мелодичной речью итальянца или француза, огромна пропасть между интеллектуальным развитием того и другого. И эта разница в умственных способностях культурного и дикого первобытного человека стоит в тесной связи с неодинаковостью развития у них того органа, в котором эти способности сосредоточены, т. е. мозга. Представитель более высокой в отношении умственного развития человеческой расы имеет более тяжелый, более объемистый мозг, чем дикарь, и эта разница в развитии мозга заключается не только в большем количестве мозгового вещества у первого, но также и в более сложном строении самого мозга, и в особенностях питания мозга кровью через кровеносные сосуды».

Классик немецкой антропологии Иоганн Ранке одним из первых обосновал эволюционную значимость еще одной количественной характеристики: отношения веса головного мозга к спинному у представителей различных рас. Чем «выше» в интеллектуальном смысле раса, тем этот показатель больше. Данное правило справедливо для всех представителей животного царства без исключения, ибо, чем примитивнее организм, тем развитее у него периферийная нервная система в ущерб головному мозгу. Именно поэтому индивиды, относящиеся к так называемым малокультурным племенам, и отличаются в лучшую сторону по сравнению с европейцами развитием чисто физических и физиологических качеств, но неизменно проигрывают им в интенсивности и сложности процессов, присущих духовной и интеллектуальной сферам. И в количественном и в качественном отношении «животные» эволюционно более низкие характеристики нервной системы «низших» рас, развиты лучше, чем у представителей «высших». Эволюционное развитие интеллекта смещает все критерии в функционировании нервной системы, и простейшие ее функции постепенно замещаются эволюционно более «продвинутыми». Способности к анализу и синтезу постепенно вытесняют интуицию.

Крупнейший немецкий расолог барон Эгон фон Эйкштедт (1892-1965) в фундаментальной монографии «Расология и расовая история человечества» (1937-1943) уже во

введении определенно формулировал: «Морфологическая ориентация влечет за собой психологическую. Мы можем и должны искать расовые различия мозга в макроскопической структуре (абсолютная величина мозга в целом и его долей, расположение извилин и борозд) и в микроскопической структуре (вид, число, распространение и связи нервных клеток). Но вне нашего внимания не должна оставаться и возможность исследования: материальная производительная сила разных участков мозга, их химизм со всеми его движениями, напряжениями и расслаблениями, с термическими и электрическими явлениями и ритмами, короче, сама творческая сила мозга».

В соответствии со своими выводами Эйкштедт указывает на «определенную инфантильную примитивность китайского мозга», что соотносится с целым рядом инфантильных черт как в строении тела, так и в психике китайцев. О других расовых группах он говорит еще определенной: «Крайне примитивными, не имеющими ничего общего с мозгами европейцев, оказались мозги бушменов».

Замечательный польский антрополог Людвик Крживицкий (1859-1941) в монографии «Антропология» (1901) дал следующий социокультурный вывод на основе расовых различий в строении нервной системы: «Природа негритосов или бушменов показывает, что истинные антропологические духовные свойства являются тормозом для проявления более высших форм техники и вытекающих из них более сложных общественных отношений. Дикари – охотники в эмоциональном отношении не способны к оседлому или лучше сказать, к регулярному образу жизни. Они скорее все перемрут, чем свыкнутся с оседлой культурой, к которой не чувствуют ни малейшего влечения. Следовательно, расовые свойства преграждают им путь к культурно-техническому прогрессу и связанной с ним общественной эволюции. Причину различий у уровней развития цивилизаций следует искать, прежде всего, в расово-антропологической природе каждого народа. Вот она-то и кладет известный духовный отпечаток на общественную эволюцию, делает одни племена более воинственными, предприимчивыми или художественными, других – мирными, узкоутилитарными, трусливыми».

Джон Рендал Бэкер (1900-1984) – один из крупнейших биологов и физических антропологов XX века, профессор Оксфордского Университета – в своей фундаментальной монографии «Раса» (1974) выделил 23 фактора оценки самостоятельности той или иной цивилизации. С их помощью он пришел к **тотальному биологическому детерминизму** в объяснении причин культурной эволюции. Самостоятельные цивилизации всегда и везде создавались определенными расовыми типами, когнитивные стили психики которых и накладывали всюду печать культурной самобытности. В соответствии с этим Джон Р. Бэкер, например, отказал древним обществам Инков и Майя в принадлежности к категории самостоятельной цивилизации, так как при всех своих изощрениях в области календаря, высшей математики и астрономии, они, тем не менее, не способны были изобрести колесо, в самом буквальном смысле этого слова.

10. Расовая одонтология

Возвращаясь к заявленной теме, обратимся теперь к столь важному признаку лицевой морфологии, как зубы. Кроме явного антропозстетического значения, зубы являются также уникальным свидетельством всех нюансов биологической эволюции того или иного племени. **Расовая одонтология** – наука, специально посвященная данной проблематике.

Еще великий голландский антрополог Петер Кампер (1722-1789) первым предложил создание классификации рас по углу выступания нижней челюсти, который носит название **прогнатизма**. Об измерении этого лицевого угла он писал так: «Если я приподниму лицевую линию больше вперед, то получу античную человеческую голову, если откину назад, то получится голова негра, еще назад – голова обезьяны, а дальше – голова собаки, и наконец – кулика». Цитировавшийся нами Георг Бушан уточнял:

«Средняя величина этого угла (угол профиля) достигает у белой расы 80-76,5⁰, у желтой – 76-68,5⁰, у черной – 69-59,5⁰. Реже всего встречается прогнатизм у европейских народов, в особенности у нордической расы; чаще между монголоидами, и наиболее часто среди негров. Поэтому можно совсем не принимать во внимание легкую степень прогнатизма у белой расы». Кроме того, многими антропологами отмечалось, что у представителей различных рас весьма различны абсолютные и относительные показатели веса нижней челюсти. Чем более «низка» раса, тем вес этой челюсти выше.

Также многократно цитировавшийся нами Роберт Видерсгейм, указывал также на явные расовые различия в строении костей твердого неба, отмечая: «Небо негра является переходным между небом европеоида и орангутанга».

Крупный советский ученый Б. С. Жуков в свою очередь подчеркивал: «Форма костного скелета, образующего небо, т. е. форма так называемого твердого неба, стоящая в тесной зависимости от числа и расположения зубов, неодинакова у высших обезьян и у представителей различных человеческих рас. У современных европейцев и у некоторых других народов твердое небо имеет округлые очертания, и весь ряд зубов верхней челюсти, если смотреть на него со стороны полости рта, напоминает своими очертаниями подкову. Однако, например, у негров твердое небо является несколько более вытянутым в длину, а зубной ряд своей формой напоминает дугу. У других представителей низших рас, как, например, у австралийцев, «зубы мудрости», напротив, достигают большего развития, чем остальные коренные зубы, и это несколько приближает австралийцев, по строению зубов, к высшим обезьянам».

Крупнейший советский антрополог В. В. Бунак в своей работе «Лицевой скелет и факторы, определяющие вариации его строения» (М., 1960) высчитал, что поверхность костного неба европейских черепов составляет 1670 мм², папуасских – 1990 мм², монгольских – 2020 мм².

В своей статье «Зубы в антропологическом отношении» (Русский антропологический журнал, N2, 1903) Г. И. Вильга писал: «Одним из органов человеческого тела, занимающим видное место в образовании типа, являются зубы, которые представляют в своем строении значительные, не только расовые, но и индивидуальные колебания». Обобщая богатейшую историческую литературу, автор статьи начинает свой анализ с подразделения рас по взаимному расположению верхних и нижних резцов на ортогнатные и прогнатные. Данное открытие принадлежит известному французскому антропологу Этьену Жоффруа де Сент-Илеру (1772-1844).

В этой связи Г. И. Вильга указывал: «Белая раса является ортогнатной, прогнатизм встречается у цветных рас: черной и желтой; в более сильной степени он выражен у бушменов». Карл Фогт также отмечал: «Степень развития челюстей находится в прямом отношении с культурой народов и со способностью их к культуре: косозубые (т. е. прогнатные) встречаются только в низших расах человеческого рода». Большое значение имеют и расовые различия по величине зубов, которые были открыты Полем Брока и Паоло Мантегацца.

Вильга продолжал: «Большие зубы у цивилизованных рас постепенно уменьшаются в своем объеме, выказывая склонность к исчезновению; у рас же с низкой культурой они очень развиты. Кроме того, величина коренных зубов уменьшается спереди кзади; у низших же рас, как, например, австралийцев и новоколледонцев, и всегда у обезьян, она увеличивается; эта особенность именуется **обезьяньим признаком**».

Данный признак был открыт стараниями Ричарда Оуэна (1804-1892) и Франца Прюнер-Бея (1808-1882). Уильям Генри Флоуэр (1831-1899) впервые для оценки количественных различий между расами предложил высчитывать так называемый зубной указатель – **dental index**. Так, для европеоидов он составляет 41, для монголоидов – 42, для негроидов – 44, австралоидов – 46, шимпанзе – 48, гориллы – 54 и орангутанга –

55. Как видите, никакой явной границы между человеком и животными нет, а между расами есть.

Томас Скотт Ламберт (1819-1897) на основании своих собственных исследований пришел к выводу, что в целом вся зубная система представляет собой расовые различия. На основании морфологических отличительных черт зубов он выделил три большие человеческие группы: белую, желтую, черную. Более резкие отличия он нашел у черной расы. Резцы у нее имеют большую величину, чем у желтой и белой. Клыки выступают над уровнем соседних зубов больше, чем у белой расы.

Продолжая эту мысль, Вильга писал: «Резцы человека тем острее, чем ниже человеческая раса. Относительная ширина коронки больших коренных зубов у низших рас больше, нежели у высших. У цивилизованных народов зубы на правой стороне плотнее и крепче, чем на левой, вследствие того, что у них правая сторона больше участвует в акте жевания. Этой разницы у диких народов не замечается». Свои выводы русский автор основывал на собственных наблюдениях и работах таких авторов, как Юлиус Эмиль Жозеф Ренье (1873-?), Эмиль Мажито (1833-1897), Виктор Галиппе (1848-1922). В свою очередь Иоганн Фридрих фон Брандт (1802-1879) и Карл Розе (1864-?) отметили, что склонность к заболеваниям не одинакова у различных рас, ибо было обнаружено, что с развитием культуры величина и крепость зубов и челюстей уменьшаются.

Весьма информативна и показательна статья крупного русского антрополога А. Ивановского «Зубы у различных человеческих рас» (Русский антропологический журнал, 1901, N3), так как содержащиеся в ней естественнонаучные факты не устарели до сих пор. Ученый свидетельствовал: «Кроме различий во взаимном расположении, зубы человека представляют расовые различия и по их величине. Различия эти, особенно в резцах и коренных зубах иногда очень значительны. Низшие расы характеризуются огромною величиною резцов и коренных зубов; последние у них равны клыкам, как то находим у человекообразных обезьян. В то время как величина коренных зубов у человека белой расы уменьшается спереди кзади, у низших рас (австралийцев, новокаледонцев) и у обезьян она идет в обратном направлении. Зубы человека, равно как и челюсти, вообще уменьшаются с развитием культуры, так как культурные способы приготовления пищи делают излишним то энергичное пользование челюстями и зубами, которое было необходимо при первобытной грубой пище. Челюсти при этом уменьшаются в величине в большем размере, нежели зубы, благодаря тому, что челюсти имеют более долгий период развития, нежели зубы.

Различные расы разнятся между собою и по форме зубов. Резцы человека представляют ту особенность, что конец их тем острее, чем ниже раса. В противоположность резцам, относительная ширина коронки задних зубов (по отношению к их шейке) у низших рас больше, нежели у высших. Указывают на тот факт, что у некультурных народов нет той разницы между зубами разных сторон челюстей, какая наблюдается у цивилизованных народов и которая выражается в том, что зубы на правой стороне плотнее, чем на левой, так как большинство европейцев, обрабатывая зубами пищу в полости рта, действует всего больше, а иногда и исключительно правой стороной. Верхние резцы малайцев, помимо их прогнатического положения, также бывают обезьяньей формы, с выпуклой передней и слегка вогнутой задней поверхностью. Это – несомненный обезьяний признак, постоянно встречающийся у обезьян».

Специалисты в этой области расовой идентификации не обошли вниманием и такую важную проблему, как ритуальное деформирование зубов различными племенами в угоду их антропозстетическим канонам. У представителей «низших» рас до сих пор распространены выдергивание, подпиливание, отламывание фрагментов зубов и вставление инородных тел. В Африке и Полинезии весьма распространены эти формы уродования зубов. В Сенегале, например, невеста вместе с женихом идет к кузнецу, который подпиливает ей зубы, после чего и заключается брак, а в Австралии вырывают

резцы по достижении половой зрелости или по вступлении в брак. Многие племена практикуют обычай вырывать зубы по случаю траура по усопшим родственникам, так что после эпидемий, засухи и голодомора оставшиеся жители почти поголовно оказываются беззубыми. Распространен также обычай вставления золота или драгоценных камней в зубы с целью демонстрации высоты своего племенного социального статуса, а также ритуал окрашивания зубов в черный цвет у индейцев Центральной Америки, и в красный – у жителей Бирмы. Известно, например, что в разгар колониальной политики многие английские фирмы буквально обогатились за счет изготовления вставных черных зубов для жителей Сенегала, голубых – для китайцев, а также прочих подобных ухищрений с целью ублажения туземных вождей самых отдаленных регионов необъятной Британской империи. Английские коммерсанты легко осознали всю перспективность рынка аксессуаров, служащих для удовлетворения экзотических антропоэстетических вкусов новых подданных ее Величества.

Один из крупнейших современных специалистов в области одонтологии, отечественный ученый Александр Александрович Зубов обобщая мировой опыт исследований констатирует, что по некоторым параметрам строения зубной системы различия между основными расами достигают десятков, а иногда даже и сотен процентов. Что лишний раз свидетельствует о хорошей дискриминантной способности одонтологических признаков. В книге «Одонтология в современной антропологии» (М., 1980) А. А. Зубов и Н. И. Халдеева свидетельствуют: «Основной классификационной единицей в одонтологии является одонтологический тип, формирование которого по ведущим признакам зубной морфологии совпадает с появлением человеческих рас. Одонтологический тип объединяет специфические структурные комплексы, характерные для группы или нескольких групп, и складывается из многих морфологических особенностей, включая и расовые. Входящие в одонтологический тип варианты имеют иерархичность.

По данным, собранным с территории, заселенной русскими, установлено, что основной одонтологический тип русских представляет собой хорошо выраженный, достаточно чистый западный комплекс. Основной массив русских групп отличается гомогенностью в распределении одонтологических признаков средневропейского типа. В целом суммарная одонтологическая характеристика русских помещается в рамки размаха показателей средневропейского одонтологического типа».

Самое же главное состоит в том, что А. А. Зубов и Н. И. Халдеева в более поздней своей совместной работе из сборника с характерным названием «Расы и расизм. История и современность» (М., 1991) свидетельствуют о том, что различия в строении зубной системы позволяют говорить о разделении рас около одного миллиона лет назад. Всего А. А. Зубов насчитывает девять независимых одонтологических признаков, выделяющих расовые различия.

В своей статье «Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас» из сборника «Проблемы эволюции человека и его рас» (М., 1968) наш ученый выделял следующие важнейшие классификационные признаки:

Монголоидная раса: относительно короткие корни при высокой коронке.

Лопатообразность резцов.

Европеоидная раса: малые абсолютные размеры зубов.

Негроидная раса: крупные абсолютные размеры зубов.

Кроме того, А. А. Зубов, в духе постулатов классической расовой теории позволяет себе говорить о «примитивных» и «питекоидных» признаках в строении морфологии зубной системы одних рас и «прогрессивных» – других. Каково распределение «низших» и «высших» типов среди основных рас догадаться уже совсем не сложно.

Н. Н. Чебоксаров и И. А. Чебоксарова в книге «Народы, расы, культуры» (М., 1985) подчеркивали, что лопатообразные резцы встречаются у монголоидов в 60-100%, в то время как среди европеоидов и африканских негроидов их доля падает ниже 15%. Па-

пуасы, австралийцы, андаманцы, веддоиды Восточной Индии по частоте лопатообразных резцов (30-60%) приближаются к монголоидам.

Другие особенности зубов, как например, «бугорок Карабелли» (дополнительный бугорок на верхних молярах), очень характерный для европеоидов (40-70%), встречается у монголоидов гораздо реже.

11. Пигментация кожи и «монгольское» пятно

Цвет кожи, как расовый признак был положен в основу классификаций еще первыми учеными-естествоиспытателями во времена античности. Не изменилось положение дел и с началом эпохи географических открытий, ибо наследственная способность к образованию цвета кожи была признана решающим фактором при классификации племен человеческого рода такими учеными, как Франсуа Бернье (1684), Лейбниц (1728), Брэдди (1739), Линней (1735), Ф. Мюллер (1773), Иммануил Кант (1775), Хунтер (1775). Фон Брейтенбах в 1793 первым составил «Всемирную карту цвета народов».

Жан-Жозеф Вирей (1801), Жорж Кювье (1817), Чарльз Пикеринг (1848), Жозеф Артур де Гобино (1853) и д'Омалиус (1869) просто поделили человечество на черную, белую и желтую расы. В исследованиях Томаса Генри Гексли, Карла Штраца и И. Е. Деникера цвет кожи вновь выдвигается в первый ряд диагностических признаков, причем рассмотрению подвергаются уже тона и оттенки.

Следует отметить, что еще древнекитайские философы делили людей на белых и красных, причем белыми китайцы считали себя, а красными – «чужеземных дьяволов», то есть европейцев. И в самом деле: европейская кожа даже в самых светлых вариантах никогда не бывает белой, она имеет матовый, розоватый тон и даже у мертвецов она желтоватая. Кожа монголоидов, даже типичных тунгусов и северных китайцев, не желтая, она сильно перемешана с коричневыми и красноватыми тонами. Кожа негроидов не черная, а темно-коричневая, красновато-коричневая или серо-черная.

На что нужно обращать внимание особо, так это на околососковый кружок и гениалии, которые уже при рождении пигментированы сильнее всего у негроидов и их гибридов, что и служит прекрасным диагностическим маркером примеси цветной крови. Второй такой же наглядный признак – желтоватая пигментация кожи под ногтями, особенно под ногтем большого пальца.

Данный признак был излюбленным средством идентификации полукровок среди торговцев невольниками и плантаторов. Самая сильная пигментация у темнокожих рас достигает на 3-4 десятке жизни. У совершенно черных суданских негров и южных бантоидов пигмент доходит до самых верхних клеток эпидермиса, а у европейцев меланин располагается во глубине кожного покрова.

Но чтобы уловить все оттенки кожи, нужно прибегнуть к помощи подробных статистических методов, всячески избегая поэтических сравнений, вроде таких: кровь с молоком (нордические девушки), кофе с молоком (эфиопы), старая слоновая кость (вьетнамцы), красное дерево (индейцы), шоколад (австралийцы и негры) и так далее.

В отечественных работах К. А. Бари «О цвете кожи человека» (Русский антропологический журнал, N1, 1912), и В. Г. Штефко «К морфологии кожного пигмента у человека» (Русский антропологический журнал, вып. 3-4, 1925) также подчеркивается важность цвета кожи в процессе антропоэстетической аутоидентификации, что находит непереносимое отражение в канонах народного изобразительного искусства, песнях, сказаниях, обрядах и т. д.

Известный русский антрополог Эдуард Юлиевич Петри (1854-1899) в своей монографии «Антропология» (СПб., 1890) давал такой экскурс в историю проблемы: «Популярнейшим симптомом для классификации издавна является окраска кожи. Действительно, цвет кожи является признаком, можно сказать элементарным. Не даром у древ-

них индусов слово **варна** одновременно являлось обозначением для краски и для касты; недаром в настоящее время малейшее подозрение в темной окраске кожи является доказательством низшего происхождения и фактического бесправия для метисов Америки. Принимая в свою среду индейцев, властители Америки говаривали: «Пусть он считает себя белым».

Цветность у различных рас сегодня определяется по таблице Феликса фон Лушана (1854-1924), измерения производятся на изгибе предплечья.

Самые светлые тона у европеоидов встречаются в поясе светловолосых рас, где на первом месте стоит собственно нордическая раса с розовой прозрачной кожей, у восточных европеоидов она имеет уже бледный сероватый оттенок. У народов Сибири кожа имеет желто-коричневатый оттенок, но еще сохраняет некоторую прозрачность. Такая картина наблюдается вплоть до зоны распространения эскимосов, якутов и ай-нов.

В европеоидном круге пояс горных рас, динарской и альпийской, представляет собой переходную зону к поясу смуглых рас. Здесь на первом месте стоят средиземноморцы с их легкой, но уже заметной смуглостью, сильным потускнением румянца на щеках и общим преобладанием оливковых тонов. Если на северном побережье Средиземного моря мы имеем показатели 10-12 по шкале Лушана, то на южном – 12-15. Далее на Восток оливковый отлив исчезает, но усиливается смуглость до 12-15 у ориентальной расы и туранцев. У арменоидов индекс равен 13. В Индии мы имеем большое разнообразие оттенков, от светлого, почти европейского светло-коричневого у кашмирцев и высших каст Севера (14-15) до типично северно-индийского в Пенджабе (17) и собственно индийского (21-23). Далее к Востоку идет пояс смуглых рас, от сохраняющих еще желтоватый оттенок палеомонголоидов (14-16) до смуглых полинезийцев с их светло-коричневой кожей (16-17).

У веддоидов преобладают темно-коричневые тона (24), у кхмеров и таи – более светлые с красноватым оттенком (14-18).

Среди азиатских монголоидов светлые, часто светло-желтые, пшеничные тона встречаются у северных китайцев (7-10), далее к югу показатель смуглости увеличивается (7-15), но даже самые южные вьетнамцы, принадлежащие к южно-китайскому типу, благодаря желтоватому оттенку, выглядят светлыми и резко отличаются от смуглых восточных веддоидов Камбоджи. Желтый оттенок позволяет отличать также лаосцев (14) от тайцев (15), а малайцы выделяются светло-коричневым фоном (18).

Американские индейцы Тихоокеанского побережья и лесной зоны имеют светло-коричневую кожу (15) с очень слабым желтым оттенком, но с медным отливом. Индейцы Центральной Америки – темно-коричневые, но со средними показателями (17-21). В Южной Америке снова сильнее пробивается желтый оттенок. Здешние индейцы принадлежат к расам, у которых покрытое тело темней лица.

Среди африканских негроидов самую темную кожу имеют суданские негры (30-33), однако южные бантоиды мало от них отличаются. Но максимальная насыщенность пигмента (33-35) встречается у нилотов и у некоторых групп сахарского переходного пояса. Смешанные группы низшего социального слоя туарегов, как и эфиопы имеют показатели равные (28-30). Пигмеи имеют красновато-коричневую кожу (23), а кайсанская группа с ее светлым цветом кожи (4-5) и пепельным оттенком совершенно выпадает из африканского колорита. Темную кожу, как у негров имеют тамилы Южной Индии (28-30). Здесь, как и в сахарской переходной зоне темная пигментация сочетается с европеоидными чертами лица. Очень темная кожа (34-35) – у негроидных карликов Андаманских островов. Заметно светлей меланезийцы (27-30), но кожа у них всегда имеет красноватый оттенок. Еще светлей негроидные карлики Малакки и Лусона – (25-26). Наконец, у австралоидов преобладает бархатистая темно-коричневая кожа (26-27).

Антропологи Эрвин Бельц (1849-1913), Отто Финш (1839-1917), Бунтаро Адахи (1865-1945) первыми обратили внимание на факт образования синих пятен на крестце новорожденных младенцев цветных рас. В силу частоты встречаемости именно у представителей желтой расы они и получили название «монгольских пятен». Их возникновение у других цветных народов наблюдается реже, а у белых европеоидов они не встречаются вообще. Известный русский гематолог Б. Н. Вишневецкий в книге «Человек, как производительная сила» (Ленинград, 1925) также писал: «Акушерки, фельдшерицы, врачи легко могли бы наблюдать новорожденных и отмечать у них частоту появления, главным образом, на крестце своеобразных сине-черных пятен. Этот признак считается характерным для новорожденных монгольской расы. Подобные «монгольские пятна» не остаются на всю жизнь и скоро проходят». Данный феномен не имеет никакого приспособительного или физиологического значения, зато может без сомнения пролить свет на секреты эволюции желтой расы, ибо является одним из патологических признаков эмбрионального развития ее представителей.

«Присутствие «монгольских пятен» является самым тонким маркером для различения белой расы от всех других», – утверждал Э. Бельц. И действительно, присутствие синих родимых пятен наблюдается не только у новорожденных монгольской расы (японцев, китайцев, корейцев, сиамцев), но и других представителей «цветных» рас, как айны, индонезийцы, эскимосы и индейцы. В свою очередь, присутствие этих пятен на крестце европеоидов весьма точно свидетельствует о наличии той или иной расовой примеси. Цвет «монгольских пятен» бывает большей частью темно-синим или синева-то-черным, а у индейцев – зеленовато-черным.

Барон Эгон фон Эйкштедт также писал в этой связи: «Монгольское пятно именуется также копчиковым или сакральным пятном. Оно представляет собой отливающее синим цветом скопление пигмента в области крестца. Его плотность и формы могут быть самыми разными, величиной оно может быть с монету или тарелку и иметь ответвления у зубца, заходящие частично на спину, частично на зад. Цвет – от светло-серого до темно-синего. Оно имеет несомненную наследственную природу. В Эквадоре и Бразилии воспринимают как неприятность то обстоятельство, если ребенок бразильской матери европейского происхождения имеет, как там говорят «медаль на попе» или если у взрослого эквадорца случайно обнаружится тщательно скрываемая тайна, что он «зеленожопый». Наоборот, у эскимосов и полинезийцев сакральное пятно считается знаком чистой породы». Данное монгольское пятно присутствует у большинства обезьян, из чего Э. фон Эйкштедт делал справедливый вывод об атавистическом (обезьяньем) происхождении этого признака в морфологии различных цветных рас.

Английский ученый сэр Герберт Рисли в 1901 по заданию колониального правительства проводил расовое освидетельствование населения Индии и установил, что во множестве областей этой страны от 80 до 90 процентов новорожденных младенцев имеют данный признак. Поклонение обезьянам среди низших каст Индии, находит таким образом, чрезвычайно простое естественнонаучное объяснение.

Данное умозаключение автора никак нельзя отнести к категории экзотических или экстремистских, так как крупнейший немецкий антрополог Ойген Фишер в своем учебнике «Антропология» (1923) подчеркивал: «Пигмент сильнее всего выступает на спине у обезьян в области крестца, так что эта часть тела становится темно-синей, а у людей появляются симметрично расположенные цветные пятна. Такие синие пятна на нижней части спины есть у всех монголоидов (монгольское пятно). Они появляются незадолго до рождения и сохраняются 5-10 лет. Японские дети одного года имели его в 99,5% случаях, к пяти годам – 62%, а к десяти – всего 6%. Такие пятна есть у эскимосов, индейцев, реже у малайцев, самоанцев, мулатов Южной Америки, спорадически встречаются и у европейских детей (в Болгарии 0,6%), всегда там, где есть монголоид-

ная примесь (в Венгрии, Моравии и т. д.). Вообще цвет кожи наследуется как типично расовый признак».

На расово-эволюционные аспекты происхождения данной аномалии вполне ясно указывали и представители школы криминальной антропологии Чезаре Ломброзо. В частности, Н. Пенде в книге «Недостаточность конституции» (М.-Л., 1930) писал: «К дегенеративным стигматам, касающимся пигментации, относятся монголоидные пятна, являющиеся почти нормальными для желтой расы; у европейцев они указывают на скрещивание с монгольской кровью и наблюдаются главным образом при монголоидной идиотии».

Современные исследования в области расовой биохимии также свидетельствуют о наследственном происхождении данного фактора расообразования. Американский антрополог М. Ф. Эшли Монтегю в своем фундаментальном учебнике «Введение в физическую антропологию» (1951), соотнося данные антропологических наблюдений с генетикой групп крови, также указывал: «Почти все младенцы бушменов и готтентотов рождаются с так называемым монгольским пятном».

12. Волосы как расовый признак

В тесной связи с пигментацией кожи находится пигментация и строение волос. Первую обширную классификацию рас на основе этих признаков создал Франц Прюнер-Бей в 1864 году. Он разделил человечество на две группы: шерстисто-волосых (*ulotriches*) и гладковолосых (*lissotriches*). В состав первой группы входят две подгруппы: пучковолосые (*lorhosomi*) и руноволосые (*egiosomi*). К пучковолосым принадлежат готтентоты и папуасы, а к руноволосым – кафры и негры. Гладковолосые делятся на прямоволосых (*euthusomi*) и кудрявоволосых (*euphosomi*); к первым принадлежат австралийцы, малайцы, монголы севера Евразии, а ко вторым – европеоиды, нубийцы и дравиды. Кроме того, он же указал на важность таких признаков, как поперечный разрез волос, их структура и глубина залегания пигмента, придающего им цвет.

П. А. Минаков в своей статье «Волосы в антропологическом отношении» (Русский антропологический журнал, N1, 1900) по этому поводу отмечал: «Изучение формы поперечного разреза волос заслуживает особенного внимания антропологов. Характерные для каждой расы формы поперечного разреза являются всегда значительно преобладающими».

Не цвет, а именно структура волос указывает на расовое происхождение индивида. Георг Бушан в этой связи отмечал: «При смешении негров с другими расами курчавая форма их волос сохраняется на закрытых частях тела». Из древних эзотерических трактатов известно, что при принятии в некоторые тайные общества неопиты подвергались люстрации половых органов. Подобные методики выявления нежелательных расовых примесей разрабатывались при идеологических ведомствах Ку Клукс Клана в США, а также при Расово-политическом департаменте НСДАП в Третьем Рейхе. Именно поэтому волосы с древнейших времен также считались одним из важнейших критериев расовой типологии.

Бори де Сент Винсан в 1825 году первым в целях наглядности классификации ввел в употребление такие определения рас, как «гладковолосые» и «курчавоволосые». Этьен Жеффруа де Сент-Илер в 1860 году дал более подробное описание рас по волосам, а Фридрих Мюллер в 1873 году еще более расширил и уточнил схему классификации. Кроме того Франц Прюнер-Бей в 1863 году установил, что у разных рас существует разное поперечное сечение волос и оно коррелирует с формой.

Крупнейший французский антрополог Поль Топинар в своей монографии «Антропология» (1879) писал: «Рунообразные волосы бывают тонки или тверды и представляются в различном виде. Они бывают длинны и ниспадают в виде бахромы, как у некоторых тасманцев; или же они длинны и идут во все стороны, образуя шаровидную мас-

су, которая с каждой стороны выступает на 30 сантиметров; их встречают у папуасов и кафров; или они бывают очень коротки, в виде небольших свертков, придающих волосам вид перечных зерен, как у готтентотов. Род помещения волос тоже производит некоторые из этих различий. Обыкновенно, волосы помещены наклонно; у готтентотов же папуасов и некоторых других негров они помещаются перпендикулярно к коже. Обыкновенно также они распределены или однообразно на всей поверхности головы, или неправильно, или по известным прямым или кривым линиям; у готтентотов и папуасов они растут маленькими пучками, разъединенными голыми промежутками, что, в тех случаях, когда волосы коротко острижены, дает голове вид щетки с ее пучками щетины».

Наконец в 1924 году крупный английский антрополог Альфред Хэддон вновь сделал волосы высшим принципом классификации рас. Немецкий ученый барон Эгон фон Эйкштдет в подтверждение важности этого признака указывал: «По длине волос на первом месте стоят монголоиды, за ними следуют европеоиды и далее с большим отрывом – негроиды. Стрижка волос при этом не влияет. У всех монголоидных групп волосы могут достигать весьма значительной длины, притом и у мужчин тоже. Это особенно характерно для палеомонголоидных групп, а также для индейцев. На втором месте стоят европеоиды. Курчавые волосы африканских негроидов редко бывают длиннее 15 см., поэтому оба пола обычно их коротко стригут. У меланезийцев волосы не курчавые в узком смысле слова, они у них закручиваются, вдвое длиннее и приближаются по форме к волосам эфиопской расы. По толщине волос расы располагаются в той же последовательности. У волос монголоидов особенно прочные корни. Понятно, что и по весу волос расы располагаются в той же последовательности.

Но не длина и толщина, а общая форма побудила некоторых авторов обратить внимание именно на волосы как на критерий расовой принадлежности. Современная классификация форм волос такова: 1) гладковолосые с подгруппами а) прямые, б) гладкие и в) слабоволнистые волосы; 2) волнистые а) широковолнистые, б) узковолнистые, в) кудрявые и 3) курчавые а) закрученные, б) завитушками, в) плотно закрученные, г) филь-филь (похожие на зерна перца) и д) спиральные».

Однако нужно отметить, что еще Аристотель и Гален знали, что волосы негров становятся курчавыми, потому что поры, из которых они растут, изогнуты.

Большое значение имеет плотность произрастания волос, так как у европеоидов они растут группами по 2-4, у рыжеволосых по 5, у негроидов всего по 2-3 волоска, причем под углом 20-70 градусов, а у монголоидов под углом 90 градусов, и всегда довольно регулярно. У гладковолосых рас волосы соединяются в пряди, у курчавоволосых – в кусты или образования в виде зерен перца, и только у меланезийцев волосы растут в разные стороны. При настоящей курчавости проявляется еще один типичный элемент стиля, на который первым обратил внимание Прюнер-Бей, а именно поперечное сечение курчавых волос имеет форму боба или эллипса, а волнистых и прямых волос – овальную и округлую форму. Эти различия между продольным и широтным диаметром были использованы для обоснования такой количественной характеристики, как **указатель поперечного сечения Фредерика**. У курчавоволосых негроидов он составляет 60, у волнистоволосых европеоидов – около 75, и у прямоволосых монголоидов – около 90. У расовосмешанных групп эта величина занимает промежуточное значение по сравнению с исходными чистыми расами. Кроме того на расовые характеристики волос оказывает огромное значение концентрация и расположение пигментных пятен.

Измерение **цветности волос** с целью расовой идентификации осуществляется сегодня по шкале Ойгена Фишера (1874-1967). Как большой знаток рассматриваемого вопроса, в своей фундаментальной монографии «Антропология» (1923) он писал: «Волосы имеют особое значение для антропологии во многих отношениях: с одной стороны, интерес представляет волосяной покров в целом, отличающий человека от приматов, а

с другой – форма и цвет волос, как явные расовые признаки. Зародыш с конца пятого месяца покрывается эмбриональным пушком, т. н. «лануго». К моменту рождения этот пушок, большей частью исчезает. Он сохраняется у детей австралийцев и африканских пигмеев. Вторичный волосяной покров на отдельных участках тела появляется в период половой зрелости. Он особенно сильно развит только у европейцев, австралийцев и айнов. Противоположный полюс – индейцы, у которых нет половых различий волосяного покрова. Толщина волос тоже разная у разных рас. Расы различаются и по природной длине волос на голове. У бушменов и готтентотов она обычно равна всего 10-15 см, у негров волосы несколько длинней, но не такие длинные, как у европейцев, зато у индейцев Северной Америки они нередко достигают длины 0,75-1 м. Полноценная борода характерна лишь для немногих рас. У веддов и других слабая борода растет только под подбородком».

Прямые волосы, сохраняющие прямизну на всем протяжении, свойственны прежде всего монголоидной расе. Волнистые волосы, образующие плавные изгибы, встречаются особенно часто у европейцев. Наконец, курчавые волосы, образующие тесные спиральные завороты, типичны для чернокожих; в большинстве случаев у них несколько волос образуют пучок, и между такими пучками имеются места, лишенные волос. Особенно важно, в смысле различия волос различных рас, направление и распределение волос на поверхности кожи головы.

У рас с прямыми и волнистыми волосами установлено правильное их расположение по определенным линиям направления, притом такое, что волосы направлены к темени; у курчавоволосых рас наблюдается, наоборот, отсутствие правильности и системы в направлении волос. Различаются расы и углом наклона луковицы, из которой растет волос. Расы с прямыми или волнистыми волосами имеют при этом сильный наклон волосяного стержня, для курчавоволосых рас характерен саблевидный изгиб волосяного стержня.

Современный немецкий ученый Райнер Флиндт в книге «Биология в цифрах» (М., 1992) указывает, что согласно последним данным количество волос на голове у блондинов составляет 150.000, у брюнетов – 100.000, а у рыжих – 80.000.

Что же касается пропагандируемых адептами современной молодежной культуры современных причесок, выполненных по модели, составляющей исконную племенную принадлежность «низших» рас, то это не может быть расценено иначе как кощунство и противоестественное извращение. Ибо современных молодых юношей и девушек европеоидного типа под воздействием управляемых «капризов» моды принуждают громоздить на голове сооружения, не соответствующие ни структуре европеоидных волос, ни форме европеоидного черепа, а также не отвечающие европейским канонам красоты. **Неевропейское убранство головы европейского человека, есть первый признак осквернения собственной расы и деградации.**

13. Расовая соматология

Сочетание анализа множества расово-диагностических признаков по различным измерительным шкалам многократно повышает точность исследования. В процессе антропозстетического восприятия каждым субъектом оцениваются и внешние характеристики строения тела рассматриваемого им человека: пропорции фигуры, пластика движения, позы. Весь этот комплекс проблем изучает наука **расовая соматология**. Ее расовые аспекты наиболее полно были развиты в работах таких ученых, как: Джозеф Сэмюэль Хепберн (1885-?), Уильям Томсон (1833-1918), Уильям Тернер (1864-?), Герман Клаач (1863-1916), Леон Пьер Мануврие (1850-1927), Эрнст Кречмер (1888-1964), Эгон фон Эйкштедт (1892-1965).

Статья русского ученого К. А. Бари «Вариации в скелете современного человечества и их значение для решения вопроса о происхождении и образовании рас» (Русский

антропологический журнал, N1, 1903) также показательна в этом отношении. В ней автор пишет: «Надежда на то, что и на скелете туловища у некоторых рас можно будет отметить низшие признаки, оказалась вполне основательной. Так, увеличение числа ребер соответствует более ранней ступени развития, а уменьшение ребер, а также числа свободных поясничных позвонков – более позднего происхождения». Вывод был основан на описании скелетов различных племен из числа «низших» рас, количество ребер на скелете которых доходит до 15 (!). Обнаружены также различия в количестве позвонков, в форме и строении ключиц, лопаток, заметные отклонения в кривизне берцовых костей, а также констатировано увеличение числа резцов на челюсти у некоторых диких племен. «Расовые отличия плеча были известны уже давно. Стоит напомнить хотя бы различное положение головки плеча, которая у австралийцев и негритянских рас обращена больше назад, чем у европейцев. У европейцев ось плеча образует с осью локтевого сочленения открытый наружу острый угол».

Разительны также различия и в пропорциях между верхними и нижними конечностями; в строении кисти и предплечья. «Сюда относится преобладание длины нижней конечности над верхней у европейских рас. С этой точки зрения значительная длина рук у австралийцев, веддов и негритянских рас может быть рассматриваема, как первичная стадия. У европейцев эту первичную стадию напоминают только новорожденные», – резюмирует свои соображения К. А. Бари.

Что касается статистики в области расовой вариации количества ребер, а также иных конструктивных особенностей в строении скелета, то такой известный русский антрополог как Октавий Васильевич Мильчевский в своей монографии «Основания науки антропознологии» (М., 1868) заострял внимание читателей на следующих красноречивых фактах: «У негров большей частью 7 пар истинных ребер, но гораздо чаще чем у европейцев и 8, то есть как у обезьян. У бушменов и вымерших гуанхов сходятся передние и задние локотные ямки в отверстия, как у понго и многих плотоядных, например, собак».

Известный знаток человеческого тела Карл Фогт в этой связи высказывал сходные мысли: «У негра туловище меньше относительно конечностей, и в особенности рук, которые, при отвесном положении тела, всегда хватают ниже середины бедра. Большинство негров, не сгибаясь и не наклоняясь, легко могут чесать кожу под коленной чашкой. В образовании затылочной части шеи негра заметно некоторое сходство с гориллой».

А Георг Бушан подчеркивал: «Крестец европейца абсолютно и относительно шире, чем у внеевропейских рас; он выказывает также явственное сужение книзу. Его наклон больше, чем у внеевропейцев. Кроме того, низшие расы обладают более длинным предплечьем, чем высшие; они приближаются в этом отношении к типу антропоидов».

Многokrратно цитировавшийся нами Ойген Фишер подчеркивал, что для определения на глаз расовых различий в пропорциях тела лучше всего рассматривать человека сзади, так как, оценивая его внешность спереди, мы невольно подсознательно будем уделять максимум внимания лицу, не замечая другие очевидные знаки конституции. В своем учебном пособии «Антропология» (1923) он подчеркивал: «По сравнению с европейцами, у негров более длинные в пропорции с туловищем руки и ноги, особенно предплечья и голени, у монголоидов очень длинное туловище и короткие конечности. У европейцев плечи и ребра можно назвать широкими по сравнению с длиной туловища, а у негров они более узкие, поэтому негр выглядит узкогрудым и стройным, средний европеец более приземистым, многие индейцы, малайцы и монголы еще более приземистыми и неуклюжими».

Крупнейшие современные отечественные специалисты в данной области В. Е. Дерябин, А. Л. Пурунджан в книге «Географические особенности строения тела населения СССР» (М., 1990) акцентируют внимание на том, что с эволюционной точки зрения

скелет обладает «генетической памятью», позволяющей ему оставаться неизменным по сравнению с другими группами органов морфологической структуры тела человека и сохранять особенности расовой компоновки практически неизменной на протяжении многих поколений. Динамические процессы исторической изменчивости в первую очередь затронули жировую и мышечную системы тела и менее всего скелет. Поэтому данный признак в процессе палеоантропологических исследований позволяет с максимальной точностью реконструировать становление и развитие рас. Мало того, оказывается, что на его основе лучше всего доказывается базовый постулат расовой теории об извечном противостоянии северных и южных биотипов. Авторы со всей очевидностью пишут: «Основной вектор соматической изменчивости направлен с севера на юг, и слабее выражена дифференциация групп в направлении с запада на восток».

В числе черт «южного» расового типа в скелете следует выделить несколько более длинный корпус и большую длину сегментов руки и особенно кисти. Но наиболее ярко проявляются «южные» черты в сочетании поперечных диаметров плеч и таза. Характерной «южной чертой» является также большой обхват шеи. В свою очередь в «северных» группах значительно больше периметры груди и нижних конечностей. Анализируя строение и длину ноги, авторы книги приходят к выводу о «многовековой стабильности антропологических зон».

Итак мы видим, что меньшее трудолюбие «южан» и их меньшая трудоспособность, выраженная в узких плечах и грудной клетке, а также склонность к лени в совокупности с тяготением к стяжательству, отображенная в строении сегментов рук, прекрасно зафиксированы «генетической памятью» скелета. Криминальная антропология Чезаре Ломброзо учит по строению тела человека делать вывод о его образе жизни и повадках.

Эволюционная морфология позволяет распознавать всю подноготную целых рас. Пропорции тела в одном человеке выдают поколения воинов и хлебопашцев, а в другом – шулеров и торговцев.

Мы не ставим своей целью оскорбить представителей всех «южных» популяций, но ведь «южная» нега вкупе с бессмысленной роскошью и праздным времяпрепровождением давно сделали притчей во языцех. Для большинства «северных» людей само многочасовое сидение на базаре неприемлемо с точки зрения эргономики. Сама «генетическая память» скелета противится такому ежедневному образу жизни, являющейся нормой для «южных» людей.

Ойген Фишер в монографии «Антропология» (1923) на сей же счет указывал: «Следует подчеркнуть, что все данные о превосходстве негров и прочих цветных над европейцами в области физиологии двигательного аппарата ложны, европейцы более способны к сосредоточению мышечной энергии, чем кто-либо другой». Именно эта способность к сосредоточению мышечной энергии у представителей белой расы и является великолепным индикатором специфики ее происхождения, связанного с борьбой за существование и, как следствие, с неустанным самосовершенствованием.

Поистине уникально еще одно расово-диагностическое наблюдение сугубо бытового свойства. Бари указывает: «Относительно нижних конечностей нужно отметить, что еще до сих пор у низших рас можно видеть признаки, указывающие на некоторую слабость этих конечностей, так как необходимая для вертикального положения тела крепость приобреталась только постепенно; и до сих пор в низших расах распространена склонность к сидению на корточках».

Мораль, как мы уже отмечали выше, находится в тесной связи с эволюцией, поэтому мы настоятельно рекомендуем всем любителям жарких споров и искателям истины перед началом диспута при помощи этого расово-физиологического теста выяснять положение собеседника на эволюционной лестнице. Если же он испытывает удовольствие от сидения на корточках, то лучше приберегите свои аргументы для прямоходящих. Из передач теленовостей легко можно убедиться в том, что многие племена Африки, Азии

и Кавказа испытывают нескрываемое удовольствие от этой позы, что и должно предопределить наше к ним отношение, ибо мораль имеет жесткое физиологическое основание. Данный признак помимо расово-этнической диагностики выполняет еще и функцию маркера криминально-дегенеративных элементов общества; ибо сидение на корточках – весьма излюбленное времяпрепровождение заключенных в тюрьмах. Мало того, подмечено, что негритянские женщины, как и многие породы животных, рожают в этой позе.

Примечательная работа А. П. Богданова «Физиологические наблюдения» (М., 1865) содержит выводы именно подобно характера. «Некоторые позы, очень тягостные для нас, естественны для некоторых других народов. Таково сидение на корточках, при котором носок, сильно вытянутый, упирается на землю, а ягодицы лежат на пятке. Существуют народы, у которых это положение заменяет наше сидение. Мы обращаем внимание путешественников также на способ диких лазить по деревьям. По-видимому, достоверно то, что у народов более или менее диких и ходящих голыми ногами, в особенности же у лазящих часто по деревьям и скалам, большой палец ноги приобретает замечательную подвижность; он может, не только сгибаться и разгибаться, но также направляться внутрь и быть приведенным действием мускулов в направление, параллельное оси ноги. Такая подвижность большого пальца привела к предположению, что у некоторых рас, подобно тому как это замечается у обезьян, тип ноги приближается к типу руки».

И. А. Сикорский в поддержку этого вывода также указывал: «Не только в строении организма, но и в привычках некоторых низших рас еще продолжают сказываться черты незаконченной или не вполне созревшей привычки к вертикальному положению тела, что выражается в склонности сидеть на корточках – склонности, от которой европейская раса уже вполне освободилась. Самая поза, какую при этом принимают, показывает, что низшими расами еще не вполне усвоено то постоянно бодрое напряжение мышц всего тела и позвоночника, какое свойственно белым. Как на антитезис этому факту можно указать на привычку русских молиться не иначе, как в стоячем положении, – что в особенности порождает наблюдателя на востоке, где молитва совершается на корточках или лежа».

Ойген Фишер утверждал со всей категоричностью: «Можно с полным правом сказать, что ноги сделали человека человеком. При чрезвычайно многосторонней и удивительно тонкой зависимости всех частей тела животного друг от друга даже малейшее изменение одной части не может не затронуть остальные. Благодаря прямохождению человек приобрел те особенности, которые физически отличают его от обезьяны».

Сидение на корточках, сильное размахивание руками при ходьбе, равно как и ходьба на полусогнутых ногах – все это несомненно атавистические обезьяньи признаки, передаваемые от индивида к индивиду в процессе эволюции.

Даже в современном учебном пособии «Морфология человека», под редакцией Б. А. Никитюка и В. П. Чтецова, изданного в Москве в 1990 году, ясно указывается, что «сидение на корточках» – наследственный признак, обусловленный углом шейки таранной кости. У европейцев он составляет 18° , у монголоидов – 20° , у негроидов – 24° , у человекообразных обезьян – 29° .

Если и в этом случае кому-то придет на ум фантазия объяснить спонтанное тяготение различных расовых групп к сидению на корточках некими культурными влияниями, то тем хуже для них, и всякие отношения с такой «культурой» лучше прекратить.

Богданов призывает нас внимательнее присматриваться к походке разных народов, чтобы тем вернее составить себе о них представление, ибо, по его мнению, «походка столь же изменчива, как и физиономия». Очень много значит способ, которым народы плавают, а также всякого рода экстремальные позы, которые люди принимают при употреблении пищи, занятиях любовью и отпращивании естественных надобностей. Для

внимательного наблюдателя-аналитика здесь заключена бесценная информация о зоологической предыстории и эволюционной ценности той или иной расы и обо всех тайных, тщательно скрываемых ею изъянах.

Барон Эгон фон Эйкштедт в фундаментальном сочинении «Расология и расовая история человечества» (1937-1943), которое до сих пор считается классикой антропологии, подчеркивал: «Различия в поведении, походке, мимике имеют своими предпосылками определенное строение суставов и мускулов и скорость прохождения нервных импульсов, то есть расовые особенности. Стойка и походка. Равно как и поведение, весьма различны у различных рас и народов. Есть типичные для них позы покоя, типичные манеры хождения, типичная жестикуляция, манера сидеть на корточках. Стиль плавания и хватательные движения».

Пигмеи, согласно его наблюдениям, стоят расставив ноги, как младенцы белой расы, а южные эфиопы и массаи предпочитают отдыхать, стоя на одной ноге в «позе аиста». «Походка пигмеев тяжеловесна, что возможно, вызвано диспропорциями ног и тела. Но в тот момент, когда пигмей начинает бежать, он становится гибким и легко обходит препятствия. Пигмей отдыхает, сидя на корточках, причем стопа ровно опирается на землю, а бедро и голень соприкасаются по всей длине, причем верхняя часть туловища наклонена вперед. Сидит ли пигмей на земле, на стволе дерева или на палках, он может сидеть так на корточках часами. Под зад он для удобства подкладывает чурбан», – писал Эйкштедт.

Расовые различия легко обнаруживаются в темпе, размахе и ритме движений. Так, например, длительность раскачиваний при ходьбе у негров совершенно иная, чем у китайцев или индейцев. Различная физическая утомляемость, мышечная сила, вариации в расположении мягких частей тела и центра тяжести делают движения представителей одних рас совершенно не похожими на движения представителей других. Эйкштедт конкретизировал: «Негры ступают твердо, нордические люди вышагивают, веддоиды семячат, старые люди ориентальной расы ходят вперевалячку, а нилоты – как на ходулях. Европейец сидит со свисающими ногами, восточный человек подкладывает ноги под себя, малаец сидит на корточках, негритянка стоит на коленях. Одно дело – северный европейец, другое – гибкий негритос. Европейец вообще не может правильно сидеть на корточках – это невозможно из-за массивных связок, толстых костей и распределения мускулов. Можно к этому привыкнуть, научиться более или менее искусно подражать сидящим на корточках или какое-то время сидеть «по-турецки», но автор на собственном опыте убедился, какая это тяжелая работа, по несколько часов присутствовать на ночных праздниках первобытных лесных народов. Сохраняя надлежащую позу. Известно, что у разных народов есть и разные формы плавания, что у них разные формы ног, и что плоскостопие является групповой особенностью (у негров и евреев)».

Особенности изображений японских миниатюр Эйкштедт также объяснял спецификой расового строения суставов вышивальщиц, пальцы которых легко изгибались под прямым углом к поверхности руки. Множество явлений повседневной жизни, которые культурологи объясняют посредством влияния среды и воспитания, меж тем имеют чрезвычайно простое антропологическое объяснение, коренящееся в особенностях строения тела творцов культуры.

В русских народных сказках очень часто можно встретить такое возвышенно-величественное описание походки русской красавицы: «ступает будто пава», что полностью соответствует психосоматическим признакам нордической расы. Поэтому пропагандируемый сегодня адептами так называемой «высокой моды» стиль походки с непременным покачиванием бедрами является расовочуждым, и соответствующим строению тела экваториальных рас. Точно также и при исследовании народных танцев мы без особого труда обнаружим, что у народов, относящихся к большой белой расе пластические и ритмические движения осуществляются руками и ногами, а позвоноч-

ник все время при этом держится вертикально. Кельтские танцы, германский йоль, украинский гопак, русские хороводы и пляска вприсядку, греческий сиртаки – везде мы наблюдаем одну и ту же соматологически сходную картину, ибо с эстетической и психофизиологической точки зрения белый человек всегда считал недопустимым выделять движениями живот, гениталии и бедра. Чем дальше на юг, тем примесь цветной крови увеличивается и весь танец постепенно сводится к примитивному потрясанию детородными органами, что наблюдается и у большинства животных во время брачного периода и предшествует спариванию, что не имеет никакого отношения к высшей культуре.

Великий русский путешественник Афанасий Никитин оставил красочное описание своего возмущения при виде пресловутого «танца живота» в одной из азиатских стран во время путешествия. Выходец из здоровой русской глубинки он испытал неподдельное физиологическое отвращение при виде этого расовочуждого действия.

Точно также и вся пропаганда «универсальной» йоги в современном европейском мире, растерявшем свои расовые ориентиры является откровенной провокацией, так как все расы имеют различную энергетику чакр. У европеоидной расы большей энергетикой и следовательно развитостью отличаются высшие чакры сердца и ума, в то время как у южных экваториальных рас лучше развиты низшие чакры живота и гениталий. Это одно из самых главных различий в строении рас проявляет себя во всех жизненных формах и в первую очередь в сфере культуры. Ибо существуют изначальные ценности и как следствие культуры и целые религиозные системы, рассчитанные одна на ум, другая на сердце, третья на живот, а четвертая на...

И никакая нивелирующая обработка общечеловеческими ценностями никогда не поменяет местами части тела и психоэнергетическую акцентацию у людей разных рас. «Запад есть Запад, а Восток есть Восток, и никогда им сойтись вместе», – это всего лишь красивое высказывание отдающее геополитическим максимализмом. С точки зрения расологии правильнее было бы сказать так: «Север есть Север, а Юг есть Юг и никогда им не поменяться местами».

Весьма важны указания русского ученого А. П. Богданова и на последствия расового смешения и метисации: «Народонаселение, состоящее из метисов, представляет большую пропорцию идиотов, сумасшедших, слепорожденных, заик и проч., сравнительно с тем числом таких же случаев, какое замечается в той или иной местности у двух первоначальных рас. Так, в Никарагуа и Перу замбосы (метисы негров и индейцев), хотя и представляют класс сравнительно малочисленный, но тем не менее из них составляется четыре пятых населения тюрем».

Эти положения классической антропологии вновь полностью экспериментально подтверждены положениями таких современных наук, как этология и биология поведения. Конрад Лоренц в своей книге «Оборотная сторона зеркала» (М., 1998) пишет, что «позиции тела могут быть генетически закреплены и стать постоянными видимыми признаками расы. Рыцари и дамы эпохи миннезингеров просто не могли бы сидеть на высоких готических стульях своего времени и естественно передвигаться в готических залах, если бы стиль того времени не был уже заложен у них в позициях тела».

Данный феномен расовой соматологии блестяще объяснил с эволюционной точки зрения один из крупнейших немецких антропологов-полигенистов Герман Клаач (1863-1916). В своей фундаментальной монографии «Происхождение и развитие человеческого рода» (С.-Петербург, 1896) он писал: «Нижние конечности человека вовсе не завершили своего превращения в опорные органы одновременно с тем, как наши животные предки стали людьми; напротив, впоследствии, т. е. во время распространения человечества по земной поверхности, приспособление нижних конечностей к вертикальному положению тела и соответственной походке происходило совершенно самостоятельно в различных группах. Отсюда понятно, почему среди рас наблюдаются различия

в характере походки, и было бы благородной задачей точно исследовать в механически-физиологическом отношении те особенности походки, которые с первого взгляда заметны у негра и японца. Эти люди ходят иначе, чем европейцы, и особенно сильно бросается в глаза у монголоидов их своеобразная манера держать ноги.

Устройство стопы австралийцев как нельзя лучше подтверждает те взгляды, которые мы высказали относительно происхождения человека. Она представляет еще скорее орудие для лазания, чем опорный аппарат. Этим стала стопа уже при распространении человека, и притом она изменялась совершенно независимо у различных рас. Поэтому скелет ее представляет различные особенности у негров, европейцев и монголов. У японцев он очень массивен и сохранил много низших признаков».

Крупный специалист в области расовых различий скелета немецкий антрополог Эрвин Бельц в труде «Об особенностях строения японцев» (1885) говорит следующее: «Весьма замечательно употребление японцами большого пальца ноги так же, как руки; они могут двигать им независимо от других и так плотно прижимать ко второму пальцу, что в состоянии крепко держать им даже мелкие предметы. Шьющая женщина может взять пальцами ног материю и свернуть как угодно. Говорят даже, что японки могут щипать этими пальцами. Вообще, нога японца сохранила очень многое из своей естественной подвижности. Они как будто цепляются за почву своими подошвами и поэтому во всякого рода упражнениях, где надо крепко держаться на ногах, как, например, при фехтовании и борьбе, всегда остаются босыми. Кто в первый раз увидит японцев свободно, без всяких приспособлений, работающих на крыше дома, как на земле, тот невольно испугается за них; но бояться нечего: они не упадут, потому что ноги их превосходно приспособлены к покатой форме крыши».

В Европе и Америке в XX веке появилось огромное количество полуграмотных любителей восточной экзотики. Японский обычай ходить дома босиком объясняется ими как своего рода следствие особенной почтительности к предкам, духи которых оберегают жилище. Но эта бытовая особенность восточного уклада жизни, как мы теперь убеждаемся, имеет сугубо антропологическое объяснение. Нога японца просто не приспособлена к ношению домашних туфель европейца. Так же и белый человек, поддавшись бесконтрольным веяниям расовочуждой моды и нацепивший на ноги сандалии, известные в народе как «вьетнамки», так же совершает насилие над своей расовой конституцией, ибо большой палец его ноги физически не способен обхватывать ремешок, продетый между ним и остальными четырьмя пальцами ступни.

Все вышеизложенное в равной степени относится и к мусульманскому Среднему Востоку, ибо средний нормальный европеец и десяти минут не высидит в той позе, в которой способны просиживать часами восточные «мудрецы». Классик советской антропологии Б. С. Жуков в книге «Происхождение человека» (М., 1928) утверждал: «Среди низших рас можно найти значительное число примеров хорошего развития мускулатуры пальцев ног. Японки при шитье, пальцами своих ног поддерживают и натягивают материю; некоторые малайцы пользуются помощью большого пальца ноги при гребле, вставляя весло; негры, готтентоты и другие народы пользуются ногою при натягивании лука, при поднимании предметов с земли и т. д.».

14. Атавистические (обезьяньи) признаки в морфологии рас

Один из известнейших специалистов в области пропорций и морфологии человеческого тела Карл Штрац (1858-1924) создал целую систему так называемых **питекоидных**, то есть **обезьяньих признаков**, свидетельствующих об известной «животности», эволюционной примитивности того или иного индивида, племени и даже целой расы.

Из огромного их числа он выделял важнейшие нижеследующие:

1. Ухо макаки – ухо с заостренным верхним краем.

2. Катарриния – низкий, обезьянообразный широкий нос с большими раскрытыми ноздрями.
3. Стеногродатфия – незначительное развитие височной области.
4. Кость инка – кость черепа, сросшаяся с затылочной костью.
5. *Torus occipitalis* – чрезвычайно сильное развитие поперечного возвышения на затылочной кости, к которому прикрепляется мускулатура затылка.
6. Значительная длина костей предплечья.
7. Когтистые пальцы ног.
8. Сильно развитые надбровные дуги с глубоко лежащими, широко расставленными внутренними углами.
9. Плавательные перепонки между пальцами рук.
10. Четырехпальцевая (обезьянья) сгибательная складка на ладони.
11. Монгольское пятно на крестце.

Ярким внутрирасовым признаком, характеризующим эволюционное положение индивида, а также одновременно с этим и **дегенерологическим маркером**, является посадка глаз, которая измеряется **индексом межглазничного пространства**.

Крупный немецкий антрополог Ганс Вейнерт в книге «Происхождение человечества» (М., 1935) писал: «Какая постановка глаз является древнейшей – близко поставленные глаза или находящиеся на более далеком расстоянии один от другого? Конечно, последняя, так как близко поставленные глаза появились впервые у низших форм, например павиана, вследствие дегенерации обонятельного органа. Большое же расстояние между зрачками и, как следствие этого, – расширение поля зрения привели к усовершенствованию стереоскопического отображения окружающего мира и к более пластическому познанию пространства».

По данным антропологической науки, к числу дегенеративных, или атавистических, признаков принадлежат также излишнее оволосение лица, хвостовые придатки, а кроме того, Х-образная форма ног (*genu vagum*), наиболее часто встречающаяся у евреев-метисов. Наконец, все дефекты речи, проистекающие от неправильного сращения небных костей, еще со времен инквизиции определяются как характерные признаки вырождения. Вышеупомянутый Ганс Вейнерт объяснял это так: «Небный валик служит прекрасным примером для иллюстрации основного биогенетического закона. Кроме того, это один из немногих признаков, принадлежащих к мягким частям тела, в развитии которого, так же как и в лицевой мускулатуре, можно уловить прогрессивную тенденцию, направление которой не нарушается данными, полученными у отдельных родов и видов».

Об определенной «низости» происхождения с эволюционной точки зрения свидетельствуют и другие морфологические признаки, концентрация которых у всех народов различна. Именно частота возникновения рудиментарных признаков в той или иной популяции и свидетельствует о ее эволюционном положении. Вильгельм Лехе в своей книге «Человек, его происхождение и эволюционное развитие» (М., 1913) подчеркивал: «Во внутреннем углу глаза находится небольшая светло-красная перепонка, так называемая полулунная складка (конъюнктив) – образование, которому не может быть приписана ни какая-либо функция, ни какая-либо польза. Она лучше развита у некоторых диких народов (негры, малайцы), нежели у европейцев».

Поль Топинар в своем учебнике «Антропология» (С.-Петербург, 1879) давал такое объяснение сути рассматриваемого явления: «Есть признаки, которые проявляются внезапно у представителей всех человеческих рас, чаще всего так называемых низших. Они называются **рудиментарными органами** и **аномалиями**. В учении о превращении сравнительно низших форм в существа более сложные и совершенные многие аномалии последних получили название явлений **возврата** или **реверсии**. В них подразу-

меваются выражение кровного родства между двумя различными организмами, и потому эти явления касаются вопроса об отношениях человека к другим млекопитающим».

Крупный немецкий антрополог Густав Швальбе (1844-1916), очень много внимания уделявший вопросам **эволюционной морфологии и сравнительной анатомии**, выделял три главных признака, указывающих на близкое родство представителей определенной расы с неандертальцами: это пониженный свод черепа по отношению к его длине, сплошной надглазничный валик и сильный наклон лба при малом изгибе чешуи лобной кости. Советский антрополог Г. Ф. Дебец считал безусловным неандертальским признаком сильную величину ногтевой фаланги большого пальца. Мало того, он усматривал связь в развитии этого признака с характерным строением надглазничного рельефа черепа. Все эти признаки свойственны коренным жителям Австралии.

Советский ученый В. Р. Кабо в книге «Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии» (М., 1969) писал: «Проблема происхождения австралийцев и тасманийцев – одна из важнейших в антропологии. Она тесно связана с такими проблемами, как становление человеческих рас (расогенез), систематика рас, характеристика расовых типов человечества и их расселение по земле. В антропологическом отношении аборигены Австралии занимают особое место среди других расовых групп человечества. В целом для них характерны темно-коричневая кожа, волнистые черные волосы, обильное развитие третичного волосяного покрова на теле и на лице (у мужчин), довольно покатый лоб с развитыми надбровными дугами, очень широкий нос с низким или средней высоты переносьем, крупные зубы, средние размеры скулового диаметра, прогнатизм, рост выше среднего и высокий, долихоморфность и долихоцефалия. Указанные признаки позволяют отнести аборигенов Австралии к особой австралийской расе. В этом отношении между антропологами, по-видимому, нет разногласий».

К особой расе австралийцев относили также английский эволюционист Томас Генри Гексли и советский антрополог Виктор Валерианович Бунак. Согласно теории **полицентризма** австралийцы представляют собой отдельную расу, в полной изоляции развившуюся от древних протоморфных форм. Данную точку зрения высказывали Франц Вейденрейх (1873-1948), Карлтон Стивенс Кун (1904-1981), Артур Кейт (1866-1955). Строение неба и зубов австралийцев принадлежат к крайне примитивным формам эволюционного развития, на что указывал и Г. Ф. Дебец.

Известный немецкий антрополог Ойген Фишер (1874-1967) в книге «Антропология» (1923) высказался еще решительнее: «По многим признакам неандертальцы были даже выше развиты, чем австралийцы – последние происходят от более древних форм». В начале 30-х годов XX века его поддержал советский ученый И. И. Пузанов, который выводил происхождение австралийцев непосредственно от питекантропов, что, несомненно, подтверждается почти сходным весом мозга одних и других.

В. Р. Кабо в другой своей книге «Тасманийцы и тасманийская проблема» (М., 1975) высказал свое мнение о вымерших в XIX веке аборигенах острова Тасмания как о самом первобытном народе мира. В. Ф. Зыбковец в монографии «Дорелигиозная эпоха» (М., 1959) также подчеркивал, что тасманийцы не имели представления о железе и железных изделиях и совершенно не занимались рыболовством, хотя жили на берегу океана, не знали керамических изделий. Тасманийцы отличались от австралийцев формой головных волос, большей шириной черепа, еще более широким носовым отверстием и более сильно выраженным прогнатизмом, исключительно малым размером высоты лица и мозговой коробки, низким расположением орбит. У тасманийцев более широкий и короткий нос и небо, более низкий свод черепа, чем у австралийцев.

Помимо целых расовых комплексов, характеризующих сходство тех или иных рас с более древними протоморфными предками человека, существуют, как мы уже показывали, отдельные аномалии, указывающие на возврат, реверсивный откат в развитии, своего рода эволюционную деградацию. По мнению Поля Топинара, наиболее часто

встречаются эти возвраты в строении мускулатуры. К ним относятся **кожные мускулы**, кроме головы и лица, встречающиеся под мышками и на лопатках, **грудной мускул, седалищно-лобковый мускул**. «Как бы ни объясняли эти факты, во всяком случае они устанавливают связь между типом организации человека и животных», – указывал Топинар.

Ойген Фишер также занимался проблемой атавизмов: «Жилистая прокладка в самой передней части подъязычной мышцы встречается у европейцев в 1,5% случаев, у негров – в 6,6%, а у японцев – в 70,7%. Грудинная мышца встречается у европейцев в 4,1% случаев, у негров – в 12%, у японцев – в 14,8%. Японцы чаще всего имеют примитивные мышечные вариации, а европейцы – реже всего. Хорошо изучены мышцы лица. У высокоразвитых форм эти мышцы соединяются в большие взаимосвязанные комплексы. Меланезийцы, негры и прочие, похоже, действительно чаще имеют более примитивные формы, которые у нас встречаются лишь изредка».

К числу атавистических признаков относится и раздвоение матки или так называемая **двурогая матка**, составляющая нормальное явление у грызунов.

Герман Клаач в своей статье «Положение человека в природе» из сборника «Эволюция человека» (М., 1925) аргументированно утверждал: «Между известными человеческими расами и определенными человекообразными обезьянами существует родственная связь не только в общем, но даже в частности. Человек вовсе не представляется теперь венцом творения, но оказывается соединением очень древних свойств с другими, медленно усовершенствованными, и с третьими, явившимися недавним приобретением».

Наконец и крупнейший советский антрополог В. В. Бунак в своей базовой монографии «Род Номо, его возникновение и последующая эволюция» (М., 1980) также выделил тему **аномальных признаков** в процессе филогенетической эволюции. Согласно его концепции данный термин применим для обозначения вариаций признака, лежащего на расстоянии трех стандартов от средней величины, или резко отличающегося от **типичной человеческой структуры**.

В. В. Бунак употреблял также понятие **структурные аномалии**, то есть те, которые передаются по наследству вместе с другими расовыми признаками. Из их числа он перечислял следующие важнейшие. Прежде всего это те аномалии, что отражают нарушение преемственности процессов в данной расовой группе, когда не стыкуются целые фазы развития, или когда может идти речь о возникновении элементов структуры отдельного органа, вообще не имеющей аналогии с человекообразными формами. Например, многие аномалии срастания швов черепа, развитие дополнительных коренных зубов, затылочного гребня и массивного надбровья. Сюда относятся также патологии, связанные с незаконченным формированием структуры. Например, расщепление позвонков крестца, расщепленная губа и т. д. Аномалии, связанные со слиянием, расщеплением или перемещением закладок органа, все формы асимметрии, выражающейся в несоответствии расположения, формы и размеров органов левой и правой половины тела.

«Аномальные структуры имеют несложную генетическую структуру. Частота аномалий перечисленных типов в европейских группах ниже, чем во внеевропейских; на черепе аномалии в области птериона чаще встречаются у негров, аномалии затылочной кости – у восточно-азиатских народов. Редукционные изменения более часты у европейцев», – подчеркивал В. В. Бунак. Здесь очень важно отметить, что под **редукционными аномалиями** он подразумевал особенности строения, идущие в направлении усиления специфики современно вида Номо, то есть соответствующие эволюционному вектору максимального очеловечивания. Но именно эти признаки и характеризуют белую расу. Эгон фон Эйкштедт называл их **прогрессивными**, напротив, те, что свидетельствуют об эволюционной примитивности строения, он считал **регрессивными**.

Выдающийся английский антрополог Джон Р. Бэкер в своей фундаментальной монографии «Раса» (1974) как истинный ученый перечислил и объяснил базовые анатомические признаки, присущие представителям, так называемых, «низших» рас:

1) **Affenspalte** – «обезьянья борозда», то есть характерный морфологический признак в задней части мозга, приближающий его носителей к разряду антропоидных обезьян;

2) **Euterbrueste** – «вымяобразная грудь» у женщин;

3) **Ganzprofilwinkel** – прогнатизм или сильно выступающая вперед нижняя челюсть;

4) **Hottentottenfalte** – «готтентотская складка» возле глаза;

5) **Indianerfalte** – «индейская складка» возле глаза;

6) **Mongolenfalte** – «монгольская складка» возле глаза;

7) **Negerfalte** – «негритянская складка» возле глаза;

8) **Trichterfoermig** – «воронкообразное» отверстие носа.

Об «обезьяньей борозде» (Affenspalte) Дж. Р. Бэкер писал, как о расоводиагностическом маркере, так как у европеоидов она расположена существенно более назад чем, у австралийцев и обезьян. В английской классической научной литературе она получила название «**monkey-cleft**» и была описана крупным неврологом сэром Графтоном Эллиотом Смитом (1871-1937), который назвал ее «беспристрастным устойчивым признаком, для всех тех, кто хотя бы один раз видел в музее мозги обезьян и европейца». В анатомических атласах данный признак обозначается, как «**теменно-затылочная борозда**». Психиатры связывают ее наличие с эволюционным недоразвитием мозга и общим наследственным кретинизмом.

В этой связи нам кажется вполне справедливым, что сэр Артур Кейт (1866-1955) в своей книге «Этнос или проблема расы» (1931) весьма точно и образно определил, что характерные физические признаки, одевающие наше тело, это – «**униформа расы**».

15. Глаза как расовый признак

Одним из важнейших признаков, по которому определяется совокупная принадлежность человека к своему расово-биологическому кругу является цвет глаз. В легендах и народных сказаниях всех народов земли с древнейших времен можно проследить степень важности цвета глаз при идентификации по принципу «свой-чужой». Однако осмысленное изучение данного важнейшего антропологического параметра началось лишь в конце XIX века. Густав Фрич (1839-1891) одним из первых указал на расовые различия в сетчатке глаз, а Ойген Фишер (1874-1967) обнаружил соответствие пигментных клеток в слизистой оболочке животных и «низших» рас человечества.

Наконец Макс Вольфганг Хаушильд (1883-1924) в свою очередь подтвердил существование трех различных типов пигментных клеток в радужной оболочке черной, желтой и белой рас, каковой факт и нашел свое отражение при интерпретации культурных различий. Крупный русский антрополог П. А. Минаков в своей статье «Значение антропологии в медицине» (Русский антропологический журнал. N1, 1902) указывал: «Многие народы не различают некоторых цветов спектра. Так, например, арабы употребляют слова: черный, зеленый и бурый, как синонимы. Корейцы не различают зеленого и голубого, называя эти цвета одним словом «Pehurada». Племя бонго, обитающее в Центральной Африке, употребляет для черного, голубого и зеленого цвета также одно слово – «Kamakulutsch». У этого племени цветовая шкала состоит из трех цветов: черного, красного и белого.

Должно заметить, что при указанных особенностях многим дикарям свойственна необыкновенная острота зрения и слуха, позволяющая дикарю различать детально очень отдаленные предметы и слышать отчетливо самый слабый шум, совершенно не-

доступные уху европейца; однако, гармонические сочетания звуков, красок и тонов мало доступны дикарю».

Об определенной «низости» происхождения с эволюционной точки зрения свидетельствуют и другие морфологические признаки в строении глаз, концентрация которых у всех рас различна. Именно частота возникновения этих рудиментарных признаков в той или иной популяции и свидетельствует о ее эволюционном положении. Крупный шведский антрополог Вильгельм Лехе в своей книге «Человек, его происхождение и эволюционное развитие» (М., 1913) подчеркивал: «Во внутреннем углу глаза находится небольшая светло-красная перепонка, так называемая полулунная складка (конъюнктив) – образование, которому не может быть приписана ни какая-либо функция, ни какая-либо польза. Она лучше развита у некоторых диких народов (негры, майя), нежели у европейцев». Известный немецкий ученый Георг Бушан в неоднократно цитированной нами выше книге в свою очередь отмечал: «Третье веко, или *Plica Semilunaris*, есть вертикально стоящая складка соединительной ткани глаза и представляет собой остаток мигательной перепонки животных, в особенности она выражена у птиц, амфибий и рептилий. В качестве воспоминания об этом состоянии она сохранилась у человека в виде маленького хрящеватого зачатка, который иногда встречается в особенности часто у низших рас, например, у негров в 75%, а у белой расы, только в 0,5%».

Также и советский ученый Б. С. Жуков писал: «Полулунная складка у глаза у представителей низших рас является несколько более сильно развитой, чем, например, у представителей европейских народов». Из чего следует, что и в строении самих глаз и органов, их окружающих заключен целый букет морфологических признаков, позволяющих с высокой степенью вероятности судить об эволюционной ценности того или иного индивида именно с расовой точки зрения.

Конструктивные различия в расположении глаз не менее значимы. Нижняя часть орбиты очень узка у горилл, у людей она шире, особенно у негроидов, у европеоидов она менее широкая, самая же узкая – у монголоидов. Барон Эгон фон Эйкштедт в этой связи писал: «Очень широкую щель как у негра племени вуте, можно считать инфантильно-примитивным признаком, но только в рамках человеческих серий: у людей строение орбиты развивалось в особом направлении. Об этом свидетельствует и выступание фронтомаксиллярного шва на внутренней стенке глазниц, вызванное выступанием верхнечелюстной кости. Это обычно у горилл и шимпанзе, у людей же очень редко, только у звероподобных примитивных рас». Негритосы, бушмены и ведды имеют абсолютный максимум емкости входной плоскости глазниц, от чего их черепа кажутся более злобными. Форма орбит определяется с помощью орбитального указателя. Низкие и обычно более прямоугольные формы, как у тасманийцев, новоколледонцев, огнеземельцев и гуанчей имеют указатель около 80, тогда как более округленные и высокие формы у китайцев, эскимосов и полинезийцев имеют около 90. Расовая особенность орбит у монголоидов выражается также в расположении линии их максимального растяжения по ширине; у европейцев эта линия гораздо больше наклонена к горизонтали, чем у японцев, что указывает на более высокое расположение всей внешней орбитальной области у монголоидов. В целом у них глазное яблоко имеет более фронтальное расположение. Различаются расы и по расстоянию между глазами, и самое главное по структуре сетчатки. Эгон фон Эйкштедт указывал: «У обезьян сетчатка имеет очень мелкую структуру, среди людей к ним приближаются бушмены, ведды, в меньшей степени – негроиды. Мнение будто у дикарей глаза лучше, не подкрепляется убедительными аргументами. Пигментными клетками набиты грубые и мало разветвленные клетки радужной оболочки у негроидов, у монголоидов этих клеток больше, но они меньше, у европейцев этих клеток меньше, но они более нежные. У темнокожих рас эта оболочка

покрывает конъюнктиву и зрачок, вследствие чего последний кажется не белым, а желтоватым, а его край имеет коричневую кайму.

Новорожденные европейцы обычно имеют синие или темно-фиолетовые, серо-голубые глаза, негроиды – карие, монголоиды – зеленовато-карие».

Интерес с точки зрения истории эволюции представляют мышцы для смыкания век. У примитивных рас они еще связаны с мышцами носовой области. У высших – совершенно самостоятельны. Так у европейцев они четко делятся на три подгруппы. Образование хрящей на конъюнктиве составляет отличительную особенность обезьян, довольно часто встречается у негроидов, реже у монголоидов и почти совершенно отсутствует у европеоидов. Данную закономерность обнаружили Пауль Рудольф Бартельс (1874-1914) и Бунтаро Адахи. Но больше всего заметных особенностей имеют монголоидные глаза. Орбиты у монголоидов расположены гораздо выше снаружи, чем у европейцев, от чего создается впечатление о косоглазии и небольшом пучеглазии представителей желтой расы. Но главная особенность монголоидных глаз это глазная щель, от которой во многом зависит выражение лица. У северных европейцев она обычно имеет форму веретена, у людей ориентальной расы – миндалевидная. Эгон фон Эйкштедт указывал на множество иных рудиментарных образований в строении глаз у представителей черной, желтой рас и их метисов: эпикантус, готтентотская складка, негритянская складка, персиковое веко, тарзальное веко, булавовидное веко. Все эти морфологические аномалии достались представителям данных рас в наследство от животных предков, а высокая степень их концентрации говорит о взаимной эволюционной близости. Цветность глаз представителей различных рас сегодня измеряется по шкале Рудольфа Мартина (1864-1925).

Известный американский антрополог Карлтон Стивенс Кун обнаружил, что вес глазного яблока у негроидов составляет в среднем 8,5 грамм, у европеоидов – 7,9 г., а у монголоидов – 7,4 г.

Ойген Фишер в книге «Антропология» (1923) сделал такие важные замечания: «По глазам можно определить и расовые различия нервного аппарата. Только у приматов (кроме лемуринов) на сетчатке образуется так называемая центральная ямка. Именно в области этой ямки наблюдаются частотные различия между расами. Так, готтентоты и многие индийские племена имеют особенно мелкие и плотно расположенные колбочки в центральной области сетчатки, у восточных азиатов большие зоны без палочек. Самые мелкие элементы зрительного слоя сетчатки имеют готтентоты, затем следуют индийцы и малайцы; не такие мелкие они у меланезийцев, далее следуют европейцы.

Гораздо более заметны различия в пигментации глаз, особенно радужной оболочки. Но расовые различия имеет пигментация не только радужной оболочки, но и других частей. У негров и ряда меланезийских групп пигментные клетки имеются и в белочной оболочке глаза, и в зрительном нерве. Имеются различия и в пигментации соединительной оболочки. У всех рас, кроме нордической, в глубоких слоях этой оболочки клетки эпителия пигментированы.

Заметны расовые различия и в устройстве век. Так, например, хрящ на плике, имеющий форму полумесяца, встречается у европейцев в 0,7% случаев, у японцев – в 20%, у айнов в 42%, у готтентотов – в 35% и у негров – в 75% случаев. Различна и форма самих век. Есть очень узкие глазные щели (у многих северных азиатов) и широкие (у европейцев); в Северной и Центральной Европе эта щель почти всегда имеет форму «веретена», то есть оба угла глаза примерно одинаковой величины; в Южной Европе, Северной Африке и особенно в Передней Азии часто встречаются миндалевидные глазные щели с закругленным носовым углом и острым наружным. В зависимости от того, проходят линии, соединяющие углы глаз, горизонтально или с наклоном к носу, положение глаз называют «прямым» (у европейцев и негров) и «косым» (часто у монголоидов и индейцев). С этим настоящим косоглазием не следует путать кажущееся, причина

которого – особые складки века у внутреннего угла глаза. Профаны называют такую форму глаз «глазами-щелочками». Речь идет о складке, которая в зоне носовой половины верхнего века спадает вниз как второй слой кожи таким образом, что закрывает слезное мяско и часть края века от внутреннего угла глаза до середины. Снаружи она косо поднимается вверх. Если поднять ее пальцем, сразу видно, что сам край века и форма глазной щели такие же, как у всех других. Образование этой складки связано с плоской формой носа и положением глазного яблока. Эта складка, как правило, встречается у всех монголоидов и очень часто – у эскимосов и малайцев, поэтому ее называют «монгольской складкой», и это название можно сохранить, хотя мы сегодня знаем, что точно такая же складка имеется у готтентотов и их «бастардов», не имеющих ничего общего с монголами. Очень редко встречается она и у отдельных европейцев».

Крупный немецкий ученый Гюнтер Юст в книге «Учебник по теории наследственности человека» (1940) систематизировал все возможные вариации в патологических отклонениях в строении наружных покровов глаза.

Эрвин Бельц обращал внимание еще на один расовый признак в строении глаза представителей монголоидной расы, а именно: отсутствие или слабое развитие впадины между веком и краем лба.

С развитием генетики были обнаружены новые интересные закономерности. Так, Карлтон Стивенс Кун сделал вывод о совмещенной эволюции под действием отбора как цвета кожи, так и пигментации сетчатки глаза. Люди с голубыми глазами лучше различают ультрафиолетовую часть спектра, чем темноглазые, и потому лучше различают отдаленные объекты при тусклом освещении или в тумане. Кроме того, среди голубоглазых субъектов гораздо чаще встречается группа крови O.

Известный современный отечественный генетик Юрий Иванович Новоженев в фундаментальной монографии «Адаптивность красоты» (Екатеринбург, 2005) подчеркнул, что цвет глаз человека на протяжении всей его эволюции являлся одним из ключевых факторов отбора, и был по сути одним из ключевых критериев расовой красоты, на основе которого отбирался перспективный брачный партнер.

Хаушильд пришел к заключению, что в переднем отделе глаза особенности пигментации гораздо сильнее действуют на общий вид глаза, тогда как различия в распределении пигмента в заднем отделе глаза имеют гораздо меньшее значение. Расовые различия обнаруживаются как в окраске и в количестве пигмента, так и в форме пигментных клеток. Различают следующие их типы:

1. Негроидный тип пигментных клеток, который встречается у негров и меланезийцев, отличается неуклюжими, мало разветвленными формами пигментных клеток радужной оболочки, в которых зерна пигмента располагаются густой массой, так что клетки выглядят еще более комкообразными. Масса сосудов радужной оболочки относительно рыхла, число ее пигментных клеток менее значительно, чем у монголоидов и европеоидов. Соединительная ткань всегда сильно пигментирована, причем зернышки пигмента, кроме эпителия соединительно-тканной оболочки, наполняют также у основания складку роговой оболочки и верхние эпителиальные клетки. Окраска радужной оболочки темно-коричневая или густая черно-бурая. Соединительно-тканная и белковая оболочки кажутся серыми или коричневыми, нередко пятнистыми.

2. Монголоидный тип клеток, встречающийся, например, у китайцев, японцев и корейцев, обладает пигментированными клетками радужной оболочки довольно тонкой формы, их придатки не так грубы и длинные, их пигментные зерна не так густо располагаются. Клетки, по сравнению с негроидным типом, встречаются в большем количестве и наполняют массу радужной оболочки равномерно. Соединительная ткань также сильно пигментирована, но лишь в нижних слоях. Глаза яванцев, по исследованиям Хаушильда, обнаруживают такой же монголоидный тип, но с некоторой склонностью

к негроидному. Цвет глаз, как у негров, варьируется от темно-коричневого до чернобурого, белок грязноватый, коричневый, отчасти пятнистый.

3) Европеоидный тип обладает пигментными клетками радужной оболочки еще более тонких форм, с длинными тонкими придатками. Пигментные зернышки образуют неправильные комочки и их относительно мало, число пигментных клеток невелико. Соединительная оболочка наполнена лишь в самых глубоких слоях разбросанными вокруг клеточных ядер небольшими количествами пигментных зерен и является, следовательно, почти не пигментированной. Цвет глаз светлый – голубой, серый, зеленый или светло-коричневый. Соединительная оболочка кажется белой или голубоватой.

Приблизительно так описывал данную совокупность конструктивных расовых особенностей крупнейший немецкий антрополог Фердинанд Биркнер.

Дальнейший ход развития антропологии и этологии – науки исследующей биологические основы человеческого поведения продолжался в том же направлении, и многие факты социальной жизни объяснявшиеся ранее действием абстрактных культурных различий, теперь получили совершенно иное истолкование. Позиции биологического детерминизма существенно укрепились. Крупный современный американский исследователь Морган Уорти опубликовал в 1974 году весьма примечательную книгу «Цвет глаз, пол и раса (Ключи к поведению людей и животных)», в которой основываясь на богатейшем статистическом материале объяснил многие коренные различия в поведении людей различных рас.

Выяснилось, что люди с темными глазами больше реагируют на цвет, а люди со светлыми глазами – на форму. Темноглазые индивиды особо чувствительны к цветам длинноволновой части спектра, так как сильная пигментация частично блокирует коротковолновый свет. Именно поэтому южане больше любят красный и желтый цвета, а северяне синий и серый. Кроме того, светлоглазые блондины нордической расы лучше различают полутона и ориентируются в пространстве. Темноглазые люди больше реагирующие на цвет, склонны к спонтанным и эмоциональным реакциям, а светлоглазые, реагирующие больше на форму предпочитают контролировать свои эмоции. Темноглазые любят тесное общение, светлоглазые же напротив все формы поведения основывают на дистанции, почитая сокращение межличностного пространства за дурной тон. Темноглазые во всем предпочитают следовать общественным шаблонам, в то время как светлоглазые вырабатывают свою жизненную позицию исходя из законов внутреннего стиля.

Вывод в работе Морган Уорти хотя и шокирующе просто, но тем не менее хорошо аргументирован: «Люди с голубыми глазами воспринимают, прежде всего форму и имеют научный склад ума, а люди с карими глазами – цвет и имеют ненаучный склад ума».

Расовый анализ изобретателей и рационализаторов не оставляет никакого сомнения в том, что подлинная наука это детище по преимуществу представителей нордической расы. Следовательно мировоззрение выработанное кареглазым человеком никогда не станет подлинным достоянием человека голубоглазого, ибо специфика мировоззрения и цвет глаз взаимосвязаны.

16. Расовые запахи и пристрастия людоедов

Уже врачи и путешественники античной эпохи писали об особенностях расового запаха, что указывает на объективность и разработанность данного раздела групповой физиологии. Миссионеры средневековья говорили об «иудейской вони», а первые европейцы, покорившие Вост-Индию, от местных негров слышали фразу из песни: «Господь любит своих негров, он узнает их по запаху». Показателен и другой факт: в средневековой Европе торговцы волосами, которые занимались изготовлением париков, отличали по запаху немецкие от французских волос и различали даже ирландские, шотландские, английские и уэльские. Первое, по чему европейцы идентифицировали индейцев Нового света – был их природный запах, который впоследствии получил название **Catinca**.

Один из основоположников антропологической науки Иоганн Блюменбах обоснованно рассуждал о «национальных свойствах кожи». Крупнейший французский антрополог Жан-Жозеф Вирей (1775-1846), будучи доктором медицины и членом Королевской медицинской академии, в своем фундаментальном трехтомном труде «Естественная история человеческого рода» (Париж, 1824) писал: «Когда негру жарко, его кожа покрывается маслянистым, черноватым потом, который пачкает белье и издает весьма неприятный запах. Негры воняют так сильно, что место, по которому они прошли, остается пропитанным этим запахом на протяжении четверти часа». А русский классик Анатолий Петрович Богданов еще в середине XIX века указывал: «Некоторые народы издают из себя особенный запах, так, например, известно, что собаки, употребляемые для охоты за бежавшими невольниками, легко отличают след негра от следа индейца».

К числу специфических черт следует отнести также и форму **обонятельной борозды** у евреев. С древнейших времен известно, что все расы и племена имеют свой специфический запах, ведущий свое происхождение еще с этапа дочеловеческой истории развития. Не случайно поэтому отделы мозга, ответственные за обоняние, имеют самое древнее происхождение с эволюционной точки зрения и их развитие предшествовало всем формам психической деятельности. Вряд ли нужно пояснять, сколь велико значение запахов в животном мире. Поразительным образом оказывается, что и в мире людей их значение велико, хотя и не всегда осознается в полной мере. **Парфюмы, притирания, благовония, духи разных народов также имеют расовые различия, поскольку призваны скрашивать природный запах своих хозяев.** Терпкие духи южан, вызывающие справедливое отвращение у представителей нордической расы, в этом плане являются отличной иллюстрацией биологии культурно-исторического генезиса народов. Карл Фогт указывал: «Запах народа есть его неотъемлемая историческая принадлежность. Подобно цвету, и испарения кожи имеют характерные особенности; у некоторых рас, даже при самой старательной опрятности, всегда существует особенный запах. Как бы мы ни кормили и ни мыли негра; для него запах составляет видовую особенность».

Предметом изучения в расологии является только эндогенный запах, то есть тот, что представляет собой результат секреторных процессов организма. Запах в данном случае рассматривается именно как расовый признак. По исследованиям японского расолога Бунтаро Адахи, только 2-3% японцев имеют запах подмышками. У японцев потовые железы развиты больше, чем у корейцев. От китайцев исходит своеобразный мускусный запах. Представления о расовых запахах субъективны, как и любые иные расовые оценки, ибо каждая оценивающая сторона заведомо считает себя «истиной в последней инстанции». Так, например, жители Меланезии говорят, что «перед белым человеком идет его запах». Индейцы Перу в лесу отличают на расстоянии негра от бело-

го. Вообще для четкой идентификации запаха чужеземцев во многих языках мира существуют специальные термины.

Английский ученый лорд Генри Кеймс в своем многотомном сочинении «Очерки по истории человека» (1774) писал, что от негров исходит «зловонный, скотский запах». Известный путешественник по Африке сэр Гарри Джонсон описал, как похитителей его личных вещей он идентифицировал по запаху, который долгое время сохранялся в комнате после незваных визитеров.

Крупнейший американский антрополог Хевлок Эллис в своей книге «Психология секса» (1905) определял негритянский запах как «аммиачный и прогорклый», и что отдельно взятый негр пахнет одинаково, что на Гаити, что в Вашингтоне. В свою очередь Бунтаро Адахи и немецкий антрополог Рихард Андрее собрали множество информации о природном запахе негров, указывая, что жители Анголы, например, пахнут сильнее, чем жители Сенегала, то есть существуют известные популяционные вариации деятельности и структуры секреторных желез у представителей большой негроидной расы.

Что касается аборигенов Австралии, то они обладают менее интенсивным запахом по сравнению с негроидами, но, тем не менее, собаки, лошади и крупный рогатый скот легко отличают и их от европейцев на значительном расстоянии.

Следует также отметить очевидные различия в химическом составе выделений у представителей различных рас, а также корреляцию интенсивности запаха с размерами и формой носового отверстия на черепе.

Все это вновь говорит в пользу огромного значения эндогенных природных запахов в развитии рас, когда на основе данного признака интуитивно безошибочно выбирается перспективный брачный партнер. Деление людей на чужих и своих – это вовсе не происки «оголтелых шовинистов» и «зоологических ксенофобов», как пытаются убедить нас в этом ангажированные политологи, но магистральный принцип биохимической эволюции.

Политкорректная неразборчивость в запахах неизбежно привела бы к приостановлению полового отбора и, как следствие, к генетическому вырождению. Перспектива биологической сертификации рас на том или ином этапе развития неизбежна. И совершенно не важно, кто начнет этот процесс. Желание – первично.

Барон Эгон фон Эйкштедт уже в середине XX века отмечал: «Ни один путешественник не говорит о черных индусах, что от них исходит дурной запах. Зато все путешественники свидетельствуют, что запах, испускаемый африканскими неграми, отвратителен и что он сохраняется даже у метисов, чья прабабка была негритянкой, По всей видимости, в этом с ними сходны и негроиды южных морей. Цейлонцы пахнут пряностями, жители джунглей – дымом, китайцы – сладковатым жиром, многие южане – луком пореем. Автору не забыть запах кисловатого жира и подгоревшего молока, который пропитывал все предметы, одежду и самих людей племени тогда. К нему примешивался еще и запах испражнений. Столь же незабываемы запахи переулков маленьких китайских городов и сладковатый запах филиппинцев. Атрофированное обоняние европейца не всегда отличает расовый запах от запаха пищи. Индийцы и негры утверждают, что от европейцев пахнет плохо – они издают трупный запах. В Гвиане индейские женщины воспринимают запах негров как неприятный и воротят от них носы. Эфиопы не переносят запах племени банту. Многие европейские путешественники утверждают, что от негритянок пахнет аммиаком или козлом, а от китайцев – мускусом».

Помимо различий в специфике запаха, у различных рас велики различия в величине и строении потовых желез их представителей. Японский расолог Бунтаро Адахи подтвердил выводы немца Карла Фогта, что потовые железы слабо пахнущих японцев скапливались очень маленькими в сравнении с негритянскими. Мало того, обнаружилась прямая зависимость между запахом из подмышек и клейкостью ушной серы. Потовые же-

лезы негритянок в области половых органов существенно превосходят величиной соответствующие железы у европеоидной расы.

Позднее выявилась корреляция между запахом и вкусом. Эйкштедт, проводя много времени в экспедициях, имел возможность расспросить людоедов о расовых различиях. Он писал: «Людоеды особенно любят мускулы ног. На их вкус, белые люди вкусней негров, а англичане вкусней французов». Также и замечательный антрополог Людвик Крживицкий в своей монографии «Антропология» (1901), основываясь на богатом экспедиционном опыте, оставил следующее меткое замечание: «Различие в запахе между белым и негром настолько резко, насколько оно резко между собакой и шакалом, на вкус (по опыту людоедов) разница не менее значительна».

Впрочем еще Карл Фогт в этой связи указывал: «Цвет мяса негра никогда не бывает таким светло-красным, как у европейца; он более желтоватый или даже буроватый».

«Негры и белые сохраняют свои характерные черты, несмотря на перемену климата. Вплоть до внутреннего строения у негров наблюдаются явные соответствия с орангутангами. Негры – это иной вид человека, нежели мы», – утверждал Ж.-Ж. Вирей. Вследствие этого В. А. Мошков за много лет до современного развития эмбриологии указывал: «Если, по закону Геккеля, всякое живое существо чистой породы воспроизводит в своей жизни историю своего рода, то является вопрос, какую историю будет воспроизводить существо смешанное, гибридное, составившееся из двух видов? Гибрид воспроизводит не одну историю рода, а две, сначала одну, потом другую. Признаки одного из родителей появляются у него в одном возрасте, а признаки другого – в другом».

Именно смешение двух различных генетических программ, доставшихся гибриду в наследство от разнородных родителей, и ведет к разбалансировке всей его биологической структуры, нарушению психической и моральной целостности. Данные международной криминалистической и психиатрической статистики наглядно свидетельствуют, что среди расово-смешанных индивидов выше преступность, процент нервных и сексуальных отклонений. Также велико среди гибридов и количество клятвопреступников, ибо в их жилах наличествует «хаос крови». **Гибрид – это существо, всю жизнь обреченное барахтаться в потоках разных кровей.**

17. Главные различия в строении внутренних и половых органов

Глубочайшие расовые различия наблюдаются на всех уровнях организации человеческого организма, что вновь позволяет делать глобальные выводы и обобщения. Так, например, известный советский ученый А. И. Ярхо в одной из своих статей в «Русском антропологическом журнале!» (1925 год, выпуск 1-2) указывал, что селезенка европейца на 23% тяжелее селезенки негра, а печень – на 15%. Напротив, у негров сердце и почки в среднем на 12-13% тяжелее тех же органов у белых. В этом же номере журнала Л. П. Николаев в статье «Некоторые данные о морфогенетической роли эндокринных желез в связи с вопросом об изменении индивидуальных и расовых признаков» развивал идею о существенных различиях в строении гипофиза у представителей нордической расы по сравнению с негроидами и монголоидами. Мало того, автор пришел к однозначному убеждению, что «эндокринные железы сыграли решающее значение в филогенетической эволюции человека и в его постепенном развитии из обезьяноподобных предков».

Впрочем, еще Карл Фогт указывал на простой очевидный факт, значение которого сегодня недооценивается: «Цвет мяса негра никогда не бывает таким светло-красным, как у европейца; он более желтоватый или даже буроватый». Другой известный немецкий антрополог Георг Бушан свидетельствовал: «Кишечник негров короче, чем у европейцев, напротив, у японцев он длиннее». Его именитый соотечественник Роберт Вилдерсгейм отмечал в свою очередь: «Длина кишок у белых среднего роста равна 9600

мм., из коих 8000 приходится на долю тонких кишок и 1600 на долю толстых. У негров средняя длина кишок 8600 мм., то есть на 1000 мм. менее. То обстоятельство, что у негров кишки короче, обуславливается меньшею длиною тонких кишок, так как толстые у черных длиннее, чем у белых. Средний вес печени у представителей белой расы считается равным 1451 грамму, а у черных 1266'. Более короткая длина кишок у негров прекрасно согласуется как с данными европейской миссионерской этнографии, так и их национальными сказаниями, подтверждая длительность эволюционного периода в развитии этой расы, связанного с людоедством, ибо для усвоения человеческого мяса, богатого белками, нужна меньшая длина кишок, чем для длительного переваривания растительной пищи. Меньший, по сравнению с европеоидами, вес печени представителей черной расы также свидетельствует в пользу данного факта, ибо печень ответственна за очистку крови.

В современном учебном пособии «Морфология человека» под редакцией Б. А. Никитюка и В. П. Чтецова, изданном в 1990 году, отмечается, что средняя длина почки у негроидов составляет 111 мм, у европеоидов – 122 мм, а у фиджийцев – 150 мм. Ширина этого органа для негроидов составляет – 60 мм, для европеоидов – 69 мм, для фиджийцев – 84 мм, аннамитов – 95 мм, индийцев – 107 мм, арабов – 132 мм. Масса почки составляет: у малайцев – 210 грамм, у китайцев – 275, у негров – 308, у европеоидов – 313 грамм.

Представляется очевидным утверждать, что расово необразованный хирург при операции по пересадке почки может случайно нарушить клятву Гиппократу, нанеся вред пациенту другой расы.

Подобная же ситуация может возникнуть и при пересадке селезенки, так как у европеоидов она весит 140 грамм, у негроидов – 115 и у монголоидов – 90.

Кроме того, велики расовые различия в химизме слизистой оболочки желудка и в ветвлении кровеносной системы.

Крупный японский расолог Бунтаро Адахи (1865-1945) в фундаментальной монографии «Артериальная система японцев» (1928) выделил 110 (!!!) признаков в строении сосудов, на которых легко прослеживаются расовые различия. Он указывал: «С антропологической точки зрения надо создать для каждой расы особую анатомию на основе макро- и микроскопических исследований всех органов. Различия мягких тканей надо изучать с такой же точностью, как расовые различия черепов и скелетов. Каждый анатом в ходе своих исследований должен постоянно думать о расе. Анатомия человека – это анатомия человеческих рас».

Польский расолог немецкого происхождения Эдуард Лот (1884-1944) в своей диссертации на соискание докторской степени медицинских наук под названием «По поводу антропологии мягких тканей (мышечной системы) негров» (1912) указывал на удобства расовой диагностики по данным группам признаков: «Большинство мягких тканей людей более консервативно, чем скелет. На основе сделанных наблюдений можно доказать, что в морфологическом строении негров в процентном отношении больше примитивных признаков, чем у европейцев. Отсюда можно сделать вывод, что по строению мышечной системы негры примитивней, то есть филогенетически ниже. Из 44 основных мышц негров 32 явно примитивны. Например, строение лицевых мышц – прекрасное доказательство примитивности строения мышц негров, как и многие другие признаки. Строение и функционирование мышечной системы негров также является четким доказательством того, что мы имеем в данном случае дело с филогенетически более примитивной ветвью человечества. Кроме расовых различий, у негров обнаружен целый ряд вариаций, которые у европейцев вообще не наблюдаются. Гораздо сложнее ситуация с монголоидами. Пока невозможно объяснить, почему все тело монголоидов осталось более примитивным, а прогрессировали только голени и стопы».

Также и в строении гениталий расовые различия столь велики, что никакими влияниями среды или культурными особенностями некоторые аномалии объяснены быть не могут совершенно. Русский антрополог Октавий Васильевич Мильчевский еще в 1868 году указывал: «Заметим, что у негров детородные части отличаются длинною. Также и груди у некоторых женщин этих племен до того длинны, что они могут забросив их за плечи, кормить детей, висящих у них за спиною».

Крупный немецкий антрополог и анатом Йозеф Гиртль (1811-1894) в книге «Руководство по анатомии» (1887) указывал: «Единственно у белой и желтой рас девичьи упругие груди имеют форму полушарий; у негритянок при совершенно одинаковых условиях, они более продолговаты, остроконечны, обращены немного вниз и наружу, словом, скорее похожи на вымя».

Еще один корифей антропологии Герман Генрих Плосс (1829-1885) в своей фундаментальной монографии «Женщина в естествоведении и народоведении» (Киев-Харьков, 1899, том I и II) вывел обсуждаемую проблему на качественно иной уровень за счет наглядной классификации признака: «В строении груди у различных рас замечаются важные отличия. Сосок, например, бывает маленький и плоский, как пуговица, или он велик и имеет коническую форму, широкое основание и закругленную верхушку, или он большой, цилиндрический, равный по величине суставу пальца. Подобно соску, околососковый кружок также бывает очень разнообразен. Он то светлого цвета, то темно-розового, или, коричневого, или почти черного. Различна также и величина его: он бывает и маленький, и чрезвычайно большой; иногда он мало выдается на шарообразной поверхности груди, иногда же образует на ней возвышение в виде полушарий, а в некоторых случаях отделяется от нее ясно выраженной бороздой, окружающей его. Рассматривая возвышения самой груди, необходимо принять во внимание: образуются ли они на поверхности грудной стенки более или менее резко, или слой жировой клетчатки начинает увеличиваться уже от ключицы, незаметно переходя к груди. Следует обращать внимание на место расположения грудей, то есть сидят ли они выше или ниже, ближе ли к срединной линии, или к подмышечной впадине находится их начало. Особенно важное значение имеют их величина, объем и форма.

Необходимо различать следующие формы грудей:

А) По величине:

1. большие или пышные,
2. полные,
3. умеренные или средние,
4. маленькие или слабо развитые.

В) По плотности, то есть большей или меньшей упругости:

1. стоящие,
2. спадающие,
3. отвислые.

Надо помнить, что в некоторых случаях грудь может быть отвислой, благодаря известной первоначальной форме, но что при этом она все-таки может быть упругой. В общем, форма грудей может быть подразделена на следующие главные группы:

1. чашеобразные,
2. полушаровидные,
3. конические,
4. похожие на козье вымя.

Чашеобразная грудь напоминает по своей форме половину мандарина: у основания диаметр значительно превосходит высоту ее.

Полушаровидная грудь походит, по своей величине, на половину (или три четверти) яблока, апельсина или кокосового ореха и т. п.; высота ее почти всегда равна диаметру у основания.

Коническая грудь похожа на грушу или лимон. Высота ее, то есть расстояние между соском и серединой основания, значительно превышает диаметр последнего. То же самое можно сказать и о четвертой форме груди».

Уже в XX веке Эгон фон Эйкштедт довел до совершенства классификацию рас по форме женской груди. Он писал: «Женские молочные железы также имеют большое расологическое значение. Это относится к величине, форме и положению соска, ареолы и самой груди. В своем развитии грудь проходит четыре стадии. Образование вторичной грудной железы следует рассматривать как прогрессивный признак, так как у очень многих цветных рас, особенно у негров, негритосов и австралийцев, развитие ареолы останавливается на стадии первичной грудной железы.

Грудь-кнопочка очень часто встречается у этих рас даже у взрослых женщин, тогда как у европеоидов и северных монголоидов эта форма встречается лишь в патологических случаях.

Основными формами груди считаются форма шайбы или чаши, полукруга, конуса и вымени (конические груди и груди в форме козьего вымени). Первая из названных форм особенно часто встречается среди китайцев и палеомонголоидов, нередко и среди южных индейцев. Полукруглая форма размером 12x12x6 см. обычна у молодых европеоидных женщин, хотя налицо значительные различия в частоте у отдельных групп, особенно между европейскими и внеевропейскими европеоидами. Коническая форма, обычная у большинства негроидных групп, очень часто переходит, как и у австралоидов, уже в молодые годы в ту форму свисающего козьего вымени, которую воспели поэты всего исламского мира.

Очень разнообразны величина и форма ареолы. Ее цвет колеблется от светлого, часто почти прозрачного розового у северных европейцев до светло-темнокоричневого у цветных рас. Все названные различия, являются расовыми».

В эпоху великих географических открытий французские путешественники и естествоиспытатели первыми указали на некоторые аспекты морфологии, которые ни при каких условиях не позволяют говорить о видовом единстве человечества. Это **стеатопигия** у бушменок и так называемый **готтентотский передник (Labiorum minorum)**. Под стеатопигией подразумевают непомерное развитие жировых складок под седалищными мышцами у женщин этого племени, что придает им совершенно несообразный вид, увеличивая объем бедер в несколько раз. Ойген Фишер раскрывал суть этого необычайного антропологического явления следующим образом: «Существуют физические параллели между стеатопигией бушменских и готтентотских женщин и курдючными породами скота».

Данное умозаключение классика науки никак не может быть сочтено расистским, так как и советские антропологи высказывались совершенно аналогичным образом. Так, например, В. П. Алексеев в книге «География человеческих рас» (М., 1974) указывал: «Трудно не видеть в стеатопигии бушменок и готтентотов черты аналогии с теми морфофизиологическими приспособлениями, которые нормализуют водно-солевой обмен у животных – жителей пустыни с горбами верблюда». Другой признанный отечественный специалист Г. Ф. Дебец в статье «Антропологические данные о заселении Африки» из сборника «Происхождение человека и древнее расселение человечества» (М., 1951) писал: «Было высказано заслуживающее внимание предположение, что строение века бушменок может быть поставлено в связь со стеатопигией. То и другое обусловлено локальным скоплением жира. Известно, что способность к усиленному жиरोотложению на ограниченных участках тела свойственна многим полупустынным и степным видам животных (верблюды, зебу, овца). Это может быть связано с периодичностью изобилия и резкого недостатка пищи. Глубокая древность тех расовых типов, о которых идет речь, делает допустимым перенесения на человеческие расы закономерностей развития, наблюдаемых в животном мире».

Американский антрополог М. Ф. Эшли Монтэгю в книге «Введение в физическую антропологию» (1951) также подчеркнул, что бушмены и готтентоты в Африке имеют очень низкий процент группы крови В и очень высокий – О, что говорит об их относительно высокой расовой чистоте, поэтому все аномалии строения у них мозга, гениталий и обмена веществ не могут быть в принципе объяснены неким всевластием мутаций, о которых постоянно говорят генетики, или специфическими ухищрениями среды, на которых зациклились культурные антропологи. Аномально нестандартное строение данных расовых групп может быть объяснено лишь особым путем их эволюции. «Племена бушменов и готтентотов отличаются от всех остальных коренных обитателей Африки. Кожа у них сухая и тонкая, за исключением верхних частей бедер и ягодиц, особенно у женщин, где она туго натянута вокруг необъятных и толстых форм седалища, известного как сорт морфологической аномалии и называемой **стеатопигия**.

Эта удивительная особенность наглядно показывает уникальность строения данной расовой группы, так как полнота нижних частей тела у женщин сохраняется между чередующимися периодами голода, помогая за тем поддерживать жизнь в экстремальных условиях отсутствия пищи и влаги».

Г. Г. Плосс писал в этой же связи: «Чрезмерное отложение жирового слоя на ягодицах называется стеатопигией. Эта упругая масса состоит из одного только жира, через который во всех направлениях проникают большие пучки соединительных волокон, крайне неправильно между собой перекрещивающихся».

Так называемая «Готтентотская Венера», описанная великим французским естествоиспытателем Жоржем Кювье, обладала ягодицами, возвышавшимися в высоту на 16,2 см., а также имела 812 граммов мозга.

Основоположник зоологической систематики Карл Линней обосновал понятие вид как «морфологическое тождество», «морфологическое единство». Остается совершенно непонятным, как современные политкорректные алхимики от науки умудряются все виды организмов при столь видимых различиях записывать в некое «единое человечество».

Чарльз Дарвин писал, что видел готтентотку, которая считалась красавицей и у которой задняя часть тела была так велика, что, сидя на ровной земле эта женщина не могла встать и должна была ползти на корточках до первой покатости. Мужчины этого племени, выбирая себе жен, ставят их в ряд и предпочитают ту, которая больше всего выдается задом. При этом по замечанию ученого, ничто не может быть противнее для негра противоположной формы тела.

Под готтентотским передником понимают неестественно длинные половые губы у женщин данного племени, которые часто достигают 15-18 сантиметров в длину, и свисают до колен, в связи с чем с древнейших времен выработался обычай перед вступлением в брак эти губы срезать. Едва в XVI веке в Абиссинии было введено христианство, которое запретило проведение данной гинекологической операции, как сразу же вспыхнули восстания, ибо девушки не могли найти себе женихов-соплеменников, так как даже по их туземным понятиям данный анатомический феномен отвратителен. Специальным постановлением папы римского аборигенам было позволено вернуться к первоначальному обычаю, чтобы не чинить препятствий в распространении христианства. Как добросовестный ученый крупнейший французский антрополог Поль Топинар проанализировав данный факт с эволюционной точки зрения, пришел к такому выводу: «Заметим при этом, что «передник» не говорит в пользу непосредственного родства готтентотов, бушменов и обезьян, так как у самки гориллы эти губы совершенно невидимы». Так что, если соотносить данного рода расовые феномены с классическим дарвиновским учением, придется неминуемо согласиться с наличием отдельной самостоятельной ветви в развитии данных племен, ведущих свое происхождение даже не от обезьян, а от каких-то неведомых экзотических животных.

Соотечественник Топинара Жан-Жозеф Вирей в этой же связи писал: «Полагали, что у бушменок есть нечто вроде кожного фартука, свисающего с лобка, закрывая половые органы. В действительности, это не более чем удлинение малых срамных губ на 16 см. Они выступают с каждой стороны за большие срамные губы, которых почти нет, и соединяются сверху, образуя капюшон над клитором и закрывая вход во влагалище. Их можно поднять над лобком, как два уха. Этим можно объяснить естественную неполноценность негритянской расы по сравнению с белой. Поэтому правильнее говорить о негритянском виде, а не о расе, так как та же особенность строения половых органов наблюдается у коптских и эфиопских женщин».

Крупный немецкий антрополог, этнограф и путешественник Георг Швейнфурт (1836-1925), оставивший истории науки свое блестящее двухтомное сочинение «В сердце Африки» (1873), указывал, что вообще у всех южных рас половые органы женщин лежат выше и ближе кпереди, чем у европейских женщин. Касательно африканок он писал: «Только у орангутанга мы находим зачатки больших срамных губ». Другие корифеи антропологии Вильгельм Вальдейер (1836-1921), Фридрих Тидеман (1781-1861), Густав Фрич (1838-1891), Уильям Генри Флауэр (1804-1899) считали, что конструкция половых органов бушменских и готтентотских женщин морфологически является собой животный, или так называемый тероморфный (theromorphie), признак. Г. Г. Плосс писал: «Готтентотский передник представляет собой сильную гипертрофию малых срамных губ до 18 см. в длину. Нельзя не признать поразительного тождества, существующего между одинаковым же устройством половых частей у самки шимпанзе и бушменской женщины».

Кроме того, он обнаружил, что у жительниц Огненной Земли длина влагалища составляет 11-12 см, а у японок всего 7 см. Велики расовые различия в его ширине и угле наклона. Мало того: «Форма лобка зависит в сильной степени от строения костного таза и коррелирует с формой черепа. Оволосение половых органов также имеет огромные расовые различия».

Швейцарский путешественник Виктор Эленберг в своей книге «Трагический конец бушменов» (М., 1956) также подчеркивал: «К числу отличительных особенностей физического строения бушменов относится и то, что penis у них постоянно находится в состоянии полуэрекции. Эта присущая бушменской расе особенность запечатлена на многочисленных бушменских наскальных изображениях». Карл Линней в своей классификации рас вообще определил бушменов и готтентотов, как «однойцевых». Кроме того у обеих этих племенных групп в 80% случаев наблюдается недоразвитие мошонки. Эгон фон Эйкштедт кроме этого разработал даже свою систему классификации рас по форме женской груди, по углу наклона влагалища, а также по размерам и системе подвески мужских половых органов. Он указывал: «Величина члена у негроидов – о которой можно судить только при его неактивном состоянии – отмечалась уже в древности и порождала суеверные представления о сексуальной мощи негров, что не выглядит чем-то особенным на фоне их общей неутомимости, обусловленной иным расово-физиологическим ритмом. Правда, такие большие члены имеют только африканские негроиды, меланезийцы этим похвастаться не могут. У монголоидов член меньше, чем у европеидов, но есть и внутривидовые различия: у корейцев член больше, чем у японцев, а соотношение величин головки члена обратное».

Польский антрополог Кароль Стояновский создал свою классификацию найдя корреляцию между расовым типом и формой головки члена. Эйкштедт обратил внимание еще на один примечательный факт морфологии: «Особенностью монголоидной расы является расположение отверстия уретры спереди, чего совершенно не бывает в Европе, а на Востоке повсюду можно наблюдать привычку женщин справлять нужду стоя или на ходу благодаря этой особенности».

Было бы весьма любопытно ознакомиться на сей счет с точкой зрения культурных антропологов, выводящих все основные различия между расами через некие культурные влияния.

Многие антропологи, этнографы и психологи писали о влиянии антропологических признаков на специфику культурной жизни народов. Интимная сфера не является исключением из этого правила. Г. Г. Плосс писал: «Единственным народом в древности, обладающим хотя сколько-нибудь точными сведениями о внутренних органах человеческого тела, были древние египтяне, которым, по всей вероятности, обычаем бальзамировать трупы не раз представлял удобный случай для анатомических наблюдений. Все доступные глазу и пальцу части женского полового аппарата были отлично известны также талмудистам и авторам Ветхого Завета, имевшим в своем распоряжении чрезвычайно богатую номенклатуру с массой синонимов для этих органов».

Менее всего «сексуально озабоченными» в древнее время были народы Востока. Так, например, первое руководство по гинекологии в Японии появилось лишь в XIX веке, в то время как в Европе, в древнем Риме – в III веке. В Новое время вновь явно заметно влияние евреев в данной области. Первый Институт сексуальной патологии был открыт Магнусом Гиршфельдом в Германии в начале XX века, а учение Зигмунда Фрейда, при всей акцентации на вопросах психологии, также коренится в анатомической специфике. Главное же, на что обращает наше внимание Г. Г. Плосс, это то что, чем ниже мы будем опускаться по эволюционной лестнице вниз, то расовое и этническое многообразие поведения и канонов в области сексуальности будет только увеличиваться. «В то время, как с одной стороны, у большинства народов, главным образом на Востоке, целости девственной плевы придается весьма высокое значение, как наружному признаку девственности, – с другой стороны, она совершенно разрушается у очень маленьких девочек в Китае, Африке и очень часто в Индии. У многих народов существует довольно странный обычай совершать над половыми органами девочек род обрезания. Сначала мы знали о существовании подобного обычая только в Африке и считали его свойственным только африканским племенам. Однако мы узнаем о существовании такого обычая и в Азии, а именно: Индонезии. Обрезание, производимое над девочками, называется **эксцизией**. Оно сопровождается особыми церемониями и торжествами и по большей части совершается очень рано. С обрезанием девушек тесно связана другая операция, так называемая **инфибуляция** или сшивание половой щели. Совершенно лишне прибавлять здесь, что таким образом изуродованный половой орган является непригодным для супружеских сношений. Поэтому у народов, среди которых распространена инфибуляция, она в случае надобности уничтожается: зашитая щель разрезается вдоль рубца».

Современные культурологи и обществоведы широкого профиля объясняют такое «техническое» разнообразие некими культурными влияниями, что, на наш взгляд, является совершенно абсурдным. Очевидно, что именно конструктивные различия полового аппарата у представителей различных рас влекут за собой возникновение такого количества вариаций вокруг удовлетворения основного инстинкта – инстинкта продолжения рода. Культура (если здесь вообще уместен данный термин, без разбора наклеиваемый, как ярлык, на все, что попало) здесь ни при чем, ибо сам антропологический факт первичен, а все церемониальные, этнические и мифологические измышления, возникающие у различных народов Земли, есть лишь форма их маскировки с целью сокрытия аномальности собственного строения, которое ими в полной мере осознается. Данные феномены в классической физической антропологии называются просто – **расовая патология**.

Крупнейший современный генетик Юрий Иванович Новоженов в своей фундаментальной монографии «Таинственное либидо» (Екатеринбург, 1999) пишет: «Изменчивость анатомических признаков человека, в том числе и гениталий, выражается в поли-

морфизме, то есть индивидуальной вариабельности в пределах одной популяции и, кроме того, в политипической – расовые различия».

Кроме того, он указывает на то, что именно расовые различия в конструкции половых органов оказывают влияние на психические аспекты сексуальной жизни. В этом и кроется секрет физической модификации гениталий представителями различных рас, ибо их естественное природное состояние не позволяет получить желаемого удовлетворения, поскольку их конструкция биологически ущербна и недостаточна. На этот факт в своих этнографических работах неоднократно указывал классик русской науки Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846-1888).

18. Главные различия в физиологии рас

Различия в физиологическом и биохимическом строении у представителей различных рас имеют и огромное прикладное значение, именно поэтому П. А. Минаков в работе «Значение антропологии в медицине» (Русский антропологический журнал, №1, 1902) писал: «Расовые и племенные особенности, передающиеся из поколения в поколение, служат очень часто причиной болезни при содействии таких внешних факторов, которые у субъектов иной организации не вызывают обыкновенно никаких патологических изменений. Вступая на новый путь исследования причин патологических процессов, медицина должна разработать анатомию, физиологию и патологию рас и указать, какие анатомические и физиологические особенности свойственны чистым и смешанным расам и какие типы в смешанных расах наичаще подвержены или, наоборот, иммунны к тем или иным болезням».

Несмотря на свое зарождение, биология того времени также развивалась в русле полноценной расовой философии. В. Г. Штефко в статье «Биологические реакции и их значение в систематике обезьян и человека» (Русский антропологический журнал, том 12, книга 1-2, 1922) сделал многозначительный вывод: «Соображения, высказанные на основании экспериментальных данных, приводят нас к чрезвычайно важному и в высшей степени интересному заключению. Культурные расы человечества, как например европейцы, имеют более сложное строение белковой молекулы, чем низшие расы. Таким образом с биологической, или, вернее, биохимической точки зрения они являются более сложно организованными, чем вторые».

В свете наших рассуждений следует также вновь упомянуть фундаментальную работу внушительных размеров профессора И. А. Сикорского «Всеобщая психология с физиогномикой» (Киев, 1904). В ней он сделал справедливое заключение, что вся совокупность антропологических и физиологических особенностей расы находит свое закономерное продолжение в специфике ее душевной организации: «Психические особенности и свойства рас, подобно физическому типу, принадлежат к признакам устойчивым, и можно принять как принцип, что основные душевные черты антропологически изначальной расы удерживаются долго и прочно в производных племенах».

Теперь нужно обратиться к тому богатейшему пласту информации, который мы обнаружим в заметках и наблюдениях путешественников предыдущих времен – эпох создания великих колониальных империй, когда белый человек, впервые столкнувшись с аборигенами отдаленных стран, был буквально шокирован некоторыми особенностями их антропологического и психо-физиологического строения.

Различиями в теплообмене тела, дыхании и пульсе у представителей различных рас занимались: Джон Дэви (1790-1868), Пьер Фуассак (1801-1896), Джеймс Причард (1786-1848).

Различия во времени полового созревания изучали: Луи Арман де Лаонтан (1666-1715), Дордж Генри Лоскиель (1740-1814), Джон Мари Китинг (1852-1893).

Формы расовых уродств анализировали: Бенджамин Эллис (1798-1831) и Чарльз Пикеринг (1805-1878).

Особенностям расового устройства органов пищеварения уделяли внимание: Станислас де Эйскерак де Лотюре (1826-1868), Мартин Добрицхоффер (1717-1791), Карл Фридрих Хойзингер (1792-1883), Адольф Риттер (1890-?).

Вопросы расового старения изучали такие ученые, как Филиппо Луиджи Джилли (1721-1789), Уильям Джон Бурчелль (1782-1863), Иоганн Якоб фон Чуди (1818-1889), Альсид Дессалин де Орбиньи (1802-1857), Джон Мари Китинг (1852-1893).

Измерения расовых особенностей мускулатуры осуществляли: Джон Таннер (1780-1847), Михаэль Альберти (1682-1757), Уильям Джон Бурчелль (1782-1863), Ламбер Адольф Жак Кустеле (1796-1874).

Расовых вшей и прочих паразитов изучали: Фридрих Мартин Дюттенхоффер (1810-1859) и Жан-Жозеф Вирей (1775-1846).

Способность краснеть от смущения у представителей различных рас подвергли всестороннему анализу: Джордж Бэррингтон (1755-1804), Август Фридрих Коцебу (1761-1819), Маркус Якоб Монрад (1816-1897), Алексис Казимир Дюпюи (1774-1849).

Расовые различия в эмбриологии обосновали: Карл Эрнст фон Бэр (1792-1876), Альберт Келликер (1817-1905), Фрэнсис Бальфур (1851-1882).

Различия в строении сперматозоидов у представителей разных рас первым обнаружил Густав Ретциус (1842-1919).

Кроме того, Генри Луис Холлард (1801-1866) и Эусеб Франсуа де Салле (1796-1873) нашли неведомую специфику – значительный процент спайки носовых костей, а также обнаружили локтевую ямку на скелетах вымерших обитателей Канарских островов – гуанчей.

Уникальна по обилию информации подобного рода книга Теодора Вайца «О единстве человеческого рода и первобытном состоянии человека» (М., 1867). Из нее мы узнаем, что у многих жителей Африки есть племенной обычай драться лбами, потому что при ударе они не испытывают никакой боли. Среди многих туземных племен до сих пор существует способ переламывать толстые палки о голову, которая при этом служит точкой опоры. Известно также, что испанские конкистадоры, завоевывавшие Америку, неоднократно жаловались на то, что им не удавалось раздробить одним ударом меча головы индейцев на Кубе и Гаити. Впрочем, еще Геродот в античные времена указывал на различия в толщине черепа у различных племен.

Крупнейший английский антрополог сэр Артур Кейт (1866-1955) одним из первых начал анализировать влияние гормонов на расовые различия и пришел к выводу, что не только примитивность строения неандертальцев, но даже профиль лица европейцев и аномальные отклонения в функционировании гениталий у монголоидов и бушменов в принципе объясняются видоспецифической деятельностью половых желез и надпочечников. Мало того, различия в строении тела, волосяного покрова и пигментации имеют то же происхождение. Было установлено, что щитовидная железа малайцев не только абсолютно, но и по отношению к росту и весу тела гораздо меньше, чем у европейцев, ввиду того, что у последних 1 грамм вещества этой железы приходится на 1920 грамм массы тела, а у малайцев – на 3571 грамм. У китайцев эти различия не столь существенны, однако и у них вес гипофиза меньше чем у европейцев. А у негров в свою очередь меньше вес эндокринной железы чем у белых. Эти наследственные различия позволили Эгону фон Эйкштедту создать классификацию рас по весу органов эндокринной системы, а также увязать эти характеристики с частотой психических и сексуальных расстройств у представителей различных рас, а это в свою очередь, сказывается на всех сторонах общественной жизни. Он писал: «Было давно замечено, что негры отличаются особой сопротивляемостью желтой лихорадке. Это качество наследуют и их гибриды. Среди негроидов редко встречаются рахит, наросты, злокачественная анемия, угри и определенные формы сифилиса, зато они очень подвержены туберкулезу, что характерно для большинства цветных и примитивных рас, особенно при переселении

их в холодный климат. У негроидов образуются очень толстые шрамы и легко заживают раны, они меньше чувствительны к боли, поэтому у многих негроидных племен шрамы служат украшением. Различно также время смерти от разных болезней. В США негры чаще умирают летом, белые – зимой».

Расовое смешение, как фактор наследственной патологии изучалось давно и всесторонне, что позволило Эйкштедту резюмировать: «Поголовная подверженность болезням гибридов шведов с лопарями, снижение их духовных способностей и появление многочисленных уродств – зафиксированные факты. Дисгармоничные и одутловатые лица этих гибридов хорошо описаны. Существует много данных о дисгармониях и конституционных нарушениях у гибридов европейцев с японцами, европейцев с прочими азиатами, а также у гибридов европейцев с неграми. Следует констатировать, что во многих случаях смешение отдаленных рас вызывает явные дисгармонии и нарушения. Понятно также, почему гибриды вызывают напряженность и дисгармонию внутри народов и их культурных и социальных групп.

Я читал корректуру этого раздела в ночном экспрессе на Яве. Напротив меня сидел астеничный старый индонезиец, в соседнем купе – пятнадцатилетняя девушка весом минимум 80 кг. В Сурабае на поезд сел очень красивый индонезиец. Вот в чем проблема расового смешения: в изменчивости и вызываемых ею субклинических, гормональных или физиологических сдвигах».

Английские и американские исследователи, по общему мнению, являются пионерами в области изучения расовых различий жизнеспособности и обмена веществ. Они ввели термин **основной обмен**, под которым понимается минимум процессов обмена веществ, необходимый для дальнейшего функционирования органов тела. В принципе это подобно состоянию машины, работающей на холостом ходу. При этом тело должно находиться в полном покое, а исследование должно проводиться через 12 часов после приема пищи. Тогда измеряемая теплоотдача тела показывает еще продолжающийся расход калорий, различный в зависимости от поверхности тела, возбуждения, времени года, возраста, пола и расы. Самая низкая величина основного обмена отмечена у восточно-азиатских женщин, а один из самых высоких показателей отмечен у индейцев майя, однако при этом у них самый редкий пульс. У народов Индокитая и негритосов он чаще, чем у европеоидов. Кровяное давление у монголоидов ниже чем у европеоидов и негроидов.

Число кровяных телец у основных рас различается на 20%. Велики различия в строении и величине кровеносной системы. Температура тела тоже проявляет расовые колебания, так как **средняя терморегулятивная величина** у негров и индейцев ниже, чем у белых. Еще первые путешественники из Европы эпохи великих географических открытий отмечали, что у негров и индусов холодная кожа, а у эфиопских женщин, наоборот, очень теплая.

19. Мода на уродование у различных рас

А теперь вновь обратимся к теме, с которой мы и начали наше изложение, а именно: к антропозстетике. При том обилии физических отличий, существующих в строении представителей различных рас, вполне закономерно, что и критерии красоты, с которыми они подходят к оценке соплеменников и чужаков, должны быть различны.

Г. Г. Плосс в цитированном нами сочинении со всей ясностью указывает на то, что каноны красоты у всех рас весьма различны: «Но едва ли нам удастся обусловить типичный образец красоты для каждой расы; что же касается «вечных законов красоты», применимых для каждого случая, то каждый согласится, что они не существуют, каждый знает, что негр с таким же правом считает свою негритянку и калмык свою калмычку очень красивой, как европеец женщин Рафаэля. Наблюдение над населением всего земного шара показывает нам, что везде юноши стремятся к обладанию девушка-

ми, не исключая и тех рас, где девушки даже в цветущие годы возбуждают в нас отвращение своей внешностью. Это неизбежно приводит нас к заключению, что идеал красоты у различных народов должен быть весьма различен и разнообразен»

Чарльз Дарвин как подлинно великий ученый умел критически анализировать биологические аспекты красоты: «Негры не любят цвет нашей кожи; на голубые глаза они смотрят с отвращением и думают, что наши носы слишком длинные, а губы слишком тонки».

Современный отечественный генетик Юрий Иванович Новоженев в книге «Адаптивность красоты» (2005) подчеркивает: «Критерий красоты вырабатывается популяцией, путем постоянного отбора таких признаков и их сочетаний, которые приносят адаптивность популяции, обществу и культуре».

Крупнейший австрийский специалист в области этологии Конрад Лоренц писал: «Наше эстетическое восприятие отчетливо связано с телесными изменениями». За сто лет до него сходных убеждений придерживался крупнейший французский антрополог Поль Топинар: «Люди с круглой головой утверждают, что эта форма самая возвышенная. Китайцы уверяют, что плоское лицо и косые глаза составляют перл творения. По мнению негра, самый красивый цвет черный».

Таким образом, ценностные критерии восприятия у людей разных рас являются производными функциями их расовых признаков.

За разъяснением этого тезиса обратимся к историческим свидетельствам.

Крупнейший английский путешественник Джеймс Кук (1728-1779) после открытия Австралии, впервые увидев коренных жителей этого континента, оставил о них такое описание, касающееся их антропозстетических предпочтений:

«Главное их украшение – это кость, которую они продевают через хрящ, разделяющий одну ноздрю от другой. Что за извращение вкуса считать это украшением! Вне человеческой мудрости решить, что могло побудить их к ношению подобного украшения, и при этом страдать от боли и неудобства, необходимо сопряженных с этим. Кость эта толщиной в палец и длиной от 5 до 6 дюймов проходит поперек всего лица и настолько закупоривает обе ноздри, что дикари поневоле должны держать рот открытым, чтобы иметь возможность дышать; при попытке же говорить, они так гнусавят, что едва могут понимать друг друга. Наши матросы в шутку называют это украшение реей. Действительно, это украшение настолько странно видеть, что прежде, чем мы привыкли к нему, мы с трудом могли удерживаться от смеха».

Остается только предполагать, но в свете наших рассуждений это выглядит вполне логичным, что дикари съели Кука именно из-за неприятия им существующих у них антропозстетических канонов. Кук называл их «обезьяноподобной нацией».

Большая советская энциклопедия повествует о Жорже Кювье (1769-1832) как о «выдающемся французском естествоиспытателе, бесспорной заслугой которого является создание точного метода исследования и накопление огромного фактического материала». Когда Кювье впервые увидел в Париже бушменскую женщину, то на основе своего прогрессивного метода он оставил такое описание: «Ее манера вытягивать губы совершенно такая же, как у орангутанга. Движения ее своей резкостью и капризностью напоминали движения обезьяны; губы ее были толсты и безобразны. Ее ухо было похоже на уши некоторых обезьян своим небольшим объемом, слабым развитием ушного козелка и почти совершенным отсутствием внешнего края в передней его части. Все это признаки животности. Я никогда не видел человеческой головы более похожей на обезьяню, чем голова этой женщины».

Представление о собственной красоте у представителей всех человеческих рас имеет глубокие врожденные биологические основания, и прочность этих представлений проверяется биологически же – борьбой за существование. Польский антрополог Людвик Крживицкий в монографии «Антропология» оставил меткое, красноречивое

замечание: «Каждая группа считает себя самой красивой, пока не встретится с другой, более сильной. Тасманийцы смотрели на свою черную окраску, как на перл совершенства, и советовали выходцам из Европы вымазаться углем для того, чтобы скрыть свое безобразие, то есть белый цвет кожи. Негр не может быть «ближним» белого, совершенно так же, как напрасно мы искали бы родства между совой и орлом, ослом и лошадью».

Пищу для глубоких размышлений по данному вопросу оставляет книга «Мода на уродование, как она выражена в обычаях варварских и цивилизованных рас» (С.-Петербург, 1883) известного английского ученого и путешественника Уильяма Генри Флауэра (1831-1899). В ней он анализирует многочисленный материал об искусственном уродовании своей внешности в угоду местным представлениям о красоте у людей различных рас. Практика бритья головы выводится им из обычаев диких народов. Причем для этой болезненной и негигиеничной операции часто используются кремниевые ножи, куски расколотых костей или раковины. Сюда же им относится и обычай выщипывания бровей. С той же самой целью понравиться соплеменникам туземцы острова Таити острым камнем оставляют на плечах и спине шрамы, в которые затем несколько дней кряду втирают древесную золу или природные красители, от чего у них на теле образуются большие разноцветные рубцы.

Другой путешественник при посещении в XVIII веке Хлебных островов в центральной Америке оставил такие воспоминания о местных жителях: «Они имеют обыкновенное прорезывать у мальчиков младенцев отверстие на губах возле самого подбородка и, чтоб не дать зарости этому отверстию, продевают деревянный болт и продевают это до тех пор, пока мальчик не достигнет 14-15 лет. С этого возраста они уже носят в отверстии род бороды, выделанной из панциря черепахи. Маленькую зарубку в верхней части они продевают через отверстие, так что она задерживается между зубами и губой, а нижняя свешивается под подбородком. Это украшение они носят обыкновенно в течение дня и вынимают, когда ложатся спать. В ушах у мужчин и женщин имеются подобные же отверстия, пробуравленные у них в молодости. Вследствие постоянного продевания больших болтов в эти отверстия, они достигают размеров пятишиллинговой монеты. В этих отверстиях они носят куски дерева кругло и гладко обрезанные, так что уши их кажутся как бы деревянными, обтянутыми тонким слоем кожи».

Сходный обычай демонстрирует нам и племя ботокудов из центральной Бразилии. Примечательно, что само название его происходит от португальского слова *botogue*, что означает «болт». Эскимосы на севере Америки прокалывают себе губы в углах рта и вставляют в каждое отверстие запонку с двумя головками или гиреобразный подвесок из кости, раковины, слоновой кости, камня, стекла или дерева. Жители Аляски прокалывают еще и нос и забивают в отверстия всякую всячину, имеющую, по их понятиям, самостоятельную эстетическую ценность. Один из первых посетителей центральной Африки также писал: «Внешнее украшение тела, костюм, наряды, увечья, которым они себя подвергают, – словом, общая мода – все имеет их собственный отличительный характер. Более всего замечателен у женщин возмутительный по его неестественности обычай прокалывания и обезображивания губ: они, видимо, соперничают одна перед другой своими увечьями, и их тщеславие в этом отношении, я думаю, не встречает себе подобного по всей Африке. Не довольствуясь прокалыванием нижней губы, они оттягивают также верхнюю, для симметрии».

Коренные жители Новой Зеландии при первом посещении их европейцами оказались все поголовно с искусственными отверстиями в ушах, в которые они вставляли перья, кости, ногти, зубы их умерших родственников, зубы дохлых собак, некоторые использовали эти отверстия как карманы на одежде. Когда зулусов первый раз отвезли в Лондон, то они не нашли ничего лучше, как, подражая английским джентльменам, вставить зажженные сигары в искусственные отверстия в своих ушах. Путешественник

мистер Уильфред Пауэл сообщал, что на одном из островов Новой Гвинеи видел человека, у которого дыры в ушах были растянуты до такой степени, что в них можно было свободно продевать руки.

Специальным образом нужно остановиться на обычае уродования черепа новорожденных младенцев, который был отмечен у многих народов во всех частях света и впервые был описан еще Гиппократом около 400 г. до н.э. Согласно представлениям этих народов деформирование черепа должно было отразиться на психических качествах ребенка. Кроме того, неестественная форма головы должна была свидетельствовать о более высоком социальном положении ее владельца. И даже обилие смертей в процессе этой болезненной операции не останавливает многие народы в следовании этому обычаю до сих пор.

Поль Топинар в своей известной книге «Антропология» также считал необходимым заострить внимание читателей на проблеме искусственного уродства у представителей некоторых рас: «Из числа наиболее оригинальных обычаев, связанных с наступлением зрелости или совершаемых над детьми, приведем надрезание мочеиспускательного канала у некоторых австралийских племен, вырезание одного яичка у южно-африканских, отсечение одного пальца у женщин некоторых австралийских племен и народов Африканского берега, прижигание подошвы и т. д. Но из всех обычаев всего разнообразнее те, которые относятся к обращению с усопшими. В одних случаях тело сжигают, или просто копят, или же его съедают родственники, в других случаях его предоставляют тлению на ветвях дерева, или же отдают на съедение ястребам».

Великий русский расовый теоретик В. А. Мошков обосновал и доказал подлинную причину этих, необычных на первый взгляд, обрядов в разных частях земли:

«Когда высшие расы смешивались с низшими, то первые не могли не заметить перемены в худшую сторону, происходивших в наружности их потомства. А так как белую расу высоко ценили, то естественно было желание всеми возможными средствами к ней возвратиться. Этому старались достигнуть многими способами, а в особенности подбирая себе невест по известному идеалу красоты и искусственно уродуя свои органы, чтобы придать им сходство с органами белой расы. Обычай деформации черепа принадлежит глубокой древности, по словам Гиппократа, у древних деформированная форма черепов считалась признаком благородства. У индейцев северной Америки она считается привилегией свободных классов и запрещается рабам. Далее лицо белого человека от перерождения теряло румянец и становилось сначала бледным, потом смуглым и, наконец, в жарких странах черным. Даже у наших европейских модниц в большом обыкновении белиться и румяниться, но они делают это секретно, потому что есть много женщин, которые в таком раскрашивании не нуждаются. Наконец у народов совершенно цветных раскрашивание лица в белый и красный цвета приобретает даже религиозное значение. Так, еще у древних египтян румяна клали с покойником в могилу. У австралийцев, например, белят лицо для танцев, или же раскрашивают его в белый и красный цвета. В такие же самые цвета, то есть белый и красный, раскрашивают и волосы, чтобы изобразить блондинов и рыжих. У многих цветных рас, по наблюдению антропологов, ушные мочки отсутствуют. Отсюда понятно желание цветных щеголей из подражания белой расе удлинять мочки подвешиванием на них тяжестей. На острове Пасхи, где уши туземцев были искусственно растянуты до плеч, поклонялись древним колоссальным статуям, которые также имели отвислые уши. Многие скульптурные изображения Будды воспроизводят его с длинными висячими ушами и с продырявленными мочками. Известно, что низшие расы отличаются от белой отсутствием икр на ногах и слабым развитием ручных мускулов, а потому явилась надобность фальсифицировать и эти органы. Так как маленькие ножки являются исключительной принадлежностью белой расы в отличие от низших рас, у которых ступни крупных размеров, то у китайцев мы находим обычай уродования ног, чтобы сделать их маленькими. Мы

перечислили здесь главнейшие формы уродования с целью украшения и преимущественно такие, в которых видно подражание белой расе».

Резюмируя все вышеизложенное, мы считаем себя вправе сформулировать следующий тезис.

Основываясь на антропологическом и этнографическом материале, можно предположить со значительной степенью вероятности, что стремление к искусственному уродованию своего тела у представителей некоторых этносов связано с осознанием ими несовершенства собственного строения. Именно субъективное врожденное ощущение собственной физической ущербности и заставляет их проводить эти «модификации» природного естества, ибо ничто самодостаточное и самоценное не нуждается в переделывании.

Например, в древнейшей арийской религии – зороастризме, обожествлявшей человеческую плоть как вершину Божественного творения, под страхом отлучения были запрещены прокалывание ушей, обрезание и любые пластические операции. Вторгаться в собственное тело, данное Богом, значит служить дьяволу. Такова была извечная мораль древних ариев.

Все это, в свою очередь, со всей неотвратимостью позволяет нам вновь поставить под вопрос биологическую полноценность некоторых рас, ибо она уже поставлена под сомнение самими их представителями и всей историей цивилизации. Мы ничего не утверждаем, мы лишь выдвигаем предположение.

В данном логическом умозаключении также не содержится ничего расистского, так как классик русской антропологии Д. Н. Анучин в своей работе «Как люди себя украшают и уродуют» (М., 1876) высказывался в том же духе: «Потребность украшать себя настолько свойственна человеку, что составляет, можно сказать, одну из характерных особенностей природы, – особенность, которая свойственна одинаково как цивилизованным народам, так и самым грубым племенам человечества. У низших племен, у так называемых дикарей, – потребность эта проявляется даже сильнее, чем у образованных народов, и многие дикари, не задумываясь, приносят ей в жертву свой достаток, комфорт и даже здоровье. Находясь на самой низшей ступени цивилизации, не зная ни постоянных жилищ, ни земледелия, ни скотоводства, ведя бродячую жизнь зверолова-охотника, – дикарь уже заботится об украшении своего тела. Не имея никаких орудий, кроме сделанных из камня, кости или рога, не имея никакого понятия о металлах и драгоценных камнях, он украшает себя раковинами, костяными бляхами, перьями, бусами из глины или продырявленных звериных зубов или окрашивает свое тело охрой, мелом и тому подобными красящими веществами. В жарких странах на украшения обращается даже значительно большее внимание, чем на одежду, и часто последняя носится не столько для защиты тела и прикрытия наготы, сколько для тщеславия и убранных. Тщеславие же свойственно дикарям не менее, чем образованным нациям, а требования моды, хотя может быть и не столь изменчивые, часто еще более властны у них, чем в современной Европе. По всей вероятности мотив в данном случае был чисто эстетический, и, подобно другим формам и способам украшения и уродования, был вызван, главным образом, ложными и варварскими понятиями о красоте».

Фатальные различия в канонах красоты и самооценке, в свою очередь, ведут к неизбежным различиям и в морали, которая также является проявлением совокупности расовых признаков.

Шведский антрополог Вильгельм Лехе писал в этой связи: «Подобно тому, как у отдельных особей могут появляться физические особенности, которые рассматриваются в качестве наследия от какого-нибудь очень отдаленного предка, так точно особи должны совершать известные антисоциальные или безнравственные поступки, выпады против близких или против всего общества, которые можно рассматривать в качестве наследия от прародича, совсем не обладавшего или лишь слабо обладавшего социаль-

ным чувством, причем эти душевные изъязны не были подавлены воспитанием. Подобно тому, как естественный отбор необходимо вызывает не абсолютное, но только относительное совершенство организма, так и понятие о нравственности может достигать более высокого или более низкого развития, вот почему в различные времена и у различных народов понятие о нравственности было, да есть еще и теперь, столь различно. Что человечество когда-нибудь освободится от всего, что мы называем рудиментарными органами, однако, невероятно уже потому, что эта дисгармония является неразрывным спутником каждого эволюционного процесса».

20. Расовые предрассудки как основная движущая сила эволюции

А теперь, уважаемый читатель, проясним и нашу позицию. Мы так настойчиво цитировали работы по расовым различиям вековой давности, чтобы привлечь внимание к этой теме, ибо факты, приводимые нами из классических работ, сегодня Вы не встретите ни в одном учебнике антропологии или криминалистики. Пьянящий дурман «общечеловеческих ценностей» все больше приобретает характерный запах костров средневековой инквизиции, а логика «политической корректности» все яснее принимает контуры схоластического мракобесия. Возможно, некоторые цитированные нами пассажи эпатировали читателя экстравагантностью суждений и резкостью формулировок, но все они принадлежат корифеям мировой и отечественной классической антропологии, которую никто и никогда не обвинял в расизме, что автоматически и с нас снимает всякую ответственность. Устойчивость иммунитета Русской научной школы проверена временем и кровопролитными идеологическими баталиями XX века. Авторитет Д. Н. Анучина, И. А. Сикорского, А. П. Богданова и десятков других остается непоколебимым, ибо их деятельность развивалась в общемировом русле научного процесса, что мы наглядно и продемонстрировали ссылками на известных зарубежных авторов.

Обильная цитация из немецкого философа и естествоиспытателя Карла Фогта также не случайна. Дело в том, что при жизни он был главным оппонентом Карла Маркса по вопросам расологии, а его книги были очень популярны в дореволюционной России и издавались огромными тиражами. Этим фактом мы хотим показать, что русская научная элита, вопреки общеизвестным коммунистическим мифам, отнюдь не безропотно сдалась марксистской пропаганде. Известная работа «Господин Фогт» – возмутительный пасквиль, полный гневных оскорблений в адрес ученого с мировым именем. По идеологическим соображениям Маркс неоднократно подавал в суд на Фогта, но не сумел выиграть ни одного процесса, ибо логика немецкого антрополога оказывалась неизменно более строгой и убедительной, чем спекуляции немецкоязычного экономиста. Имена классиков марксизма-ленинизма в современной России десакрализованы, что автоматически вызывает доброжелательное отношение ко всем их прижизненным оппонентам. Кроме того, Фогт был лучшим другом классика русской литературы А. И. Герцена, в книге которого «Былое и думы» немецкому философу посвящена целая глава, полная прочувствованных и теплых строк. Поколения наших соотечественников изучали это сочинение в рамках школьной программы по литературе.

Однако следует отметить, что советская пропаганда все же умудрилась до неузнаваемости изуродовать философские доктрины многих русских ученых. Так, например, «Большая Советская энциклопедия» (1954, том 27) в статье, посвященной великому отечественному биологу Илье Ильичу Мечникову (1845-1916), писала, что он был стойким противником «реакционной философии нищезанятия и идеалистических течений в биологии».

В ответ на это мы можем отослать читателя к фундаментальной работе И. И. Мечникова «Борьба за существование в обширном смысле» (Вестник Европы, 1878, том IV), в которой он писал: «Отличия между большими человеческими группами, народа-

ми и расами настолько крупны и очевидны, что я даже считаю лишним распространяться об этом». Основной же вывод в его работе таков: «...главным условием и движущим фактором эволюции в человеческом обществе является не мораль, а интеллект».

Неизвестно, отважился бы на такие статьи сам Ницше, живи он в то время в православной России.

Поэтому мы намерены утверждать, что **расовые предрассудки есть не только фактор, но именно основная движущая сила эволюции.**

Зарождаясь на уровне обыкновенного поверхностного внешнего восприятия, они проецируются на все уровни физической организации человека. Между особенностями внешнего облика человека, формой черепа, строением извилин мозга, нюансами физиологии, спецификой биохимии на клеточном уровне, психикой, поведением и моралью прослеживается один вектор, связывающий его в цепи эволюции как с предшественниками, так и с потомками. Потому-то и бывает достаточно беглого взгляда, чтобы распознать чужака и все племя, ибо в основе суждения в данном случае лежит весь огромный багаж знаний наших предков, и именно их коллективная воля служит доминантой нашего будущего поведения. Биологическая дезориентация на уровне главного принципа «свой-чужой» равносильна гибели и прерыванию всей эволюционной цепи. Любые системы ценностей, оспаривающие сам этот принцип, подобны смертоносному вирусу, единственной целью существования которого и является убийство живой системы, в теле которой он паразитирует. Поэтому и приговор наш и степень решимости должны быть твердыми и предельно ясными.

Мораль хозяина и мораль паразита неравноценны, потому хозяин и паразит не могут достичь компромисса. Ибо это две принципиально различные биологические программы, и ко всяким навязываемым нам угрызениям совести в процессе исполнения эволюционного долга следует относиться как к обыкновенным информационным помехам. Нашими действиями мы должны очищать не нашу совесть, а наше будущее.

Известный современный биолог Иренеус Эйбл-Эйбесфельдт в книге «Биология человеческого поведения» (1997) пишет: «Само человечество не является единицей отбора. Оно состоит из популяций, жестоко конкурирующих между собой за ограниченные ресурсы. Ни от одного народа на земле нельзя требовать, чтобы он пожертвовал собой ради человечества. Мы знаем, что почти всем, чем мы сегодня пользуемся, мы обязаны достижениям наших предков. Это знание обязывает нас подумать о будущих поколениях».

Крупнейший немецкий расовый психолог Эрих Рудольф Енш (1883-1940) также утверждал: «Раса и кровь; кровь и раса – это лежит в основе всего. От строения капиллярной сети и до мировоззрения протягивается единая прямолинейная нить. Мир идей человека зависит не только от духовных факторов, но и от его общего бытия. Это общее бытие включает в себя и физическое бытие как предпосылку идейного мира. Надо сохранять в чистоте это общее бытие человека, включая и физическое, для того чтобы сохранить чистоту идей. Для того чтобы внести изменения в мир идей, недостаточно одни идеи заменить другими. Этого недостаточно также и для того, чтобы сохранить в чистоте новые идеи. Но то и другое непременно требует изменения общего бытия. Учение о крови и расе представляет собой самую острейшую противоположность всем современным формам философского идеализма, которые утверждают примат сознания и идей над бытием. В действительности существует обратное отношение. Учение о крови и расе доказывает примат человеческого общего бытия, включая и его элементарные, особенно врожденные детерминации, над миром идей. Это же самое доказывает и современная психология, устанавливающая нерасторжимую связь между самыми элементарными и низшими психофизиологическими процессами и самыми высшими формами идейной жизни. Идеи сами по себе бессильны и бесплодны, если они не свя-

заны с физическим бытием. Только в чистой плоти и крови могут благополучно развиваться чистые идеи. Необходим поход против старого смешного и бессильного идеализма. Достойны уважения только сильные идеи, которые могут господствовать и побеждать».

Примечательна и позиция известных современных отечественных антропологов Е. Н. Хрисанфовой и И. В. Перевозчикова в их совместной работе «Антропология» (М., 1999), которую есть все основания считать официальной точкой зрения академической науки в нашей стране: «Более чем оправданная обеспокоенность общественности в отношении джина национализма оказывается связанной с ложным представлением о причинной связи тех или иных биологических характеристик с определенными этносами. В некоторых странах претворяется в жизнь идея, что если отказать в признании полиптипии у человечества, то расовая проблема сама собой исчезнет. Подобная «страусиная» тактика не учитывает того обстоятельства, что расизм и национализм связаны с фундаментальными психологическими установками на распознавание «свой-чужой», определяемыми как особенностями формирования образов, так и очень древними установками группового поведения. В этой ситуации отказ от слова-символа – «раса» – не более, чем косметическое решение».

Выдающийся отечественный антрополог В. П. Алексеев в своей базовой работе «Историческая антропология и этногенез» (М., 1989) писал: «Число народов колеблется, по разным подсчетам, вокруг тысячи, число расовых типов в разных классификациях не превышает нескольких десятков. Из этого простого сопоставления видно, что расы в подавляющем большинстве случаев соответствуют более высокому уровню объединения антропологических объектов, чем этнические группы».

В связи со всем вышеизложенным мы можем смело утверждать, что этнический уровень мышления всегда будет представлять собой тупик на пути развития мысли, в то время как расовый уровень всегда будет являться ее неисчерпаемым горизонтом.

НОВАЯ ПАРАДИГМА В РАСОЛОГИИ

*«Расовые различия возникли еще до того,
как появилось само человечество».*

Барон Эгон фон Эйкштедт

*«Никто не может вылезти из своей кожи,
так же как и из своей души».*

Фриц Ленц

Вот уже сто лет, как в представлении среднего читателя всякое упоминание об отпечатках пальцев устойчиво ассоциируется с криминалистикой и судебной медициной. Рядовой потребитель новостей автоматически вспоминает при этом, что затейливо выющиеся по нашим ладоням и ступням линии созданы самой природой и являются идентифицирующими для людей всей планеты, ибо нет в мире и не может быть даже двух человек с одинаковыми дактилоскопическими рисунками. Не отдавая себе в этом отчет, мы все являемся владельцами уникальных биологических свидетельств нашего бытия.

И вот уже сто лет читателю почему-то «забывают» сказать, что различия в дактилоскопических рисунках, из-за которых люди никогда не бывают похожи друг на друга, не случайны, а подчинены жесткой логике природы, создавшей разные народы и расы в различных частях земли.

Мы все не просто разные на уровне индивидуальности, но также подчинены жесткой генетической дифференциации в соответствии с расовой, национальной и региональной принадлежностью. По отпечаткам пальцев любой человек на земле может быть идентифицирован, причем с высочайшей степенью точности.

Впервые идея использования отпечатков пальцев для идентификации людей возникла в Китае еще в XII-XIII веках и тогда же с успехом была использована в криминалистике. В Европе подобную мысль первым высказал Артур Колльман в 1883 году, а в 1888 ветеринар Вильгельм Эбер уже предложил этот метод прусской полиции, но без успеха.

Однако самый конец XIX века, как известно, ознаменовался бурным расцветом естественных наук, таких как антропология, биология, психология, на стыке которых с участием социологии и политологии и возникла **расовая теория**. Двоюродный брат Чарльза Дарвина, Фрэнсис Гальтон развивал в это время прикладную часть расовой теории – **евгенику** – науку об улучшении человеческого рода. Вместе с тем, будучи талантливым математиком и разглядывая однажды плавно выющиеся линии дактилоскопических рисунков, он увидел в них графическое изображение математических функций расовых признаков, ибо к тому времени у него уже был накоплен некоторый фактический материал.

В 1892 году Гальтон впервые сопоставил пальцевые узоры различных расовых и этнических типов. Именно с этого времени развитие дактилоскопии, помимо решения чисто криминалистических задач, начинает развиваться и в русле классической расовой теории. Далее Гаррис Готорн Уайлдер, Гарольд Камминс и Чарльз Мидло вносят большой вклад в развитие новой науки, которая получает название **этническая и расовая дерматоглифика**.

В России дерматоглифические исследования полным ходом начинаются только в советское время. Поразительно, но факт, что именно в стране, взявшей на вооружение тезисы интернационализма, расовые исследования получают официальное научное

признание. Отсылаем к работе П. С. Семеновского «Распределение главных типов тактильных узоров на пальцах рук человека», Русский антропологический журнал, 1927, Т. 16, вып. 1-2, с. 47-63. Институт антропологии Московского государственного университета организует многочисленные экспедиции в самые разные уголки нашей страны. Крупнейшие советские антропологи А. И. Ярхо, В. П. Алексеев, Г. Ф. Дебец создают теоретическую базу этнической и расовой дерматоглифики. М. В. Волоцкий, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров совершенствуют методологическую базу исследований.

С самого начала дифференциация отпечатков пальцев начинает производиться на трех уровнях: расовом, этническом и территориальном – что сразу же говорит о точности метода и большом потенциале его развития. То есть, по отпечаткам пальцев человека устанавливают не только его расу, национальность, но и географический регион, из которого он происходит. Гениальная догадка Гальтона конца XIX века к тридцатым годам века XX-го находит свое полное подтверждение при исследовании сотен этнических групп в самых разных концах земли.

Причем потрясающей точности удается достичь на первых порах даже при относительной простоте метода. Выделяют три основных типа папиллярных узоров: дуги, петли и завихрения, к последним относятся еще и двойные петли. В таблице изображены пропорции частоты завихрений, петель и дуг у некоторых народов.

Ведущий немецкий специалист в этой области доктор Эрих Карл в статье «Отпечатки пальцев как расовые признаки и передача их по наследству», опубликованной в журнале «Volk und rasse», 1936, Т 7, дает такое резюме многочисленным исследованиям: «Представители желтой расы во главе с эскимосами имеют больше всего завихрений и меньше всего дуг и петель. У европейцев соотношение противоположное: у них число дуг и петель увеличивается за счет завихрений. Индейцы вплотную примыкают к азиатам, а айну занимают промежуточное положение между желтыми и белыми. Евреи сильно отличаются от европейцев большим числом завихрений и сравнительно небольшим числом дуг. Среди европейских народов больше дуг и меньше завихрений у северных европейцев, а у южных, наоборот, больше завихрений и меньше дуг. Среди северных европейцев больше всего дуг и меньше всего завихрений у норвежцев; за ними следуют немцы, англичане и русские».

	Завихрения	Петли	Дуги
Эскимосы	72,2	26,9	0,8
Японцы	45,16	52,76	1,81
Евреи	42,7	53,0	4,2
Итальянцы	36,46	58,44	4,72
Русские	32,12	61,3	6,15
Немцы	26,6	66,13	7,27
Норвежцы	25,65	66,95	7,4

Замечателен тот факт, что данная статья была опубликована в 1936 году, когда в Германии была официально взята на вооружение расовая теория, а идеологическое противостояние с Советской Россией, как «азиатской страной», было обозначено со всей решительностью. Однако данные Э. Карла полностью совпадают с данными, приведенными П. С. Семеновским еще в 1927 году, что может говорить лишь об одном – борьба идеологий не имеет никакого отношения к закономерностям развития науки, а немецкая расовая статистика подтверждает советскую, и не в пользу мифа национал-социализма об «азиатских ордах большевиков».

Исследования продолжают и в послевоенное время. Архив Института антропологии Московского государственного университета увеличивается. Итогом этой кропот-

ливой научной деятельности стала фундаментальная работа Генриэтты Леонидовны Хить «Дерматоглифика народов СССР», Москва, Наука, 1983.

Добрая половина книги состоит из многочисленных таблиц сравнительного анализа этнических и региональных групп. Со времени первых публикаций на эту тему методическая база существенно усложнилась, повысилась точность измерений и как следствие – возросла их достоверность. Теперь уже измеряются: дельтовый индекс, индекс Камминса, осевой ладонный трирадиус t , узорность гипотенара, добавочные межпальцевые трирадиусы, узорность Th/1, восточный комплекс.

В рамках нашей статьи мы не будем пересказывать научную часть книги, представленную Институтом Этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Акцентируем лишь наше внимание на выводах, ибо гражданское и научное мужество Г. Л. Хить выразилось в них в полной мере, что многократно повышает ценность данной книги. Цель работы описывается так: «Познание основных закономерностей варьирования признаков любой системы организма на разных таксономических уровнях имеет первостепенную важность для расового анализа и теории расообразования в целом. Расовый анализ основывается на рассмотрении географических вариаций признаков в территориальных группах, выявлении характерных расовых комплексов, типологии этнических групп и локальных рас и определении средних фенетических расстояний между таксонами на разных уровнях».

Уникальность же метода состоит в том, что группа основных диагностических признаков дерматоглифики занимает особое положение в сравнении с описательными расово-соматическими признаками. Как было доказано американским биологом Артуром Дженсенем, расово-соматический облик человека на 80% формируется его наследственностью, и только на 20% – окружающей средой. Измерения на основе пигментации кожи, волос, глаз, а также антропометрические обмеры головы, лица и тела, анализ с помощью психологических тестов, несут в себе известный процент ошибки, вызванной влиянием фенотипа на расово-соматические признаки человека. Отпечатки же пальцев и дерматоглифические рисунки ладоней и ступней вообще не подвержены влиянию среды и являются абсолютным воплощением нашей расовой и этнической сущности, передающейся из поколения в поколение генетически. Расово-этнические свойства выражены в них в чистом виде, именно поэтому дерматоглифический метод занимает особое положение, как наиболее достоверный. Г. Л. Хить делает такой акцент: «Автор приходит к выводу, что признаки дерматоглифики, будучи неадаптивными, не подверженными воздействию отбора и тем самым более стабильными по времени, более надежно свидетельствуют о сохранении древних особенностей популяций, чем соматические. Вся система признаков кожного рельефа подвержена жесткому генному контролю, который ограничивает возможности варьирования каждого признака в строго определенных пределах и, более того, делает соизмеримыми степени внутривидового разнообразия признаков. Вследствие этого возникает картина уникальной стабильности дерматоглифического комплекса. (...) Признаки кожного рельефа сохраняются в виде контролируемых генных систем».

Осознавая точность метода и используя богатый библиографический материал, Г. Л. Хить ставит себе поистине глобальную задачу: «Проследить дерматоглифическую дифференциацию населения значительной части ойкумены от мелких составных частей (локальные группы) до основных составляющих (большие расы)». Далее автор, обобщая данные полевых исследований этнических групп на территории СССР, дает строгую аргументированную отповедь евразийцам и прочим проводникам концепции смешения русской крови с азиатской.

Миф о многонациональной стране и, как следствие, о расово нечистом котле из разнохарактерных элементов исчезает под воздействием самого точного дерматоглифического метода расовой диагностики. Тезис о том, что большинство детей у нас происхо-

дит из смешанных семей, похож на уловку незначительной части смешанного населения, которая желает перенести свои грехи на расово чистое большинство.

«Монголоиды и европеоиды СССР в целом на всех трех уровнях хорошо дифференцированы со статистической точки зрения. Каждый уровень значительно отличается от всех остальных. При объединении данных степень внутрирасовой дифференциации увеличивается, а значимость ее возрастает до **максимального порога**. Этнический уровень является наивысшим во внутрирасовом масштабе и достигает 70% от величины уровня различий между большими расами. Локальные расы гораздо более гомогенны, чем любые из рассмотренных таксонов».

Напомним еще раз, что под тремя уровнями подразумеваются деление по расовому, этническому и территориальному признакам. Г. Л. Хить подчеркивает, что, даже проживая в пределах одного региона, представители разных рас и этнических групп не подверглись смешению.

Совершенно великолепно по своей убедительности и однозначности выводы о расовом типе русских. «В европейской части СССР представлены северная ветвь европеоидной расы и типы, промежуточные между северными и южными европеоидами. Установлено, что русские однородны в отношении кожного рельефа и являются носителями **наиболее европеоидного комплекса**».

Миф о генетической панмиксии русских – всего лишь ненаучная провокация даже не столько против русских, сколько против Белой расы вообще.

Наконец, Г. Л. Хить подтверждает базовый постулат расовой теории о том, что любой исторически значимый народ имеет расовую основу, в которой его специфические признаки выражены наиболее ярко. Не абстрактные общественные законы влияют на историю, но именно расовые признаки, которые несет в себе народ. Каждый исторически значимый народ имеет одну расовую основу, одно расовое ядро, с помощью которого он диктует свои «правила игры» расовой периферии, то есть расово нечистым помесям. Египет был создан египтянами, Великая римская империя – латинянами, Китайское царство – китайцами, Российская империя – русскими. Таким образом, все разговоры о мультинациональных культурах – всего лишь риторический прием, скрывающий элементарный подлог.

Империи создают расово чистые народы, а помеси эти империи разрушают. Еще пионер расовой теории Жозеф Артюр де Гобино говорил: «Ничто не указывает на то, что метисация создает высшие группы в социальной лестнице общества». Только расово чистый тип гомогенного в своей основе народа имеет желание и возможность выражать себя в исторических формах, создавая свою государственность, свое религиозное мировидение, свой культурно-цивилизационный тип.

Г. Л. Хить развивает эту идею следующим образом: «На уровне больших рас различия почти целиком должны определяться расовой основой. Сопоставление дает сходную картину: сближение популяций европеоидной группы и заметную удаленность от монголоидов. При этом расстояния между членами европеоидной группы регионов меньше, чем между любыми из них и монголоидами. Следовательно, на уровне больших рас различия между монголоидами и европеоидами полностью зависят от расовой основы».

Итак, все разговоры о гибельных с расово-биологической точки зрения последствиях монголо-татарского ига – всего лишь вредоносный миф, не имеющий под собой никакой научной основы.

Вывод таков: **русские – расово чистая в своей основе, гомогенная, преимущественно нордическая ветвь европеоидной расы.** Самый точный на сегодняшний день генетико-антропологический анализ на основе этнической и расовой дерматоглифики дает совершенно однозначное решение проблемы. Все, кто думают иначе, заблуждаются; все, кто говорят иначе, находятся в оппозиции к нам.

Те, кто сомневаются в достоверности данной информации и считают позицию автора этих строк слишком тенденциозной, могут обратиться к открытому официальному источнику (см. энциклопедия «Народы России», Москва, 1994 г.), где в главе «Расовый состав населения России» сказано: «По приблизительным подсчетам представители европеоидной расы составляют более 90% населения страны и еще около 9% приходится на представителей форм, смешанных между европеоидами и монголоидами. Число чистых монголоидов не превышает 1 млн. человек».

По официальным международным нормам ООН и ЮНЕСКО страна считается монорасовой в том случае, если 66%, или две трети ее населения, принадлежит к одной расе. Поэтому, когда демократические обществоведы говорят о России как о многонациональной стране, необходимо добавлять: «Хотя многонациональная, но монорасовая».

Базовая концепция расового ядра была сформулирована в Германии выдающимися расовыми антропологами первой половины XX века: Альфредом Плетцом, Вильгельмом Шальмайером, Ойгеном Фишером, Фрицем Ленцем, Гансом Ф. К. Гюнтером, а также подтверждена данными **этнографии и культурной антропологии** Рут Бенедикт и Бронислава Малиновского, **биологии поведения** Конрада Лоренца и Иренеуса Эйбл-Эйбесфельдта. Учение **о расовой душе** наиболее полно развил Людвиг Фердинанд Клаусс. Так что все разговоры о многонациональных государствах и мультикультурных сообществах – блеф.

Даже вышеупомянутых обобщений было бы достаточно, чтобы причислить Генриэтту Леонидовну Хить к числу ведущих расовых теоретиков современности, но ее научный темперамент и гражданское мужество не позволили остановиться на полпути. В монографии содержатся уже совершенно шокирующие выводы, а перспективы развития ее научного метода поистине не имеют границ. С помощью этой книги открываются новые удивительные возможности для популяризации расовой теории: «Значение данных дерматоглифики для решения проблем расо- и этногенеза в целом явно и несправедливо недооценивается. В фундаментальных сводках расового состава земного шара этой системе посвящаются обычно краткие и беглые обзоры с негативными выводами, касающимися лишь нескольких признаков. Целью автора было показать, что кожные узоры при корректном методическом подходе могут явиться неоценимым источником исторической и биологической информации. На громадном по объему материале обнаружено совпадение дифференциации групп и расовых комплексов по признакам кожного рельефа и расовой соматологии. Можно без преувеличения утверждать, что кожный рельеф человеческих рас и популяций – это запечатленная история их формирования. Отсюда вытекает возможность реконструкции основных этапов расообразования в масштабе всего человечества».

Поистине неожиданно, в то же время не может не броситься в глаза, что на сегодняшний день, по уверениям Г. Л. Хить, «библиографический список работ по дерматоглифике включает несколько тысяч названий».

А теперь, уважаемый читатель, скажите, пожалуйста, много ли Вы слышали о данной проблеме, с учетом ее столь фундаментальной проработки? Не трудно догадаться, что сокрытие данной информации от широких кругов общественности – следствие умысла, имеющего определенный расовый контекст. Глобальное управление человечеством осуществляется именно из-за массовой расово-биологической безграмотности. «Кто информирован – тот вооружен», – гласит древнейшая поговорка.

Поэтому теперь продолжим цепь стройных, аргументированных рассуждений автора данной книги.

В свете новейших открытий в области генетики возникает перспектива не только глобальной расово-этнической идентификации человечества, в том числе и на региональном уровне, но и возможность детального восстановления всей истории челове-

ства также на уровне рас, народов и регионов. Используя уникальную неизменчивость кожного рисунка пальцев, его полную генетическую обусловленность, можно сколь угодно далеко проникнуть в глубь исторического процесса, восстановить в деталях всю антропологическую историю человечества. Возникновение любой популяции, племени, народа, нации можно теперь проследить с первых периодов расообразования и до наших дней, причем в масштабах всей планеты. Но, что особенно важно, так это то, что процессы формирования расово-этнических общностей теперь можно будет проследить в их взаимной связи друг с другом. Станет возможным понять, какая общность ассимилировала другую, какая, напротив, сама растворилась в других племенах. Можно будет учесть все социальные и биологические силы, динамически воздействовавшие на расовое ядро того или иного народа, причем как угодно глубоко в древность.

Биологические причины и следствия великих переселений народов, рождение культур, религий, империй, а также их закат станут достоянием точных наук, и со всеми догматическими спекуляциями на ниве мировой истории можно будет покончить раз и навсегда.

Расово-этнический чертеж любого государства, независимо от его древности и степени изученности средствами археологии, можно будет воспроизвести с функциональной достоверностью и точностью технического чертежа любого бытового электрического устройства. На основе новых методов дерматоглифики станет возможным заново, и теперь уже окончательно, восстановить подлинную политическую, социальную и культурную историю человечества. Возможно будет перечисление всех народов, что содействовали образованию великих государств, и тех, что, напротив, принимали участие в их разрушении. Можно будет точно узнать, как теперь называются потомки тех или иных древних племен. Всякая ложь и фальсификации в межнациональных отношениях перестанут иметь под собой какую-либо почву. Историзм, как универсальный метод исторического исследования, должен будет исчезнуть, а вот **расовая историософия и ревизионизм** имеют все основания пережить второе рождение. Все культуротворящие народы и народы-паразиты возможно будет обозначить, как элементы в периодической таблице Менделеева. Место популяционной генетики в высших учебных заведениях займут **политическая генетика и популяционная казуистика**. Точно так же на основе современной науки **социобиологии** можно идентифицировать и высчитать народы-доноры и народы-паразиты, и тогда самым естественным образом возникнут, например, такие науки, как **социальная паразитология, эволюционная паразитология и биологическая культурология**. Современный исследователь из Германии Йорг Альбрехт в этой связи весьма метко высказался, что теперь возникает перспектива «генетической инвентаризации человечества». Не гуманитарии отныне должны будут выработать моральные критерии в обществе, а биологи и инженеры-системотехники. И в изобретении машины времени с целью перенесения в другую историческую эпоху отомрет всякая надобность, потому что подробный антропогенетический чертеж человечества представится возможность создать, не вставая с дивана, а биологический подтекст любого исторического события можно будет детализировать и укрупнить.

Нет смысла отныне пугать друг друга всякими ужасами об этнических чистках, возникающих ныне повсеместно, а на основе новых знаний все гигантское полотно исторического процесса, включающее в себя как прошлое, так и будущее, можно будет разом перетряхнуть, как пыльное покрывало, и выбить из него генетический мусор полностью.

Создание новых государств теперь может осуществляться не на основе конституционных актов, а на основе этнической, биологической, социальной и культурной комплементарности народов и, как следствие, на основе точного расчета оптимальной расово-этнической структуры для данной территории и данного ландшафта. Границы от-

ныне должны устанавливать не политические волонтеры, а специалисты в области этнофункционального метода. Исходную расово-этническую матрицу государства можно будет смоделировать с легкостью манипуляций с кубиком-рубиком, тасуя характеристики народов, так же как цвета на его гранях.

Совершенно ясно, что на основе дерматоглифики придется полностью переделывать всю современную теорию государства и права. Почему, например, я как представитель государствообразующего этноса должен платить налоги и подчиняться людям с принципиально отличными отпечатками пальцев? Почему, если еще в далеком неолите наши пути разошлись генетически? Я должен быть законопослушным только в отношении своих **согенников**, а в отношении других я должен строить свои взаимоотношения на иных принципах.

Мои отпечатки пальцев – это проекция моего расово-этнического архетипа, которую одарила меня природа. Моя этничность и расовая принадлежность не химеры, а научный факт, который совершенно незачем скрывать. В древние времена люди подписывались отпечатками своих пальцев не потому, что были неграмотными, как уверяют нас современные историки, а потому, что они осознавали нерасторжимую взаимосвязь пальцевых узоров со своей этнической и расовой принадлежностью. Собственные отпечатки пальцев под текстом клятвы они воспринимали как знак качества, как фирменное клеймо, которое гордо ставит мастер на свое изделие. Они клялись своей этнической и расовой принадлежностью как генетическим знаком качества перед лицом мировой истории и перед лицом своего вечного архетипа.

Отпечатки пальцев конкретного человека – это проекция вечного расово-этнического архетипа его племени во времени и пространстве; это генетически частное, запечатлевающее свою нерасторжимую связь с генетически вечным. Это неизменное клеймо твоего рода, это знак качества, сквозь который ты касаешься бытия, входа в историю. Суетное и вечное, низкое и высокое, подлое и героическое – все, что остается от тебя во времени как след твоего пребывания на Земле, отмечено несмываемым тавром твоего племени. Именно это и накладывает обязательства перед лицом предков и потомков, овеществляя неотвратимость кармы.

Современные «демократические» средства массовой информации старательно формируют общественное мнение, усиливая общую расово-биологическую безграмотность. Никаких различий между национальностями нет, уверяют они, а расовые различия – это абстракция, временное недоразумение, устраняемое факторами социокультурной эволюции. Таков вердикт этих фальсификаторов науки, среди которых наибольшую активность проявляет так называемая «школа эволюционистов».

К их сведению, помимо упоминавшейся дерматоглифики, мы приводим еще ряд современных научных способов расово-этнической диагностики.

Прежде всего, это **серология**, то есть наука о группах крови, ибо они так же имеют жестко обусловленную этническую и географическую систему распределения. В последнее время мощное развитие получили методики на основе анализа **компонентов крови и белковых соединений**, которые также различаются у представителей разных национальностей. Весьма широкоупотребимым является изучение полиморфных систем крови (ПСК). Еще в 20-е годы в нашей стране был открыт сравнительно простой способ определения национальной принадлежности по крови по методике доктора Е. О. Манойлова. В рамках официальной государственной программы были подвергнуты обследованию русские и евреи. Результаты программы показали с большой степенью достоверности, что у евреев в крови окислительные процессы протекают быстрее, чем у русских.

В более позднее время методы анализа крови получили широкое распространение. Было доказано, что на уровне больших рас и на уровне более частных подрас хорошо заметно специфическое распределение полигенных наследственных факторов белков

сыворотки. В энциклопедии «Народы России», М., 1994, говорится: «Например, по системам иммуноглобулинов, обеспечивающих защитную реакцию против различных болезней и трансферринов, обеспечивающих нормальную циркуляцию ионов железа в токе крови, отчетливо выделяются большие человеческие расы».

Это свидетельствует о том, что у людей разных рас и национальностей различаются структуры белка, химико-биологический состав иммунной системы, а также электромагнитные характеристики крови. Наконец, расовые примеси сравнительно прочно выявляются на основе такого простого элемента, как ушная сера.

Помимо вышеперечисленных систем анализа прогрессируют и традиционные. Начать нужно с **краниометрии** – то есть раздела антропологии, специализирующегося на обмерах черепа. Можно назвать лишь две классических работы данного направления:

Ю. Д. Беневоленская «Проблемы этнической краниологии (Морфология затылочной области черепа человека)», Ленинград. Наука, 1976 и В. П. Алексеев, Г. Ф. Дебец «Краниометрия». М., 1964.

У зубов также есть национальность, и ее выяснением **занимается этническая одонтология**. В своей книге «Этническая одонтология», М., Наука, 1973 г., А. А. Зубов пишет: «Этническая одонтология дает в руки антрополога новый метод расового анализа, основанный на наборе особенностей морфологии зубной системы, обнаруживающем межгрупповые различия вследствие дивергенции человеческих популяций, происшедшей в разное время под влиянием разных факторов».

Помимо зубов, для нужд расового анализа уже сто лет используют и волосы, которые у всех также различаются по структуре.

Расово-этническая диагностика человеческого организма основывается на анализе совокупности его биологических параметров, носящем общее название **биометрии**. (См. Н. А. Плохинский «Биометрия» М., 1970; В. Ю. Урбах «Биометрические методы» М., 1964).

Исследования проводятся и на основе **таксономии**, то есть на взаимном соподчинении таксономических (систематических) групп народов, отличающихся различной степенью родства. (См. Е. С. Смирнов «Таксономический анализ». М., 1969 г.). **Соматометрия** занимается изучением общей конституции, строением тела и ее методы также актуальны.

Существует и весьма действенный метод расового контроля на основе цветных фотографий. (См. О. М. Павловский «О методике цветной фотографии при расовых исследованиях в антропологии», «Советская антропология», 1962, вып. 10).

Наиболее точных и впечатляющих результатов удалось достичь в генетике с помощью так называемых **генных маркеров**. Точность их расово-этнической обусловленности столь высока, что, как объявили средства массовой информации, недавно на их основе в Институте биологических исследований в Нес Циона в Израиле было создано этническое оружие, поражающее выборочно только арабов и совершенно безвредное для евреев, хотя и те, и другие относятся к одной и той же переднеазиатской, семитической расе. Специальная дисциплина – **геногеография** как раз и занимается проблемами изучения территориального распространения групп тех или иных генов. Подробная геногеографическая карта человечества уже давно создана и хорошо известна в штабах разработчиков бактериологического и бинарного оружия.

На базе **психологии, психоанализа, сравнительной расовой психологии, сравнительной расовой психиатрии, психологической антропологии и физиологической психологии** создано уже огромное количество тестов, идентифицирующих людей на этническом, социальном и культурном уровнях.

Современная **психогенетика** также достигла впечатляющих успехов в области изучения расовой дифференциации человечества на основе **I Q тестов** (коэффициентов

интеллекта), которые выявляют наследственную обусловленность интеллекта в зависимости от расовой принадлежности. В этой области нужно упомянуть имена таких признанных корифеев науки из США и Канады, как Артур Дженсен, Уильям Шокли, Дж. Филипп Раштон.

Конечно же, мы дали весьма беглый и поверхностный обзор методов расово-этнического анализа, лишь библиография которого составила бы не одну тысячу наименований. Но и этого будет вполне достаточно, чтобы поколебать уверенность проповедников идей о всеобщем равенстве.

В новой книге «Расовая дифференциация человечества», М., Наука, 1990, авторы Г. Л. Хит и Н. А. Долинова приводят уже подробную многостраничную систематизацию расовых, этнических и региональных признаков всего населения Земли, вплоть до мельчайших реликтовых племен. Причем данные дерматоглифики соотносятся с данными соматологии, генетики, одонтологии и других наук, что позволяет говорить уже о создании системной расово-этнической картины человечества, схожей, к примеру, с периодической таблицей элементов Менделеева в химии. В качестве универсальной дифференцирующей категории закономерно вводится такое понятие, как **расово-диагностический маркер**.

«Ключевые признаки дерматоглифики обладают большим запасом расоразграничительной мощности: разница между основными расами в 2-40 раз превосходит свою ошибку. Как показали специальные исследования, внутри расы наиболее четкие различия наблюдаются на этническом уровне: этнический барьер явился самым мощным фактором дифференциации населения в процессе его исторического и биологического развития».

Принципиально важно то, что выводы дерматоглифики полностью совпадают с другими биологически независимыми системами признаков, которые были перечислены выше, что многократно повышает точность и достоверность общей картины. В связи с этим авторы книги говорят уже о «сетевом распределении» расово-диагностических признаков по всей планете.

«Каждая из крупных расовых групп человечества обладает неповторимой, только ей присущей комбинацией определенных частот признаков дерматоглифики и их сочетанием. Таким образом, анализ комбинаций признаков убеждает в том, что различия между расовыми стволами имеют сетеобразный характер. Это наблюдение подтверждается также анализом отклонений каждой расовой группы по отдельным признакам и их комплексу. Неповторимыми комбинациями обладают европеоиды и негроиды. Усредняя величину отличий каждой расы от общечеловеческой выборки по сумме признаков, приходим к убеждению, что максимально близки к человечеству в целом монголоиды и затем австролоиды, максимально далеки негроиды. Если принять, следовательно, гипотезу существования общечеловеческого дерматоглифического комплекса, то следует признать, что наиболее четко он выражен у монголоидов и австролоидов. Европеоиды и, в особенности, негроиды более всего несходны с этим «общечеловеческим типом». Взаимоотношения основных расовых групп имеют стойкий характер. Европеоиды занимают более изолированное положение, максимально специализированы негроиды. Судя по системе таксономических расстояний между расами негроиды являются наиболее древней и специализированной расовой ветвью человечества – менее древней, но также специализированной ветвью являются европеоиды».

Христианский, позднее марксистский и, наконец, современный либерально-демократический мифы о видовом единстве человечества должны быть окончательно развенчаны как несоответствующие действительности. Новейшие данные дерматоглифики, а также генетики наглядно показывают, что концепция **моногонизма**, то есть одноочаговости возникновения человека как биологического вида, в расологии является лишь социальным заказом тех политических структур, что управляют миром посред-

ством использования технологий эгалитаризма, то есть всеобщего равенства. Итак, легенда о грехопадении Адама и Евы, облаченная в одежды «академической науки», явила свою постыдную ангажированность.

Человечество имеет несколько, совершенно изолированных и никак биологически не связанных между собой, центров расообразования. Мало того, эти очаги возникновения различных человеческих рас отстоят друг от друга еще и во времени, вот что очень важно. Основные расовые типы человечества разделяют не только тысячи километров, но и десятки, а возможно и сотни тысячелетий. Поэтому всякие разговоры о видовом единстве человечества – ненаучная провокационная идея, созданная в интересах тех, кто желает управлять человечеством обманным путем, минуя расовую принадлежность народов.

Г. Л. Хить и Н. А. Долинова в своей книге дают такое резюме: «Основные расовые ветви человечества являются оригинальными, самостоятельно сформировавшимися подразделениями человеческого вида. Совпадающую схему родства человеческих рас получили по генным маркерам и другому набору дерматоглифических признаков».

Развивая методологию исследований далее, Г. Л. Хить и Н. А. Долинова проводили в своей новой работе диагностический анализ на основании следующих признаков: дельтовый индекс (DL), индекс Камминса (I), проксимальный ладонный трирадиус (t), узорность гипотенара (Hu), суммарный процент добавочных трирадиусов (ДМТ), узорность тенара первой межпальцевой подушечки (Th/1). Стремительная компьютеризация всех отраслей современной науки позволяет нам говорить уже о развитии самостоятельной прикладной дисциплины – цифровой **дерматоглифики**. Уникальность рисунка кожных покровов рук уже не первый год используют начальники режимных отделов секретных предприятий. Изображение дактилоскопического рисунка сотрудника предприятия сканируется и заносится в память компьютера, чтобы впредь служить пропуском, идентифицирующим его личность. В отличие от ключей, магнитных карт, шифров и паролей, отпечатки пальцев невозможно подделать и присвоить. А это, в свою очередь, со стопроцентной гарантией закрывает доступ нежелательных лиц к секретной информации.

Главное же преимущество дерматоглифического метода, помимо его точности, состоит в сокрытии момента самого анализа. Невозможно сделать обмер черепа человека, анализ его зубной системы, а также анализ его крови, не заметно для него. Отпечатки же пальцев можно взять практически у каждого без его ведома. Проникнув в базу данных компьютера, хранящего сведения об отпечатках пальцев сотрудников, можно безошибочно определить расовый, этнический и даже региональный состав их происхождения, причем даже не видя никого из них в лицо. Если некий человек согласно официальной анкете представляется уроженцем конкретной местности и предъявляет хорошо подделанные свидетельства о рождении и обучении, метод цифровой дерматоглифики моментально изобличит фальсификатора, ибо по узорности рисунка на пальцах можно увидеть, что родился он, например, не в Москве, а в Нью-Йорке, даже если и похож при этом на москвича.

Все мы помним популярный телевизионный сериал «Семнадцать мгновений весны». Советский разведчик под личиной офицера СС Штирлица был раскрыт именно на основе анализа отпечатков пальцев, которые у него взяли не заметно для него: «Штирлиц, принесите нам стакан воды». Ему удалось избежать провала лишь потому, что его отпечатки пальцев идентифицировались на самом низком уровне криминалистической экспертизы, на совместимость с изображениями других отпечатков. Если бы Штирлиц был подвергнут более серьезной расово-этнической диагностике, например, по методике доктора Эриха Карла, описанной в журнале «Volk und rasse», ему не удалось бы избежать провала. Хотя в его личной анкете и было записано «истинный ариец», дерматоглифический контроль однозначно засвидетельствовал бы, что этот человек родился

не на территории Германии. Как метко заметил выдающийся немецкий расовый теоретик Фриц Ленц: «Никто не может вылезти из своей кожи, так же как и из своей души».

Показателен и другой пример.

В современной расологии достаточно широко применяется термин ПАССИНГ (passing), обозначающий, что метис, происходящий от различных в расово-этническом отношении родителей, при переезде на новое место жительства, используя методы простейшей маскировки, выдает себя за чистокровного представителя одной из рас родителей. Чаще всего метисы симулируют европейцев. Очевидно, что популяризация дерматоглифики положит пассингу конец.

Г. Л. Хить и Н. А. Долинова ясно пишут: «Из всех европеоидов европейцы наиболее своеобразны». Это подразумевает, что чистокровный европеец всегда будет идентифицирован на фоне сходных в расовом отношении европеоидов. Именно этот же тезис вновь отлично подтверждает концепцию «расового ядра», у представителей которого неповторимые расовые признаки выражены со всей очевидностью.

Отныне это означает, что со всякой фальсификацией на расово-этнической почве будет покончено, и это повлечет за собой настоящую революцию во всех социально-экономических, религиозных, культурных отношениях. Теория государства и права неминуемо подвернется ревизии, рухнут конституции и «Декларация прав человека», который раз вновь перекроится политическая карта мира. Но новое положение вещей будет уже соответствовать не интересам торговцев мифа о равенстве, а подлинной природной и неподдельной иерархии народов и рас. Мировой банковский капитал, основанный на ссудном проценте, утратит основу, и ростовщические состояния лопнут. Переворот в мировоззрении людей планеты будет принципиальным и ни с чем не сравнимым. Конец эпохи гуманистических ценностей должен совпасть с окончанием очередной эры в истории человечества. Согласно зороастрийской эсхатологии «Эпоха Смешения» завершится и ей на смену придет «Эпоха Разделения». В свете новейших научных открытий становится совершенно очевидным, что предсказание персидских жрецов имеет также и биологическую подоплеку, ибо смешение нужно понимать в сугубо расовом смысле.

Теперь перейдем к рассмотрению работы еще одного представителя выдающихся отечественных расовых теоретиков, к числу которых принадлежит и Виктор Алексеевич Спицын. Однако известные идеологические штампы советской интернационалистической антропологии не позволили в полной мере повлиять его открытиям на общественное сознание.

Прекрасная книга В. А. Спицына «Биохимический полиморфизм человека», М., 1985, была издана мизерным тиражом – всего 980 экземпляров. В ней с помощью генетико-биохимического анализа не только подтверждены все основные выводы дерматоглифической методики Г. Л. Хить и Н. А. Долиновой, но сформулирован целый ряд новых важнейших положений расовой теории. Во введении автор пишет: «В результате многочисленных исследований было установлено, что альтернативные формы белков, находящиеся под строгим генетическим контролем, очень неравномерно распределены среди народов Земного шара». Используя обширный зарубежный материал и собственные наработки, В. А. Спицын в своей книге говорит «о глобальном распределении групп крови и других наследственных полиморфизмов у человека», а также о «выявлении возможных связей между частотами распространения определенных маркеров генов и болезнями». Генетические маркеры здесь выведены на основе математических формул, по которым произведен расчет глобальных миграционных процессов мировой истории. С высочайшей степенью точности вычислены генетико-биологические изменения в человеческих сообществах. Расовая дифференциация из туманных патетических образов буквально на глазах воплощается усилиями автора в структуру беспри-

страстных научных определений. Различия между людьми определяются на молекулярном уровне.

Перейдем к фактам.

Частота генов **системы трансферрина (Tf)** увеличивается в ряду «монголоиды-европеоиды-негроиды». Именно с их помощью производится и более детальная дифференциация этнических групп. В США в городе Сиэттле в Центральном банке крови уже разработаны и применяются **этнические стандарты крови**. В Москве в ходе исследовательской программы также было установлено, что этнические русские заметно выделяются среди других этнических групп многонациональной Москвы, именно на основе системы трансферринов. **Группоспециальный показатель (Gg1)** у евреев выше, и различает их и русских. На основе компонентов сыворотки крови также ясно видны этнические различия, причем именно генетически обусловленные.

Распределение **генных частот по системе Спицына** показывает, что основные человеческие расы на биохимическом уровне отличаются друг от друга на 30-40%. Выражаясь языком Библии, Бог лепил нас из разной глины, потому что между различными породами животных биохимические различия и то меньше. «Человечество с его общечеловеческими ценностями» – это генетически неопределяемый фантом. По этой же схеме установлено, что русские явно и отчетливо отличаются от татар, евреев и даже украинцев.

По ряду биохимических показателей ушной серы различия между основными расами достигают 4-6 раз, что позволяет использовать ее как удобный и ярко выраженный расоводиагностический маркер.

Поэтому В. А. Спицын выводит соответствующий обобщенный **коэффициент генной дифференциации (Gst)**, позволяющий эмпирически высчитывать степень чужеродности народов. Им также вводится и обосновывается такое понятие, как **генетическое расстояние (D)**, служащее для определения совокупности расовых различий между народами. На основе этих математических формул выведена генетико-биологическая **иерархия рас и подрас**. Затем дается понятие **времени генетического расхождения (t)** народов и рас в мировом историческом процессе. Дальнейшие выводы и обобщения автора вновь поражают сочетанием глобального охвата проблемы с математической точностью ее решения.

«Методы анализа генетических расстояний и построения филогенетических древ позволяют решать задачи генетико-антропологических классификаций, определения степени дивергенции популяций, оценки времени, прошедшего с момента разделения соответствующих ветвей древа. Более важной проблемой, однако, представляется попытка оценки продолжительности пребывания той или иной группы населения на данной территории, а также непосредственного определения динамики формирования этнорасовых общностей. В этой связи исследование характеристик мирового распределения факторов **системы иммуноглобулинов (Gm)** позволит подойти к решению поставленных выше вопросов.

Уникальность генетической системы Gm заключается в том, что каждая из крупнейших рас обладает характерным, свойственным лишь ей генным комплексом Gm, причем такие маркирующие гаплотипы представлены максимальными значениями частот». Совершенно очевидно, что на основе подобных методик всяким спекулятивным рассуждениям о «коренных и некоренных народах» и «многонациональных культурах» решительно можно будет положить конец, а конституционное определение «государствообразующего этноса» получит математическое определение, исключаящее ошибки. Формулы народов-созидателей и народов-паразитов также возможно будет рассчитать.

Обобщая международный статистико-аналитический опыт, В. А. Спицын дает точные формулы частот генных маркеров в системе иммуноглобулинов для основных человеческих рас, соответствующих их максимальной чистоте:

европеоиды – Gm 3; 5, 13, 14

монголоиды – Gm 1, 3; 5, 13

негроиды – Gm 1, 5; 13, 14, 17

Человек, знакомый с математикой, легко заметит, что это три совершенно различных и никак не связанных системы характеристик.

Далее В. А. Спицын подчеркивает, что «в Европе, европеоидный **Gm 3; 5, 13, 14** с высокой частотой представлен на севере континента». Таким образом определяется, что наиболее расово чистые европеоиды представлены на севере Европы, что как раз и соответствует ареалу происхождения и распространения нордической расы.

Следовательно, понятие расовой чистоты из области журналистских споров переходит в область точной науки. Из чего явствует, что **расовая чистота – явление не мифологическое, а генетическое**. Отныне расовая теория должна основывать свои тезисы не на поэтических образах, а на генетическом анализе и математических формулах. Базовый постулат расовой теории о том, что нордическая, или ксантохроидная, то есть светловолосая, голубоглазая, часть большой европеоидной расы является наиболее генетически чистой и, следовательно, более ценной ее частью, можно считать научно доказанным.

В пользу этой точки зрения свидетельствует и другой расовый параметр. «Уменьшение концентрации **гена (Pa)** с севера на юг прослеживается внутри каждой из больших рас». Максимальной своей концентрации ген (Pa) достигает у европеоидов именно по мере уменьшения солнечной радиации. Именно поэтому **ген (Pa) можно назвать нордическим геном**. Альтернативный **ген (Pv)**, наоборот, возрастает в условиях жаркого климата и именно у представителей южных рас. Соответственно, у черной и желтой рас есть свои критерии генетической чистоты.

Генетическая основа пигментации кожи имеет также весьма важную расоразграничительную функцию. В. А. Спицын в этой связи пишет: «Известно, что густой слой меланина у темнокожих рас, препятствуя проникновению в глубокие слои кожи ультрафиолетовых лучей, создает почву для заболевания рахитом. Этим объясняется наличие компенсаторного механизма, выражающегося в том, что у людей, живущих в тропиках, отмечаются обильные выделения сальных желез, значительно более крупных, чем у европейцев».

У европеоидов частота **гена (Gc)** не должна превышать 10%, в то время как у негров она превышает 30%. Именно частота этого гена и сопряжена с характерным негритянским запахом.

Древние мифы и сказания народов всей земли о белокурых и белокожих красавицах, а также их более высокая цена на азиатских невольничьих рынках, есть всего лишь результат генетической зависти представителей цветных рас. Мифология, история и эстетика в этой области вместе с генетикой оказывают самое сильное сопротивление либеральному всесмешению. Расовая чистота – это первый закон самой природы, метисы же противны ее законам.

Итальянский биолог Ренато Биасутти создал Мировую карту цвета кожи, где каждый оттенок имеет порядковый номер по шкале Лушана. Самый же главный вывод В. А. Спицына заключается в следующем: «Не имеется данных о связи между климато-географическими факторами и распределением факторов Gm». Это говорит о том, что расовые признаки носят неадаптивный характер, среда на них вообще не оказывает никакого влияния. Цвет глаз, волос, кожи и т. д. – это не результат приспособления человека к соответствующим условиям окружающей среды, это скорее **генетические**

украшения, которые раздала природа различным расам, исходя из естественного принципа **«каждому свое»**. Отечественная расовая теория в условиях господства коммунизма не прекращала своего существования и продолжала развиваться. **Новая русская расология** вследствие этого базируется не только на классической расовой теории, но и на лучших независимых работах советской эпохи, которые входят в почетный фонд мировой расовой мысли.

Русские – это определенная генетико-биохимическая конституция, а не те, кто прикрывается русским языком и русской культурой. Расовые и этнические различия – это не условности и не предрассудки, а генетический факт, вычисляемый с математической точностью.

Вышецитированные научные работы оказались почти незамеченными в отечественных научных и общественных кругах, а вот книга канадского профессора Дж. Филиппа Раштона «Эволюция и поведение рас» на Западе произвела настоящий фурор. В ней автор, основываясь на результатах иных методов исследования, пришел к аналогичным выводам. Этой книге пророчат судьбу классического труда по расовой проблеме наравне с такими шедеврами, как «Раса» Джона Бейкера, «Отклонения при исследовании интеллекта» Артура Дженсена, «Социобиология: новый синтез» Эдварда Уилсона и «Биология человеческого поведения» Иренеуса Эйбл-Эйбесфельдта.

Основные различия между расами объясняются Дж. Филиппом Раштоном на основе стратегии воспроизведения своего вида, которая составляет биологическую суть любого живого существа. Именно в сфере размножения различия между человеческими расами также наиболее очевидны и ощутимы. Одной крайностью является стратегия «р», ее отличает максимальная плодовитость организма при минимальной заботе о судьбе своего потомства. Типичный пример – устрица. Каждый год она откладывает в океан миллионы яиц и бросает их на произвол судьбы. Почти все они умирают, и лишь некоторые становятся взрослыми особями. Чем примитивнее популяция, тем она плодовитее. Среди людей это правило соблюдается так же неукоснительно. Афроамериканцы, цыгане и некоторые народы Азии отличаются плодовитостью, уделяя ничтожно малое внимание заботе о воспитании подрастающего потомства. Именно стратегия размножения является причиной высокой детской смертности у этих народов, а никак не «социальные язвы последствий колониализма». Ни Красный крест, ни другие гуманитарные организации ничего не смогут сделать, ибо не в состоянии переделать стратегию размножения данных этносов. Благие помыслы не влияют на физиологию устриц и им подобных. Взывать к чувствам сострадания культурных народов совершенно бесполезно. Укорять их недостатком бессмысленно, потому что у них принципиально другая стратегия размножения – «К». В ее основе лежит минимальная плодовитость при максимальной заботе организма о своем потомстве. Стратегия «К» характерна для более высокоразвитых существ.

Как следствие данных стратегий воспроизведения, у различных человеческих рас различается и инструментальная часть, этому воспроизведению служащая. Первыми с этим столкнулись ничего не подозревающие международные гуманитарные организации, занятые борьбой со СПИДом, ибо очень скоро обнаружилось на практике, что один размер презерватива в условиях открытого общества и декларируемого равенства не может удовлетворить всех, желающих защититься от «чумы XX века». Расовая проблема вновь ожила на качественно новом уровне. Совершенно очевидно, что представители стратегии «р», занятые количественной стороной вопроса, превосходят представителей стратегии «К» по размерам и иным функциональным характеристикам инструментальной части воспроизводства вида. У азиатов параметры меньше всего. О разном возрасте полового созревания у представителей различных рас было известно давно, но теперь на основе биологии поведения, сексологии и психоанализа к этому добавились неопровержимые доказательства того, что отношение к сексу, включая приоритетные

позы при половом акте, так же имеет подобные же кардинальные различия. Организм окружает вниманием объект своих вожделений в точном соответствии со стратегией «р – К».

Существенно различается и усредненный коэффициент интеллекта у представителей различных рас. Так, у европейцев он равен 100, в то время, как у африканцев – около 70. Приблизительно в такой же пропорции различается и скорость реакции.

Дж. Филипп Раштон пишет: «Головы больших размеров (содержащие более развитые мозги) находятся в прямой корреляции с интеллектом. Большие головы имеют тенденцию блистать своим интеллектом. Эта корреляция верна и по отношению к разным расовым группам. В возрасте семи лет африканские дети на 16% больше европейских детей, зато периметр их мозга на 8% меньше. У азиатов периметр мозга как будто больше, чем у европейцев, но некоторые из этих результатов появляются после коррекции, когда принимается во внимание тот факт, что азиаты в среднем меньше европейцев. Предполагается, что маленький человек с мозгом человека больших размеров имеет более развитый мозг, поскольку телу меньших размеров нужен меньший мозг для управления своими жизненными функциями.

Негры имеют в голове в среднем на 480 миллионов нейронов меньше, чем белые. С маленьким мозгом в большом теле они менее одарены интеллектуально, потому что большая часть мозга негров занята жизненными функциями, а не сознательными мыслями».

Расовые различия, индикатором которых выступает «р – К» – структура, сказываются и в сфере преступности, склонности к суициду, а также употреблению наркотиков. Белые больше склонны к фрустрации и мыслям о самоубийстве, африканцы же, в свою очередь, предрасположены к наркомании, совершению криминальных поступков и психическим отклонениям. У азиатов наоборот, приступы тоски наблюдаются чаще, а психические заболевания встречаются реже, чем у европейцев и негров.

Наконец, склонность к альтруизму и стратегия социальной адаптации также, по мнению профессора Раштона, имеют расовую обусловленность: «Если альтруизм – важная характеристика «К», то преступность параллельно ассоциируется с фактором «р». Далее канадский ученый остроумно подмечает, что «гены также выступают в роли брачных агентов», ибо представители каждой расы имеют свои врожденные критерии оценки красоты и иных достоинств противоположного пола. Поэтому расовая однородность является неоспоримым благом для каждого общества. «Пчелы и муравьи дают доказательства необыкновенного альтруизма, они умирают, спасая свою колонию, потому что их система воспроизводства приводит к тому, что рабочие особи имеют 75% общих генов. Обезьяны и белки могут обнаруживать генетические различия внутри своей группы, но более склонны к сотрудничеству с наиболее генетически близкими им особями».

Профессор Раштон считает, что совокупность различий структуры характеристик «р – К» имеет в значительной степени генетическое происхождение и хорошо пригодна для определения как классовых, так и расовых различий. Все психологические аспекты жизнедеятельности человека также находятся под сильным воздействием наследственности.

«Даже маленькие дети осознают расовые различия и имеют соответствующие предпочтения. Этноцентризм и «расизм» – это естественные механизмы, заключенные в геноме человека. Структуры поведения, различающие как расы между собой, так и индивидуумов внутри каждой расовой группы, отражают структуру «р – К», и без нее не обойтись при составлении любых социальных программ». Великий немецкий расовый теоретик барон Эгон фон Эйкштедт поэтому справедливо утверждал, что «расовые различия возникли еще до того, как появилось само человечество». Польский же антрополог Людвик Крживицкий в одной из своих книг привел любопытные данные опросов

людоедов в разных частях земли: все они утверждали, что различают людей различных рас и национальностей по вкусу.

Таким образом, в свете новейших исследований в области наследственности человека становится совершенно очевидным, что многие критерии общественных ценностей должны быть подвергнуты решительной ревизии. Переосмысление затронет множество современных гуманитарных наук, что неизбежно повлечет за собой и структурную перестройку официальных общественных институтов власти. Межнациональные отношения приобретут новую специфику, роль биологического детерминизма резко возрастет во всех сферах жизни, включая искусство, образование и религию. Само понятие человечности изменит свой статус, историки будут вынуждены начать переписывать историю, а философы должны будут дать благословение человеку **новой расы**. Вырождающийся вид «*homo sapiens*» тихо и незаметно должен будет сойти с исторической сцены, подобно неандертальцам и австралопитекам. И вновь никто не будет знать, почему это произошло.

Но это в будущем, а уже сейчас на основе методов дерматоглифики, серологии, а также с помощью генных маркеров можно с высокой степенью точности восстановить расовую чистоту нашего вида. Расовое ядро может быть в кратчайшие сроки очищено от чужеродных примесей. Евгеническое облагораживание расы в целом теперь должно осуществляться не устаревшими скотоводческими методами, а на основе генной терапии. Уже сегодня в теле живого человека можно проводить генетическую ревизию клеток, вычищая из него расовые загрязнения, доставшиеся от непредусмотрительных предков. Кроме того, с использованием более точных методов можно будет откорректировать и улучшить пропорции человеческого тела.

В общих антропометрических методах, как мы помним, погрешность при вычислениях выше ввиду влияния среды на соматическую структуру человека. Генетические же методы способны исключить погрешность, привносимую средой, помогая тем самым создать представителей расы, близких к идеалу. А с помощью клонирования численность очищенных, наиболее ценных народов можно будет увеличить до многомиллионных популяций при жизни одного поколения. Культурные народы, несущие на своих плечах бремя мировой цивилизации, больше не будут похожи на стаи пегих дворовых голубей.

Чистота породы, сила, здоровье и самодостаточность вновь станут обычным, повседневным явлением, а не ностальгическими образами из народных сказок. Повышение качества человеческого материала неизбежно повлечет за собой повышение всех норм качества культуры и цивилизации. Исчезнут гипертрофированные межэтнические противоречия. Политики больше не смогут сталкивать людей нашей расы в братоубийственных гражданских войнах. Расовый инстинкт белого человека будет восстановлен в своих правах, и видовое сознание прочно встанет над всеми социальными, религиозными и национальными объединениями. Консолидация опять будет возможной на основе закономерной наследственности, а не в силу капризов изменчивой среды. Деятельность каждого гражданина на благо расы станет залогом его уверенности в бессмертии, которое он обретет в своих потомках.

Бессмертие индивидуума в бессмертии расы. Какой другой моральный императив может сравниться с этим по силе и простоте?

Впервые наши Боги даровали нам шанс изменить судьбу расы к лучшему.

Уже сегодня мы можем смоделировать идеального нордического человека времен расцвета экспансии Севера против бескрайних просторов Азии.

Мы сможем вновь явить миру огромные количества высокорослых, атлетически сложенных, длинноголовых блондинов, покоряющих на своем пути пустыни, леса, снега и представителей туземных рас.

Еще одно новейшее изобретение дает нам реальную возможность поставить под полный контроль сам процесс расогенеза, и тогда действительно наступит конец истории, который предсказывали еще ветхозаветные пророки, а ныне пророчит Фрэнсис Фукуяма. Но придать смысл и форму концу истории мы сможем по своему усмотрению. Это будет всего лишь закат существования вида *homo sapiens*, на месте которого возникнет сверхчеловек новой расы.

Данным подлинно революционным открытием, последствия которого еще не оценили в полной мере фантасты и моралетворцы, является **волновой геном**.

В его основе лежат обобщения данных медицины и генетики, наглядно свидетельствующих о наличии волновой природы сигналов, управляющих генной активностью. По данной проблеме существует уже достаточно обширная библиография, но мы в рамках нашего эссе остановимся лишь на одной работе, как нам кажется, предельно ясно иллюстрирующей наши тезисы. Это работа Элеоноры Николаевны Чирковой «Волновая природа регуляции генной активности. Живая клетка как фотонная вычислительная машина», Москва, 1992.

Известно, что любые, совсем не похожие друг на друга, клетки одного и того же многоклеточного организма содержат один и тот же набор генов (фрагментов ДНК), полученных организмом от матери и отца при оплодотворении. Для разных частей клеток эмпирическим путем установлены величины резонансных частот, вызывающих активизацию тех или иных групп генов в желаемом направлении. А это, в свою очередь, позволяет регулировать механизм биологических часов клетки, задавая ей те или иные параметры роста и жизнедеятельности. В результате мы имеем возможность регулировать геном человека в целом с помощью монохроматического излучения. Помимо лечения патологических отклонений на клеточном уровне, о котором говорится в упомянутой статье, мы, естественно продолжая нашу мысль, можем также регулировать и генетически обусловленные расовые параметры человека на том же самом клеточном уровне, причем совершенно безболезненно для него. С помощью генных маркеров, данных дерматоглифики и анализа компонентов крови, мы можем безошибочно устанавливать расово-этническую и территориальную принадлежность любого человека. Влияя на геном человека в заданных диапазонах частот средствами новейшей магнитно-лазерной терапии, мы можем уже сегодня создать новые очаги расообразования и управлять самим процессом расогенеза во времени. Что характерно, методы диагностики и управления этими процессами могут быть сугубо конфиденциальными и не доступными контролю со стороны широких слоев общества.

Нужно четко понимать, что все глобальные превращения в истории осуществляются не во имя человека как такового, но в интересах конкретного доминирующего биотипа, с целью подчинения и подавления конкурентов.

В связи с этим наша главная цель предельно ясна – создание новой сверхсовершенной белой расы на основе лучших биологических компонентов существующей белой расы, нравственная и физическая деградация которой достигла предела. Вторая, также весьма важная задача – создание новой концепции истории на основе новейших био-генетических методов.

Обе эти задачи помогут нам выработать **новую парадигму в расологии**, которую мы и попытались обрисовать в нашем эссе.

АНТИРАСОВЫЙ МИФ О «ПЛАВИЛЬНОМ КОТЛЕ»

*«Бог создал белого, Бог создал черного,
дьявол создал метиса».*
Арабская поговорка

*«Метис не может любить расы,
он должен был бы любить
защищать их две, три, двадцать».*
Альберт Фуллье

Еще в конце XIX века великий английский естествоиспытатель и философ Карл Пирсон (1857-1936) провидчески писал, что, по его мнению, историческая роль Англии состоит в том, чтобы приготовить белой расе хорошую смерть – эвтаназию, всюду организуя, создавая и водворяя «мир, закон и порядок», – и погружая ее представителей во всемирную посредственность. Спустя сто лет сила его предвидения стала очевидной, ибо США, подхватив эту инициативу Англии, настойчиво толкают белую расу к биологической смерти, распространяя всюду так называемый миф о «плавильном котле».

Это проявляется все острее в демократической науке: под эгидой «политической корректности» из энциклопедий и словарей по антропологии последних лет вообще исчезло само слово «раса». Вредоносный и совершенно беспочвенный миф о современном обществе как о «плавильном котле», снимающем раз и навсегда расовую и национальную проблему, средствами массовой информации сознательно раздувается все больше и больше. По мысли создателей этого учения, все природные различия между людьми должны исчезнуть в едином правовом и социокультурном пространстве современной цивилизации. Более того, откровенно спекулятивными средствами популяционной генетики бесстыдно и цинично искажается история возникновения человеческого рода. В качестве единого предка для всех рас навязывается «чернокожая Ева» из экваториальной Африки. Концепция эта, сколь неприличная, столь и научно абсурдная, являет собой чудесный образчик новейшей **«чернокожей лысенковщины»**, в чем мы еще будем иметь возможность убедиться. Что же касается демократических **«сталеваров от антропологии»**, сочинивших пресловутый миф о плавильном котле, то мы настоятельно рекомендовали бы им открыть любой учебник по металлургии, из которого явствует, что переплавиться в единый сплав могут лишь металлы со сходной кристаллической структурой. Если же Вы в процессе плавки будете бросать в котел разнохарактерные исходные элементы, то в результате этого «чудодействия» получите груды металлосодержащего мусора с раковинами и трещинами, из которого при обработке невозможно создать ни единой детали или заготовки.

Кроме того, даже готовый получившийся сплав, отвечающий всем вашим требованиям, в процессе обратной операции вновь можно разъединить на исходные металлы, причем в чистом виде без всяких примесей. Это правило безукоризненно работает и в других областях науки, техники и даже повседневной жизни. Сколько бы вы ни соединяли в химической колбе самые разнообразные вещества в любых немислимых растворах, они никогда не утратят своих свойств, за счет которых все элементы вновь могут быть выделены в чистом виде.

Физические и химические неустраняемые свойства материи точно так же проявляют себя и в биологии в **виде вечных и неистребимых расовых признаков**.

Различные человеческие расы – суть различные человеческие виды. Скрещивание, о котором так много говорят современные популяционные генетики, делая акцент на математических расчетах, совершенно не свидетельствует о видовом единстве рода человеческого.

В современной либерально-демократической антропологии, в буквальном смысле этого слова очищенной от рас, доминирует традиционная точка зрения, что среда оказывает решающее влияние на формирование любого живого организма, включая его наследственные признаки. Адепты этой теории сознательно смешивают конституционные признаки, действительно частично зависимые от среды обитания организма, и расовые – на которые данное влияние не распространяется. Именно в этом и заключается основная подтасовка фактов, примененная впервые французским естествоиспытателем Жаном-Батистом Ламарком (1744-1828), в связи с чем эволюционная доктрина об изменении организмом биологических свойств под воздействием окружающей среды и получила название – **ламаркизм**.

Вряд ли нужно дополнительно пояснять, что на рубеже XVIII и XIX веков никакой доказательной базы и серьезной научной методологии еще не было, она возникла лишь на рубеже XIX и XX веков, когда Август Вейсман (1834-1914) и Томас Морган (1866-1945) на основе экспериментальных данных создали концепцию «зародышевой плазмы», из которой следовало, что организм ни при каких воздействиях среды не меняет своих расовых признаков. Антропологи и биологи начала нашего века окончательно разделили расовые и конституционные признаки, и в научных кругах вопрос был решен, но тут вмешалась большая политика. Идеалы равенства и просвещения времен Великой Французской революции, вооруженные ламаркизмом в его самой спекулятивной и циничной форме, вновь ожили в доктринах европейской социал-демократии второй половины XIX века. Коммунистический эксперимент в России XX века проводился именно на основе антирасовых домыслов и спекуляций. Классовое сознание было изобретено специально с целью заглушения сознания расового, так как социально-горизонтальное братание пролетариев в буквальном смысле этого слова должно было перечеркнуть аристократическую вертикаль «мифа крови».

1. «Чернокожая лысенковщина»

В последние десятилетия на Западе вышло изрядное количество монографий о феномене «лысенковщины» и ее персонифицированном воплощении Трофиме Денисовиче Лысенко, но вот штатный состав вдохновлявших его идеологов, как обычно остался за кадром у зарубежных правдолюбцев. Мощное инспирированное околонуучное направление списали на глупость и природное невежество простого мужика, запутавшегося в дебрях мичуринства, а имена услужливых поводырей старательно отделили от этого «очередного досадного перегиба тоталитарного режима». Однако даже поверхностное изучение источников максимально проясняет картину.

Молодая русская антропологическая наука того времени развивалась в общемировом контексте без каких-либо искажений или отставаний. Имена Д. Н. Анучина, А. П. Богданова, И. П. Павлова блистали на академическом олимпе как звезды первой величины. В 1900 году появился на свет «Русский антропологический журнал», безо всяких потрясений переживший большевистский переворот; в первые годы советской власти в Москве, Петрограде и ряде других городов возникли даже отделения Русского евгенического общества, начал выходить в свет «Русский евгенический журнал». В то же время, невзирая на только что окончившуюся Мировую войну, не прекращались контакты русских и немецких ученых, в молодой Советской республике издавались переводные труды мировых светил в области расологии, антропологии, евгеники, расовой гигиены, социальной биологии. Однако в начале 30-х годов положение кардинальным образом изменилось.

В 1930 году «Русский антропологический журнал» потерял определение «русский», а уже в №3 журнала за 1934 год Аркадий Исаакович Ярхо в своей программной статье «Очередные задачи советского расоведения» написал: «Антропологические теориейки, казавшиеся еще сравнительно безобидными, 8-10 лет назад открыто пропагандировались в советской печати. До 1930 года советское расоведение находилось всецело под влиянием чуждых нам буржуазных расовых теорий и различных буржуазно-идеалистических течений в области археологии, этнографии и лингвистики».

Далее Ярхо дает четкую методологию искажения антропологической науки: «Борьба с расовыми теориями предполагает наличие совершенно определенной тактики и стратегии. Только при условии, если в противовес тезисам расизма нами будет выставлена концепция исторического материализма, если мы перенесем центр тяжести критики из плоскости биологии в плоскость социологии, наша критика будет действенной». Наконец автор этой статьи даже не считает нужным скрывать, зачем же собственно нужно так изощренно уродовать целую отрасль естествознания в СССР: «Первое и основное – это систематическое разоблачение роли расового фактора в историческом процессе».

Целая когорта новоявленных светил молодой «советской науки» начинает массивную атаку на классическую антропологию, переделывая ее в интересах партийного меньшинства, затеявшего мичуринские манипуляции с русским народом: Марк Соломонович Плисецкий, Михаил Антонович Гремяцкий, Борис Яковлевич Смулевич, Максим Григорьевич Левин, Яков Яковлевич Рогинский. Последний особенно отличался введением в научный обиход специальных ругательных терминов в адрес немецких расовых теоретиков – «антропофашист» и «расовик». По стилистике здесь легко угадывается все тот же генетический источник – дети местечковых портных и шинкарей, что наводнили русский язык той эпохи пролеткультовской фразеологией и словами-мутантами типа «массовик-затейник».

Давление политиков на умы ученых было столь беспрецедентным, что даже выдающийся русский советский антрополог Виктор Валерианович Бунак, авторитет которого в мире науки был почти абсолютным, невзирая на политическую ориентацию того или иного режима, был вынужден в 1938 году, буквально спасая от разгрома и истребления свою научную школу, написать в угоду политической конъюнктуре работу с характерным названием «Раса, как историческое понятие», само название которой противоречило действительности, ибо раса – это явление биологического и, следовательно, не исторического, а доисторического характера. В этой статье он договорился до того, что «раса – абстрактное понятие», и что «расы возникают в результате мутаций». Мало того, «раса не абсолютная категория, а историческая, некоторый этап формообразования. Каждая эпоха имеет свои расы в их конкретном проявлении».

По логике Ярхо и Бунака получалось, что русские люди петровских времен принадлежали к другой, чем мы, расе, а Александр Невский, Дмитрий Донской, Евпатий Коловрат и подавно. И что у нас неправильное зрительное восприятие, когда мы смотрим на древнегреческие и древнеримские статуи: нам только кажется, что это все люди нашей расы, на самом деле они совсем другие.

Дальше больше, ведь корифеи от науки сделали официальное заявление. Н. А. Бобринский писал, что в биологии «вид реально не существует», что «схема, некая идеальная особь существует лишь в нашем представлении». Одним словом различия между негром и европейцем – это результат аберрации нашего зрения. М. А. Гремяцкий считал, что «разделение на расы, разумеется, условно», и что «раса выступает как абстракт в результате математического анализа». Получается, что цвет кожи, цвет волос, глаз – это что-то вроде X и Y, которые можно как угодно переставлять местами на листе бумаги. А. С. Серебровский также заявлял, что в понятие расы неизбежно привносится субъективный момент.

В помощь антропологам подключили официальных философов и историков. Так придворный коммунистический интеллеktуал В. Ф. Асмус в 1933 году в предисловии к своей книге «Маркс и буржуазный историзм» ясно писал: «...биологизм и историзм несовместимы».

Тот же А. И. Ярхо в «Антропологическом журнале» №1 за 1932 год в статье «Против идеалистических течений в расоведении СССР» сообщил нам, что по сравнению с приматами и другими животными расами для человеческих рас в первую очередь характерна «потеря видового (расового) инстинкта».

Особенно забавно это слышать из уст представителя «богоизбранного» народа, чья бесспорная видовая (расовая) солидарность признается как антисемитами, так и иудейскими теологами. Сам принцип сионизма построен на видовой солидарности евреев, которая у всех других народов, с точки зрения Ярхо, в процессе эволюции почему-то исчезает. Далее автор этой «научной статьи» пишет, что «большая часть объединений внутри рода «homo», за исключением некоторых примитивных племен, в расовом отношении смешана». Что ж, тогда, следовательно, предписания о соблюдении расовой чистоты, которыми кишат Ветхий Завет и Талмуд, на которых также основан закон о гражданстве государства Израиль, не более, чем измышления «примитивного племени». Генетический же контроль иммиграционной службы Израиля на принадлежность к этническим евреям – это «глупости дикарей».

А. И. Ярхо пишет далее: «Вся история вида «homo» является примером «снятия», изжития биологических закономерностей. Новые объединения неизбежно «снимают» реальность расы как биологического коллектива. Возникшие в процессе очеловечивания производственные отношения «снимают» реальность расы как таковой».

Существует древнее как мир правило: если желаете проверить достоверность какой-нибудь научной теории, то испытайте ее на евреях – и все сразу же встанет на свои места. В контексте данного повествования получается, что у всех народов на Земле расовые признаки абстрактны и неустойчивы, мало того, со временем расы вообще размываются. Но это у других народов, а у евреев все наоборот: расово-генетические признаки у них не подвержены времени. Все народы вокруг смешанные, а евреи чистокровные, и это притом, что девятнадцать веков они не имели своего государства.

Поэтому в соответствующем духе Ярхо и дает определение антропологии: «Антропология есть наука, изучающая изменения биологических особенностей населения в историческом процессе». Обратите внимание, расы «размылись» и «снялись», а народ незаметно, но плавно подменился населением.

Известный немецкий расовый теоретик начала XX века Герман В. Сименс мудро подметил однажды, что «антропология принадлежит к числу тех редких наук, которую могут полностью приватизировать всего несколько профессоров». Впрочем, тот же самый Ярхо даже не считал нужным скрывать истинную подоплеку своих идеологических замыслов, ибо отмечал: «Перед советским расоведением стоят большие задачи. Первой главной на данном этапе является разоблачение всякого рода попыток перенесения биологических закономерностей на общество и вскрытие лживости антропосоциологических и прочих империалистических расовых теорий, и наконец создание марксистской теории происхождения рас в борьбе с полигенизмом».

В соответствии с этим политическим заказом советская наука во всеуслышание объявила, что рас не существует. Нет термина – нет понятия, нет понятия – нет проблемы. Марксистская диалектика.

Уже после войны и многих лет сталинских репрессий, лишь в 1964 году, генетика была восстановлена в правах в Советском Союзе и, как следствие, вновь возникла возможность открыто обсуждать проблему возникновения рас, однако марксистские шоры продолжали уродовать науку. Известный советский ученый-генетик Николай Петрович Дубинин в своей книге «Что такое человек?» (М., 1983) вновь был принужден делать

совершенно ни на чем не основанные, противоестественные утверждения: «Homo sapiens завершил биологическую эволюцию своих предков, и надо полагать, что естественным путем в будущем он не превратится в новый биологический вид, не приобретет качество нового биологического сверхчеловека, или, напротив, дочеловека. Тот факт, что биологическая эволюция человека на уровне вида прекратилась, кажется противоречащим диалектическому учению о вечном движении материи. Но это факт, и его надо объяснить».

Как удалось Н. П. Дубинину заглянуть в будущее и констатировать завершение видовой, а следовательно, и расовой эволюции человечества, он нигде естественно не объясняет. Причем даже марксистская диалектика противоречит этому его утверждению. Далее ученый пишет: «Вначале расы у людей имели такое же значение, какое и у животных». Однако вот «смылись» они или «снялись» далее, как у Ярхо, он говорить уже не рискует. Молчит и все.

Школьнику очевидно, что коммунистический режим так и не смог создать мало-мальски вразумительную теорию антропогенеза, и, как следствие, разрешить расовую проблему. Таких примеров, грешащих против всех законов логики, можно почерпнуть в трудах советской академической науки сколько угодно.

Однако все же по мере ослабления идеологического прессинга положение стало исправляться, вновь благодаря титаническим усилиям подвижников-одиночек: Н. Н. Чебоксарова, Г. Ф. Дебеца, В. П. Алексеева, Т. И. Алексеевой, Г. Л. Хить, А. А. Зубова, В. Е. Дерябина, А. Л. Пурунджана, А. Г. Козинцева. Работы В. В. Бунака, за исключением одной единственной нами цитированной, так же составляют золотой фонд отечественной расологии.

2. Эволюционная устойчивость расовых признаков

Парадокс положения, тем не менее, заключается в том, что, едва оправившись от диктата советской лысенковщины, русская антропология была вынуждена столкнуться уже с лысенковщиной западно-либеральной, в первую очередь в американской популяционной генетике, также объявившей, что рас нет.

С подлинно русским терпением и подвижническим благоразумием был дан убедительный ответ внукам и правнукам все тех же местечковых портных и шинкарей, очередной раз сменивших черту оседлости своих убеждений.

Коллективный сборник авторов «Современные проблемы и новые методы в антропологии» (Ленинград, 1980) по праву старшинства открыл В. П. Алексеев своей программной статьей «Проблема расы в современной антропологии». Анализируя взаимосвязь последних достижений науки с общественным мнением, он подчеркивал: «Научный интерес к проблеме расы у человека в первую очередь обусловлен существенным расширением выбора признаков, главным образом морфологических, с помощью которых выделялись и характеризовались расы. Интенсивные исследования последних десятилетий выявили в морфологии человеческого тела новые обширные совокупности признаков, которые с большим или меньшим успехом стали привлекаться для выделения и описания расовых вариантов различного уровня».

Прогресс науки в области увеличения количества и качества расоразграничительных признаков вызвал обоснованную критику В. П. Алексеевым вульгарного генетизма: «Нигилизм в оценке расового уровня групповой изменчивости, в сущности говоря, представляет собою шаг назад, как попытка полностью игнорировать очевидные различия между географическими группами человечества». Популяционная генетика попыталась в духе советской приказной антропологии «снять проблему расы», но она вновь упорно не пожелала «сниматься» и «смываться». «Некоторые признаки повторяются практически у всех без исключения представителей больших рас и, следовательно-

но, во многих случаях определение расового типа возможно и у индивидуума». Автор работы справедливо заостряет внимание на том, что сторонники популяционного подхода сознательно выводят проблему расовых различий за рамки исследований, ввиду слабой изученности генетической природы морфологических признаков. Объявляется, что различия между расами – это различия фенотипические, и нет нужды придавать им генетическое значение. Спекулятивная подмена налицо; и это не может быть скрыто от проницательных глаз добросовестного ученого, в связи с чем В. П. Алексеев пишет: «Для современных работ популяционного направления характерны отсутствие каких-либо упоминаний о расах, усложненный математический аппарат, излишнее доверие к результатам математического анализа и все то же гипертрофированное внимание к популяционному уровню изменчивости». Интерес представляет данный далее обзор систематизаций популяционистов, исключивших из разряда признаков даже пигментацию кожи людей разных рас.

Автор разъясняет, что эта паранаучная спекуляция, созданная методами математической абстракции, преподносится западными популяционистами как передовая демократическая наука. Наконец, наносится удар по теории ламаркизма и всем иным концепциям теории среды: «Независимость вариаций расовых признаков от среды, пусть неполная, также говорит об их наследственной обусловленности». Расовые признаки неадаптивны, именно поэтому они называются расовыми, то есть генетическими, а не фенотипическими. Вывод в статье прост и убедителен: «Расоведение нуждается в новой теории, включающей положительные стороны популяционных разработок, освобожденной от нигилизма по отношению к расовому уровню изменчивости».

В следующей статье сборника «Концепция общего сходства в антропологии» А. Г. Козинцев подвергает сомнению концепцию уставного моногенизма: «Если же говорить о подвидовом уровне, то часто пути эволюции напоминают не древо с расходящимися ветвями, а сеть». В связи с чем и предполагается в целях достоверности строить расовые классификации не по отдельным признакам, а по их комплексам, а количественные итоговые различия оценивать с помощью специального «коэффициента общего различия» (КОР).

Далее автор этой статьи мудро размышляет в духе классического постулата логики, называемого «бритвой Вильяма Оккама», который гласит: «Сущности не следует умножать сверх необходимости». Именно этой «бритвой логики» А. Г. Козинцев отсекает умственные излишества тех, кто говорит о чрезмерной сложности оценки расовых различий: «Легко установить, что общее сходство между китайцами и корейцами больше, чем между каждой из этих групп и бушменами. Но совершенно бессмысленно выяснять, к какому из двух монголоидных типов бушмены ближе. Сколько бы признаков мы ни привлекали, этот вопрос окажется неразрешимым просто потому, что он лишен смысла».

Другой мэтр логики сэра Вильяма Гамильтона в сходной форме излагал ту же мысль: «Не должно допускать ни большего количества, ни большей сложности причин, чем это необходимо для того, чтобы дать отчет о явлениях». И отечественный антрополог А. Г. Козинцев в точном соответствии с этим правилом логики делает вывод: «Не стоит придавать особого значения тому, что по сумме признаков грузины могут оказаться «менее европеоидными», чем армяне, а латыши – «более монголоидными», чем эстонцы. Этногенетические выводы, основанные на таких сопоставлениях, будут не намного надежнее, чем теории «типологистов», относящих людей в однородных популяциях к разным расам».

В следующей статье сборника, посвященной вопросам расовой краниологии: «Мировое распределение затылочно-теменного указателя» Ю. Д. Беневоленская сопоставляет среднее значение этого показателя для основных рас:

европеоиды – 91,6

монголоиды – 96,6

негроиды – 87,3.

Вывод автора однозначен и убедителен: «Три расовых комплекса вполне отчетливо отделяются один от другого. Затылочно-теменной указатель работает в очень крупных ареалах, дифференцирует большие расы».

Приводимая далее корреляция между затылочно-теменным и высотно-продольным указателями также свидетельствует в пользу расовых различий:

у европеоидов – 0,738

у монголоидов – 0,581

у негроидов – 0,706.

Существует расхожее, ничем не подкрепляемое мнение, что европеоиды антропологически ближе к монголоидам, чем к негроидам, но именно этот показатель наглядно показывает всю глубину различия между первыми и вторыми – 27%. Много это или мало – пусть решают певцы элегии о видовом единстве человека. «Европеоидные серии обнаруживают меньшую дисперсность, чем монголоидные, и более тесную межгрупповую связь с высотно-продольным указателем». В целом это говорит о том, что в расовом отношении монголоиды менее однородны, чем европеоиды.

А теперь, уважаемый читатель, вспомните, сколько раз Вам приходилось в гуманитарной литературе встречать утверждения либеральных обществоведов о том, что белая раса чрезвычайно смешана, и мнение это всегда дается как нечто само собою разумеющееся и не требующее доказательств.

В следующей статье «К таксономической оценке уровней дифференциации по признакам дерматоглифики» Г. Л. Хить, одна из ведущих отечественных авторов в области определения расовых признаков по отпечаткам пальцев, также свидетельствует, что усредненное генетическое расстояние между европеоидами и монголоидами составляет 21%, что является свидетельством устойчивых расовых различий.

Еще один заслуживающий внимания тематический сборник «Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии» (М., 1987), по сути продолжает ту же генеральную линию отечественной антропологии последних лет, освободившейся наконец-то от опеки политической догматики.

А. П. Пестряков в статье «Дифференциация большой монголоидной расы по данным генерализованных тотальных размеров черепной коробки» остроумно отмечает, что размер мозга представляет собой «биологическое родимое пятно на теле расы». Далее автор развивает свою мысль: «Следует оговорить общеизвестный научный факт, что существует так называемый «мозговой рубикон», т. е. минимальный, но достаточно большой необходимый объем мозга, начиная с которого его носитель – человек – может функционировать как существо социальное. Среднегрупповая величина черепной коробки может быть важным параметром при изучении расовой истории человечества».

И действительно, если мы обратимся к расовой истории человечества, то без труда обнаружим, что экваториальные расы в силу своего «мозгового рубикона» не создали ничего, кроме неги и сладострастия. Современная общемировая культура, цивилизация, науки, искусство – все это достижения северной расы, и эту генеральную идею основоположника расовой теории человечества французского графа Жозефа Артюра де Гобино отечественная наука доказала с честью.

Экспериментальные статистические данные, приводимые далее, говорят сами за себя. Негроиды, папуасы и веддоиды отличаются гипокранностью, то есть малым черепом, ибо условный объем черепной коробки V у них находится в пределах от 1540 до 1640 см³. У монголоидов этот показатель в среднем равен – 1714 см³. Европеоидная раса самая гиперкранная, ибо условный объем ее черепной коробки самый высокий – 1745 см³. Современные данные криминальной полиции из государств с так называе-

мым «мультикультурным основанием» ясно свидетельствуют, что именно среди рас, застрявших в броне при переходе «мозгового рубикона», наиболее высок процент криминальной, алкогольной и наркотической предрасположенности, а также количество больных СПИДом и асоциальных элементов.

А. П. Пестряков на основе совершенно отличного, чем у других авторов, материала приходит к тому же выводу, что по размерам черепной капсулы менее всего варьируют европеоиды и более всего полиморфны монголоиды, что говорит об их «возможной расовой неоднородности». Разброс признаков у последних больше в 2-2,5 раза, чем у европеоидов, а у негроидов и американских индейцев в 1,5-2 раза больше, чем у европеоидной расы. Из чего можно сделать правомерный вывод, что из всех больших рас – европеоиды – наиболее однородная. «Исследуемые нами генерализованные количественные характеристики черепной коробки обладают большей устойчивостью во времени, чем большинство описательных расово-морфологических признаков». Из этого утверждения автора статьи следует заключение, что расовые признаки, особенно столь важные, как размер мозга, действительно являются «родимым пятном», никак не смываемым в процессе исторического развития, как того хотят шарлатаны от науки. «Предлагаемые параметры могут служить хорошими антропологическими маркерами при изучении этногенетических процессов. Анализ величин генерализованных параметров в краниологических сериях позволяет выделить расовую филиацию, а также инородные с краниологической точки зрения включения».

Ю. Д. Беневоленская в своей статье «Расовая дифференциация на территории Азии (по строению лобного отдела черепа)» на основе исследования лобно-сагиттального индекса (ЛСИ) также говорит о «наибольшей по сравнению с другими расами консолидированности европеоидов».

Очередной антропологический сборник «Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас» (М., 1986) вновь проводит ту же магистральную линию, не оставляя никакого повода для неясности в этом вопросе. В. П. Алексеев в первой статье под названием «Некоторые соображения о динамике корреляционных отношений у человека и ее эволюционном значении» пишет: «Объем внутренней полости черепной коробки не имеет сам по себе никакого приспособительного значения. По терминологии А. Н. Северцева – это признак эндогенный, слабо связанный со средой. В паре «мозг – черепная коробка» ведущим был мозг».

Поэтому и получается, в точном соответствии с расовой теорией, что гипокранные экваториальные, то есть малоголовые, расы никогда не приспособятся к культуре и цивилизации гиперкранных, крупноголовых европеоидных и никогда не перейдут «мозговой рубикон», чтобы стать «социальными существами» в европейском понимании.

Ю. Д. Беневоленская в статье «Расовые вариации признаков черепного свода» в дополнение к этому пишет: «Поскольку расы не сходны, разнокачественны по типу и масштабу внутрирасовых расообразовательных процессов, расовая диагностика по ЛСИ выглядит в каждом случае своеобразно. Так, европеоиды – наиболее консолидированная раса, и вероятно поэтому (ЛСИ) лобно-сагиттальный индекс не дает отчетливых расовых разграничений внутри европеоидов. Наибольшие различия ЛСИ вскрывает в пределах монголоидной расы».

Еще один автор сборника Ю. К. Чистов в статье «Расовые различия в строении медианно-сагиттального контура черепа человека» на базе другого морфологического параметра делает все тот же вывод: «Меньше всего различаются между собой по сумме линейных характеристик контура черепа европеоидные серии, больше всего – экваториальные группы».

Из числа более современных коллективных работ нужно отметить сборник «Единство и многообразие человеческого рода» (М., 1997). Известный антрополог Н. И. Халдеева в своей статье делает вывод: «Все без исключения популяции оказываются во-

влеченными в единый расогенетический процесс, основным результатом которого является становление расовых систем». Но «становление» – это уже не «снятие признаков» по Ярхо, или «прекращение эволюции вида» по Дубинину. Данное заявление свидетельствует об общем выздоровлении русской антропологии. Кроме того, автор отмечает, что процессы полиморфизма, то есть качественного различия между расами, имеют векторную направленность. Следовательно, концентрация расовых признаков в популяции может не только уменьшаться, но и возрастать.

Другой специалист в этой же области Г. А. Аксянова отмечает: «Полиморфизм тех физических особенностей современного человечества, которые именуются расовыми, существует независимо от позитивного или негативного отношения к самому термину «раса». Исторически возникшее переплетение этого научного термина из области биологической систематики с негативными социальными проявлениями не меняет его биологической сущности в применении к человеку. Расовая дифференциация в морфологии человека есть объективная реальность».

Уже цитированная нами выше Ю. Д. Беневоленская, один из признанных ведущих специалистов в области краниологии – науки о расовых различиях в строении черепа, – в своей статье, входящей в данный сборник, выдвигает оригинальную концепцию об изначальном существовании двух крайних вариантов лицевой морфологии у человечества. «Итоги анализа приводят к заключению о наличии двух основных расовых компонентов. Европеоидный тип обнаруживает особенности трапециевидного морфотипа, восточный – прямоугольного. Идея о существовании этих морфотипов находит биологическое обоснование одного из факторов полиморфизма человеческих популяций. Мало того, оба эти морфотипа отражают эволюционные этапы в развитии рас. Обращаясь к структуре морфотипов, мы видим, что прямоугольному морфотипу наиболее свойственны особенности начальной фазы роста, трапециевидному – конечной фазы».

Эта концепция морфотипов легко увязывается с теорией неадаптивного размера головного мозга В. П. Алексеева и, в зависимости от величины черепной коробки, задаваемой мозгом в процессе «фаз роста», позволяет научно обоснованно говорить о «высших» и «низших» расах. Тем более, что идея этих морфотипов «находит биологическое обоснование» в том, что один из них принадлежит к начальной, то есть низшей фазе роста, а другой – конечной, то есть высшей фазе.

Ю. Д. Беневоленская продолжает: «Эти «строительные элементы», то есть два морфотипа как первооснова многообразия, не рассеиваются бесследно в новой фазе дифференциации человечества на уровне сформировавшихся рас, а прослеживаются в их основе». Это значит, что высшие всегда были и будут высшими, а низшие – низшими: «Гипотеза диморфизма может быть сформулирована как явление параллелизма рас». То есть, по мысли автора, различие типов свидетельствует о взаимной независимости их происхождения.

Но где же тогда, спрашивается после всех этих заявлений, можно обнаружить тезис о «единстве человеческого рода» при «исходных данных морфотипах черепа» и «параллелизме человеческих рас»? А если вспомнить еще, что «расы не сходны, разнокачественны по типу и масштабу внутривидовых расообразовательных процессов» и, мало того, подвержены непрерывному «становлению расовых систем», то тогда концепция «плавильного котла» и впрямь оказывается мифом с ярко выраженной идеологической направленностью.

Если учесть, что эти морфотипы являются исходными составляющими антропогенеза, то правомерно заняться их биологическим обоснованием в полном соответствии с установкой последнего автора.

В сборнике теоретических работ «Проблемы эволюции человека и его рас» (М., 1968) ведущий отечественный специалист в области этнической и расовой одонтологии – науки о различиях в строении зубной системы – А. А. Зубов в своей статье «Некото-

рые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас» четко и ясно пишет: «Зубная морфология не противоречит предположению о возможности независимого параллельного развития рас от разных местных групп палеантропов».

Итак, очевидно, пора смириться с мыслью гениального чилийского расового метафизика Мигеля Серрано, что на планете Земля реально существует не одно человечество, а несколько.

В другом сборнике под характерным названием «Этнография, антропология и смежные дисциплины: соотношение предмета и метода» (М., 1989) мы найдем яркую и убедительную статью М. В. Козловской «Опыт изучения эпохальной динамики изменчивости некоторых физиологических признаков», в которой на основе биохимических процессов дается недвусмысленное подтверждение гипотезы об исходном существовании двух морфотипов и параллелизме рас. Автор статьи анализирует такой важный для антропологии человека биохимический фактор, как минерализация костных тканей скелета: «Некоторые сведения об уровне минерализации костной ткани доказывают жесткую генетическую детерминированность его, с одной стороны, а с другой – высокую чувствительность по отношению к различным внешним воздействиям. Выявлена способность организма поддерживать индивидуальный уровень минерализации скелета при снятии внешнего фактора влияния. Географическое положение не является целиком определяющим, а соотносится с генетической детерминацией. Ни морфологические, ни местные геохимические особенности не свидетельствуют в пользу повышения уровня минерализации. Сравнение уровней минерализации современного эскимосского населения Азии и Америки с таковым признаком у американцев европейского происхождения показало, что при всех адаптационных изменениях уровень минерализации скелета первых ниже, чем вторых».

Следовательно, минерализация костных тканей является также и расовым признаком, жестко генетически детерминированным. М. В. Козловская подтверждает: «Высокий уровень минерализации не необходим функционально, но воспроизводится генетически определенными механизмами. Концентрации микроэлементов в костной ткани – комплекс различных индикативных признаков». Из всего обилия элементов в этом плане нужно особенно выделить расоразграничительную функцию цинка, меди, марганца и свинца. В костной ткани монголоидов заметно снижено содержание цинка, что связано с более высокой интенсивностью окислительных процессов в их организме по сравнению с европеоидами. В свою очередь у европеоидов выше содержание свинца в скелете, что вызвано употреблением в пищу животных белков, мяса и молока. Характерно, что как раз европеоиды северной Европы отличаются самыми высокими показателями гена усвояемости молока, частота которого у монголоидов и негроидов значительно ниже. Медь так же активно вступает в окислительные процессы в организме и, следовательно, является хорошим расоводиагностическим маркером. Марганец свидетельствует о близости мирового океана в процессе формирования той или иной популяции. Океанические воды содержат очень низкие концентрации марганца, в связи с чем и костные ткани населения островов характеризуются его пониженными значениями.

На основе этих данных М. В. Козловская в своей работе делает правомерный вывод: «Таким образом, исследование химического состава минерального компонента скелета позволяет наблюдать сохранение на протяжении длительного времени некоторых черт химического состава костной ткани у представителей живущего на данной территории этноса».

Подлинным же шедевром современной отечественной расологии следует признать книгу А. Г. Козинцева «Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека». (Ленинград, 1988). В отличие от либеральных ангажированных антропологов, только и занятых «стиранием» и «снятием» расовых признаков, А.

Г. Козинцев цель своей работы видит в прямо противоположном: «Полиморфность некоторых признаков позволяет изменить традиционный ход исследования, перестраивая, а то и создавая морфологические схемы со специальным расчетом на повышение расоразграничительной эффективности и в некоторых случаях – на снижение роли других факторов, в частности возрастного».

Анализируя результаты практических исследований, автор монографии констатирует, что частота расоразграничительного признака по костям затылочно-сосцевидного шва для европеоидов составляет в среднем 6,4%, а для монголоидов – 16,6%. На основе близкого в морфологическом отношении затылочного индекса (ЗИ) расовые различия наблюдаются еще отчетливее. Так, для европеоидов частота этого признака составляет 8,4%, а для монголоидов – 48,5%. Затылочный индекс второго порядка (ЗИ II) также эффективно помогает различать расы: 2,8% – для европеоидов и 13,4% – для монголоидов. «При рассмотрении величин затылочного индекса (ЗИ) и (ЗИ II) создается впечатление, что признак «работает» только на уровне больших рас. Никаких закономерностей в распределении частот внутри европеоидного и монголоидного комплексов выявить не удастся».

Таким образом А. Г. Козинцев блестяще доказывает базовый постулат классической расовой теории, согласно которому доминируют не национальные и социальные различия, но расовые и биологические, то есть досоциальные.

Культурный и социальный тип общества, алгоритм поведения в нем, стилистика психического переживания индивида задается расой. Не среда формирует расы, но раса формирует среду. И расовые признаки – это не податливый пластический материал, подверженный изменениям извне, но, напротив, первооснова всех социокультурных трансформаций общества. Расовые признаки – это не глина, послушная руке ваятеля, это острие резца, создающее контуры бытия сообразно своей механической прочности.

«При всем обилии предположений о роли внешних факторов невозможно представить себе фактор, который бы так хорошо маскировался под расовый – слишком уж разнородны группы, объединенные здесь по расовому признаку, во всех прочих мыслимых отношениях», – продолжает автор. Любые деформации черепа приводят к различиям, которые всегда значительно меньше расовых. В связи с чем он делает заключение, из числа тех, что мы уже слышали из уст отечественных профессиональных антропологов: «Европеоидная раса представляется более однородной, чем монголоидная. Горизонтальные размеры скуловой кости велики у монголоидов и малы у европеоидов; негроиды как будто занимают промежуточное место».

Наконец А. Г. Козинцев делает более смелые обобщающие выводы относительно всей глубины морфологических различий между расами: «У монголоидов топографическое положение глазного яблока иное, чем у европеоидов. У африканских негров глазницы низкие, глазное яблоко больше, чем у европеоидов».

А теперь вспомним, что человек 90% информации получает посредством зрения, но при вышеупомянутых фактах строения зрительного аппарата получается, что разные расы имеют различную стереоскопию визуального восприятия и, как следствие, в буквальном смысле этого слова «видят мир по-разному». Различия в восприятии мира различными расами неизбежно влекут за собой различия в осмыслении и интерпретации моральных и поведенческих установок, что в свою очередь ведет к неустранимым и нестираемым генетическим различиям между культурными и правовыми нормами.

Даже изображение Богов в религиозных культурах разных рас, или его отсутствие, свидетельствуют в пользу того, что образ и его интерпретация от самых простейших бытовых форм до сложнейших метафизических видений неизбежно несут на себе печать расы, видящей все по-своему. Индекс сложности подглазничного узора (ИСПУ) обладает наибольшей расоразграничительной способностью. Для европеоидов он со-

ставляет – 38,0, а для монголоидов – 57,9. И это закономерно, ведь глаза разных рас имеют и разную крепежную оснастку. Этот признак также «работает» на уровне больших рас, опровергая тезис А. И. Ярхо о «снятии» расовых признаков историческим процессом.

Народы, нации, этносы и племена – это действительно результат более позднего исторического процесса, но гигантская пропасть неустранимых расовых различий свидетельствует в пользу доисторической, а именно – биологической природы их происхождения.

Не история творит расовые признаки народов, но, напротив, именно расовые признаки влияют на историю этих народов.

А. Г. Козинцев пишет далее: «Мы проанализировали около 30 признаков, относящихся к швам черепа, и выделили шесть основных, наиболее ценных. Европеоидная и монголоидная расы, как мы помним, различаются по всем основным особенностям». Для суммарной количественной оценки этих различий автором книги вводится специальный монголоидно-европеоидный индекс (МЕИ). В европеоидных популяциях он колеблется от 13 до 39, а у монголоидов от 54 до 82,5.

«Для удобства расчетов нужно заранее отделить расово-чистые группы от расово-смешанных». Эта прекрасная здравая мысль известного советского антрополога достойна пера самого графа Жозефа Артюра де Гобино – основоположника классической расовой теории. Математические расчеты, безусловно нуждаются в предварительном разграничении чистых и смешанных рас. Математика – это основа сегрегации, ибо индексов общечеловеческих ценностей не бывает. Математический аппарат в антропологии – лучшее средство от назойливых гуманитарных утопий.

Представители нордической расы также легко выделяются из числа других европеоидов с помощью североевропейского индекса (СЕИ). «Значение обоих показателей (МЕИ) и (СЕИ) у северных европеоидов выше, чем у южных». Ясный и аргументированный вывод, даваемый А. Г. Козинцевым в книге, не оставляет места для кривотолков и спекуляций. «Расоразграничительные индексы – простое, но эффективное средство анализа. Пять признаков – затылочный индекс, клиновидно-верхнечелюстной шов, заднескуловой шов, индекс сложности подглазничного узора и индекс поперечного небного шва – служат в первую очередь для разграничения европеоидов и монголоидов. Комбинации признаков обладают большей разграничительной силой, чем отдельные признаки. Монголоидно-европеоидный индекс (МЕИ) и первая главная компонента (I ГК) чрезвычайно эффективно разделяют монголоидов и европеоидов. Дифференциация внутри европеоидной расы прослеживается при помощи североевразийского индекса (СЕИ) и второй главной компоненты (II ГК)».

В приложении автор книги анализирует черепа из могильников центральной части России, принадлежащие периоду IV-I тысячелетий до нашей эры, и приходит к однозначному выводу, что наши предки указанного периода были расово чистыми северными европеоидами.

Поэтому доморощенных безграмотных «евразийцев» и «мнимых светил» из академической среды, уверяющих о том, что чистых рас не бывает, и льющих потоки лжи и грязи на расовую историю русского народа, нужно привлекать к уголовной ответственности за оскорбление чести крови наших предков, ибо современные «либеральные антропологические теории» по сути ничем не отличаются от осквернения могил – деяния наказуемого, как в цивилизованных, так и в нецивилизованных сообществах. Еще крупнейший итальянский антрополог Джузеппе Серджи в книге «Виды и разновидности человеческого рода» (Турин, 1900) аналогично указывал: «Наиболее важен для классификации череп. По одному черепу можно различить этнические элементы, входящие в состав смешанных групп. С самых древних эпох и до нашего времени не появились никакие новые формы черепов. Важная для классификации черта – внутренняя

емкость черепной коробки; она напрямую связана с формой черепа. Емкость человеческого мозга не увеличивается по мере эволюции общества. Как форма типов черепов так и их средняя емкость остались прежними. Увеличение емкости человеческого черепа – легенда».

Известный немецкий антрополог Юлиус Колльман (1834-1918) в этой же связи указывал: «Несмотря на все аномалии, несмотря на все влияния среды, несмотря на все скрещивания, человеческие расы и их разновидности всегда остаются теми же самыми».

Другой корифей мировой антропологии Ойген Фишер (1874-1967) в монографии «Антропология» (1923) на основе обширного статистического материала утверждал: «Форма черепа – настоящий расовый признак. Одна раса не получает при скрещивании полного преобладания над другой, но и новая раса в результате тоже не возникает, а образуется калейдоскоп признаков. Новые расы создаются естественным отбором. Если отбора нет, смешанная популяция надолго остается на уровне «поколения внуков». Законы Менделя объясняют и стабильность расовых признаков: то обстоятельство, что формы головы и лица в Европе сегодня такие же, как в раннем неолите (IV тыс. лет до н. э.), а также появление вновь из-под наслоения завоевателей признаков покоренной автохтонной расы почти, что в чистом виде».

В своей более поздней книге «Раса и происхождение рас» (1927) он обосновал этот тезис еще более четко: «Слияния в новую расу не бывает. Признаки обеих рас существуют параллельно, пока одна из них не будет истреблена. В этом случае правильной говорить не о разделении смеси, а о восстановлении старой расы».

Очень многие историки и культурологи, склонные объяснять возникновение очагов мировой культуры воздействием неких внешних причин, очень часто оказываются в неудобном положении, едва их паранаучные измышления удастся проверить данными естественных наук. Так, например, В. П. Алексеев в книге «География человеческих рас» (М., 1974) подчеркивал: «Любопытно отметить, что древнейшие очаги человеческой культуры возникли не в районах с максимальной, первичной продуктивностью биосферы, падающей на тропические леса, а к северу от них, в странах с более умеренным климатом. Старая гипотеза о приуроченности таких очагов к долинам больших рек неоднократно подвергалась критике, но в основном с философских позиций. Между тем она не выдерживает критики и с географической точки зрения: долины сибирских рек в Азии, Миссисипи и Миссури в Северной Америке никогда не были очагами развития цивилизации».

Итак, мы видим, что не случайные «капризы» среды, но осознанная биологическая воля расы творит мировую историю в ее лучших и наиболее зримых проявлениях.

А в 1928 году В. И. Вернадский писал: «В сложной организованности биосферы происходили в пределах живого вещества только перегруппировки химических элементов, а не коренные изменения их состава и количества». В биохимическом контексте расы это как раз и означает неустранимость отдельно взятых расовых признаков, а лишь соответствующее изменение их концентрации в той или иной популяции в процессе исторического развития.

Выдающийся советский биолог И. И. Шмальгаузен в своей программной книге «Кибернетические вопросы биологии» (М., 1968) блестяще развил все те же постулаты расовой теории, направленные против вульгарного ламаркизма: «Наследственный код ограждается ядерной оболочкой и регуляторными механизмами клетки и всего организма в целом от непосредственного влияния внешних факторов. Наследование признаков, приобретенных при жизни особи, фактически невозможно, так как это «приобретение» касается только преобразования информации в данной особи и гибнет вместе с ней. Наследственный материал не был затронут этим преобразованием и остался неизменным». При этом подчеркивается, что мутации, о роли которых так любят рас-

суждать генетики, на самом деле имеют случайный характер, кроме того, никакой свободы мутаций не существует, ибо они возможны лишь в определенных границах, заданных наследственными расовыми признаками. Одним словом, сколько бы вы не водили негра в русскую баню в Сибири и не кормили его пельменями с водкой, ни он сам, ни его потомки при условии стопроцентной брачной изоляции никогда не станут похожи на коренных русских сибиряков. Но генетики из числа вульгарных популяционистов пытаются оспорить этот очевидный факт, понятный любому биологически необразованному человеку.

И. И. Шмальгаузен продолжал: «Фенотип должен быть точным выразителем генотипа. Защита индивидуального развития фенотипа от случайных внешних влияний и ненаследуемость соответствующих изменений – необходимые условия для возможности регулируемого преобразования организма на пути его последовательного приспособления к обычным факторам внешней среды и на пути закономерной его эволюции вообще».

Таким образом выясняется, что не снятие расовых признаков в процессе эволюции является приспособительным фактором, а, наоборот, их усиление и закрепление. В процессе эволюции расовые признаки являются своеобразным приспособительным инструментарием, «**эволюционной оснасткой**», без которой не возможно биологическое развитие расы. **Расовые признаки являются как в физическом, так и в психическом плане генетическими «узлами прочности», на которых держится вся структура человека. Без них неминуемы вырождение и распад.**

«В процессе эволюции действием естественного отбора, в межгрупповом состязании меняются средства распространения наследственных изменений внутри популяции и вида в целом, через организацию и использование полового отбора и ограничение панмиксии при разных формах изоляции. Так как в борьбе за существование между собой сталкиваются в основном бок о бок живущие популяции, то решающее значение при этом имеют генетические различия», – утверждал Шмальгаузен. Таким образом, расовые конфликты неизбежно ведут к выявлению, усилению и стабилизации расовых различий, что, в свою очередь, ведет к обособлению фенотипов, четко фиксирующих различие генетических программ конфликтующих рас. Расовые конфликты оздоравливают и консолидируют расу, очищая ее от генетических помехообразующих примесей. «В процессе эволюции, под влиянием стабилизирующей формы отбора, увеличивается помехоустойчивость информации, то есть усложняется строение наследственного кода».

3. Наследственный полиморфизм

Итак, эволюционный процесс способствует не стиранию, но именно закреплению расовых признаков, кроме того, по мнению И. И. Шмальгаузена, «фенотип отражает свойства генотипа на уровне организации особи». То есть получается, что вся жизнеспособность расы построена на обособлении фенотипической уникальности и неповторимости, служащей максимальной реализации ее генетической программы. Поэтому в эволюционном плане метис всегда обречен на неудачу. Чистота породы – главное условие выживания с точки зрения кибернетической биологии.

Факторы, мешающие эволюции расы в качестве помех при передаче наследственной информации, подразделяются на **абиотические** (вредные климатические условия) и **биотические** (микробы, паразиты и хищники). Эти помехи мешают жизнеспособности расы и потому должны быть всеми средствами исключены из процесса расогенеза. «Борьба с биотическими помехами не могла быть совершенной; поэтому для некоторых сорняков и вредителей создались благоприятные условия приспособления к условиям культуры, и они также претерпели быструю эволюцию».

Так и возникли народы-паразиты, и даже целые маргинальные «низшие» расы, не способные к самостоятельному созданию культурных ценностей, но способные лишь паразитировать на достижениях «высших» рас.

Далее И. И. Шмальгаузен делает следующий весьма важный вывод: «В применении к популяциям организмов энтропия максимальна при полной свободе выбора вариантов фенотипа». Таким образом получается, что ограниченный половой отбор в рамках одного фенотипа снижает энтропию в популяции до минимума. Именно поэтому во всех сказках и легендах народов мира идеальная супружеская пара всегда представлена одним фенотипом, так же как и идеальный в расовом отношении, самодостаточный народ. Множественность фенотипов, то есть панмиксия, «хаос крови», расовое смешение неизбежно ведут к увеличению роста энтропии и, как следствие, к вырождению всей популяции, что и доказывается И. И. Шмальгаузенем методами кибернетической биологии. «Прекращение отбора и беспорядочное накопление мутаций означает дезинтеграцию, то есть распад существующей организации».

На каком-либо влиянии среды на наследственные расовые черты автор данной монографии ставит крест одним простым логическим утверждением: «Количество фенотипической информации меньше, чем количество наследственной информации». Никакой гуманизм, пацифизм и прочие либерально-астенические блажения не отменят суверенных законов природы, безжалостно вычеркивающих из жизни слабых, убогих и дегенератов. «Если эволюция популяции определяется соревнованием и избирательным истреблением ее особей, то эволюция всего вида в целом определяется не суммарной эволюцией отдельных популяций, а интегральным эффектом межпопуляционных взаимоотношений с соревнованием и вытеснением целых групп – популяций, рас и подвидов».

Самый же емкий и яркий вывод И. И. Шмальгаузена в его великолепной программной книге звучит так: «Без избирательного уничтожения, конечно, нет и эволюции».

Современная генетика при правильном прочтении также вовсе не противоречит основам расовой теории. Сочинение «Человеческая индивидуальность: наследственность и среда» (М., 1993), принадлежащее перу видного американского генетика-популяциониста Ричарда Левонтина, уже успело стать классикой. Автор объясняет здесь, что «изменчивость», называемая **полиморфизмом**, коренным образом отличается от непрерывной изменчивости, которую мы наблюдаем в таких признаках, как рост, вес, форма, цвет, уровень метаболизма или особенности поведения, каждый из которых представляет собой некоторую непрерывную шкалу». Известный отечественный генетик Виктор Алексеевич Спицын дает пояснение к этому выводу Левонтина, доказывая, что расовые признаки входят в число полиморфных, ибо и те и другие несут в себе именно качественные дискретные различия.

На сегодняшний день из 100 изученных ферментов в человеческих популяциях приблизительно 25% полиморфны, точно так же полиморфны и 25% белков у людей. «Тот факт, что молекулярные полиморфизмы являются неизменными на протяжении всей жизни человека и не зависят ни от каких заметных средовых или культурных влияний, предполагает, что они прямо или непосредственно наследуются. В самом деле, используя полиморфизмы групп крови, мы можем показать законы простого наследования», – доказывал Левонтин.

Итак, на основе генетических исследований в целом повторяется та же картина, которую мы наблюдали на основе биохимии организма и расовой краниометрии черепной капсулы: расовые признаки неадаптивны, не чувствительны к изменениям среды и подвержены только наследственным изменениям, что и лежит в основе неизменной расовой дифференциации человечества, наблюдаемой нами на протяжении всей его истории. «Есть несколько полиморфизмов, в которых один аллель распространен среди европейцев, но отсутствует у жителей Западной Африки, и наоборот. Аллель Fy^a группы крови Даффи встречается с частотой примерно 40% среди белых, но как правило, от-

существует у жителей Западной Африки. Аллель Ro по системе групп крови Rh редок среди белых, но встречается с частотой 60% среди жителей Западной Африки».

Объяснения Ричарда Левонтина просты и наглядны и также вскрывают научную несостоятельность мифа о «плавильном котле». «Основное свойство наследования: детерминанты признаков, встречающихся при зачатии человека, снова расходятся, когда образуется сперматозоид и яйцеклетка. Смешение на физиологическом уровне вовсе не означает, что наследственные детерминанты утратили свою индивидуальность. Напротив, они остались дискретными и при формировании репродуктивных клеток снова разделились. Получается, как если бы, смешав красную и белую краски, получив розовую, я смог бы рассортировать молекулы новой краски и снова получить красную и белую. Наследственные детерминанты в некотором роде кванты, дискретные частицы, которые сохраняют свою индивидуальность в процессе передачи следующему поколению, несмотря на тот факт, что, когда они соединяются при зачатии, их физиологические влияния могут объединяться. Конкретные люди – только временные носители разных сочетаний детерминантов».

Об устойчивости расовых признаков различных эволюционных линий, соединяющихся в организме бастарда писал еще крупнейший польский антрополог Людвик Крживицкий (1859-1941), в своей книге «Физическая антропология» (СПб, 1900): «Один из антропологов, исследовавший природу волос, говорит, что у метисов каждый волос иного строения; в отдельных случаях оно воссоздает строение волоса то одного, то другого родителя, в большинстве случаев представляет совершенно неправильную форму. Было высказано даже такое мнение, что на основании одного волоса метиса можно указать на его расовое происхождение и на интенсивность наследственной передачи каждого из родителей».

Брюнетки вообще отличаются большей интенсивностью в наследственной передаче физических признаков своему потомству, чем блондины. Сильнее всего сопротивляются примеси цвет глаз, и затем окраска кожи, цвет же волос быстрее поддается примеси.

Родители, из которых один имеет карие глаза, а другой голубые, производят потомство, отличающееся самым разнообразным соединением этих двух элементов. То, например радужная оболочка представляет на всей своей поверхности равномерное распределение одной и другой окраски, то одна окраска кольцеобразно окаймляет другую, то опять распределение одной окраски переплетается с другой, и таким образом радужная оболочка представляет ряд пятен. Мало того, бывают случаи, что каждый глаз иной окраски; в одной радужной оболочке, например, преобладает голубая, в другой – каряя окраска».

А в книге «Антропология» (1901) Крживицкий развил свои идеи, подчеркивая: «Организм метиса, особенно от типов совершенно различных, не может быть крепким, здоровым и производить потомство. Гармоничное сочетание различных черт чистого типа нарушено, новые еще не упрочились. В этом отношении любопытное зрелище представляет население тех стран, где скрещивание различных типов происходило в широких размерах. Нос не соответствует лицу, голова – туловищу. То же можно сказать о столь часто встречаемой в городах неодинаковой силе приспособления глаз; индивид наследовал один глаз от отца, другой от матери».

Выдающийся социальный антрополог Жорж Ваше де Лапуж (1855-1936) в своей фундаментальной монографии «Социальная селекция» (1896) писал: «Теоретически для каждой клеточки организма метиса интенсивность наследственной передачи различна». Современные исследования генома человека полностью подтвердили это умозрительное заключение французского ученого.

Имеющие недробную квантовую наследственную структуру, расовые признаки и их комплексы обречены на то, чтобы сохраняться вечно, и только брачный отбор и расо-

вая гигиена способны увеличивать их концентрацию, возвращая пегое либеральное общество к расово чистым идеалам народных сказок и легенд.

Наиболее целостное и законченное выражение **типологическая концепция** получила в польской антропологической школе, и в первую очередь, благодаря усилиям Яна Чекановского. Сущность проблемы, по его мнению, сводится к следующему: «Исходя из гипотезы сцепления расовых признаков в процессе наследования, можно сделать вывод о том, что расовые признаки передаются по наследству целым комплексом и что, следовательно, морфологические особенности индивидуума совпадают с вариациями того или иного расового типа. Изучение антропологического состава различных популяций состоит в выявлении в ней индивидуальных расовых типов и в подсчете их процентного соотношения. Последняя величина является основной характеристикой популяции и по ней в конечном итоге производится сопоставление разных популяций между собой. Географическому критерию не придается существенного значения, а морфологическому принадлежит решающее слово при отнесении индивидуума к тому или иному расовому типу».

Авторы научного сборника «Проблема целостности в современной биологии» (М., 1968) также поднимают философские проблемы естественных наук, но уже на основе системного метода, и оказывается, что теория управления применительно к живым системам подтверждает классические обобщения расологии. Чешский ученый Ф. Чижек в своей статье утверждает: «Это ошибочное мнение, что чем популяция в генетическом смысле сложнее, тем она менее целостна». А теперь вспомните, сколько раз либеральные обществоведы и преподаватели марксизма-ленинизма именно широтой занимаемого ареала объясняли мифическую неоднородность русского народа. Биология с легкостью снимает проблему этой гуманитарной спекуляции. Ф. Чижек доказывает: «В действительности дифференциация вида является оборотной стороной его целостности. Чем сложнее явление, тем оно целостнее».

Уместно в данном контексте вспомнить и слова советского биолога Р. Л. Берга, писавшего: «Полиморфизм является групповым приспособлением, обеспечивающим возможность жизни и эволюции вида как целого». Это означает, что человечество биологически не способно существовать без разделения на расы, и вздорная концепция «плавильного котла» противоречит самим законам мироздания.

В. А. Ратнер в монографии «Генетические управляющие системы» (Новосибирск, 1966) также подчеркивал: «Макрупорядоченность генотипа стабилизирована групповым естественным отбором, что обеспечивает одновременно генетическую изоляцию каждой сложившейся формы от прочих и комбинативную способность внутри каждой формы». Из этого следует, что не только строение отдельного организма, но и всей популяции в целом ориентировано на максимальное сохранение и удержание природного расового архетипа.

Данное положение удачно подтвердили известные отечественные антропологи В. В. Гинзбург и Т. А. Трофимова в совместной работе «Палеоантропология Средней Азии» (М., 1972). Основываясь на гигантском по географическому охвату и временной протяженности материале, они приходят к тем же выводам. Детально проанализировав могильники и захоронения на данной обширной территории с содержащимися в них остатками скелетов и черепов на протяжении последних 4-5 тысяч лет, ученые пишут: «Основное положение генетики – возможность независимого друг от друга наследования отдельных расовых признаков. Другими словами говоря, расовые признаки, являющиеся внешним проявлением – фенотипом – совокупности обуславливающих их наследственных факторов (генотипа), могут, как и последние, образовывать различные сочетания. Однако независимое наследование расовых признаков не являлось альтернативой, исключаящей комплексную их передачу по наследству. Именно комплексная передача создает условия длительного сохранения расового типа в той или иной попу-

ляции и концентрацию на территории не только разбросанных у разных особей признаков, но и значительное количество их комплексов, создающих расовое сходство отдельных лиц в популяции. Комплексная передача сходных расовых признаков говорит о близком и устойчивом генном составе популяции. И чем больше в популяции сходных фенотипических комплексов, чем больше в ней расово сходных отдельных лиц, тем концентрированнее, т. е. менее смешана, отдельная этническая общность».

Таким образом, подтверждается тезис о том, что в соответствии с векторной природой расогенеза концентрация расовых признаков в популяции со временем может нарастать; в связи с чем, в точном соответствии с законами Менделя, следовательно, может происходить очищение от инорасовых примесей и возврат к исходному расовому типу. Великий французский антрополог Поль Топинар (1830-1911) в своей базовой монографии «Антропология» (СПб., 1879) давал такое определение: «Под расовым типом мы понимаем средний тип расы, принимаемой чистой».

Следовательно, существование чистых рас и чистых расовых типов возможно не только гипотетически, но и практически. Точно также, как каждый день мы наблюдаем в быту десятки различных чистых рас домашней живности и употребляем в пищу животных, птиц, рыб, ягоды, овощи и фрукты чистых рас. Точно также и выведение чистой расы наших нордических соотечественников не химера, но вполне реальная перспектива приложения нашей политической воли.

Крупнейший отечественный антрополог В. П. Алексеев в книге «Становление человечества» (М., 1984) писал: «Исключительное постоянство физического типа человека во времени зафиксировано многими палеоантропологическими исследованиями. Эта стабильность типа характерна не для веков или тысячелетия, а для нескольких тысячелетий. Второе, что говорит о наследственной обусловленности морфологического типа, – промежуточное положение антропологических особенностей народов смешанного происхождения между исходными группами».

Как мы помним, основное заключение вульгарных ламаркистов состоит в том, что в процессе эволюции расы якобы «исчезают» и «размываются». Но признанный корифей отечественной науки А. А. Зубов в статье «Тенденции эволюции человечества» (Расы и народы. Вып. 12, 1982) указывает: «В процессе эволюции организм эмансипируется от факторов внешней среды, становясь в своих жизненных процессах и индивидуальном развитии все более автономным». Г. А. Югай в статье «Субстанциальный принцип организации живой системы» из уже цитированного нами сборника работ «Проблема целостности в современной биологии» (М., 1968) аналогично подчеркивает: «Крайне ограниченной концепцией является концепция преувеличенного влияния окружающей среды на живую систему. Влияние окружающей среды на организм было доведено до крайности, до абсолютизации, до утверждения, что среда играет ведущую, определяющую роль по отношению к организму и потому содержанием организма является якобы среда, а организм лишь форма выражения содержания. В результате признавалось не взаимодействие организма со средой, а одностороннее, определяющее влияние среды на организм, то есть среда в сущности рассматривалась в отрыве от организма». Английский биолог Юлиус Гексли указывал также: «Тенденция биологического эволюционного прогресса характеризуется увеличением контроля организма над своим окружением и растущей независимостью от изменений среды». Поэтому, исходя из известного постулата советского генетика Н. П. Дубинина, гласящего: «Один генотип – один инстинкт», мы с легкостью убедимся, что история, особенно на ее современном этапе, представляет собой не «снятие» расовой проблемы, но, напротив, ее постоянное и неизменное возрастание. Увеличение населения Земли, прогрессирующее особенно ощутимо в последние десятилетия, заставляет народы все изощреннее и активнее вступать в новый передел за ресурсы и сферы влияния. А постоянное и неуклонное эмансипирование генотипов от влияния внешней среды, в свою очередь, поведет к тому, что

наследственные различия в инстинктах, и как следствие система ценностей, станут все больше и больше определять тактику этих генотипов в борьбе за существование. Расовые различия будут все больше и больше сказываться на биологии поведения людей во всех сферах их жизнедеятельности.

Современные генетики-популяционисты, отрицающие сам факт существования устойчивых расовых типов, все многообразие биологических процессов в истории человечества, не задумываясь, объясняют действием мутаций. Однако известный американский антрополог Р. А. Фишер остудил их запальчивость замечанием, что эволюция должна происходить «вопреки натиску враждебных мутаций». Английский генетик Дж. Уитроу также указывал: «Одна из особенностей мутаций заключается в том, что почти все мутации, изученные генетиками, являются неблагоприятными». Очевидно, что все мутационные изменения могут происходить только в пределах существующего генотипа, и сколько бы Вы не воздействовали средой на семена огурца, они никогда не превратятся в семена помидора. То же самое относится к человеческим видам.

Это простое правило подтверждают и данные современной биохимии. Ричард Левонтин в книге «Человеческая индивидуальность: наследственность и среда» (М., 1993) пишет: «Наличие или отсутствие антигенов групп крови абсолютно постоянно во всех средовых условиях. У людей никогда не наблюдалось изменение группы крови в процессе жизни. Тип крови нечувствителен к температуре или питанию». О том же свидетельствует и В. П. Алексеев: «Множество фактов говорит об избирательном характере разных заболеваний в зависимости от той или иной группы крови, о разной предрасположенности носителей групп крови системы АВО к заболеваниям, определяемым групповой принадлежностью».

Расовые признаки есть признаки неадаптивные, никак не зависящие от среды, но всецело определяемые наследственностью.

Современный исследователь М. Ферворн остроумно заметил однажды, что «живой организм – это монархическое государство клеток». Мы же добавим от себя, что символами этой живой монархии в каждом конкретном случае являются именно расовые признаки данного организма, это правило простирается и на популяционный уровень.

Символика любого государства как нельзя более точно характеризует расовую сущность его создателей, причем расовый состав основной части населения при этом может различаться.

4. Проблема расы в современной русской науке

Острота дискуссии по проблеме рас как в политических, так и в научных кругах несколько не ослабла и по сей день. Весьма показательным и даже эпохальным явлением в этой области может служить 1-я международная конференция «Раса: миф или реальность?», прошедшая в Москве с 7 по 9 октября 1998 года под эгидой Российского отделения Европейской антропологической ассоциации и при поддержке многочисленных всемирных и отечественных профильных научных учреждений. Однако информация об этом из ряда вон выходящем событии ограничилась узким кругом посвященных, и это несмотря на то, что акция проходила при финансовой и информационной поддержке Фонда Сороса. Причина проста: отечественная антропологическая школа не поддавалась давлению биржевых спекулянтов от науки и в угоду модным веяниям демократической волны не отказалась от термина «раса». Эта смелая принципиальная позиция русских антропологов на международной арене была встречена откровенно некорректным поведением иностранных коллег, выражающимся как в замалчивании, так и в искажении научных фактов.

Остановимся вкратце на некоторых докладах, наглядно характеризующих самостоятельность отечественной расологической мысли.

Г. А. Аксянова в докладе «Категоризация как универсальное явление осознания мира (на примере расовой дифференциации человека)» заявила: «Отказ от концептуального понятия «раса» как объекта исследования в физической антропологии следует, на мой взгляд, отнести к разряду иллюзий, ошибок восприятия, т. к. накопленный материал позволяет говорить, что это является неадекватным отражением изучаемой нами действительности. А простой отказ от термина «раса» вообще не меняет объективной морфологической реальности в биологии человеческих популяций. Отказ признавать реальность существования рас у человека работает на разрушение группового согласия физических антропологов, понимаемое как ценностно-ориентационное единство. Это отказ от эффективного инструмента изучения истории человеческих популяций. Ведь только факт существования легко выявляемого внешнего разнообразия может послужить основой для категоризации на «своего» и «чужого».

Т. И. Алексеева в сообщении «Изучение человеческих рас в российской антропологии» рассказала о глубокой и всесторонней традиции этих исследований в нашей стране, не прерывавшихся даже в условиях тяжелой политической и экономической ситуации.

А. Н. Богашев сделал доклад «О расовой систематике народов Северной Евразии», в котором затронул проблематику исследования очагов расообразования в этом регионе, в связи с чем предложил ввести в употребление новый таксон – «западносибирская раса».

В весьма интересной работе «Специфика общих эволюционных механизмов антропогенеза и расогенеза» В. Ю. Бахолдина обобщила материал, согласно которому процессы расообразования шли не плавно, а скачкообразно, на основе «эстетического отбора». В сущности речь идет о формировании полового отбора каждый раз на новом уровне развития психики и эстетических способностей. Искусство, таким образом, рассматривается ею как один из доминантных расодифференцирующих маркеров, на основе которого происходит эволюционный отсев низших примитивных форм жизни.

В коллективном исследовании, озаглавленном «Новый ДНК-маркер как расово-диагностический признак», анализируется материал по получению нового генетического маркера CAcf685 по 19-й хромосоме, на основе которого величина генетического расстояния Gst между европеоидами и монголоидами (в данном случае чукчами) оценивается как шестикратная. Данный маркер признан как ценный в расово-диагностическом отношении.

Ю. Д. Беневоленская в сообщении «Феномен гармонизации черепной коробки» говорила о том, что на «эволюционно продвинутых черепах» обнаружена параллельная специализация как по эволюционным, так и по расовым признакам. Это как раз вновь говорит о том, что эволюция не «смывает» и не «снимает» расовые признаки, но, напротив, ведет к их обособлению и закреплению. Каждый расовый признак, равно как и их совокупность, развиваются вместе с общим ходом эволюции, увеличивая различия между людьми.

Чрезвычайно актуальную тему затронул А. Г. Гаджиев в своем выступлении под названием «Раса, этнос и экономика». Автор здесь ставит вопрос о сопоставимости и возможности влияния расовых особенностей на экономическое развитие и хозяйственный уклад каждого народа: «С большой долей вероятности можно утверждать, что морфофизиологические особенности больших рас, в частности, особенности пигментации кожи, волос, росторазмерные различия легочного и кожного дыхания и т. д. обеспечивают представителям той или иной расы определенные преимущества в процессе трудовой деятельности в тех регионах (ареалах), в которых сформировалась та или иная раса. О разных особенностях (физиологических, психофизиологических и т. д.) представителей различных рас свидетельствуют прямо или косвенно достижения в различных областях профессиональной деятельности, искусства, физкультуры и спорта».

А теперь, если вспомнить выводы корифеев отечественной антропологии о том, что размер мозга у основных человеческих рас не подвержен количественному, а равно и качественному изменению, то в свете рассуждений автора доклада становится фатально очевидной судьба некоторых народов и рас в связи с тем, что никаких «достижений в различных областях профессиональной деятельности» они никогда не имели и, следовательно, иметь не будут. Основные тезисы классической расовой теории вновь подтвердились самым очевидным образом.

О существовании «реальных расовых границ» на территории современной России говорил В. Е. Дерябин в своем сообщении «Несколько примеров существования дискретных расовых вариантов в современном населении». Огромный интерес представляет также выступление А. И. Дубова «Что такое раса?», ибо, по его справедливому замечанию, этот базовый термин современной антропологии до сих пор четко и однозначно не определен. Как своеобразное дополнение в этом контексте можно рассматривать и выступление С. Г. Ефимовой «Границы и возможности использования измерительных признаков черепа в разработке концепции расы».

Злободневную тему соотношения в антропологии чистой науки и ангажированной политологии поднял А. А. Зубов в докладе «Сущность «кризиса» расоведения». Уже сама заковыченность слова «кризис» в заглавии говорит о бескомпромиссности крупного ученого, подчеркивающего, что только начиная с 60-х годов оформилось негативистское направление в отношении расовых классификаций и расоведения. Раса объявляется «пустой категорией», якобы лишенной биологической основы. А. А. Зубов, так же как в свое время и В. П. Алексеев, подчеркнул, что подобная дискредитация строится на основе намеренного рассогласования данных антропологии и генетики. «Все перечисленные положения, на которых базируются отрицания реальности рас, ошибочны, недостаточно обоснованы, либо тенденциозны и полностью игнорируют ценный положительный вклад расоведения в науку о человеке».

Этой же теме было посвящено программное выступление одного из лучших отечественных генетиков Ю. Г. Рычкова «Генетические основы устойчивости и изменчивости рас», к огромному сожалению, безвременно ушедшему из жизни вскоре после конференции. Его доклад явился обобщением многолетних теоретических и практических исследований. В нем он говорил, что несмотря на то, что последние 35 лет генетика человека находится в разладе с антропологией, тем не менее, молекулярная генетика открывает все больше и больше «так называемых ДНК-маркеров, которые могут считаться маркерами расовых различий».

Анализу этих новых расоводиагностических маркеров был посвящен доклад известного молекулярного биолога В. А. Спицына «Эффективность разных категорий генетических маркеров в дифференциации крупных антропологических общностей». Вполне логичным поэтому в контексте бескомпромиссности поставленной расовой темы выглядит и выступление Т. В. Томашевич «Лучше считать различия рас реальными», в котором она отметила, что «...именно на уровне больших рас обычно наблюдаются наиболее существенные различия: например, в распределении частот подглазничного и третьего решетчатого каналов черепа на уровне европеоидной и монголоидной рас, причем метисные группы занимают промежуточное положение. Признание реальности расовых различий имеет фундаментальное значение для развития такого раздела физической антропологии, как морфология».

Название доклада А. И. Козлова «Учет расовых особенностей в превентивной кардиологии» говорит само за себя, ибо свидетельствует о глубоком понимании практической повседневной значимости расовых различий. Однозначность диагноза бывает только в морге. Если же эскулап действительно желает вылечить пациента, то должен учитывать **норму реакции** расовой принадлежности, которая будет неминуемо сказываться на всех обменных процессах. Клятва Гиппократова не противоречит расовой те-

рии, но, напротив, оправдывает ее, ибо не чинить вред больному значит в первую очередь понять, что больные разных рас устроены по-разному. Ложный абстрактный общечеловеческий гуманизм здесь может привести лишь к легализации шарлатанства.

С. А. Лимборская, О. П. Балановский, С. Д. Нурбаев в коллективной работе «Молекулярно-генетический полиморфизм в изучении народонаселения: геногеография Восточной Европы» говорят о больших успехах, достигнутых в последнее время в расшифровке ДНК генома человека. «В ходе этой работы было обнаружено большое количество высокополиморфных маркеров ДНК, пригодных для популяционно-генетических исследований. Изучая с помощью этих маркеров ныне живущие популяции, удастся получить информацию об их генетической истории и в ряде случаев датировать – с той или иной вероятностью – важные события, связанные с происхождением человека, его рас и расселением человека в глобальном масштабе. Полученные результаты анализа сложного в расовом отношении региона Восточной Европы указывают на высокую разрешающую способность ДНК-маркеров при анализе генофонда».

Название доклада Т. В. Панасюка «Раса и спорт: вклад в телосложение человека» столь же красноречиво, а Н. И. Халдеева развила другую весьма актуальную тему в сообщении «Расовые компоненты антропоэстетического выбора варианта внешности у человека». Здесь напрямую доказывается учение Чарльза Дарвина о том, что каждая раса имеет свой врожденный идеал красоты, и была обоснована современная гипотеза о связи популяционных эстетических предпочтений, как мужчин, так и женщин, с расовой дифференциацией. «Антропологическая составляющая является ведущей в комплексе других параметров, будучи наиболее древней и стабильной характеристикой восприятия внешности».

По результатам этой эпохальной конференции был издан программный документ «Проблема расы в российской физической антропологии» (М., 2002), который вполне может быть сочтен за официальную позицию отечественной антропологической науки. Так, в частности, Е. В. Балановская указала в своем докладе, включенном в общую редакцию, следующее: «Объективная классификация индивидуальных генотипов по ДНК маркерам практически полностью соответствует расовой классификации». Ее поддержала и Г. Л. Хить, в свою очередь указав, что каждая из крупных расовых групп человечества обладает неповторимой, только ей присущей комбинацией определенных частот ключевых признаков. Е. З. Година подчеркнула: «Основные расовые различия в значительной степени формируются уже во внутриутробном периоде». В том же духе следуют и доказательства Н. А. Дубовой: «До настоящего времени нет ни одного (!) факта, когда очень темная пигментация кожи, свойственная экваториальным группам, была бы отмечена для индивидуумов, предки которых родились не на Африканском, Австралийском континентах или в Южной Азии. Точно также не отмечено появления светлокожего, светлоглазого населения в Африке или Южной Азии без притока имевших такие признаки мигрантов. Если среди представителей монголоидной расы эпикантус – один из самых характерных ее признаков – встречается в 20-100% случаев, то среди европеоидов этот показатель варьирует от 0 до 10% случаев. Прямые волосы распространены как среди монголоидов, американских индейцев, так и среди европеоидов, но у классических негроидов они не встречаются никогда. Для австралоидов, включая веддоидов, характерны широко- и узковолнистые волосы. Монголоидов и американских индейцев от европеоидов отличает значительная жесткость прямых волос (признак, который почти не встречается у европеоидов)».

Итак, с помощью ярких и убедительных выступлений лучших отечественных антропологов и генетиков, мы убедились в том, что искусство, спорт, политика, все виды хозяйственной деятельности, а также брачный отбор супругов на основе эстетических предпочтений, содействуют не «стиранию» и «снятию» расовых признаков в процессе

эволюции, но наоборот их выявлению, закреплению и обособлению, что опровергает беспочвенные доводы А. И. Ярхо и иных «алхимиков» от теории «плавильного котла».

Мировая история – это не снятие расовой проблемы, но ее неминуемое и постоянное обострение.

5. Раса как высшая ценность

Стоит нам воздеть очи к небесам, как и там мы увидим сходную картину, ибо величественная мистерия теогонии – давней борьбы Богов – есть ни что иное, как квинтэссенция противостояния высших расовых эманаций. Каждая пядь галактического пространства на всех энергетических уровнях пронизана этой борьбой, ведущейся и на уровне бесплотных идей, и на уровне элементарных физических частиц.

Полигенизм в эволюционной теории есть прямое следствие политеизма в религиоведении. Один из основоположников **философской антропологии** Арнольд Гелен (1904-1976) удивительно емко и точно сформулировал это вселенское правило, провозгласив: «Единственная истина заключена в том, что всякая жизнь питается только жизнью».

Уместно также обратиться к программной работе «Что такое расизм?» известного современного «нового правого» философа Алена де Бенуа. Большую часть своей работы он посвятил спору с популяционными генетиками, основной довод которых в пользу отсутствия рас, как мы помним, заключается в том, что на основе генетических маркеров якобы невозможно установить четкие границы между основными расовыми стволами.

В ответ на это Де Бенуа указывает: «Если оперировать только генетическими частотами, окажется, что «близость» между человеком и шимпанзе гораздо больше, чем между шимпанзе и гориллой, и даже больше, чем между некоторыми группами людей». Суть заключается в том, что генетики произвольно используют «генетические расстояния» между генофондами популяций, а не между расовыми группами, как того можно было бы от них ожидать. Получается, что антропологи начинают изучение рас с обычного визуального восприятия внешних описательных признаков, в то время как популяционные генетики сами «конструируют» в своем мозгу популяции, которые вовсе не соответствуют реальному существованию расовых границ. Таким образом, они просто игнорируют данные **биотипологии**, на чем, собственно, и основана расовая классификация. С таким же успехом можно объявить, что в некоем речном бассейне нет отдельных рек, на том лишь основании, что во всех них течет вода и все они впадают в одно море. Если анализ «ДНК-маркеров» не способен различить малайца и негра, то это проблемы частного метода, но не науки расологии как таковой. По меткому определению де Бенуа, популяционные генетики впали в «оптическую иллюзию», создавая свои искусственные популяции, которые являются моделями, а не реальными объектами физической антропологии. «Генетики могут сколько угодно твердить, что генофонды не обязательно соответствуют фенотипам, на улице мы встречаем не генофонды».

Если же они и дальше будут продолжать морочить нам головы фантомами своих «популяций», то мы будем вынуждены обратиться за помощью к более древним и натуралистическим методам расовой дифференциации.

Известный советский антрополог и гематолог Б. Н. Вишневский в своей брошюре «Человек, как производительная сила» (Ленинград, 1925) писал: «Насекомые различных рас выказывают отличия, обусловленные химизмом крови хозяина. Так, наружные паразиты японцев отличаются от обитающих на европейцах. Изучение насекомых с представителей различных рас поможет разобраться в вопросе о родственных связях племен».

Вши и прочие паразиты, в отличие от «академических ученых», отличаются большим «знанием жизни», тонко улавливая различия в качестве крови, которую они сосут. Наконец, с помощью этих кровососущих можно решить затянувшуюся дискуссию о «высших» и «низших» расах у людей так же просто, как при беглом осмотре заключенных в камере без труда можно определить по их расположению на нарах занимаемое ими место в иерархии криминального мира. Современная фотосъемка с высокой разрешающей способностью позволяет сфотографировать насекомых различных рас и предъявить их изображения популяционным генетикам с целью доказательства существования очевидных различий между расами.

Наконец, еще в 1855 году Христиан Баумгартнер высказывался за происхождение человека от нескольких различных пар прародителей, основываясь на существовании чрезвычайного числа человеческих паразитов: «Будь эти паразиты первоначально на одной паре, эта пара должна была бы погибнуть, а с ней вместе и все паразиты». А известный французский антрополог Жан-Жозеф Вирей в начале XIX века писал: «Известно, что точно так же, как каждый вид млекопитающих, птиц и так далее часто имеет своих насекомых-паразитов, которые обнаруживаются только у него одного, также они имеются и у негров: у них есть своя вошь, совершенно отличная от вши белого человека. «Негритянская вошь» имеет треугольную голову, бугорчатое тело и черный цвет: такой же, как у негров».

Польский антрополог Людвик Крживицкий в начале XX века проводил опрос людоедов в самых различных частях света, и все поедатели человечины, не моргнув глазом, клялись исследователю, что различают расы по вкусу. Очевидно, они тоже были бы возмущены и раздосадованы утверждениями популяционных генетиков, оскорбивших их утонченные вкусы.

Во второй половине XIX века основатель Немецкого антропологического общества Рудольф Вирхов (1821-1902) говорил: «Человек точно так же может происходить от свиньи или слона, как и от обезьяны», – потому что, по его мнению, при желании и в баране, и в слоне можно обнаружить черты сходства с человеком. Следует заметить, что «свиная теория антропогенеза», по выражению Вирхова, стараниями современных генетиков получила фактическое подтверждение, ибо многие донорские «запасные» органы для людей теперь берут именно от трансгенных свиней, а не от обезьян, как этого можно было бы ожидать согласно уверениям традиционных эволюционистов.

С. В. Васильев в своей статье «Теория антропогенеза и видообразование» (Вестник антропологии №4, 1998) вынужден признать, что на сегодняшний день нет единой общепринятой «модели эволюции человека». Кроме того, в данной работе подчеркивается, что современная эволюционная теория допускает сосуществование в одно и то же время и в пределах одной экологической ниши «гоминид, находящихся на разных ступенях видообразования». То есть, выражаясь словами классической расовой теории, нет ничего противоестественного в сосуществовании «высших» и «низших» рас в одно время и в пределах одного «жизненного пространства».

В этом же контексте весьма показательна совместная работа Г. Л. Хить и Б. Кейта «Дерматоглифическая дивергенция основных расовых ветвей человечества» (Расы и народы. Вып. 11, 1981). В ней авторы недвусмысленно заявляют: «Индивидуальные профили кожного рисунка трех расовых групп свидетельствуют о неповторимости каждой из них. Возможность выделения сходных вариантов совершенно исключается. Европеоиды и монголоиды имеют противоположные сочетания признаков, являя собой некое подобие «двойной спирали». Негроиды же по всем, без исключения, признакам занимают крайнее положение. Монголоиды являются менее стабильной расой, чем европеоиды. Что же касается негроидов и европеоидов, то их объединение в единый западный ствол по данным кожного рельефа невозможно».

Крупнейший отечественный авторитет в области биохимии человека В. А. Спицын также подчеркивает: «Каждая из крупнейших рас обладает характерным, свойственным лишь ей одной генным комплексом гаммоглобулинов и щелочной фосфатазы плаценты».

Далее Г. Л. Хить и Б. Кейта в своей статье делают совершенно шокирующий вывод: «Поскольку признаки различных систем организма эволюционировали с различной скоростью, менявшейся к тому же в зависимости от конкретных условий, возраст формирования расовых взаимонезависимых систем заведомо не может быть одинаковым».

Итак, авторитетные ученые утверждают, что все основные человеческие расы имеют не сводимые друг с другом качественные генетические характеристики, различный возраст и темпы эволюции. Мало того, единая эволюционная модель для различных рас вообще отсутствует, а практическая медицина и трансплантология показывают, что свинья имеет больше основания считаться ближайшим родственником человека, чем приматы. Кстати, именно свинья обладает среди всех млекопитающих одним из наиболее высоких коэффициентов интеллекта, что вновь не противоречит изысканиям гуманистов-прогрессистов, связывающих развитие земных форм жизни с усложнением высшей нервно-психической деятельности.

Поэтому в соответствии с вышеизложенным нам кажется безосновательным и неправдоподобным говорить о «некоем едином человечестве» как о высшей ценности, ибо это то же самое, что предположить существование на теле одного человека фрагментов кожи разных рас и разные формулы биохимического обмена в разных частях одного тела. Критерий ценности не может возникнуть из безвоздушного пространства. Этическая ценность – это квинтэссенция физического бытия, а бытие наше разделено вечными границами рас, преодолеть которые не дано ни одному нарушителю законов жизни.

Сегодня нам это кажется вполне естественным и очевидным, что культурологи, обществоведы и представители средств массовой информации, ежедневно рассуждая о насущных проблемах, все время апеллируют к категории ценности, как к некоей истине в последней инстанции. И при этом чаще всего ссылаются на некие «общечеловеческие ценности». Но в действительности ценность как философская категория была обоснована сравнительно недавно, лишь в конце XIX века. Мало того, она не соотносилась тогда с неким абстрактным «общечеловечеством», напротив, ей придавалось конкретное расово-биологическое значение. Крупнейший французский психолог Теодюль Рибо (1839-1916) в своей книге «Логика чувств» (СПб., 1905) указывал: «Так как анализ ценностей приводит нас к самым общим и элементарным проявлениям психофизиологической жизни, то вполне естественно корень их искать в биологии. Верным объяснением является то, которое сводит ценности к родовым функциям жизненной деятельности, то есть к постоянному способу реакции первичных элементов, к простейшим процессам; которое выводит понятие ценности из принципа органического самосохранения. Так как есть разница в организации между отдельными индивидуумами, то этим и объясняется индивидуальное несходство в оценке ценностей».

Известный немецкий философ Мориц Эйслер (1818-1890) также подчеркивал, что «наша умственная деятельность не создает ценностей, она только раскрывает перед нами уже существующие ценности, которые имеют биологические основания». Французский философ Габриэль Тард (1843-1904), который специально разрабатывал «теорию ценностей», писал: «Ценность не существует вне нас, нашей субъективной жизни, так как каждая эмоция закреплена наследственностью».

По общему признанию, первым, кто в новейшее время обосновал понятие «ценности», является немецкий философ и естествоиспытатель Рудольф Герман Лотце (1817-1881). Другой титан философии Вильгельм Виндельбанд (1848-1915), глава Баденской школы неокантианства, указывал: «С тех пор, как Лотце энергично выдвинул вперед

понятие ценности и поставил его во главе как логики, так и метафизики, часто делаются попытки установить «теорию ценностей», как новый вид философской основы науки. Философия не должна быть копией мира, ее задача – доводить до сознания людей те нормы, от которых зависит ценность и значение всякого мышления».

В свою очередь один из основателей современной социологии познания Макс Шелер (1874-1928) развил феноменологическое направление в «теории ценностей». Согласно его концепции следует различать ценности и их носителей. Ценности Шелер определял как объективные феномены, не зависящие от сознания субъекта и от предметов, в которых они проявляются. Но объективным феноменом, не зависящим от субъекта, является его расовая принадлежность. А различия в системах ценностей основных рас человечества, согласно логике Теодюля Рибо, естественным образом обусловлены различиями в организации их представителей.

Прекрасный немецкий философ-неокантианец Генрих Риккерт (1863-1936), разработавший концепцию различия в системах ценностей естественных и гуманитарных наук, в своей книге «О системе ценностей» писал: «Философия должна возвести в сверхисторическую ценность находимый ею в существующих культурных благах материал».

Такой сверхисторической ценностью и является раса, которая только сама для себя составляет причину, следствие и этическое мерило. Расовый взгляд на историю поэтому подразумевает субъективизм, но в то же время раса является объективной данностью в генетическом и антропологическом смысле. Это видимое противоречие легко снимается с помощью логического определения, соединяющего выводы как естественных, так и гуманитарных наук. Аксиологическое учение о ценностях непротиворечиво распространяется на область позитивной антропологии. Генрих Риккерт справедливо отмечал, что «там, где нет ценностей, там нет и науки».

Поэтому с точки зрения интеграции философии истории и естествознания мы даем такое определение: **Раса – это надисторический субъект исторического процесса.**

Последователи Риккерта развили **аксиологию** – науку о ценностях – именно в XX веке, когда со всей остротой встала проблема этической оценки научно-технического прогресса. Карл Ясперс писал: «Научное знание, как таковое, не представляет собой никакой действительной ценности». В том же ключе высказывался и философ Ральф Бартон Перри: «Как чистая наука, так и общая технология полезны, но безразличны к целям, которым они служат». Все это в полной мере относится ко всему комплексу естественных и гуманитарных наук, ибо их достижения оказываются бессмысленными и бесполезными, если не служат высшей объективной ценности, переживаемой и оцениваемой нами субъективно, мерилем чего и является **раса**.

Поэтому философ-инструменталист Джон Дьюи подчеркивал: «Проблема восстановления единства и сотрудничества между убеждениями человека о мире, в котором он живет, и его убеждениями о ценностях и целях, которые должны направлять его поведение, является наиболее глубокой проблемой современной науки». Чрезвычайно точно и остроумно высказывание английского писателя Оскара Уайльда: «Если человек не джентльмен, то излишние знания идут ему только во вред».

Ваш покорный слуга общался со многими антропологами, генетиками, биологами, психологами и представителями смежных наук, которым было совершенно чуждо понятие о ценности и гражданском долге. Для них, специалистов, проблема собственной расы не представляет никакого интереса. Меж тем великий английский ученый и философ Карл Пирсон, с упоминания которого мы начали нашу работу, в вводную главу в своем программном сочинении «Грамматика науки» (1911) назвал так: «Наука и обязанности гражданина».

Если ученый считает науку интернациональной, то в процессе научного творчества он неизбежно служит интересам чужих рас, а не своей собственной.

Отечественная наука, являясь передовой во многих отношениях, тем не менее, наследственно страдает **аксиологической импотенцией**, прикрывая свой недуг фиговым листком непредвзятости академического естествоиспытателя. «Свободен от оценки» – этот лозунг сделался модным в современных научных кругах. Но ведь даже стервятник, пожирающий падаль, не свободен от системы ценностей. Моральная стерильность – это еще одна иллюзия.

В связи с этим можно вспомнить высказывание Риккерта, что «этическая ценность связана прежде всего с волей», а также слова Дьюи: «Желание является пружиной, приводящей в действие механизм оценки». К этому следует добавить и афоризм Перри: «Мои интересы – это я сам в глубочайшем смысле».

Выдающийся английский философ и математик Альфред Норт Уайтхед (1861-1947) также утверждал, что «в отрыве от действительности активность отделена от ценности, ибо только действительность представляет ценность». Кроме того, «фактором принудительного детерминизма, существующего в универсуме», он назвал неизбежную субъективность постижения бытия, вытекающего из объективного существования различных рас, относимых им к категории «непреходящих объектов».

Вновь мы убеждаемся в том, что с точки зрения теории познания раса – это надисторический субъект исторического процесса.

Именно этого глубочайшего субъективного расового смысла, порожденного волей и интересом, и недостает отечественной антропологии.

Основоположник расовой гигиены Альфред Плетц (1860-1940) писал: «Всюду, где этик ищет расположенную вне личности, не трансцендентную опорную точку человеческих действий, где политик борется за основные жизненные интересы, конечным объектом, сознательно или бессознательно, всегда является органическое целое жизни, представленное расой».

Один из ведущих расовых философов XX века Фриц Ленц (1887-1976) также не случайно свое программное сочинение назвал «Раса, как основной оценочный принцип». В нем он отмечал: «Раса – носитель всего, и личности, и государства, и народа, из нее исходит все существенное, и она сама – суть. Она не организация, а организм... Вне нашей воли к ценностям понятие ценности теряет свое значение. Звезды нашей судьбы – внутри нас. Обоснования нашего высшего идеала – в нашей собственной сущности.(...) Как для счастья отдельных людей, так и для всеобщего счастья постоянной основой служит здоровье расы. Выродившийся народ неизбежно несчастен, даже обладая всеми сокровищами мира. Не раса нужна нам ради счастья, а счастье ради расы».

Поэтому с позиций **расовой аксиологии**, то есть именно расовой системы ценностей, уже совершенно не составляет никакого труда научно квалифицированно ниспровергнуть один из самых грандиозных мифов христианской догматики и современного либерального просвещения – миф о видовом единстве человечества. Homo sapiens – это химера, коллаж, безграмотная подделка для доверчивых любителей усредненного универсализма.

6. Расы против вида

Согласно современным данным **эволюционной теории и систематики** общее число видов растений и животных на Земле доходит до двух миллионов. Из всего этого многообразия одних только червей – 25000 видов, грибов – 70000 видов, млекопитающих – 3500. Приматов – ближайших родственников человека в животном царстве – 101 вид. А всех самых многообразных «человеков» только один вид. Не странно ли это?

На эту очевидную нелепость в либерально-утопической систематизации неоднократно указывали самостоятельно мыслящие ученые.

Известный немецкий естествоиспытатель и философ Карл Фогт (1817-1895) в книге «Человек и его место в природе» (СПб, 1866) писал: «Если разница между негром и

германцем больше, чем между капуцином и сайю, то или негр и германец, подобно разным обезьянам, два разные вида, или же эти обезьяны, принимаемые единодушно за разные виды, должны слиться в один». Немецкий натурфилософ Фридрих Гельвальд также полагал: «Если мы раз уже назвали папуасцев братьями, то нам, полагаем мы, не будет стоить больших усилий приветствовать шимпанзе, как двоюродного брата».

Собственно термин «вид» перешел в биологию из логики, а само понятие было введено в употребление еще Аристотелем и означало выражение сходства или одинаковой сущности у группы единичных предметов. Английский естествоиспытатель Джон Рей в 1693 году обосновал применение этого термина для обозначения сходных индивидов, способных передавать свои отличительные признаки потомству. Но именно расовые признаки являются отличительными и передающимися по наследству. Известный шведский ученый Карл Линней в своей «Философии ботаники» ясно писал: «Видов насчитывается столько, сколько различных форм создано в самом начале». То есть получается, что основоположники систематики природного царства под видом четко понимали именно расу. Жорж Кювье, Петр Паллас, Жан Батист Ламарк стояли на тех же позициях, и слово «раса» они понимали в смысле «породы», «потомков общего предка».

Уже в самый разгар споров по проблеме вида в середине XIX века основоположник эволюционизма – Чарльз Дарвин в своей книге «Происхождение видов» пояснял: «Термин «вид» я считаю совершенно произвольным, придуманным ради удобства». Немецкий палеонтолог Л. Вюртембергер (1880) отмечал, что раз нельзя указать, где вид начинается и где он прекращает существование, то понятие о виде теряет всякую естественнонаучную почву, а русский палеонтолог С. Никитин (1881) сравнивал вид с произвольно вырванным участком непрерывной ленты. Немецкий гистолог Альберт Келликер (1872) заявлял: «Возможно появление одного и того же вида из различных филогенетических корней, так что первоначально различное может стремиться к одинаковой конечной фазе».

Однако именно русский ученый В. Л. Комаров в 1901 году внес ясность в терминологическую путаницу: «При исследованиях основной единицей надо считать не отвлеченное типовое понятие «вид», а реальную расу. Реальна раса, а не вид». Он также неоднократно писал о желательности замены термина «вид» на термин «раса» во всей естественнонаучной литературе. «Чисто морфологическое понятие о виде как модели или типе, разумеется, является абстракцией, и при попытке перенести его на живую природу легко переходит в отрицание самого вида». Будучи последовательным ученым и решительным русским человеком, Комаров вообще исключил из своего лексикона термин «вид».

Немецкий биолог Оскар Гертвиг (1916) тоже утверждал, что «понятие вида – чистая абстракция». Известный немецкий эволюционист Людвиг Платэ (1908) писал: «Понятие вида абстрагируется человеком. Как и все понятия, понятие о виде есть продукт человеческого мышления и вследствие этого не представляет ничего реального». Только доминирования кровного родства, то есть общность расового происхождения, по его мнению, могут быть положены в основу систематизации живого мира.

В современной науке спор вокруг проблемы вида не утихает до сих пор. Исследователь Б. Берма (1954) из США, стоящий на позициях логического позитивизма, возобновил критику: «Вид как класс стоит вне реального существования. Такая высокоабстрактная выдумка, как вид, способна лишь затемнить понимание эволюционного процесса, в основу которого надо положить идею реальности эволюционирующих популяций».

Другой корифей эволюционизма Эрнст Майр (1949) писал о том же: «Что такое вид? Среди систематиков нет единой точки зрения. Разногласия обнаруживаются даже среди специалистов по отдельным группам». Ученый из Оксфорда А. Кэйн в своей

книге «Вид и его эволюция» (М., 1958) также предельно откровенен: «Границы биологического вида в пространстве неопределенны, поскольку генетический критерий (возможность скрещивания) неприменим и приходится довольствоваться лишь сравнительным изучением морфологии, физиологии, генетики и поведения».

Итак, тот факт, что человечество объявляется единым видом на основе возможности свободного скрещивания представителей различных рас – ненаучное утверждение, противоречащее законам **систематики** – науки, уже более 300 лет занимающейся классификацией живых организмов. Сравнительное же изучение морфологии, физиологии, генетики и поведения как раз и вскрывает всю глубину различий между представителями различных рас. Кэйн продолжает свою мысль так: «Биологический вид состоит из генетически связанных между собой популяций». Но ведь под генетически связанными популяциями и нужно понимать расу. Никто же не станет отрицать очевидный факт, что между бушменами и скандинавами совершенно нет никакой генетической связи. В пользу классической расовой теории звучит и следующая мысль автора вышеупомянутой книги: «Виды пришли в соприкосновение только после того, как они приобрели свои экологические различия». Это значит, что расы изначально были чистыми, **и мутация – это следствие, но не причина развития**.

Впрочем, сходные мысли высказывал на полвека раньше русский ученый В. Л. Комаров: «Для возникновения новой расы необходимо, чтобы характерные ее свойства появились сразу у всех неделимых, населяющих данную территорию». Это полное опровержение мутационной теории происхождения основных человеческих рас.

В зоологии и биологии весьма часто употребляются такие термины, как «высшие и низшие растения», а также «высшие и низшие животные». Но, согласно генетическим законам наследственности и правилам систематики, они должны быть перенесены и на человеческие расы. Термины, введенные в употребление еще в начале XX века голландским зоологом и ботаником Гуго Де Фризом, «сезонные расы», «сорно-полевые расы» и «паразитические физиологические расы» могут быть с легкостью перенесены на современное социальное общество в целях объяснения многих «культурологических» феноменов. В частности, посещая салоны авангардного искусства и ночные клубы в расовосмешанных городах, можно уверенно сказать, пользуясь терминологией все того же Де Фриза, что здесь хорошо представлена «сложная гибридогенная природа», являющаяся «результатом регрессивных мутаций». Немецкий расовый историк Густав Клемм еще в XIX веке для обозначения тех же явлений использовал классическую латынь – «Bassa Gente», что означает «низший люд», а на современном русском сленге это звучит как «бассагенты». Можно еще вспомнить и остроумный пассаж великого русского писателя В. В. Набокова, который о людях поп-культуры отзывался как о «представителях различной сексуальной флоры».

Цитированный нами выше Карл Фогт делал следующий закономерный вывод: «Если всматриваться ближе в определение расы и вида, в разницу, установленную между ними обычаем, то оказывается, что эта разница чрезвычайно условная. Расы принимаются там, где известен или предполагается известным общий корень, из которого они развились; там же, где он теряется в глубине времени, принимают виды. Как бы ни понимали в настоящее время вид, нельзя не признать того, что человеческий род состоит из нескольких различных видов, которые столько же, если не больше, отличны друг от друга, как большая часть видов обезьян. Если принципы зоологической систематики имеют вообще значение, то они должны быть прилагательны одинаково беспристрастно и к человеку, и к обезьянам».

Показательно в этом отношении и мнение авторов коллективного сборника «Биологическая эволюция и человек» (М., 1989). В своей статье «К проблеме выделения гоминидной ветви эволюции» М. И. Урысон пишет: «Поскольку человек по своему происхождению представляет собой неотъемлемую часть органического мира, высшее

звено эволюции приматов, на него должны быть распространены принципы систематики и правила зоологической номенклатуры, применяемые к другим группам животного мира. Качественные отличия человека от животных не освобождают нас от необходимости рассматривать человека как существо, достигшее определенного уровня биологической организации и находящегося в общем русле эволюции органического мира».

В этом же сборнике со своей статьей «Современные представления об эволюции отряда приматов в свете данных молекулярной биологии» выступил и В. А. Спицын. В свете его изысканий современная либерально-демократическая концепция расогенеза от единого африканского корня, на основе так называемой митохондриальной ДНК, предстает во всей своей отвратительной наготе. Факт современной **чернокожей лысенковщины**, о котором мы говорили в начале, полностью развенчивается, ибо, согласно аргументации Спицына и приводимых им данных лабораторных экспериментов, эволюционное сохранение этой самой митохондриальной ДНК возможно лишь в условиях «межвидового обмена самками».

Творцы в высшей мере скабрёзного паранаучного учения покусились назвать общую прапаматерь человечества не иначе, как «чернокожей Евой». Но в свете данных молекулярной биологии получается, что наша прародительница была негритянкой и по очереди отдавалась самцам-приматам, полуобезьянам разных видов, что и положило начало расовой эволюции человечества. Более гнусного и нелепого изложения версии о библейском первородном грехе для «современной образованной общественности» и представить себе невозможно. Впрочем, даже если и допустить существование некоей гипотетической «чернокожей Евы», с ее страстью к путешествиям в совокупности с тягой к сексуальному разнообразию, то «из этого никак не следует, что ее нужно возводить в ранг «праматери человечества».

В фундаментальном сборнике «Восточные славяне: антропология и этническая история» (М., 1999), в создании которого приняли участие самые знаменитые отечественные антропологи, генетики и биологи, ясно указано: «Известна пользующаяся успехом у западноевропейских археологов попытка группы геногеографов и историков жестко связать современную географию генофонда западно-европейского населения с неолитической земледельческой революцией, начавшейся на Ближнем Востоке в XI-VII тысячелетиях до н.э. К этим событиям пытались даже привязать происхождение индоевропейских языков, углубив их историю почти вдвое и в корне изменив представление об их историко-географической прародине. Кончилось, однако, тем, что современная молекулярная генетика, на основании данных о полиморфизме и древности митохондриальной ДНК, показала крайне малую (порядка 5-15%) роль неолитических переселенцев из Малой Азии в формировании геногеографии современных западноевропейцев и обнаружила множественные позднепалеолитические истоки западноевропейского генофонда». Из этого следует, что на пути своей возможной миграции из Экваториальной Африки через Малую Азию в Европу ни сама «чернокожая Ева», ни ее потомки не пользовались ажиотажным спросом у белого автохтонного населения, что лишний раз свидетельствует о крепости расового сознания наших нордических предков, а также о происхождении их от другого биологического вида, чем негроиды и монголоиды.

Современные ангажированные генетики-популяционисты, распространяющие на основе исследований митохондриальной ДНК миф о так называемой «Африканской Еве», то есть о происхождении всех современных рас из экваториальной Африки от одной чернокожей женщины приблизительно 100000 лет назад, совершают возмутительный научный подлог. В цитируемой нами сводной работе «Проблема расы в российской физической антропологии» (М., 2002) Е. В. Балановская ясно указывает, что «к, сожалению, митохондриальные гены к расовым признакам никакого отношения не имеют».

Получается, что пропагандисты идеи о «едином человечестве» выводят общее для всех рас происхождение из признака, который вообще не несет в себе никакой расовой информации. Данное примитивное шулерство не является научным, и потому проблему «Африканской Евы» можно снять с обсуждения, как образчик «чернокожей лысенковщины».

Выдающийся французский естествоиспытатель Жорж Бюффон (1707-1788) выделял человека из мира животных и учил, что человек есть произведение неба, а животное – произведение земли: «Странное место для человека! Какое несправедливое распределение, какой ложный метод! Поставить человека на одну доску с прочими четвероногими». Крупный немецкий психолог Карл Густав Карус (1789-1869), будучи основателем **сравнительной психологии**, утверждал: «Причина «вечного разделения» между человеком и животным лежит не в одном каком-либо органе, а проходит через всю организацию». Немецкий анатом середины XIX века Роберт Гартманн вскрывал явные противоречия в классификации морфологических различий: «Вообще, даже самые фантастические защитники дарвинизма все более и более склоняются к убеждению, что человек не может происходить ни от одной из живущих теперь антропоидных форм. Правда, что можно доказать близкое, во многих случаях даже чрезвычайно близкое телесное родство между человеком и антропоидными обезьянами, но нет возможности доказать прямое происхождение первых от последних». А вышеупомянутый Карл Фогт в своих «Лекциях о человеке» три человеческие расы выводил от трех разных человекообразных обезьян: гориллы, шимпанзе и орангутанга. Известный английский естествоиспытатель Томас Генри Гексли (1825-1895) придерживался той точки зрения, что наиболее низко организованные обезьяны с анатомической точки зрения отстают от наиболее высокоразвитых далее, чем последние от человека.

Наконец известный русский биолог-эволюционист К. М. Завадский в своей фундаментальной работе «Вид и видообразование» (М., 1968) честно заявлял: «Вид не имеет не только внешне морфологических, но и анатомических, гистологических, цитологических признаков, которые позволяли бы маркировать ими именно его, а не иные группы. Систематик здесь часто оказывается в тупике». Мало того, далее автор утверждает: «Неодинаковое проявление различных признаков у различных видов является следствием неравноценности видов и различий в способах видообразования. Эти различия – свидетельство того, что не существует какого-то одного стандарта, по которому были бы организованы все виды». После этого Завадский делает неожиданную оговорку: «Наша характеристика вида может быть применена ко всем расам, способным самостоятельно воспроизводиться в природе и способным к продолжительному существованию в эволюции». С этим небольшим пояснением нижеследующая фраза звучит уже просто убийственно: **«Виды неравноценны именно потому, что стоят на различных ступенях развития видовой формы организации жизни или же, находясь на одной ступени организации, имеют какие-либо принципиальные конструктивные особенности».**

Памятуя о том, что эволюционно-биологические правила развития видов, по мнению Завадского, справедливы и для отдельно взятых рас, мы теперь имеем прекрасное определение «неравноценности человеческих рас», данное известным советским ученым. Кроме того, с самого первого предложения он открыто заявлял, что его книга посвящена проблеме «инвентаризации видов», а в другом месте говорил об эволюции как о «лестнице существ». Но именно на всех этих же принципах покоится и классическая **расовая теория**, основанная графом Жозефом Артюром де Гобино в середине XIX века, главная книга которого называется «Опыт о неравенстве человеческих рас».

Кроме того, в своей работе Завадский сделал очень важный вывод: «Отсутствие внутренне обусловленного, определенного срока существования вида в природе явля-

ется одним из коренных отличий вида. В этом смысле вид можно назвать открытой во времени системой». Этим он как раз вновь подтверждает наше определение термина:

Раса – это надисторический субъект исторического процесса.

7. Полигенизм

Логически опираясь на более чем трехсотлетние изыскания эволюционистов и систематиков, мы вынуждены признать, что **единый вид** *homo sapiens* – фикция. Реальны только расы.

Выдающийся немецкий «правый» философ Евгений Дюринг (1833-1921) писал: «Между человеком одной расы и человеком другой расы может быть большая разница, нежели между человеком и животным». Впрочем, мы считаем необходимым подчеркнуть, что не К. М. Завадскому первому принадлежит идея перенесения принципов систематики с понятия «вид» на понятие «раса». В этом легко убедиться, если проанализировать саму формулировку понятия «вид» под данным углом зрения в трудах крупнейших эволюционистов.

Французский философ-материалист Жан Батист Робине (1735-1820) писал: «Под названием «видов» естествоиспытатели подразумевают совокупность индивидуумов, обладающих суммою приметных им отличий».

Швейцарский антрополог Жан Луи Агассис (1807-1873), последовательно отстаивавший концепцию зарождения человеческих рас в нескольких не взаимосвязанных между собою географических центрах, указывал: «Вид есть последний предел классификации, на котором останавливаются естествоиспытатели, в основание его кладутся наименее важные признаки, каковы: рост, цвет и размеры».

Жан Батист Ламарк (1744-1829), взгляды которого так милы сердцу всех либеральных антропологов за пропаганду им учения о влиянии среды на наследственные признаки организмов, и то был вынужден признать: «Вид есть совокупность одинаковых индивидуумов, неизменно повторяющихся из поколения в поколение, до тех пор, пока внешние обстоятельства сами не изменятся настолько, чтобы изменить их привычки, признаки и формы».

Крупнейший антрополог Этьен Жоффруа де Сент-Илер (1772-1844) высказывал мнение, согласно которому: «Вид есть совокупность или ряд индивидуумов, характеризующихся суммою отличительных признаков, передача которых естественна, правильна и постоянна при настоящем положении вещей».

Выдающийся естествоиспытатель Жорж Кювье (1769-1832) определял, что «Вид есть совокупность органических существ, рожденных друг от друга, или от общих родителей и от особей, столь же сходных с ними, сколь они взаимно сходны между собою».

Другой известный антрополог Арман де Катрфаж (1810-1892) в понятие о виде вкладывал «сходство индивидуумов и их непрерывную кровную связь вплоть до первоначальной группы».

Теперь, если, следуя логике Завадского, заменить во всех этих формулировках слово «вид» на слово «раса», то легко можно будет убедиться в том, что суть определений от этой подмены несколько не пострадала. И действительно, тот же Этьен Жоффруа де Сент Илер выводил, что «раса есть цепь индивидуумов, произошедших друг от друга и отличающихся признаками, сделавшимися постоянными», а Арман де Катрфаж утверждал, что «раса есть совокупность сходных особей, принадлежащих к одному виду, особей, получивших путем наследственности и в свою очередь передающих признаки первоначальной разновидности».

Адриен де Жюсье называл расы «наследственными разновидностями», а Жорж Пуше, следуя той же логике, утверждал, что «слово «раса» означает различные естественные группы человеческого рода и потому в сущности есть то же, что и вид». Чувствуя

уязвимость своей позиции в плане строгости определения понятия вид, сам Ламарк в шутку называл его «произведением искусства».

Официальная эволюционная академическая наука очень любит ссылаться на авторитет шведского естествоиспытателя Карла Линнея (1707-1778), при этом настойчиво забывая упомянуть, что он делил весь род «homo» на три вида: homo sapiens, homo ferus и homo monstrosus. Вид homo sapiens у Линнея подразделялся на:

«I. Americanus rufus – американец. Рыжеволос, холерик, держится прямо, упорен, самодоволен, подчиняется традиции.

II. Europaeus albus – европеец. Блондин, сангвиник, мускулист, подвижен, остроумен, изобретателен, подчиняется закону.

III. Asiaticus luridus – азиат. Желтолиц, меланхолик, гибок, жесток, скуп, любит роскошь, одевается в широкие одежды, подчиняется мнению общества.

IV. Afer niger – африканец. Черного цвета, флегматичен, вялого телосложения, хитер, равнодушен, малоподвижен, умаслен жирами, подчиняется произволу».

Кроме того, автор упоминает – homo ferus – человек дикий, который покрыт волосами и ходит на четвереньках, а также homo monstrosus, к которому принадлежат микроцефалы (малоголовые) и плагиоцефалы (косоголовые).

Мало того, великий Линней полагал, что не существует признака для отличия человека от обезьяны, так как оба эти типа соединены между собой целым рядом промежуточных антропоморфных существ – диких людей, пигмеев, сатиров, хвостатых людей, троглодитов, и прочих недочеловеков. Однако в его понимании близкое сходство видов вовсе не предполагало непременно родства между ними, так как каждый вид создан отдельно и сохраняется неизменным с самого начала своего существования. Эти взгляды были высказаны ученым в его знаменитом сочинении «Система природы» (1758), а уже в 1760 году в очередной публикации он еще более радикализировал взгляды, отметив: «Многим может казаться, что различие между человеком и обезьяной больше, чем между днем и ночью; однако, если бы эти самые люди сравнили между собой величайших героев Европы и готтентотов Мыса доброй Надежды, то с трудом уверили бы себя, что те и другие имеют одинаковое происхождение; или если бы они захотели сравнить благородную, аристократическую, образованную девушку с диким человеком, представленным самому себе, то едва ли бы могли помириться с мыслью, что оба они принадлежат к одному и тому же виду».

Жорж Бюффон (1707-1788) и Иоганн Блюменбах (1752-1840), говоря о человеческих расах, также определяли их как «разновидности». Антрополог Жан-Жозеф Вирей (1775-1846) в 1801 первым осознанно выступил против этой путаницы в понятиях и определил, что род человеческий состоит из двух видов: белого и темного. Жан Батист Бори де Сент Винсан (1778-1846) разделил человечество на 15 видов, а Антон Демулен (1796-1828) – на 16.

Так и возникло философско-антропологическое направление – **полигенизм**, – отрицающее видовое единство человечества.

Доктор медицины и член Французской Королевской медицинской академии Жан-Жозеф Вирей в своем трехтомном труде «Естественная история человеческого рода» (Париж, 1824) писал: «Блюменбах и другие подкрепляют теорию о единстве человечества как вида физиологическими доводами, вроде того, что браки белых и негров дают потомство. Но лошади с осликами и волки с собаками тоже дают потомство. Человеческий род в целом нужно разделить на два разных вида, а те в свою очередь – на разные расы. Первый вид – лицевой угол 85 градусов. Расы – белая, желтая, меднокожая и темнокожая. Второй вид – лицевой угол 75-80 градусов. Расы черная, а также близкая к черной (готтентоты и папуасы)».

Известный социалист-утопист Шарль Фурье (1772-1837) в книге «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808) в иронической форме просил прощения у читателей «за сочинителей басен, выводящих род человеческий из единого ствола».

Нужно особенно подчеркнуть, что античный мир не знал равенства рас и, соответственно, видового единства человечества. Как и следовало ожидать, только проповедь Единого Бога вместе с распространением христианства положила начало моногенистической агитации. Не удивительно, что именно человек смешанного расового происхождения, метис по имени Августин, получивший впоследствии прозвище Блаженный, впервые в Европе в 415 году нашей эры принялся развивать иудео-христианскую доктрину об общем происхождении людей. Однако разум белого человека постоянно сопротивлялся этому вздорному расово чуждому измышлению, ибо еще при византийском императоре Юстиниане церковный собор обсуждал вопрос, происходят ли негры от Адама и могут ли они быть христианами? В 748 году папа Захарий осудил монаха Вергилия, который утверждал, что на земле существует другой мир, населенный людьми, отличными от нас. В 1110 году философ Гийом де Конш был осужден за то, что писал, будто Ева, была не единственной сотворенной женщиной и за океаном живут ее антиподы.

В 1450 году еврей Самуил Сарса был сожжен как еретик за теорию о глубокой древности происхождения мира и человека.

После открытия Америки было объявлено в 1512 году, что индейцы тоже происходят от Адама и Евы.

Пионером полигенизма в Новое время в Европе нужно считать гениального швейцарского врача Теофраста Парацельса (1493-1541), который в 1520 году возродил античные представления о природе происхождения рас. Невозможно предположить, говорил он, будто обитатели недавно открытых островов являются детьми Адама, и у них такие же плоть и кровь, как у нас. Моисей был теологом, а не врачом.

Великий итальянский ученый-просветитель Джордано Бруно (1548-1600) высказал сходные взгляды в 1584 году в своей книге «Изгнание торжествующего зверя». О некоторых человеческих расах он писал: «Эти из «новой земли» вовсе не составляют часть человеческого рода, ибо они не люди, хотя и очень похожи на них своими членами, фигурой и мозгом».

А в 1591 Бруно добавил, что «ни один разумный человек не выведет эфиопов из той же протоплазмы, что и евреев». Он ссылался на то, что китайцы, как и раввины, признают существование трех человеческих пород. Мало кто знает, но в 1600 году Джордано Бруно был сожжен на костре инквизиции не за утверждение, что земля круглая, а за пропаганду идей полигенизма. В 1616 году такая же участь постигла Ванини. Его приговорили к отрезанию языка и сожжению за то, что в своих «Диалогах» он напомнил о древних гипотезах о естественном происхождении человека и «утверждениях атеистов, будто эфиопы произошли от обезьян, будто первые люди ходили на четвереньках, как животные, и будто в природе существует своего рода иерархия существ, от низших до высших».

В 1655 году против иудео-христианской моногенистической доктрины выступил дворянин-протестант Исаак де Лапейрере, опубликовав сочинение «Преадамиты», которое подверглось публичному сожжению в Париже на Гревской площади. Согласно теории де Лапейрере, только белые люди, ведущие свое происхождение от Адама, являются людьми в прямом смысле этого слова, представители же других рас – жалкие подделки под людей, «преадамиты».

В 1695 году в Лондоне вышла книга анонимного автора, в которой вопрос переносился уже на научную почву. Она была посвящена американским туземцам. Моисей, говорилось в ней, был великим законодателем, таким же, как Солон, Ликург, и его рассказ о Творении был ориентирован на умственный уровень его слушателей. Исследуя

аргументы в пользу миграции в Америку людей и животных с других континентов, анонимный автор пришел к выводу, что американцы – автохтоны. Он показал также, что негры и в далеком прошлом были такими же, как теперь. Их почернение нельзя объяснить ни проклятием Божиим, ни влиянием солнца. Ни американцы, по мнению автора, ни негры не являются потомками Адама.

В 1744 году Гийом Рей в Лионе опубликовал «Диссертацию о происхождении негров», в которой указывал, что существует шесть видов человека, причислив к людям также орангов, ленивцев и тюленей.

Самой важной книгой, излагающей доводы полигенистов той эпохи, был двухтомник лорда Кеймса, вышедший первым изданием в 1774 году. Автор, протестант-либерал, считал критерием вида сходство, а не плодовитость гибридов. По его мнению, Бог создал несколько человеческих пар, приспособленных к климатическим зонам, в которых им предстояло жить. Белые и негры – это люди разных сортов (kinds). Книга лорда Кеймса имела широкий отклик, а его высокое положение в обществе придало вес научной позиции полигенистов в целом.

В 1785 году Сэмюэль Томас Зоммеринг (1755-1830) в Германии и Чарльз Уайт (1728-1813) в Англии заложили основы сравнительной анатомии рас. Оба они приходят к выводу, что негры по своему строению занимают промежуточное положение между европейцами и обезьянами.

На начало XIX века приходится расцвет деятельности таких выдающихся французских антропологов-полигенистов, как Жан-Жозеф Вирей, Жан Батист Бори де Сен Винсан и Антон Демулен.

В Англии середины XIX века самым радикальным полигенистом был Роберт Нокс. В книге «Расы человека», изданной в 1850 году в Лондоне, он старался доказать, что европейские расы столь же отличны друг от друга, как обычные негры от бушменов, кафры от готтентотов, краснокожие индейцы от эскимосов и последние от басков. «Люди принадлежат к разным расам. Хотите, называйте их видами, хотите – разновидностями, это не имеет значения. Факт остается фактом: люди принадлежат к разным расам». Его идеи разделял Чарльз Гамильтон Смит, который в сочинении «Естественная история человеческих видов» (1848) утверждал, что существовало последовательно три творения человека, и считал невозможным происхождение одних рас от других.

Крупный швейцарский естествоиспытатель Жан Луи Агассис (1807-1873) также писал: «Виды не установлены прочно в их границах и не могут быть определяемы исключительной способностью особей к оплодотворению только между собой. Человеческие расы разнятся настолько же, сколько и некоторые семейства, роды и виды. Они произошли независимо друг от друга, в восьми различных точках земного шара».

Выдающийся немецкий философ и антрополог Карл Фогт (1817-1895) в книге «Человек и его место в природе» (С.-Петербург, 1866) подчеркивал: «Если макаки в Сенегале, павианы в Гамбии и гиббоны на острове Борнео могут развиваться до человекообразных форм, то мы не видим, почему же следует отказывать в подобном развитии обезьянам Америки? Если на различных местностях земли могут развиваться человекообразные обезьяны, и притом из различных групп, то мы опять-таки не видим, почему лишь одной из этих различных групп доступно дальнейшее развитие до типа человека, а другим нет. Словом, мы не понимаем, отчего нельзя производить различные виды американцев от американских обезьян, негров – от африканских, и, наконец, хоть негритосов – от азиатских».

В Америке крупнейшим антропологом-полигенистом был Сэмюэль Джордж Мортон (1799-1851), который возглавил целое научное направление и обосновал правовые аспекты рабовладения. Его последователи Джошие Кларк Нотт (1804-1873) и Джордж Робин Глиддон действовали еще более радикально. Их совместные сочинения «Типы человечества» (1854) и «Туземные расы земли» (1857) представляют собой по сути эн-

циклопедию полигенизма, в которой содержится огромное количество антропологической и этнографической информации, а также сведений из теологических трактатов всех основных религий. Весь этот внушительный корпус текстов подкрепленный для большей убедительности десятками исторических иллюстраций из культурной жизни различных народов земли, свидетельствует лишь об одном: всевозможные разглагольствования о генетическом единстве человечества – антинаучная провокация более позднего происхождения.

Данную точку зрения нельзя рассматривать как устаревшую, поскольку сочинения Агассиса, Мортонна, Глиддона и Нотта недавно переизданы в восьмитомной академической серии «Американские теории полигенизма», выходящей при университете города Мемфиса в США стараниями крупного ученого Роберта Бернаскони. Все тома снабжены профессиональными научными комментариями, ясно указывающими на подъем интереса к данной теме в первую очередь среди специалистов.

Однако подлинный расцвет полигенизма приходится, как мы убедились, на начало XIX века. После некоторого ослабления интереса к теме уже во времена открытия Чарльза Дарвина со второй половины века начинается новый бум в развитии этой теории. Первыми в ее поддержку выступили крупные лингвисты своего времени Макс Мюллер (1823-1900) и Эрнест Ренан (1823-1892). Последний утверждал: «Если бы поместили отдельно детей Семитов и детей Индоевропейцев и отдали их под надзор глухонемых, то первые неизбежно стали бы говорить на одном из семитических, а вторые – на одном из арийских языков; откуда следует, что тип языка не зависит от воли человека и составляет неизбежный продукт его мозговой организации. Данные эти представляют значительный довод в пользу теории происхождения человеческого рода от нескольких пар. В то время, когда человек становился человеком в силу приобретенной речи, он уже был рассеян в виде различных групп или рас по земной поверхности. А между тем известно, что число таких элементарных языков огромно, не говоря уже о мертвых языках, не оставивших после себя следов».

Замечательный польский антрополог Людвик Крживицкий (1859-1941) позднее экстраполировал выводы сравнительного языкознания на данные расовой антропологии и полученный аналитический результат позволил ему совершенно по-новому интерпретировать многие факты культурологии. В своей монографии «Антропология» (1901) он писал: «Как бы давно ни существовало человечество, оно всегда распадалось на известное число независимых друг от друга групп, развившихся самостоятельно в культурном и общественном отношении. В подтверждение этого достаточно сослаться на факт, что человеческая речь создавалась в нескольких пунктах. Равным образом другие великие культурные открытия, например, умение пользоваться огнем и луком, сделаны во многих местах земного шара совершенно самостоятельно». В свою очередь, мы бы хотели подчеркнуть, что современная цивилизация познакомилась с таким изделием, как бумеранг от местных туземцев после открытия Австралии. Но вот каково его функциональное назначение, и кто является автором данного изобретения, представители австралоидной расы объяснить не в силах. Если бы все расы и в самом деле происходили из единого очага расообразования, то бумеранг был бы известен им всем, и уж представители хотя бы одной из них наверняка вспомнили бы, зачем он нужен и кто настоящий автор этого шедевра аэродинамики.

Точно так же, когда испанцы экспедиции Колумба высадились на побережье Америки, то местные индейцы были больше всего шокированы видом и функциональной эффективностью огнестрельного оружия, прирученных лошадей и колеса. Ни о чем подобном они никогда и не слыхивали.

Л. Крживицкий развивал свои логические рассуждения следующим образом: «Существование расовых различий можно отодвинуть так далеко в прошлое, насколько это допускают собранные до сих пор палеонтологические доказательства. О многообразии

человеческой речи свидетельствует различие в способах построения слов из звуков. Но самым убедительным доказательством факта, что человеческая речь возникла в нескольких независимых друг от друга центрах, мы находим в различном строении языков. Итак, мы должны допустить существование расовых различий уже в далекую доисторическую эпоху. Существование их является даже наследием наших наполовину человеческих предков. Череп совершенно кроманьонского типа мы встречаем сегодня у басков, корсиканцев и берберов».

Крупнейшие французские антропологи Поль Брока (1824-1880) и Арман де Катрфаж (1810-1892) в одно и то же время в конце XIX века создали длинный список рас, «которые признаются чистыми». Ученик Брока, замечательный антрополог Поль Топинар (1830-1911) первым ввел в употребление понятие **человеческого типа**, под которым он понимал «среднюю норму признаков, которыми обладает раса, предполагаемая чистой».

Поль Брока в трехтомном собрании сочинений, вышедшем в Париже в 1877, посвятил много статей жесткой и бескомпромиссной критике моногенизма. Он указывал, что «современные расы происходят по прямой линии или через скрещивание от нескольких видов». Кроме того, он, пожалуй, одним из первых вскрыл очевидную уловку моногенистов, утверждающих, что, если некоторые расы скрещиваются, то следовательно это правило гибридизации справедливо и для всех рас вообще. Брока считал, что это не так, ибо североевропейцы вообще не скрещивались с коренными жителями Австралии и многими племенами Африки.

Главный вывод в собрании сочинений Брока звучит красноречиво и убедительно для тех, кто еще грезит фантомами политического моногенизма: «Человечество явно представляет собой один род; но если бы оно было одним видом, это было бы единственным исключением во всем творении. Человеческие расы различаются между собой больше, чем некоторые виды животных, выделяемые в некоторых родах всеми натуралистами. Будучи перенесенными в другой климат и другие жизненные условия эти расы противятся каким бы то ни было изменениям».

Вышеперечисленные факторы укрепили теоретическую базу полигенизма. Кроме того, окончательно сформировалось **типологическое** направление в антропологии, которое выводило расовую дифференциацию человечества на основе устойчивых расовых типов. Эрнст Геккель (1834-1919), ученик Чарльза Дарвина и один из основоположников философско-политической версии его учения, получившей название **социалдарвинизма**, утверждал, что «ни одна из всех известных ныне живущих обезьян и, стало быть, никакая из указанных человекообразных не может быть прародителем человеческого рода».

Подлинным же шедевром, развенчавшим все ненаучные спекуляции моногенистов – сторонников происхождения всех человеческих рас от одной предковой пары, – следует признать базовую монографию Поля Топинара «Антропология» (С.-Петербург, 1879).

Как известно, основное доказательство моногенистов в пользу видового единства человечества сводится к возможности свободного скрещивания между представителями различных рас. На что Топинар возражал следующее: «Положим еще, что кролик и заяц, собака и волк, верблюд и дромадер принадлежат к одному виду. Но коза и овца слишком далеки, и потому относятся даже к различным видам, а между тем доказано, что их скрещивание хорошо удается. Пиренейский козел и домашняя коза также принадлежат к различным родам, а между тем в Пиренеях они дают убудков. Кажется, даже совокупление коровы с оленем произвело убудка. Итак, плодовитость исключительно в пределах вида и бесплодие их не составляют, следовательно, достаточного критерия для вида. Между видами скрещивания довольно обыкновенны и плодовиты, происходящие же от них убудки в одних случаях бесплодны, как например, мулы и

лошаки, в других же случаях плодовиты, как например, ублюдки зайца и кролика, собаки и волка, шакала или лисицы, двух видов верблюда, лошади, зебры, бизона и европейского быка и т. д. Теперь несомненно, что границы вида не составляют безусловного препятствия плодовитому скрещиванию и что, следовательно, сами эти границы не представляют ничего неизбежного; это дает нам полную свободу при рассуждении о скрещиваниях в человеческом роде. Расстояние между европейцами и бушменами так же велико, как например, между различными видами человекообразных обезьян, или как между волком и собакой, козой и овцой».

Наконец, одно из основных подтверждений в пользу концепции полигенизма Топинар видит именно в том, что представители разных рас адаптированы к разным климатическим условиям: «Люди претерпевают пред нашими глазами влияние среды, но не передают потомству приобретенных таким образом признаков». Что же касается так называемого «свободного скрещивания», о котором так любят рассуждать либеральные эволюционисты, то Топинар, будучи эрудированным человеком, приводит в своей книге множество любопытной исторической информации, которая позволяет всерьез усомниться в этой самой «свободе» скрещивания: «Одним из доказательств в пользу существования частноплодовитого полового родства в человеческом роде приводят Австралийцев, однако до последнего времени не было известно их метисов с Европейцами. Египетские мамелюки в течение 560 лет не имели детей от их собственных жен, вывезенных из Грузии, и никогда не могли дать прочного потомства в долине Нила».

Кроме того, выясняется, что в бывшей португальской колонии Макао никак не приживаются метисы от китайцев и португальцев, а в бывшей голландской колонии на острове Ява метисы малайцев и голландцев уже в третьем поколении стойко воспроизводят только бесплодных девочек. Все метисы, появившиеся в Африке от браков между голландцами и готтентотами, или вымерли, или вернулись к исходному африканскому типу. В южных штатах США и в странах Латинской Америки давно замечено, что представители нордического типа европеоидной расы при скрещивании с неграми дают в основном бесплодных потомков уже в первом и втором поколениях, в то время как темноволосые и более темнопигментированные европеоиды дают с ними сравнительно стойкое и жизнеспособное потомство. У арабов со времен распространения ислама в Африке существует целая терминологическая иерархия, обозначающая шесть устойчивых переходных расовых типов от чистого араба до чистокровного негра. И на протяжении веков замечено, что все они имеют различную плодовитость и, как следствие, их женщины имеют разную цену на невольничьих рынках. Из чего Топинар делает закономерный вывод: «Две хорошие расы произведут лучшую среднюю, две же дурные расы дадут еще худшую».

Наконец, французский антрополог справедливо заостряет внимание на такого рода расово-антропологических аномалиях, которые ни при каких условиях не позволяют говорить о видовом единстве человечества. Это **стеатопигия** у бушменок и так называемый **готтентотский передник (LABIORUM MINORUM)**. Под стеатопигией подразумевают непомерное развитие жировых складок под седалищными мышцами у женщин этого племени, что придает им совершенно несообразный вид, увеличивая объем бедер в несколько раз. Под готтентотским передником понимают неестественно длинные половые губы у женщин данного племени, которые часто достигают 15-18 сантиметров в длину, и свисают до колен, в связи с чем с древнейших времен выработался обычай перед вступлением в брак эти губы срезать. Едва в XVI веке в Абиссинии было введено христианство, которое запретило проведение данной гинекологической операции, как сразу же вспыхнули восстания, ибо девушки не могли найти себе женихов-соплеменников, так как даже по их туземным понятиям данный анатомический феномен отвратителен. Специальным постановлением папы римского аборигенам было позволено вернуться к первоначальному обычаю, чтобы не чинить препятствий в распро-

странении христианства. Как добросовестный ученый, Топинар проанализировал данный факт и с эволюционной точки зрения: «Заметим при этом, что «передник» не говорит в пользу непосредственного родства готтентотов, бушменов и обезьян, так как у самки гориллы эти губы совершенно невидимы».

Так что, если соотносить данного рода расовые феномены с классическим дарвиновским учением, придется неминуемо согласиться с наличием отдельной самостоятельной ветви в развитии данных племен, ведущих свое происхождение даже не от обезьян, а от каких-то неведомых животных.

Жан-Жозеф Вирей в этой же связи писал: «Полагали, что у бушменок есть нечто вроде кожного фартука, свисающего с лобка, закрывая половые органы. В действительности, это не более, чем удлинение малых срамных губ на 16 см. Они выступают с каждой стороны за большие срамные губы, которых почти нет, и соединяются сверху, образуя капюшон над клитором и закрывая вход во влагалище. Их можно поднять над лобком, как два уха. Этим можно объяснить естественную неполноценность негритянской расы по сравнению с белой. Поэтому правильнее говорить о негритянском виде, а не расе, так как та же особенность строения половых органов наблюдается у коптских и эфиопских женщин».

Остается совершенно непонятным, почему многие либерально-демократические средства массовой информации, занятые распространением эротической и порнографической печатной продукции и склонные к пропаганде всякого рода половых извращений, обходят вниманием данный антропологический феномен, явно способный увеличить их барыши. Справедливости ради нужно отметить, что подобного рода расовая специфика наблюдается не только у представительниц «прекрасного» пола, но и у «сильной» половины человечества, ибо Вирей во время натуральных испытаний установил, что бушмены при беге втягивают яички в брюшную полость. Данный признак напрямую связан с наследственным кретинизмом, а также свидетельствует о том, что у этой расовой группы принципиально по другому устроена вся соединительная ткань в организме.

Швейцарский путешественник Виктор Элленберг в своей книге «Трагический конец бушменов» (М., 1956) также ясно указывал: «У большинства бушменов, даже у молодых, все тело, и особенно лицо, покрыто складками и морщинами, в результате чего создается впечатление, что кожа бушменов слишком велика для их тела, особенно когда они голодны. Бушменская раса сильно отличается от всех ныне населяющих африканский континент рас и вплоть до XIX века пребывала в своем развитии на стадии каменного века. У бушменов даже строение костей совершенно иное, чем у большинства представителей негрских рас. Кости конечностей у них имеют почти цилиндрическую форму; другая характерная особенность бушменов заключается в том, что кисти рук и стопы ног у них маленькие, по выражению одного путешественника, почти лилипутских размеров, едва ли больше, чем у детей. К числу отличительных особенностей физического строения бушменов относится и то, что Penis у них постоянно находится в состоянии полужрекции. Эта присущая бушменской расе особенность запечатлена на многочисленных бушменских наскальных изображениях».

Крупнейший немецкий антрополог профессор Мюнхенского университета Фердинанд Биркнер (1868-1944) в своей энциклопедической работе «Расы и народности человечества» (СПб., 1914), подытоживая взгляды коллег, утверждал: «Человечество представляет собой в настоящее время в своих различных расах, народностях и племенах такую мозаичную картину, что целый ряд исследователей придерживаются того мнения, что эти крупные различия являются результатом разного происхождения, то есть, что человечество произошло из нескольких корней и представляет собою не один вид с несколькими расами, а один род, состоящий из нескольких различных видов».

Антрополог и археолог Герман Клаач в работе «Положение человека в природе» из сборника статей «Эволюция человека» (М., 1925) аналогично указывал: «Раньше придавали большое принципиальное значение вопросу о том, произошел ли человек от одной формы или от нескольких. Выражаясь научным языком, это был спор о монофилетическом или полифилетическом способе происхождения человеческого рода. В настоящее время эта борьба мнений с теоретической стороны кажется излишней, так как нельзя серьезно говорить о строго монофилетическом происхождении. Происхождение каждой группы животных полифилетическое. Предки человекообразных обезьян уже отличались друг от друга, когда началось очеловечивание. Исходя отсюда, можно в значительной степени объяснить расовые отличия человечества». Отто Рехе в исследовании «Раса и прародина индогерманцев» (1936) соотнес выводы палеоантропологии с данными о распределении групп крови в различных расовых группах и пришел к такому выводу: «Человек как вид представлен в древней Европе местными длинноголовыми расами; этот вид распался на нордическую, фальскую и западную расы. Другими особыми видами, также распавшимися на расы, можно считать жителей Центральной Азии, австралийцев, бушменов, пигмеев Центральной Африки, негритянскую группу и пр.».

Еще один признанный авторитет в области антропологии Франц Вейденрейх (1873-1948) в докладе, сделанном в Стокгольме в 1938 году на II Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, сформулировал свою концепцию **полицентризма**, согласно которой человечество возникло в четырех независимых центрах, по числу современных рас – в Юго-Восточной Азии, в Восточной Азии, в Африке и в Европе. Первый центр послужил зоной формирования австралоидов, второй – монголоидов, третий – негроидов и, наконец, последний, четвертый – европеоидов. Исходными формами для австралоидов были яванские питекантропы (930 г. мозга), для монголоидов – синантропы, для негроидов – африканские неандертальцы. В каждом отдельном случае генетическая связь тех или иных древних форм с соответствующими современными расами аргументировалась Ф. Вейденрейхом с помощью морфологических сопоставлений: австралоидов сближал с яванскими питекантропами сагиттальный валик черепной коробки (на черепах современных австралийцев эта особенность действительно встречается чаще, чем у представителей остальных рас); монголоиды похожи на синантропа уплощенным лицом и лопатообразными резцами; для европеоидов, как и для европейских неандертальцев, характерны ортогнатный, или мало выступающий вперед, профиль лицевого скелета и сильно выступающие носовые кости.

Американский антрополог Карлтон Стивенс Кун (1904-1981) поддержал Вейденрейха, выделив не 4, а 5 очагов расообразования, подразделив африканский на два самостоятельных центра. Мало того, он удревнил время возникновения расовых различий, отметив, что они прослеживаются даже на стадии развития питекантропов. Советские ученые Г. Ф. Дебеч и Н. Н. Чебоксаров развили концепцию полицентризма, опираясь как раз на факты морфологии. В рамках концепции полицентризма была сформулирована теория многократного перехода от палеоантропов к человеку разумному современного типа. Это уже существенная радикализация данной системы взглядов, позволяющая вновь говорить не о полицентризме, но о полигенизме, в широком смысле этого слова. В. П. Якимов в брошюре «Стадии и внутростадиальная дифференциация в эволюции человека» (М., 1967) также подчеркивал, что «приобретение ортогнатности – есть проявление особого пути биологического прогресса», что вновь говорит о самостоятельности развития белой расы, а следовательно, вновь и вновь делает невозможной существование концепции о происхождении человека из единого очага расообразования: «Независимое, параллельное развитие древнейших людей в определенные расы *homo sapiens* происходило с различной скоростью и было обусловлено внутренними тенденциями к эволюционной трансформации».

Я. Я. Рогинский, хотя и выступал как автор теории единого очага расообразования, но и он был вынужден признать, что расовые признаки у представителей разных рас не одинаково выражены в детском и во взрослом возрасте. Негроиды обнаруживают наибольшую разницу с европеоидами во взрослом состоянии, в детском же возрасте различия между ними смягчены. Дети монголоидов, в свою очередь, наоборот, сильно отличаются от детей европеоидов и негроидов.

Г. Ф. Дебец, Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров в совместной статье «Проблемы заселения Европы по антропологическим данным» из сборника «Происхождение человека и древнее расселение человечества» (М., 1951) считали необходимым подчеркнуть: «Смешения и переселения основных рас современного человечества сравнительно легко прослеживаются на антропологическом материале, так как различия между этими расами более существенны, чем различия между соматическими группами одной расы. Древние формы европеоидной, монголоидной и негроидной рас существовали еще в палеолите. Уже поэтому мало вероятно, практически же исключена, возможность формирования монголоидных типов из негроидных или европеоидных и обратно».

Один из крупнейших английских антропологов сэра Артур Кейт (1866-1955) в 1950 году обосновал теорию о большой древности расовых различий. Кейт полагал, что уже в плейстоцене между ископаемыми гоминидами разных территорий существовали такие же различия, какие характерны для больших рас позднейшего времени. Существовали негроидные, монголоидные, европеоидные и другие типы ископаемых гоминид, эволюция которых протекала параллельно и независимо и привела к появлению на тех же территориях современных больших рас.

Итак, мы видим, что концепция происхождения современных рас от одной группы животных предков, которую так любят пропагандировать философы, культурологи и правозащитники, трещит по швам и не выдерживает никакой критики. **Биологическое единство человечества – это иллюзия, предназначенная для удобства торговли усредненными идеалами на потребу неразборчивой толпе.** Моралистические утверждения профанов, которые можно часто слышать: «Это тоже люди», – с естественнонаучной точки зрения не ценней замечаний типа: «Это тоже дерево» или «Это тоже камень».

Выдающийся советский антрополог В. П. Алексеев в монографии «Географические очаги формирования человеческих рас» (М., 1985) очень метко сформулировал суть проблемы: «Иерархия рас – одна из старейших проблем антропологии. Иерархия рас в принципе подразумевает иерархию очагов расообразования».

Крупнейший немецкий антрополог Ганс Вейнерт в книге «Происхождение человека» (М., 1935), желая исправить понятийную путаницу, возникающую при любом критическом взгляде на антропогенез в рамках всего «человечества», был вынужден констатировать: «Название «обезьяна» употребляется в таком общем смысле и настолько некритично, что различные возражения против происхождения от обезьяны, так же как и некоторые отклонения от этой теории, часто объясняются непониманием и неправильным обобщением ее. Трудно сказать, насколько выигрывают наше «достоинство» и внутренняя ценность от того, что мы ведем свой род не от обезьяны, а от ящерицы или акулы. Мы вовсе не обязаны считать достоверностью, что наши древние предки из антропоморфных эволюционировали лишь в качестве единственной ограниченной группы».

Возвращаясь к книге Топинара, имя которого значится в числе великих классиков в каждом учебнике антропологии, приходится признать, что, даже невзирая на обилие приводимой им доказательной базы, его главный вывод производит впечатление разорвавшейся бомбы, до такой степени мнение ученого расходится с общеупотребимыми повседневными штампами о «каком-то едином человечестве». Очевидно, составители учебников сами мало читают и с творчеством Топинара также не знакомы. Старая ис-

тина, что классик – это тот, кого все любят, но никто не читал. Что ж, воздадим должное авторитету Поля Топинара и процитируем основной вывод из его замечательной книги «Антропология», предисловие к которой в русском издании написал великий русский ученый, профессор Илья Ильич Мечников:

«Между видами человекообразных обезьян одного рода различий гораздо меньше, чем между главными человеческими расами. Даже между орангутангом и гориллой, то есть двумя отдельными родами, расстояние меньше, чем например, между австралийцем и лапландцем. Белокурый швед, с румяным цветом лица, небесно-голубыми глазами, стройными конечностями, большой емкостью черепа, далеко отстоит от черного, как сажа, негра, с желтой склеротикой, короткими и рунообразными волосами, выдающейся челюстью и отвороченными губами; или от папуаса, с руновидными, но длинными и пучковидными волосами, иногда всклокоченными и представляющими шарообразную массу, сравнительно большую, чем грива бизона; или же от бушменки с желтым цветом лица, губами орангутанга, с половыми губами, достигающими колен, и безобразно большим задом. Их различия не соответствуют, конечно, понятию о простых разновидностях и превосходят даже различия, отделяющие многие виды. Итак, необходимо признать, что расстояние между главными человеческими типами больше, нежели между разновидностями в естественной истории, и такое же большое, как между отдельными видами. Даже больше: иногда это расстояние, по-видимому, так же велико, как и расстояние, отделяющее роды. **Человеческий род, составляющий первое семейство в разряде приматов, делится на виды или основные человеческие расы».**

Конечно же, наши оппоненты из числа уставных моногенистов могут возразить, что данная точка зрения хотя и принадлежит классику, тем не менее устарела. Что же, приведем сходную по смыслу цитату выдающегося советского ученого В. В. Бунака. В посмертно изданной статье «Верхнепалеолитический череп сунгирь 1 и его место в ряду других верхнепалеолитических черепов» из сборника «Сунгирь: антропологическое исследование» (М., 1984) отечественный светило антропологии подчеркивал в духе классической философии полигенизма: «Уроженцы разных континентов в их типической форме различаются между собой по окраске кожи, форме волос, вторичным половым признакам, мозговой коробке, форме лица, носа, губ и другими особенностями больше, чем некоторые хорошие виды – маралы и олени, многие виды грызунов. Такие формы, как бушмены, несут отличия от преобладающего современного типа также в строении поясничной части скелета, положении таза, форме половых органов». На склоне лет, чувствуя приближение конца, В. В. Бунак решил не связывать себя узами марксистско-ленинской науки и высказал свои убеждения, основанные на многолетних исследованиях.

Наконец крупнейший современный отечественный антрополог А. А. Зубов в статье «Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас» из сборника «Проблемы эволюции человека и его рас» (М., 1968) сделал совершенно откровенное заявление: «Зубная морфология не противоречит предположению о возможности независимого параллельного развития рас от разных местных групп палеантропов».

Что же это, если не обновление идей полигенизма усилиями отечественной науки?

В самой последней монографии «Палеоантропологическая родословная человека» (М., 2004) А. А. Зубов развил и уточнил свою концепцию, которую назвал **«модель генного потока и смешения»**. Автор подчеркнул, что кроме метисации на путях расселения расовых групп имели место частичная или полная изоляция, распад этих изолятов, вымирание отдельных групп. Сюда следует добавить также постоянные изменения демографической ситуации, вызванные войнами, голодом и эпидемиями, а также «демографическими взрывами». Словом, реальная картина взаимосвязи звеньев эволюции и дифференциации расовых групп выглядит гораздо сложнее, чем это можно пред-

ставить в любой теоретической схеме. Постоянная борьба сил в «игре генов» эволюционного процесса и породила то многообразие форм биотипов, в том числе и откровенно патологических, экстремальных, как с точки зрения морфологии строения, так и с точки зрения стратегии выживания. Иуда, Маугли и Чикатило – не исключения, но генетические закономерности – своего рода продукт хитросплетений спирали ДНК.

«Сетевидная эволюция верхнепалеолитического человечества породила широкий спектр «промежуточных» антропологических типов», – утверждает А. А. Зубов.

8. Проблема «границы» между человеком и животным

Через археологические открытия конца XIX – начала XX веков позволила такому крупнейшему немецкому антропологу-полигенисту, как Герман Клаач (1863-1916) создать принципиально новую модель возникновения и эволюции человеческих рас. В своей книге «Положение человека в природе» (С.-Петербург, 1895) он указывал: «Подобно тому, как предки человекообразных обезьян уже отличались друг от друга, когда началась **симиация** (т. е. обобезьянивание), человеческие группы также не являются совершенно одинаковыми, так как среди них тоже наметились различия еще до начала **гоминизации** (т. е. очеловечивания). Исходя отсюда, можно в значительной степени объяснить расовые различия человечества. Таким образом, речь идет о распадении общей группы предков на ветви, из которых каждая произвела как человеческие расы, так и человекообразных обезьян».

На конгрессе антропологов в г. Линдау в 1899 году Клаач впервые изложил свои взгляды, которые сводились к следующему. Человек – независимая ветвь приматов, а человекообразные обезьяны – параллельно развившаяся ветвь приматов, – но не предки человека. Ни один из живущих типов приматов не может, по его мнению, рассматриваться как ближайший родственник человека. Человек во многих отношениях ближе к низшим формам обезьян, чем к человекообразным обезьянам; многие из его черт восходят даже к лемурам и гипотетической примитивной форме приматов. Человек – прямой потомок низших приматов, а сами приматы – примитивные члены рода млекопитающих.

В 1910 году на конгрессе в г. Кельне он развил свои взгляды на теорию расогенеза. Из его доклада под названием «Полигенез рас и общая основа человека и человекообразных обезьян» следовало, что на очень раннем этапе примитивные группы высших приматов разделились на западную и восточную ветви, и каждая из них, в свою очередь, разделилась на свои расы и свои виды человекообразных обезьян. Он открыто утверждал: «Между этими двумя обезьянами и этими породами людей меньше родства, чем между каждой из обезьян и человеком, развившимся из одного с ней потока. Неандерталец и горилла – представители западного потока, а ориньякский человек и орангутанг – представители восточного». В американском издании своей книги «Эволюция и прогресс человечества» (1923) он заключил: «По всем законам вероятности очень странно, что человек занял исключительное положение по сравнению с другими животными. Несправедливо считать человека во всех отношениях высшей стадией эволюции. Многие из его черт примитивней, чем у обезьян».

Взгляды Клаача поддержал и развил крупнейший итальянский антрополог-полигенист Джузеппе Серджи (1841-1936). В книге «Виды и разновидности человеческого рода», изданной в 1900 году, он писал: «Человек – один вид или несколько? Мои наблюдения в Европе и в Африке позволяют сделать вывод: есть два вида человека – евроафриканский и евроазиатский; каждый из них состоит из нескольких рас».

В 1892 году Серджи сделал доклад на международном конгрессе антропологов в Москве, а классик русской антропологии Дмитрий Николаевич Анучин поддержал его идеи, опубликовав в 1913 году книгу «Происхождение человека», а в 1914 – «Органи-

ческая эволюция и происхождение человека». В них он уже детальнее разработал концепцию полигенетического происхождения «человечества». Согласно его версии, от предшественников приматов произошли три независимые группы: **церкопитеки**, с шестью независимыми ветвями, **симииды**, давшие четыре ветви, и **гоминиды**, также с отдельными четырьмя ветвями. В свою очередь эти ветви рассматриваются им как четыре отдельных рода: **зоантропус**, **палеонтропус** (гейдельбергский человек), **нотантропус** (негрская ветвь) и **геоантропус** (монгольская ветвь). Все эти роды не являлись ответвлениями от общего, раннего, менее специализированного человеческого типа; они не связаны ни с крупными обезьянами, ни с другими известными нам приматами. Предполагается, что все они уже обособились в то время, когда группа гоминидов выделилась из своих предполагаемых предшественников.

Крупнейшие отечественные археологи А. С. Амальрик и А. Л. Монгайт в совместной работе «В поисках исчезнувших цивилизаций» (М., 1959) указывали, что по результатам раскопок можно констатировать наличие расовых различий уже в эпоху позднего палеолита. Мало того, «вместе с тем отмечена исключительная пестрота антропологического состава этих находок, предполагающая расовые различия, превосходящие различия между современными расовыми типами». Таким образом получается, что если на заре расогенеза различия между основными расами были больше, чем сегодня, то, следовательно, по всем законам логики эволюционного развития они могли произойти только из различных независимых центров, что лишний раз опровергает все паранаучные измышления моногенистов. Крупнейший австрийский расолог-полигенист Людвиг Гумплович (1838-1909) объяснял некоторое видимое морфологическое сходство основных человеческих рас простым умозаключением: «Сходство не всегда предполагает потомственную связь. Также и относительно человечества; закон происхождения и развития мог быть один, тогда как генеалогическое древо не одно».

В 20-е и 30-е годы XX века с началом бурного расцвета биологии и первых успехов в области генетики старые идеи антропологов-полигенистов получили подтверждение на качественно новом уровне, и особенно после возникновения в середине века так называемой **синтетической теории эволюции**. Даже если предположить, что человечество, согласно мнению моногенистов, произошло от одной пары предков, то неравномерность темпов эволюции, в том числе и под воздействием среды, должна была неминуемо разделить расы в процессе их обособления по иерархическому признаку, создав «высшие» и «низшие». Помимо различий между расами на морфологическом уровне, теперь добавились еще и неоспоримые свидетельства о различиях биохимических, а позднее – и генетических. Не могли же потомки общего предка, расселяясь по всей земле, всюду с одинаковой скоростью отдаляться от него в процессе развития. Это же очевидно. Популяционная генетика подтвердила, что в различных человеческих расах и составляющих их популяциях неодинаков процент распределения атавистических признаков, доставшихся в наследство от животных предков. Выражаясь языком современной экологии, **в одно и то же время в рамках одной экологической ниши, с точки зрения эволюционной ценности могут сосуществовать недочеловек, человек и сверхчеловек**. Все эти виды живых существ проделали различный путь развития, и в этом их основное отличие.

Крупнейший советский антрополог Б.С. Жуков в монографии «Происхождение человека» (М., 1928) отмечал:

«У некоторых низших представителей современного человека замечаются признаки некоторого сходства с неандертальцами, как, например, надбровные дуги у австралийцев. У них также «зубы мудрости» достигают большего развития, чем остальные коренные зубы, и это несколько приближает австралийцев, по строению зубов, к высшим обезьянам. По своему росту неандертальская раса приближается более всего к таким

низкорослым современным народам, как, например, лопари, живущие в северо-западной России и в северной Финляндии».

Американский антрополог Генри Фэрфильд Осборн (1857-1935) в своей книге «Человек древнего каменного века» (Ленинград, 1924) высказался так: «Мы не можем утверждать, что в группе, принадлежащей к виду «разумного человека», никогда не было примеси неандертальной крови. Интересно заметить, что тасманийцы в момент ознакомления с ними европейцев находились на стадии кремниевой культуры, весьма сходной с той, которая была распространена среди неандертальцев в мустьерскую эпоху. Последние представители этой наиболее примитивной расы вымерли на острове Тасмании в 1877 году». Другой крупнейший американский антрополог Алеш Грдличка также справедливо утверждал: «Следы неандертальской крови и физиономические черты этой расы встречаются даже среди современных европейцев». Еще один американский антрополог Лорен Эйслей заметил: «*Homo sapiens* шагал по земле вместе с неандертальцами».

Подлинный переворот в эволюционной теории произвел известный польский антрополог Казимир Столыгво, который в начале XX века в скифском кургане близ села Новоселки обнаружил скелет неандертальца, и в силу того, что официальная наука считала, что к этому историческому периоду все они давно вымерли, был принужден ввести новый термин «постнеандерталоиды». В 1937 году в одной из своих статей он окончательно пришел к выводу, что кроме пренеандерталоидов и классических представителей неандертальской расы «все остальные нисходящие неандерталоидные формы, известные до настоящего времени, относятся к периодам более поздним, чем мустьерский, к верхнему плейстоцену, а также и к более поздним временам – преисторическим, протоисторическим, а также и к современным».

Крупнейший советский биолог Лев Семенович Берг (1876-1950) также придерживался данной концепции. В своей работе «Номогенез, или эволюция на основе закономерностей» из сборника «Труды по теории эволюции. 1922-1930» (Ленинград, 1977) он писал: «Неандертальский человек, *HOMO NEANDERTALENSIS*, обнаруживает ряд черт, которые в своем развитии пошли дальше, чем у современного человека *HOMO SAPIENS*. Отметим, что, согласно новым воззрениям, нет доказательств тому, чтобы *H. NEANDERTALENSIS* был предком современного человека. Коренные зубы у неандертальского человека пошли в своем развитии дальше, чем у шимпанзе и у современного человека, который удержал в коренных зубах черты древние, обезьяньи. Мозг неандертальца по своему объему не уступал мозгу современного европейца и даже превосходил, если судить по черепу из LA CHAPELLE, объем мозга у которого 1625 см³. Первобытный человек получил от природы мозг, гораздо более совершенный, чем это необходимо было для поддержания его существования».

Крупнейшие современные американские ученые Майкл Кремо и Ричард Томпсон в книге «Неизвестная история человечества» (М., 1999), которая буквально потрясла основы существующих представлений об эволюции, также пишут: «Сегодня большинство научных авторитетов утверждают, что как люди с современным анатомическим строением, так и западноевропейские неандертальцы классического типа произошли эволюционным путем от донеандертальцев, или древнейших *homo sapiens*».

Впрочем, еще Чарльз Дарвин писал: «Мы можем быть уверенными, что во всяком живом существе скрыто множество давно утраченных признаков, готовых развиться при соответствующих условиях». Поэтому сказки разных народов, повествующие об упырях и оборотнях, вовсе не кажутся с точки зрения эволюционных атавизмов выдумками безграмотных людей. Скотоводы и зоологи хорошо знают, как осуществляется возврат к утерянным признакам в процессе одичания некоторых организмов. Уильям Рипли и Генри Ф. Осборн, впервые проанализировав язык басков – самый примитивный и недоразвитый в Европе, пришли к выводу, что их предки скорее всего позаим-

ствовали его прямо у кроманьонцев. Поэтому, на наш взгляд, истоки современного сепаратизма басков нужно искать в особенностях их антропологии. То же, очевидно, можно отнести и к некоторым кавказским народам России: например, чеченцам, обретшим письменность только в XX веке, сепаратизм которых не поддается никаким вразумительным объяснениям. А вековая склонность к работорговле и удовольствие от кровожадности, которое они демонстрируют, пытая пленных, также позволяют нам сделать вывод об очень древней архаической природе данных атавистических проявлений, имеющих, безусловно, генетическую основу. Система чеченских тейпов, враждующих между собой, также свидетельствует в пользу первобытнообщинных племенных принципов организации этого народа, которые наследственно закреплены в особенностях его расового строения.

Но, как мы показали, картина существенно усложняется тем, что, помимо рас, имеющих различную эволюционную ценность, каждая также состоит из качественно неравноценных популяций, а те, в свою очередь, дробятся по такому же принципу вплоть до отдельных человеческих особей. Таким образом, мы вновь говорим о том, что в одно и то же время в рамках одной и той же экологической ниши могут сосуществовать **недочеловек, человек и сверхчеловек**. Данное мнение автор составил, проанализировав работы большого количества современных специалистов в области антропологии.

Крупный отечественный ученый Ю. Д. Беневоленская в своей статье «Проблема выявления сапиентной и неандертальской линий на ранних стадиях эволюции» (Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 8-9, С.-Петербург, 1999) пишет: «Гипотеза эволюционной трансформации неандертальцев в неантропа все более уступает место представлению о вытеснении первых человеком современного типа, которое сопровождалось метисацией между ними».

Другой выдающийся отечественный антрополог А. А. Зубов в статье «Проблемы внутривидовой систематики рода homo в связи с современными представлениями о биологической дифференциации человечества (Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995) также указывает: «Мы можем говорить о «сетевидном» характере эволюции рода homo на всех этапах его эволюции.(...) Важно отметить, что «сеть» могла включать разные эволюционные «этажи», взаимодействовавшие между собой и вносящие свой генетический вклад в общий, единый фонд многообразия эволюционирующего рода homo».

В переводе с высокопарно академического языка на разговорный это означает, что представители более «высоких» человеческих этажей вступали в половую связь с представителями «низших», неандертальских, этажей, в результате какого скотоложества и произвели на свет «ублюдков-мутантов», затем численно обособившихся до уровня целых народов и рас, что и породило общее «эволюционное многообразие рода homo».

И в этом факте опять же нет ничего удивительного. Из описаний древнегреческих и римских историков известно о многочисленных оргиастических культах и вообще об очень вольной сексуальной жизни в Античной Европе, но решительно ничего не известно о тяжелых венерических заболеваниях, которые поразили белых европеоидов только в новейшие времена с началом эпохи великих географических открытий, когда они в прямом смысле этого слова вступили «в контакт» с представителями цветных рас. Но эти представители цветных рас, в свою очередь, получили данные венерические заболевания от животных. Так например, сифилис, завезенный в Европу из Америки, европейцы получили от индейцев, а те от местных лам. Существует мнение, что современный СПИД пришел из Африки, где негры приобрели его от обезьян.

Таким образом очевидно, что представители цветных рас, находясь на более «низких этажах» в общей «сети эволюции», вполне естественно рассматривали совокупление с животными как нечто эволюционно само собою разумеющееся, как раз по принципу близости «этажей». Речь, безусловно, идет в данном случае не об абсолютных ка-

тегориях, а лишь об относительной концентрации тех или иных животных черт, доставшихся в наследство от неандертальца представителям всех современных рас. **Никто не свободен от груза животных рудиментов, ввиду установившегося «многообразия», но все одарены ими по-разному.**

Известный американский биолог Энтони Барнетт в книге «Род человеческий» (М., 1968) также свидетельствует, что «люди современного типа появились примерно в то же время, если не раньше, что и неандертальский человек, и развивались параллельно. Промежуточные типы между современными людьми и неандертальцами могли быть результатом либо скрещивания, либо ранних фаз дивергенции неандертальцев от линии, которая привела к современному человеку». Но ведь совершенно очевидно, что эти «промежуточные типы» никуда не исчезли, а существуют сегодня среди нас, составляя свои особые социальные, этнические и расовые группы на основе инстинктивного влечения, как это имеет место у животных, и то, что мы по неведению относим их к типу «современного человека», и является источником многих наших социальных бед и политических разочарований. У «промежуточных типов» промежуточная же мораль, в прямом смысле этого слова недочеловеческая. Оценивая их как себе подобных, мы впадаем в естественнонаучное заблуждение, жертвами которого в результате сами и оказываемся.

Крупнейший шведский антрополог и анатом Вильгельм Лехе (1850-1927), в книге «Человек, его происхождение и эволюционное развитие» (М., 1913) писал: «Подобно тому, как у отдельных особей могут появляться физические особенности, которые рассматриваются в качестве наследия от какого-нибудь очень отдаленного предка, так точно особи должны совершать известные антисоциальные или безнравственные поступки, выпады против близких или против всего общества, которые можно рассматривать в качестве наследия от прародича, совсем не обладавшего или лишь слабо обладавшего социальным чувством, причем эти душевные изъяны не были подавлены воспитанием. Подобно тому, как естественный отбор необходимо вызывает не абсолютное, но только относительное совершенство организма, так и понятие о нравственности может достигать более высокого или более низкого развития, вот почему в различные времена и у различных народов понятие о нравственности было, да есть еще и теперь, столь различно. Что человечество когда-нибудь освободится от всего, что мы называем рудиментарными органами, однако, невероятно уже потому, что эта дисгармония является неразрывным спутником каждого эволюционного процесса».

Жан-Жозеф Вирей также обращал внимание на явные различия в строении у представителей основных человеческих рас в связи с наличием рудиментарных органов. «У негров серое вещество мозга имеет более темный цвет. Но главное – у негров гораздо больше, чем у европейцев, развита периферийная нервная система, а центральная, наоборот, меньше. Похоже, мозг у негров частично ушел в нервы, словно животная жизнь развивалась за счет умственной. У некоторых животных имеется третье веко. У человека оно рудиментарно, но у европейцев гораздо менее выражено, чем у негров, которые в этом отношении сближаются с орангутангами. Расстояние между европейцем и негром невелико по сравнению с той пропастью, которая отделяет человека и человекообразных обезьян. Однако физические формы негров в какой-то степени являются промежуточными между европейскими и обезьяньими».

Также и Жозеф Артюр де Гобино (1816-1882) в одном из своих писем отмечал: «Некоторые современные смешанные расы произошли от существ, промежуточных между человеком и обезьяной, в результате смешения их с людьми».

Его приверженность базовым идеям полигенизма ясно выражена и в главном сочинении «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853): «Кажется совершенно логичным заявить, что группы, из которых состоит человечество, также отличаются друг от друга, как и различные виды животных в мире дикой природы. Тот факт, что Адам – прароди-

тель нашей белой расы, не подлежит сомнению. Но при всем при этом нет никаких свидетельств того, что первые редакторы адамовой генеалогии причисляли к этой группе других людей, не принадлежащих к белой расе».

Л. С. Берг в работе «Эмбриональные черты в строении человека» из вышецитированного сборника указал на качественные различия в эмбриональной фазе у представителей различных рас и соотнес эти различия у людей с аналогичными фазами у обезьян. Его выводы оказались шокирующими. В целом логика Берга такова: одним из наиболее бросающихся в глаза отличий человека от человекообразных обезьян является отсутствие у человека густого волосяного покрова. У человека густые волосы имеются лишь в определенных местах тела, а, кроме того, очень редкие волосы разбросаны почти по всему телу. При этом у младенца в последние месяцы утробной жизни имеется сплошной и довольно густой покров из тонких и коротких волос, исчезающий однако до рождения. У зародышей гориллы и шимпанзе тело покрыто волосами, но они настолько коротки, что кожа кажется голой. Примечательно, что у зародыша шимпанзе волосы короткие и курчавые и сидят пучками, как у негров, тогда как у зародыша гориллы они прямые и растут равномерно, как у европейцев. У зародыша гориллы волосы на голове образуют пробор и доходят до бровей, а у зародыша шимпанзе пробора нет и имеется голый лоб. Л. С. Берг делает такое заключение: «Не человек существованием у него зародыша первичного пуха повторяет в своей зародышевой жизни стадию сплошного волосяного покрова антропоидов, а наоборот, горилла и шимпанзе в своей зародышевой жизни проходят временную фазу, которая у человека остается на всю жизнь. Исчезновение волосяного покрова у человека не есть результат действия внешних условий или приспособления, а произошло под влиянием каких-то внутренних факторов. Ухо взрослого человека также частью сохраняет более примитивные черты, чем у зародыша гориллы. Наибольшим количеством зародышевых признаков обладает монгольская раса».

Вышецитированные американские авторы Майкл Кремо и Ричард Томпсон целую главу в книге озаглавили «Люди-обезьяны среди нас?», которая посвящена проблемам изучения «недочеловеков», обитающих среди нас сегодня, и отдельной науке, занятой рассмотрением данной тематики, под названием **криптозоология**.

Одним из первых версию гибридогенной природы человечества выдвинул крупнейший русский расовый теоретик Владимир Александрович Мошков в своей великолепной книге «Новая теория происхождения человека и его вырождения» (Варшава, 1907). Согласно его базовому утверждению, человечество – вид гибридный, произошедший от смешения белого человека с питекантропом. Различные концентрации этого смешения и дали в результате современные расы, но от груза подобных животных атавизмов не свободны и европеоиды. «Если низшие расы, в отличие от европейца, имеют в своих жилах более крови питекантропов, то ясно, что у них же мы должны искать и черты, отличавшие этих последних», – писал Мошков. Свою точку зрения он обосновал в том числе величиной массы мозга, которая у питекантропов была больше, чем у представителей современных рас, и в результате смешения понизилась до современного уровня. Известный французский антрополог Поль Брока (1824-1880) также писал: «Средняя величина емкости черепа у цивилизованных народов должна несколько уменьшиться, вследствие сохранения значительного числа личностей, слабых умом и телом, которые у дикарей гибнут». Это подтверждал и Чарльз Дарвин: «Убеждение, что у человека существует связь между объемом мозга и степенью умственных способностей, основывается на сравнении черепов диких и цивилизованных рас, древних и новейших народов, равно как на аналогиях всего ряда позвоночных».

Это смешение человека с питекантропом, по мнению Мошкова, имело фатальные последствия для всего человечества, как для его социальной жизни, так и его морального облика. Контакт между «эволюционными этажами» произвел сушее потрясение со-

знания потомков и внес разлад и сомнения во всю их душевную организацию. Метания между ангелом и бесом, происходящие в душе человека, есть всего лишь отражение восстания рудиментов животной природы в его теле. Мошков писал: «На самок питекантропа, сделавшихся женами белого человека, и на их детей этот последний вначале не мог, конечно, иначе смотреть, как на одну из пород своих домашних животных, которых можно было, смотря по надобности, или съесть или приспособить к какой-нибудь работе, или поменять на что-нибудь соседям. Вот здесь-то и было положено основание рабству, которое нас теперь так возмущает. В самом начале оно не имело в себе ничего возмутительного и только впоследствии стало таковым, когда человечество сильнее перемешалось и различие между рабами и господами уменьшилось. Через несколько поколений белая раса пала, а бывшие рабы от помеси благородной крови постепенно сравнялись с господами. В конце концов выработалось современное человечество, как ублюдок древних видов. Вот где была причина изменения человека в худшую сторону. Вот почему емкость черепа современного человека стоит ниже емкости первобытного, неолитического».

С открытием групп крови в начале XX века этот вопрос, считавшийся гипотетическим, начал дебатироваться вполне серьезно. Немецкий биолог Герман Орледер в 1918 году, обсуждая возможность скрещивания человека и какого-нибудь антропоида, считал, что в случае успешного искусственного осеменения самки шимпанзе человеческими сперматозоидами помесь могла бы родиться на свет и без необходимости производить кесарево сечение.

Крупнейший советский антрополог М. Ф. Неструх в книге «Приматология и антропогенез» (М., 1968) также подчеркивал: «Плацента, морфологические и биохимические особенности крови, сперматозоиды шимпанзе очень сходны с человеческими. Опыты переливания крови от человека к шимпанзе и обратно были успешными. Шимпанзе в эксперименте **восприимчив к сифилису**. Полагают, что методом искусственного осеменения можно произвести скрещивание шимпанзе с человеком и получить гибридов с промежуточными чертами. В пользу этого мнения говорят нередкие случаи **успешного межвидового и межродового скрещивания** у обезьян, кровное родство, особое сходство половых клеток с человеческими».

Как подлинный ученый, Неструх обращает внимание читателей на огромный «интерес» к обезьянам в древнем мире у представителей экваториальных рас. В Эфиопии, Мавритании, Ливии и Египте обезьяны считались обязательной частью военных трофеев наряду с драгоценностями и пленными воинами. Барельеф, изображающий их, есть на храме Дер-эль-Бахри, созданном 3500 лет назад и аналогично в усыпальнице визиря Рехмира в Фивах того же времени. В Египте плащеносый павиан гамадрил был священным животным и олицетворял собою Бога Луны и колдовства Тота. Кроме того, не только фараонов, но также и обезьян подвергали мумификации, а не слуг, жен и военачальников. Об анатомии обезьяны писал Аристотель, а древнеримский анатом, врач и физиолог Клавдий Гален (130-200 н.э.) оставил подробное описание вскрытия человекообразных обезьян, которых называл «смешными копиями людей». Первое же детальное описание вскрытия человека выполнил Андрей Везалий только в 1543 году. Египетский терракотовый рельеф берлинского антиквариума (инвентарный номер 31276) изображает сидящую самку гориллы с человеческим лицом, которая обнимает двух детенышей: одного обезьяньего типа, а другого человеческого. Индийский обезьяний Бог Гануман имеет человеческое тело и обезьянью голову, он изображен в храме Свами (г. Уна, Индия).

Классик русской антропологии Дмитрий Николаевич Анучин (1843-1923) одним из первых обратил внимание на мифы о происхождении некоторых народов от смешения человека с животными. Причем тотемный первопредок рассматривался им не как замысловатая аллегория из области преданий, а именно как антропологический факт.

Свою оригинальную зоогенеологию он также начал с обезьян. «Вообще, – писал Анучин, – можно сказать, что мысль о возможности близкого родства или взаимного перехода между человеком и обезьянами пользуется довольно значительным распространением как между полудикими народами, так и между культурными, с тою только разницей, что в последнем случае такое обезьянье происхождение приписывается обыкновенно или более грубым племенам, или же отдельным фамилиям».

Одно царственное индийское семейство считало себя потомками обезьяны, и члены его носили титул «хвостатый Рана», так как согласно преданию, родоначальник сей августейшей фамилии был снабжен этим придатком. Когда в 1867 году английское правительство в Индии издало приказ об убиении 500 штук священных обезьян, то туземцы стали просить об отмене распоряжения на том основании, что в обезьянах они признавали своих предков.

Древнегреческий историк Диодор Сицилийский (80-29 до н.э.) также рассказывал об одной княжеской фамилии в Африке, что у нее хвост, как естественный придаток тела, передавался из рода в род в ряду многих поколений. Предания о первоначальной хвостатости отдельных народов встречаются и в Африке, и в Азии, и в Америке. Древнекитайские историки указывали на народ Тинг-Линг, обитавший на Енисее, который имел зеленые глаза и который будто бы происходил от обезьян и потому очень на них похож. Китайские летописи родословную многих народов выводили от обезьян, точно также индийцы объясняли происхождение тибетцев. Мошков в этой связи писал: «Многие низшие племена негров, малайцев и американских индейцев считают обезьян, в особенности высших, настоящими людьми, которые не говорят только из опасения, чтобы их не заставили работать». Кафры верят, что обезьяны имеют человеческую душу. Один тибетский писатель сообщал, что буддизм распространялся не только среди людей, но и среди некоторых видов обезьян. Греки и римляне почитали обезьян за демонических существ, а древние вавилоняне считали их «слугами фетишей».

Малайское название «оранг-утан», ставшее сегодня общеупотребительным в качестве названия породы обезьян, на самом деле переводится как «лесной человек» и применяется самими малайцами большей частью одинаково, как для обозначения обезьян, так и для живущих в тех местностях первобытных народов. Жители островов Фиджи, Тасмании, а также некоторые племена Южной Америки до сих пор сокрушаются, что потеряли хвост, ибо, согласно их преданиям, люди после этого сделались злыми и раздражительными. В современной Индии определение «народ обезьян» до сих пор применяется для обозначения некоторых первобытных племен, которые в свою очередь считают, что многие виды обезьян произошли от людей, надругавшихся над Богами. Сходное поверье существует и у арабов в отношении мартышек. Кафры считают, что одно из их племен было обращено в павианов. У мусульман также есть легенда о том, что жители одного из иудейских городов были обращены в обезьян за несоблюдение субботы.

Классик русской антропологии Д. Н. Анучин в работе «Антропоморфные обезьяны и низшие типы человечества» (Природа, № 1, 3, 4, СПб., 1874) писал: «Часто эти низшие племена даже смешиваются в понятиях с обезьянами до такой степени, что иногда настоящие обезьяны принимаются за людей, и обратно, настоящие люди описываются как обезьяны. Еще чаще при этом допускается возможность обратной, так сказать рецессивной метаморфозы, то есть превращения людей в обезьян. Примеров всех таких и подобных им представлений можно отыскать довольно много у самых различных народов».

До сих пор многие негры, индейцы и малайцы думают, что обезьяны могут говорить, но только скрывают эту способность. Другие прибавляют, что у обезьян существует подобное человеческому общественное устройство и чиновники. Наконец, у многих народов распространено поверье, согласно которому обезьяны любят утаски-

вать к себе женщин человека, живут с ними и приживают детей. Древние египтяне верили даже, что серебристый павиан может быть обучен письму и музыке.

Сегодня тот факт, что белую расу пытаются обвинить во всех мыслимых и немыслимых преступлениях расизма является одним из самых неслыханных информационных преступлений. Мы настоятельно утверждаем, что базовую идею о неравноценности человеческих рас и, малого того, о биологической близости некоторых из них к обезьянам, европейцы не изобрели сами, а напротив, почерпнули от туземных народов в эпоху «великих географических открытий». Когда в 1700 году в Англию впервые привезли шимпанзе, то англичане были совершенно уверены, что это представители племени пигмеев. Откуда им было знать, кто это такие на самом деле, если они никогда не видели ни тех, ни других. Очевидно, что настоящая расистская система оценок и определений пришла в Европу извне, то есть от самих туземцев.

Расизм – это глубоко неевропейское явление, как раз и появившееся за пределами Европы у неевропейских рас, о чем наглядно свидетельствуют хроники эпохи «великих географических открытий».

Помимо обезьян, видное место в зоогенеалогии занимают и люди с собачьими головами, называвшиеся «циноцефалами», «кинокефалами» или «цинамонами». В одной коптской раннехристианской легенде повествуется о том, как Иисус обратил в свою веру одно такое существо. На русском Севере в сельских церквях Олонецкой области можно встретить иконы с изображением св. Христофора, который также изображен в виде человека с собачьей головой. О подобных существах многократно повествовали древнегреческие и римские историки. Айны на Севере Японии до сих пор убеждены, что произошли от собак. Алеуты считают, что мать их племени была сукой по имени Магах, зачавшей гибридов от некоего старца, что и положило начало племени. У киргизов есть легенда, выводящая их родство «от красного борзого кобеля и одной царицы с ее сорока прислужницами». На Фиджи предание повествует о Боге Денге, который, посмотревшись однажды в чистый ручей, был поражен полным безобразием своего метисного облика. Множество других зверей, таких как медведь, лисица, волк, а также уже совершенно немыслимых волшебных созданий числятся разными народами в ряду своих предков, что, например, даже отражается в их государственной символике.

Из-за отсутствия обезьян многие племена почитали своими предками бобров, ворон, журавлей, слонов, рыб и черепах. Народы северо-восточной Африки выводили свою родословную от крокодилов, жители Антильских островов – от муравьев, некоторые племена американских индейцев – от червей. Из чего следует, что многие народы земли, вовсе не поддерживая современные убеждения о разгуле «белого колониального расизма», сами открыто распространяли информацию о своем низменном биологическом происхождении.

Неимоверное количество сходных легенд рассеяно по всему свету, но этнографы, обобщающие этот материал, почему-то настойчиво обходят стороной биологические аспекты грехопадения, также детально описанного в священных писаниях разных народов. Собиратели «культурного многообразия» человечества боятся честно заявить, что многие народы земли гордятся смешанным происхождением, выводя свою генеалогию из самого акта скотоложества. Нисколько не скрывая сей постыдный факт, всячески похваляются им, придавая ему напыщенную мифологическую образность. А «просвещенное человечество» послушно внимает волхованию академических этнографов, призывающих в этой зоофилии искать какую-то возвышенную эзотерику, якобы способствующую просветлению и мистическому единению рода людского.

Еще раз подчеркнем нашу позицию. Мы вовсе не считаем, что на современном этапе эволюции можно получить гибрид человека с неким животным, например, человекообразной обезьяной. Пусть генетики решают этот вопрос, если он вообще имеет какое-либо практическое значение. Нас поражает совершенно другое, а именно: почему,

обращаясь к родословному древу неких племен, нужно непременно искать какие-то аномальные факты, делая акцент не на человеческой природе, а на рудиментах зоологического происхождения? Почему поиск животного первопредка, пусть даже и не наяву, а лишь в воображении этого племени, совокуплявшегося с людьми, стал признаком хорошего тона в этнографии и культурной мифологии? Нужны ли нам вообще такие науки, ориентированные на легализацию и мифологизацию зоофилии? Не лучше ли, доверяясь гениальной интуиции Фридриха Ницше, искать «человеческое, слишком человеческое?»

Великий римский философ Тит Лукреций Кар (99-55 до н.э.) писал: «В усилиях своих земля произвела множество уродов, странных и чудовищных форм: таковы были андрогини, двуполые и ни к одному полу не принадлежащие; таковы безногие, лишённые рта, безлицые и слепые существа, также уроды, скрюченные так, что не в состоянии переходить по желанию». Пусть это аллегория, но современные массовые шабашки гомосексуалистов, трансвеститов и прочих извращенцев, «ни к одному полу не принадлежащих», сегодня есть факт нашей общественной жизни, а рождение время от времени в разных частях света младенцев с хвостовыми придатками, животными ушами, излишним оволосением лица и тому подобными зоологическими атавизмами есть факт биологический.

Один из величайших языческих мудрецов поздней античности Секст Эмпирик (II век н. э.), прозванный так за укоренение духа наглядности и практицизма в философии, выдвигал мысль о том, что не существует никакого признака, на основании которого можно было бы провести резкое различие между человеком и животным. В этом ключевом вопросе, имеющем важнейшее богословское значение, его поддержали даже ранние христианские писатели Арнобий (III в.) и Лактанций (IV в.). Вместе с началом эпохи великих географических открытий, когда европейцы впервые познакомились с туземными обитателями отдаленных земель, в Европе возникло движение **атеистов**, считавших, что люди, находящиеся на стадии первобытнообщинного развития, получили свое начало из земли, пришедшей в состояние гниения от разложения в ней трупов обезьян, свиней и лягушек, чем они и пытались объяснить то сходство, которое, по их мнению, существует между строением и склонностями этих животных и представителями цветных рас во вновь открытых землях. Голландский ученый Гуго Гроций (1583-1645) создал целую теорию, в которой обосновал возможность смешения людей и животных, в результате чего на свете и появилось множество «сомнительных», диких людей переходных форм.

Не наличие животных признаков в человеке как таковое интересует расологию, но их количественное и качественное распределение у отдельных народов и рас.

Неоднократно цитированный нами современный классик отечественной антропологии А. А. Зубов в своей статье «Дискуссионные вопросы теории антропогенеза» (Этнографическое обозрение, №6, 1994) пишет: «Представления о становлении гоминид и человека, сложившиеся к середине нашего столетия, подверглись в настоящее время серьезной ревизии. Предполагается, например, что не двуногие формы произошли от четвероногих, а, наоборот, человекообразные обезьяны – предки шимпанзе и гориллы – были потомками двуногих, прямоходящих гоминид».

Материалистическая марксистско-ленинская теория антропогенеза, выводящая появление человека из обезьяны посредством развития трудовых навыков, здесь несомненно зайдет в тупик, ибо не сможет объяснить, от чего часть предков человека эволюционировала до уровня современного HOMO SAPIENS, а другая, пройдя часть пути очеловечивания, вновь опустилась с двух ног на четвереньки, и вернулась назад в эволюционном отношении. Если мы вспомним, аналогичную концепцию сто лет назад высказывал немецкий антрополог Герман Клаач и его доводы были осмеяны. Сегодня Зу-

бов констатирует: «К числу новых достижений науки о происхождении человека относится также твердо установленный факт отсутствия жесткой связи между типом каменного инвентаря и эволюционной стадией того или иного представителя рода НОМО».

Таким образом старый тезис о том, что «труд сделал из обезьяны человека» должен быть окончательно снят с повестки дня, как ненаучный. Но если не труд, то что же тогда? Зубов продолжает: «Антропологи констатируют наличие в упомянутый период антропогенеза в Европе трех вариантов ископаемых людей: 1) неандертальцев; 2) людей современного типа; 3) промежуточных форм».

Вот эти-то «промежуточные формы», явившиеся результатом обыкновенного скотоложества людей современного типа с недочеловеками, и раскололи эволюционный процесс. Гибриды, более склонные к зоофилии в силу высокой концентрации в них животных признаков, посредством полового отбора вернулись в исходное животное состояние, превратившись в современных шимпанзе, гориллу и прочих, а другая их часть в силу меньшей концентрации животных атавизмов избавилась от экзотических сексуальных пристрастий и с опозданием эволюционировала до уровня современного человека, но сохранила при этом в мифологии многих народов сам факт их происхождения от животных. На эту этнографию скотоложества обратил первым внимание наш великий антрополог Дмитрий Николаевич Анучин, а Владимир Александрович Мошков развил его идеи. Таким образом не труд, а именно специфика сексуального поведения является двигателем эволюции, ускоряя и направляя процесс полового отбора. Кроме того, ни о каком однонаправленном поступательном движении развития говорить не приходится, ибо, как мы убедились, вместе с эволюционирующими ветвями одновременно могут сосуществовать и инволюционирующие, ведущие к деградации. Все эти факты могут стать объектом изучения новой науки под названием **эволюционная зоофилия**. Сегодня любой криминолог способен констатировать, что у разных народов наблюдается большой разрыв в процентной статистике сексуальных действий с животными. Этот факт как нельзя лучше подтверждает нашу гипотезу антропогенеза. «Феномен Маугли» говорит лишь о том, что волчья стая очень редко принимает к себе человеческого детеныша, и принимает лишь на основе животной близости, в силу известной концентрации в нем нечеловеческих признаков. Случаи нападения волков, и даже одичавших домашних собак, на людей отмечены гораздо чаще. А. А. Зубов пишет далее: «Процессы смешения неандертальцев с людьми современного физического типа происходили и в Передней Азии, что уже давно предполагали некоторые антропологи». В силу удобства миграционных путей на заре антропогенеза эта территория служила своеобразным плацдармом, поставившим субъектов недочеловеческого «переходного типа». Скотоложество в этом регионе до сих пор встречается гораздо чаще, чем среди народов Северной Европы, на что имеются указания даже в Ветхом Завете. На родине, так называемой, «чернокожей Евы» в Африке это также нормальное заурядное явление, с чем мы и поздравляем адептов данной концепции.

Отечественные ученые Е. Н. Хрисанфова и П. М. Мажуга в книге «Очерки эволюции человека» (Киев, 1985) пишут: «Генетическое сходство человека и шимпанзе касается в основном структурной, а не регуляторной части генома. Молекулы и организмы эволюционируют часто с разной скоростью, а значит, темпы молекулярной и фенотипической эволюции могут не совпадать. Также эволюционное преобразование черепа неандертальца к сапиенсу могло происходить без существенного нарушения генетического баланса. Оставаясь в рамках систематики, нельзя изолировать «готового человека» от длинной цепи предшественников. Сложность проблемы состоит в том, что морфологическая эволюция характеризовалась неравномерностью, «мозаичностью». Как считал М. Ф. Нестурх, в самую раннюю пору становления трудовой деятельности «морфофизиологическая грань» между человеком и животным была динамичной, ибо из-за разных причин процесс мог останавливаться и даже идти в обратном направле-

нии». Также В. П. Якимов в брошюре «Стадии и внутростадиальная дифференциация в эволюции человека» (М., 1967) приходит к выводу: «Процесс происхождения человека современного вида имел место на достаточно обширной территории и был обусловлен смешением сапинтных форм палеоантропов и переходных форм древних людей».

Именно совокупление человеческих форм с недочеловеческими и обуславливало течение эволюционного процесса в некоторых расах вспять. Крупнейший английский биолог-эволюционист Томас Генри Гексли в статье «Место человека в природе» из сборника «Эволюция человека» (М., 1925) подчеркивал: «Анатомические различия между человеком и высшими обезьянами менее значительны, чем между высшими и низшими обезьянами». А Герман Клаач в статье «Положение человека в природе» из этого же сборника указывал: «Между известными человеческими расами и определенными человекообразными обезьянами существует родственная связь не только в общем, но даже в частности. Человек вовсе не представляется теперь венцом творения, но оказывается соединением очень древних свойств с другими, медленно усовершенствованными и третьими, явившимися недавним приобретением».

Существует еще одно красноречивое доказательство того, что в процессе формирования рас имели место случаи скотоложества, что и обусловило впоследствии различную концентрацию и распределение между ними так называемых обезьяньих или питекоидных признаков. Шведский антрополог Густав Ретциус открыл, что сперма орангутанга не столь близка к человеческой, как сперма низших обезьян.

Именно в контексте данной аргументации следует вновь напомнить, что обезьяньи признаки, являющиеся, как указывал Дарвин, следствием реверсивного возврата к исходному животному первопредку, не возникают сами по себе, но являются результатом совокупления более высоких в эволюционном отношении, форм с более низкими. Прimitивизация строения любого организма есть результат дурной наследственности при не соблюдении принципов **эволюционной расовой гигиены**. Герман Клаач в этой связи четко сформулировал проблему: «Ни между антропоидами и человеком, ни между какими-либо из теперь живущих обезьян и человеком надо искать связующее звено; мост к «венцу творения» должен быть перекинут от самой низкой породы приматов, названной праобезьяной».

Именно зачерпнув в процессе эволюции генетический груз самой примитивной животной наследственности, человек современного типа не может избавиться от низменных страстей, буквально раздирающих все его существо. Бездна же различий, разделяющих расы, является тому самым очевидным подтверждением, показывая все несходство путей развития, возникших из глубин очагов расообразования. Ойген Фишер в этой связи в своей книге «Антропология» (1923) указывал: «Процессы очеловечивания и расообразования первоначально были идентичными». **Все расы очеловечивались по-разному.**

Отсутствие четкой морфологической границы между человеком и животным не может не сказываться и на психическом уровне. Крупнейший немецкий психолог Вильгельм Вундт подчеркивал: «Животные – это существа, сознание которых отличается от человеческого только степенью достигнутого развития. Между человеком и животным нет большей разницы, чем какая встречается в пределах самого животного мира».

Современные исследования в области неврологии и нейрохимии подтвердили это положение психологии. Е. Н. Хрисанфова и Т. П. Мажуга в книге «Очерки эволюции человека» (Киев, 1985) указывают: «Масса мозга, как и «грубая» структура, сама по себе еще не определяет человеческого статуса на ранних этапах антропогенеза. Перестройка мозга в гоминидном направлении могла появиться вначале на клеточном нейрохимическом и даже молекулярном уровне. Это косвенно подтверждается данными сравнительного изучения нервной ткани у современных приматов. В частности, выявлено, что на филогенетически новых территориях затылочной коры сдвиги в химизме

нервной ткани вполне возможны при отсутствии различий в тонкой структуре мозга, не говоря уже о более грубых его изменениях».

Из чего следует, что расовые психологические различия сводимы к различиям в эволюции молекулярного и нейрохимического уровней организации мозга представителей этих рас в процессе очеловечивания.

Весьма интересна и показательна в плане исследуемого вопроса фундаментальная книга советского палеопсихолога, профессора Бориса Федоровича Поршнева (1905-1972) «О начале человеческой истории» (М., 2006). В ней он отмечал: «Наука об антропогенезе, думается, должна, наконец, стать наукой о конкретных биологических отношениях людей и той предшествовавшей формы, от которой они ответвились. Научной несообразностью является взгляд, будто все особи предкового вида превратились в людей. Еще бессмысленнее думать, что они перестали рождаться на свет с тех пор, как некоторые путем мутации стали людьми. Палеоантропы должны были обязательно испытать те или иные значительные изменения если не в строении своего тела, то в тех или иных существенных функциональных признаках и свойствах. Человек не отпочковался от палеоантропа в упрощенном смысле, то есть, не появился рядом с ним, а возник из раздвоения палеоантропа и развился в известных отношениях с дургой половиной исходной формы».

Б. Ф. Поршневу подчеркивает, что под «конкретными биологическими отношениями» он подразумевает не некие эволюционные абстракции из курса лекций по школьному природоведению, а физическое устранение «недочеловека» человеком, или половой контакт между этими биологическими формами.

Свои, более чем смелые для советского ученого, положения Б. Ф. Поршневу удачно иллюстрирует данными из ассирио-вавилонского эпоса о Гильгамеше, из «Вед» и «Авесты», из «Ветхого Завета» и индийской «Рамаяны», всюду отмечая структурную целостность сведений о морфологических и поведенческих различиях между человеком и «недочеловеком», что позволяет говорить не о вымысле древних авторов этих сказаний, а о достоверных зарисовках с натуры. «Таким образом, можно считать, что цепь свидетельств о палеоантропах не прерывается от палеолита до первых письменных источников и тянется дальше», – писал наш исследователь.

Свое понимание становления расового мировоззрения в процессе антропогенеза Б. Ф. Поршневу, к его чести, также демонстрирует отнюдь не в духе марксизма-ленинизма: «многое в древнейшей истории человечества получит дополнительное освещение, если помнить, что люди развивались в противопоставлении себя живущим где-то на близкой или дальней периферии анти-людям – «нелюдям», «нежити». Это противоположение все более осознавалось. Оно было оборотной стороной самосознания этнических групп». Исходный биологический детерминизм и лежал в основе формирования мировоззрения рас как таковых. Формируя устойчивые общности, люди мыслили категориями дихотомии: «Они и мы». Согласно Поршневу «расообразование, по крайней мере, образование первичных больших рас и их подразделений – факт, относящийся к искусственному обособлению. Активным отбором расщепились монголоиды, европеоиды и негроиды, усматривавшие друг в друге некую причастность к анти-людям. Они устраняли путем искусственного отбора часть нежелательного в этом отношении потомства и пресекали скрещивание (вместе со всяким общением) с представителями формирующейся «противоположной» расы. Они особенно энергично отселялись друг от друга как можно дальше. В основе расогенеза лежат напряженные усилия «людей» по обособлению от проникающих в их жизнь «нелюдей».

До XVI века едва ли не повсеместно считали по существу людьми тех, кто составлял собственное этническое ядро, а чем дальше к периферии, тем меньше человеческого признается в природе обитателей, в них усматриваются все более странные гибриды, монстры».

Множество античных авторов, на сведениях которых до сих пор зиждется современная историческая наука, оставили нам описания человекообразных существ, созданные с таким непредвзятым натурализмом, лишенным всякого привкуса сверхъестественности, что кажется порою, будто все они списаны с одной кальки. Так, например, по словам Плутарха, к римскому полководцу Сулле однажды привели «сатира». Желая допросить неведомое существо, он призвал множество переводчиков, но, как и следовало ожидать, представитель более низкой ступени в эволюционном ряду человекообразных форм был не способен к членораздельной речи. Не на шутку перепугав властителя и его свиту мычанием, блеянием и тому подобными несвязанными воплями, сатир был изгнан. Вообще описания сатиров, фавнов, кариатид и тому подобных чудовищ, обладающих теми или иными фрагментами человеческого облика, составляли один из самых непеременимых атрибутов античной литературы. Но, если отрешиться от мифологической трактовки данных сюжетов и перевести проблему в русло современной реалистической науки, то очень быстро обнаруживается, что все эти «волшебные существа» почему-то четко группируются по биометрическим признакам в рамках своеобразной, но устойчивой классификации. Мало того, данного рода сюжетная канва, изобилующая человекообразными персонажами, сохраняется в европейском эпосе до XV века.

Даже религиозная реформа Зороастра, по мнению Б. Ф. Поршнева, была предназначена для того, чтобы с помощью социально-психологических рычагов управления обществом увеличить эволюционную пропасть между людьми и «нелюдьми». Описания реликтовых человекоподобных существ сохранились в средневековых арабских и тибетских медицинских трактатах, а также в сказаниях русского Севера и скандинавских народов. Первое научное описание живого палеоантропа оставил голландский анатом XVII века Н. Тульп. Описанный экземпляр был изловлен в горах Ирландии и представлял собой юношу, в облике которого обнаруживалось множество звероподобных черт. Не обладая вразумительной, членораздельной речью, он не обладал и самыми элементарными навыками человеческого общежития. Поведение его было сродни повадкам дикого зверька. Что касается явных антропометрических признаков более низкой стадии эволюционного развития этого организма, то голландский ученый к их числу отнес прежде всего «лоб сдавленный и низкий; затылок выпуклый и шишковидный». Что, кстати, соответствует и представлениям современной науки, так как низким сводом черепа и наличием надглазничного валка отличаются питекантропы и австралопитеки, а среди современных рас – австралоиды.

Приблизительно в это же время появляются и первые трактаты, содержащие результаты вскрытий таких «подозрительных субъектов». Авторы добросовестно отмечают в них уклонения в строении черепа и внутренних органов у исследуемых, что вновь находится в русле развития классической эволюционной теории и данных сравнительной морфологии.

Все это обилие информации и легло в основу первой расовой классификации, составленной в 1746 году Карлом Линнеем, где, помимо привычных рас, выделенных в самостоятельные виды, присутствуют еще также *homo ferus* и *homo monstuosus*, как представители переходных типов от предковых форм к современному типу человека.

Главный же вывод Б. Ф. Поршнева состоит в том, что в процессе очеловечивания современных рас «нелюди» никуда не исчезли, а растворились среди нас. Мало того, по законам Менделя, некоторые из них иногда обретают свой первозданный вид, а некоторые образуют прочные устойчивые сообщества, другие же выпадают из общепринятых норм поведения. От себя добавим, что пиратские и бандитские республики, временами возникающие в истории то тут, то там, а также такие колоритные экземпляры, как Маугли и Чикатило, безусловно подтверждают положения известного советского ученого.

Известный советский антрополог Г. А. Васильев, выступая с докладом на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в 1964 году, высказался совершенно конкретно в том же духе: «Вопрос о возможности рассмотрения явлений мутации в процессе перехода наших предков к мясной пище очень важен потому, что, как известно, определенные повреждения мозга у обезьян вызывают у них предпочтение мясной пищи всем другим ее видам.

Причем изменение вкуса тут возникает не изолированно, а является лишь компонентом целого синдрома, куда, кроме предпочтения мяса, входит потеря у обезьян врожденных социальных реакций и гиперсексуализма. Поправившаяся обезьяна не отвечает на угрожающую мимику других обезьян и пытается отнимать пищу не только у слабых, но и у сильных обезьян, и, несмотря на поражения, продолжает вести себя по-прежнему. Гиперсексуализм ее проявляется в том, что такая обезьяна стремится к половому общению не только со всеми обезьянами любого пола и возраста, но даже с другими животными, пущенными к ней в клетку, и не соблюдает сезонных сроков.

Если сравнивать поведение человека и обезьяны, то нельзя не заметить, что человек оказывается более похожим не на нормальную обезьяну, а на обезьяну, страдающую синдромом Бьюси-Клювера. На самом деле, он не имеет врожденных социальных ситуационных реакций, которыми чрезвычайно насыщено поведение стадных обезьян, например павианов гамадрилов; получает удовольствие от потребления мяса; не имеет сезонных половых циклов и менее, чем обезьяны, разборчив в сексуальных объектах, судя по преступлениям против нравственности, существовавшим еще в библейские времена».

Поэтому становится совершенно очевидным, что пропаганда любых форм половых извращений с эволюционной точки зрения имеет следствием искажение или замедление направления развития той группы людей, в среде которых эта пропаганда осуществляется. В свою очередь различная степень примеси животной крови у представителей различных рас как раз и подкрепляет теорию полигенизма. Если бы все расы происходили из одного очага образования, то и степень концентрации животных рудиментов так же была бы распределена между всеми равномерно. Однако любой морфолог легко покажет вам, что все современные расы в разной степени одарены атавизмами животного происхождения.

Крупнейший антрополог Франц Вейденрейх (1873-1948), с именем которого связано формирование целой научной школы, получившей название **полицентризм**, отмечал вполне политически корректно: «Сходство человека с обезьяной отнюдь не сосредоточено в том или ином народе, но таким образом распределено в отдельных частях тела у различных народов, что каждому из них обеспечена некоторая наследственная часть этого сродства, конечно, одному больше, другому меньше, и даже мы, европейцы, никоим образом не можем иметь притязаний на то, что мы совсем чужды этой родственной связи». В официальном учебнике советской эпохи «История первобытного общества» (М., 1982) авторы А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев писали: «Археологически фиксируемый непрерывный переход от раннего палеолита к позднему на всех материках Старого Света и наличие параллелизма в географическом распределении современных рас и различных морфологических форм неандертальского типа склоняют чашу весов скорее в пользу полицентрической гипотезы».

Несостоятельность концепции происхождения человека из одного очага расогенеза критиковали также советский археолог П. И. Борисковский и другой наш соотечественник – антрополог Г. Ф. Дебед. А крупнейший американский антрополог Карлтон Стивенс Кун посвятил обстоятельной проработке этой темы большую работу «Происхождение рас» (1963), в которой обосновал «низшую» природу экваториальных рас и разделил все «человечество» на пять независимых эволюционных ветвей.

К. М. Хайлов в своей программной статье «К эволюции теоретического мышления в биологии: от моноцентризма к полицентризму» из ежегодного сборника статей «Системные исследования» за 1973 год пишет: «Моноцентрическое мышление выделяет в каждом конкретном случае лишь часть реального мира, тогда как насущные нужды человека связаны со всеми его частями. Новый системный подход в теоретической биологии заключается в том, что он позволяет критически пересмотреть принцип моноцентризма и отказаться от него в пользу гораздо более плодотворной идеи полицентризма, с точки зрения которой все составные элементы живой природы – суборганизменные структуры, организмы, виды, сообщества, экосистемы – рассматриваются как равноважные ее элементы. Это значит, что и в биохимическом плане идея моноцентризма должна уступить место полицентризму».

Подчеркнем и нашу позицию, ибо эволюционный, системный подход к большим экосистемам автоматически избавляет нас от всяких обвинений в пропаганде расизма. Расизм – это разновидность фрагментарного моноцентрического мышления, толкующего о «плохих» и «хороших» расах. Полицентрический, системный подход снимает сам принцип этого искусственного деления. Разноочаговость происхождения человеческих рас уводит нас от примитивного дуалистического мышления, потому что сложную динамически эволюционирующую систему невозможно качественно характеризовать в этой парадигме. Ведь не говорим же мы, что лиса в расовом отношении лучше зайца, просто у каждого из них своя «экологическая ниша». То же самое имеет место и среди человеческих сообществ, где каждая раса, в силу уникальности своего происхождения, подчинена своим собственным законам развития, не подлежащим вульгарной унификации.

Данная умеренная точка зрения отражена и в декларации ЮНЕСКО «Предложения по биологическим аспектам расовой проблемы» (Москва, 12-18 августа 1964 г.), где в первой же статье говорится: «Остается спорным вопрос о том, как и когда обособились различные группы людей».

Но если принять за основу такую весьма толерантную формулировку и дополнить ее постановкой задачи современной эволюционной теории, то совершенно повисает в воздухе «Декларация ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках» (Париж, 26 сентября 1967 г.), где в первой главе сказано: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» – ибо становится совершенно непонятным, что такое «люди», если все в разных пропорциях перемешаны с обезьянами. В документе нигде не указано, какой процент «обезьяньей» крови считать допустимым для определения равенства «достоинств и прав», а какой нет. Не приводится для ясности и таблица распределения по народам этой самой «животной» примеси, с которой согласны антропологи, но которую упорно не признают правоведы-международники. Налицо явный разрыв теории с практикой, чреватый многочисленными судебными ошибками, в том числе и международного характера. Правосубъектность многих институтов власти даже на самом высоком уровне может быть подвергнута сомнению и оспорена в суде. Открывается перспектива, например, отвода всего состава суда, как несоответствующего минимально-допустимым критериям «человечности» на основе расово-биологических показателей, и несогласия подсудимого с процедурой оглашения приговора, выносимого ему представителями более низкой, в эволюционном отношении, «группы гоминидов». Характер свидетельских показаний также может оказаться неудовлетворительным ввиду эволюционной неразвитости органов восприятия ассоциативного аппарата свидетеля. А подбор присяжных заседателей должен осуществляться по принципу общности фенотипических признаков. Предметом рассмотрения в суде должно быть не само деяние, а дееспособность субъекта в соответствии с его расово-биологическим статусом.

Джон Рендал Бэкер (1900-1984), один из крупнейших биологов и физических антропологов XX века, профессор Оксфордского Университета в своей фундаментальной

монографии «Раса» (1974) подчеркивал: «Каждый, кто поддерживает кажущуюся вполне очевидной истину, изложенную в Американской Декларации Независимости, что все люди созданы равными, должен задаться вопросом, а что означает слово «равные»? На основе каких критериев можно уравнивать европейца и эскимоса, негра и европейца, как объектов таксономии? Как нивелировать очевидные различия физических характеристик представителей различных рас? Как перенести преимущества одной расы в преимущества другой в разных группах признаков? К примеру, соревнования на Олимпийских играх со всей очевидностью демонстрируют биологическую специализацию основных расовых стволов человечества».

Американский биолог Энтони Барнетт поясняет, что большинство проблем в гуманитарной сфере связано как раз с тем, что обществоведы и социологи неверно трактуют биологические понятия. «Биологический вопрос о врожденных различиях часто путают с политическим вопросом о равенстве возможностей. Несмотря на величественность выражений и благие намерения, Американская Декларация Независимости утверждает право каждого человека на жизнь, свободу и стремление к счастью, но это не имеет никакого отношения к врожденным различиям между индивидуумами». Этот же автор делает и такое утверждение: «Словом «дикость» принято обозначать ранние общественные формации. Термин этот вполне научен и не имеет никакого унижительного смысла. Он относится к образу жизни всех людей до появления *homo sapiens*». Но тогда получается, что многочисленные племена экваториальной Африки и Австралии, ведущие первобытно-общинный, дикий образ жизни в биологическом плане, не принадлежат к виду *homo sapiens*, являясь в прямом смысле этого слова «дочеловеками» или «недочеловеками».

Данные термины также вполне научны и не несут никакого унижительного смысла, всецело отражая естественнонаучное положение вещей, подтверждаемое эволюционной теорией. В соответствии с предыдущими умозаключениями мы намерены подчеркнуть, что «недочеловеки» существуют внутри всех рас и популяций, в том числе и среди европеоидов, но везде они составляют различную концентрацию и представлены различными формами дикости в эволюционном плане.

Главный вывод современной эволюционной теории, повергающий в шок всех «гуманистов», состоит в том, что никакой ясной и конкретной границы между человеком и животным нет, а между расами есть.

Многие антропологи, нейроморфологи и эволюционисты считают, что сам процесс «человечивания» не ознаменован изменениями в области морфологии, но только в области поведения. Т. О. Бажутина в монографии «Происхождение человека» (Новосибирск, 1993), обобщая множество данных, утверждает: «Бесспорное качественное отличие человеческой психики, заключающееся в выходе за пределы животной стереотипности, от психики высших обезьян базируется на незначительной количественной разнице в морфофизиологическом субстрате мозга. Найти и зафиксировать четкие морфофизиологические критерии «человечности» невозможно». Я. Я. Рогинский в своей фундаментальной работе «Проблемы антропогенеза» (М., 1969) писал, что «ни о каком резком морфологическом критерии между «последним животным» и «первым человеком» говорить не приходится, поэтому невозможно угадать самый момент зарождения человеческого сознания». Данную точку зрения разделяли крупнейшие отечественные антропологи В. П. Алексеев, Б. Ф. Поршневу, М. И. Урысон, Г. Ф. Хрустов, а также всемирно известный авторитет в области эволюционной теории американский ученый Эрнст Майр. В 1964 году в Москве проходил VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, в рамках которого состоялся симпозиум с характерным названием «Проблема грани между животным и человеком». Большинство участников дискуссии, развернувшейся в ходе этого научного мероприятия, также пришли к выводу, что никакой четко фиксируемой границы в эволюционной цепи

между последним антропоидом и первым человеком не существует. Из всего вышеизложенного логически вытекает, что **существуют «более животные» и «менее животные» расы.**

Основоположник русской расовой теории Степан Васильевич Ешевский (1829-1865), еще в своей базовой работе «О значении рас в истории» (1862) писал, что «современная наука дает нам возможность, уничтожая глубокий рубеж между человеком вообще и животным, провести зато еще резче границу между человеком высшей расы и человеком низшей организации – существом, еще переходным от мира собственно животного к миру несомненно человеческому в высшем его значении. Чем ближе знакомится исследователь с различными племенами и чем более увеличивается количество этнологического материала, тем дробнее становится деление, и он доходит в своих выводах до предположения о сотворении рода человеческого по племенам».

Крупнейший немецкий антрополог Роберт Видерсгейм (1848-1923) в книге «Строение человека со сравнительно-анатомической точки зрения» (М., 1900), основываясь на обширном статистическом материале, пришел к следующему выводу: «При попытке восстановить первоначального человека, то есть найти следы предков человека, необходимо останавливаться и на других точках зрения, которые заставляют рассматривать организацию человека в ряду других животных отчасти как развивающуюся прогрессивно, отчасти – регрессивно». И он был не одинок в своих обобщениях. Таким образом, становится совершенно очевидным, что необходимо отбросить всякие разговоры об однонаправленности эволюции для всего человеческого рода как крайне наивные и не соответствующие действительности. Если бы все человечество и вправду развивалось в одном направлении, то тогда не существовало бы такого количества исчезнувших народов и цивилизаций, которыми пестрят все учебники по истории и археологии.

Совершенно очевидно, что в то время как одни расовые группы прогрессивно эволюционируют, другие в условиях одной и той же экологической ниши, в этот же момент поступательно деградируют, даже будучи объединены общностью социальной и политической жизни.

Мало того, совершенно не приходится говорить и о некоем универсальном «единстве» человеческого тела, так как одна группа его органов в процессе эволюции может развиваться, а другая при этом находится в состоянии атрофии. Классик академической антропологии немецкий ученый с мировым именем барон Эгон фон Эйкштедт (1892-1965) в своей фундаментальной монографии «Расология и расовая история человечества» (1937-1943) утверждал: «Дело в том, что при становлении и росте скоплений расовых признаков, то один, то другой морфологический процесс образования расы (благодаря возникновению новых мутаций) идет то быстрее, то медленнее. Этот процесс развития ни в коем случае не является самопроизвольным и не проходит в пустом пространстве, а находится, как и все живое и органическое, в непосредственном и гармоничном взаимодействии с жизненной ситуацией и зоной обитания. Отсюда определенное расслоение в ходе эволюции, которое происходит во всем человечестве».

Расы с ускоренными темпами развития, которые за счет физической и психической дифференциации вырабатывают специфические **человеческие признаки**, по мнению автора, он называл **прогрессивными**. В противоположность им **примитивные** расы из-за отсутствия роста и специализации вырабатывают **инфантильные и животные признаки**.

9. Единое человечество как фикция

Таким образом, достижения современной биологии никак не противоречат концепции полигенетического развития «человечества». Фундаментальная теория гомологических рядов в наследственной изменчивости, выдвинутая Н. И. Вавиловым еще в начале 20-х годов XX века, до сих пор имеет самостоятельную научную ценность и,

мало того, по мнению В. П. Алексеева, полностью приложима к теории антропогенеза. В монографии под названием «Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости» (Ленинград, 1987) выдающийся советский биолог сформулировал два основных правила своей научной системы: «Ближайшие генетические виды характеризуются параллельными и тождественными рядами признаков и, как правило, наблюдается положение: чем ближе генетические виды, тем резче и точнее проявляется тождество рядов морфологических признаков. Ближайшие генетические виды имеют, следовательно, одинаковые ряды наследственной изменчивости. Вторая закономерность в полиморфизме, вытекающая из первой, состоит в том, что не только генетические виды, но и роды проявляют тождества в рядах генотипической изменчивости».

Отсюда как раз и вытекает, что «человечество» состоит из различных видов, то есть человеческих рас, и внешнее сходство, выражающееся в одинаковом числе рук, ног и т. д., говорит не об общности их происхождения, а о близости принципов параллельного развития. Вавилов делает закономерный практический вывод: «Уже в настоящее время может стать целесообразным определение полиморфизма у видов не числом описанных и возможных комбинаций, а числом и перечнем **расовых признаков**, по которым виды отличаются друг от друга». Данный вывод находится в точном соответствии с идеями классической расовой теории. В основе сходства и различий между расами лежат описываемые наследственные расовые признаки, а не абстрактные внутривидовые мутации, что и составляет основу теории полигенизма.

Н. И. Вавилов разработал также весьма ценные положения о **мимикрии** живых организмов, то есть об имитации одним видом форм другого, что очень часто наблюдается в среде паразитов и сорняков, имитирующих основную породу, а также о **конвергенции**, или сходстве в признаках. Доказательства истинности обоих этих положений мы наблюдаем каждый день, ибо не только отдельные люди, но иногда и целые народы имитируют внешний облик и поведение государствообразующих наций, ведя внутри них паразитическое существование.

Американский биолог-эволюционист Геррит Миллер в статье «Борьба мнений по вопросу о предках человека» из сборника «Эволюция человека» (М., 1925) подчеркивал: «Некоторые ученые утверждают, что все живые и ископаемые члены семейства гоминидов вовсе не являются, как принято обычно думать, сравнительно недавними отпрысками общего ствола. По мнению этих ученых, однородность строения всех известных до сих пор людей в гораздо меньшей степени является следствием тесного родства, чем **конвергенции** – длительного воздействия одних и тех же формирующих сил на несходных от природы организмов».

Крупнейшие европейские антропологи Герман Клаач и Джузеппе Серджи, специализировавшиеся как раз на исследованиях в области **сравнительной анатомии и эволюционной морфологии** человеческих рас и ископаемых гоминид, также подтверждали эту концепцию.

Эти положения подтверждены и развиты современной наукой. В частности, биолог Ф. М. Шеппард в книге «Естественный отбор и наследственность» (М., 1970) указывает: «Поскольку существуют признаки, обеспечивающие приспособления к различным условиям среды, то не удивительно, что многие группы организмов имеют сходные направления эволюции, например, увеличение тела. При определенных специализированных условиях часто возникают сходные приспособления. Лошади, например, возникли дважды. Другой пример – это мимикрия».

Известный советский биолог Г. Ф. Гаузе развил основные положения теории Н. И. Вавилова, указывая: «Известно очень много примеров параллелизма во внешнем проявлении модификаций и мутаций. Этот эффект по Шмальгаузену называется **генокопиями**».

Как здесь вновь не вспомнить слова Джордано Бруно, который еще 500 лет назад говорил, что некоторые люди не являются людьми, хотя и похожи на них наружно. Конкретный пример: известный маньяк Чикатило, у которого во время следственного эксперимента обнаружилось несовпадение группы крови и группы спермы, что невозможно для нормального человека. Будучи «нечеловеком» в прямом смысле этого слова, он и совершал нечеловеческие поступки.

Другой корифей отечественной науки В. И. Вернадский в своей работе «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» (М., 1965) уделил внимание неравномерности темпов эволюции видов, а также их полигенетическому происхождению: «Представление о едином или немногих предках современного органического населения Земли не только не подкрепляются прямыми данными палеонтологии, но и противоречат тому, что нам известно о геологическом значении живого вещества. В биосфере всегда наблюдается разнородное живое вещество».

Наконец, Н. В. Тимофеев-Ресовский, Н. Н. Воронцов и А. В. Яблоков в совместной книге «Краткий очерк теории эволюции» (М., 1969) писали: «Формулировка понятия «вид» не только ограничена по содержанию, но и трудно применима практически. Содержание понятия «вид» может в разных случаях и разных группах организмов быть очень различным, отражая как тип возникновения, так и историю и дальнейшую судьбу соответствующих видов. Думается, что если последовательно применять концепцию строгой монофилии ко всем таксонам выше семейства, то мы вскоре сможем прийти к выводу о полифилетичном происхождении всех больших групп, поскольку совершенно естественно, что группа родственных видов на уровне семейства часто может развиваться не из одного, а из нескольких видов. Ясно, что у родственных видов, родов, семейств сохраняются гомологичные гены и целые группы генов, и они могут гомологично мутировать. Несомненно необходим отказ от концепции «строгой монофилии» в отношении крупных таксонов».

Но этот отказ чреват уничтожением самого понятия «человечество», со всеми вытекающими необратимыми последствиями. Весь гуманизм правозащитников, именем которого они действуют, потеряет не только физическую, но даже и метафизическую основу. Как квалифицированно измерить страдание существа, в жилах которого течет нечеловеческая кровь, но мнящего себя *homo sapiens*? Если только по статье уголовного кодекса, предусматривающей наказание за «жестокое обращение с животными». Н. И. Вавилов писал: «Одинаковые изменения фенотипического порядка могут быть вызваны и разными генами», а В. П. Алексеев подтверждал, что внешне похожие народы имеют совершенно различное расовое происхождение.

Советский биолог Ю. А. Филипченко еще в 20-е годы XX века предложил выделять параллелизм генотипический, который наблюдается у родственных видов, захватывая преимущественно признаки родственных видов и родов. Кроме того, он выделяет параллелизм анатомический, вытекающий из одинаковых возможностей развития, заложенных в органах. А. А. Заварзин установил общность гистологической структуры аналогичных органов у различных классов животных, независимо от генетических отношений. Все это также говорит в пользу полигенизма в развитии основных рас. Н. И. Вавилов в этой связи отмечал: «Число фактов конвергенции у живых организмов растет с каждым годом. Существуют мутации, идущие в разных направлениях, но при объединении обнаруживающие общий закон». Именно поэтому народы, имеющие различное расовое происхождение, нередко обнаруживают сходство внешнего облика. Таким образом, четное количество рук и ног, а также членораздельная речь вовсе не являются критерием принадлежности к единому «человеческому роду». Исследования в области биохимических различий основных человеческих рас также целиком подтверждают теорию полигенизма. Крупнейший советский антрополог В. П. Алексеев в монографии «Историческая антропология и этногенез» (М., 1989) утверждал: «Ныне точ-

но установлено, что на протяжении всей истории человечества не было однонаправленных изменений в групповых факторах крови; и в этом отношении сохранялась локальная специфика групп населения. Таким образом, в каждый определенный момент истории человечество представляло собой общность, гетерогенную по генам групп крови».

Но если никогда не было общности по генам групп крови и, вместе с тем, никогда не было их однонаправленных изменений во времени, то, следовательно, не может быть и речи о едином источнике возникновения «человечества», и, как следствие, «человечестве» как таковом вообще. Именно поэтому крупнейший немецкий философ и расовый теоретик Эрнст Крик (1882 – 1947) говорил: «Человечество – это самое сомнительное целое из всех». Даже такое светило отечественной антропологии, как В. В. Бунак в своей фундаментальной монографии «Род homo, его возникновение и последующая эволюция» (М., 1980) признавал: «Гибридологический критерий как единственная основа систематики особенно неприемлем в таксономии приматов, так как известны жизнеспособные помеси столь различных форм, как некоторые виды макак и павианов». Поль Брока также подчеркивал: «Физиологический феномен плодовитости гибридов не может служить основой ни для различения видов, ни для определения их происхождения».

Поэтому «свободная скрещиваемость» представителей различных рас, о которой говорят генетики, не является основанием для утверждений о видовом единстве человеческого рода. Фатальные морфологические различия между различными видами людей, передающиеся из поколения в поколение, естественным образом проявляются в их психике и стратегии поведения. В. А. Мошков писал: «В психическом отношении различия между крайними пределами человечества так же велики, как между млекопитающими хищниками, как между львом или тигром и бараном».

Советский биолог И. И. Шмальгаузен подсчитал, что не менее 25% видов в животном царстве являются целиком паразитическими. Но если перенести и это правило по закону гомологических рядов на «человечество», то мы получим, что не менее 25% популяций по сути являются целиком паразитическими, что впрочем без труда можно наблюдать в повседневной социальной практике. Генетиками установлено, что некоторые мутации в организме могут превратить весь генотип в аномальный. Но это справедливо и для целых популяций, ибо мы также наблюдаем целые невменяемые народы.

Никак не желая оскорбить тот или иной народ, мы вновь полагаем верным обратиться к знатокам вопроса. Е. Н. Хрисанфова и П. М. Мажуга в книге «Очерки эволюции человека» (Киев, 1985) указывают: «Большой интерес представляет использование в филогенетических построениях этологических признаков. Схемы классификации по поведенческим реакциям довольно хорошо согласуются с основанными на морфологических признаках». Это значит, что специфика поведения живого существа всегда закреплена анатомически. Хищник и жертва являют собой различные биологические виды, а наружное убранство экстерьера организма безошибочно определяет его биологическую суть.

Одной из важнейших тем морфологических изменений рас в процессе эволюции является феномен так называемой **грацилизации** (от лат. *gracilis* – тонкий, нежный), в результате которого происходило уменьшение общей массивности скелета, наклона лба, выраженности надбровья, продольного диаметра черепа, ширины лица.

Исследования Г. Ф. Дебеца показали, что в Европе грацильные изменения начались еще в неолите, во время перехода людей от охоты и собирательства к земледелию.

Н. Н. Чебоксаров и И. А. Чебоксарова в книге «Народы, расы, культуры» (М., 1985) считали необходимым отметить: «Однако процесс грацилизации имел место не у всех народов, даже перешедших к земледелию; так, например, исследования советского антрополога М. Г. Абдушелишвили показали, что у многих народов Кавказа на протяже-

нии всей их истории происходило скорее не уменьшение, а увеличение ширины лица, надбровные дуги стали несколько больше, угол профиля лба уменьшился».

Главный вывод авторов состоит в том, что трансформация признаков на разных территориях, в разных расовых группах и в разные периоды имела различные темпы и направления изменчивости. «Грацилизация, естественно, почти не имела места у тех народов, которые до последнего времени сохранили архаические, присваивающие формы хозяйствования».

Но если применить логику уроженца тех мест М. Г. Абдушлишвили, то совершенно ясным оказывается, что «многие народы Кавказа», особенно северного, практикуют «присваивающие формы хозяйствования», или, проще говоря, экономический паразитизм. Экономика многих республик Кавказа являются дотационными. Увы, но приходится констатировать, что наркоторговля, спекуляция, работорговля, бандитизм здесь распространены весьма значительно. И эти криминологические явления, являющиеся типичным примером «присваивающей формы хозяйствования», физиогномически закреплены в облике многих представителей данных племен. **Антиграцилизация** по Абдушлишвили является следствием эволюционной предрасположенности к паразитизму и, как следствие, бандитизму.

Тип внешности и характер жизнедеятельности всегда взаимосвязаны. Исследования в области генетики агрессивности говорят о том же самом. Не нужно быть очень проницательным человеком, чтобы отличить наследственного создателя от наследственного паразита. Любой зоолог-систематик без труда сформулирует эволюционно-биологические признаки, по которым различаются данные типы организмов.

Следует особо отметить, что в наши планы никак не входило выделить и ошельмовать «многие народы Кавказа», ибо совершенно очевидно, что «присваивающие формы экономики» существуют не только в этом регионе. Мы вообще не берем на себя смелость спорить с выходцем с Кавказа, которому, естественно, виднее.

Французский ученый Жорж Тесье (1900 – 1972) является одним из основоположников **синтетической теории эволюции**. В 1937 году им была обоснована концепция **искусственной популяции**. Понятно, что все живое имеет свою врожденную систему ценностей, а нечто искусственное будет неизбежно иметь искусственную ценность. Все это мы без труда можем наблюдать сегодня в условиях современного «плавильного котла», или мультикультурного общества, с его нездоровым социобиологическим климатом. А многие голливудские фильмы о репликантах, мутантах, маньяках и прочих генокопиях создаются также на основе теоретических и практических достижений современной эволюционной теории. Уже выдвинута и обоснована **частная теория эволюции**, рассматривающая самостоятельное развитие отдельных популяций и рас в отрыве от всех остальных и по своим собственным законам. Самая древняя из известных стратегий такого рода – еврейские диаспоры рассеяния, воплощающие идею отдельного мира иудаизма, живущего по своим канонам и эволюционным критериям. Данный феномен подробно описан в книге Кевина Макдональда «Народ, который может существовать в одиночестве: Иудаизм как групповая эволюционная стратегия».

В условиях современного политического, финансового, техногенного и информационного диктата создается перспектива сброса биологических конкурентов вниз по эволюционной лестнице. Современная поп-культура и сеть массовой информации, пропагандирующие культ цинизма, жестокости и беспринципности, несут в себе единственную цель пробуждения в человеке рудиментарного животного наследия, дабы замедлить эволюционное развитие неугодных конкурентов. Советский антрополог М. Ф. Неструх в книге «Происхождение человека» (М., 1970) указывал, что «метисация вела человечество к своеобразному биологическому объединению, к замедлению и приостановке видовой эволюции».

Поэтому совершенно очевидно, что сама идея «человечества» принадлежит тем, кто, мимикрируя, паразитирует на идее мнимого единения людей. Общечеловеческие ценности – это всего лишь метки для неискушенных с целью отвлечения их в эволюционные болота.

Фундаментальное открытие новейшего времени – расшифровка генома человека – грозит использованием **геномного шантажа и геномного терроризма**, направленного против биологических конкурентов. Человечество, или точнее то, что под ним подразумевается, – это сборный пункт разнохарактерных эволюционных групп, естественно, имеющих различную ценность и различные задачи. Градация по принципу «высший-низший» простирается как на целые расы, так и на отдельные популяции, а затем скачивается и на уровне отдельных особей. Если же возвратиться к логическому умозаключению Тимофеева-Ресовского, Воронцова и Яблокова, то становится очевидным, что заказной **политический моногенизм**, доведенный до логического завершения, рано или поздно превращается в свое собственное отрицание.

Для лучшего понимания достаточно обратиться к последней классической работе Е. Н. Хрисанфовой и И. В. Перевозчикова «Антропология» (М., 1999). Чтобы буквально притянуть факты за уши в лоно любимой «однообезьянней» теории антропогенеза, авторам книги буквально приходится творить чудеса умственной эквилибристики: «Сейчас появилось много новых данных в пользу единого (монофилетического) происхождения обезьян Нового и Старого Света. Допускается, что на рубеже эоцена и олигоцена в Южной Атлантике существовала цепь островов, соединявших Южную Америку с Африкой и проходивших от Южной Африки к Фолклендскому плато; могла быть и цепь вулканических островов вдоль Срединного Атлантического хребта, также служившая путем миграции для приматов и грызунов».

Прежде всего отметим, что строить такие грандиозные обобщающие идеологические конструкции, как происхождение человека, на одном из допущений частного археологического характера, без сверки с результатами смежных дисциплин, недопустимо по всем законам логики, которую антропологам, к сожалению, не преподают. Наконец, как Вы можете представить себе сам процесс целенаправленного перекочевывания обезьян и грызунов с острова на остров на пути в несколько тысяч километров? Если только и те и другие ориентировались по звездам, и обезьяны добирались вплавь, а грызуны, временно отрастив жабры, пробирались по дну, а затем как ни в чем не бывало опять избавились от них. Ну что здесь сказать? Известная в нашей стране детская книжка «Незнайка на Луне» представляется вершиной реалистического творчества по сравнению с этим учебником.

Дальше больше: авторы пишут, что «существует фактический разрыв в палеонтологической летописи в период от 8 до 5 млн. лет назад» (с. 41). А далее они сообщают: «Наиболее правдоподобной сейчас представляется гипотеза относительно позднего выделения человеческой линии эволюции – от 8 до 5 млн. лет назад» (с. 45). Получается, что наибольшая правдоподобность гипотезы вытекает как раз из отсутствия подтверждающих ее палеонтологических фактов.

Римский отец церкви Тертуллиан бросил однажды фразу, обессмертившую его имя: «Верую, ибо абсурдно». Столетия спустя великий философ Гегель изрек: «Если моя теория не согласуется с фактами, то тем хуже для фактов». Собственно говоря, мы и не вправе рассчитывать на другую логику людей, еще десять лет назад изучавших азы марксистско-ленинской схоластики, густо замешанной на гегельянстве, чтобы обрести свои кафедры и научные степени. Поль Брока поэтому справедливо отмечал, что «моногенистам неизвестна логика».

Для того, чтобы объяснить сам процесс морфологического превращения обезьян в промежуточного предка человека, они же ссылаются на возникновение в Восточной и Южной Африке радиации, приведшей к искомым мутациям. Конечно, не объясняется,

откуда взялась эта самая радиация и почему одни обезьяны, облучившись, встали на ноги, а другие нет. Кроме того, нет ни одного подтвержденного факта появления нового биологического вида в результате действия радиации, не говоря о том, что большинство мутаций вредны для организма и приводят не к его эволюционному развитию, а к летальному исходу.

В христианской католической этике, для того чтобы скрыть очевидную глупость или неблагоприятный поступок, с давних пор существует понятие индульгенции – платного отпущения грехов. В современной биологии этим же целям служит понятие мутации. Могущество ее беспредельно, а направление действия алогично избирательно.

Мы уже указывали, что и Ламарк, и Дарвин, будучи эволюционистами, сами иронизировали над понятием «вид», на основе которого строили свои умозрительные конструкции. В этом же духе поступают и Е. Н. Хрисанфова и И. В. Перевозчиков, ибо в конце своей книги пишут: «При современном положении дел в антропологии ситуация такова, что имеющиеся факты могут быть истолкованы в любую сторону».

Конечно же, ерничание над собственным многостраничным эпистолярным наследием – личное дело авторов, но вся беда заключается в том, что данный «шедевр» рекомендован Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, «обучающихся по направлению «Биология». Можно теперь не сомневаться, что «направление Биология» обретет своих новых непотопляемых кормчих, вроде Лысенко и Презента.

Равным образом перенося расовую логику в область человеческой культуры, мы без особого труда обнаружим те же закономерности. Культура не берется из некоей «абстрактной среды», как увещевают нас культурологи. Только раса создает все и вся вокруг, и ценности и цивилизацию, и даже преобразовывает ландшафт. Крупнейший австрийский философ, специалист в области этологии Конрад Лоренц в книге «Оборотная сторона зеркала» (М., 1998) указывал: «Единство человеческой «цивилизации» – такая же фикция, как единство филогенетического древа жизни. Каждая веточка, каждый вид растет на свой страх и риск в своем собственном направлении – и точно так же ведет себя отдельная культура! Таким образом, человеческие культуры не возникают, как это постулировала унифицирующая философия истории, в линейной последовательности и по единому закону, а независимо друг от друга, точно так же, как возникают виды животных и растений, – исследователь эволюции сказал бы, что они возникают полифилетически. Уравнивание всех народов имеет уничтожающее действие: если все люди всех культур сражаются одним и тем же оружием, конкурируют друг с другом с помощью одной и той же техники и пытаются перехитрить друг друга на одной и той же мировой бирже, то **межкультурный отбор теряет свое творческое действие**».

Корифей советской антропологии Б. С. Жуков в своей монографии «Происхождение человека» (М., 1928), перенося закономерности эволюции человеческих рас на их культурные достижения, высказывался вполне конкретно в том же смысле: «Боковые ветви человеческого древа, развитие которых не могло привести к постепенному совершенствованию человеческих признаков к тому, чтобы они сделались близкими к современным представителям высших человеческих рас, должны были или вымереть, как некоторые ископаемые человеческие расы, или же, почти остановившись в своем совершенствовании, как низшие современные расы, не участвовать в культурном прогрессе человечества».

В свете всего вышеизложенного сам собою напрашивается простейший вывод. Почему эволюционисты, биологи и антропологи никак не могут на протяжении нескольких столетий прийти к консенсусу по вопросу об истории человечества? Почему все это время они пересматривают эволюционные концепции, выдвигая все новые и новые? По простой и вполне очевидной причине. Они пытаются доказать существование того, чего нет и никогда не было в принципе, а именно: самого «человечества». **То, что**

мы все по привычке называем человечеством, есть всего лишь некий эволюционный вольтер, в котором вот уже миллионы лет конкурируют организмы, имеющие совершенно различное происхождение и, как следствие, различную ценность.

Если бы все люди имели одно происхождение, они неизбежно имели бы одну тактику биологического поведения и сходные цели в жизни, одну и ту же стратегию воспроизведения потомства. Но ничего подобного мы не наблюдаем в истории «человечества», где одни расы без остатка расходуют себя, творя культурные ценности, представляющие из себя мусор в глазах других рас, совершенно не озабоченных созданием культуры, государственности и даже письменности. Разве может наблюдаться что-либо подобное в популяции волков, среди которых одна особь питается мясом убитых на охоте жертв, другая предается пожиранию падали, а третья обратилась в вегетарианство, поедая траву. Меж тем, это явление крайней узкой специализированности в питании целых народов и рас, на которое мы совершенно не обращаем внимания, посещая рестораны национальных кухонь, должно было бы служить первым показателем разнородности «человечества».

А можете ли Вы себе представить стаю лебедей, часть из которых хранит супружескую верность и воспитывает детенышей, а другая часть предается блуду, торгуя собственными детьми для умерщвления их на донорские органы? Видели ли вы когда-нибудь муравьев, из которых одна часть занята тем, что строит общий муравейник, а другая тут же его разрушает? Где Вы увидите пчел, часть которых собирает нектар, а другая поколениями живет за счет сдачи его под проценты в соседний улей? Возможно ли такое в природе, когда мы говорим, что все эти виды имеют происхождение из одного источника? Меж тем, эти и множество иных противоречий в ежедневном поведении разных народов и рас не заставляют нас усомниться в подлинности того, что, по недоразумению, называется «человечеством». Понятие «человечества» – гнусное надувательство, возмутительный миф, который должен быть разоблачен раз и навсегда.

В вопросах сексуально-брачной стратегии поведения, если принимать единство человечества за аксиому, постулируемую «антропологами-гуманистами», почему-то ни один другой вид не дает такого шокирующего разнообразия форм. Только попытайтесь себе представить барсука, который в одном регионе стойко придерживается моногамного брака, в соседнем ведет себя как многоженец, а в третьем – придерживается гостевого брака. Любой зоолог-эволюционист на основе этих элементарных фактов, служащих наглядным изображением популяционной специфики размножения, не задумываясь отнес бы этих животных к разным видам. Но стоит нам завести разговор о человеке, как принципы систематики вдруг отступают на задний план по соображениям мнимой политкорректности.

Выдающийся русский психолог В. П. Осипов, соотнеся данные рефлексологии с обширнейшим культурно-историческим материалом, пришел к однозначному выводу, что массовый гомосексуализм как социально-биологическое явление в древнем мире имел своим происхождением исключительно Восток. Древняя Европа не имела о нем представления. Другой русский ученый, этнолог О. В. Мильчевский констатировал, что обычай кастрации зародился в гаремах Эфиопии и Ливии, как следствие ненависти и ревности мужей к мужчинам-сторожам, и распространился далее в Египет, Иудею и Ассирию. Все экзотические формы разврата и похотливости, по мнению Мильчевского, также получили преимущественное первоначальное распространение у южных экваториальных рас и в течение длительного времени были совершенно не известны среди белых культурных народов Европы. Возвышенное, почти божественное отношение к девственницам существует в мифологии всех без исключения народов, принадлежащих к индоевропейскому культурному кругу, сформировавшемуся на биологической базе нордической расы, в то время как среди негров экваториальной Африки до сих пор существует обычай, согласно которому верховный жрец племени каменным ножом пуб-

лично лишает девственности едва достигших половой зрелости девушек. Девственность – это непозволительная обуза для племен, по наследству исповедующих оргиастические культы. Среди монголоидных племен северо-востока Евразии весьма распространены обычаи гостевого брака и даже сдачи жены «в ренту». Подиум с непременным вертикальным шестом, предназначенным для кружения вокруг него в танце раздевающейся танцовщицы, ставший ныне атрибутом любого стриптиз-клуба, почему-то прочно ассоциируются с европейской системой ценностей. На самом же деле, это относится к элементам азиатской храмовой проституции из Древнего Вавилона, на что первым в европейской науке Нового времени обратил внимание крупный немецкий историк Гуго Винклер (1863-1913).

Различие форм и стилей проявления основного инстинкта – инстинкта продолжения рода – лучше всего указывает на отсутствие единой эволюционно-биологической основы, каковой могло бы быть наличие единого человеческого вида. Но его нет в принципе, о чем говорят факты. Единство человечества – это фикция.

Практически в каждом учебнике по судебной психиатрии и сексологии при перечислении половых извращений обязательно упоминается **гетерохромофилия** – сексуальные действия, при которых партнером может быть только субъект с другим цветом кожи (разновидность фетишизма).

Но тогда логически можно прийти к выводу, что смешанные расы – это результат устойчивого полового извращения, генетических отбросов из числа первоначальных чистых рас, в процессе деградации впавших в фетишизм. А если вспомнить утверждения современных эволюционистов о сетевидном развитии основных рас, где «верхние этажи» находятся в непосредственном контакте с «нижними этажами», то станет очевидным, что эти смешанные расы есть результат не просто устойчивого полового извращения, но тягчайшей формы наследственной зоофилии, когда объектом полового влечения становится субъект, занимающий промежуточное положение между человеком и животным. Теперь становится понятным, почему в древнем мире обезьян называли «слугами фетишей», ибо они и их переходные формы у многих народов выступали в качестве объектов полового влечения, что наглядно отражено во множестве преданий во всех частях земли.

Наши выводы служат иллюстрацией и подтверждением концепции о гибридности рода человеческого, состоящего из неравноценных в эволюционно-биологическом плане видов, несущих в себе разные формы проявления и различную степень концентрации человеческих и животных признаков. Данное положение впервые аргументированно было изложено выдающимся русским ученым В. А. Мошковым в его фундаментальном труде «Новая теория происхождения человека и его вырождения» (Варшава, 1907). Мы считаем для себя огромной честью выступить в поддержку этой научной теории спустя почти целое столетие и, основываясь на новых фактах, вновь показать ее достоверность.

И едва вы осознаете себя свободным в суждениях от груза данного вредоносного мифа, Вы тотчас испытаете огромное облегчение. Мир станет прозрачным и понятным в самой своей сути, а большинство повседневных проблем сами собой найдут свое разрешение, едва Вы начнете сортировать «людей» по расово-биологической шкале согласно их ценности. Будет меньше разочарований, ошибок и душевных ран. Не сокрушается же у Вас вера в себя от комариного укуса или лая дворовой беспородной собаки. Точно так же нужно поступать и в отношениях с теми, кого Вы раньше по ошибке относили к одному виду «человеков». Понимая теперь, что этого видового единства не существует в принципе, Вы претерпите кардинальную ломку морально-ценностных ориентиров. Но этого не нужно пугаться, ибо это закономерный процесс очистки био-

логической основы совести от шлаков, мешающих эффективному использованию природной расовой самооценности.

Поль Брока писал по этому поводу: «Поскольку ни один факт не подтверждает теорию моногенистов и ни одна их гипотеза не объясняет происхождение типов, остается предположить, что эти типы возникли разными путями. Моногенисты пытались также говорить о моральном единстве человеческого рода. Но все исследования в этом направлении доказали противоположное: умственное и моральное различие основных рас еще больше, чем анатомическое. Человеческая группа, несомненно, представляет собой род. Если бы этот род состоял из одного вида, это было бы уникальным исключением в природе. Поэтому естественно думать, что этот род состоит, как и все прочие, из нескольких видов».

Великий Гете сказал: «Человечество: Это абстракция. Издавна были только люди и будут только люди». Хаустон Стюарт Чемберлен сформулировал это так: «То человечество, о котором так много философствовали, страдает одним тяжелым недугом: оно не существует». Немецкий философ Курт Бренгер в книге «Мир в зеркале расовой души» (1941) писал: «Мы сделали расу основой нашего мировоззрения и поставили в центр нашей духовной жизни. Тем самым мы сознательно противопоставили себя тем людям, которые мечтают о «человечестве». Если они не признают расовые различия или даже хотят их преодолеть, то мы твердо знаем, что «человечества» нет и никогда не будет. Его нет как биологической единицы, потому что люди делятся на группы, именуемые в науке расами. Сегодня учение о наследственности и расология четко и однозначно доказывают нам, что желание слить всех людей в одно целое – порождение гуманитарных фантазий. Проницательные и реальные мыслители всегда знали, что «человечество» это пустое слово, голая схема».

Современный философ из Франции Пьер Шассар также заявляет, что «человечество – это миф, не соответствующий действительности». Один из видных теоретиков национал-иудаизма Аарон Дэвид Гордон в своих «Письмах из Палестины» утверждал: «Человечество, о котором так часто говорят, – всего лишь абстракция, термин, взятый из безвоздушного пространства и не имеющий никаких соответствий с тем, что действительно существует на Земле».

Закономерно, что за отсутствием «единого человечества» отсутствуют как таковые и «общечеловеческие ценности». Поэтому, обращаясь к высокой патетике великого Ницше, можно утверждать, что «переоценка всех ценностей» грядет со всей неизбежностью, «веселая наука» сойдет на нет, а «человеческое, слишком человеческое» даст себя знать, и наступит новая «утренняя заря» грядущего «Сверхчеловека».

РАСОВО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ НЕВРОЛОГИЯ

«Один генотип – один инстинкт»

Н. П. Дубинин

«Человек легче замечает неравенство, чем равенство»

Д. Н. Узнадзе

Еще великий древнегреческий философ Алкмеон Кротонский около 520 года до н. э. утверждал, что «мозг – это седалище души». Однако весь парадокс развития европейского естествознания состоит в том, что детальное серьезное изучение мозга – органа, отвечающего за отправление психических способностей человека, началось только на рубеже XVIII и XIX веков нашей эры. Еще просветители и гуманисты, а также филосо-

фы и естествоиспытатели, составлявшие отряд идеологического обеспечения Великой Французской революции, всерьез утверждали, что он представляет собой всего лишь «безобразную связку перепутанных кишок» и служит «защитной оболочкой нижней кости черепа». Неудивительно, что лозунги о всеобщем равенстве и братстве быстро проросли на такой благодатной «натурфилософской» почве.

1. Мозг как седалище души

Первым, кто навел порядок в «райском» саду нарождающейся демократии, был выдающийся немецкий врач и анатом Франц Йозеф Галль (1758-1828), создавший учение о локализации различных психических функций в тех или иных частях коры головного мозга и обосновавший совершенно революционное по тем временам положение, согласно которому сила психических и интеллектуальных способностей индивида зависит от степени развитости его мозга. Мало того, свободу воли, религиозный инстинкт и даже способность к моральным суждениям он объявил зависящими от «наследственных предрасположенностей». Галль писал: «Мы приходим к тому заключению, что в организации людей и рас существуют основные различия, часто чрезвычайной важности. Чем больше мы удаляемся от общих свойств и вникаем в особенности отдельных явлений, тем ближе мы к познанию природы. Утверждение, что инстинкты слепы, неверно, ибо мотивы действия предписаны, так же, как животным... Всякий, углубляясь в себя, должен чувствовать и испытывать, что воля и свобода есть одно и то же. Воля есть собирательный мускульный механизм организма (...) Нельзя сомневаться, что род человеческий снабжен особым органом, посредством которого он признает Творца вселенной и удивляется ему. Бог существует, потому что есть орган, чтобы познавать его и удивляться Ему. Физические обстоятельства могут остановить развитие той части мозга, посредством которой Творцу угодно было бы открыться человеческому роду. Если бы было племя, организация коего была бы совершенно не развита в этом отношении, то оно к чувству религии и познанию Бога не могло бы быть способнее животных. Для тех существ, организация коих не развита в значении определенных способностей, Бога нет».

Галль выделил 27 основных зон – органов (как он их называл) локализации высших психических функций, степень развития которых и обуславливает основные психические и культурные различия между отдельными особями, племенами и целыми расами. «Мозг есть орудие всякого чувства, каждой мысли, каждого желанья. Разум есть результат одновременного действия всех духовных способностей. Этим можно объяснить, почему один человек может обладать быстрым и верным соображением относительно одних предметов и быть тупым относительно других; так, он может иметь воображение живое и плодovitое относительно предметов одного рода, холодное и скудное для прочих предметов. Один орган может действовать с большей энергией, чем другой и дать причину более сильную. Известно также, что народы с большим мозгом до того возвышаются над народами с малым мозгом, что покоряют и угнетают их, как угодно. Мозг индуса значительно меньше мозга европейца, и всем известно, как несколько тысяч европейцев покорили и теперь держат в зависимости миллионы индусов. Точно так же, мозг американского туземца меньше, чем мозг европейца, а с Америкой случилось то же, что с Индией».

Неустанно проверяя все свои смелые гипотезы на практике, Галль высчитал, что вместимость черепа у белой расы составляет от 75 до 109 кубических дюймов, тогда как у монголоидной расы она простирается от 69 до 93 дюймов. Будучи сыном своего революционного времени и подлинным ученым-реформатором, Франц Йозеф Галль совершенно не боялся переносить данные своих антропологических наблюдений в социально-политическую сферу, а также в область прикладного правоведения. «Все спо-

собности и склонности являются врожденными, поэтому равенство перед законом – величайшая несправедливость».

Однако общество того времени, подверженное поэтическим воззрениям на природу человека, все еще мыслило категориями сердца как первопричинами всех психических движений, да и клерикальное христианское образование также всеми силами противилось распространению «материализма». Галль был осмеян, а его идеи изгнаны из научного обихода. Но бурный расцвет естествознания в Европе уже начинал делать свое дело.

Один из пионеров физиологии немец Иоганн Мюллер (1801-1858) утверждал: «Психологом не может быть никто иной, как физиолог». Английский ученый Джон Бэн в 1866 году опубликовал книгу «Об изучении характера», в которой указывал: «Душа во всех своих проявлениях существенно зависит от головного мозга, она тем развитее, чем развитее головной мозг, и слабеет при недостатках и болезнях мозга». Известный немецкий естествоиспытатель и натурфилософ Лоренц Окен (1779-1851) предпринял попытку соотнесения особенностей психофизиологии органов чувств у представителей различных рас, исходя из степени их развития. Его классификация рас по пяти основным чувствам выглядела так: 1) кожный человек – черный африканец, соответствует стадии низших животных; 2) языковый – коричневый австралиец и малаец, соответствует ступени собаки; 3) носовой человек – красный американец, соответствует ступени медведя; 4) ушной человек – желтый азиат, монгол, ступень обезьяны; 5) глазной человек – белый европеец, стоящий на ступени человека.

Данную психофизиологическую расовую классификацию вовсе не нужно считать каким-то проявлением особо циничного расистского мракобесия, ибо даже Энгельс в своей знаменитой работе «Анти-Дюринг» положительно оценивал вклад Окена в развитие биологии и материализма вообще.

И только с началом исследований таких ученых, как Фридрих Тидеман (1781-1861), Пьер Грациоле (1815-1865), Карл Фогт (1817-1895), Дмитрий Николаевич Зернов (1843-1917), начинается осознанное и целенаправленное изучение специфики и формы строения мозга различных человеческих рас. В частности, Карл Фогт первым обнаружил, что ударная вязкость вещества мозга у негров превышает этот показатель у белых европеоидов.

Наконец, во второй половине XIX века были открыты так называемые «психомоторные центры», возникла теория «новой френологии», называвшаяся также «географией мозговой коры». Галль первым обнаружил речевой центр в левом височном отделе, позднее эту зону назовут «Зоной Брока», в честь крупнейшего французского антрополога Поля Брока (1824-1880). Этот великий ученый первым начал осознанную кампанию по реабилитации научной теории Франца Йозефа Галля. Другой корифей антропологии немец Иоганнес Ранке (1836-1916) в своей фундаментальной монографии «Человек» (СПб., 1901) также подчеркнул: «Первая попытка новейшего времени возвратиться на путь Галля, в смысле точно ограниченного локализования функций в мозговой коре человека, принадлежит Брока. Тем не менее, мы должны заметить, что применительно к локализационной теории во всей ее полноте, то есть начертание «географии мозговой коры» неминуемо поведет не только к локализации воли и сознания, но и к их расчленению, соответственно различным центрам».

Таким образом, основное рациональное зерно всей натурфилософской системы Галля все же уцелело и со временем дало всходы, ибо антропологи, психологи и физиологи разными путями пришли к одному и тому же выводу: отправление основных психических функций человека осуществляется отдельно и всякие абстрактные разговоры о некоем «едином духе» не имеют под собой никаких биологических оснований. Крупнейший немецкий антрополог-эволюционист Герман Клаач (1863-1916) в книге «Происхождение и развитие человеческого рода» (М., 1910) также счел необходимым отме-

тить: «В новейшее время попытка Галля ценится опять гораздо больше, чем это было прежде в течение долгого времени. Теперь сознают, что ошибка Галля принадлежит к числу тех, которые лежат на пути к успехам знания. А так как каждое научное завоевание, выраженное в определенной форме, имеет только временное значение, то на пути к истине научное исследование шествует от ошибки к ошибке. Не раз идея, давно выброшенная как ненужный хлам, через долгое время снова подбиралась и становилась на почетное место. Если учение о черепе в той грубой форме, которая была ему дана Галлем, и представляет заблуждение, то в основе его уже находилось в зародыше то воззрение, которое теперь играет руководящую роль в психологии и психиатрии. Согласно этому воззрению в мозгу имеются определенные центры физиологических отправлений частей организма, и в частности, для органов чувств такими центрами являются определенные участки так называемого серого коркового вещества больших полушарий».

Итак, была поддержана и развита основная идея Галля о том, что между степенью развития отдельных зон коры полушарий мозга и силой развития соответствующих психических функций существует определенная жесткая взаимосвязь.

2. Причины неравенства идей

Однако еще до начала эпохи серьезных открытий в области неврологии гениальные дилетанты – основоположники расовой теории постулировали, что качество идей всецело определяется качеством строения мозга и органов чувств их носителей. Жозеф Артюр де Гобино в своей главной книге «Опыт о неравенстве рас» (1853-1855) писал: «В безобразии образов нельзя винить природу абстрактного мышления, потому что все дело в устройстве глаз, умов и сердец, к которым обращены эти образы. Черные и желтые аборигены могли понимать только уродливое – оно было создано для них, и оно стало для них необходимым». Однако просвещенной публике Европы понадобилось более полувека, чтобы выводы подобного рода сделались очевидными.

Выдающийся русский ученый Владимир Михайлович Бехтерев (1857-1927) опубликовал множество работ по невропатологии, психиатрии, психологии, морфологии и физиологии нервной системы, чем обусловил перевод исследований на качественно новый уровень. Отвергая субъективный и еще весьма эмоциональный подход к науке своего времени, В. М. Бехтерев первым сформулировал принцип «объективной психологии», согласно которому необходимо прежде всего «изучать биологические основы психической деятельности».

В своем фундаментальном сочинении «Объективная психология» (СПб., 1907-1910, т. 3) он указывал: «Психические отправления стоят в связи с состоянием мозгового кровообращения и составом крови, питающей нервные клетки. Известно также, что различные отправления, а равно и патологические изменения состава крови при общих болезненных процессах изменяют коренным образом и психические отправления. Нет ни одного психического процесса, который бы являлся только субъективным или духовным в философском значении этого слова и не сопутствовался бы определенными материальными процессами».

Таким образом, специфика и строение нервной системы у различных народов и рас всегда проявляются во всем обилии форм психической и материальной деятельности. Памятники культуры никогда не берутся из ниоткуда, но создаются людьми конкретного расового типа, наделенного от природы расово-специфическим строением нервной системы.

Никакой абстрактный дух еще никогда ничего не создавал, ибо все творения в нашем мире несут на себе клейма рас их авторов.

«Объективная психология человека, не нуждаясь в самонаблюдении, имеет в виду лишь одни объективные факты и данные, которые являются результатом его нервно-психической деятельности. Сюда относятся психически обусловленные движения,

речь, мимика, жесты, деяния и поступки, а в более широком смысле, что составляет собственно предмет объективной психологии народов, язык, нравы, обычаи и быт отдельных племен, их законы и общественное устройство, их индустрия и наука, их философия и религия, их поэзия и изящные искусства – словом все, чем характеризуется внешняя деятельность отдельных и целых народов», – писал Бехтерев.

Другой всемирно признанный классик русской науки Иван Петрович Павлов (1849-1936) также подчеркивал, что «динамические явления, разыгрывающиеся в центральной нервной системе, должны быть приурочены к тончайшим деталям конструкции аппарата».

На возможность качественной и количественной оценки параметров нервной системы и, в частности, на способность мозга к созиданию культуры у представителей различных рас и народов указывал и выдающийся советский психиатр Виктор Петрович Осипов (1871-1947) в своей фундаментальной монографии «Курс общего учения о душевных болезнях» (Берлин, 1923): «Головной мозг, и преимущественно, кора больших полушарий мозга является субстратом душевной деятельности. Доказательство того, что душевная деятельность сосредотачивается в головном мозге и особенно в серой коре больших мозговых полушарий, черпается из различных источников: из области сравнительной анатомии, эмбриологии, из области физиологии, антропологии, патологической анатомии и гистологии. Сравнительная анатомия учит, что чем выше стоит психическая организация индивида, тем лучшее развитие обнаруживает его центральная нервная система и, в частности, его головной мозг. Исследования антропологов показывают, что по мере того, как человеку приходится совершенствовать природные душевные способности, его головной мозг становится больше и тяжелее; мозг увеличивается с усилением борьбы за существование и ростом культуры, и некультурные народы, стоящие на той ступени развития, на которой находился древний человек, обладают по объему и весу меньшим мозгом, по сравнению с культурными народами».

Приблизительно в это же время И. П. Павлов выдвинул положение, согласно которому «все открываемые подробности конструкции мозга рано или поздно должны будут найти свое динамическое значение». Путем многочисленных лабораторных исследований было выявлено, что особенности структуры мозга должны соответствовать его функциональным особенностям. Таким образом, в неврологии получила мощное развитие **концепция единства структуры и функции**. Известный советский ученый Л. А. Орбели в «Лекциях по физиологии нервной системы» (Ленинград, 1935) в этой связи уже совершенно определенно подчеркивал, что чем выше с эволюционной точки зрения организм, тем большее развитие получает принцип локализации функций в центральной нервной системе. Также и Л. С. Выготский, указывая на структуру центров высшей психической деятельности, говорил, что «локализация высших функций не может быть понята иначе как хроногенная, то есть отношения, которые характерны для отдельных частей мозга, складываются в ходе развития».

Таким образом, различия в строении мозга «культурных» и «некультурных» народов, «высших» и «низших» рас имеют под собой эволюционно-биологические основания.

Высшая культура складывается как результат более узкой специализации отдельных зон мозга ее создателей. Между спецификой строения мозга различных рас и произведениями их материальной культуры существует прямая и ясная функциональная связь. Раса и культура неврологически взаимосвязаны, так как каждый биологический тип всегда стремится выразить себя в узнаваемых, адекватных формах в процессе борьбы за существование, узаконивая свой стиль мировоззрения.

Учение о локализации психических функций было в полной мере применено к объяснению культуросозидающих способностей мозга. Так, В. М. Бехтерев еще в 1907 го-

ду писал о том, что лобные доли мозга связаны с «психорегуляторной деятельностью», а также с «правильной оценкой внешних впечатлений и целесообразным, направленным выбором движений сообразно с упомянутой оценкой».

И вообще, по его мнению, «в восходящем ряду животных развитие лобных долей шло параллельно развитию интеллектуальных способностей». И. П. Павлов в 1949 году также указал на специальное отношение лобных долей мозга к наиболее сложным формам условно-рефлекторной деятельности, лежащим в основе «целесообразного поведения». Академик П. К. Анохин утверждал, что весь «акцептор действия» связан с функциями лобных долей мозга. Английский ученый К. Прибрам установил, что на основе лобных долей совершаются сложные процессы саморегуляции, которые и управляют поведенческими актами. Е. Д. Хомская в книге «Мозг и активизация» (М., 1972) сформулировала тезис, согласно которому с морфологической точки зрения в лобных долях сосредоточен «командный потенциал» и «способность к действию».

Но тогда со всей очевидностью следует, что различия в культурах и даже отдельных идеологемах нужно искать в различиях строения, в том числе и этих частей мозга. В. П. Осипов, основываясь на результатах практических исследований, совершенно ясно свидетельствовал: «Нервный ток всегда легче устремляется по однажды уже проторенному пути наименьшего сопротивления, что служит выражением общего закона проявления энергии, осуществляемого в области нервно-психической энергии, как производного единой мировой энергии».

Именно так под воздействием этого закона и возникают расовые стили в искусстве, науке, религии, политике, экономике, ибо каждый устойчивый биотип стремится выразить себя в характерных только для него формах и поведении, идентифицируя реакции других биотипов на его поведение по принципу «свой – чужой».

Главная функция культуры, таким образом, заключается в том, чтобы сигнализировать окружающим о расовом происхождении ее создателей. Тип идеи всегда функционально связан с конструкцией мозга ее носителя, и при их рассогласовании неминуемо возникает психическая патология.

Жозеф Артюр де Гобино обращал внимание на следующее: «Для азиатских философов истинная мудрость заключается в том, чтобы подчиняться сильному, не противодействовать неизбежному, довольствоваться тем, что есть. Человек живет в своих мыслях или в своем сердце, он приходит на землю, подобно тени, проходит по ней равнодушно и покидает ее без сожаления. Мыслители Запада не проповедуют такие истины своим ученикам. Они призывают их вкушать земное существование в полной мере и как можно дольше. Неприятие нищеты – вот первое положение их закона. Остерегаться безумств сердца и ума – главная максима; наслаждаться – первая и последняя заповедь. Семитская философия делает из богатой земли пустыню, чьи пески, каждодневно наступая на плодородную почву, вместе с настоящим поглощают и будущее. Противоположная ей арийская доктрина гласит: борозди землю плугами, а море кораблями, затем, в один прекрасный день, презрев разум с его призрачными радостями, сотвори рай здесь, на земле и в конце концов, сойди в нее».

Базовые стереотипы стратегий поведения различных рас, запечатленные на уровне морфологии и динамического функционирования нервной системы их представителей, проявляют себя во всем многообразии жизненных форм, стилистически безошибочно указывая на первоисточник – конкретную расу. Поэтому совершенно бесполезно, например, объяснять философию Шопенгауэра в цыганском таборе, так как они расово-биологически несовместимы.

Основоположник русской евгеники – науки об улучшении человеческой породы – Н. К. Кольцов в своей программной статье «Генетический анализ психических особенностей человека» (Русский евгенический журнал, 1924. Т. 1. Вып. 3-4) ясно выделял идею, что «характеристика каждой отдельной культуры является характеристикой того

конституционного типа нервно-психических способностей, который сыграл главную роль в создании соответствующей культуры».

Сходной системы доказательств придерживался и великий советский ученый В. И. Вернадский, который в статье «О научном мировоззрении» из сборника «Труды по истории науки» (М., 2002) подчеркивал: «Признавая вечную красоту художественного произведения, мы ясно понимаем и неизбежно признаем, что отношение к ней человеческих индивидуумов может сильно колебаться. Могут существовать целые классы людей, у которых те или иные произведения искусства должны вызывать совершенно своеобразные, необычные впечатления. Разительный пример этого представляет история музыки. У разных народов или в разные эпохи жизни одного и того же народа проявлялись в его музыке совершенно разные основные шкалы тонов. Например, в истории высоко развитой, чужой нам музыки китайцев и японцев отсутствуют два из семи основных тонов нашей музыкальной шкалы. В этом отношении чрезвычайно поучительно то впечатление, которое производит на европейски образованных японцев наша музыка. Но и более близкая нам музыка – сложные построения индусов кажутся нам чуждыми. В истории народов резко менялись самые основные представления, как это мы видим в истории греческой музыки, где основная шкала несколько раз менялась. Найденные древние гимны кажутся нам странными и немзыкальными.

Идеал красоты в произведениях греческой пластики в значительной степени создан под влиянием строения тела нордической или средиземноморской расы. Эти произведения не могут вызвать то же чувство, как у нас, у чуждых по строению тела, высоко художественно развитых людей монгольской расы, тех же японцев.

Совершенно то же самое мы можем и постоянно будем наблюдать и по отношению к системам и построениям, идеалам и концепциям религиозным и философским.

Последователь какого-нибудь религиозного или философского учения не может требовать, чтобы то, что считается им несомненным и неопровержимым, признавалось бы таким же и всяким другим человеком, искренно относящимся к этим вопросам».

Как видно, признанный классик отечественной науки, также справедливо увязывал логику процессов развития в области философии, религии, искусства и антропологической эстетики. Канон, норма и стереотип, формирующие данные ипостаси бытия, возникают в человеческой психике не из ниоткуда, по велению капризов социальной среды, но, напротив, ее обуславливают, черпая свое начало из групповой наследственной массы своих создателей.

Современный генетик Юрий Иванович Новоженев в книге «Адаптивность красоты» (Екатеринбург, 2005) также подчеркивает: «Благодаря изоляции даже музыка не стала универсальным языком искусства, понятным в равной степени европейцам, китайцам, индусам или народам Средней Азии в пределах бывшего Союза. Русским, приехавшим в наши среднеазиатские республики, а ныне независимые государства, музыка, транслируемая по радио, кажется заунывно-однообразной, вызывающей чувство монотонного завывания и жалобного стенания. Тогда как узбекам, таджикам и туркменам европейская музыка кажется какофонией, раздражающей их среднеазиатский слух. Различные виды музыкального языка по мере интернационализации человечества придут в состояние острого антагонизма или даже несовместимости».

Крупнейший современный американский политик Патрик Дж. Бьюкенен в нашумевшей философско-политической книге «Смерть Запада» (М., 2003), опираясь на данные официальной криминальной статистики в США и культурные достижения рас, делает следующий убедительный вывод: «История показывает, что нет и никогда не было абсолютно равных народов, культур и цивилизаций. Одни достигали величия регулярно, другие к нему вообще не приближались. Разнятся образы жизни, религии, идеи; равенства не найти нигде. Пожалуй, важнейший, самый красноречивый и убедительный довод – тот, что нет и не может быть равенства идей».

Крупный отечественный психолог и нейроморфолог А. С. Аркин в книге «Мозг и душа» (М., 1923), обосновал тезис о том, что наше мировоззрение зависит от нашей душевной организации. К этому вескому умозаключению он пришел на основе долгих лет практики. Так, в статье «О расовых особенностях в строении мозговых полушарий человека» (Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова, 1909 книга 3-4, он писал: «Средняя лобная борозда представляет собой борозду, которая в большей степени, чем другие борозды головного мозга, подвержена изменениям и у представителей различных рас имеет различные очертания». Кроме того, основываясь на огромном зарубежном материале, Аркин на протяжении всей статьи говорил о «мозгах, богатых извилинами, которые как известно, считаются более совершенно устроенными».

Принципиальное открытие А. С. Аркина в данной статье заключается в том, что «наиболее характерные расовые отличия отмечены в области ассоциативных центров». Эти центры имеют более позднее развитие по сравнению с другими участками мозга. В них также легко читаются внешние морфологические различия строения мозга у представителей «высших» и «низших» рас. Постыжение чужой и в равной мере созидание своей собственной культуры тесно сопряжены с развитием этих ассоциативных центров. Язык конкретной культуры, ее стиль, известная утонченность или, напротив, варварская грубость, глубина и чистота переживаний, свойственных ей, имеют, таким образом, ясные физические очертания. Большинство суждений о культуре, высказываемых сегодня идеалистически настроенными, абстрактными культурологами, не стоят и одного приговора анатома средней руки, способного после короткой операции наглядно показать, что от данных конкретных мозгов высокой культуры и ожидать было нельзя.

Вывод в работе Аркина прост и убедителен: «Расовые различия в строении головного мозга имеют излюбленные борозды и извилины, где они проявляются более часто и рельефно».

Другой отечественный ученый Р. Л. Вейнберг в статье «К учению о форме мозга человека» (Русский антропологический журнал, 1902, N4) выявил расовые различия в строении Роландовых и Сильвиевых борозд. Крупный немецкий антрополог Карл Фогт также писал в этой связи: «Сильвиева щель у негра имеет более вертикальное направление, равным образом и Роландова щель».

Величайший французский антрополог Поль Топинар в своей фундаментальной книге «Антропология» (1879) подчеркивал: «Извилины бывают более толсты, более широки и менее сложны в низших расах. Нервы негров и преимущественно нервы основания мозга толще, вещество их мозга не так бело, как у европейцев». Обладая более толстой костью черепной коробки, о чем писал еще древнегреческий историк Геродот, представители негроидной расы поэтому закономерно имеют более низкий порог болевой чувствительности. На этот нейрофизиологический факт указывали еще во второй половине XIX века ассоциации боксеров, отказывая чернокожим спортсменам участвовать в соревнованиях на том основании, что они менее чувствительны к боли, чем белые.

Карл Фогт в книге «Человек и его место в природе» (СПб, 1866) указывал: «Череп негра крепкий как слоновая кость. Во время драки негр старается ударить головой в грудь противника, и оба негра похожи в это время на дерущихся баранов».

О биологических же основаниях культуры Поль Топинар высказывался с еще большей ясностью: «Импульсы, присущие мозговому веществу, столь прочны, несмотря на воспитание и цивилизацию, что сохраняются еще после скрещиваний и помесей и помогают распознать последние (...) Тогда вопрос об отличительных признаках рас, зависящих от их мозговой организации, значительно упростится, и можно будет в самом деле доказать, что способ деятельности мозга дает отличительные признаки, подобно форме черепа или особенностям волос (...) Достаточно сказать, что идеи нравственности могут составить физиологические отличия между расами. Сравнивая басни и алле-

гории, лежащие в основании мифологий, наука восходит к познанию взаимных прикосновений, в которых находились народы, и, следовательно, отделяет приобретенные признаки от собственных расовых различий (...) При еще большем расширении задачи, наука раскроет прошедшие стадии заимствований в умственной жизни, которые делали одни расы у других (...) Существуют языки, глубоко отличающиеся друг от друга и требующие особого устройства гортани для разговора на них и особого понимания для уразумения их (...) Следует обратить внимание также на различные способы ощущения музыкальной гаммы в пяти частях света. То, что гармонично для слухового аппарата мозга одних рас, неприятно для слуха других. Воспитание здесь не при чем, так как самый факт первичен и имеет анатомическое основание. То же относится и к отличиям в системах счисления. Народы, называемые арийскими, понимают их все и вообще отличаются способностями к математике (...) Способности к рисованию также различны. Есть племена, умеющие чертить только кружки и палочки; некоторые же из их представителей не умеют даже отличить на рисунке голову от дерева или корабля (...) Расы различаются весьма глубоко еще образом жизни и пониманием общественного состояния. Есть народы, как бы предназначенные к вечной кочевой жизни, как цыгане, евреи и арабы».

Наука более позднего времени полностью подтвердила эти глубокие натурфилософские обобщения культуробиологического характера. Известный советский психолог А. Р. Лурия в статье «Мозг человека и психические процессы» из сборника «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии» (М., 1963) указывал, что «синоптический узел» является той единицей, на уровне которой «дух влияет на тело». Таким образом, становится совершенно ясно, что любые явления культуры имеют в основании характерные морфофизиологические признаки нервной системы ее создателей. В другой своей книге «Очерки психофизиологии письма» (М., 1950) он отмечал: «Затылочная и затылочно-теменная область коры головного мозга является тем центральным аппаратом, который позволяет осуществлять целостное зрительное восприятие человека, переводя зрительные ощущения в сложные оптические образы, сохранять и дифференцировать зрительные представления и, в конечном итоге, реализовывать наиболее сложные и обобщенные формы зрительного и пространственного познания».

Именно это и обуславливает в конечном счете различия в эстетике и художественном стиле у различных рас.

Различия в языках и письме также всецело определяются различиями в строении мозга. Немецкий ученый Фридрих Кликс в книге «Пробуждающееся мышление» (Киев, 1985) писал: «Бушмены Центральной Африки имеют языковые формы и звукообразования, подобные праязыку в переходный этап развития от животного к человеку». Проводя натурные испытания на бушменах ученый установил, что их язык очень беден словами, обозначающими числа, мало того, многие звуковые выражения заменяются жестикულიцией. Наконец для языка бушменов характерна редупликация (форма повторения), ибо об одном человеке они говорят «ту», о многих «ту-ту», а о большом количестве «ту-ту-ту». Человекообразные обезьяны в силу специфики строения их мозга также легко обучаемы подобной системе счета. Впрочем, еще основоположник расовой теории граф Жозеф Артюр де Гобино в своем главном сочинении «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853-1855) провидчески утверждал: «Ни один народ не может иметь язык, стоящий на более высокой ступени, чем он сам. Иерархия языков находится в строгом соответствии с иерархией рас». Крупный немецкий расолог и этнолог Отто Рехе (1879-1966) в статье «Раса и язык» пришел к такому выводу: «Результатом совместных усилий разных отраслей науки о человеке является решение проблемы «раса и язык»: человеческие расы возникают в состоянии изоляции как продукт наследственных задатков, отбора и эндогамных браков, и та же самая изоляция одновременно по-

рождает однородный тип языка как продукт физических и духовных особенностей возникающей расы. Таким образом, первоначально раса и тип языка всегда совпадают. Язык был, так сказать, одним из духовных расовых признаков. В характерном для нее типе языка каждая раса создала удивительно гармоничный, приспособленный к ее тончайшим духовным движениям инструмент, который она не может безнаказанно отбросить. И если в позднейшие времена из-за распространения и смешения рас первоначально столь ясная картина замутилась, это не может ничего изменить в основном факте духовной взаимосвязи расы и языка: язык это часть расовой души».

Каждый народ имеет тот язык, которого он биологически достоин, поэтому например, отсутствие письменности у многих народов может указывать на наследственную расово-эволюционную неразвитость соответствующих идеомоторных центров в мозгу их представителей. В данном утверждении не содержится ничего расистского и оскорбительного, ибо это факт, поддерживаемый изысканиями большинства классических этнографов, культурологов и религиоведов. Известный английский этнограф Роберт Маретт писал: «По большей части ритуал порождает миф, а не миф порождает ритуал. Дикарская религия не столько выдумывается, сколько выплясывается». Классик психологии, крупнейший немецкий ученый Вильгельм Вундт высказывался в этой же связи следующим образом: «Существенные пружины мифологического мышления – это не представления, но аффекты, сопровождающие повсюду представления. Таким образом, всякое мифотворчество происходит из аффекта и вытекающих из него волевых действий».

Следовательно, различия между основными религиозными системами нужно искать не в различиях культурных мифов, их породивших, но в различиях строения нервной системы людей, создавших эти мифы, а также среди тех, кто им поклоняется. Совершенно очевидно, что в Азии традиционные религии Востока исповедуют нормальные психически вменяемые и социально-детерминированные люди, в то время как европейцы, увлекающиеся всякого рода «восточной экзотикой», сплошь и рядом являются выходцами из маргинальных слоев населения с ярко выраженным дегенеративным астеническим психотипом. Религии, языки, культуры и даже политические идеи зарождаются не в пустоте и передвигаются не в безвоздушном пространстве. Степень их адаптивности и усвояемости зависит от степени тождественности типа идеи типу конструкции мозга того, на кого она рассчитана. В свою очередь еще И. П. Павлов указывал, что различия психотипов в конечном счете сводятся к различиям в типах строения нервной системы. Именно поэтому одни лозунги и идеи, легко находящие своих поклонников в одной части света, совершенно не пользуются популярностью в другой.

Основоположник науки **народоведение**, крупнейший немецкий ученый Фридрих Ратцель (1844-1904) в своей базовой монографии «Антропогеография» (1912) подчеркивал: «Следует считать основным положением антропогеографии, что распространение этнографических предметов может совершаться только через человека, с ним, при нем, на нем, особенно же в нем, то есть в его душе, как зародыш идеи формы. Этнографический предмет передвигается вместе с его носителем». Его соотечественник известный этнолог и религиовед Лео Фробениус (1873-1938) формулировал этот основной принцип еще короче: «У культуры нет ног, и поэтому она заставляет человека переносить себя. Человек или народ – носитель культуры». А всемирно признанный классик этнологии Бронислав Малиновский (1884-1942) довел формулировку тезиса до совершенства, провозгласив: «Культура – это биологическое явление».

3. Новая концепция интеллекта

Развитие таких современных наук, как молекулярная биология, психогенетика, нейрохимия существенно укрепило позиции биодетерминизма как системы взглядов на природу человеческих сообществ. Притязания так называемой культуры на роль все-

ленского арбитра были сведены до минимума. О какой культуре вообще имеет право говорить человек, биологически к ней не способный? И это обобщение может быть легко перенесено на целые этносы, популяции и расы, ибо нельзя смешивать высшую культуру и фольклор, так как в противном случае мы неизбежно принуждены были бы поставить на один уровень оперы Вагнера и стучание по тамтаму у африканских туземцев. Такого рода уравнивательная культурная антропология, пышным цветом расцветшая на университетских кафедрах усилиями «соросов» и им подобных, ни о чем другом, кроме как о дегенерации мозга адептов подобных дисциплин, свидетельствовать не может.

Корифей современной психологии Ганс Юрген Айзенк в работе «Интеллект»: новый взгляд» (Вопросы психологии, 1995 № 1), разрабатывает новую концепцию генетических аспектов интеллекта, экспериментально измеряемого с помощью электроэнцефалографии (ЭЭГ), усредненных вызванных потенциалов (УВП), кожно-гальванических реакций (КГР) и времени реакции (ВР). Он пишет: «Тесты на измерение времени реакции (ВР) имеют неоспоримые преимущества: они гораздо более фундаментальны, биологичны и независимы от влияния культуры, чем IQ тесты, неизбежно искажаемые культурными, образовательными и социоэкономическими факторами того или иного вида». Самым естественным образом сказывается, что наследственный биологический статус интеллекта гораздо лучше и точнее характеризует культуротворческие способности индивида, чем все абстрактные рассуждения о культуре.

«При обработке информации корой головного мозга происходят ошибки, возможно на уровне синапсов, и чем выше склонность индивида к такого рода ошибкам, тем ниже его IQ». Культура, даже самая возвышенная, никогда не изменит морфологическую структуру мозга человека, к ней стремящегося, и не изменит интенсивность нервных реакций. Для расовой теории, так же как и для марксизма-ленинизма, нужно родиться. **Культуре нельзя обучить, ей можно лишь соответствовать, так как «культура – это биологическое явление».**

Что же касается других измеряемых признаков наследственного интеллекта, то «результаты исследований показывают, что ладонное сопротивление растет с повышением уровня интеллекта», – отмечает Г. Ю. Айзенк. Кроме того, у людей с низким уровнем интеллекта в мозгу понижено содержание глутаминовой кислоты, и, следовательно, создание классификации рас по этому важному показателю существенно обогатит понимание нами причинно-следственных связей в мировой истории.

Хотя на человеческий мозг приходится всего 2% массы тела, но потребляет он при этом примерно 20% всей энергии расходуемой организмом. Основным поставщиком энергии мозгу является глюкоза, поэтому главный показатель энергоемкости мозга, определяемый расходом глюкозы в миллиграммах на 100 грамм мозговой ткани в минуту, напрямую связан с IQ. Совершенно очевидно, что расы обладающие различным IQ, легко могут быть измерены и по уровню энергоемкости мозга их представителей, чтобы наконец понять, кто больше всех «работает мозгом», не в переносном, а в прямом смысле.

«Глутаминовая кислота, глюкоза и другие биологические агенты, ответственные за энергетическое снабжение коры головного мозга и связанные с выработкой нейротрансмиттеров, играют ведущую роль в генетически наследуемом интеллекте, являясь источником той самой «психической энергии», которая служит биологическим субстратом фактора G (общий интеллект)», – пишет Г. Ю. Айзенк.

Наконец, хронический недостаток кальция в мозгу связан с умственной отсталостью и, в частности, с болезнью Альцгеймера, синдромом Дауна и болезнью Паркинсона. Но и эти массовые недуги человечества имеют ярко выраженные расовые и этнические вариации, что говорит в пользу хорошей дискриминантности данного признака.

Общий же вывод в работе Ганса Юргена Айзенка таков: «Психометрический интеллект на 70% зависит от биологического и на 30% – от средовых факторов. Таким образом, происходит отход от концепции интеллекта А. Бине и возврат к более ранним взглядам Ф. Гальтона. Любое работающее определение интеллекта должно в основе своей быть биологическим».

Совершенно нельзя сказать, что подобная точка зрения стоит особняком в современной науке, ибо и у нас в стране нашлись авторы, придерживающиеся сходной системы доказательств. Так, А. М. Мустафин в статье «Биологически активные точки и интеллектуальная активность» (Вопросы психологии 1997, № 2) в самом начале считал необходимым подчеркнуть, что целиком и полностью разделяет мнение Г. Ю. Айзенка о семидесятипроцентной наследственной детерминированности интеллекта, которая коррелирует с физиологическими и биохимическими факторами, такими как слуховое различение, ЭЭГ, скорость утилизации глюкозы. А. М. Мустафин свидетельствует также, что обнаружена корреляция между температурой в зоне биологически активных точек (БАТ) уха и данными психологического тестирования. Данный феномен объясняется регуляцией кровообращения головного мозга и уха человека. Как после этого не вспомнить замечательную русскую поговорку: «Дурак – уши холодные».

Кроме того, выявлено сопоставление термо- и морфометрии ушей с типом мышления обследуемых, а также обнаружен температурный коррелят успеваемости. По морфометрическим параметрам была выбрана длина ушей, а также их асимметрия, так как разница их в длине указывает на когнитивный стиль и тип мышления (лево- или правополушарный). Самое же главное заключено в том, что в развитии зон мозга имеет место известная конкуренция способностей. У различных рас они развиваются в соответствии с наследственной программой неравноценно.

Помимо этого, умственные способности регистрируются на основе измерения температурного индекса кожи (ТИК) в 19 точках головы. Более низкий уровень интеллекта и успеваемость у негритянских детей по сравнению с белыми вызвана, по мнению автора, более интенсивным развитием двигательных способностей у чернокожих в ущерб умственному развитию, что наследственно закреплено в генетической программе их развития. «Успеваемость и тип мышления определяются преимущественно биологическими факторами», – резюмирует А. М. Мустафин.

В свою очередь С. Б. Малых в статье «Исследования генетической детерминации ЭЭГ человека» (Вопросы психологии, 1997, № 6), отмечает: «На пути от гена к поведению находится целый ряд уровней организации – клеточный, межклеточный, уровень функциональных органов и уровень целостной индивидуальности. Как известно, наследуется не само поведение, наследуется ДНК. ДНК кодирует белки, из которых строятся клетки (нейроны), клетки в свою очередь вступают во взаимодействие, определяя структуру и функции мозга. Поведение же индивида определяется развитием мозга в процессе взаимодействия со средой».

Наследственные факторы влияют на биоэлектрическую активность мозга, измеряемую электроэнцефалограммой (ЭЭГ), но различные расы, в свою очередь, имеют различные наследуемые модусы поведения, что и приводит к частым межрасовым конфликтам в крупных «мультикультурных» городах. Соответственно этому на основе измерений ЭЭГ можно объективно обосновать степень биологической комплиментарности рас в социуме, чтобы показать: кто с кем может уживаться, а кто с кем – заведомо нет. «Как оказалось, различные параметры ЭЭГ связаны с широким кругом поведенческих и когнитивных характеристик, эмоциональностью, темпераментом и пр. ЭЭГ – индивидуально-специфическая и достаточно стабильная в течение жизни индивида характеристика». Кроме того, на основе этой характеристики открывается возможность выявления параметрической несовместимости различных видов так называемой «общей культуры», ибо со всей очевидностью обнаруживаются морфофизиологическое и

функциональное различие в строении мозга людей, предпочитающих музыку Вагнера или песни цыганского табора. Максимальное значение коэффициента наследуемости для ЭЭГ составляет 0,7-0,9 именно в зависимости от диапазона частоты. Расовые музыкальные каноны, в свою очередь, по этой причине и состоят из различных гармоник. Ведь еще Поль Топинар, как мы помним, указывал: «То, что гармонично для слухового аппарата мозга одних рас, неприятно для слуха других. Воспитание здесь не при чем, так как самый факт первичен и имеет анатомическое основание».

Наименьшее генотипическое влияние (46%) обнаружено для ЭЭГ левой височной области коры головного мозга, отвечающей за речевые центры. Очевидно, по этой причине культурные антропологи и выводят общность этносов на языковой основе. Одна раса легче перенимает язык другой, нежели когнитивный стиль мышления, особенности темперамента или стилистику душевных переживаний.

То, что в расовой психологии называется «душой расы», на самом деле представляет собой общность макро- и микроструктуры мозга представителей данной расовой группы. «Отдельные области мозга не работают изолированно друг от друга, их взаимодействие координируется сложными нейронными цепями, которые связывают их между собой. Число и мощность связей находит свое отражение в показателях когерентности. Высокая когерентность указывает на то, что ЭЭГ различных зон мозга синхронизированы и рассматриваются как показатель «связанности» областей мозга, поскольку синхронизированные колебания в нейронных сетях наблюдаются только в том случае, если они связаны между собой». Наследуемость когерентности составляет 85%, как указывает С. Б. Малых, и отсюда со всей очевидностью ясно, почему именно национальные песни и танцы, гармонично активизирующие нейронные связи наследственной конструкции мозга, имеют такой психический консолидирующий эффект в социуме. Генетически обусловленные, когерентные биоритмы являются кодированным выражением расового архетипа. Именно в музыке со всей ясностью и чистотой проявляется специфика и уникальность души расы, ее неповторимый стиль.

В подтверждение нашей позиции уместно будет привести высказывание известного французского психолога и социолога Гюстава Лебона, который в своем знаменитом сочинении «Психология народов и масс» (М., 1995) писал: «Душа расы обладает известным количеством общих психологических особенностей, столь же прочных, как анатомические признаки. Как и эти последние, психологические особенности воспроизводятся наследственностью с правильностью и постоянством. При этом устойчивая психическая организация находится в зависимости от устройства мозга».

4. Культура как биологическое оружие

Теперь же, логически суммируя все вышеизложенное, мы неминуемо приходим к узловым частям нашего исследования, а именно: к психологическому и невропатологическому влиянию культуры одного расового типа на другой, ибо ценности, нормы и принципы мировосприятия, как мы убедились, есть биологические константы. Созданные наследственной массой одной расы, при перенесении в лоно жизнедеятельности другой они неминуемо приводят к искажению генетической программы ее существования, подрывая таким образом сами основы жизнеустойчивости. Основоположник русской академической школы психиатрии Сергей Сергеевич Корсаков (1854-1900) в своей фундаментальной монографии «Курс психиатрии» (М., 1901) подчеркивал: «Нужно всегда взвешивать влияние расовых особенностей, потому что многое, что считается аномалией для людей одной расы, составляет явление нормальное для людей другой расы».

Современный американский ученый Э. Ф. К. Уоллес в работе «Психические заболевания, биология и культура» из тематического сборника «Личность, культура, этнос» (Современная психологическая антропология, М., 2001) развивает данную точку зрения

в еще более конкретной форме: «Стимулируют ли различные культуры развитие различных форм психических заболеваний? Да, различные культуры стимулируют развитие различных форм психических заболеваний». В том же сборнике Джон Хонигман, обосновывая новейшие принципы психологической антропологии, также ясно постулирует свои воззрения: «Биологическое выживание – это одна из целей, которым служит культура».

Но если культура есть результат функциональной жизнедеятельности структуры мозга конкретных представителей определенной расы, то будет вполне естественным заключить, что культуротворчество одной расы никогда не будет способствовать возвышению другой расы и ее психическому здоровью. Стиль архетипа одной расы, то есть комбинация ее генетического кода, не соответствует ключу функционирования другой, и именно поэтому все культурологические уловки либеральных обществоведов методически почти всегда походят на дилетантство начинающих жуликов, пытающихся приспособить один и тот же набор отмычек к нарушению сохранности квартир различного уровня достатка.

Каждому – свое: эта сакральная фраза неизбежно звучит как пароль за каждой комбинацией генов.

В контексте нашего повествования уже совершенно не выглядит удивительным, что сам термин **дегенерация** был впервые предложен к употреблению в 1803 году великим немецким естествоиспытателем Готфридом Рейнхольдом Тревиранусом (1776-1837) сразу же после утверждения идеалов Великой Французской революции. А когда в конце XIX века в морально разложившемся обществе Европы возникли идеи **декаданса**, то передовая часть антропологов и психологов принялась создавать теоретические концепции и разрабатывать комплекс практических мер по борьбе с проявлениями дегенерации в обществе и культуре. Англичанин сэр Фрэнсис Гальтон (1822-1911) создал **евгенику** – науку об улучшении человеческой породы. В Германии Вильгельм Шальмайер (1857-1919) и Альфред Плетц (1860-1940) создали сходное учение, назвав его **расовая гигиена**. Крупнейший итальянский ученый Чезаре Ломброзо (1835-1909) провозгласил создание **криминальной антропологии**, объявив почти каждого преступника дегенератом и почти всякого дегенерата преступником. Его соотечественник и ученик Энрико Ферри (1856-1929) развил идеи своего учителя, создав целое фундаментальное направление, получившим название **криминальная социология**. Согласно его концепции революции и иные социальные потрясения – это всецело дело рук наследственно отягощенных людей. Борьбу с причинами вырождения во Франции возглавил невропатолог и анатом Жюль Дежерин (1849-1917), а в Швейцарии – невропатолог и психиатр Август Форель (1848-1931). Россия, объятая на рубеже XIX и XX веков «революционными вихрями», не осталась безучастной и явила миру свою активную позицию здоровой общественности, дав славную плеяду ученых: С. С. Корсаков, А. И. Сикорский, В. П. Сербский, И. П. Мержеевский, Э. Ю. Петри, П. И. Тарновская. Все они посвятили значительную часть своей научной деятельности вопросам диагностики вырождения и созданию адекватных мер по его предупреждению.

Практически все указанные корифеи науки выводили нездоровые психические проявления, как социальные, так и культурные, из нарушений в морфологии нервной системы, то есть, по их мнению, анатомический факт всегда предшествует факту психическому. Чезаре Ломброзо формулировал главный тезис своего учения так: «Существует известный процент анатомически изуродованных людей, которые вследствие своего анатомического уродства думают, чувствуют, ощущают, радуются и унывают иначе, чем нормальный тип современного человека. Криминальная антропология доказывает, что есть аномалии неизлечимые, поэтому об исправлении, или вернее об излечении, преступника речи быть не может».

В книге «Новейшие успехи науки о преступнике» (1892) Чезаре Ломброзо дал описание этих аномалий. В мозгу наследственных дегенератов и преступников наблюдается повышенный процент аномалий извилин, частичная атрофия лобных извилин, а также увеличение размеров мозжечка в сравнении с величиной мозга. К аномалиям черепа относятся прежде всего асимметрия, преждевременное сращение швов, непропорциональное развитие надбровных дуг, скул и нижней челюсти. В скелете наследственных дегенератов и преступников также часто наблюдаются патологии, например, нарушение числа ребер и позвонков. Этим субъектам свойственны пониженные болевые ощущения, наименьшая тонкость вкуса, нарушение почерка и жестов, а в их походке левый шаг длиннее правого. У них нарушен обмен веществ, что даже легко определяется по естественным отправлениям. Морщины, расположенные вертикально посередине щеки, в криминальной антропологии получили название **морщин порока...** Среди наследственных дегенератов и преступников очень часто можно обнаружить людей с аномалиями ушей. «Ушная раковина занимает первое место среди органов, указывающих на вырождение», – писал Ломброзо. Огромный интерес и актуальность представляют его указания на связь между психическими и физическими признаками: «Умственное вырождение черпает в наследственности многочисленные и разнообразные формы своих превращений. Умственное вырождение всегда сопровождается вырождением физическим. Нет ни одной формы помешательства, которая не платила бы дани преступлению».

В этой части Ломброзо делает свое наиболее существенное открытие, ибо начинает анализировать **политическое преступление как явление с антропологической точки зрения**. Таким образом устанавливается прямая причинно-следственная связь между идеей, порожденной анатомически изуродованной нервной системой дегенерата, и ее политическим воплощением.

Самому факту изучения **наследственных политических преступников** посвящена его книга «Политическая преступность и революция» (1906). В ней автор отмечает: «В истории мы встречаем множество примеров совмещения политической преступности с врожденной. Да нам, к несчастью, и не нужно никаких цифр для того, чтобы убедиться в удобсовместимости самых прогрессивных идей с самыми преступными наклонностями. Прирожденные преступники выступают обыкновенно в бунтах и при начале революций, заражая своим примером слабых и нерешительных – порождая настоящую подражательную эпидемию».

Более всего врожденным политическим преступникам, по мнению Ломброзо, присущ «нравственный идиотизм». Согласно его наблюдениям, почти все зачинщики Великой Французской революции были дегенератами, так же как позднее и коммунары: «Сумасшедшие в большом количестве входят в состав политических преступников, потому что склонность к преступлениям разного рода, обуславливаемая уже отсутствием нравственного чувства, усиливается в них еще и умственной неуравновешенностью, отсутствием рассудка, преувеличенным самомнением, идеями величия и преследования. Достаточно взглянуть на портреты некоторых политических преступников, чтобы, не будучи специалистом, увидеть, что они были сумасшедшими».

Самый же смелый вывод Ломброзо звучит так: «Среди антропологических факторов политической преступности на первом плане стоит влияние расы, что ярко иллюстрируется при сравнении резко выраженного революционного духа некоторых народностей с абсолютной апатией, проявляемой другими, живущими при такой же климатической и социальной обстановке». Сегодняшняя криминальная ситуация в большинстве мегаполисов наглядно подтверждает это утверждение итальянского ученого, ибо и в абсолютном и процентном отношении лидируют представители темнопигментированных расовых групп. Ломброзо отмечал, что блондины дают больший процент изобретателей и ученых, но гораздо меньший процент наследственных преступников, в том

числе и политических, по сравнению с брюнетами. Кретины и эпилептики среди блондинов вообще составляют исключение.

Для определения психически дегенеративных людей, в том числе и среди политических преступников, Ломброзо предложил использовать термин **mattoide** – маттоид, что в переводе с итальянского буквально означает «помешанный». Политические преступники часто пишут мемуары, особенно модным это занятие стало среди них последнее время. О том, как распознать маттоида по его сочинениям, не будучи знакомым с ним лично, Ломброзо оставил нам подробную инструкцию: «Маттоидизм – это сочетание слабоумия с манией величия, представляет чрезмерное развитие гордости и честолюбия, на почве слабоумия. В их сочинениях встречаются стремление к несбыточному, постоянные противоречия, многословие и над всем этим царит хвастовство. У всех маттоидов замечается скорее недостаток, чем излишек вдохновения. Деморализованные излишним развитием собственного «я», они, как и истинные гении, способны легко отрешиться от традиции и привычек, отличаются нетерпимостью. Они способны играть известную политическую роль. Множество цареубийц – маттоиды, так же как и многие предводители партий».

Дегенеративные идеи всегда зарождаются в дегенеративных же мозгах, а их существование легко улавливается по общей дегенеративности конституции тела и психического поведения.

Последователь Ломброзо, его соотечественник Энрико Ферри основав школу **криминальной антропологии**, существенно развил и дополнил взгляды своего учителя, увязав воедино дегенерацию, политику и искусство. В книге «Преступные типы в искусстве и литературе» (1907) он давал такое определение сущности новой науки: «Позитивная школа уголовного права перенесла свои исследования с преступления на преступника, то есть с юридической сущности на того, кто производит само действие».

Для определения наследственного помешательства Ферри предложил использовать термин **pazzia ragionante**, что означает «рассуждающее сумасшествие». Сегодня, чтобы понять, что это такое, достаточно включить телевизор и послушать дебаты о легализации наркотиков и прославлении гомосексуализма или посетить сборище искусствоведов в модном салоне. Любое вручение крупных международных премий в области моды, киноискусства, литературы сегодня имеет политический оттенок с ярко выраженным привкусом маттоидности, а несколько минут открытой предвыборной кампании помогут даже неспециалисту поставить диагноз устроителям шоу. Энрико Ферри писал: «Политический преступник может быть также прирожденным преступником, который прикрывает флаг политического идеала, более или менее спорного, удовлетворение своих преступных инстинктов обмана и насилия. Чаще всего политические преступники бывают преступниками сумасшедшими (в явной или рассуждающей форме); они появляются в те моменты общественных волнений, когда светлые идеалы проникают в общественное сознание и нарушают умственное и нравственное равновесие лиц, уже расположенных к подобного рода аномалиям. Партия – это безумие всех на пользу немногих».

Прения и дебаты в политических кулуарах – нормальная форма функционирования маттоидов, а их стремление отменить смертную казнь во всем мире – способ осуществлять это занятие неограниченно долго. В современной истории России «перестройка» – это биологический процесс, не имеющий к политике никакого отношения, ввиду того, что до легализации многопартийной системы в стране была проведена кампания повышения лояльности по отношению к умалишенным. Будучи выпущенными на свободу, они влились в ряды только что зарегистрированных десятков политических партий, ибо ничего другого, как бесконечно предаваться «рассуждающему помешательству», они не умеют. Так называемая политическая свобода убеждений помогла легализовать весь спектр существующих диагнозов. Лишь общество, не имеющее ни малейшего пред-

ставления о теории наследственной политической преступности, может свыше десяти лет рассуждать о причинах распада СССР. Любой инквизитор, начавший постигать средневековую заплечных дел науку, едва завидев чело создателя перестройки, украшенное «печатью дьявола», моментально рассказал бы зазубренный урок о признаках демонов, подлежащих аутодафе. В НКВД времен Л. П. Берии учитывали те же признаки для вынесения приговоров врагам народа, то есть наследственным политическим преступникам.

Русский ученый Игнатий Закревский в своей монографии «Об учениях уголовно-антропологической школы» (Харьков, 1893) перенес проблему врожденной патологии на формирование религиозных воззрений. «Часто природная преступность сливается с революционной деятельностью, открывая возможность удовлетворять противоположным побуждениям под видом заботы об общем благе. Известна форма психического расстройства, которую следует назвать **политической эпилепсией**; при ней гениальные мысли перемежаются с галлюцинациями. Магомет, по-видимому, может служить представителем подобного типа».

В самом конце XIX века концепция **дегенерологии** оформилась уже окончательно, выдающийся немецкий психиатр Эмиль Крепелин (1856-1926) указывал: «Термин «вырождение» означает появление таких передающихся по наследству качеств, которые затрудняют или делают невозможным достижение основных жизненных целей». Другой корифей данного направления Пауль Юлиус Мебиус оформил практическую сторону воззрений, через создание **патографии**, то есть системной методики изображения морфологических признаков психического вырождения. Он также определял дегенерацию как «нецелесообразное отклонение от типа».

Наконец, и такой знаток проблемы, как Август Морель, указывал, что «дегенерация и болезненное отклонение от нормального человеческого типа – это одно и то же». В медицинский обиход из психологии, психиатрии и антропологии проникли такие понятия, как **rassekrueppel** (калеки расы), **stigma degenerationis** (признаки отягощения), **abarten** (видоизменение).

Крупнейший немецкий невролог Освальд Бумке в книге «Культура и вырождение» (М., 1926) сформулировал тезис, согласно которому не только отдельные пласты творчества этнических и социальных групп, но и целые культуры в мировом масштабе бывают дегенеративными, то есть являются порождением больных мозгов. Он подчеркивал: «В обыденной жизни слова «вырождение» и «выродок» – равносильны моральной оценке, моральному суждению». Его русский коллега Г. И. Россолимо в своей программной книге «Искусство, больные нервы и воспитание» (М., 1901) выступил с недвусмысленным призывом: «Наука во всеоружии должна вступить за тех, кому грозит опасность от патологических течений в современном искусстве; она должна указать на тот вред, который может произойти как для нравственности, так и для состояния нервной системы, от разнузданности воображения, от культивирования и разработки болезненных мозговых процессов, от крайнего преобладания работы фантазии над деятельностью интеллектуальной». Мало того, классик русской, а позднее и советской науки призывал к «массовой гигиене эстетического восприятия». Все массовое современное искусство, телевидение, мода, а шире – и стиль мировосприятия с ценностными установками, то есть весь тип цивилизации, согласно установкам Россолимо и других классиков неврологии, должен быть признан дегенеративным, порожденным деятельностью мозга, наследственно «анатомически изуродованных людей, которые вследствие своего анатомического уродства думают, чувствуют, ощущают, радуются и унывают иначе, чем нормальный тип современного человека», как отмечал Ломброзо. И следовательно этот тип цивилизации должен быть уничтожен, как «затрудняющий или делающий невозможным достижение основных жизненных целей», по мнению Крепелина.

Современная наука, как **психологическая антропология**, уделяет большое внимание исследованиям в области такого распространенного явления, как **измененные состояния сознания** (ИСС). Причем, что особенно важно подчеркнуть, основной упор делается на изучение психического здоровья личности и этноса в контексте конкретной культуры. Процитированный нами выше современный ученый Э. Ф. К. Уоллес в своей работе «Психические заболевания, биология и культура» из сборника «Личность, культура, этнос (Современная психологическая антропология)» (М., 2001) утверждает: «Всякая физическая дисфункция мозга предполагает некоторую психическую дисфункцию. Некоторые физические дисфункции вызывают дезорганизацию нервной системы, большая часть компонентов которой остается неповрежденной». Поэтому одной из основных задач психологической антропологии должно являться «изучение анатомии и физиологии центральной нервной системы, где она рассматривается как целое». Именно такой подход дает возможность классифицировать культуры как более или менее патогенные. «Таким образом, в будущем может стать возможным рассматривать частоту, распределение и формы психических болезней человека в обществе как индекс его культуры». Причем, что особенно важно, культурные ценности на прямую связаны с реакциями индивидов на психические болезни, то есть каждый тип культуры по-разному поражает психику различных этнических и расовых групп. А возникшие психические дисфункции отдельных частей нервной системы приводят затем к глобальным нарушениям всей системы в целом, что находит свое отражение уже в нарушениях физического функционирования мозга. Большинство **этнических психозов** как таковых, по мнению Уоллеса, связано с неспособностью одной этнической группы приспособиться к культурным ценностям другой.

Другой автор данного сборника Эрика Бургиньон в работе «Измененные состояния сознания» отмечает, что символы культуры действуют не только на мышление, но и на биологическую систему человека. Символы своей культуры синхронизируют и гармонизируют действие эндокринной системы представителей данной расы, в то время как инорасовые ведут к разбалансировке процессов жизнедеятельности, что и проявляется в увеличении числа психозов.

Известный писатель Олдос Хаксли в этой же связи отмечал: «Ни один человек, как бы он не был высоко цивилизован, не сможет длительное время слушать африканского ударника, монотонное пение индейца и остаться цельной, критичной и сознательной личностью. Если воздействие тамтамов и индейского пения будет достаточно продолжительно, то любой из наших философов в конце концов начнет скакать и голосить с дикарями». Здесь можно согласиться с признанным мастером художественного слова, ибо многие современные культурологи, проповедующие универсальность «общечеловеческой культуры» под воздействием инорасового психического воздействия, физически изуродовали свой мозг и утратили способность мыслить и чувствовать категориями своей расы. Именно поэтому в среде пропагандистов современного авангардного искусства процент людей с психическими и сексуальными отклонениями существенно выше, чем среди консерваторов, отдающих предпочтение эстетическим пристрастиям предков.

Инорасовая культура – главный источник психических инфекций в среде доминирующего расового типа в обществе. Человек, выросший на философии Шопенгауэра и Ницше, не сможет сохранить психическое здоровье, если длительное время будет окружать свой мозг зулусскими сказками или примется вдыхать фимиам восточного оккультизма с его эзотерическим развратом и вседозволенностью.

Результаты воздействия культуры одной расы на другую иногда могут быть сравнимы с боевой психической травмой.

Оперы Вагнера, цыганский романс и шансоны не совместимы, так как рождены на свет типами мозга, имеющими различную **культурную механику**. Еще раз процитиру-

ем слова классика русской неврологии и психиатрии С. С. Корсакова: «Многое, что считается аномалией для людей одной расы, составляет явление нормальное для людей другой расы».

Рассмотрим теперь вкратце влияние так называемых «культурных норм» одной расы на другую. Сегодня принято считать пропаганду сексуальных свобод частью европейской системы ценностей, основанной на всех немыслимых и противоестественных извращениях, в значительной степени имеющих откровенно патологический характер. Однако крупнейший отечественный психолог В. П. Осипов в своем фундаментальном сочинении «Курс общего учения о душевных болезнях» (Берлин, 1923), основываясь на данных сравнительной психиатрии и психорефлексологии, доказывал, что массовый гомосексуализм и педерастия происходят с Востока, преимущественно из географических ареалов, где соприкасались большие расы и где хаос смешения кровей неминуемо выливался в повсеместное торжество самых противоестественных форм поведения, в том числе и сексуального. **Смешение рас ведет к смешению систем ценностей с неизбежной последующей их утратой.**

В. П. Осипов подчеркивал: «По свидетельству сведущих лиц, педерастия на Востоке настолько приобрела право гражданства, что в среднеазиатских ханствах мальчики-танцоры (бачи) принимали участие в официальных процессиях, а Саади и другие поэты воспевают их красоту в своих стихах. Бачи обучаются танцам, пению, носят полуженскую одежду, кокетливы и умеют возбудить своих клиентов; богатые люди считают хорошим тоном иметь на содержании бачей, если даже и не пользуются ими. Одни пользуются бачами за неимением женщин, оставляя неестественный способ при первой возможности, другие же остаются педерастами навсегда; сами бачи, большинство которых принадлежат к пассивному типу, с появлением бороды обыкновенно оставляют свое ремесло, иногда женятся и живут нормальной жизнью, некоторые же не могут уже освободиться от уранического влечения и в свою очередь прибегают к помощи бачей. Бачи вырабатываются как результат специального, большей частью насильственного полового воспитания в определенном направлении; они профессионалы полового извращения, которому подчиняются и которое культивируют, и которое вырастает в истинное гомосексуальное влечение, свойственное их дегенеративной конституции».

Сегодня достаточно включить телевизор или посетить салон модного искусства, чтобы убедиться в том, что характерный вид дегенеративной физиономии в совокупности с гомосексуалистскими ужимками сделался признаком хорошего тона, и никакие рассуждения о высоком искусстве уже давно не обходятся без подобного антуража. **Эстетизм стал парадной прихожей гомосексуализма.**

Ни в русских народных сказках, ни в сказках других народов, принадлежащих к исходному индоевропейскому культурному кругу, нигде нет и намек на половые извращения. А в таких классических арийских религиях, как индуизм и зороастризм, гомосексуализм считается самым тяжчайшим преступлением, подлежащим наказанию не только в этой жизни, но и во всех последующих воплощениях. Существуют специальные древнеперсидские трактаты, детально описывающие технологию ритуального убийства половых извращенцев и принесения их в жертву. В войсках СС также расстреливали за мужеложество.

Вместе с тем турецкий султан Мехмед II, сокрушивший Византию в 1453 году и превративший христианские храмы и дворцы Константинополя в груды дымящихся развалин, был ревностным мусульманином, несшим всюду слово пророка Мухаммеда, но при этом открыто содержал два гарема; один состоял из женщин разного возраста, а второй был укомплектован мальчишками. Данный факт никак не входил в противоречие с «культурными» нормами ислама и не мешал проповеди истины Аллаха.

Несколько глав в своей замечательной книге В. П. Осипов посвятил описанию всех видов половых извращений, процветавших в библейские времена, из чего становится

окончательно ясно, что для понимания «духовных красот» Ветхого Завета нужно предварительно обзавестись учебником по **криминальной сексологии**.

Крупный итальянский антрополог и психолог Паоло Мантегацца весьма оригинально объяснил генезис гомосексуализма, который, по его мнению, возникает в результате анатомо-физиологической аномалии, выражающейся в распространении периферических нервов половых органов на прямую кишку, включаемую таким образом в эрогенную область. Обилие магазинов, торгующих «марсианской» механической техникой для удовлетворения аномально экзотических сексуальных наклонностей, делают эту гипотезу вполне достоверной. Причем, что характерно, количество этих магазинов в крупнейших городах Европы и Америки увеличивается параллельно общей демократизации общества и борьбе за права человека, а это полностью вписывается в контуры нашей концепции, согласно которой для восприятия и распространения каждого типа идеологии необходим определенный тип нервной системы. Движения за гуманизм, феминизм, права сексуальных и иных меньшинств нуждаются в особом типе нервной системы, функционирующей через соответствующий массаж аномальных периферических нервов половых органов. Демократические ценности по уровню и характеру агитации все больше напоминают предписания практолога.

Работы крупного русского психолога и физиолога Григория Николаевича Бренева сегодня совершенно забыты, однако его труд «Доисторическая цветная цивилизация» (1935) весьма актуален в контексте современной культурной ситуации, так как ее сущность этот русский ученый, бывший одним из любимых учеников И. П. Павлова, раскрыл сквозь призму полового рефлекса и языка, то есть соотнес основной инстинкт продления рода с одним из главных орудий культуры, что означало революцию в науке. Он писал: «Рефлекс является сигнализатором био-процессов в прошлом. Современный русский рефлекс «колыбели» Белого человека не сломался, а оброс, впитал в себя мировые идеи цветного соревнования всех своих цветных врагов. Русский язык поэтому – это вечный часовой всех цивилизаций, всех эпох и всей нервной энергетики человечества. Русский язык все видел, все слышал и решительно все рефлекторно выстрадал и запомнил. Язык – это воплощение нервной энергетики народа».

Постижение и истолкование мировой истории, по Бреневу, вообще возможно лишь через сравнительное изучение рефлексов различных рас, ибо только тогда становятся понятными и очевидными мотивы их поведения, преследуемые цели и культурные ценности: «Современное положение в России может быть понято только на точном знании **рефлекса крови** белого и цветного людей». Для изучения биологической сущности извечных врагов России Бренев предложил ввести специальный научный предмет – **«цветное крововедение»**. Духовное же состояние современного русского человека, обросшего противоестественными рефлексами цветных соседей, он метко назвал **«колонизированной психикой»**: «В современной экспериментальной России всюду «переключка» рефлекса, отсюда океан Русских терзаний, крови и слез».

Согласно его концепции, звуко-знак языка служит своего рода «радиоаппаратом», а принимающей антенной служит безусловный рефлекс крови человека. Язык все время осуществляет корректировку и настройку рефлекса крови и одновременно служит индикатором биопроцессов. Все это легко наблюдать в повседневной речи. Так, просторечное выражение «Бог шельму метит» опять же свидетельствует о физических отметинах на теле дегенератов, как, например, в случае с основателем «перестройки». Выражение «подложить свинью» раскрывает суть ритуального скотоложства, практикуемого некоторыми небелыми народами, что известно еще из Ветхого Завета. Фраза: «Держать в черном теле» – свидетельствует об исконно презрительном отношении белых людей к черным.

Г. Н. Бренев пишет по этому поводу: «Белый рефлекс никогда не признавал равенства цветной расы и никогда не признает, так как кровосмешение рефлекторно отрав-

ляет психику; коллизия разной крови снижает нравственные достоинства Белой Расы и физически ведет к вырождению и уходу «ублюдков» в небытие. Требование Цветного Интернационала старее мира».

Выдающийся отечественный ученый В. П. Осипов неустанно подчеркивал: «Все без исключения психические акты развиваются путем рефлекса». Это означает, что расово-чуждые, а также откровенно извращенные дегенеративные идеи всегда будут оказывать негативное воздействие на развитие естественных рефлексов в лоне преобладающей расы. Человек, мозг которого сконструирован для восприятия полотен Дюрера, всегда будет испытывать физиологический дискомфорт при виде «живописи» Шагала.

5. Фикционализм

Немецкий философ-позитивист Ганс Файхингер (1852-1933) в своей работе «Философия как если бы» выдвинул положение о том, что поведение огромного количества людей определяется социальными фикциями, такими, как например, «все люди равны в своих возможностях», или «все люди – братья» и т. д. Причем самое главное заключается в том, что люди, подверженные психическому влиянию этих фикций, большую часть своей жизненной энергии тратят на то, чтобы овеществить иллюзию. Поэтому управляемая фикция является мощнейшим инструментом власти. Данная теория получила название **фикционализма**.

Однако в свете данной теории становится совершенно очевидным, что если представители одной расы начнут экспортировать фикции в виде культурных норм или даже целых политических доктрин в жизненное пространство другой расы, то этим они извратят ценностные ориентиры ее представителей и тем самым подорвут биоресурс этой расы.

Другой крупный немецкий психолог Альфред Адлер (1870-1937) также считал, что в основе поведения невротика лежит фикционалистское поведение, которое через компенсаторную функцию отнимает у него все силы в борьбе с собственной неполноценностью. Человек, осознавая психически свою неполноценность, борется с нею по принципу компенсации. Но ведь это правило справедливо для целых народов и рас, которые можно буквально обессилить, внушив им комплекс неполноценности и принудив тем самым тратить весь биоресурс на борьбу с самими собой.

Современный немецкий ученый Фридрих Кликс в книге «Пробуждающееся мышление» (Киев, 1985) перевел обсуждение данной проблемы на качественно новый научный уровень. Он пишет: «Основная функция нервной клетки состоит в генерировании импульса в ответ на изменение внутренних и внешних условий. Реакция в значительной мере зависит от размещения заряда в клетке и в определенном смысле может рассматриваться как распознавание. Элементарная самостоятельная функция нервного узла состоит в выборе альтернативы между возбуждением или торможением. Рефлекс замирания некоторых насекомых является уже примером комплексного осуществления данной функции. Характерная функция нервного импульса клетки состоит в «распознавании» в целях выбора соответствующей программы поведения. В естественных условиях это выражается в усилении или подавлении активности, в зависимости от того, что «распознает» сенсорный аппарат – хищника или жертву. Решения такого рода основываются на межклеточных нервных затуханиях. При этом распознавание и управление как функции нервной системы подчиняются удовлетворению потребности. Это филогенетическая основа для возникновения мотивации поведения, так как наследуемые программы и их реализация в признаках поведения настроены на наиболее вероятное окружение, на некий тип жизненного пространства».

Таким образом, весь подлинный ужас при воздействии чужеродной фикции на представителя конкретной расы состоит не только в извращении ценностных ориентиров в его сознании, но именно в нарушении функционирования нервных узлов, а также

включении противоестественных рефлексов и изменении наследственной программы поведения. Упакованные в гуманистические лозунги о «равенстве и братстве» психические вирусы в виде фикций, при внедрении в лоно жизнедеятельности активной расы, расы-хищника, способны включить рефлекс замирания, превращая ее в расу-жертву. **Культурные нормы барана никогда не будут способствовать эволюционному совершенствованию волка.** «То, чем выгодно располагают так называемые низшие виды животных, закреплено в их генотипе преимущественно на инстинктивной основе», – пишет Ф. Кликс. Это означает, что культурные нормы низшего организма, навязываемые посредством создания фикции высшему организму, не становятся от этого более совершенными и эволюционно продвинутыми. Примитивные стереотипы «низших» рас не изменяют своей примитивности при перенесении в среду обитания «высших» рас, и именно в этом заключено их тлетворное влияние.

В. П. Осипов в своей прекрасной монографии «Курс общего учения о душевных болезнях» (Берлин, 1923) разъяснял суть проблемы так: «К числу психических факторов, вызывающих при известных условиях душевное расстройство, принадлежит так называемое **душевное заражение** или **психическая инфекция**; влияние душевного заражения обнаруживается во внушающем действии примера, вызывающего подражание, или словесного убеждения, воспринимаемого без надлежащей критики; условия, благоприятствующие возникновению и развитию заражения, заключаются в легкой внушаемости объектов, ему подвергающихся; к таким условиям относятся: юный возраст, истерическая конституция, невежество объекта, слепое доверие источнику внушения и влияние массового примера, облегчающие развитие душевного заражения, которому подвергаются менее устойчивые элементы. Массовое распространение самых капризных и нелепых мод служит хорошим примером склонности людей к нездоровому подражанию».

Случаи распространения массовых психических эпидемий как в древности, так и в новейшее время хорошо известны. Но ведь и различные формы массовой идеологии также могут рассматриваться как психические инфекции. Лицо, выступающее источником заражения, при этом называется **индуктором**, а лицо зараженное – **индуцированным**, таким образом, само психическое заболевание называется **индуцированным помешательством**. Гностические ереси раннего христианства, марксизм, тоталитарные секты, проповедь мессианства и прочие модные умственные напасти – все это типичные примеры массовых индуцированных помешательств, вызываемых целенаправленной деятельностью **идеологических индукторов**. Координированные действия представителей одной расы могут явиться причиной массовой психической инфекции в лоне другой, что приводит в конечном счете к подрыву ее биологической жизнеспособности.

Практика многочасовых агитационных выступлений большевистских лидеров из числа некоренных национальностей перед русскими людьми времен гражданской войны – типичный пример наведения инорасовыми индукторами психической порчи на представителей основной культуросозидающей расы, в целях ее биологического подавления. В. П. Осипов указывал в этой связи: «Предрасполагающее влияние расы отражается на количественном взаимоотношении клинических форм душевных болезней и на особенностях их течения; кроме того, в некоторых странах наблюдаются формы проявления душевного расстройства, не наблюдаемые в других».

Так же и «культурные нормы», и модные веяния могут использоваться при этом как формальное прикрытие для распространения глобальных психических эпидемий. Так называемая «культурная среда», как это видно из мировой практики, чаще всего и выступает как микрофлора для распространения идейных патологий. Кружки интеллектуалов, духовидцев, людей, «общающихся с Богом» или «олицетворяющих собой совесть нации», и иные идеологические индукторы с древнейших времен используются как

очаги распространения массовых индуцированных помешательств. Современная проповедь общечеловеческих ценностей, любви и братства в духе постулатов Великой Французской революции – типичный пример устойчивой психической инфекции, распространяемой, как чума или иная эпидемия. Цель одна – поражение биологического потенциала конкурента, занимающего ту же экологическую нишу. **Чуждая мысль – это почти всегда психическая инфекция**, а агрессивная инспирированная ее подача однозначно ведет к энергетическому растоплению узлов прочности архетипа той расы, против которой применяется данная идеологическая фикция.

Немецкий расовый философ Эрнст Крик провидчески писал: «Основной закон расы гласит: любое воспитание, все виды формирования человека и правовые формы, а также все способы лечения, вообще, любой образ действий должны соответствовать расовому типу и расовым ценностям, иначе они приведут к болезням и вырождению. Европа за последние столетия своей истории пережила целый ряд способов действия, в частности, способов лечения, которые, будучи связанными по сути своей с азиатчиной, могли привести лишь к заболеванию арийских народов. Расово-политическое воспитание – это система отбора, создание благоприятных условий для всего, что соответствует своему типу и своей цели, и подавление всего, что им чуждо».

6. Диагноз: наследственная агрессивность

Одной из важнейших причин несовместимости культур является различная наследственно обусловленная степень агрессивности их носителей. Эксперименты на приматах предельно ясно прояснили картину в этом вопросе.

Крупный отечественный ученый А. Р. Лурия в статье «Мозг человека и психические процессы» из сборника «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии» (М., 1963) указывал, что после экспериментов над животными было обнаружено, что после разрушения области гиппокампа у них наблюдается нарушение аналитических способностей, повышается агрессивность и наблюдается нетормозимое сексуальное поведение. Область гиппокампа может рассматриваться как функциональный аппарат сличения ожидаемого и реального эффектов от той или иной стратегии поведения.

Крупнейшие мегаполисы Европы и Америки испытывают сегодня наплыв афроазиатских мигрантов, социальное поведение которых для автохтонного белого населения может быть рассматриваемо как поведение расово-биологических групп, страдающих наследственным повреждением области гиппокампа. Данные криминальной статистики сегодня наглядно свидетельствуют о том, что среди темнокожих расовых групп процент немотивированных противоправных поступков, сексуального насилия и употребления наркотиков существенно выше, чем в среде белого населения. Так например, по официальным сводкам Министерства внутренних дел России выяснилось, что процент профессиональных оптовых торговцев наркотиками среди цыган выше, чем среди русских, в 60 раз (!!!). Если же мы будем сравнивать культурные и научные возможности этих двух народов, то статистика будет прямо противоположной. Но с точки зрения приматологии данный факт может быть легко объяснен, ибо, согласно изысканиям А. Р. Лурии, поражение лобных долей мозга приводит к таким формам поведения, которые нейрофизиологически описываются как «распад целенаправленной деятельности», «утрача инициативы», «нарушение критичности по отношению к своему поведению», «нарушение психорегуляторной деятельности», «замена инициативы на стереотипные действия». Именно поэтому наследственное недоразвитие лобных долей мозга у представителей отдельных расовых групп и приводит к тому, что при попадании в лоно современной цивилизации они выключаются из культурной жизни, тяготея к социальному паразитизму, а иногда и откровенно противопоставляют себя обществу, их принявшему. Напомним в этой связи слова другого корифея отечественной неврологии Л. С. Выготского, утверждавшего, что «локализация высших функций не может быть понята иначе как хроногенная, то есть отношения, которые характерны для отдельных частей мозга, складываются в ходе развития». Таким образом, становится совершенно очевидным, что как для осуществления полетов в космос, так и для профессионального распространения наркотиков нужно родиться. **Те или иные гены, струясь сквозь историю, находят свои излюбленные русла и, прорастая в виде различных биотипов, находят свое проявление во всем культурном, социальном и политическом многообразии рода людского, эту историю творящего.**

Крупнейшие современные генетики Ф. Фогель и А. Мотульски в своем фундаментальном трехтомном сочинении «Генетика человека» (М., 1990) уже на качественно новом уровне развили исследование наследственной агрессивности. «На основании полученных данных был сделан вывод о том, что антисоциальное поведение мужчин с генотипом ХУУ обусловлено присутствием дополнительной хромосомы. Мужчины с ХУУ-набором половых хромосом относительно чаще, чем нормальные ХУ-индивиды, проявляют антисоциальное поведение и входят в конфликт с законом. Преступники с данным аномальным набором хромосом, кроме того, обладают более низким коэффи-

циентом интеллекта. Поскольку хромосомные aberrации часто приводят к снижению интеллектуальных функций и учащению поведенческих отклонений и поскольку электроэнцефалограмма в случае этих расстройств указывает на аномалии в развитии и созревании мозга, мы могли бы рассчитывать, что морфологические исследования предоставят нам данные относительно механизмов, с помощью которых такие aberrации повреждают функции мозга. Наиболее общими формами патологии оказались: недоразвитие передних отделов мозга, дефекты мозолистого тела, изменение ориентации пирамидальных клеток на 180° и отсутствие некоторых мозговых извилин, или нарушение их ориентации».

Современная генетика, таким образом, подтвердила положение И. П. Павлова, что «все открываемые подробности конструкции мозга рано или поздно должны найти свое динамическое значение». То есть все наследственные отклонения в строении мозга индивидов обязательно должны найти свое проявление в их неадекватном поведении. Закономерность эта справедлива для единиц, а также применима и к большим расовым и этническим сообществам, что первым наглядно показал еще Ч. Ломброзо.

В нашей стране сегодня активно проводится изучение наследственных основ агрессивности. Так, М. В. Алфимова и В. И. Трубников в статье «Психогенетика агрессивности» (Вопросы психологии, 2000, №6) делают следующий вывод: «Тем не менее, учитывая, что генетические различия вносят существенный вклад в формирование склонности к агрессивному поведению, со временем, когда индивидуальная генетическая диагностика станет доступной, генетические данные можно будет использовать для оценки индивидуальной реактивности, провоцирующей агрессию, а значит – и для прогноза и профилактики агрессии».

От себя же добавим, что рекомендации медико-генетических консультаций сегодня повсеместно используются при рождении детей, но ведь, собрав статистику о психогенетических основах агрессивности среди различных этнических и расовых групп, можно легко установить, какие из них способны к комплиментарному сосуществованию в рамках единого государства, а какие заведомо нет? Можно будет, соответственно, ответить на вопрос: какие культуры могут дополнять друг друга, а какие даже взаимно не выносят расовой стилистики конкурента.

Наконец, используя данные тех же генетических исследований, можно с более высокой степенью вероятности подбирать честных чиновников, дабы не быть свидетелями очередных коррупционных скандалов, а также выбирать политических лидеров, максимально отражающих волю большинства.

Представляется, наконец, возможность превращения дорогостоящей и совершенно бессмысленной разовой процедуры выборов в простейшую и весьма высокоточную глобальную систему сличения баз данных геномов электората с геномом потенциального вождя. Расово-биологическая идентификация гораздо точнее отражает политические предпочтения избирателя, чем это делается методом шулерского одурманивания краплеными бюллетенями. Можно вбросить фальшивые бюллетени в урну для голосования, но нельзя влить другую кровь в жилы избирателей. Вождь и его стая должны быть одной крови, чтобы дополнять друг друга.

Возвращаясь к теме культуры и ее носителей, уместнее говорить поэтому не столько о наследственно отягощенных расах, а наоборот скорее о наследственно облегченных. Уже первые биохимические исследования крови у различных рас все поставили на свои места. Так, отечественный ученый В. Г. Штефко в статье «Биологические реакции и их значение в систематике обезьян и человека» (Русский антропологический журнал, том 12, книга 1-2, 1922) сделал многозначительный вывод: «Соображения, высказанные на основе экспериментальных данных, приводят нас к чрезвычайно важному и в высшей степени интересному заключению. Культурные расы человечества, как например европейцы, имеют более сложное строение белковой молекулы, чем низшие расы. Таким

образом, с биологической, или вернее, биохимической точки зрения они являются более сложно организованными, чем вторые». Именно на основе такого рода естественнонаучных открытий крупнейший немецкий расовый психолог Эрих Рудольф Енш (1883-1940) сделал уже более смелое обобщение, провидчески возгласив: «Раса и кровь; кровь и раса – это лежит в основе всего. От строения капиллярной сети и до мировоззрения протягивается единая прямолинейная нить. Учение о крови и расе доказывает примат человеческого общего бытия, включая и его элементарные, особенно врожденные детерминации, над миром идей. Это же самое доказывает и современная психология, устанавливающая нерасторжимую связь между самыми элементарными и низшими психофизиологическими процессами и самыми высшими формами идейной жизни. Идеи сами по себе бесплодны, если они не связаны с физическим бытием. Только в чистой плоти и крови могут благополучно развиваться чистые идеи. Необходим поход против старого смешного и бессильного идеализма. Достойны уважения только сильные идеи, которые могут господствовать и побеждать».

Еще до недавнего времени агрессию, в том числе и на уровне противостояния рас, народов, культур было принято объяснять воздействием социально-психологических факторов. Причины агрессии искали где угодно: в экономике, политике, различиях в культурном и образовательном уровне, даже на небесах среди симпатий ангелов и бесов, только не в наследственности различных расовых групп. Последние изыскания в данной области подвели черту и под этой вечной проблемой истории. Идеалистические представления о сущности добра и зла пророков и гуманистов окончательно потеряли под собой почву. Жестокосердие и мстительность, или, напротив, добротолубие и всепрощение – отныне это не суть эмоционального порыва, но просто результат действия генов, концентрация частот которых различна во всех основных расовых группах, создававших базовые культурные ценности. Для того, чтобы создать, к примеру, величайшие изваяния Будды на территории Афганистана, или же их уничтожить, как это сделали бандиты из движения Талибан, нужно прежде всего родиться. Самая гуманная мировая религия – буддизм, так же как и самая агрессивная – ислам – это не абстрактное расхождение заповедей, а извечная борьба генотипов их создателей. Достаточно поверхностного изучения биографий создателей этих религий, чтобы осознать всю фатальность различий генетических эманаций, их породивших. Это два полюса наследственности, два разных генных пула, и все скудоумные рассуждения культурологов, пытающихся свести борьбу рас к взаимному недопониманию культурных норм, есть лишь крайняя форма запущенного идеализма.

Барсук, строящий плотину, никогда не задумывается о нюансах психологической жизни рыб, которым суждено погибнуть при ее строительстве. Плотина – это «культурная» норма барсука, а съеденные рыбы – ее следствие.

Изменять окружающую среду посредством наследственной воли есть приоритетная задача каждого живого организма, ежемгновенно осознающего свою племенную принадлежность. Фактор наследственного здоровья также играет огромную роль.

В 2000 году в МГУ им. М. В. Ломоносова известный отечественный ученый Лариса Валериановна Бец защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора биологических наук на тему «Антропологические аспекты изучения гормонального статуса человека». Автор данного исследования, в частности, предлагает метод определения психических и сексуальных отклонений у человека на основе изучения концентрации гормонов. Метод прошел практическую апробацию, и достоверность его результатов приближается к 100%.

Сегодня во всех так называемых цивилизованных странах, в том числе и в России, наблюдается повышенная активность сексуальных извращенцев (первертов) всех мастей, оказывающих все возрастающее давление на общественное мнение и культурные нормы. Причем консолидация извращенцев происходит сугубо на биологической осно-

ве, и никакая идеологическая ориентация не является помехой для лоббирования интересов этого клана. Во всех структурах России, в том числе и в Думе, эти многополюсные существа с нарушенным гормональным статусом создают партии и фракции. Их психически дегенеративное, маттоидное поведение и является подлинной причиной политической нестабильности в нашей стране. Гримасы современной власти – это не следствие политической незрелости демократии, как нас пытаются убедить журналисты, а следствие биологического распада общества, которое излечивается только биологическими радикальными мерами, а не прививками социологии в виде агитации и диспутов. Маттоиды, как мы помним, любят предаваться рассуждающему сумасшествию, но не терпят биологического выявления (люстрации).

Теперь мы имеем действенный метод для дезинфекции наших политических кулуаров. Ученые В. В. Яровенко и А. Н. Чистикин в брошюре «Дерматоглифика в криминалистике и судебной медицине» (Тюмень, 1995) указывают: «Предметом дерматоглифики являются генетические особенности состояния, функциональные свойства организма человека: склонность к определенным видам профессий; поведение человека в экстремальных ситуациях; предрасположенность к отдельным видам заболеваний; совместимость супружеских пар и др., отраженные в капиллярных узорах кистей рук. Для следственной практики имеют существенное значение определение генетических особенностей организма в плане склонности к совершению преступления и выработке конкретных предупредительных мер. В медицине является установленным фактом высокая достоверность дерматоглифической диагностики предрасположенности к заболеваниям – до 97%, потому что причины, вызывающие развитие патологии, действуют во время формирования дерматоглифических признаков».

Все это говорит о том, что если раньше маги и астрологи предсказывали появление кровожадных тиранов по звездам, то теперь грядущее появление на свет любого наследственного политического преступника может быть выявлено на стадии обследования плода будущей роженицы. В. В. Яровенко и А. Н. Чистикин не стесняются писать о «профилактике преступлений» на основе своего метода. Кроме того, они отмечают: «Между биоритмами и папиллярными узорами имеется определенная связь. Определенным типам и видам узоров соответствуют «определенные биоритмы». Но еще сто лет назад Чезаре Ломброзо писал: «У врожденных преступников бывает своеобразная аура, которая предшествует совершению преступления и заставляет предчувствовать его». Современные научные методики позволяют фиксировать биоритмы человека на любом уровне, а также производить цветную фотосъемку его ауры. Отпечатки пальцев у любого человека также можно брать незаметно для него самого. Маттоиды, как мы помним, отличаются и болезненной спецификой своих отправлений и выделений, поэтому установление соответствующих биохимических датчиков в местах проведения интересующих нас политических сборищ в совокупности с прочими вышеназванными методами поможет в кратчайшие сроки выявить всех наследственных политических преступников, а анонимность и системность измерений позволят сократить зону ошибочных показаний и предотвратить ответные действия вероятного биологического противника.

Идея использования отпечатков пальцев для установления диагноза принадлежит крупнейшему американскому антропологу Гарольду Камминсу (1894-1976), который первым ввел в употребление термин дерматоглифика. Его научная инициатива относилась к 1936 году. Более поздние изыскания в данной области полностью подтвердили обоснованность такой постановки вопроса. Крупнейший отечественный специалист Г. Л. Хить в статье «Окончание линии С у различных расовых групп» (Вопросы антропологии, вып. 59) указывает: «Признаки дерматоглифики не имели адаптивного характера на протяжении всей истории формирования монголоидного и европеоидного расовых стволов». В свою очередь Т. О. Жиленкова и

Л. Г. Гольдфарб в статье «Дерматоглифика при виллюозном энцефалите» (Вопросы антропологии, вып. 64) подчеркивают: «Характер и степень выраженности тех или иных признаков дерматоглифики закладываются в генотипе и остаются неизменными в течение жизни индивида. При наличии у отдельного индивида какого-либо наследственного заболевания или предрасположения к нему дерматоглифические признаки могут выходить за рамки изменчивости в данной (здоровой) популяции».

Таким образом, вышеозначенные авторы подводят нас к мысли о том, что факторы дерматоглифики позволяют с весьма высокой степенью точности фиксировать и диагностировать основные аспекты **расовой патологии**.

И. С. Гусева, В. И. Казей в статье «Дерматоглифика при некоторых хромосомных аномалиях у человека» (Вопросы антропологии, 1970, вып. 35) при помощи дополнительных данных выстраивают стройную и обоснованную концепцию: агрессия имеет врожденную основу, причем не только на индивидуальном, но и на расовом уровне, а также поддается оценке и количественному измерению.

Данная точка зрения просматривается не только в этих работах, но и во множестве иных, причем исследования приобретают все большую общественную популярность.

Авторы большого тематического сборника «Папиллярные узоры: идентификация и определение личности» (М., 2002) свидетельствуют, что «накоплен огромный материал, позволяющий с достаточной определенностью говорить о признаках патологической дерматоглифики, указывающих на наследственно предопределенные нарушения в формировании человеческого организма и, в первую очередь, его нервной системы». Кроме того, по мнению тех же авторов, «кожный рельеф, наряду с общими признаками патологии имеет в каждом случае ряд собственных специфических черт, маркирующих совершенно различный фенотип поведения. Это позволяет говорить о перспективах использования дерматоглифических методов в психологии».

Таким образом, выстраивается радужная перспектива объяснения и предсказания социального, политического и криминального поведения тех или иных расовых групп на основе системной люстрации их дерматоглифических признаков.

Современный отечественный специалист в данной области Н. Н. Богданов в монографии «Постижение индивидуальности» (М., 2001), обобщая собственный опыт исследований и зарубежные публикации, свидетельствует, что «люди, обладающие узорами в области ладонных полей, в частности Th, действительно отличаются большей агрессивностью». Th – это индекс узорности первой межпальцевой подушечки, который относится к числу важнейших дерматоглифических параметров, и статистику его вычислений среди почти всех национальных и расовых групп проводят уже десятки лет. Накоплен огромный пласт достоверной информации, полученной в процессе длительных этнографических исследований.

Наше обращение к фундаментальному сочинению «Расовая дифференциация человечества» (М., 1990) отечественных корифеев дерматоглифики Г. Л. Хить и Н. А. Долиновой вновь иллюстрирует торжество принципов классической расовой теории. Судите сами. У большинства европеоидов индекс Th колеблется в пределах 8-9. Именно этот факт как нельзя лучше объясняет то, что многовековые войны в Европе почти совершенно не изменили в ней этногеографическую ситуацию. У тюркских и монгольских народов величина этого индекса уже существенно выше, что и находит свое историческое подтверждение в набегах половцев, хазар и печенегов на Русь, а также в распространении монголо-татарского ига и в агрессивной политике турецкой Османской империи.

Первоначальное победное шествие ислама в VII и VIII веках не вызывает никакого удивления, ибо у арабов-кочевников индекс Th – один из самых высоких в мире (20-21). Современные евреи Израиля никак не могут решить проблему арабского терроризма в силу того, что у них индекс Th равен 12,5.

Зато у евреев-ашкенази, выходцев из России, он составляет 21,5, а это в свою очередь объясняет причины большевистского изуверства во время гражданской войны, так как многие комиссары были евреями-ашкенази.

Но самыми агрессивными в мире по этому параметру дерматоглифики являются женщины из Урус-Мартановского района Чечни, участвовавшие в качестве террористок-смертниц на территории России во время многочисленных бандитских акций. Характерно, что само название Урус-Мартан, в переводе с чеченского, дословно означает «мертвая русская голова». Не очень отстают от чеченских женщин по характеристике наследственной агрессивности чеченские, дагестанские и азербайджанские мужчины, что подтверждается сводками криминальной статистики Министерства внутренних дел.

Абхазцы (5-7) менее агрессивны, чем грузины (10), а армяне (9) менее, чем азербайджанцы (12-14) и турки (12-16): эти аспекты криминальной дерматоглифики легко находят свое подтверждение в этно-территориальных конфликтах на Кавказе на протяжении всей истории.

Тихие и безобидные европеоидные айны (4) к началу XX века уже полностью были ассимилированы японцами (10). Китайцы (8-12) вполне закономерно оккупировали Тибет, коренное население которого имеет индекс Th, в пределах (3-6).

Сегодня представляется возможным объяснить всю мировую историю на основе интерпретации параметров отпечатков пальцев и ладоней народов, ее творящих.

Такие науки, как конфликтология и агрессология должны получить принципиально новое биологическое обоснование, а социология и политология старого классического образца должны претерпеть существенную ревизию. И данная перспектива тем более заманчива, потому что признаки дерматоглифики являются полностью наследственно детерминированными и не зависящими от влияний среды. Речь может идти о глобальной и системной реконструкции мировой истории на биологической основе.

Новейшие открытия в области генетики уточнили и скорректировали картину происхождения агрессии. Так, современный голландский ученый Хан Г. Брюннер в 1978 году выделил «ген агрессивности»-моноаминооксидазу (МАО), причем его исследования подтвердили концепцию связи хромосомной патологии с низким уровнем интеллекта. Люди с недостаточным содержанием моноаминооксидазы больше подвержены вспышкам беспричинного гнева и имеют коэффициент интеллекта ниже среднего. Наследственный недостаток ума компенсируется у них агрессивностью, и это правило справедливо не только для отдельных индивидов, но для целых этносов и рас. Менее культурные народы, попадая в социальную среду более творчески одаренных, вымещают на последних свой комплекс неполноценности через агрессивное поведение, что находит красноречивое отражение в данных открытой криминальной статистики.

Известный американский политик Патрик Дж. Бьюкенен в нашумевшей книге «Смерть Запада» (М., 2003) приводит ошеломляющие данные Министерства юстиции США. Так, в 1987 году белые преступники, совершившие тяжкие преступления, выбирали своими жертвами чернокожих лишь в 3 процентах случаев, тогда как последние совершили против белых не менее пятидесяти процентов общего числа тяжких преступлений.

В случае изнасилований белые преступники ни разу (из восьмидесяти трех тысяч случаев) не покушались на черных женщин, тогда как изнасилования черными белых составляют 28 процентов общего количества изнасилований.

При грабеже лишь 2 процента составляют ограбления черных, совершенные белыми, – против 73 процентов грабежей белых, совершенных черными.

Черные совершили в 1994 году 90 процентов межрасовых преступлений. Поскольку черные составляют 12 процентов населения США, отсюда следует, что вероятность со-

вершения ими межрасовых преступлений в пятьдесят раз выше, чем для белых. Для черных вероятность совершения группового изнасилования или группового нападения в 100-250 раз выше, чем для белых. Даже в категории «преступлений ненависти», куда относится менее одного процента межрасовых преступлений, вероятность того, что черный окажется преступником, а не жертвой, вдвое выше, чем для белого.

Некоторые политически ангажированные ученые пытаются объяснить эту криминальную предрасположенность черной расы некими внешними социальными и даже экологическими причинами, сами того не понимая, сколь нелепа и смешна их аргументация. Американский биополитик Роберт Мастерс попытался объяснить агрессивность негров в США повышенной концентрацией свинца и других металлов в их жилищах (свинцовые белила, трубы и т. д.), а также действием алкоголя и соединений фтора, применяемых для обеззараживания воды.

Именно эти факты как нельзя лучше указывают на то, что у негроидной расы нервная система устроена иначе, чем у белой, ведь европеоиды, вдыхающие испарения свинцовых соединений и пьющие ту же воду и спиртные напитки не поддаются вспышкам беспричинной агрессии, как это наблюдается среди чернокожих.

Рост этносепаратизма и обыкновенного этнического бандитизма на территории России и бывших советских республик имеет ту же природу наследственной несовместимости различных расовых групп.

Кровожадность и изуверство чеченских боевиков, снимающих на видеокамеры пытки пленных, не могут иметь никакого социокультурного объяснения, ибо здесь мы имеем дело с биологическим фактом **агрессии ради агрессии**.

7. Биохимия идеологии

Отечественный ученый В. А. Олескин в своей фундаментальной монографии «Биополитика» (М., 2001) подчеркивает: «В современной России объективно возрастает значение биополитики. В частности, в ее орбиту входит изучение социальной **агрессивности**, распространенность которой на всех уровнях российского социума (от скандалов в Государственной Думе до действий боевиков) осложняет – наряду с прочими «мешающими факторами» – всякое позитивное развитие России на стыке веков. Президентские выборы в России – еще более благодатная почва для биополитиков, чем аналогичное явление на Западе, ибо в России биополитические закономерности выступают в менее прикрытой форме».

В свою очередь американский исследователь Томас Торсон в книге с одноименным названием «Биополитика» (1970) утверждал, что эволюционная биология должна послужить основой политической теории. Его соотечественник Питер Корнинг в книге «Теория прогрессивной эволюции» (1983) писал: «Политика возникает в ходе эволюции человека значительно раньше появления специализированных институтов управления. Я даже готов утверждать, что политическое поведение было важной предпосылкой и катализатором эволюции языка и расцвета культуры. Политика была неотъемлемой частью прогрессивной эволюции человеческого общества, она даже не являлась уникально-человеческим явлением».

Таким образом, речь идет о сознательном биологизировании причин политического, а равно и любого другого социокультурного поведения. Конкретные политические идеи есть порождение конкретных же типов мозга. Именно поэтому В. А. Олескин констатирует: «Изучение нервной системы имеет биополитическое значение, так как она выступает как важнейший соматический фактор политического поведения. Влияние генетических факторов на поведение не может быть исследовано без понимания нейрофизиологических механизмов поведения, на которые воздействуют генетические факторы».

Следовательно, пропаганда политических идей всегда связана с нейрофизиологическим функционированием нервной системы тех людей, на которых она рассчитана. Любая идеология влечет за собой изменение баланса химических микроэлементов в нервной системе.

Нейротрансмиттеры или нейромедиаторы – это химические коммуникативные агенты (сигнальные вещества), служащие для передачи информации от нейрона к нейрону. Открытия в области функционирования нейротрансмиттеров, сделанные за последнее время, позволили буквально разобрать в деталях нейрохимию любой идеологии.

Ацетилхолин важен для первоначального запоминания новой информации и последующих процессов консолидации памяти. Нехватка **дофамина** в соответствующих участках мозга ведет к потере инициативы, а более серьезный дефицит – к невозможности совершить активное действие. В свою очередь избыток дофамина способствует поведению, связанному с «поиском наслаждений» и развитием гедонистической философии.

Было установлено, что уровень **серотонина** влияет на выработку и определение социального статуса у каждого живого существа. У людей с маккиавелиевским типом личности, то есть агрессивных и целеустремленных, социальный ранг в обществе нарастает по мере повышения уровня серотонина в крови. У людей, принадлежащих к противоположному биопсихотипу, то есть являющихся «уступчивыми моралистами», социальный ранг в обществе падает с повышением уровня серотонина в крови.

Вещества, называемые **нейромодуляторами**, являются болеутоляющими, к их числу относятся **эндорфины**, вызывающие чувство удовольствия и представляющие собой психологический компенсаторный аналог внутренней награды за тот или иной стиль поведения.

Эти и множество иных химических реагентов, вырабатываемых различными частями мозга, способствуют достижению индивидом **нейрофизиологического гомеостаза**, то есть чувства внутренней уверенности, спокойствия, обретения смысла жизни и принадлежности к великой общности.

Только стилистически выверенная идеология, опирающаяся на архаические символы и активизирующая расовый биотип, может даровать вождельный успех в политической сфере. Лозунги – это по сути аналоги нейрофизиологических реагентов нервной системы, максимально консолидирующие наследственные задатки расы.

В. А. Олескин в этой связи вновь констатирует: «Политика во многом опирается на эволюционно примитивные формы социального поведения, возникшие раньше человеческого языка и культуры». Именно поэтому все формы идеологии лучше всего поддаются активизации на невербальном уровне, через жесты, звуки, символы и даже запахи, так как политический лидер способствует выработке биохимического баланса в мозгу своих последователей.

Идеологию можно рассматривать, как расово-специфический эликсир, повышающий жизнеспособность расы. Напротив, идеология чуждой расы вредна и опасна, ибо ведет к биохимическому дисбалансу нервной системы.

Любая форма идеологической обработки ведет к тому, чтобы активизировать в обществе биохимический аналог одной группы идей и подавить другой. Борьба с «угрозой фашизма» или движение за права сексуальных меньшинств апеллируют не к логике электората, а именно к эволюционно примитивным докультурным социальным стереотипам поведения. Весьма важную роль в процессе внушения той или иной идеологии (индоктринирования) играют гормоны – информационные вещества, вырабатываемые эндокринной системой и переносимые с током крови к клеткам во всех частях тела. Идеология одной расы, внушаемая представителям другой, неминуемо ведет к наруше-

нию функционирования эндокринной системы в целом. Известный советский генетик Н. П. Дубинин в книге «Что такое человек?» (М., 1983) подчеркивал: «Мозг человека обладает генетически детерминированными свойствами. Развитие и жизнедеятельность человека невозможны без действия его генетической программы. Человек обладает определенными биологическими свойствами, специфика которых проявляется на молекулярном, клеточном, организменном и популяционном уровнях. Непрерывная биологическая преемственность на протяжении истории человечества обеспечивается наличием в генетической программе каждого индивида типологических черт. Поведение как объект генетического изучения представляет собой количественно измеряемые реакции нервной системы в ответ на внешние воздействия. В таком случае вопрос о роли генотипа решается с применением расчета коэффициента наследуемости, что принято для количественных признаков».

Впрочем, еще Френсис Гальтон указывал, что «совесть, талант и другие чисто человеческие свойства – это биологически детерминированные черты личности, передающиеся через половые клетки поколениям».

Посему, сообразуясь со всем вышеизложенным, можно смело утверждать, что **распространение того или иного типа идеологии в лоне каждой расы сегодня может быть количественно вычислено и сведено к совокупности нейрофизиологических и биохимических характеристик в целях выявления степени соответствия этой идеологии основному расовому типу.**

8. Психопатология монотеизма

Однако не только тип идеологии, но даже тип мировоззрения, детерминированного расой, имеет жесткое естественно-научное объяснение.

Свыше 90% информации человек получает посредством зрения, однако различные расы видят мир по-разному, причем не в переносном, но именно в прямом смысле. Статистика расовых различий в области цветового восприятия также накапливается уже десятки лет по всему миру и невольно наталкивает нас на новые размышления и выводы. Для объективности анализа сошлемся на отечественные работы. К. Б. Булаева и С. А. Исайчев в статье «Популяционно-генетический анализ некоторых параметров цветового восприятия» (Вопросы психологии, 1984 N4) пишут: «В современной психогенетике основное внимание исследователей обращено прежде всего на выявление роли генетических факторов, обуславливающих формирование и развитие таких интегральных характеристик психики и высшей нервной деятельности, как интеллект, темперамент, восприятие, память, ЭЭГ, свойства нервной системы. Перспективным может оказаться поиск и выбор в качестве объекта генетического анализа таких компонентов психической или высшей нервной деятельности, которые имеют явную генетическую детерминацию и влияют на формирование более сложных свойств и параметров, функционально связанных с этими компонентами».

Таким образом, выясняется, что количественные характеристики нервной системы определяют свойства психики, а та в свою очередь связана с типом мировоззрения.

Значит, для его идентификации и выявления необходим статистический учет параметров на расовом и этническом уровне. К. А. Булаева и С. А. Исайчев развивают эту мысль так: «Известно, что генотипическая архитектура полигенных и моногенных систем, лежащих в основе формирования структур и функций организма, зависит от генетической структуры популяции в большей степени, чем от генетической природы самого признака. Поэтому генетический анализ любого количественного признака с полигенной системой детерминации требует прежде всего учета генетической структуры популяции в целом».

Количественные характеристики, генетическая природа которых хорошо изучена, называются маркерами. Одним из широко известных параметров, удовлетворяющих

этим условиям, является феномен аномальности цветового зрения – так называемая цветовая слепота. В Европе частота встречаемости этой аномалии составляет от 2 до 8%. Одним из важнейших показателей аномального цветовосприятия является «восприятие чистого зеленого цвета», измеряемое в нанометрах. «Частота аномалий цветового зрения в некоторых изолятах значительно отличается от средней частоты аномалий в Европе. Такая высокая концентрация рецессивного гена зеленой слепоты свидетельствует о специфике и интенсивности протекания микроэволюционных процессов в генофондах малых, изолированных популяций человека и их глубокой дифференциации. Дискретный характер вариационного распределения признака «восприятия чистого зеленого цвета» обусловлен влиянием генетического фактора – двумя доминантными генами G1 и G2, имеющими один локус в X-хромосоме» – пишут авторы статьи и приводят результаты полевых исследований в Дагестане, согласно которым, население данной территории поражено дальтонизмом восприятия чистого зеленого цвета на 21%. Но Дагестан – это территория ислама.

А теперь если мы обратимся к фундаментальному многотомному труду «Генофонд и геногеография народонаселения» (Генофонд населения России и сопредельных стран, СПб, 2000, том I), изданному Академией наук под редакцией крупнейшего отечественного ученого профессора Ю. Г. Рычкова, то обнаружим, что среди всего населения указанных обширных территорий по числу генетически пораженных дальтонизмом особенно выделяются евреи и арабы.

В случае с исламом как религией, зародившейся именно среди арабов, получается, что зеленый цвет флагов пророк Мохаммед выбрал именно как маркер, позволяющий выбирать «своих» по принципу цветовой слепоты.

Вообще, предварительный неврологический анализ основных религиозных доктрин дает большую пищу для размышлений. С началом изучения библейских текстов на научной основе, приблизительно к середине XIX века возникла такая самостоятельная наука, как **критическая библеистика**, в которой довольно быстро оформилось направление исследований, **политический монотеизм**. Непредвзятый анализ текстов вскрыл противоестественность и даже искусственность самой идеи Единого Бога, возникшей стараниями египетских жрецов в XIV веке до нашей эры при дворе фараона Аменхотепа IV. Когда в 1907 году американский археолог Теодор Девис обнаружил запечатанную гробницу фараона в Долине Царей, то на фресках, по традиции изображавших жизненный путь царя, можно было отчетливо видеть, что с детства это был хилый и болезненный мальчик, с чрезмерно большой по сравнению с телом головой, тяжелыми, сонными веками, сентиментальным, безвольным выражением лица и пухлыми женскими губами. Профессор Эллиот Смит, проводивший медицинское освидетельствование мумии фараона, дал однозначное определение, что по неестественной форме черепа можно заключить: Аменхотеп IV страдал эпилепсией и скончался ненасильственной смертью в возрасте 30 лет. Историки же, восстановившие жизнь древнеегипетского фараона и, в частности, тот факт, что одна из трех его дочерей умерла в детстве без видимых внешних причин, дают нам теперь окончательный ответ – фараон был наследственным дегенератом.

Практически в каждом учебнике по психиатрии указывается, что основным симптомом эпилепсии является бред монomanии. Не удивительно, что впервые при дворе этого египетского фараона пышным цветом расцвели религиозный шовинизм и нетерпимость: изображения других Богов начали уничтожать и стали сжигать богослужебные книги.

Примечательно, что культ Единого Бога впервые развился и оформился в долине реки Нил, то есть в естественной впадине. Заострим внимание на этом геофизическом факте.

Религиозный переворот Аменхотепа IV, впрочем, потерпел крах одновременно с его скоропостижной смертью, но зловредная религиозная ересь монотеизма, порожденная при дворе фараона-эпилептика, не исчезла, так как приблизительно сто лет спустя ее реанимировал беглый жрец Моисей, изгнанный из коллегии жрецов за убийство. На Севере Аравии в оазисе Кадеш он заключил договор с племенем беглых каторжников хабиру и реанимировал проект, предложив им вновь идею Единого Бога.

По мнению многих независимых исследователей Ветхого Завета, Моисей также был эпилептиком, в книге «Исход» он сам о себе пишет: «Я тяжело говорю и косноязычен».

Современный отечественный писатель и историк религии С. Н. Плеханов пишет: «Единобожие возникло вовсе не из-за более высокого уровня осмысления действительности – оно скорее отражает убожество мира, породившего его. Вспомним, где оно возникло – в пустыне однообразной и унылой. У дикарей-кочевников, ведомых Моисеем, беглым жрецом из Мемфиса, в течение десятилетий была перед глазами эта унифицированная природа, вот и родилось убеждение в том, что ею повелевает какая-то одна сила. В тех краях, где жили культурные народы древности, ландшафт был куда богаче – леса, горы, моря, реки. Оттого религиозные воззрения сложились иные – мир виделся не как сольная партия творца, а как симфония, бесконечно длящееся действие, огромная арена борьбы многих сил».

Крупнейший французский историк религии Альберт Ревиль также свидетельствовал: «На голых скалах Синая не было элементов для сколько-нибудь богатой мифологии». Его соотечественник Эрнст Ренан в свою очередь писал о возникновении идеи Единого Бога, как о «монотеизме пустыни».

В то время как все арийские религии зародились на возвышенных местах, горах или плоскогорьях, религиозное творчество семитического духа в противоположность этому проистекало во впадинах: устье Нила, оазисе Кадеш в Аравии, берегах Мертвого моря, где зародилось христианство. Арийский дух всегда стремился населить величественные горы множеством Богов. Греческий Олимп, плоскогорье в Центральной Азии – эпицентр возникновения зороастризма, наконец, горы Непала – родина Будды. Древние германцы, славяне и кельты, исповедывавшие многобожие, также в культовых целях насыпали курганы. Неудивительно, что в мизерном блюдце оазиса, окруженного раскаленными песками, мог поместиться только один Бог, другим уже просто не нашлось бы места.

В этом и следует искать признаки ревнивой капризности иудейского Бога Яхве, при всей бравате могуществом которого, тем не менее, создается впечатление, что ему просто не хватает места. Все действия в Библии с участием сверхъестественных сил напоминают склоку на кухне в коммунальной квартире – максимум страстей в минимуме объема. Великий немецкий поэт Генрих Гейне, будучи по национальности евреем, в пылу гнева оплакивал религию своих предков, как «долины нильской цепкую заразу, нездоровую египтян древних веру». Крупнейший древнеримский историк Корнеллий Тацит с возмущением писал, что идея Единого, исключительного Бога – это одна из самых омерзительных идей на свете. Известный английский историк XX века Арнольд Дж. Тойнби объявил, что библейский монотеизм – это источник современного экологического кризиса. Боги, люди и природа составляют единое целое в любом языческом политеизме, в Библии Бог не являет себя в мире и никак поэтому не зависит от него. Бог Ветхого Завета – это капризный деспот, вольный делать все, что угодно со своими творениями и миром. Освальд Шпенглер считал монотеизм продуктом особой души, которая разработала специфическую магическую концепцию двойной вселенной, иного мира, мира Божества. Согласно этой концепции, смысл событий, происходящих в этом мире, простирается за его пределы. Современный языческий бельгийский философ Кристофер Жерар считает: «Говорить о единичном значит быть слепым к иным реальностям, и в этом смысле монотеизм – настоящее духовное уродство, усугубляемое его

авторитарностью на практике. Благочестие языческих эпох не имеет ничего общего с монотеистическим бесчестием, которое ведет к разрушительному нигилизму». Мексиканский писатель Октавио Пас назвал монотеизм «одной из величайших катастроф человечества». Наконец, даже Лев Николаевич Толстой в период своих религиозных исканий высказал следующую радикальную мысль: «Бог какой-то странный – дикий, получеловек, получудовище, по прихоти сотворил мир, какой ему хотелось, и человека, какого ему хотелось, и все приговаривал, что хорошо... Но вышло все очень нехорошо. Человек попал под проклятие и все его потомство».

В наиболее ясной и последовательной форме отношение критической библеистики к концепции Единого Бога было высказано русским ученым Н. М. Никольским: «Проблема, нами поставленная, решается ясно и последовательно в смысле решительного разгрома тенденциозной концепции об извечном еврейском монотеизме. Не только еврейский монотеизм есть легенда, но и всякий монотеизм есть легенда. Иудаизм был монотеизмом в богословских формулировках, но он не был монотеизмом в своей сущности. В действительности же догмат монотеизма является одной из самых фантастических легенд, одним из самых больших обманов религии».

Оценивая психофизиологию создателей обмана, отечественный ученый В. М. Кайтуков весьма метко назвал этих людей «негативными пассионариями».

В случае со следующей семитической религией – христианством ситуация выглядит аналогично. Крупнейший итальянский библеист Аброджио Донини так описывает откровенно патологическую среду его возникновения: «Зона расположена неподалеку от древнего города Иерихона к югу от долины реки Иордан на 300 метров ниже уровня Средиземного моря. Почва этой пустыни бесплодна и разъедена ядовитыми отложениями солей, оставшимися после морских вод, некогда покрывавших все это пространство. Поверхность ее изборождена руслами многочисленных потоков, сухих летом и бедных водой в короткий период дождей. Это те самые места, где по евангельскому преданию проповедывал Иоанн Креститель и куда Христос удалился для сорокадневного поста в пустыню».

Мертвое море, район не пригодный для жизни, ландшафт, не возбуждающий своими красками здорового возвышенного воображения и не стимулирующий развитие мифологического мышления: смертоносные соляные отложения, резкий переход от солнцепека к тени, а также впадина, расположенная ниже уровня моря. Даже из курса школьной физики и природоведения известно, что такая нездоровая атмосфера могла воздействовать на экзальтированные фанатичные умы первых последователей Христа, состоявших сплошь и рядом из отбросов общества. Самое же главное заключается в том, что нервная система человека, длительно находящегося на местности, расположенной ниже уровня моря, претерпевает необратимые изменения, что ведет к развитию многочисленных патологий.

Бесноватым и невменяемым Христа считали иудеи, а также и римский наместник. Создатель христианской церкви апостол Павел был эпилептиком, так же как и создатель ислама Мохаммед. Не нужно быть большим знатоком истории, чтобы знать элементарные факты, свидетельствующие о нетерпимости и жестокости адептов христианства и ислама. Но в свете обобщения естественно-научной и религиоведческой информации закономерно получается, что **возникновение и распространение самой идеи Единого Бога прежде всего связано с патологическими факторами строения нервной системы, предопределяющими развитие бреда мономании, а также с повышенной агрессивностью и дальтонизмом. Именно сочетание этих негативных признаков и способствует созданию пирамиды монотеистической философии. Бессознательная и беспричинная жестокость вкупе с генетической неспособностью различать цвета и оттенки автоматически толкает людей в лоно концепции Единых Бога, Истины, дьявола или абсолюта. До всякой единственности нужно не до-**

расти, но опуститься, в том числе и в смысле идеологического убожества. Проблема арийского политеизма и семитического монотеизма – это не проблема свободы религиозного выбора, но прежде всего расово-архетипической конструкции мозга.

9. «Правые» и «левые» расы

Рассмотрим еще один аспект врожденных различий расовых архетипов, особенно важный в силу повседневного и неосознанного оценивания их в быту.

«Стойте справа», «держитесь правой стороны», «это правда», «вы правы», – эти привычные слова мы слышим довольно часто, нисколько не вникая в их метафизический смысл, между тем как лингвистическая философия, вооруженная теорией языковой картины мира, объясняет, что подсознательный выбор правой перспективы для всех народов индоевропейской языковой группы обусловлен их архетипом. Направление письма слева направо, правостороннее движение на дорогах – это достояние, которое мы получаем при рождении, как нечто само собою разумеющееся. Вектор любого мыслительного и нравственного усилия арийца, проецируясь на метафизический план, непреодолимо влечет его в Царство Правы – священный мир чистоты, правды и высшего смысла. «Вы правы», «вы оправданы», – эти слова звучат как окончательный приговор, не требующий никакого пояснения. Слова «правый», «правдивый» исполнены в нашем сознании таким всеобъемлющим смыслом, что с легкостью покрывают любые факты, феномены, чувственные состояния, метафизические категории, даже целые культуры и цивилизации, но от бесконечного употребления выразительная емкость их нисколько не ослабевает.

Движение направо, то есть по часовой стрелке – это особенность, отличительная черта арийского архетипа. И ведь неспроста даже конструкция, удерживающая линзы на нашем носу и помогающая видеть, носит название оправы. Справить свадьбу или править бал – эти особенно важные в эмоциональном и эстетическом плане явления также выражаются с помощью все той же терминологии Правы.

Крупный русский исследователь А. Афанасьев в книге «Поэтические воззрения славян на природу» (М., 1994) по этому поводу писал: «По убеждению простолюдина, с правой руки человека стоит добрый ангел, а с левой – злой; не плюй направо, чтобы не отогнать от себя ангела-хранителя; плюнешь налево – попадешь в черта, и потому советуют, вставая поутру с постели, плевать в левую сторону и растирать слюну ногою: этим средством прогонишь нечистого и в этот день он уже не будет записывать за тобою грехи... Вставать с постели должно правою ногою, встанешь левою – весь день будешь не в духе: брюзглив и невесел; обуваясь и снимая обувь, следует начинать с правой ноги; кто, входя в дом, ступит наперед правою ногою, того ждет хороший прием; при древних гаданиях славяне наблюдали, какою ногою переступит священный конь через положенные жерди – правой или левой, и в первом случае ожидали успеха, в последнем неудачи... Под влиянием этих воззрений слово **правый** получило значение всего нравственно-хорошего, справедливого, могучего (право, правда, правило, управа); то же соотношение понятий запечатлено и в языках немецком и французском».

Известный современный отечественный ученый Александр Васильевич Подосинов изучению данной проблемы посвятил фундаментальную монографию «Ex oriente lux!: Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии» (М., 1999). В ней он подчеркнул, что в Индии около 1500 года до н. э., то есть в период завоевания ее ариями, установилась такая же система расово-архетипической ориентации, так как в «Законах Ману» сказано, что жрецу предписывалось не есть того, «что в левой руке».

Священные ведические обряды также совершались круговым ходом слева направо. И океан, согласно представлениям древних ариев, «течет слева направо».

Точно такая же картина наблюдается и в культуре древних ариев зороастрийского Ирана.

В Древней Греции при гадании жреца во время ауспий птица, прилетавшая слева направо, считалась несущей благоприятное знамение, а справа налево – несчастье. Вообще, в греческой мифологии все левое связывалось со злом и разрушением, а правое с добродетелью и благом. Великий Пифагор данному вопросу посвятил целые трактаты, а Платон в свою очередь писал, что Олимпийским Богам надлежит уделять высшие почести – «все нечетное, первичное и правое», а подземным Богам – «все четное, вторичное и левое». Это предпочтение правой стороны отражалось даже в ношении одежды. Так, в одном из сочинений известного комедиографа Аристофана Посейдон обращается к варварскому богу Трибаллу, ведущему себя грубо и невоспитанно: «Ты что ж, чудак, налево плащ перекинул? Закинь направо, как то наш обычай велит».

У древних этрусков с левой стороны связывалось все зловещее и неблагоприятное, и термин, обозначающий это (*laevus*), плавно перекочевал затем в латинский язык.

Для неукоснительного предпочтения правой стороны Витрувий рекомендовал в Риме сооружать храмы с нечетным числом ступеней, чтобы правая нога, с которой следует начинать восхождение к платформе храма, могла ступить затем и на самую платформу.

По Арнобию, римляне-язычники жертвовали левым Богам только черных животных, а правым – белых, потому что правые – это Боги небесные, а левые – подземные. Вергилий описывал два пути в подземном царстве мертвых, из которых один – правый, ведет в блаженный Элизий, а другой левый – грешников на муки в Тартар.

Итак, мы видим, что народам, принадлежащим к единому кругу первоначального распространения ариев, свойственны позитивное отношение к правому и, вместе с тем, негативное к левому. Причем существование данной бинарной системы предпочтений никак не может быть объяснено воздействием неких абстрактных культурных влияний, но только спецификой архетипа, уходящего корнями к изначальной расовой конструкции мозга создателей данной пространственной системы ценностей.

Однако если мы примемся изучать архаические культуры Евразии, находящиеся за пределами ареала распространения древних ариев, то без труда обнаружим, как картина предпочтений сменится на зеркально противоположную.

Великий древнегреческий историк Геродот, описывая «странности» различных народов, упоминает: «Эллины пишут свои буквы и считают слева направо, а египтяне справа налево. И все же, делая так, они утверждают, что пишут направо, а эллины – налево». Другой известный древнегреческий историк Плутарх пересказывал одну египетскую культовую песню скорби, в которой оплакивались все рожденные в пределах левой стороны Нила и погибшие в пределах правой. В «Книге Мертвых» одна из Богинь загробного царства сама о себе говорит, что восседает «в правой стороне неба». Нил – податель жизни, согласно мифологическим представлениям древних египтян, также рождается в левой стороне и умирает в правой.

Историки современной эпохи сходятся во мнении, что египетской ментальности эпохи фараонов было свойственно представление о правой стороне как символе смерти.

Жрецы древнего Вавилона также рассматривали левую сторону как преимущественную перед правой, а все свои астрономические вычисления и магические действия выполняли справа налево, то есть против часовой стрелки. Жители Шумера и Ассирии одевались в соответствии с левосторонним движением: обволакивали свое тело тканью, начиная с левой подмышки, и, протянув ткань за спиной на правое плечо, снова протягивали ее к левой руке.

По вопросу о значении правой и левой сторон в Древнем Китае нас просвещает главная книга даосизма – «Дао дэ дзин» («Канон пути и благодати»), авторство которой приписывается Лао-цзы (VI век до н. э.) и в которой дословно сказано следующее: «Че-

ловец совершенный обычно рассматривает левую сторону как более почетную, но во время войны – правую. По случаю праздников почетное место – по левую руку; в случае траура – по правую».

Иудеи, пишущие справа налево во времена существования Второго храма Соломона, также осуществляли его обход против часовой стрелки. Арабы тоже пишут справа налево.

Рассеянные по всему миру евреи со временем начали оказывать все большее и большее влияние на культурную, политическую и экономическую жизнь Европы. В новое время это влияние достигло своего апогея в череде буржуазных революций и прежде всего в Великой Французской революции. Евреи получили эмансипацию в условиях нового общественно-политического строя. Замкнутые по началу в условиях иудейских общин диаспоры, они влились на равных условиях в европейское сообщество. Но, принимая европейский облик, они, тем не менее, принесли с собой окружающим особенности своего расового менталитета. Само слово «революция», означающее радикальный слом существующего патриархального уклада и консервативной системы ценностей, устойчиво начало ассоциироваться с левой частью политического спектра.

Слова левый, гуманистический и прогрессивный постепенно стали синонимами, так же как правый, консервативный и реакционный. Противоестественная египетско-халдейско-иудейская система пространственной ориентации расцвела пышным цветом в среде белых европейских народов, воспитанных на базе действия расовых стереотипов древних ариев. А с воцарением идеалов внука раввина Карла Маркса коммунизм окончательно был идентифицирован как левая идеология и объявлен надеждой всего прогрессивного человечества, а всех тех, кто ему противостоял, списали в правые мракобесы и фашисты. Так был обезображен и осквернен архетип белой расы.

Развитие современной неврологии и смежных наук подтвердило и детализировало данную картину мира. Канадский биополитик Ж. Лапонс в своей книге «Левши и политика» (1976) показал, что левши отличаются от правшей в политическом аспекте: правши и в политике относительно часто придерживаются правых, то есть консервативных взглядов, а левши тяготеют к левым взглядам (реформисты, модернисты и революционеры). Из работ Лапонса вытекает также, что количество официально зарегистрированных левшей можно рассматривать как своего рода мерило «демократии»: чем более демократично государство, тем более высок процент левшей в составе его населения, судя по официальной переписи. Лапонс полагал, что в недемократическом, например, тоталитарном государстве господствует дух конформизма, и левши вынуждены переучиваться, скрывая свою левизну, поэтому их количество существенно занижается в данных переписи.

Крупный современный биополитик А. В. Олескин в своей книге «Биополитика» (М., 2001) также подчеркивает: «Различные культуры в человеческом обществе тяготеют к преимущественному развитию левого «логического» или, напротив, правого «образного» полушария. В политическом лидерстве можно также выделить два стиля – левополушарный, ориентированный на логику и трезвый расчет, но часто «бескрылый», и правополушарный, ориентированный на образное видение решения политических проблем, часто устремленный в будущее».

Однако мы должны констатировать со всей очевидностью, что насаждение принципов функционирования архетипа одной в лоне другой расы неминуемо ведет к структурным дисфункциям, выражающимся в увеличении числа нервно-психических отклонений.

Отец криминальной антропологии Чезаре Ломброзо приводил убедительную статистику, согласно которой среди закоренелых уголовников и заключенных тюрем левши встречаются много чаще, чем среди нормальных людей в свободном мире.

Эксперт по азартным играм Джон Скарн в своей книге «Пособие для игроков» писал, что среди профессиональных шулеров левши встречаются очень часто. Великий немецкий расовый теоретик Ганс Ф. К. Гюнтер указывал, что среди пишущих левой рукой гораздо выше процент бисексуалов. И действительно, новейшие исследования подтвердили тот факт, что именно правое полушарие отвечает у человека за ориентацию в собственном теле.

Известный отечественный ученый В. В. Иванов в книге «Чет и нечет» (асимметрия мозга и знаковых систем) (М., 1978) также указывал, что формализм в искусстве – это результат деятельности левого полушария. Полотна Рубенса созданы правоориентированной конструкцией мозга, а «Черный квадрат» Малевича – левоориентированной, так как правое полушарие в целом отвечает за зрительные образы, в то время как левое хранит их знаковые оболочки.

Главный же вывод В. В. Иванова в его книге состоит в том, что для правого полушария истинными могут быть только его собственные утверждения и команды, а левого – ложными.

Поэтому становится совершенно очевидным, что конфликт культур сводится в первую очередь к различию конструкций мозга их носителей, а сам принцип функционирования мозга человека не позволяет конвертировать ценности правоориентированных рас в ценности рас левоориентированных, ибо они имеют различную неврологическую природу.

Нью-йоркский фотограф Дэвид Эйзендрат изготовил однажды пятьдесят фотографий театральных сцен в двух зеркально-симметричных вариантах и предложил в качестве эксперимента случайным прохожим выбрать то изображение, которое им больше нравится – то есть правильное или перевернутое. 75% опрошенных выбрали правильное изображение, потому что писали слева направо, по-английски, те же, кто писал на иврите справа налево – выбрали перевернутое изображение.

Европейские комиксы располагаются слева направо, а японские макимono – складные полосы с рассказом в рисунках – в противоположном направлении.

Современный американский исследователь М. Гарднер в своей книге «Этот правый, левый мир» (М., 1967) свидетельствует, что многие бытовые мелочи постоянно раздражают левополушарного индивида в «правом» мире и наоборот.

Причина несоответствия «правого» мира «левому» впервые была объяснена в первой половине XIX века, когда французский химик Жан Батист Био обнаружил, что кристаллы кварца способны вращать плоскость поляризации света. А его последователь всемирно известный ученый Луи Пастер нашел, что свойства химических веществ могут быть идентичны, за исключением одного – способности вращать плоскость поляризации света. «Асимметричный живой организм выбирает для питания именно ту форму винной кислоты, которая отвечает его требованиям и, несомненно, соответствует какой-то собственной внутренней асимметрии, а другую форму оставляет без изменения, – либо полностью, либо большую часть», – писал Луи Пастер.

Именно в этом биофизическом принципе и нужно искать корни запрета на вино у арабов, а не в неких своеобразных культурных и религиозных нормах, так как они природно не способны усваивать эту форму винной кислоты, столь любимую индоевропейскими народами.

Дальнейшие исследования установили, что большинство органических веществ, входящих в состав живых организмов оптически активны, и растворы любых химических веществ, наоборот, оптически не активны. «Живыми агентами» называл Пастер вещества оптически активные. Теперь становится понятно, почему в индоевропейской мифологии людей нордического типа неизменно называли «солнечными людьми» или «сынами света». **Насыщенность солнечным светом блондина с голубыми глазами – не поэтическая метафора, но биофизический факт. Соответственно этому и миро-**

воззрение представителей нордической расы имеет иную реальную естественно-научную основу, нежели у представителей иных рас.

М. Гарднер свидетельствует: «В состав молекулы могут входить асимметричные атомы, а сама молекула, тем не менее, может быть в целом симметричной. Именно на этом простейшем уровне и нужно искать фундаментальные противоречия между ариями и не ариями.

Расовые различия – это различия на уровне элементарных физических частиц.

Правовращающими плоскость поляризации света химические вещества называются D, по первой букве латинского слова dexter (правый), а левовращающими – L, по первой букве латинского слова laevus (левый). М. Гарднер подчеркивает: «Почти все вещества, встречающиеся в живых организмах, – это соединения углерода с заложенной в них асимметрией благодаря асимметрии атомов углерода». **Разная концентрация левых и правых соединений углерода и есть ключ к разгадке тайны расовых различий.**

«Трудно себе представить, как могла бы эволюция, создавая такое разнообразие, обойтись без углерода, превосходящего все другие в способности образовывать практически бесконечное множество разных соединений, каждое с особыми индивидуальными свойствами. Соединений углерода известно вдвое больше, чем соединения всех остальных элементов вместе взятых. Ткани всех живых существ Земли от невидимого даже в микроскоп вируса до слона состоят из веществ, содержащих углерод. Некоторые биохимики заходят столь далеко, что саму жизнь определяют как некое сложное свойство углеродных соединений. Углерод – великий строитель, поскольку на внешней оболочке каждого атома углерода есть место для четырех дополнительных электронов. Эти атомы поэтому могут соединяться друг с другом, образуя цепочки бесконечной длины, причем у каждого атома углерода еще останутся две точки, к которым могут «крепиться» другие атомы или группы атомов, как подвески на ожерелье», – пишет М. Гарднер.

Поэтому борьба рас – это в конечном счете есть выражение борьбы различных углеродных соединений в биосфере.

Две молекулы, содержащие точно одинаковое число атомов каждого сорта, но отличающиеся способом их соединения, называют «изомерами». Если две молекулы имеют равное число атомов всех сортов, которые соединены между собой одинаково, то могут ли такие молекулы все же оказаться разными? Да, при условии, что одна молекула будет зеркальным отражением другой. Такая изомерия называется «стереоизомерией». Во всех случаях, когда молекула имеет асимметричное строение, она должна существовать и в другой зеркально-симметричной форме. Если, например, в соединение входят пять асимметричных углеродных атомов, то каждый из них может быть правым или левым, и полное число различных возможных стереоизомеров в этом случае весьма велико.

Почти любое соединение углерода, входящее в состав живой ткани, является стереоизомером, вращающим плоскость поляризации света в определенном направлении. Именно это физическое свойство и предопределяет существование правоориентированных и левоориентированных рас, а не некие абстрактные культурные нормы.

Самые сложные и самые многочисленные из всех углеродных соединений называются белками, и они тоже фиксируют расовые различия. В человеческом организме насчитывается около 100.000 различных белков. У человека в состав одной единственной клетки могут входить до тысячи разных ферментов, которые обеспечивают протекание тысяч различных химических реакций, и каждый фермент является белком. Гормоны, контролирующие деятельность разных внутренних органов, тоже относятся к разряду белков. Ни одна часть нашего организма, включая кости, кровь, мышцы, сухожилия, волосы и ногти, не обходится без белков, постоянно регенерирующих расовые различия.

М. Гарднер отмечает: «Правая и левая модификации любого оптического соединения обладают абсолютно одинаковыми химическими свойствами. Различия проявляют себя очень специфически. Когда асимметричное вещество проглатывается или вводится в кровь путем инъекции, оно также вступает во взаимодействие с асимметричными соединениями, из которых состоит организм. Стереизомер определенного типа усваивается организмом, а его зеркальный двойник выделяется как отброс. В других случаях организм усваивает оба стереоизомера с разной скоростью, реагируя на них по-разному. Почти все асимметричные углеродные соединения, входящие в состав живых организмов, – а таких соединений миллионы – существуют лишь в одной из двух возможных зеркальных модификаций».

Именно поэтому культурные нормы правоориентированных рас не совместимы с нормами рас левоориентированных.

Кристаллы одного вида «мертвы» в одной среде, но стоит ввести этот кристалл в растение или животное того же вида, который поражается этим вирусом, и он сразу начнет свою смертоносную деятельность. Когда вирус нападает на бактерию, его белковая оболочка прикрепляется к ней снаружи и остается там, а нуклеиновая спираль, как бур, проходит сквозь стенку внутрь клетки и начинает наводить новый порядок в механизме воспроизводства. Вскоре клетка начинает изготавливать не свои копии, а захватчика – вируса.

Тлетворное воздействие левосторонних вирусов на правостороннюю белую расу мы можем наблюдать в быту каждый день: в виде пропаганды половых извращений, модернистского дегенеративного искусства и иных противоестественных форм демократии. Даже мода на письмо левой рукой имеет эту же вирусную природу.

Сфера культуры также в полной мере подчинена принципу взаимодействия асимметричных систем. Если, например, левоадреналин вызывает сжатие кровеносных сосудов в двенадцать раз сильнее, чем его зеркальный двойник, а «отраженная» форма витамина С не оказывает на организм практически никакого влияния, то и стереотипы поведения и моральные нормы одной расы могут приводить к психическому и биологическому поражению другой расы.

Пионером-исследователем в данной области у нас в стране можно считать В. И. Вернадского, который в статье с характерным названием «Правизна и левизна», написанной им еще в 1938 году, указывал: «В пространстве, охваченном жизнью, то есть в живом организме, существует под влиянием причины, связанной с таким же состоянием, особое состояние физико-химических процессов, в котором правые и левые явления оказываются различными. Обычные законы симметрии для такого пространства, таким образом, нарушены. Это проявляется в самых различных свойствах живого организма – ярко в том, что образующиеся при метаболизме в организме кристаллические соединения могут давать кристаллические решетки, в которых наблюдаются правые и левые изомеры, резко отличные по ряду своих биохимических свойств. Но оно проявляется в бесчисленном ряде других явлений – больших и малых. Оно проявляется в правизне и левизне, так резко свойственной человеческому организму вообще». Вернадский в своих выводах исходил из открытий Пастера и Кюри. Мало того, он не побоялся данные позитивной науки перевести в область метафизики. Так, в одной из своих рабочих тетрадей, относящихся к тому периоду, он провидчески писал, что метемпсихоз восточных религий есть своеобразное представление о жизни как о процессе обратимом, исходя из принципов диссимметрии, то есть, о правизне и левизне как глобальных и всеобъемлющих явлениях органической природы.

Еще Луи Пастер провидчески писал, что лево-правая асимметрия – ключ к тайне жизни. М. Гарднер в своей книге «Этот правый, левый мир» утверждает: «Жизнь, открытая нам, есть порождение асимметрии мира и ее следствий... Я даже думаю, что все

виды жизни в изначальной своей структуре, в своих внутренних формах являются **порождением космической асимметрии. Вселенная – асимметрична».**

Американский физик Джон Раш еще в 1962 году в книге «Заря жизни» высказал предположение, что во Вселенной в исходной плазме первоначально существовали самовоспроизводящиеся молекулы обоих типов асимметрии. Каждая из них могла питаться только молекулами своего типа асимметрии.

Можно предположить, что сама органическая жизнь во Вселенной возникла как результат взаимодействия асимметричных молекул протоплазмы. Следовательно, возникновение самой природы расовых различий мы должны искать на эволюционном этапе, предшествовавшем зарождению органической жизни во Вселенной. Неравенство рас, таким образом, заложено в самой природе бытия на уровне элементарных частиц. Вообще, жизнь – это следствие неравенства.

Хладнокровное осознание этого факта неминуемо повлечет за собой ревизию всей философии и всей системы ценностей, а также приведет к отказу от самого понятия «человечество», ибо со всей очевидностью выяснится, что планета Земля – это всего лишь один из полигонов, на котором сражаются разнородные асимметричные энергетические субстанции, навязывая друг другу свою мораль и богов, а также иные асимметричные молекулярные конструкции в виде материальной культуры. И ничего фантастического в этом умозаключении нет. Борьба двух миров, имеющих различную природу, заложена в основу космогонии и этики такой древнейшей арийской религии, как зороастризм. Многоуровневое соревнование царств Прави и Нави составляет структуру русских народных сказок и абсолютного большинства мифов и легенд индоевропейских народов. Бинарное деление мира на «правый» и «левый» было также заложено в основу эзотерической системы Пифагора, причем числовые соотношения, сопутствующие этому делению, считались изначальным данным Божественным провидением, лежащим в самой природе всех вещей. Эти базовые принципы античного арийского мировидения уже в новейшее время нашли свое плодотворное воплощение в науке и стимулировали развитие **молекулярной биологии и биосимметрии**, в результате чего были открыты структуры ДНК, РНК и некоторых белков. В современной философии этот принцип нашел свое воплощение в оборачиваемости точек зрения и применяется ныне в повседневной практике политической борьбы, а также создал предпосылки к возникновению качественно новых отраслей знания, как, например, **общая теория систем (ОТС).**

Структурное деление мироздания на уровне элементарных частиц в современной физике получило название **диссимметрии**. Крупнейший отечественный ученый, специализирующийся в вопросах данной проблематики, Ю. А. Урманцев в книге «Симметрия природы и природа симметрии» (М., 1974) пишет: «Диссимметричными называются такие объекты: а) которые изменяются при зеркальном отражении в некоторые отношения вплоть до противоположности; б) не совмещаются вследствие этого со своими зеркальными отношениями; в) существуют в одной, двух или более, чем в двух модификациях». В 1962-1963 годах в биологии было доказано, что требования комбинированной инверсии живой природы нарушаются, поскольку в ряде случаев при переходе D (правого) к L (левому) биообъекту некоторые свойства первого изменяются, притом таким образом, что никакими симметрическими и антисимметрическими операциями из свойств D-формы нельзя вывести свойства L-разновидности. А это вновь свидетельствует в пользу того, что «правые» и «левые» расы имеют изначальное различное строение на молекулярном уровне.

Другой видный отечественный ученый В. А. Кизель в книге «Физические причины диссимметрии» (М., 1985) совершенно ясно указывает: «Проблема биофизики: существование несомненной диссимметрии правых и левых форм живых систем и их «строительных материалов» – простых молекул. Диссимметрия прослеживается во всех жи-

вых системах от бактерий до высших организмов и человека и в самых разнообразных жизненных функциях и отправлениях, вплоть до сферы психики, а также отражается и на морфологии организма».

Именно различная концентрация левых и правых форм молекул в строении организмов дает в конечном счете то разнообразие рас, которое мы имеем сегодня. Различие культур как следствие различия врожденных психических стилей их создателей также имеет молекулярную основу.

В химических реакциях многие биохимические антиподы имеют одинаковые физико-химические свойства, именно поэтому многие расовые различия имеют столь неявную и завуалированную природу. Однако некоторые молекулы и ферменты в организме обладают дискриминационной функцией, притягивая другие элементы только своего знака и отталкивая противоположный. Биохимическая система распознавания «свой – чужой» на всех уровнях иерархии живой системы создает особый код, передающийся по наследству. Различия между правизной и левизной в процессе эволюции всегда только увеличивались. Причем молекулы одного знака ведут постоянную борьбу с молекулами другого знака на протяжении всей эволюции, и при переходе со ступени на ступень она превратилась наконец в борьбу организмов за существование и переросла в войну рас. Принадлежность организма к тому или иному знаку дает ему преимущества в борьбе за выживание.

Поэтому, выражаясь образным языком М. Гарднера, можно сказать, что **«левый» мир противопоказан «правым» расам и наоборот.**

Некоторые физики высказали уже предположение о возникновении диссимметричной жизни в разных особых космических очагах. «Левые» и «правые» формы жизни, таким образом, зародились в разных частях Вселенной, что объясняется разным воздействием спектра излучения электромагнитных полей на живые предбиологические формы материи. В дневном солнечном свете преобладают правоциркулярные поляризованные компоненты, а в лунном ночном – левоциркулярные поляризованные.

Именно на этом первоначальном биофизическом уровне можно объяснить наличие солнечной символики в арийских культах и лунной – в семитических. Культуролог при объяснении этой проблемы вновь окажется в тупике. Излучения Солнца и Луны – это всего лишь частные случаи разной частоты электромагнитного спектра, свидетельствующие о том, что «правые» расы в процессе живительного священнодействия тянутся к правоциркулярному поляризованному свету, а «левые» – к левоциркулярному. В этой связи, великий русский философ В. В. Розанов и назвал иудеев «людьми лунного света» в одноименном сочинении.

В крупнейшей античной арийской религии – митраизме, несколько веков бывшей основным соперником христианства, главное Божество – Митра – всегда именовалось «солнцорожденным».

Главный же вывод в книге В. А. Кизеля звучит совершенно в духе наших общих рассуждений: «Мы видим, что вопрос о происхождении диссимметрии живой материи и живых систем далеко не решен и открывает широкое поле для исследований в самых разнообразных и, казалось бы, отдаленных друг от друга областях науки. Когда-то школа пифагорейцев учила, что Вселенная имеет правую и левую стороны. Мы видим, что этот вопрос, на иной идеологической и научной основе, продолжает занимать человеческий ум и в настоящее время».

Данная аргументация автора не является противоречащей новейшим тенденциям в современной антропологии, ибо крупнейший отечественный ученый В. П. Алексеев в книге «Географические очаги формирования человеческих рас» (М., 1985) указывал: «Локализация самих источников космических излучений оправдывает выделение космических факторов расообразования в особую группу».

Благодаря гениальному провидению В. П. Алексеева вообще открывается перспектива создания принципиально новой науки – **молекулярной социологии**. «Химия человека, или антропохимия, охватывает процессы, происходящие в диапазоне от молекулярного до планетного, и все их объединяет в могучем синтезе, который осуществляется на стыке социальных закономерностей с чисто химическими процессами атомов и их соединений».

Только вдумайтесь, ведь прогресс науки уже сейчас может дать нам реальные возможности объяснения сложнейших культурных, политических и социальных процессов в обществе не просто на уровне физических расовых различий людей, в них вовлеченных, но вывести и сосчитать математически эти закономерности на уровне элементарных частиц. От атомов и их соединений, составляющих уникальную специфику строения расы, представляется возможность протянуть прямой путь к созданию подробного чертежа ее мировоззрения. Гуманитарные дисциплины смогут превратиться в точные науки. Со спекуляциями в духовной сфере можно будет покончить раз и навсегда. Известный принцип «Каждому свое» сможет восторжествовать на всех уровнях бытия расы.

10. Профилактика дегенерации и противостояние распаду

Наконец становится понятно, что расовая теория представляет собой ключ к овладению всей системой мироздания. Но концепция мировоззрения, основанная на ней, будет заведомо неполной, если в угоду абстрактным нормам академической беспристрастности мы не рассмотрим вопрос о ценностях. И здесь нам вновь лучше всего опереться на проверенные временем постулаты классиков науки. Один из основоположников советской психиатрии В. П. Осипов в своей фундаментальной монографии «Курс общего учения о душевных болезнях» (Берлин, 1923) подчеркивал: «Профилактические меры должны предприниматься не только по отношению к физическим факторам, вызывающим душевное расстройство, но и по отношению к психической заразе, которая тоже может распространяться эпидемически».

В свою очередь известный немецкий расовый философ Эрнст Крик (1882-1947) в книге «Счастье и сила» (1943) писал: «Проблема наследственности вообще, поскольку на нее может повлиять целенаправленная человеческая воля, – политическая проблема. И перед врачом встает вопрос, требующий принятия политического решения. Либо он будет руководствоваться фикцией, что все болезни, по крайней мере, в принципе излечимы, либо сочтет, что безнадежно испорченные индивидуальности жизни следует ампутировать ради здоровья целого, как это делает хирург с больными членами тела и судья – с отдельными членами общества».

Современные генетики Ф. Фогель и А. Мотульски в трехтомном учебнике «Генетика человека» (М., 1990) подчеркивают: «В отличие от большинства европейских государств общества двух мировых держав Соединенных Штатов Америки и Советского Союза – состоят из большинства, принадлежащего одной этнической группе, и нескольких меньших, но устойчивых групп. Существование национальных меньшинств создает напряженность и конфликтные ситуации. Самым простым способом разрешения этих конфликтов могло бы быть поглощение большинством групп, составляющих меньшинство».

Политическое руководство Советского Союза не осознало скрытой генетической угрозы многонационального государства, десятилетиями отказывая в поддержке русских как стержневого государствообразующего этноса. Результатом этой недальновидной политической толерантности стал распад Советского Союза. Совершенно очевидно, что неконтролируемый разгул демократии в совокупности с пропагандой ценностей

мультикультурного общества сведет в политическое небытие и другой колосс – Соединенные Штаты Америки.

Хочется закончить наши рассуждения цитатой, которая воспринимается нами как манифест. Один из пионеров отечественной генетики Н. К. Кольцов в статье «Влияние культуры на отбор в человечестве» (Русский евгенический журнал, 1924, том I. Вып. 3-4) провидчески писал: «Процесс вырождения культурных народов может быть приостановлен, если размеры угрожающей опасности будут своевременно осознаны широкими слоями населения и если на эту опасность будет обращено должное внимание в общей социально-экономической государственной политике. Политические деятели и политические партии должны проникнуться тем убеждением, что если они желают строить прочно, а не только для одного или двух ближайших поколений, то они должны заботиться о том, чтобы и в последующих поколениях те генотипные элементы, которые им представляются наиболее ценными, были представлены достаточно полно. Соответствующая расценка групп населения может быть произведена только политическими партиями и государственной властью.

Если государственная власть расценит, таким образом, наследственные качества тех или иных групп населения, то она, конечно, может определенными мероприятиями поставить ценные группы населения в условия, благоприятные для повышенной размножаемости. Надо только помнить, что одним улучшением материального благосостояния данной группы нельзя добиться вполне благоприятных результатов. Необходимо, чтобы улучшение благосостояния связывалось с наличием определенного числа детей. Характер таких мероприятий уже намечен руководителями евгенического движения в различных странах.

Но успех их зависит в значительной степени от того, насколько избранные группы населения сами проникнутся сознанием своего долга перед будущими поколениями и не поддадутся искушениям мальтузианства. При наличии осознанного отношения к своему долгу со стороны наиболее ценных групп населения распространение облегчающего жизнь мальтузианства среди менее ценных групп населения не должно встречать препятствий. Известное значение может иметь также и сегрегация и стерилизация резко дефективных элементов населения.

Естественный отбор, игравший руководящую роль в эволюции всего органического мира и у первобытного человека, под влиянием культуры ослабляется и даже извращается противоестественным отбором. Настало время, пока еще не поздно, заменить его разработанной сознательно по определенному плану системой **искусственного евгенического отбора**. Впервые в истории человечества культура достигнет своего расцвета при наличии определенных знаний относительно громадного значения отбора. Неужели оно не сумеет воспользоваться этими знаниями?!»

РАСОВАЯ ТЕОРИЯ ВРЕМЕНИ

«Человек принадлежит своему веку и своей расе даже в том случае, если он объявил войну им обоим».

Эрнест Ренан

«Уничтожьте восприятие различий и вы уничтожите время».

Жан-Мари Гюйо

Возможно, уважаемому читателю проблема, заявленная в названии данной работы, покажется слишком экзотической и даже отчасти фантастической. Современный мир до предела универсализировал время, которое человеком мыслится как некая субстанция, единая для всех; и достаточно перевести стрелку часов вперед или назад, пересекая часовые пояса в салоне комфортабельного лайнера, чтобы стать сопричастным чужой культуре.

«Время одинаково для всех», – не задумываясь, скажет современный среднестатистический человек и недоуменно пожмет плечами, если Вы вдруг вознамеритесь утверждать, что оно, это самое время, имеет расовые различия.

Однако стоит лишь абстрагироваться от действительности, как два совершенно очевидных факта, лежащих на поверхности общественного сознания, поставят под сомнение тезис о якобы очевидном универсализме времени.

Во-первых, все народы Земли имеют совершенно различные представления о судьбе и, как следствие, разнообразные эсхатологические концепции в своей национальной мифологии. Во-вторых, основные человеческие расы имеют статистически различающееся время полового созревания, что со всей очевидностью отражено в законодательной практике народов, к этим расам принадлежащих. Время полового созревания является одной из важнейших биологических характеристик любого организма, по достижении которого кардинально меняется его поведение.

Если же проанализировать сам смысл слова «время» в различных языках, то его постулируемый средствами массовой информации универсализм вообще исчезает без следа. «Этимологический словарь русского языка» (М., 1959) А. Г. Преображенского показывает, что слово «время» первоначально звучало, как «веремья» и означало вращение, коловращение. Близкое по звучанию слово «бремя» означает тяжесть, откуда и берется просторечивая поговорка «нести свое бремя». Парадоксально, но факт: получается, что первоначальный смысл этого слова «время» становится понятным из словосочетания «нести тяжесть своего времени».

Такое умозаключение вовсе не выглядит искусственным, если мы обратимся к наиболее близким и древним языкам единого индоевропейского корня. В санскрите «bharma» также означает тяжесть, ношу, в зендском «barəman» с точностью передает тот же самый смысл.

Кроме того, русское слово «время» по звучанию сближается с индоевропейской основой «wertmen» и санскритским «vartman», что означает путь, колея, след колеса.

Однако в действительности в Индии слово, обозначающее время, никак не связано с «vartman», для этих целей в санскрите есть слово совсем другого корня «kalah», однако чрезвычайно близкое по звучанию с древнерусским «коло», означающим вращение, откуда и происходит слово «коловрат», служащее для обозначения символа древнерусской восьмилучевой свастики. Существует также общеславянская основа «вертмя», с исчезновением в которой буквы «т» первоначальный смысл слова «время» также озна-

чает вращение. В бретонском языке также существует слово «vremean», что означает «теперь», а «время» по-бретонски «pred».

Большинство лингвистов вследствие этого приходит к выводу, что в индоевропейских языках понятие времени изначально связывалось с определенным внешним проявлением некоего процесса. Мало того, в ходе эволюции это слово меняло род, как, например, древнеирландское «ge» вначале было среднего, а затем стало женского рода.

Немецкое слово «die zeit» связывают с глаголом «ziehen» – «тянуть». По-русски мы говорим «время тянется», немцы вкладывают точно такой же смысл в фразу «die zeit zieht sich». Английское «time» происходит от староанглийского «tima», что сходно со старогерманским «timon» и также означает «простирать», «протягивать».

Латинский эквивалент этого слова – «tempus» иногда принято связывать или с глаголом «tendo» (тянуть) или с глаголом «teneo» (держаться, длиться). Многозначительна близость латинских слов «tempus» и «templum» (храм), ибо первоначально последнее означало священное пространство, которое этрусский жрец очерчивал в полдень.

Множество фактов указывает на сакральность категории времени. Китайский иероглиф «ши», обозначающий время, представляет собой вариант иероглифа «сы» и обозначает также «храм». Имя греческого Бога Хроноса в этом смысле говорит само за себя, так же как имя индийской Богини Кали, происходящее от упомянутого выше санскритского слова «kalaḥ». Бог древних римлян Янус тоже обожествлял собою время, так же как древнеегипетский Тот. В эзотерической части зороастризма – зерванизма – «время» Зерван объявлялось высшим началом. Древнегерманские Богини судьбы норны тоже служили олицетворением времени. Их имена Урд, Верданди и Скульд обозначают прошлое, настоящее и будущее. Они не просто «тянут» некие нити, они ткуют пряжу судьбы. Характерно, что греческое «хронос» близко по звучанию слову «хреон» – судьба, необходимость.

Поразительно сходную картину мы можем наблюдать и в мифологии древних майя. Все обелиски и алтари в их культурах воздвигались с целью увековечения периодов времени. А сами интервалы времени изображались в виде ноши, переносимой на спинах иерархических Богов-носильщиков, таким образом достигалась персонификация дней, месяцев и лет. Вычислив, какие именно Боги будут маршировать в данный день, жрецы майя могли определять их совместное влияние и тем самым предсказывать судьбу человечества.

Этим коротким экскурсом мы вовсе не хотим вторгаться в область точной лингвистики и культурологии, выясняя все нюансы. В свете заявленной темы нам будет достаточно сделать следующие выводы: представление о времени восходит к самым древним глубинным пластам человеческой психики, в связи с чем не случайна и его сакрализация. В каждой группе индоевропейских языков существует свое обозначение времени, единого термина нет. За пределами этой языковой группы картина еще разнообразнее.

Время всегда мыслилось не как универсальная, а именно как субъективная категория, иногда как процесс, который допускает вторжение в него человека. Время можно тянуть, простирать, нести на плечах, как судьбу. Время можно вершить, вот что самое важное. Именно под таким ракурсом и начиналось изучение проблемы времени в античной философии. Основатель милетской школы Фалес говорил, что «мудрее всего время, ибо оно открывает все». Его ученик Анаксимандр первым попытался сформулировать субстанциальную концепцию времени, а Парменид и Гераклит в своих воззрениях разделили его на прошлое, настоящее и будущее.

При всей очевидной для той эпохи революционности философии Платона, метафизическая суть его утверждений архетипична, ибо он высказывался о времени как об отрицании вечности. В своем «Тимее» он писал: «...для начала должно разграничить вот такие две вещи: что есть вечное, не имеющее возникновения бытие, и что есть вечно-

возникающее, но никогда не сущее. То, что постигается с помощью размышления и объяснения, очевидно, и есть вечно тождественное бытие; а что подвластно мнению и неразумному ощущению, возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле».

Далее Платон с присущей ему четкостью воспроизводит архитектуру своего мировоззрения: «Итак, время возникло вместе с небом, дабы, одновременно рожденные, они и распались бы одновременно, если наступит для них распад; первообразом же для времени послужила вечная природа, чтобы оно уподобилось ей, насколько возможно». В соответствии с его взглядами, Бог сотворил «некое движущееся подобие вечности» – вот квинтэссенция представлений о времени в платоновской философии.

Аристотель также внес ощутимый вклад в изучение проблемы времени. В своем известном сочинении «Физика» он высказал весьма глубокие мысли о природе вещей: «...время есть мера движения и нахождения тела в этом состоянии..., для движения «быть во времени» значит измеряться временем и самому и его бытию...»

Но время может течь и не одинаково для всех, оно может различаться для тел, помещенных в него. На эту грандиозную мысль Аристотеля свершенно не обращали внимания материалисты различных эпох, выбирая из его сочинений лишь удобные им универсалистские идеи.» Не надо думать, что находящееся во времени так же необходимо движется, как и все, находящееся в движении: ведь время не есть движение, а число движения, в числе же движения возможно быть и покоящемуся. Именно, покоится не всякое неподвижное, а то, что, будучи по природе способным к движению, лишено его...»

Наконец, номенклатурные материалисты старательно обходят базовое изречение Аристотеля из этой книги: «Без души не может существовать время».

Итак, субъективно-психологический подход в осмыслении проблемы времени наличен.

Величайший оптимист всех времен и народов, Эпикур также считал, что при измерении длительности «должно руководиться непосредственным впечатлением, согласно с которым мы говорим о долгом или коротком времени, и исследовать это впечатление, прилагая его ко времени, как прилагаем его к другим предметам».

Великий философ древности Тит Лукреций Кар, также почему-то записанный в материалисты, в своем главном сочинении «О природе вещей» вообще называет время «каким-то особым видом случайного свойства».

Субъективистский подход на основе дифференциации восприятия времени здесь звучит победным аккордом. Это уже расовая теория времени в чистом виде:

«Также и времени нет самого по себе, но предметы

Сами ведут к ощущению того, что в веках совершилось,

Что происходит теперь и что воспоследует позже».

В этом отрывке достаточно заменить слово «предметы» на «расы», и его можно смело цитировать в любом учебнике по нейрофизиологии, исследующей в частности и проблемы специфичности восприятия времени у разных народов, скорость реакции, порог кожной чувствительности и многое другое, относящееся уже к области компетенции классической расологии.

Стоики великолепно развили идею циклического времени. Бесконечное само по себе, оно в их концепции выступало как вместилище периодически изменяющегося мира, который вновь и вновь возникает, проходит определенные стадии развития и гибнет в результате очередного вселенского пожара. Однако принципиально новых миров не возникает, все возвращается на круги своя с незначительными изменениями.

Расовые теоретики XX века уже на свой лад подтвердили эту мысль античных стоиков, показывая на многочисленных исторических примерах, что народы рождаются, расцветают, чахнут и исчезают в пучине времен, но расы живут вечно, находя свое ис-

торическое, культурное и политическое воплощение во все новых и новых формах при неизменном биологическом содержании.

Эпикур, будто современный эзотерик, объявлял время «свойством свойств», а представитель школы античного скептицизма Энесидем представлял время как функцию деятельности сознания. Две с лишним тысячи лет понадобится человечеству, чтобы экспериментально доказать эти простейшие истины. Неоплатоник Плотин вновь вернулся к озарениям «Божественного Платона», возгласив, что «время есть жизнь души, пребывающей в переходном движении от одного жизненного проявления к другому».

Но предсказанный мудрецами античный цикл развития философии закончился. Секст Эмпирик, явно пресытившись обилием изоощренных концепций о природе времени, вообще отказал ему в праве на существование: «Время – это ничто».

«Блаженный» Августин, ознаменовавший своим творчеством переход от античной философии к средневековой схоластике, буквально добил на излете традиционное архетипическое представление о времени. Цепь живительных превращений бытия разорвана, распятие и Воскрешение Христа объявлены исходной и абсолютной точкой истории, отныне время описывается линейно-поступательно. Ткать судьбу, вершить время, нести его тяжесть на своих плечах – человеку во всем этом отныне было отказано. Великая мистерия борьбы народов и рас объявлена завершенной, и все должно исчезнуть в горниле единого искупления. Поэтому и время теперь для всех объявлено единым и универсальным. Христианская высшая иерархия, будто государственная палата мер и весов, проводит всеобщую стандартизацию и унификацию времени: от сотворения мира до первого пришествия Христа и до второго. Инакомыслящих за покушение на новые эталоны ждут костры инквизиции.

Представители современных точных наук, а также некоторые любители эзотерической экзотики все чаще и чаще в наше декадентское время обращаются к трудам средневековых мистиков и алхимиков в поисках «высших» откровений.

Мы же в свою очередь должны подчеркнуть со всей ясностью, что для расовой теории, равно как и для проблемы изучения времени, это был совершенно пустой и бесполезный промежуток европейской истории. И причина здесь заключена совершенно объективная, ибо церковная теология до такой степени изуродовала догматикой инертное сознание средневекового человека, что понятие «исторического процесса» с большим опозданием появляется в европейской философии лишь на рубеже XVII-XVIII веков. Именно Исаак Ньютон, впервые осмыслив закон всемирного тяготения, сказал, что время является неотъемлемой частью пространства и представляет собой «безграничное чувствилище Бога».

Гердер первым ввел понятие причинности, Фихте развил весьма важные представления о детерминизме, а Гегель убедительно представил историю именно как процесс.

Иммануил Кант в своем блестящем сочинении «Антропология» уже во введении счел необходимым подчеркнуть: «Понятие «мировидения» особенно применимо к познанию человека в его родовых признаках».

Таким образом, Кант по сути первым в новейшее время под исторический процесс развития познания подвел расовую основу. Время различно для всех, и на эту мысль указывает его пассаж из «Критики чистого разума»: «Время не есть нечто такое, что существовало бы само по себе или было бы присуще вещам как объективное определение... Время следует считать действительным не как объект, а как способ представлять». Наконец, Кант всегда говорил о «субъективной реальности времени» и подчеркивал, что «изменяется не само время, а нечто, находящееся во времени». Но что же находится во времени, как не различные человеческие расы, «субъективно» и каждая по-своему несущие его «способ представления».

За полторы сотни лет до первых открытий в области нейрхимии, нейрофизиологии, биофизики и теории информации он интуитивно понял, что в каждой биологической

системе, к числу которых принадлежат и человеческие расы, время течет по-своему. Великий Кант героически отвоевал у полного средневекового забвения античный, в частности платоновский, идеал понятия времени?

Другой гений философии Анри Бергсон уже в конце XIX века со всей силой развил успех в данном направлении, ибо он также связывал время только с живой природой и отрицал его существование в неживой. В своей примечательной книге «Время и свобода воли» он свидетельствовал: «Критика Чистого Разума покоится на постулате, что рассудок наш способен лишь к платонизированию, то есть к вливанию всякого возможного опыта в предсуществующие формы». Легко понять, что «предсуществующей формой» в плане опыта является расовый архетип или «родовой признак», как его называл Кант. Именно поэтому понятно теперь, почему Платон утверждал, что знать – значит наполовину вспоминать. Вспоминать, опираясь на опыт своей расы.

В другой своей книге «Длительность и одновременность» Бергсон делает следующий характерный вывод в том же духе: «Между временем и пространством существует только одно отличие: вдоль времени движется наше сознание».

Но разные расы обладают разным сознанием, и это биохимический факт, который не сможет игнорировать ни один филантроп.

В контексте развития заявленной темы рассмотрим теперь взгляды французского философа и социолога рубежа XIX и XX веков Жана-Мари Гюйо, несправедливо, на наш взгляд, преданного забвению. Его новаторская книга «Происхождение идеи времени», написанная более ста лет назад, но актуальная и сегодня, при всей ясности и взвешенности повествования, тем не менее, и сейчас производит впечатление революционного, нонконформистского сочинения.

Гюйо, кроме всего прочего, был еще и высокочлассным историком религии, что до сих пор придает всем его социальным и философским обобщениям глубину и оставляет впечатление непогрешимости расовой интуиции автора.

Свое сочинение он начал с анализа определения временных категорий в индоевропейских языках, которые ясно различают в глаголах настоящее, прошедшее и будущее, таким образом сам язык вовлекает нас в осмысление структуры времени и причинно-следственных связей. Закрепляя в нашем сознании тот или иной предмет, явление или образ, язык фиксирует их в строго определенной части времени, что само по себе указывает на эволюцию представлений о времени, ибо неразвитые языки способны указывать на движение и без его участия.

«Желая и действуя в направлении наших желаний, мы одновременно создаем и пространство, и время; мы живем, и мир или то, что мы называем этим именем, создается перед нашими глазами. Энергия воли в особенности производит устойчивость памяти».

Далее Гюйо дает поистине потрясающий образ, как нельзя точнее отражающий возникновение архетипической расовой символики: «Абстракция – это ложе времени, которое создается из его течения». Он подчеркивает также, что с психологической точки зрения всякое воспоминание означает сознание чего-то такого, что человек уже не в силах изменить, хотя оно и является при этом его неотъемлемой частью. Так подчеркивается устойчивость расовой психики, которая, по мнению Гюйо, порождает специфическую оценку протяжения времени как «результат внутренней оптики». От филологического анализа эволюции идеи времени французский философ закономерно переходит к анализу эволюции биологической. Время – это результат борьбы за существование среди всех живых существ, ибо даже в нашей памяти ощущения и воспоминания непрестанно борются между собой, и выживают или более грубые и выносливые или эволюционно более приспособленные. В природе один вид всегда стремится подчинить другие, занимающие одну и ту же экологическую нишу. Точно так же в организационной структуре памяти одна черта вспоминаемого нами факта неизбежно стремится вытеснить и стереть другие, при этом время все сглаживает и идеализирует, выталкивая в

жесткой конкурентной борьбе лишь самые живучие и глубокие черты вспоминаемого. Поэтому время антидемократично в своей принципиальной сути, ибо оно рождает в нас дух соревнования и конкуренции.

«Восприятие различий и сходства, первое условие идеи времени, имеет своим результатом понятие двойственности, а с помощью двойственности создается число. Идея числа первоначально есть ничто иное, как восприятие различий в сходствах».

По нашему мнению, именно так в ходе естественной борьбы рас за существование и возникла впервые числовая магия, отражающая их генетический код. Астрономия Стоунхэнджа, пифагорейская числовая концепция, математическая мистика майя, наконец Каббала, номера ступеней и градусов масонов – все это точное и достоверное отражение генетического кода рас, создавших данные учения.

Время – это алгебра расы, которая заключена в ней на уровне генетической программы. «Различия, сходство, число и степень или интенсивность; именно эти факторы лежат в основе идеи времени».

В основе времени, как и в основе любой борьбы, лежит сознательный выбор активной позиции, поэтому Гюйо утверждает: «Будущее есть то, к чему мы идем, а не то, что идет к нам».

Время допускает работу с собой, когда, например, человек чувствует боль и реагирует на нее, чтобы удалить ее источник, то он уже начинает разрезать время на части. Не случайно в мировой статистике информация для оценки благосостояния народов берется по годам, предшествовавшим войнам, эпидемиям, революциям, глобальным катастрофам.

Время способно порождать и болезни сознания, причем даже целых народов, одной из них является «ложная память». «Богоносность», «богоизбранность», равно как «богооставленность» и склеротические потуги воспоминаний о «грехопадении» – наглядное тому подтверждение. Кстати, современные открытия в области нейрохимии и физиологической психологии доказали эти предположения. «Синдром конца мира», присутствующий многим ретивым предсказателям, мистикам и политикам, свидетельствует лишь о поражении теменных частей мозга и к подлинной эсхатологии не имеет никакого отношения.

В заключении своей замечательной книги Жан-Мари Гюйо делает вывод, который был подтвержден данными экспериментальной науки лишь десятилетия спустя:

«Все предыдущее приводит нас к заключению, что время есть не условие, а простой продукт сознания; время не входит в природу сознания, но является его результатом. Времени нет вне желаний и воспоминаний. По нашему мнению, время есть лишь одна из форм эволюции; вместо того, чтобы быть причиной последней, оно само из нее исходит. Действительно, время есть следствие перехода от однородного к разнородному; это дифференциация, вносимая во все. Жизнь и сознание предполагают разнообразие, а разнообразие порождает протяжение времени. Уничтожьте восприятие различий, и вы уничтожите время».

Рассуждая в духе Гюйо и принимая во внимание достижения современных точных наук, мы можем сделать такой вывод, который по своей шокирующей простоте в его времена еще не был возможен.

Время – это естественный результат расовой дифференциации человечества.

Даже Библия, живописуя времена расовой гомогенности человечества (Адам и Ева), свидетельствует, что в Райском саду Эдема времени не было, видимо потому, что не было деления людей на расы.

Следующий этап в развитии представлений о времени также предварял собой развитие целых научных дисциплин, таких как биология, теория информации, генетика, которые подтвердили интуитивные озарения романтиков естествознания.

К числу подобных работ следует отнести совершенно забытую книгу, на сей раз русского мыслителя Валериана Муравьева «Овладение временем» (М., 1924). И это вновь революционное сочинение, многие пассажи из которого можно сегодня без труда наблюдать в повседневной общественно-политической жизни. Сентенции автора, впервые провозглашенные более семидесяти лет назад, сегодня возможно многим покажутся уже набившими оскомину, но четкость постановки задачи еще на заре системных исследований и междисциплинарных изысканий и сегодня способна вызвать уважение к этому очередному забытому русскому самородку. С самого начала Муравьев буквально берет «быка за рога», утверждая: «В общем, все попытки подготавливают реальную технику овладения временем: они вскрывают его подчиненность, его вторичность и тем самым ставят человеческую волю и разум в положение как бы противников, если не властителей времени».

Как кочевник мыслит стихией степей, а пират – бездонными морскими просторами, считая их своими естественными генетическими пособниками в удачливом предприятии, точно так же В. Муравьев увидел во времени удобную стихию, в область которой можно перенести борьбу. И как добросовестный полководец наполеоновского темперамента, он принялся собирать свое войско.

«Ключ к преодолению времени, таким образом, лежит в способности нашей управлять множественностью вещей, ибо множественность логически предшествует времени. Теория овладения временем сводится, в первую голову, к теории построения коллективов живых существ, и прежде всего, коллективов человеческих, а затем и теорий воздействия этих коллективов на так называемые неодушевленные множества». Но ведь именно генетическая консолидация, лежащая в основе расовой идеи, и способна создать это «коллективное сообщество». Автор прекрасно понимает, что даже необузданный революционер должен уметь опираться на опыт предыдущих поколений, поэтому его следующее умозаключение подобно удачному выбору флага, понятному всем. «В каждой культуре философия и наука служат орудиями преодоления времени».

Более чем за пятьдесят лет до начала серьезных работ в области генной инженерии, управления человеческим сознанием и психотронного оружия, автор книги создает иерархию систем овладения временем:

- 1) генетика,
- 2) политика,
- 3) сфера материального производства.

Сегодня основная масса людей занята в сфере материального производства и постоянно ощущает на себе зависимость от касты политиков, но и те в свою очередь ощущают собственное бессилие перед новейшим жречеством, владеющим тайнами человеческой генетики. Совершенно очевидно, что один посредственный разработчик генетического оружия стоит дюжины отличных политиков, ничего не смыслящих в генетике, так же как и любого из числа последних хватит, чтобы нейтрализовать волю и разум тысяч «политически активных» творцов материальных ценностей.

Следующий пассаж Муравьева своей силой, ясностью и сверхчеловеческим озарением буквально повергает в трепет, ибо он производит впечатление рассуждений математика, решившегося на досуге практиковать магию; это уже не платоновская идея отрицания вечности, это схема ее уничтожения:

«Преодоление времени требует множественности или коллективности деятеля. В самом деле, сила действия обусловлена исключительно объединением деятельных элементов, составляющих целое и производящих совместно это действие. Поэтому времяобразующее действие требует непременно, кроме множественности объекта действия, еще множественности его субъекта или деятеля. В этом акте внутренняя множественность объекта сливается с множественностью субъекта. Таким путем создается новый, расширенный субъект действия. Но, кроме множественности деятеля и предме-

та действия, условием преодоления времени является также полное согласование деятельности всех элементов, производящих временной процесс, то есть всех элементов действующей системы. Время может быть побеждено, но одним только путем – путем установления равнодействующей всех проявлений элементов. Объединение их усилий должно идти расширяясь от элемента к элементу, от множеств меньших к большим. Действие по преодолению времени измеряется свойствами действующего множества – его мощностью и степенью его внутренней общности, а победа над временем строго пропорциональна степени этой общности».

Без труда можно догадаться, что этот алгоритм действий в древних гностических евангелиях на заре возникновения христианства изображался напыщенными образами и эзотерическими символами для сплочения «братий». Нынешние предпочитают естественнонаучную терминологию, что нисколько не мешает сплочению их рядов, соблюдение чистоты коих тоже следует вести по соответствующей методике; так же как и вампирить конкурентов по определенной системе:

«Поскольку некоторые члены системы являются сознательными субъектами и создают свое время – часть времени системы им подвластного в виде зависящих от них последовательностей явлений. Остальная же часть времени системы остается принудительной для членов системы, ибо внешне им навязывается. Роль сознания в образовании времени яснее всего раскрывается, если исследовать этот процесс при различных степенях сознательности членов системы. Общее время становится подвластным союзу людей. Равнодействующая их времяобразующих действий есть равнодействующая подвластных им времен. Наоборот рознь членов общества уничтожает эту общую власть. Время системы принудительно для них только в случае розни их и разное».

Объяснение структурной организации феномена Кащей Бессмертного – известного персонажа русских народных сказок – в свете данных концептуальных рецептов становится вполне возможным. Свое бессмертие Кащей покупал ценой борьбы и раздора других мифологических персонажей, искусно сталкивая, собирая их времяобразующие действия, которые в среде «пассивных членов системы» уничтожались без остатка и доставались активному члену системы – Кащейю, преодолевавшему таким образом время. Просто за счет организации топологии и метрики пространства он буквально обирал других, чем питал свое бессмертие. Время в биологической среде Кащей текло медленнее, чем в биологических средах его конкурентов, хотя они все принадлежали к одной замкнутой энергоинформационной системе.

Современная борьба рас происходит точно по такому же принципу. Победа в результате достанется тому, кто в единой энергоинформационной системе Земли сумеет структурно перессорить конкурентов, отняв у них тем самым главнейший из ресурсов живой материи – время. Фатальность долженствующего свершиться обосновывается В. Муравьевым также строго научно, и даже прозрение одиночек не сумеет предотвратить поражение биологических систем с более низким уровнем организации.

«Изменение отношений вещей в смысле обособления их или объединения есть всегда изменение времени. Утверждение себя и укрепление своей длительности, как существование объединяющего центра, и есть создаваемое сознанием преодоление внешнего времени. На место порождаемых объективным процессом отношений вещей создаются новые, диктуемые разумом. Посредством разума мы постоянно воздействуем на время и не его видоизменение. В этом смысл разумных действий. Так называемые не-сознательные элементы или вещи принудительно участвуют во времени, увлекаются безудержно его слепым потоком. Сознательные же существа, хотя они в известной мере подвластны времени, но вместе с тем обладают способностью его делать. Любой акт действительности есть борьба времени принудительного и подвластного. Надо перестать надеяться на готовую вечность и начать **делать время**».

Впрочем, чем закончилось подвластное время для Кощея Бессмертного, мы также хорошо помним из сказок: Иванушка Дурачок разломил яйцо, в котором была заключена игла, чем вызвал агонию и самоликвидацию Кощея. Все вышеизложенное может быть объяснено следующим образом: наш великий сказочный соотечественник первым в мировой истории применил генетическое оружие, поразив наследственность противника, символизированную яйцом, и тем самым уничтожил его время, его стрелу времени, символизированную иглой. Под поражением генома Кощея в данном случае нужно понимать не только вульгарный вирус или какой-то безобидный лишай, но и разновидность излучения, вызывающего мутагенный эффект и включающего на клеточном уровне механизм самоуничтожения биологической системы. Кстати, сам финал в сказках почему-то описан очень подробно и красочно, точно его создавал не неграмотный сказитель, как нас убеждали в школе, а как минимум Лауреат Нобелевской премии по генетике.

Впрочем, как говорится, сказка ложь, да в ней намек...

Однако если же вернуться из лона сказочных вымыслов в современную науку, то приоритет в данной области следует отдать итальянскому ученому Вито Вольтерра – основателю науки под названием **математическая экология**, разработавшему ее соответствующий научный аппарат. Мы настоятельно рекомендуем всем филантропам и гуманистам перед сном читать главный труд его жизни «Математическая теория борьбы за существование» (М., 1976).

Подчинение или уничтожение противника как биологического вида здесь уже рассчитывается с помощью интегралов и дифференциальных уравнений – математических функций, имеющих также и временное измерение. Конечно же, одиозных названий некоторых народов, на которых так любят тренироваться адепты теории мирового заговора, здесь нет, и, как положено, борьба не на жизнь, а на смерть происходит между X и XI веками. Но заменить их на соответствующие названия – дело вкуса и свободного выбора каждого, знакомого с уравнениями Гаусса, тем более, если дается четкое оформление математических моделей: «народ-жертва», «народ-хищник», «народ-донор» и «народ-паразит». **Нужно только, как в детской игре, вначале выбрать, на чьей Вы стороне.**

В начале Вито Вольтерра определяет понятие явления «борьба за существование», под которым он понимает конкуренцию биологических сообществ, живущих в единой общей среде, где в условиях ограниченности пространства и материальных ресурсов один биологический вид необходимо должен уничтожить другой. Далее следуют подробные расчеты противостояния, рассматриваемая именно как **борьба во времени**. «Когда два биологических вида, условно называемых «жертва» и «хищник», сосуществуют в ограниченной среде, первый будет развиваться тем медленнее, чем больше существует индивидуумов второго вида, а второй – тем быстрее, чем многочисленнее будет первый вид. Если два вида истребляются равномерно и пропорционально числу их индивидуумов, то среднее число жертв возрастает, а хищников – убывает».

Далее основоположник математической экологии именно с позиций математики дает важнейшее пояснение к общей теории эволюции: «Невозможно, чтобы виды сосуществовали с ограниченными изменениями».

Это означает прежде всего то, что если «жертва» желает изменить свой экологический статус, она должна сама подвергнуть мутации выживания все свои инстинкты и сознание. Биологическая победа с математической точки зрения представляется кардинальной сменой иерархических принципов организации, а также критерия сборки всей системы. Именно этот генетический обряд трансмутации в мистике и называется инициацией, под которым с медицинской точки зрения следует прежде всего понимать изменение биохимических параметров крови, а те, в свою очередь, влекут за собой гло-

бальную перестройку сознания. Поэтому обленившийся «хищник», «утерявший нюх», сам того не ведая, может в одночасье превратиться в «жертву».

В. Вольтерра ведет стройную цепь рассуждений к обоснованию двух основных правил математической экологии. Из первого явствует, что чем сложнее общество, тем оно устойчивее. Второе свидетельствует, что в биологическом сообществе конкурентная борьба видов наиболее сильно проявляется вблизи положения равновесия структуры этого общества, и это положение равновесия определяется не характеристиками, присущими виду, а характеристиками межвидовых отношений. Это означает, что в условиях единой экологической ниши наибольшие шансы на победу имеет не более сильный в биологическом отношении вид, а вид, способный успешнее реализовывать свои преимущества по отношению к конкурентам. Следовательно, расово-биологическое просвещение своего вида способствует умелому использованию наиболее сильных его сторон и наиболее слабых сторон противника, как биологического вида, что и является залогом выживания.

От себя добавим, что только с точки зрения математической экологии становится наконец понятен один из древнейших сюжетов мировой мифологии, когда «хищник» наслаждается видением предсмертных мук «жертвы», продлевая ее мучения. Все очень просто. Отодвигая неминуемую смерть противника, победитель насыщается энергией агонии организационной структуры противника. Именно эти секунды уже не силового, но исключительно психического противостояния «жертвы» и «хищника» проливают свет на всю глубину расовых отношений. Из истории и мифов мы четко помним, что представители белой расы уничтожают в поединке представителей темных рас легко и непринужденно, не испытывая никакого наслаждения от их предсмертных страданий. Очевидно, потому, что белые люди в процессе борьбы осознают энергоинформационное превосходство своей структуры организации над представителями низших темных рас, страдания которых не представляют для них никакой эволюционно-биологической ценности.

С другой стороны, когда в роли победителя оказывается представитель темной расы, то, как показывает гигантский исторический материал, он никогда не может отказать себе в удовольствии насладиться муками белого человека, который уже обречен. Он буквально выпивает его страдания по капле лишь затем, чтобы хоть как-то усвоить принципы биологического превосходства, которые для него недостижимы.

«Хищник – агония – жертва» – этот универсальный логический ряд расшифровывает суть всемирного противостояния рас. Борьба и ее трагический финал – вот универсальный биологический маркер, по которому определяется иерархическая ценность любой живой структуры. **Наслаждение чужой агонией – удел низших.**

Наконец, именно время, как мы убедились, является той стихией, на которую проецируется финал любой борьбы. Победить означает иметь будущее в трансперсональном смысле, то есть как представителю своего вида, своей расы.

Приблизительно в это же время, в 20-е годы XX века, замечательный русский ученый В. И. Вернадский создает концепцию о жизненном (биологическом) времени, подчеркивая тем самым неравнозначность его течения в различных биологических системах. Источником, причиной и носителем всякого «дления» он назвал именно живое существо. Именно из-за этого специфику происхождения времени следует искать в наследственных свойствах организма. Время – это не самостоятельная субстанция, а признак, атрибут и сопутствующий показатель состояния любого живого существа, имеющего конкретную видовую принадлежность. Жизнедеятельность немыслима без пространственно-временных отношений. При этом наследственность, по мнению В. И. Вернадского, означает в первую очередь организацию биологических кодов во времени.

Осмыслив грандиозные идеи Платона, Канта и Бергсона, русский научный гений придал им уже качественно иное обоснование. В его работах метафизика постепенно стала превращаться собственно в физику, окрашенную тонами непреходящих ценностей.

Параллельно с бурным развитием на рубеже XIX и XX веков антропологии, психологии и биологии, это время ознаменовалось прогрессом в области теории информации и развития средств связи. Открытие азбуки Морзе революционизировало научное представление о природе и сущности информации как таковой. По сути впервые в мировой истории информация была осознана как мощное орудие, самодостаточная ценность и фактор прогресса. И вновь гениальные озарения философов предшествовали открытиям практической науки.

Немецкий биолог Якоб фон Юкскуль в 1909 году ввел в обиход понятие «umwelt», дословно означающее «окружающий мир» или «окружающая среда» и определяющее энергоинформационную нишу в пространстве, которую занимает конкретный биологический вид. Таким образом, в борьбу за существование могут вступать только виды, входящие в один умвельт. Птицы и земноводные, к примеру, или насекомые и млекопитающие хищники имеют различные умвельты, и поэтому сферы их жизненных интересов не пересекаются. Самое же главное в концепции умвельта состоит в том, что то, что является важной энергетической информацией для одного вида, для другого не представляет никакой ценности. Крот легко обходится без зоркого зрения, в то время как орел без него существовать не может. Этот же принцип распространяется и на человеческие популяции, где целые народы могут существовать без развития высшей математики и трансцендентальной философии, обходясь попрошайничеством, разбоем, мелкой торговлей и прочими видами социально-биологического паразитизма. Мелкий шулер легко может обмануть крупного ученого-физика при игре в карты вовсе не потому, что он превосходит того по интеллекту, но лишь потому, что картежник находится в своем умвельте, а физик нет. Изменив энергоинформационную ситуацию вместе с ее социальной проекцией, мы легко добьемся триумфа системного ума ученого над мелкими хитростями картежного проныры.

Уже в середине XX века выдающийся советский биолог И. И. Шмальгаузен вывел данную проблему на качественно новый уровень, объяснив передачу наследственной информации в структуре ДНК с помощью азбуки Морзе. Таким образом генетика получила точную методологическую базу теории информации. Работа И. И. Шмальгаузена «Кибернетические основы биологии» (М., 1968) является фундаментальным сочинением, ибо представители различных научных направлений с ее помощью получили единый понятийный аппарат, а естественные науки обогатились математической точностью вычислений. Шмальгаузен писал: «Наследственная информация передается в закодированном виде и притом вся одновременно в пространственной связи, а не во временной последовательности. При расшифровке этого кода в процессах индивидуального развития информация развертывается также в пространстве, хотя ее преобразование совершается, несомненно, во временной последовательности».

Итак, биология, вооружившись математикой и теорией информации, однозначно засвидетельствовала тот факт, что генетически наследуемые, в том числе и расовые, признаки каждый живой организм реализует во времени и пространстве. В любой биологической системе, включая и систему человеческих рас, время является производной от функции реализации наследственных параметров.

В подкрепление этого важного тезиса следует также сослаться и на труды другого известного отечественного ученого А. Г. Гурвича. В своей книге «Теория биологического поля» (М., 1944) он развил и обосновал теорию, согласно которой каждый живой организм в процессе жизнедеятельности генерирует вокруг себя **биологическое поле**, которое поддерживает видовую, точнее именно расовую специфичность всего организ-

ма в целом. Каждое биологическое поле непрерывно и преемственно, это означает, что не существует состояний живых систем без полей, которые осуществляют и поддерживают видовую специфичность организма из поколения в поколение. Биологическое поле упорядочивает единую молекулярную структуру организма в процессе жизнедеятельности и размножения, оно динамично и обладает вектором направленности во времени и пространстве.

Биологическое поле сопутствует всему эволюционному процессу развития вида, поддерживая и его расовую специфичность. Кроме того, в процессе деления клеток организма оно передает им закодированную наследственную историю вида, а также сообщает генетическую программу дальнейшего оптимального развития.

В свете данных исследований становится очевидным, что синтез естественных и точных наук в XX веке подтвердил давние метафизические обобщения Платона, Канта и Бергсона о том, что время является функцией реализации наследственных расовых свойств организма и не существует само по себе, как абстракция. Время генетически детерминировано биологической системой организма, осуществляющего свою жизнедеятельность. **Время – это функция расы, но не наоборот.** И. И. Шмальгаузен резюмировал: «Жизнь есть борьба. Борьба против равновесия. Жизнь – это обмен веществ, обмен энергией и обмен информацией с окружающей средой».

В свою очередь в эти теории удачно укладываются открытия последних лет в области физиологической психологии, нейрохимии, биохимии и нейробиологии.

Академик П. К. Анохин в своей статье «Химический континуум мозга как механизм отражения действительности» (Вопросы философии №6, 1970) писал: «Все детали организации разнообразнейших органов чувств точнейшим образом «пригнаны» к энергетическим свойствам внешнего мира». Это означает, что новейшие исследования в области высшей нервной деятельности вновь полностью совпадают с постулатами математической экологии, а также подтверждают тот факт, что каждый биологический вид имеет свой умвелт, то есть свою энергоинформационную нишу.

«Современная нейрофизиология на основе нейрохимических молекулярных процессов доказывает, что жизненная значимость отдельных событий представлена в мозгу даже в специфических химических процессах мозга, которые как бы засекают «шаги» этих жизненно важных событий. Так, например, мы имеем различную химию страдания, тоски, страха, радости и других существенных эмоциональных переживаний и событий в жизни человека».

На сегодняшний день в науке прочно утвердилось мнение о том, что различия между расами обусловлены в первую очередь различием биохимических процессов обмена веществ, называемых **метаболизмом**.

Академик П. К. Анохин делает поэтому следующий справедливый вывод: «Организм ищет точно запрограммированных его обменом веществ недостающих компонентов. Следовательно, в протоплазме нервных клеток мозга имеет место подлинный химический континуум, отражающий непрерывность событий внешнего мира, то есть пространственно-временной континуум».

Из всего вышеизложенного можно сделать следующее умозаключение в свете заявленной нами темы:

Наследственная информация о специфических расовых признаках передается в виде закодированных биохимических реакций от поколения к поколению, в процессе передачи этой информации биологическое поле живой системы содействует поддержанию расовой уникальности всей системы во времени.

Кроме того, именно биохимические реакции организма обуславливают специфику энергоинформационного обмена, соответствующую умвелту его расы.

С помощью новейших методов нейробиологии было установлено, что скорость и сложность мыслительных операций в мозгу человека зависит от количества нейронов,

уровня сложности их организации, собственно конструктивной особенности нейронов, а также интенсивности химических обменных процессов. Все эти параметры у представителей различных рас отличаются. Если человек не способен воспринимать высшую математику или трансцендентальную философию, то обвинять в этом нужно не методу учебников и посредственность учителей, а замедленное протекание химических обменных процессов и неудовлетворительную пространственную организацию нейронов у него в мозгу. **Подобное постигается только подобным.** Философию Ницше может усвоить лишь человек со сходной генетико-биохимической конституцией мозга, и абстрактные ничем не измеряемые общечеловеческие ценности здесь ни при чем. Каждому свое.

Академик П. К. Анохин свидетельствует, что идеи, в том числе и политические, имеют биохимический характер и отражены в протоплазме нервных клеток. В свою очередь идеи имеют врожденную генетическую структуру. Еще Платон, Декарт и Лейбниц развивали концепцию «врожденных идей».

Любая внешняя политическая программа в обществе в конечном счете служит адаптации внутренних биохимических процессов в организме отдельных индивидуумов, имеющих генетическую предрасположенность к тем или иным «врожденным идеям». «Правая» и «левая» идеологии стары как мир, так же как демократия и тирания. Требование «гражданских свобод» или «крепкой руки» – это не идеологическая, а биохимическая потребность организма, ищущего баланс между генетической врожденной структурой и биохимическими реакциями в нервных клетках, вызванных внешними политическими событиями. Увлечение анархизмом или фашизмом, демократией или христианскими ценностями – это всего лишь способ предоставить максимальный комфорт собственным мозгам, в соответствии с их генетическим кодом. Лозунги никуда не зовут и ничему не учат, они лишь выполняют роль катализаторов биохимических процессов в том или ином направлении. Любая политическая программа без остатка разлагается на микроэлементы, растаскиваемые в ту или иную часть электората.

В конечном счете по внешнему облику политического лидера без труда можно установить, сколько железа, калия, йода и различных элементов содержится в крови его потенциальных избирателей, и, наоборот, исходя из их биохимической структуры подобрать лидера с соответствующим набором лозунгов-реагентов. Академик Анохин резюмирует: «Континуум уже непосредственно начинает влиять на построение целевого или целенаправленного поведения, сводящегося к активному поиску таких компонентов континуума, которые определяют удовлетворение каких-либо потребностей организма».

Таким образом новейшие достижения в области исследований высшей нервной деятельности существенно обогатили расовую теорию и политологию.

Еще в конце XIX века немецкий философ Ф. А. Ланге в своей книге «История материализма и критика его значения в настоящее время» (С.-Петербург, 1883) говорил об априорности «психофизического устройства», служащего восприятию времени. Но мы теперь знаем, что эта априорность обуславливается ни чем иным, как генетическими различиями рас. Ланге писал также: «Психофизическое устройство, в силу которого мы вынуждены созерцать вещи в пространстве и времени, во всяком случае существуют прежде всякого опыта». Но прежде всякого опыта в человеке заложена генетическая программа, определяемая его расой. Русский ученый П. М. Никифоровский еще в 20-х годах XX века создал концепцию «физиологии времени», уже в 60-е годы советский исследователь Я. Ф. Аскин также отмечал: «Специфичность характера течения времени в различных условиях и связанное с этим понятие собственного времени для каждой системы отсчета (то есть времени, измененного в данной конкретной системе отсчета) требуют при переходе от одной физической системы отсчета к другой преобразовывать не только пространственные координаты, но и временные координаты».

Вернадский говорил ранее о «биологическом времени», Аскин уточнил эту категорию, введя ограничение «физической системы отсчета» в живых структурах, каковыми и являются расы.

Я. Ф. Аскин утверждал также: «По своему происхождению «физическое время» является результатом психологического времени, которое рассматривается как совокупность интуитивных данных». Но ведь интуитивные данные берутся не из безвоздушного пространства, они являются результатом опыта людей конкретной расы.

Крупный советский ученый Н. Е. Введенский аналогично указывал на то, что время напрямую связано со скоростью физико-химических реакций возбуждения, происходящих в мозгу человека. Но ведь эти физико-химические реакции также генетически закодированы, и каждая раса несет свой код. Исследователь Б. М. Теплов в своей книге «Проблемы индивидуальных различий (М., 1961) свидетельствовал: «Время, которое психолог обнаруживает в своем «непосредственном настоящем», не есть та же самая вещь, которой является время, которое физика измеряет со своими колеблющимися атомами».

Итак, современные науки, ориентированные на изучение природы человека, ясно показывают нам, что никакого универсального времени, единого для «всех человеков», в природе не существует. Абстрактное физическое время – это время неживой материи. Русский философ Н. Я. Грот еще во второй половине XIX века осознанно отстаивал эту концепцию, к сегодняшнему дню уже многократно экспериментально подтвержденную. Современная массовая философско-психологическая школа **бихевиоризма** также стоит на позициях биологического детерминизма в истолковании природы времени.

Советский ученый Д. Г. Элькин в своей книге «Восприятие времени» (М., 1962) объяснял материалистический взгляд на данную проблему, в соответствии с которым восприятие времени – это отражение в мозгу объективной длительности, скорости и последовательности явлений длительности.

Расовая теория не имеет ничего против такой постановки вопроса, лишь уточняя, что в силу того, что у различных рас различная структура мозга, то, следовательно, и восприятие времени у них должно различаться.

Советский нейрофизиолог Е. К. Сепп свидетельствовал в связи с этим: «Способность фиксировать последовательность процессов является основной способностью мозговой коры. В основе этой способности лежит динамическая поляризация нейронов». В целом же ориентация во времени у человека осуществляется с помощью корковых отделов мозга. Однако при этом следует подчеркнуть, что любой профессиональный антрополог легко и доходчиво объяснит вам, чем конструктивно различаются черепа различных рас. Кроме того, еще двести лет назад было установлено незыблемое правило, что развивающийся в процессе роста мозг любых живых организмов сам формирует внешнюю конструкцию черепной коробки и никогда наоборот. Следовательно, между формой черепа и спецификой восприятия времени можно установить известную корреляцию, описываемую как в понятиях антропологии, так и психологии.

Д. Г. Элькин дает понять: «Восприятие времени – сложный психический процесс, который только в своей основе обнаруживает физиологическую и биохимическую основу».

Итак, антропология, психология, биология, нейрофизиология по очереди пришли к констатации одного и того же факта: время живой системы, каковой в частности является и человеческая раса, зависит именно от наследственной специфики этой системы и измеряется в соответствии с ее принципами организации. В подтверждение данного тезиса тот же автор пишет: «Повышение температуры уменьшает точность восприятия временных интервалов и сообщает ему ярко выраженную тенденцию к недооценке. С понижением температуры ошибка в восприятии времени становится противоположной той, которая наблюдается в условиях повышенной температуры».

Как не вспомнить в связи с данным научным фактом особую природную пунктуальность, свойственную представителям нордической расы, и крайнюю беспечность южных рас в отношении столь бесценного ресурса, каковым является время. В классической расологии нордическая раса определяется такими качествами, как активность, динамичность, инициативность.

В этом плане весьма много сделал Анри Бергсон для подготовки обоснования расовой теории времени, ибо он ставил длительность в зависимость от действия, совершаемого человеком. Время – продукт действия, продукт усилия, субъективно переживаемого человеком.

Еще один отечественный современный исследователь А. П. Левич в своей обобщающей теоретической статье «Научное постижение времени» (Вопросы философии, №4, 1993) пишет: «Истинный возраст системы может быть измерен не в астрономической шкале, а лишь в шкале собственного времени системы. Но для этого «собственная шкала» должна быть обоснована и сконструирована».

Развитие таких современных наук, как генетика и молекулярная биология позволяет сегодня сконструировать индивидуальные шкалы для измерения времени в различных биологических системах с высочайшей степенью точности. Единица времени, равная интервалу между одноименными фазами деления клеток, называется **детлаф**. Кроме того, время в популяциях измеряется количеством сменившихся поколений. Отсюда становится совершенно понятным, почему время полового созревания у различных рас не одинаково. Потому, что скорость обменных процессов, интенсивность деления клеток в организмах людей и, как следствие, их биохимическая активность и психологическое восприятие времени у представителей различных рас различается.

Различия в структуре и специфике восприятия времени естественным образом порождают дух соревнования и конкуренции у представителей различных биологических видов за овладение им, как самым жизненно важным ресурсом.

Лауреат Нобелевской премии Илья Пригожин, развивая положения современной науки **синергетики**, неоднократно обращал внимание на труды алхимиков, которые ставили себе задачу манипулирования временем, то есть подчинения собственной воле биологического времени организма. Н. А. Козырев в книге «Время как физическое явление» (Ленинград, 1991) также развивал концепцию активных свойств времени. Между тем, психологи П. В. Симонов и П. М. Ершов средствами современной науки так весьма удачно сформулировали это классическое положение древней алхимии: «К числу биологических потребностей относится и потребность экономии сил, побуждающая человека искать наиболее короткий, легкий и простой путь к достижению своих целей. Потребность в экономии сил близка к потребности в вооружении».

Итак, то, что столетия назад формулировалось как озарения философов, затем обозначалось при помощи математических моделей, наконец ясно выявлено средствами современной экспериментальной науки применительно к живым существам: **Время – это оружие.**

Это не просто жизненный ресурс, не просто фактор в процессе лидерства, это мощнейшая стихия, в которой разворачиваются самые настоящие войны за эволюционные перспективы. Время, как и все признаки расы, является проявлением непрекращающейся борьбы за существование.

В свете наших рассуждений вновь сделаем небольшой экскурс в область лингвистики, ибо современный мир до неузнаваемости исказил значение некоторых архетипических категорий, а современная так называемая «академическая» наука профанировала их сакральный смысл.

Древний термин *potentia* (потенция, или возможность) понимался античными мудрецами не в современном абстрактно-теоретическом смысле, как некое основание энергетических процессов, но именно как **причина экспансии**, то есть условие биологиче-

ского распространения одной расы в ойкумене другой. В свою очередь термин *expansio* (простираение, распространение) как раз и обозначает исконно арийскую идею времени.

Древние математики в связи с этим выводили векторное **уравнение экспансии**

$$R = S + U,$$

где

S – переменная фермообразующая величина, а *U* – вектор симметрии биологического объекта или системы в целом. Это означает, что экспансия биологической системы, в том числе и расы, будет максимальной только в том случае, если биологические обменные процессы внутри расы, как совокупности носителей идентичной наследственности, будут протекать в оптимальном режиме. Кроме того, биосимметрия расы должна совпадать с ее внешней формообразующей, то есть ее социальными, идеологическими, политическими, культурными и религиозными институтами.

Только тогда, когда естественные биологические задатки расы находятся в гармонии с условиями существования, мы вправе ожидать от нее максимальную экспансию. Время – это и есть проявление экспансии в ее исключительно расово-биологическом смысле.

Как следствие этого, перевод конкурирующей расы методом оккультно-политического или генетического воздействия в режим неоптимального функционирования уменьшает векторную результирующую ее экспансии. Именно такого рода борьбой на основе древних математических уравнений и занимаются жреческие касты конфликтующих рас до сих пор. Вектор коллективных усилий расы движется во времени так, как мы многократно показывали, поэтому отклонение этих коллективных усилий от оси биосимметрии расы сокращает ее экспансию. Смысл и понятийную основу этого уравнения излагал еще Аристотель, который, как и многие ученые древности, был магом, посвященным в высшие таинства жреческой касты.

Изучением принципов биосимметрии, то есть оптимального функционирования всех жизненных проявлений организма и группы организмов (расы), сегодня занимается такая наука, как **хронобиология**.

На основе экспериментальных данных была выявлена генетическая регуляция биоритмов организма. Современный автор Ю. А. Романов пишет: «Временная организация биологической системы образуется совокупностью всех ее ритмических процессов, взаимодействующих и согласованных во времени между собой и с изменяющимися условиями среды». То есть мы вновь вернулись к выраженному другими средствами векторному уравнению экспансии, теперь в виде биологического времени системы. Н. И. Моисеева и В. М. Сысуев отмечают: «Биоритм отражает течение времени в живой системе, которое «преломляется» через закономерности ее временной организации».

Опять из уравнения Аристотеля, но уже средствами современных наук, мы приходим к обоснованию расовой теории времени. **У каждой расы свое время, измеряемое ее «биологическими часами».**

Специалист в области физической химии Дж. Н. Льюис еще в 1930 году осуществил смелую и радикальную попытку вообще отказаться от объективной временной направленности. Для чего он и создал свою концепцию **«стрелы времени»**, согласно которой чувство времени полностью обуславливается явлениями физики и химии в каждом конкретном отдельно взятом сознании. Сама идея «стрелы времени» таким образом вновь подтвердила векторное уравнение Аристотеля. Г. Хогланд также писал о «химической основе нашего чувства времени», а Леконт дю Нуи в 1936 году развил концепцию **биологического времени**, связанного именно с интенсивностью размножения клеток. «Биологическое время – это основное явление при строительстве живой материи», – писал он. У. Гудди установил, что на нейрофизиологическом уровне определенные части коры головного мозга выполняют роль вычислителя времени.

Мы уже говорили о математических способностях древних индейцев Америки. Любопытен такой факт, что жрецы майя в религиозных целях использовали сок кактуса пейотля, который содержит вещество **мескалин**. Участники религиозных церемоний, выпив этот сок, впадали в транс, сопровождаемый галлюцинациями, отсутствием болевых ощущений, но самое главное заключается в том, что человек терял всякие способности к счету времени.

Всемирно известный математик Норберт Винер установил диапазоны частот мозга, которые и выполняют функцию «живых часов».

В живых клетках генеральным процессом является метаболизм, заменяющий молекулы в составе клеток. Генеральный процесс для многоклеточных организмов – рост, при котором появляются новые клетки и заменяются или исчезают уже существующие. Динамика численности, резюмирующая рождения и смерти особей, составляет генеральный процесс для популяции. Время метаболических процессов, измеряемое в «детлахах», видоспецифично, то есть расовообусловлено, а сама специфика метаболических процессов внутри каждой расы выстраивает ее генетический архетип. Именно поэтому Н. Винер подчеркивал, что в настоящее время «главные проблемы биологии связаны с системами и их организацией во времени и пространстве». Советский ученый В. Г. Богораз еще в 1923 году подчеркивал: «В сущности каждый человек, каждый живой индивид имеет свое собственное время. Люди с сангвиническим темпераментом имеют одно время, с флегматическим – другое, с меланхолическим – третье». Но ведь все то же самое справедливо и для целых рас, имеющих свои типы характеров. Современный отечественный исследователь В. А. Канке также считает, что сейчас на первый план выдвинулась «проблема выявления качественной разнородности времени и что необходимо отказаться от представления: время есть однообразная, ко всему безразличная сущность. Если развивается материя, то с той же необходимостью должны развиваться и ее атрибуты, в частности время».

Н. Н. Брагина и Т. А. Доброхотова утверждают, что индивидуальное время неотрывно от мозга данного человека, но ведь мозг человека имеет врожденные расовые параметры. Г. А. Югай в коллективном сборнике работ «Проблема целостности в современной биологии» (М., 1968) останавливает внимание на том, что в каждом организме существует особое физиологическое время, связанное со спецификой внутриклеточной организации. Современная биология, по мнению этого автора, прямо ставит вопрос о локализации механизма биологических часов в той или иной структуре клетки. Кроме того, Г. А. Югай заявляет: «Биологическое время выражает отношение между живыми системами». Но под живыми системами мы в частности понимаем и человеческие расы. **В связи с чем наш первоначальный экзотический тезис о том, что время есть результат взаимодействия рас, подтверждается самым недвусмысленным образом.**

Биологические часы присутствуют в каждой живой клетке, запуская в соответствии с заложенной генетической программой всю сложную совокупность жизненных процессов. Времяобразующая деятельность отдельных клеток слагается в синхронизированное время отдельных человеческих органов, а те в свою очередь объединяются уже на уровне биоритмов организма в целом. В связи с этим биологическое время имеет многоуровневую основу и иерархичность.

Народы и расы также имеют свои живые «биологические часы», обеспечивающие их максимальную жизнеспособность и, как следствие, потенцию, то есть экспансию. Временная организация любого биологического вида сводится к генетической программе на максимальное увеличение его биомассы. Поэтому любой сбой «биологических часов» неизбежно влечет за собой сокращение жизнеспособности расы. Именно это простое правило и положено в основу всех оккультных войн, которые человечество ведет на протяжении мировой истории. Навязать противнику свою систему летоисчис-

ления, свою сакральную географию, свою архетипическую символику, свою моду, свой «метод делания времени», по меткому выражению Валериана Муравьева, – все это и ведет к сбою биологических часов конкурента.

Современные патриотически настроенные социологи и политологи, сетующие на то, что биомасса русского народа сокращается, предлагают нам множество вздорных рецептов «лечения» нации, не понимая саму суть механизма вырождения. До тех пор, пока русский народ живет по христианскому летоисчислению и совершает молитвы на Иерусалим, а также посещает Мавзолей Ленина, следует чужой моде и поклоняется чужой символике, ни о каком расовом выздоровлении и речи быть не может. До тех пор, пока в качестве эталонов в нашей жизни используются инорасовые изделия, никакое увеличение биомассы и, как следствие, потенция, экспансия невозможны.

Один из виднейших теоретиков сионизма Гарольд Фиш в своей книге «Еврейская революция» писал, что при создании государства Израиль возникли проблемы с календарем, и вопрос был решен в сторону не европейской, а иудейской традиции. «Образно говоря, из нееврейского календаря было вырвано его ядовитое жало». Под «ядовитым жалом» теоретик сионизма как раз и понимал «стрелу времени» или «векторное уравнение экспансии», которое имеет ярко выраженную расовую ориентацию. «Нельзя жить по чужому времени», – именно это ключевое правило знают идеологи всех мировых религий, оккультисты и расовые лидеры.

Английский ученый Дж. Уитроу в заключении книги «Естественная философия времени» (М., 1962) писал: «История естественной философии характеризуется взаимодействием двух соперничающих философий времени: одна из них ставит своей целью его «исключение», а другая основана на вере в его первичность и несводимость».

А современный американский ученый Джереми Рифкин своей книге дал характерное название: «Войны времени. Главный конфликт истории человечества» (N.Y., 1986). В ней автор ясно выражает совершенно аналогичные идеи, утверждая, что нет двух культур, мыслящих одинаково, потому что нет двух одинаковых концепций времени. Каждая культура в плане организации времени уникальна. Рифкин пишет: «Каждая мысль, событие, эпоха в самостоятельной культуре определяются в терминах оригинальной дефиниции, последовательности, структуры, плана, продолжительности, своей нормы синхронизации, обращения, временной перспективы. Каждая культура обладает своим стандартом оценки явлений, всюду время обладает разной ценностью».

Но ведь культуры возникают не на пустом месте, их создают люди конкретной расы и типа, в связи с чем Рифкин закономерно говорит **об «антропологических зонах времени»**. Это означает, что каждый очаг расогенеза имеет свои уникальные «биологические часы», обусловленные именно наследственными характеристиками данной расы.

Символика, архитектура, религия, убранство жилища, музыкальная стилистика, национальный костюм и танцы – словом, все чем так умиляются культурологи, не более чем внешняя упаковка идеи времени данной расы, субъективно ею переживаемой. Сила, длительность и интенсивность тех или иных психических переживаний, общих для всей расы, кодируется во всех ее культурных проявлениях в виде стиля и служит защитной оболочкой от чуждых инорасовых влияний. Культура – это производная от идеи времени и, как следствие, экспансии конкретной расы. Именно в культуре поэтому безошибочно угадываются все недуги, пороки и вместе с тем сильные стороны данной расы. Отчетливо всплывает ее прошлое и легко читается будущее, представленное потенцией настоящего.

Навязывая вместе со своими символами и свое время, каждая культура совершает биологическую экспансию в отношении конкурентов. Гринвичский меридиан и часы на Спасской башне Кремля – это орудия, направленные своими жерлами на стихию времени.

В связи с этим современный ученый Альфред Корцибски считает, что человек – это единственное животное, способное строить время, а Даниэль Дж. Бурстин вообще думает, что время было первым открытием человека, до огня и каменного топора.

Лауреат Нобелевской премии мира за вклад в исследование фундаментальных проблем возникновения и развития жизни на Земле Манфред Эйген в соавторстве с Рутхильд Винклер в книге «Игра жизни» (М., 1979) развивает те же идеи: «Только постоянно используя приток свободной энергии, система может непрерывно обновляться и этим тормозить свое падение в состояние термодинамического равновесия, которое Эрвин Шредингер метко назвал состоянием смерти. Характерный для процессов жизни динамический порядок может поддерживаться только за счет постоянной компенсации производства энтропии».

Именно это правило приложимо, по его мнению, и к функционированию расы, для которой, как и для всех живых систем, главным является логика биологической переработки информации. «Направленность во времени, характерная для всех эволюционных процессов самоорганизации, является и здесь основой нашего внутреннего чувства времени». Немецкий ученый Карл Фридрих фон Вайцзекер еще в середине XX века сформулировал два основных тезиса **биоинформатики** как науки:

1. Информацией является лишь то, что понимается.
2. Информацией является лишь то, что производит информацию.

Методы и приемы оккультных войн как раз и направлены на разрушение биоинформационных процессов в расовой структуре противника. Основной удар при этом наносится по расовому архетипу, являющемуся, как мы показывали выше, выражением метаболических, обменных процессов, присущих данной расе, своего рода ключом, открывающим ее биологическую суть.

М. Эйген и Р. Винклер в связи с этим отмечают: «Масштаб воспроизводимой упорядоченности, то есть емкость накопителя информации, ограничивается узнаваемостью символов».

Символы расы способствуют именно увеличению биоинформационной емкости ее архетипического сознания. Чем узнаваемее символ, тем он архетипичнее, и тем, следовательно, в большей степени отражает суть ее обменных процессов. Звезды всех мастей, кресты и свастики являются отражением этого вечного процесса борьбы архетипов. Кроме того, скорость распознавания этих символов напрямую связана со скоростью эволюции данной расы. Архетипы расы, запечатленные во внешних символах и повседневных атрибутах, влияют через подсознание на скорость и интенсивность ее метаболических, обменных процессов, именно поэтому конкурирующие жреческие касты на протяжении всей истории и ведут непрестанную войну с символикой конкурентов. Овладение символом неизбежно влечет за собой овладение временем.

«С ростом точности переноса информации растет и информационная емкость. Но чем больше эта емкость, тем многообразнее становятся возможности специализации. Эволюция всей биосферы представляет собой величественный процесс накопления информации и образования памяти. Неотъемлемым свойством прогрессивной эволюции является ее направленность во времени. Это качество тесно связано с временным направлением роста энтропии при необратимых процессах», – делают вывод вышеупомянутые немецкие авторы.

Помимо оккультных методов, связанных с дезорганизацией и искажением во времени и пространстве биоинформационных процессов в расовой структуре противника, в последние десятилетия получили развитие разработки в области генетического и психотронного оружия, реализующие свою разрушительную мощь также в привязке к временным процессам, происходящим в биологических структурах. Сама стихия времени милитаризируется с каждым днем все больше и больше. Время становится все более и

более агрессивным и решающим фактором в политике, бизнесе, культуре, религии и, безусловно, повседневной жизни.

В 1966 году в США по инициативе известного ученого Джулиуса Томаса Фрейзера была проведена международная конференция «Междисциплинарные перспективы времени». Затем возникло «Международное общество по изучению времени», бессмертным основателем-секретарем которого и был избран Д. Т. Фрейзер. Материалы конференций, регулярно проводимых обществом в различных странах, отражаются в периодическом сводном издании «Изучение времени». Названия же книг американского ученого говорят сами за себя. «О времени, страсти и познании» (1975), «Время как конфликт» (1978), «Генезис и эволюция времени» (1982).

Вряд ли нужно объяснять, что данная официальная инициатива по междисциплинарному изучению проблемы времени представляет собой лишь видимую часть айсберга, где невидимая и большая – исследования в интересах военных и политических ведомств.

Современные авторы В. Д. Цыганков и В. Н. Лопатин в своей фундаментальной книге «Психотронное оружие и безопасность России» (М., 1999) предельно ясно пишут: «У пси-проблемы есть еще один аспект – **силовой**. Теория физического вакуума Г. И. Шипова объединяет в себе общую теорию относительности (ОТО) А. Эйнштейна и квантовую механику (КМ) Гейзенберга-Шредингера-Дирака и дает в руки разработчиков и исследователей ключ к созданию силовых средств воздействия на топологию и структуру пространства и времени. Появляется возможность создания необычно мощных и эффективных средств когерентного излучения и поражения целей, а также высокоманевренных и экономичных летательных аппаратов (типа летающей тарелки)».

Далее авторы книги на основе струнной теории физического вакуума Ю. А. Баурова объясняют математическую концепцию превышения скорости света и изменения метрики пространства: «Время преодолевается информационно, перестает «течь», так как длительность – интервал перестает существовать, и пространство преодолевается мгновенно».

Самое же главное заключается в том, что силовое использование пси-фактора влияет на генетический код живых организмов, из чего следует, что **любой глобальный конфликт с применением принципиально новых видов вооружения теперь будет неизбежно иметь расовые последствия.**

Силовое излучение может воздействовать на генетическую матрицу расы и ее энерго-информационную оболочку, включая или выключая по воле постороннего оператора в ней те или иные обменные метаболические процессы, что может повлечь за собой необратимые мутации как негативного, так и позитивного характера. Перспектива создания расы сверхлюдей с параллельным переводом рас-конкурентов в состояние «недочеловеков» обретает зримые физические черты, подкрепленные математическими формулами. **Бескровная война теорем** раз и навсегда изменит представления о самой сути грядущих конфликтов, и убеленные сединами генералы вновь проиграют войну, к которой не были готовы.

Биологическое поле любого объекта, в том числе и расы, как мы помним, несет в себе прошлую историю вида и генетическую программу развития на будущее. Таким образом, влияя на энергоинформационную матрицу расы, можно просто «провалить» конкурента во времени, чем и занимался Кашей Бессмертный в русских народных сказках. Кроме того, воздействуя на топологию пространства, можно свести к нулю все действия противника, заставив его в прямом смысле этого слова «топтать на месте».

В. Д. Цыганков и В. Н. Лопатин делают такой правомерный вывод в своей книге:

«И то государство, то правительство, которое первым осознает важность пси-проблемы и сумеет создать интеграцию разнопрофильных научных кадров в едином

проекте ее решения, станет монополистом в управлении сообществом наций и государств».

Как писал великий немецкий ученый Ойген Фишер в своей книге «Антропология» (1923): «Великая битва народов, которая еще не окончена, имеет и свою антропологическую сторону».

В соответствии с вышеизложенными фактами, мы видим, что инорасовые Кашеи Бессмертные уже давно агрессивно воздействуют на биологическое тело русского народа, уменьшая его способность к экспансии и пожирая его эволюционное время жизни. Сценарий запущен, нам осталось лишь вызвать к жизни былинного русского Иванушку Дурачка, не обремененного «по глупости» общечеловеческими гуманистическими идеалами и поэтому способного включить генетическую программу Кашеев на самоуничтожение, чтобы мгновенная агония паразитов вычеркнула их из нашего времени раз и навсегда.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

**Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»**

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).